2 97-19
2 202

ПАТРИАРХ НИКОН
ПРОТОПОП АВВАКУМ

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ,
ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ,
ПОРТРЕТЫ
И
ДОКУМЕНТЫ
В 30 КНИГАХ

РОССИЙСКИЕ СУДЬБЫ

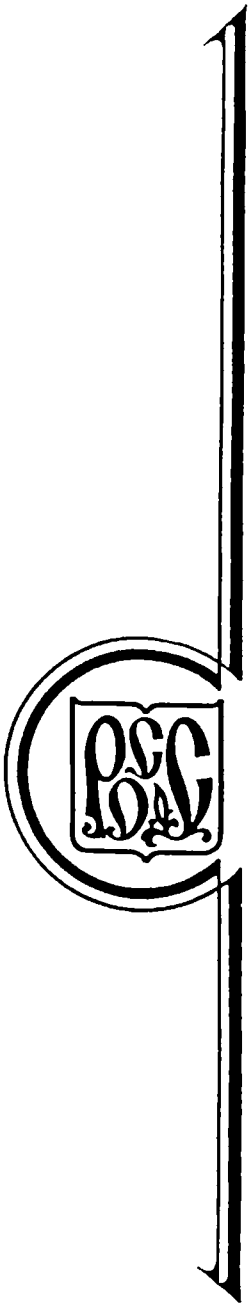
Издатель К.В.Кренов

Москва, «НОВАТОР», 1997

Редакционная коллегия
«РОСС»

С.Н. БАБУРИН —
председатель редколлегии
Б.А. РЫБАКОВ —
научный руководитель

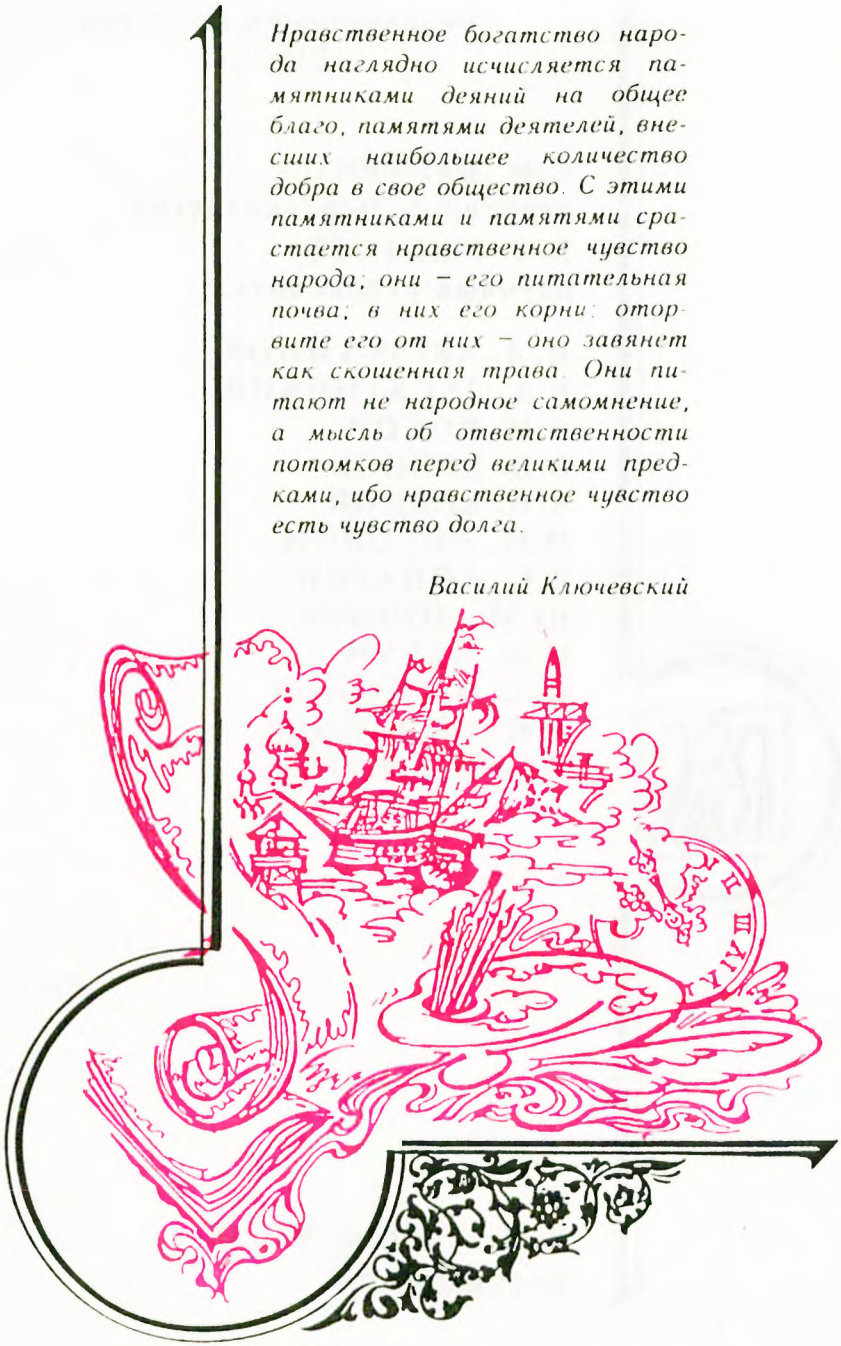
И.Л. АВГУСТИНОВ
В.А. ДЕСЯТНИКОВ
В.И. КОСОВ
В.В. КРЕНОВ
К.В. КРЕНОВ
Н.Н. ЛИСОВОЙ
В.С. ЛОПАТИН
Ю.М. ЛОЩИЦ
И.В. ПЕКУН
О.А. ПЛАТОНОВ
С.Н. СЕМАНОВ
Т.А. СОКОЛОВА



**850 — летию Москвы
посвящается**

Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятями деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятями срастается нравственное чувство народа; они – его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них – оно завянет как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга.

Василий Ключевский

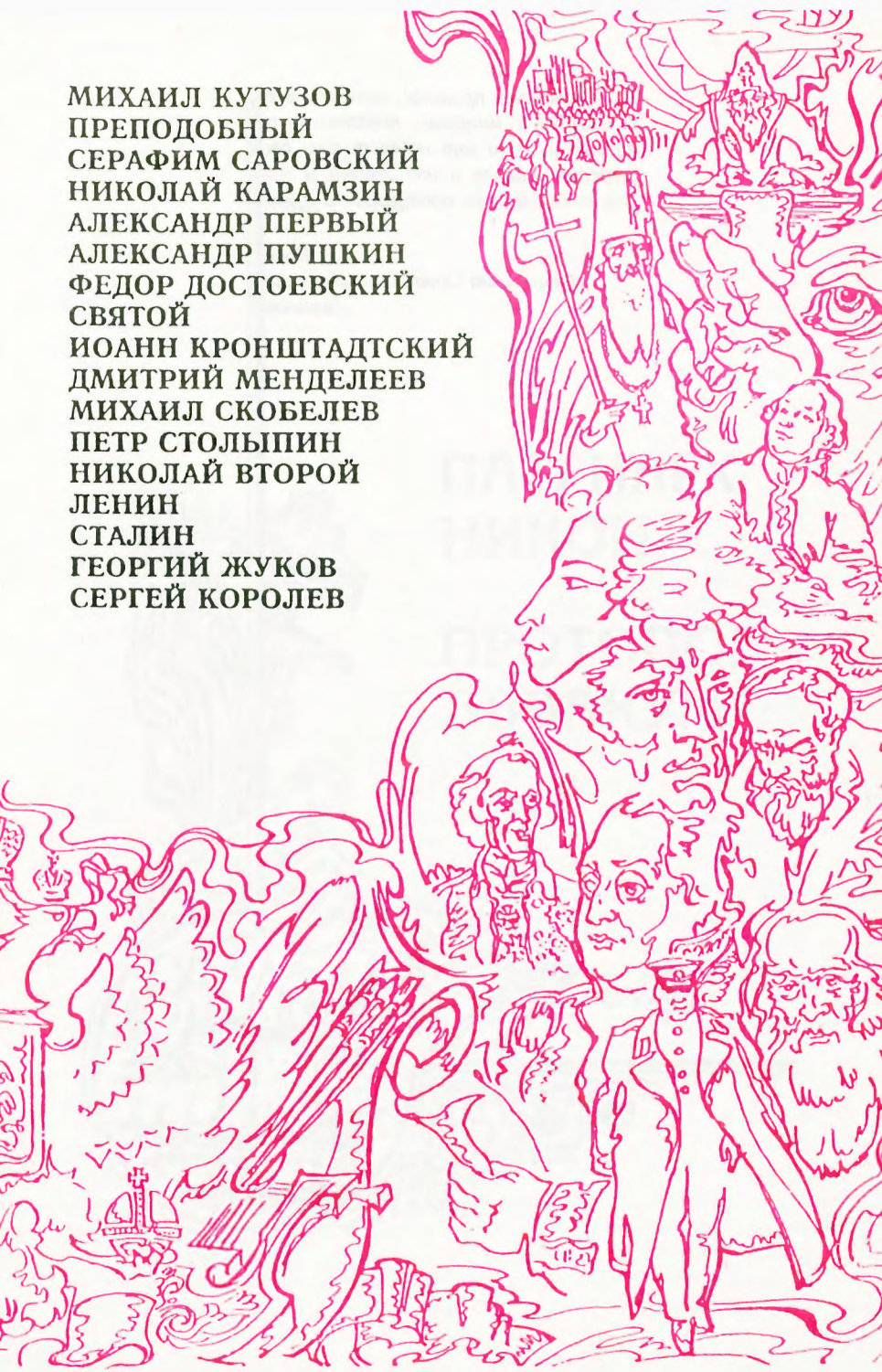


СВЯТАЯ ОЛЬГА
ВЛАДИМИР СВЯТОЙ
АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ
ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ
ИВАН ТРЕТИЙ
ИВАН ЧЕТВЕРТЫЙ
КУЗЬМА МИНИН
ДМИТРИЙ ПОЖАРСКИЙ
ПАТРИАРХ НИКОН
ПРОТОПОП АВВАКУМ
ПЕТР ПЕРВЫЙ
МИХАИЛ ЛОМОНОСОВ
ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ
ГРИГОРИЙ ПОТЕМКИН
АЛЕКСАНДР СУВОРОВ
ФЕДОР УШАКОВ

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
1997

2014111764

МИХАИЛ КУТУЗОВ
ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРАФИМ САРОВСКИЙ
НИКОЛАЙ КАРАМЗИН
АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ
АЛЕКСАНДР ПУШКИН
ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ
СВЯТОЙ
ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ
ДМИТРИЙ МЕНДЕЛЕЕВ
МИХАИЛ СКОБЕЛЕВ
ПЕТР СТОЛЫПИН
НИКОЛАЙ ВТОРОЙ
ЛЕНИН
СТАЛИН
ГЕОРГИЙ ЖУКОВ
СЕРГЕЙ КОРОЛЕВ



Вглядываясь в прошлое, возгреем в себе любовь и милость, покаяние и сочувствие — и оно отдаст нам свои секреты, увидев в нас друзей и продолжателей, а не прокуроров и судей.

Иоанн,
митрополит Санкт-Петербургский и
Ладожский

ПАТРИАРХ НИКОН

ПРОТОПОП АВВАКУМ

ДВЕ ЖИЗНИ

Треть века тому назад, осматривая руины Ново-Иерусалимского Воскресенского собора, я извлек из-под осколков кирпича и черепицы на галерее второго этажа большой, в рост человека, разломанный деревянный крест. В нижней части креста над рукоятью сохранилось помятое медное яблоко, на котором была вырезана едва различимая из-за копоти и грязи надпись. О своей находке я рассказал научному сотруднику музея, размещавшегося в Ново-Иерусалимском монастыре, Льву Лебедеву, и мы вместе попытались дешифровать надпись. Оказалось, что это был выносной крест, в преднесении которого патриарх Никон выходил на суд восточных патриархов декабрьским утром 1666 года в Московском Кремле. И вот спустя годы, работая над этой книгой, я снова приехал в Новый Иерусалим, чтобы дословно переписать надпись на выносном кресте патриарха Никона. Главный хранитель музея М. Г. Артемова в ответ на мой вопрос сказала, что никаких данных о найденном мною кресте не сохранилось. Крест как в воду канул. Хочется все-таки верить, что историческая реликвия когда-нибудь обрящется. Ведь так уже было с другим не менее известным никоновским крестом, который он соорудил по обету для созданного им Кийского Крестного монастыря, что неподалеку от знаменитых Соловков в Белом море. Крестный монастырь был основан Никоном в честь чудесного спасения от бури, выбросившей его карбас на Кий-остров в 1639 году. С тех пор прошло тринадцать лет. Иеромонах Никон, из-за размолвки покинувший Соловецкий Анзерский скит со своим наставником старцем Елиазаром, стал всесильным патриархом Московским и Всея Руси. Крест, который по обету в 1657 году соорудил патриарх для собора Кийского монастыря, был в меру Креста Христова — «от честнаго древа кипариса», специально привезенного из Иерусалима. В советское время никоновский крест вывезли из обители, и одно время следы его были утрачены. И вот недавно прихожу я в церковь преподобного

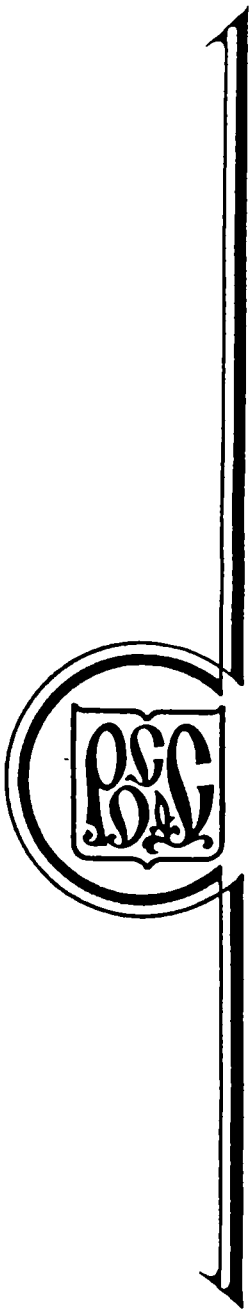
Сергия Радонежского, что в Крапивках, рядом с Высоко-Петровским монастырем, и вижу крест-мощевик. Тот самый, что был сооружен патриархом Никоном для Кийского Крестного монастыря. Сохранилась и дощечка с выгравированной надписью, удостоверяющей подлинность святыни. Как оказалось, крест долгие годы числился экспонатом Антирелигиозного музея Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН), потом Государственного Исторического музея в Москве, а не так давно, в 1991 году, передан Московской Патриархии. И как тут не вспомнить старинную сентенцию: рукописи не горят. Тем более не горят намоленные святыни.

За минувшую треть века я, как искусствовед, занимающийся изучением и охраной памятников истории и культуры, объездил и обошел весь Центр и Север России, побывал без малого в каждом четвертом монастыре прежней Российской империи. Соловки и Кий-остров, Кириллов и Ферапонтово, Вологда и Великий Устюг, Сольвычегодск и Соликамск, Тюмень и Тобольск — поездок было много, и как-то постепенно стал собираться материал: выписки из музейных экспозиций, фотографии, книги, архивные документы — все, так или иначе связанное с Патриархом Никоном и протопопом Аввакумом. Пришло время, и сложилась книга об этих больших русских людях. Основу ее составляют два Жития страстотерпцев-земляков. Тексты намеренно даны мною не в переводе, а именно в подлиннике, дабы ничего ни убавить, ни прибавить. Кто наберется терпения, прочитает, а кто привык читать наискосок, тот и не поймет эту книгу. Могу по собственному опыту сказать — лучше всего Житие читать вслух, чтобы ощутимы были звук и смысл каждого слова.

Я не берусь судить Никона и Аввакума, держать сторону того или иного. Не я им судья. Одно для меня ясно как свет Божий: в истории Никона с Аввакумом суждения о них иноземцев, а тем более суд над ними в те давние времена и нынешние всегда будет не во благо России. Старообрядцы, новообрядцы — у каждого из нас свой крест — спихнуть нельзя. Нам и нести «до самыя смерти»". Один раскол пережили, а нынешний еще более усугубляет первый. Я имею в виду вовсе не братские отношения и даже не противостояние Московской Патриархии и Русской Православной Церкви за границей. За что такие испытания России? Однако, как ни круги, все по грехам нашим. В Писании сказано: «Дом, разделившийся сам в себе, не устоит». К этому дело и идет. А не есть ли Россия тот самый «удерживающий», в случае крушения которого всему делу конец? Впрочем, все в руце Божией, и да неисповедимы пути Господни.

Владимир ДЕСЯТНИКОВ,
заслуженный деятель искусств России

ПАТРИАРХ НИКОН



Иван Шушерин

ИЗВЕЩЕНИЕ О РОЖДЕНИИ И ВОСПИТАНИИ И О ЖИТИИ СВЯТЕЙШЕГО НИКОНА ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РОССИИ

Иван Забелин

ПАТРИАРХ НИКОН В КРЕМЛЕ

Андрей Муравьев

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Иван Бриллиантов

ПАТРИАРХ НИКОН В ЗАТОЧЕНИИ НА БЕЛООЗЕРЕ

Михаил Зызыкин

СТРОИТЕЛЬ СВЯТОЙ РУСИ СОЛОВЕЙ В ИВЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ

Михаил Лермонтов

В ВОСКРЕСЕНСКЕ

Иван Шушерин

ИЗВЕЩЕНИЕ О РОЖДЕНИИ И ВОСПИТАНИИ И О ЖИТИИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА НИКОНА

Написано клириком его Иоанном Шушериным

В лето от мироздания, 7113 (1605) в месяце мае в пределах Нижнего Нова-града, в веси, нарицаемой Велдемановой[1], родися он, Святейший Патриарх, от простых, но от благочестивых родителей, отца именем Мины и матери Мариамы, и наречено имя ему Никита, по имени преподобного Никиты Переяславского чудотворца, егоже святая церковь прославляет мая в 24 день.

По рождении же его мати, не многая времени поживше, и Никиту в мале возрасте оставльши, преставися в вечную жизнь.

По преставлении же матери его жена некая, именем Ксения, зряще сиротство и малость возраста Никитина, сжалившися о нем матерски воспитоваше его, а отец Никитин поят себе вторую жену, иже мачеха его зело к оному Никите бысть зла.

Имяеше бо та своя чада с собою приведенная, и егда убо чада своя она питаше, а Никите, разве хлеба, ничтоже даяше, тем же он, некогда истаяваем гладом, понудился сам себе в погребу пищу взяти, юже она детям своим даяше; еже узревши мачеха его в погреб идуща, тако его удари между рамен мачеховски, а не ма-

[1] В П. И. Вельеманове.

терски, яко от онаго ея ударения в погреб падеся и едва тамо не лишися духа жизни.

И паки некогда в зимнее утреннее время от велия хлада, ради согреяния зайде в пещь и усну тамо; она же, увидевши его тамо и, от пребывающей в ней к нему злости, восхотевши его сожещи тамо, закладе его в пещи дровами и зажже оные; он же от дыма и горячести огня возбудився и от страха смерти вельми нача вопити и от тоя ему напрасныя смерти избавления просити; и абие услыша вопль его баба его (Ксения) и зажженные дрова из пещи немедленно извлече и его от таковыя напрасныя нуждныя смерти избави, ибо та к нему бе зело милосерда; овогда же, по обычаю своему, отцу его из дому своего на своя си дела ради исходящу, и тогда, в его дома небытии, мачеха Никитина многая ему оскорбления творящи и множицею даже до крови немилостивно, не яко чада своя, но яко пасынка, бияше.

И егда от дела сей отец его в дом свой возвращашеся и видев его от мачехи избиенна, множицею сжалися о нем Никите, жену свою овогда словесы, овогда же и ранами наказоваше; обаче не возмог злости жены своея усмирити, но тем оную на вящшую злобу к Никите подвиже, ибо множицею та мужу своему различными образы на Никиту нападение[1] творяше, и сама день от дне ко оному наивящшее зло умножаше, даже ей окаянной помыслити и о лишении жизни сея ему промышляти; и умысли его не убиением, но отравным зелием смерти предати, и по умышлении обие делу оному касается, и стерши мелко мышьяку насыпа в яд на то нарочно устроенную, и яко бо матернюю любовь к нему нача являти, и любви исполненная словеса ему глаголати, дабы той оныя яди в сласть себе сотворил удовольство; он же не ведая того лютого на него смертного злокозненного ухищрения, нача оную пищу ясти (Богу же его хранящу), позна некое необычное от тоя яди в гортани его деяние, — преста ту ясти и нача воду пити, и тако от тоя смертныя отравы Божиим хранением и многим водопитием избавися.

Потом по желанию Никитину, паче же по Божию смотрению, отец его вдаде его в научение грамоте Божественного писания,— он же благодатию Божиею и Святого Духа скоро извыче святых книг прочитанию, и отшед от учителя нача в дому отца своего жити и Писание забывати. Познав же сие абие умысли, взяв нечто из дому отца своего из пенязей, ради научения Божественного Писания отыти в монастырь, и тако сотворив, иде во обитель Макария Желтоводского к некоему старцу Богодухновенну и пришед тамо оному старцу даде от принесенных с собою пенязей на вклад в оную святую обитель, во еже бы ему игумен и братия благословили в той обители жити и с клирики пребывати и Божественного Писания навыкати.

---

[1] В П. И. наваждение.

Старец же принесенныя пенязи приняв и об нем и о принесенных пенязях игумену и братии объявил, сотворив к ним об нем моление, да благоволят ему в той обители по его желанию жити.

Игумен же и братия, принявши пенязи, в монастыре ему быти и с крилошаны жити благословиша; он же желание свое улуча и Богу благодарение воздая, всеусердно нача тщатися, дабы всегда к началу Божественного пения в церковь приходити, и, видя своя детская лета, в них же обыкл есть сон крепок быти, нарочно в летнее время, опасаяся церковного начало пения проспати, нача у благовестнаго колокола спати; таковое бе того отрока еще во младых летех о церковном пении тщание; и тако ему в той обители дни препровождающу и непрестанно о чтении и навыкновении Божественного писания прилежащу.

Случися же некогда сверстником его поити в иную обитель с благословения настоятельского прогула ради и его Никиту с собою пояти, идущим же им обретоша на пути жилище некоторого татарина, товарищем его знаема, иже аще и татарин бе, обаче странных христиан любезно принимаше и христианским обычаем упокоение им творяше; и той любезно в дом свой прият их и упокои и упроси их у него вечер той и нощь пребыти, уже бо весь день той к вечеру преклонился, есть; товарищем же его ведущим, яко той татарин гадательствует, и кому како, богато или убого, жити и в каком чине быти прорицает, начаша его просити, дабы им по единому кокомуждо по-своему гадательствуя о том поведал: он же того им сотворити не отречеся, но всякому по их желанию рассмотряя, своим ухищрением о житии их и чинех поведа им; егда же дойде до отрока Никиты, зря на него и гадательная своя орудия, нача зело удивлятися и гадательныя своя книжку и палицу нача часто обращати, и вопроси Никиту: какова ты роду? он же глагола ему, яко простолюдин есть; татарин же, сие от него слышав, рече ему: Никито, почто ты просто так ходиши, блюдися и ходи опасно, яко ты будеши Государь великий царству Российскому; еже и сбысться, якоже о том впереди известится. Отрок же Никита, слышав сия от татарина странные глаголы, удивися, и не бысть оным словесам вероятен.

По обнощевании же у татарина в намеренный им путь поидоша, и, совершивше оный путь, паки возвратишася во обитель Макария преподобного, и тут, якоже и прежде, начаша жити; и потом отрок Никита о церкви Божиеи и о снискании Божественного Писания и о научении велие тщание имеяше.

И по неколиком времени уведа о нем отец его, яко он во обители той жительствует, посла по него приятеля своего, прося его о возвращении в дом отцев увещати, и аще он из обители тоя в дом не восхощет возвратитися, и отец его повсле рещи ему сице: яко отец твой Мина зело от велия ему скорби изнемогает и близ уже есть смерти, такожде и баба твоя от древности недугуя вскоре имать конец жизни сея восприяти.

Посланный же отроку елико можаше о возвращении в дом отцев глаголаше; обаче же никако его возмог на оное склонити, потом глагола ему: веси ли, о Никито, яко отец твой и баба, ов от великия скорби, ова же от древности близ уже смерти пребывают, и аще не ускориши, то в сей жизни оных уже не узриши. Сия же Никита слышав предреченное, к родителю и к бабе любви ради прослезися и, желая оных в жизни сей узрети, абие из обители преподобного отца Макария в дом отца возвратися, и пришед обрете их во здравии сущих; но аще и хитростию отец ему повеле о своей и бабиной скорби известити, обаче по Никитине в дом возвращении, не в великом времени и расстоянии, отец его и баба при нем болезнь и смерть приемше, а христиански на оный вечный путь уготовавшеся, поидоша в некончаему жизнь.

Никита же, отцу своему и бабе подобающее телесем их погребение сотворив и должное повиновение исполнив, хотяше паки оставя дом идти в монастырь, обаче от сродник многих советом и прошением на волю их к сочетанию браком (Богу так хотящу) преклонися; сочетався же законному браку и прежив неколико время, желая церковною службою наслаждатися, пойде от дому своего на изыскание жития своего при церкви Божией, и еже желаше, то немедленно и получи, обрете бо в некоем селе церковь Божию без клирика, в нем же иереи и поселяне с любовию прияша его и несколько тут ему с супругою своею прежившу к той церкви и во священники посвятися.

По малом же времени из того села преселися жити в царствующий град Москву, и тамо некая лета пожив, зря суету мира сего и непостоянство, и желая ко спасению обрести путь удобный, нача супругу свою на оный свой благий совет увещевати, Богу же ему в том увещевании благодатию Своею помогшу, супруга его восхоте Богу паче, нежели миру работати и избра себе на Богоугодное житие в царствующем граде Москве Алексеевский девичий монастырь.

Он же Богу во оном за вспоможение сотворив благодарение, супруге же своей устроя келию и дав за нее в той монастырь подобающий вклад и ей на одежду и на пропитание, а сам умысли идти на остров Анзерский, иже стоит на океане-море близ острова Соловецкого. Всех же лет Никита с супругою своею до своего с нею распоряжения поживе 10 лет, и име с нею три чада, яже во младых летех изомроша; и по оному своему умышлению абие пойде в той вышереченный остров, и дошед, тамо постризся во иноческий образ и наречено ему монашеское имя Никон, и пребысть под началом у некоего старца Богодухновенна, именем Елиазара, иже тому Анзерскому острову начальник.

Обычай же бе в та времена на том острове у отцев таков, яко келия от келии отстояще по два поприща, таково же удаление и от церкви имеюще, и во всякой келии по единому брату живяще; бысть же на том острове точию дванаде-

сять братов, правило же их бе сице: яко в вечер субботний вся братия к церкви собирахуся, и собравшеся начинаху пети вечернюю службу и повечерие и не расходящеся и утреннее пение пояху и вся 20 кофизм псалтири совершаху; по десяти же кафизмах Евангелие Воскресное толковое прочитоваху; псалтирь же егда читаху и во оное время братия вся седяще, и тако на пении Божественном всю нощь препровождаше и дня дождавшеся нерасходно и священную литургию совершаху, и по литургии друг другу целование давше и о святой молитве просивше, киижду во свою келию возвращашеся, и даже до недели друг друга не видяху; питание их бе вящшая часть от Государския милостыни всякому брату на каждое лето по три четверти малых во отдаточную меру муки даваху, к тому от ловцов подаянием милостыни на острове том обретающимся овощием; Никон же живя тамо, по благословению отца своего начального старца Елиазара, вдаде себе великому посту и воздержанию, бе бо правило его зело велико, яко на кийждо дненощствие при церковном правиле и при кафизмах и канонах целой псалтирь прочитая, по тысяче поклонов творяше, сна же зело мало употребляше.

Ненавидяй же добра диавол, видящи Никона неленостно Господеви работающа, нача нань велию брань воздвизати в келии и егда хотящу ему некогда мало от труда почити, тогда абие нечистии дуси приходяще к нему в келию его давляху, и иныя пакости и страшилища многообразными своими мечты деяху, и от труда ему почити не даяху; зря же на себе таковую бесовскую брань к правилу своему приложи еще и от обуревания злых духов молитвы читати, и по вся дни воду святити и оною святою водою всю свою келию кропити; и тако от оных, благому житию злых наветников, без пакости от труда своего упокоение приимаше.

Супруга же его живущи не пострижена во Алексеевском монастыре, за вражиим ей научением забывши свое обещание о пострижении, паки восхоте в мирские суеты вдатися и второму браку совокупитися, о чесом Никон, по писанию к нему из царствующего града Москвы от сродник его, известие восприимши, зело оскорбися и велиим душа его смятеся смятением; моли и всемогущего Бога и Владыку о ее спасении и да дарует ей от такового ее неблагого начинания обращение и сподобит ю монашеский образ восприяти, и о увете супруги своея писа к сродникам своим, иже по оному его к ним писанию ону о ея предварившем обещании увещеваху.

Не презревый же раба своего Никона, милосердый Бог, молитвы, даде силу их увещанию, и сотвори ю предваривший обет восприяти и произвести той в действо; оставльши о возвращении в мир в сердце своем, — абие в том монастыре прияла монашеский образ; еже сие Никон уведа зело велие Богу благодарение воздаяше, яко не презре его к нему прошение, и оному

яко раб его верный во Анзерском ските в монастыре Соловецком в службе иерейской трудися.

Некогда же восхотев идти в царствующий град Москву, Боголюбезный старец Елиазар ради собрания милостыни на строение каменныя в том острове церкви, поемлет же с собою и его иеромонаха Никона.

Пришедшим же им в царствующий град Москву, яко тамо от многих благородных и благочестивых, ради добродетельного жития, знаемая, на созидание церкви в подаянии били челом Благочестивому Великому Государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа России и благоверным боярам и благочестивым разных чинов людем, от них же приобретше на оное церковное строение с пять сот рублев, паки возвратившася во Анзер и пришедше тамо сохраниша оныя деньги в церковную ризницу: и тако тамо оныя деньги лежаху до двух или до трех лет. Иеромонах же Никон, опасаяся разбойников, да не како уведавше они о тех сохраненных деньгах, пришедше не точию они возмут, но и их смерти предадут, нача он начальному старцу Елиазару о оных деньгах совет предлагати, дабы на оные деньги благоволил церковь созидати или в Соловецкий монастырь на сохранение отдати, дабы в оных деньгах им от разбойников какого бы зла не пострадати, егоже сей совет старцу неключим явися. И того ради в ненавидении у старца нача он Никон быти, о чесом скорбе Никоне; некогда же виде Никон в сновидении стоящ сосуд некий исполнен некоторых семен, тому же сосуду некоему человеку предстоящу, Никону глагола: яко твоих трудов мера исполнена есть; он же Никон, некако хотя яко бы обратитися, разсыпа всю ту меру оных семен, и паки нача оныя просыпанныя семена в ту же меру, из коей рассыпаны, собирати, и собра паки, но не исполнися тако та мера полна якоже и прежде; и по оном сновидении видя отеческий на него гнев не умаляющийся, но день от дне вящше возрастающий, егоже он никоим образом возможе успокоити, даде старцу сии гневу место. От онаго острова в малом кораблеце с некиим христианином поплыша морем к берегу земли; плывущим же им морем и абие море взволновашеся, яко едва они не потопоша, и оным волнением намеренного пути лишившеся, приплыша к некоему острову, нарицаемому Кию, на нем же он Богу благодарение за избавление от морского потопления воздав, постави крест деревянный и обещася тамо на оном месте, идеже крест водрузи, аще Бог восхощет и подаст ему свою святую помощь, устроити монастырь Крестный, иже ныне по его желанию и тщанием, Государскою и его келейною казною зело благолепно и удивлению достойно устроен. На острове же Анзерском, иеромонах Никон поживе три леta, а на острове, нарицаемом Кий, пребыша дондеже улучат в намеренный им путь время благополучное, и то улучивше по-

плыша прямо ко Онежскому устью, бе бо той остров отстоящ от Онежского устья 10 поприщ, и приплывши ко оному устью крестьянину даде наем, сам же пеш пойде близ реки Онеги.

Идущу же ему тем путем оскуде у него пища, и десять дней в гладе быв, прииде против некия веси и нача за рекою живущих о перевозе его к ним молити, и никто же от живущих тамо ботатых восхоте онаго в гладе сущего иеромонаха перевести, точию едина убогая вдовица, услышавши глас его, умилися и повеле его сыну своему из-за реки перевести к ним на их страну; егда же той по повелению матери своея иеромонаха Никона перевезе, он же, ничто не имея за перевоз дати, поклонися и рече: сам Господь за вашу ко мне показанную любовь да воздаст, и пойде в ту весь, надеяся яко обрящет тамо человека, иже бы его яко странна принял обнощевати и удоволити пищею, но не у единого, аще и богати суще, таковые милости обретши, паки ко оной вдове, кая милость к нему показавши, возвратися. Она же видевше его, яко ни от единого возмогше милость улучити и пищею удовольствоватися, аще и сама в конечной хлебной скудости пребывает, бе бо во оно время в той стране глад, обаче с любовию в дом свой прияла и пищею своею напитала; он же, видевши таковое к нему показанное милосердие, ублажив оную вдовицу, глагола ей: аще Господь восхощет и жив буду, всячески потщуся сию твою мне показанную милость заплатити, еже и сбысться.

Яко по устроении на острове Кий Крестного монастыря Благочестивейший Великий Государь Царь и великий князь Алексий Михайлович всея великия и малыя и белыя России Самодержец ко оному монастырю то село, в нем же та вдова живяше, и со оными тамо селы вдаде ко оному Крестному монастырю, ей же вдове и с детьми за оную показанную милость от него Святейшего Патриарха от всяких податей вечное ослабление или освобождение дадеся[1].

По обнощевании же у вдовицы иеромонах Никон прииде в Кожеезерскую пустынь и тоя пустыни игумена и братию прося о принятии его; они же безвкладно в той монастырь не принимаху, ему же не имеющу что вкладу им дати, отда им и последния от своих трудов две книги: полуустав и каноник; они же вземше те книги, с собою в той пустыни жити его прияша; в ней же живя он литургисаше, и по малом времени сжалившися о уединенном пустынном житии, моли настоятеля тоя пустыни и братию, да отпустят его с их благословением на некий особный остров, во еже бы ему тамо устроя себе келию и прежде приятое правило удобно было совершати.

---

[1] Заключительного вывода сего рассказа об освобождении вдовицы и ее семейства от податей нет ни в других списках, ни в печатном издании.

Игумен же и братия, зряща на моление его, преклонившеся и из той пустыни с благословением отпусти его; он же намеренного своего острова дошед, и на нем келию своими руками себе устроив, нача жити чином Анзерской пустыни. Остров же той на том озере, на нем же и Кожеезерская пустынь; живущи же тамо по молитве поделие имяше рыбное ловление, бе бо то озеро зело рыбно, от людей же мирских жительство удалилося поприщ с сорок. Ему же тамо живущу, Кожеезерския пустыни игумен от жизни сея во оную вечную жизнь преселися. И по преставлении онаго, тоя пустыни братия вся видяще иеромонаха Никона от Бога одаренный ему разум и добродетельное его житие, молиша его прилежно, да сотворит ради любви Христовы с ними милость, оставивши то свое уединенное житие, да будет им игумен. Он же по многом своем отрицании не мог многого их прилежного братии прошения презрети и с того своего острова изшед[1], пойде в великий Нов-град и поставлен бысть в ту Кожеезерскую пустынь во игумена преосвященным Аффонием, митрополитом Новгородским и Великолуцким; и паки из великого Нова-града возвратися в Кожеезерскую пустынь, в ней же живя труды к трудам прилагаше, почасту на братию рыбу ловяше и сам оную пред них в трапезу представляше.

По претечении же жития его во оной обители трех лет, случившимся монастырским нуждам, их же ради пойде он в царствующий град Москву, во дни благочестно царствующего Благоверного и Христолюбивого Великого Государя Царя и великого князя Алексия Михайловича всеа великия и малые и белыя России Самодержца; живущу же ему в царствующем граде Москве и нужды монастырские исполняющу, позван бысть от великого Самодержца и поставлен Святейшим Иосифом Патриархом Московским и всеа России во Архимандрита в Спасов монастырь на Новое. В нем же пребывая и труды к трудам прилагая, весьма тщася врученное ему словесное Христово стадо и монастырские дела добре правити, для чего от великого Самодержца зело возлюбися, и желая его Богодухновенною беседою наслаждатися, повеле ему архимандриту по вся пятки приезжати к себе Великому Государю вверх к заутрени. Он же по повелению царскому по вся пятки к нему Великому Государю ко утренни приезжая, многих обидимых вдов и сирот, прошением своим от насильствующих им избавляше.

Видя же благочестивый Царь его о правде тщание, повеле ему обиженных челобитныя к себе Великому Государю приносити, бе бо сам благочестивый Царь о праведном суде тщашеся; о чесом от царствующего града жителеи Никон познася: мнози к нему, овии во обитель Спасову притекати и милостиваго его заступления просити начаша; овии в пятке, грядуща его вверх в

---

[1] В П. И. братия же написавше заручную челобитную о иеромонахе Никоне и вдаша ему. Он же прием челобитную, пойде...

дороге, ожидающе и челобитныя ему подающе. Он же готов всем обиженным и скорбным, и наипаче вдовам и сиротам беззаступным помощь подавати, все те челобитные Великому Государю вручаше и о них прилежное моление творяше.

Великий же Государь всегда по утреннем пении, не исходя из церкви, все те челобитные выслушав милостивый свой царский указ на всех при себе подписывать веляше и архимандриту сам вручаше. И тако той благотворитель в оной Спасовой обители поживе три лета.

По прошествии же тех трех лет, ради добродетельного его и в мире славного жития, по благоволению великого Государя Святейший Иосиф Патриарх Московский и всеа России, со всем освященным собором постивиша его в великий Нов-град в митрополиты на место митрополита Аффония, бе бо той Аффоний муж свят, обаче престарел и беспамятством объят бысть, и сам о сем от престола свобождения Самодержца и Святейшего прошаше; егда же Преосвященному Никону митрополиту в Новград пришедшу, и вскоре прежде бывшаго Преосвященного Аффония, митрополита, в Спасском Хутынском монастыре живуща, посещающу, нача у него благословения просити; он же рече: ты мя благослови, и тако на мног час прению о благословении бывшу, Аффоний Никону рече: благослови мя, Патриарше! Никон же: ни, отче святый, аз грешный митрополит, а не Патриарх; Аффоний же рече: будеши Патриарх, но благослови мя; и тако от Никона прият благословение, таже и сам его благословил.

Преосвященному же митрополиту Никону правящу престол Новгородския Митрополии, не точию не изменися своего благого нрава, но и паче тщашеся о всяком деле на славу Божию благоустроении, и о праведном суде, сам бо пред собою велия дела и распри у соперников, праведно рассуждая, с милостию велиею примирение им творяше, и милостыню велию даваше, а наипаче егда благоволил Господь Бог при нем ту страну гладом хлебным посетити: ибо в то время особно во своем дому отлучи велию палату, глаголемую погребную и в ней заповеди приходящих бедных и нищих питати в день, елико их когда приидут; и на всяк день приходяще питахуся овогда по сту, овогда по двести, овогда же по триста человек, и вящше питахуся; питатель же бедных и нищих бе муж свят именем Василий, прозванием босый, зимою бо и летом всегда бос хождаше, а при рождении его и святом крещении дано ему имя бе Вавила; имяше же муж той обычай сицев: яко егда по повелению Преосвященного Никона митрополита всех нищих за трапезу сести устроить, и тогда у всякого дизирает на выи креста, и аще у кого не обрящет, и оному свой да дарует; и всем завещает, во еже бы присно крест Христов, честное знамение спасения нашего, на выи своей носити, и на него очесы и мыслию зряще, Христову к нам превеликую и

совершенную любовь памятствовати и ему нас ради страдавшему всем сердцем и мыслию присно работати.

По всякую же неделю из казны Преосвященного митрополита, по его завещанию, творяше он денежную милостыню: старым по две деньги, средовечным по единой деньге; малым же младенцам по полуденьге; а в каждое утро приходящим давше по укругу хлеба тяжелостию две литры; сия милостыня по его завещанию домовая бяше; своея же келейные казны всегда в чпаг свой на раздаяние милостыни влагаше по рублю и по два и бедным даяше по гривне и полтине и вящше, зря по потребе.

Еще же той Преосвященный митрополит в великом Новеграде устрои вновь для убогих сирот четыре богадельни и у Великого Государя испроси на те богадельни повсягодное тем нищим пропитание, и сам во оный и во иныя старыя богадельни и в темницы с милостынею хождаше; в темницах же седящих вины рассматривавше, бе бо ему сие вручено от Великого Государя, и смотря по винам и покаянию из темниц свобождаше, а наипаче немощных от могущих исправедне держимых от уз изимаше, и свобождение им даваше и весьма промышляше о правдотворении, и над самыми того града владеющими, по указу Великого Государя, он надзираше, и их увещеваше, дабы обид, налогов и разорения никому им не творити; о чесом слыша Великий Государь зело радовашеся, яко во дни его Государския державы благоволил Бог из духовнаго чина даровати такового всякому благожелательного человека, темже и почасту к нему в великий Нов-град своя царская, всякою удивительною мудростию и любовию исполненная, писания присылаше, и присно он Благочестивейший Царь желаше Преосвященного Митрополита в царствующем граде имети и с ним, его благою и сладкою беседою наслаждатися, но того за нуждою ему Преосвященному Митрополиту врученного словесного стада соделати не хотяше; обаче по вся зимы из великого Нова-града в царствующий град его призываше и немалое время повелеваше ему за своим Государским указом в Москве жительствовати. Бе бо Преосвященный Митрополит зело от Божественного писания сказатель и Богодохновенною беседою украшен и глас его благоприятен и слушающим увеселителен, а непокоряющимся Богу и святой церкви страшен и, кратко рещи, в та времена не точию ему в том равного архиерея не было, но и подобного не обреталось. Обычай же он Преосвященный Митрополит имеяше почасту святую Литургию совершати, а наипаче же во дни недельные и праздничные и народа слову Божию учити, его же для сладостного поучения мнози от дальних приходов в соборную церковь к Литургии приходяще, поучения его преславного с желанием и сердечною любовию, и сладостного пения слышаху, он бо первее повелев соборной церкви Грече-

ское и Киевское пение пети, об украшении церковном и церковнослужителям о благочинном одеянии и довольном пропитании и во еже бы им от людей почитаемым быти зело он прилежание велие творяше тако, якоже ин никто же[1].

Сие же Благочестивейший великий Государь зря и таковому о хвале Божией и его святых заповедей исполнению и тщанию удивляяся, день от дня наивящшую любовь к нему простираше и все прошение его исполняше.

Потом же Благочестивейший великий Государь и благочестия велий ревнитель, зря в церквах не по древнему святые соборные церкви уставу единогласное пение и наречие[2] совершаемое, но купно в разныя гласы мнози человецы в церквах ов то, а ин ино без всякаго внимания читаху, и о поспешении прочитания един пред единым тщание имеху, а глаголемых силу презираху, и о таковом нестроении зело сжалився, с советом и благословением отца своего духовнаго Соборныя церкви Благовещания Пресвятыя Богородицы, что у него великаго Государя на сенях с Протопопом Стефаном Вонифантиевым, нача он великий Государь о единогласном наречном пении[3] в церквах промышление творити.

Ему же в том Богоспасаемом деле велий поборник и помощник бысть преосвященный Никон Митрополит, а Святейший Иосиф Патриарх Московский за обыкновенность тому доброму делу прекословие творяше, и никакоже хотя оное древнее неблагочиние на благочиние пременити.

Тем же Благочестивейший Царь, егда Преосвященный Митрополит в Москве живяше, тогда ему у себя вверху и в прочих церквах в них же празднество творящеся, ради своего Государского тамо пребытия, всегда ему Преосвященному Митрополиту священнодействие совершати повелеваше.

Живущу же ему в великом Нове-граде при боярине и воеводе князе Федоре Андреевиче Хилкове, бысть велие народное в великом Нове-граде и по Пскове возмущение; в великом Новеграде случися сице:

Некто от посадских людей нарицаемый прозванием Волк, наветом диавольским, ради своего малого злого приобретения, ходя по Немецким дворам, глаголя по-немецки торговым Немцам: что ми хощете дати, и аз вам повем тайное над вами Новгородцев нынешнее умышление? Егда же они его злое желание златыми ефимками удовольствоваша, и тогда им он пове-

---

[1] В П. И.: и превелие им прилежание до пения: и на славу прибрав крилосы предивными певчими и гласы преизбранными, пение одушевленное паче органа бездушного и такового пения, якоже у Митрополита Никона, ни у кого не было.

[2] То есть чтение.

[3] Пение наречное, в противоположность разноречному, так называемому "Хомовому" пению, в котором трудно бывает слуху уловить речь, по причине безнуждного повторения одних и тех же слогов.

да: слышите-ли в народе на боярина Бориса Иоанновича Морозова нарекание и измены причитание (во оно бо время велие в народе бяше на него возмущение), и того ради вас, яко другов его и лузутчиков всех вскоре хощут внезапно смерти предати и имения ваша разграбити; тем же аще, кто хощет душу свою спасти от напрасныя смерти, елико можете скорее от зде исходите! Они же таковая словеса от него слышавше и ради народного возмущения правде быти вменивше, абие на своих и на нанятых конях с товарами своими из великаго Нова-града в землю свою пойдоша.

Предреченный же Волк немилостивый, не удовольствуяся еще тою своею лжею, занеже от Немцев, яко за истинну мзду восприял есть, еще злейшая умысли: тече бо в земскую избу и тамо и в рядах поведа всяких чинов людям, яко друзи изменника болярина Бориса Морозова Немцы бяху в Москве ради прелагательства и от него с казною отпущены в их землю, а ныне они здесь в великом Нове-граде и едут в свою землю.

Тем же подобает нам ныне, радея великому Государю и всему Московскому царствию, тщание явити и тех Немцев ныне переймав, казну ону у них взяти, и их яко прелагателев и изменников судити.

Слышав же народ от него злаго человека таковая злая ложная и к возмущению удобная словеса, абие возмутительным чином на гнание тех немцев устремися и на пути их поймавше, начаху оных, яко обычай есть возмущенному народу творити, разнообразными орудии немилостивно, яко истинных изменников и прелагателей, бити и имение их грабити; но от смертнаго побиения Немцы избавлены быша советом Новгородцов лучших, богатых людей, иже хотяще Немцев от таковыя смерти избавити, глаголаше народу, яко аще побиете оных, кто болярина Бориса Морозова может измену изъявити, тем же подобает оных за крепкою стражею, в темницах имети, и тако народ послушав их, оных Немцев в темницу за стражу посадиша, сами же на грабеж гостей и богатых людей домов и их имения уклонишася.

Болярин же и воевода Князь Феодор Андреевич Хилков, зря таковое народное возмущение, хотя оный мятеж усмирити, посла к ним уговаривать их дьяков и голов стрелецких, их же народное возмущение не точию послушаше, но и самих оных смерти предати хотяще, потом и на убийство воеводское вознеистовися; вси убо купно с стрельцами и казаками пойдоша в каменный город к воеводскому двору глаголюще: яко они вси друзья болярина Бориса Морозова, купно с ним и изменники, усоветоваху за рубеж хлеб, мяса и рыбу на продажу возити, а нам в том творити скудость, ея же ради зде у нас дороговизна чинится.

Уведав же о сем воевода их дому своего по градской стене убежа в дом к Преосвященному Никону Митрополиту, иже прием его любезно, повеле ему во внутренних своих келиях скрытися, и дворовым своим людям заповеда дома Софийскаго врата запереть.

Егда же возмущенный народ к воеводскому двору со многим нелепым кричанием и велиим свирепством прииде, и весть приемше, что воевода убежа в дом к Преосвященному Митрополиту, абие возопиша гласы: идем тамо и изменника убием, и вси к Софийскому дому устремишася, овии с дреколием, инии же с камением, а во оно время их народным повелением присно в два набата бияху, во един градския великия башни, в другий же у соборныя церкви Николая Чудотворца на Ярославовом дворище, яже близ земския и таможенных изб, идеже бе их собрание. И пришедше к Митрополичью дому, начаша домовых со свирепством и биением испытовати о воеводе, в которой он келии скрыт есть, от них же мнози аще и ударения прияху, обаче не ведети его рекоша; темже хотяще воеводу тамо обрести у Софийского дому начаша велиим бревном врата разбивати.

Преосвященный же Никон Митрополит слыша таковое их врат свирепое разбиение, хотя воеводу от напрасныя смерти избавити и душу свою за него положити, скрыв воеводу в тайное место немедленно вручаяся Богу, к оному возмущенному и яростиею велиею дышущему народу изыде, нача оныя увещевати от Божественного Писания.

Слышав же народ непоборительная им, но противная и от тоя их ярости возвешающая словеса глаголемая, напрасно страшным гласом возопиша: сей есть самый заступник, изменничей и ухранитель, и абие яко зверие на него устремившеся, начаша его немилостивно бити, овии дреколием, овии же камением, ему же точию глаголющу: Господи не постави им греха сего, не ведают бо что творят; не хотящу же Богу его тогда смерти предати, вложи тамо некоим человеком об нем в сердца умиление, иже зряще его по земли влачима и немилостивно смерти предаема, обступивше его, народу не даша его до смерти убити, обаче мнозии мнеша, яко до смерти его убиша, тем же страхом объяты быша, начаша един по единому от онаго собрания отступати и вскоре вси разыдошася.

Преосвященного же митрополита дворовыя люди от земли подъемше, приведоша в его палаты; он же нимало бояся смертнаго убиения точию тщашеся оное народное колебание успокоити и неповинныя души спасти от смерти, забыв жестокое ему биение, и абие повеле у соборныя церкви в большой колокол, яко обычай есть, к молебному собранию благовестити, и ко всем Архимандритом и Игуменам в монастыри посла вестники, да к нему немедленно приидут, бе бо еще дня того час третий, сам же по оное время исповедася.

Егда же вси собрашася в соборную церковь Софии, премудрости Божией, сам с ними с честными кресты и со иконы пойде в соборную церковь Знамения Пресвятыя Богородицы, яже стоит на стране торговой; идяше же путем тем с великою нуждою, харкая все кровию, и пришед тамо едва соверши сам

Божественную Литургию, в ней же причастися пречистых и животворящих таин; ими же прием Божественное ко усмирению народа укрепление; а от скорби оныя и изнеможения ляже в сани своя и повеле себя вести непокровенно к земской и таможенным избам, идеже оный возмущенный народ есть собранный.

И егда же он тамо привезен бысть, нимало их страшася, нача им глаголати: слышите-ли, я вам правду необинуяся глаголах, ныне же наипаче, ибо уже готова душа моя грешная к смерти, бессмертного бо источника Христа моего и Бога тело и кровь сподобихся прияти; тем же, хотя ваши души, яко грешный пастырь от возмущающих волков вас спасти, нарочно к вам приидох и аще во мне зрите кую вину или неправду к Царю, или к Российскому царствию, то оно мне изъявя, убийте мя; сии же словеса слышавше от него, злочестиваго сонмища злейшие и свирепейшие возмутители, страхом и стыдом объятые, начаша един по единому расходитися: и тако вскоре вси в домы своя поидоша.

Преосвященный же митрополит, видя в таком деле подаваемую ему Божию помощь, повеле себя вести в соборную церковь Премудрости Божия, и во оной народне всех начальных бунтовщиков по именам предав проклятию, сам в дом свой прииде; они же хотяще то злое свое дело укрыти, яко бо то они соделали к великому Государю и ко всему Московскому государству радением, умыслиша, написав о том ото всего великого Нова-града за многими тысящами рук, челобитную послати к великому Государю к Москве и всяких чинов людям в белых столбцах повелеваху руки прикладывать; аще же кто не восхощет, тем претяху смертным убиением, и того ради плаха и секира бе пред очесы уготовлена, а наипаче нужду всему сотвориша чину священному, и избраша себе особого воеводу Преосвященного Митрополита дворецкаго Ивана Жеглова, иже тогда за некую его вину посажен бе во узилище и бе цепь на выи его. Они же вземше его и сотворивши в земской воеводою и других к нему начальных людей придаша; окрест же великаго Нова-града по всем к Москве дорогам поставиша стражи, дабы от Преосвященного Митрополита и от воеводы к Москве к великому Государю с письмами не пропустить, а сами видевши свою беду, начаша промышляти от великаго Государя отступити и поддатися Польскому или Шведскому Королям.

Преосвященный же Митрополит, воеводу храня в своих келиях, о всем том извести написав с могущими то писание тайными месты пронести, к Москве посла немедленно; посланный же к Москве пришед и то писание великому Государю подаде.

Великий же Государь, абие написав против того Преосвященному Митрополиту грамоту, с тем же человеком посла, а в грамоте своей Государской писа к нему в начале сице:

«Новому страстотерпцу и исповеднику и мученику Преосвященному Никону Митрополиту» и иная многая похвальная и бла-

годарственная ему словеса приписа, а вторую грамоту свою царскую посла с тем же в земскую избу ко всему народу, дабы они, познавши свою таковую вину, аще не хощут вси смерти предани быти, у Преосвященного Митрополита милости и отпущения в своем пред ними многом согрешении прощения просили и вящших возмутителей выдали б головою; и аще Преосвященный Митрополит прощения их сподобил, то и его великого Государя к ним в том милость и той их вине отдаление им будет, и аще тако не сотворят, то вскоре имут смерти предатися, но прежде нежели сии Государския грамоты в Нов-град приидоша, вскоре по проклятии, из них лучшия люди начаша в соборную церковь приходити и у Преосвященного Митрополита о прощении и о разрешении милости просити; а егда же от великаго Государя принесенныя им грамоты прочтошася, и тогда на всех от мала и до велика их нападе велий страх и ужас смерти, точию сие едино веселило, еже великий Государь все сие дело вручил Преосвященному Митрополиту, и аще у него милость и прощение обрящут, то и великого Государя к ним милость по его об них заступлению будет: и того ради вси к Преосвященному Митрополиту, яко к милостивому отцу, пришедше со слезами милости и прощения прошаху и все на волю его Преосвященнаго Митрополита полагаху, дабы точию об них упросил милости у великого Государя; он же поучив их от Божественного писания довольно, яко быти тому поучению часа на три и вящше и заповедая еже к тому тако им не творити[1], и видя их истинное слезное покаяние, сам их в своем пред ним согрешении простил и от клятвы разрешил[2], и у великого Государя обещал им в той вине милость испросить, а вящших бунтовщиков и возмутителей народа повелел поймав в вящшее узилище посажати; они же абие повеленное им исполниша, больше нежели с триста человек заключиша.

И по увещанию Преосвященного Митрополита милостию Государскою обнадежившиеся в тишину преложишася (и уже к тому и нам Преосвященнаго Митрополита домочадцам, свободное во граде хождение сотворися, прежде бо того, не точию велико возрастшим, но и мне сие писание списавшу, тогда еще малу сущу, от единовозрастных градских людей, небезбедно бе во граде хождение: нарицаху бо нас изменников сообщниками и хотяху бити).

В то же время, прежде нежели в великом Нове-граде возмущение народное сотворися, во граде Пскове зело паче народ

---

[1] В П. И. здесь прибавлено: начало же его поучения бысть сие: вопию к вам с Пророком Давидом, возгореся огнь в сонме их и како пламень попали грешники; и нача от сего слова... скончав сим последним словом: молитеся да невнидете в напасть, да не когда прогневается Господь и погибнете от пути праведного, егда возгорится вскоре ярость его; блажени вси надеющиися нань.

[2] В П. И. прибавлено: глаголя сие: благодать Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа буди со всеми вами.

смятеся: Архиепископа в тюрьму посадиша, воеводу и многих нарочитых людей смерти предаша и царская письмена изменничьими назваша, и того ради по указу великого Государя пойде на них с воинством болярин и воевода князь Иоанн Никитич Хованский, и пришед в великий Нов-град, по рассмотрению Преосвященнаго Митрополита, ибо тако ему от великого Государя повелено все во оном деле рассмотрение положити на Преосвященнаго Митрополита благорассудие, возмутителям народным учинив наказание, вящшее же перваго возмутителя прозванием Волка предати смертному посечению, а иных Иоанна Жеглова с его клевреты человек с десять, учиня им наказания бив кнутом, послать их в ссылку в Сибирь на вечное житье, а достальных оных малым наказанием наказав, а иных и без наказания всех свободи и оттоле в великом Нове-граде совершенное бысть утишение.

По совершении же сего дела болярин и воевода князь Иоанн Никитич прииде ко граду Пскову, они же не мирницы, но ратницы ему явишася, град Псков запроша и неприятельское противление показаша и от обоих стран многая христианская кровь прилияся.

Слышав убо о сем великий Государь, по совету со Святейшим Иосифом Патриархом и со всем освященным собором, посла к ним с своими и Святейшего Патриарха грамотами, ради их вещевания Архиереев, Архимандритов и Игуменов, их же Псковичи приемше и царская и патриаршая писания прочетше, не вскоре, обаче по их увещанию в совершенное смирение приидоша. И оттоле Благочестивейший Царь к Преосвященному Митрополиту нача свою наипаче велию милость являти, и часто кратко к нему писания его царскою рукою писанная, похвальная присылати, яко он великий Нов-град до кровопролития своим пастырским промышлением, аще и сам пострада, не допустил.

И тако Самодержцева душа и Преосвященнаго Митрополита любовию сопряжеся, яко Самодержец присно желая онаго в Москве быти и онаго сладоточною беседою и зрением увеселятися, но того за нуждою паствы Преосвященному Митрополиту сотворити было невозможно, обаче по царскому указу повсягодно в Москве приезжая многие месяцы живяше.

Некогда же случися едущу ему в пути к Москве виде у большой Московской дороги место не славно и маложительственно, именуемо Валдай, близ же его и озеро, именуемое Валдайское, величеством в длину и в ширину поприщ на десять, имеющее на себе несколько островов, глубиною довольно и рыбами изобильно, к нему же суть и иная озера, и зело то место и озеро ему возлюбися, и возжела на оном озере на вящшем острову устроити монастырь; еже и сбысться, якоже о сем впреди изъявится.

Егда же Преосвященный Митрополит по скончании того пути прииде к Москве, тогда Благочестивый Царь по совету со Свя-

тейшим Иосифом Патриархом, и во всем освященным собором послаше его в соловецкий монастырь, на взятие оттуда к Москве мощей Святаго и Блаженного Филиппа Митрополита Московскаго и всеа России, а с ним послаша болярина и дьяка и честных дворян, инии же и сами по обещанию своему в той монастырь ради моления с ним поидоша; пришедшим же им той путь до моря-Океана немедленно и оным морем шествующим, нападоша на них сильные ветры, и сотвориша на мори тамо велие и страшное волнение, яко ни единой ладии остатися у них в целости, но вси разбишася, а ладия в ней же дьяк с прочими беша без вести погибоша, прочих же разбиенных ладий людие от потопления благодатию Божиею вси спасени быша.

По оном же разбиении и великом страховании Преосвященный Митрополит немедленно во иныя суды седше, пути вдахуся: и благополучно Соловецкаго монастыря достигше, мощи Святителя Христова Филиппа Митрополита вземше, немедленно вспять море преидоша. Грядущу же ему со оными святыми мощами, к царствующему граду Москве, всюду путем во градех и селех благоверии людие оным мощам достодолжное почитание воздающе, с честными кресты и со святыми иконами сретение творяху; от них же с верою приходящим благодатию Божиею многая от различных недуг страждущим исцеления подавахуся. Еще же им к царствующему граду не пришедшим, Святейший Патриарх Иосиф от сея жизни отыде в вечную жизнь.

Егда же близ к царствующему граду приидоша, и тогда Благочестивый Царь со всем освященным собором с честными кресты и со священными иконы благолепственным устроением пойдоша с ними же и Преосвященный Митрополит Варлаам Ростовский и Ярославский, аще ему Благочестивый Царь ради его конечныя престарелости и зело от того путешествия возбраняше; он же желая видети святые мощи на стретение честных мощей поиде. Грядущим же им и мало нечто, якобы вержением камня, до Святительских мощей недошед Преосвященный Митрополит Варлаам, сяде в кресла и абие от жизни сея отъиде.

По его же преславлению дошедшим мощам великого Святителя Филиппа Благочестивый Царь со всем освященным собором и со всем своим царским Сигклитом и со бесчисленным множеством народа, от великия радости воздаша Богу благодарение, яко благоволил угодника своего мощи ему зрети, с сердечным веселием целовав оныя святые мощи, и от Преосвященнаго Никона Митрополита прием благословение, пойдоша в царствующий град Москву, и в оный вшедше, поставиша оныя святые мощи в соборной Апостольской церкви Успения Пресвятыя Богородицы среди церкви, и тако ту три дни пребыша и три нощи, ибо во вся те три дни и нощи присно народ реющеся на прикосновение и целование оных мощей.

И в принесение мощей к царствующему граду и в соборной церкви от оных мощей святых Благодатиею Божиею многая исцеления в скорбех сущим даровашеся, наипаче же величайшее число беснующихся, читаху над оными святыми мощами запрещательныя на злыя духи молитвы и руце возлагающу Преосвященному Митрополиту Никону, исцеление улучиша.

И по пренесении мощей Святительских Благочестивый Государь к Преосвященному Митрополиту Никону, за таковый его Великий труд, наипаче прежняго крайнюю свою царскую милость и любовь нача являти, и во знамя за тот труд благодарения, благоволи ему пожаловати множество драгих священных и внешних одежд, и в дом Премудрости Божия несколько сел и деревень вечно, и крилос его весь одари.

Зря же Благочестивый Царь, яко в та времена никтоже ему в разуме и во утверждении благочестия бе равен, посоветовавшись со всем освященным собором, аще Преосвященному Митрополиту Никону и весьма нехотящу и всячески отрицающуся, и разнообразными винами отбывающу, понудиша его престол Патриаршеский прияти и поставлен бысть в лето 7160-е (1652) месяца Июлия в 25 день.

Приемшу же ему Патриаршеский престол, по предбывшему своему обещанию, нача у великаго Государя милости просити о Валдайском себе селе и озере, во еже ему тамо устроити обитель во имя Пресвятыя Богородицы, глаголемыя Иверския; он же немедленно вся та, еже возжела, ему пожалова и своею царскою грамотою за златою печатию вечно утвердити повеле.

Святейший же Патриарх абие на оно место, ради устроения обители, посла строителя старца нарочита, и с ним своего Патриаршаго дома сына болярскаго и с прочими людьми к тому устроению потребными; с ними же на то устроение посла злата и серебра и всяких утварей церковных и книг довольное число; они же до означеннаго им места не косно дошедше, прилежно начаша дело творити: единые лес секуще, другие келии, инии же ограду обители строити, таже и церковь заложиша и совершиша.

Не по многом же убо времени слышав тоя святыя обители устроение Святейший Патриарх, ради онаго места созидания и сам прииде, и принесе с собою в сребряне позлащенне ковчезе части мощей четырех Московских Святителей и чудотворцев Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, а прежде своего в ту обитель пришествия Преосвященному Макарию Митрополиту Новгородскому и Великолуцкому повеле во оную обитель принести мощи святаго праведнаго Иоакова Боровицкого.

Бывшу же ему Святейшему Патриарху во оной обители, приидоша возвестити окрестнии того места жители, яко пришедшу ему во ону обитель с мощами четырех святителей, ведеша в нощи над оною обителью четыре столпа огненныя стоящия, инии же зреша точию един над церковию.

И малое некое время во оной новопостроенной обители прежив и потребная вся устроив, в царствующий град возвратися, и немедленно посла во святую Афонскую гору, ради написания иконы с чудотворного образа Пресвятыя Богородицы Иверския и принесения в новопостроенную его обитель. Списанной же убо той сущей и несенной в царствующий град Москву и оттоле в Иверскую новоустроенную обитель, в пути благоволи оную, чудес источник, Свет мира Христос Бог, чудотворения прославити, яже чудеса писана суть в книге о Иверском монастыре нареченной «рай мысленный»[1].

Правящу же Святейшему Патриарху Никону престол Российския церкви, и от всяких насилований ону храняше, церковных причетников ни в каких делах во иные ни в какие приказы, разве своего, похищати и их судити не даяше. К благим же и послушным смирение и любовь отеческую свою являше, к непослушным же и злым в их наказание разумную ярость являше; тем же от всех велиею честию был чтом, наипаче же от самого Самодержца весьма бе, яко отец любезный почитаем; без его бо совета ничто же хоте творити, но все за его благословением желаше делати, темже и на брань с Польским и Литовским Королем, яже тогда за православную веру християнскую, и за иные некие трудности случися, не без его Архиерейского совета и благословения пойде; дом же свой Царский, супругу свою Благоверную и Благочестивую Государыню Царицу и великую Княгиню Марию Ильиничну и сестер своих и чад своих и самый царствующий град Москву, заповеди вместо себе ведати и благоразумием хранити и во всем управляти ему Святейшему Патриарху.

И во оном царском походе благоволи Бог многия грады Литовския ему великому Государю покорити, и по победе Благочестивый царь в царствующий град возвратися и Богу за победу воздаде благодарение.

В то же лето Благочестивому Царю родися сын Царевич Алексий Алексиевич, ему же от святыя купели, за умолением великаго Государя, бысть восприемник Святейший Патриарх, а потом ради к нему велия царския любви и иные великаго Государя чады от святыя купели он же Святейший Патриарх восприимаше.

По претечении же зимы паки великий Государь весь свой царский дом и самый град Москву вручи Святейшему Патриарху и сам паки пойде на Польскаго Короля.

И во оно лето, грех ради наших, в царствующем граде Москве случися смертоносная язва, от ея же для сохранения ради царского дома со Благоверною и Благочестивою Государынею Царицею и

---

[1] В П. И. списке следует прибавление, относящееся собственно до устроения Иверской обители, заимствованное сокращение из вышеупомянутой книги «Рай мысленный».

великою Княгинею Мариею Ильиничною и со благородным Царевичем и со благоверными царевнами, пойде Святейший Патриарх в Троицкий Сергиев монастырь, и оттоле в монастырь Макария Колязинского, из него же приидоша во град Вязьму; в пути же оном весьма о хранении царского дома усердное свое тщание творяще, сам всего досматриваше и пустынными месты дороги вновь устрояше, и заставы крепкие ставляше, и огни велия на отгнание смертоноснаго воздуха повелеваше возжигати, и вся творяше, яже подобает на охранение от морового поветрия.

Благоверная же Царица, видящи его таковое от них отеческое промышление, зело любяше и почиташе, яко отца рождшаго, такожде и сестры Государския и чада велию к нему любовь имеяху, и за Божиею ему вспомогающею в том помощию, твердым его хранением, ни един кто с ними от путешествующих смертоносною язвою умре, но вси в целости и здравии путешествие препроводиша; а в царствующем граде безчисленное множество изомроша, и кратко рещи, вси изомроша[1].

Живущу же Святейшему Патриарху с царским домом во граде Вязьме, прииде к ним с победою Благочестивый царь и видя свой царский дом во всякой целости и слыша о опасном и усердном хранении Святейшего Патриарха, вельми возрадовался; и тако, за победу Полькаго Короля и за взятие многих городов, и наипаче за сохранение его Царского дома, велие Богу благодарение воздавше, и к Святейшему Патриарху зело паче прежняго за его таковую показанную любовь, любовию своею Царскою воздавати нача, и яко Ангела Божия и дому его хранителя, и от всех человек со удивлением нача почитати; усмотревше же от морового поветрия время не опасное из Вязьмы пойдоша во град Москву, в он же благополучно пришедше[2].

Пришед же Святейший Патриарх, слыша от многих человек на Славянския книги укоризненные словеса, яко с Греческими не согласуются, хотя укоризну ону отъяти, советова с великим Государем и со освященным собором, еже бы все книги церковныя исправити со старых Греческих и Российских харатейных книг, и во всех словесах, чинах и уставах с Греками согласиться, а о нужных вещах послать ко Святейшему Вселенскому Патриарху и прочим и во святыя горы Афонскую и Синайскую.

Благочестивый же царь похвалил Патриаршее благорачительство, повеле о том собор собрати и всех Российских Архиереев, и Архимандритов, и Игуменов, и Протопопов в царствующий град призвав, общим согласием утвердити.

Сшедшимся же всем, и то дело благоключимо быти рассмотревше, постановиша книжная погрешения с Греческих древних харатейных и с Русских исправити, и в чинах благопотребных по

---

[1] В П. И. это место читается так: мале что не вси изомроша, а за великое удивление, аще в которой улице человека четыре или пять осталося.

[2] Последующей за сим и важной по содержанию своему главы: «О исправлении книг» в П. И. списке нет, но в Р. С. списках оная находится.

древнему уставу согласити, и о нужных и о недоведомых вещах к Святейшим Патриархам и во Афонскую и Синайскую горы послати, и то свое согласное о исправлении книг постановление Благочестивый царь и Святейший Патриарх и прочие Архиереи и весь освященный собор руками своими во лучшее утверждение того дела преписаша.

И по совершении онаго собора немедленно Святейший Патриарх, ради того исправления, повеле отвсюду из древних книгохранительниц древния Греческие и Славянския харатейныя книги собрати, и искусным и благоговейным мужем имущим от Бога дар честное от недостойнаго изводити, и могущим с Еллино-Греческаго языка на Славянский прелагати, те книги разсматривати, и погрешения от неискусных переводчиков и от переписующих исправляти, и вся выписывати; а ради того лучшаго дела утверждения из всего выписывати и о оном исправлении и о нужных неведомых вещах Благочестивый Царь и Святейший Патриарх послаша ко Вселенскому и прочим православным Патриархам письмена с Греком Мануилом.

Прияв же письмена Вселенский Патриарх Паисий и сотворивше собор и с главизнами на нем содеянными о всех писанных к ним Благочестивому царю и Христолюбивому Патриарху ответ давше и деяние соборное прислаша, в лето 7163-е (1655), во всем повелевающе последовати древних великих Православных Восточныя церкви учителей писаниям, сущим ветхих книг Греческих и Славянских.

А к Святейшему Патриарху в грамоте своей восписано сице:

«Преблаженнейший и Святейший Патриарше высочайшия Москвы и всея земли Российския Кирие, Кирие (еже есть: Господине, Господине) Никоне, во Святом Дусе возлюбленный брате и сослужебниче нашего смирения, о нем же писасте к нам, даем ответ о всех, Преблаженнейше брате, да исправится якоже лепо, понеже Бог просветися во времена ваша, да очистятся вся неудобная и да исправятся, о нем же радуюся, жив Господь Бог, и имам ти писана в душе моей, за достоинство и разум, его же дарова тебе Бог, и воистинну похвалихом преблаженство твое, еже не престаешь испытати и искати в душеполезных и спасительных вещах церковных, яко истинен Пастырь и верный Строитель Божий, пекийся устроити и питати духовное свое стадо, чистою и нелестною и твердою пищею, и во всем тщишися содержати последствию, всякое священное деяние, по чину великия церкви, да не едино разнство имамы, яко чада истинныя единыя и тояжде матери Восточныя Апостольския соборныя великия церкви Христовы, и да не едину вину обретают скверная еретическая уста глаголати нас о некоем разнстве, но да стоит во истинном согласии, яко столпы твердии и непоступнии, и прочая».

И тако, Благочестивый царь и Христолюбивый Патриарх от Вселенскаго Паисия Патриарха о всех писанных ответ приемше, и соборное оное деяние прочетше, и сим к большему благих жела-

нию воздвигшеся, и сущия в России ветхия Греческия же и Славянския книги на исправление привести, не довольно быти мняще, изволиша Великий Государь и Святейший Патриарх, по согласию, послати с милостынею старца Арсения Суханова во Афонскую гору и во иныя святыя старожительная места, да и оттуда, своея ради богатыя милости, старописанныя книги притяжут, и ради исправления, да пришлют к Москве; и сему сбывшуся, и принесоша из Святыя Афонския горы книги зело много древних на Греческом языке писанных числом пять сот.

Еще же Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский Патриархи, и Митрополиты и Архиепископы, Патриарх Сербский и Ахридонский[1], и иные многие от Православных стран, из царствующего града прошением, не менее двою сот книг различных древних святых в царствующий град Москву прислаша.

И тако Благочестивая сия и Богомудрая двоица Великий Государь Царь и Великий Князь Алексий Михайлович всея великия и малыя и белыя России Самодержец и Великий Господин Святейший Никон Патриарх Московский и всея России, оныя священные книги совокупивше все во едино и довольно лежащая в них разсмотревше и Божиим вседержительным манием соединивше их, в любовь движими, целости ради непорочных догмат.

Но еще к вящшему утверждению о том же паки в царствующем граде Москве в Патриархии Собор сотвориша и быша на том Соборе священном:

Никон Божиею милостию Господин Святейший Патриарх Московский.

Макарий Патриарх Антиохийский.

Гавриил Патриарх Сербский, с Митрополиты и со Архиепископы и Епископы, со Архимандриты и Игумены и со всем освященным Собором.

И тако от Святейшего Вселенского Паисия Патриарха присланное Соборное деяние пред себя принесше, с усердием прочтоша, и судивши его право от Духа Святаго составленно быти, и вся древния старописанныя Греческия и Славянския книги разсмотревше, и обретоша древния Греческия письменныя с ветхими Славянскими книгами во всем согласующеся, а в новых Греческих печатных, и в новых же Московских печатных книгах с Греческими же и Славянскими древними многия несогласия и погрешения; судиша книги согласити и исправити во всем с древними Греческими рукописными и Славянскими священными книгами, да вси Православные христиане, неведения и сопротив благочестия погрешений, и еже оттуду находящия казни убегнут, хотящие же во истинном же разумении быти, в незадорном с Греческими древними письменными книгами, и в них

---

[1] Разумеются Предстоятели автокефальных Славянских церквей: Сербской, Ипекской и Охридской, Болгарской, упраздненных в 1760-х годах.

лежащими законы в согласном мудровании, да поживут зде в многолетнем благополучии, в будущем же веце в безконечной радости и наслаждении. Аминь.

Посем же в предъидущее лето Благочестивый великий Государь царь с воинством своим пойде на Свейскаго короля и там многия его грады поплени и оных победи.

Святейший же Патриарх Никон, воспомянув свое обещание, во время волнения морскаго, егда принесенну ему бывшу ко острову Кию, и на оном острове обещася монастырь Крестный устроити, посла тамо онаго дела во устроение, искуснаго монаха и с ним сына Боярскаго и повеле им монастырь той Крестный строити и именовати его Гречески Ставрос, Российски же крест.

Сам же Святейший Патриарх в той монастырь Крестный в царствующем граде Москве повеле соделати крест из древа кипариснаго в высоту и в ширину во всем подобен мерою кресту Христову, и украси той честный крест сребром и златом и драгоценным камением и жемчугом и положи в нем мощей до трех сот.

Такожде и святыя иконы со всяким благолепным и чудным художеством и украшением написав при том честном кресте, отпусти купно в той Крестный монастырь: с подобающею честию и благолепным Соборным провождением; провождаше бо он сам той честный крест со всем освященным собором из соборныя церкви за Сретенские ворота до места нарицаемого Филиппов крест и оттоле пришед в Соборную Апостольскую церковь и сотворив молебное пение.

В той же день великому Государю поручи Господь Бог взяти Немецкий град Динабург, иже наречен бысть Царевича Димитрия, зане в той день, в он же Царевичу Димитрию празднуется, той град взят бысть.

Потом же вскоре в Российском царствии за грехи наши Божиим праведным попущением, паки бысть смертоносноя язва и моровое поветрие.

Святейшия же Патриарх Никон, паки, яко отец чадолюбивый и верный Государского дому хранитель, со всем царским домом немедленно из царствующего града Москвы пойде во град Тверь, а из Твери в Вязьму и тамо пребысть даже до пришествия из Лифляндския земли Великаго Государя.

Егда же великий Государь в Вязьму град благополучно с победою приидете и обрете дом свой царский весь в добром здравии, велие воздаде Богу за сохранение и Святейшему Патриарху за его о доме его великотщательное попечение и прилежное блюдение, царское свое велие воздаде воздаяние и любовь его отеческую своею к нему Царскою любовию усугуби.

Между же оными любовь тако велика бысть, яко едва когда и на малое время в Российском царстве между Царей и Святейших Патриархов бяше, оною же не точию все Российское

царствие радовашеся, но и многия окрестныя царствия слышавше, удивляхуся.

По престатии же убо морового поветрия, приидоша великий Государь Царь со всем своим царским домом и со множеством ратных людей и Святейший Патриарх из Вязьмы в царствующий град Москву, и живяху в тишине и во всяком благополучии и между ими любовь день от дня и час от часу от всех со удивлением умножашеся.

И во оно время Святейший Никон Патриарх купи себе в Иверский монастырь село Воскресенское, от царствующего града четыредесять пять поприщ, у некоего Романа Бобарыкина, в строение во Иверский монастырь, и нача многажды шествовати тамо, соглядати села того, и абие прииде ему мысль, еже бы построити во оном месте монастырь, пришествия ради своего, дабы ему приходити в монастырь, а не в село.

И тако, со благоволением великаго Государя начать строити Воскресенский монастырь, лес секуще и церковь строяще и келии.

Егда же приспе время быти освящению церкви[1], тогда Святейший Патриарх призва на освящение храма того самаго великого Государя, и тако Благочестивый Государь Царь быв в Воскресенском монастыре, возлюби место оно, и отъехав мало написа писание Святейшему Патриарху Никону своею рукою сице: «яко благоволи Господь Бог исперва место сие предъуготовати на создание монастыря; понеже прекрасно, подобно Иерусалиму».

Святейший же Патриарх Никон получив писание оно с радостию и полагает е в среброкованном ковчежце под святым Престолом и повеле по царскому писанию званием именоватися Воскресенский монастырь, Новый Иерусалим.

По сем посла в Палестину во святый град Иерусалим, Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря келаря старца Арсения Суханова, дабы ему восприяти (подобие) с Иерусалимския церкви великия святаго Воскресения, юже церковь созда во Иерусалиме исперва благоверная и Христолюбивая святая Царица Елена мати святаго царя Константина; той же келарь вскоре во Иерусалиме шествие сотвори и повеленное исполни.

Святейший же Никон Патриарх повеле в Воскресенском монастыре, со онаго подобия Иерусалимския церкви, святую церковь созидати велику зело и пространну, яковыя церкви во всей России и во окрестных государствах в настоящем времени нигде не обретается, ибо и оная Иерусалимская святая церковь от озлобления Турков во многих местах разорена бысть, и иными неправославными верами по своим их обычаям исперепорчена: и тако Блаженный строяше ону церковь.

Не по мнозе же времени, позавидев общий супостат великия любви между Благочестивым Царем со Святейшим Никоном

---

[1] В П. И. прибавлено: в 165 (1657) году.

Патриархом, нача быти между ими безсоветие и распря чрез некиих злых человек, иже от супостата на то устроенных; и егда случахуся праздничныя дни и бываху Великаго Государя выходы в Соборную церковь и на исхождение с литиями, тогда Благочестивый Царь, подущаем злыми ближними своими боляры, в те обыклыя исхождения не исхождаше.

Святейший же Патриарх множицею его ожидаше благовесть продолжая Благочестивый же Царь присылаше к нему и повеляваше не ждати себя и тако быть между ими распря и безсоветие.

Святейший же Патриарх восхоте дати место гневу; оставляет свой Пастырский престол и жезл Архиерейский в Соборной Апостольской Пресвятыя Богородицы церкви в день торжественный, в оньже положению ризы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, еже есть хитон, месяца Июлия в «10» день; Благочестивому же Царю посылает рукописание свое, еже бы ему подаровав где келию на сожитие себе.

Благочестивый же царь, уведав о сем, присылает к нему ближняго своего болярина Князя Алексея Никитича Трубецкого в Соборную церковь, ибо народи видевше сие необычное дело, мног плач и рыдание сотвориша и не испущаху его из Соборныя церкви.

Ближний же болярин увидев Святейшего Патриарха в черном клобуке и просту пятерицу в руце имуща, глагола ему царевым словом: повелел есть великий Государь тебе возвестити, почто-де ты просишися в келию, есть-де у тебя келии твоего строения на Патриарше дворе; он же отвеща ему: не мои те суть келии, но кому Государь благоволит, тому и жити в них; мене же дабы пожаловал Великий Государь, отпустил в кий-либо монастырь.

Болярин же паки иде ко Царю, и тамо мало быв, паки вторицею прииде ко Святейшему Патриарху тожде глаголя ему, еще же и сие прирече: Великий Государь велел у тебя Святейшего Патриарха вопросити: нет ли у тебя какой ссоры на Великаго Государя или каких наносных речей, изволь возвестити; он же глагола ему: ни ссоры, ни наносных речей мне никаких на Великого Государя и ни на кого несть, а оставляю престол свой, ведая своя к Богу многая согрешения; многих бо ради грехов моих зде в царствующем граде многия моры и войны быша и вся злая, того ради оставляю аз престол свой и первенство свое; и тако паки вторицею болярин той отыде ко Царю.

Благочестивые же людие церковная врата крепко держаху, дабы им не испустити его из церкви; вельми же о семь плакаху, яко лишахуся такова Великаго Пастыря и учителя: и тако держаху его в церкви чающе пришествия Царскаго.

Святейший же Патриарх седяше на нижней степени своего места еже есть посреде церкви к западным церковным дверям и часто возставая хотя же из церкви изыти; народи же не даяху ему исходити плачуще; он же, видев слезы их, и сам прослезися.

Паки же прииде в третие оный Боярин со иными глаголя: Великий Государь указал тебе сказать, где-де ты изволишь, тамо себе монастырь и келии избери, и тако Святейший Патриарх поклонися пред Болярином, глаголя: челом бью Великому Государю на его Государской милости; и тако изыде из Соборныя церкви.

Обрете же вне Соборныя церкви извозника с колесницею, бе бо на то уготован и ходяше на колесницу сести, бе бо во оно время грязь из Ивановской площади; народи же видевше сие растерзающе телегу и супонь разрезаша и коня распрягоша.

Святейший же Патриарх, видя, яко не даяху ему на колесницу сести, иде по Ивановской площади по грязи пеш; привезоша же ему тогда и карету; он же не взыде в ню, народи же мнози последюще ему и абие во вратех града Кремля Спасителевых реченных, те врата затвориша не испущающе его; он же сяде во единой печуре и тут мнози плакахуся его, что оставляет их, яко Пастырь овец, и абие прииде сановницы царстии ко вратам и тогда врата отверзоша.

Святейший же Патриарх востав иде паки пеш Красною площадью и Ильинским кресцем, даже до Воскресенскаго своего подворья; народа же множество возследоваша ему уговаривающе его и плачуще; он же пришед на Воскресенское свое подворье и вниде в свои келии, яже суть на подворье, и благословив всех и мир подаде отпусти восвояси; сам же Святейший Никон Патриарх пребыв ту на Воскресенском подворье три дни и три нощи, и испросив в Новодевическом монастыре две коляски, прутием плетеныя Киевския, и положив на едину коляску вещи своя, на другую же сяде сам и путешествоваше в монастырь свой Воскресенской.

Благочестивый же Царь уведав о сем, яко путешествует в монастырь в простой коляске, посылает за ним того же болярина своего Князя Алексия Трубецкаго с каретою его Патриаршескою, еже бы ему Святейшему Патриарху в той карете путешествовати, болярин же вскоре изыде во след его и не возможе уже достигнути, прииде же в Воскресенский монастырь и глаголя ему указ Царскаго Величества, дабы ему приять карету; он же не прият; болярин взяв ту карету паки с собою и привезе ю в монастырское село, глаголемое Чернево, и оставиша ту, стояше же та карета в селе Черневе многое время.

Святейший же Никон Патриарх прият на ся вериги железныя, и вдадеся молитвам и посту и воздержанию, и нача у церковнаго онаго великаго строения сам собою безпрестанно надзирати и плинфы носити на руках своих и на раменах, такожде и братия того Воскресенскаго монастыря с ним же труждающеся плинфы носяще всегда в работныя дни.

Таже Святейший Патриарх начал окрест монастыря пруды копати, и рыбы сажати, и мельницы устроивати, и всякия овощныя сады насаждая, такожде с братиею и лес секуще, поля к сеянию расширяюще, из болота же рвы копающе, сену кошение устрояюще и сено гребуще, везде же всякия труды труждаяся,

сам собою во всем образ показуя; и сам везде на трудех прежде всех обретаяся; последи же трудов исходя: и тако пребываше труды к трудам прилагая.

Благочестивый же Царь слышав его многия труды и терпение многажды с милостынею к нему присылаше, по тысяче и по две тысячи рублев, такожде и на пищу братии трепезныя потребы присылаше, еще же царскою своею милостию призре его и вдаде ему на пропитание три великия обители строения его: Пресвятыя Богородицы Иверской и Крестной и Воскресенской монастыри, дабы ему ведати их со всем, и питатися тех монастырей от земледельцов всякими доходы и угодии и оную великую церковь Божию строити, царских же своих доходов и оброков с тех монастырей и с вотчин тех имати ни в какие поборы не повеле, бе бо тогда за теми монастырями вящше 6000 земледельцов.

К сим же по вся лета присылаше ему Благочестивый Царь за соляныя Камския варницы по две тысячи рублев, и теми Государския милости сребреницами и своими новостроенными монастыри строяше церковь Божию, наипаче же своими трудами всегда всем во всем образ себя полагая.

По мале же времени пришествия своего в монастырь Воскресенский, яко лето едино или годищное время прежив, присылает к нему Благочестивый Царь ближняго своего человека, возвещая ему нашествие иноплеменник Крымских Татар, яко уже приходят близ Российского царствия, а тебе-де отцу нашему и богомольцу от такова нашествия в сем новом и пустом месте в монастыре Воскресенском, спастися и усидеть невозможно, понеже тогда еще монастырь Воскресенский сначала имея ограду малу и не крепку, и чтоб изволил по совету Благочестиваго Государя Царя идти, для таковаго нахождения иноплеменник, в Макариев Колязин монастырь, понеже той монастырь давной и устроен каменным ограждением крепко.

Святейший же Патриарх глагола присланному: возвести Благочестивому Царю о сем, яко аз в Колязин монастырь не иду, лучше мне быть в Зачатейском монастыре, в Китай-городе в углу, нежели в Колязине монастыре; а есть, рече, у меня и без Колязина монастыря, за помощию великаго Бога и его царскою милостию, свои монастыри крепкий Иверской и Крестный, и я доложася с Великим Государем пойду в свой монастырь, и нынеде возвести великому Государю, яко иду к Москве о всяких нуждах своих доложитися с великим Государем; посланный же рече: про которой-де Святейший Патриарх монастырь Зачатейской изволит говорить, яко лучше Колязина монастыря? Святейший же Патриарх рече: тот, что на Варварском кресце под горою у Зачатия; бе бо тогда в том месте под горою большая тюрьма; он же посланный глаголя, яко тамо токмо большая тюрьма, а не монастырь; Святейший же Патриарх глаголя: тот и Зачатейский монастырь и абие присланный со благословением и с сими словесы пойде в путь свой.

Святейший же Патриарх не закоснев дома и сам пути касается, и пойде в царствующий град Москву; и на Москве же тогда готовляхуся ко осаде и строяху град деревянной по земляному валу.

Святейший же Патриарх ни мало закоснев, того же дня прииде и ста на Иверском своем подворье, и посла весть о том к великому Государю, яко прииде Никон некиих ради нужных потреб, и желает видети его царския очи, мир и благословение подав отыти, амо же Богом, и его царским изволением управлен будет от нашествия иноплеменник.

Царь же Благочестивый того вечера несоветовав с боляры и неизволи быть к себе Святейшему Патриарху; во утрий же день советоваше с боляры, яко еще послати думнаго дьяка Алмаза Иванова и вопросити Святейшаго Патриарха: каких ради нужных потреб прииде и чтоб ему думному о сем возвестил, а думной донесет великому Государю и всей палате; и абие посланный вся изрече Святейшему Патриарху.

Слышав же сие Святейший Патриарх глаголя ему: яко аз тебе глаголати о нужных своих потребах не буду, и благословение посылати чрез тебя не хощу, то есть благословение совершенное, еже с воображением креста и с возложением руки; и абие посланный думной с тем словом отыде, и в той день паки не изволившу быти Святейшему Патриарху у великого Государя.

В третий же день паки посылает великий Государь того же человека глаголя: яко великий Государь благоволит быти тебе вверх к себе в вечер сей; Святейший же Патриарх от дне своего выезда из Воскресенскаго монастыря, яко третий день ничто не вкусив, понеже снедных вещей не имея ничего при себе.

Народи же Московские видевше своего пастыря пришедша возрадовашася; в те же дни известие прияша, яко Крымския татары отыдоша восвояси; и егда прииде вечер, тогда паки прииде той же прежде реченный посланный глаголя, и время возвещая идти вверх ко Благочестивому Царю.

Святейший же Патриарх пойде и прииде по обычаю в верхние палаты; Благочестивый же Царь срете его на переднем крыльце, и тако вшедшим им в палату, Святейший Патриарх сотворив молитву: «Владыко многомилостиве и прочая по ряду; еще же присовокупи о Царе и о Царице прошение и о всем доме и о воинстве, а абие по молитве седоша мало и глаголаше друг ко другу мирная словеса, и друг друга вопрошаху о здравии и о душе спасительном пребывании; и мало посидевше, тут бо бе и боляре; Благочестивый же Царь и Святейший Патриарх поидоша ко Благочестивой Царице и к чадом их, и тамо умедлиша, яко четыре часа нощи: и отпусти его Благочестивый Царь восвояси в монастырь Воскресенской, и поизволи ему Благочестивый Царь ехать, по прошению его, во Иверской и в Крестной монастыри, и, егда приуготовится на путь, зва его во ут-

ренний день на обед свой Царской в дом; он же отрецеся, яко утром рано имам отыти в путь свой.

Благочестивый же Царь присла к нему за обед и напутное шествие сребреных денег 2000 рублев, и повеле ему имать из Савина монастыря по 20 человек стрельцов и сотников ради всякого бережения от злых человек в монастыре и в путешествии, и абие Святейший Патриарх отыде от царствующего града Москвы и прииде во свое строение в монастырь Воскресенской.

В то же время прииде к нему от царствующаго града Москвы в Воскресенской монастырь черной диакон Феодосий, еже бе жил и служил у Крутицкаго Митрополита Питирима, глаголя Святейшему Патриарху на своего Митрополита многа зла, называя его мучителем и блудником, и иная многая возвещая, и моля Святейшаго Патриарха, да повелит ему быти в монастыре Воскресенском.

Святейший же Патриарх благоволи ему быти в братстве; егда же хотяше идти по намерению своему во свое строение во Иверской и в Крестной монастыри, тогда той же чернец Феодосий моля Святейшаго Патриарха неотступно, чтобы и ему повелел быть с ним в путешествии в те вышеписанныя монастыри.

Святейший же Патриарх, не ведая его лукавого коварства, повеле ему идти и пребывати в крестовой своей службе, ясти и пити с келейными его старцы, и быша во Иверском монастыре и в пустыне Галилейской время не мало, и пойдоша в Крестный монастырь, и тамо поживе мало не годищное время и построиша вновь Соборную церковь велику каменну во имя Воздвижения Честнаго Креста Господня и ископаша кладезь великий из камени дикаго, и на том кладезе построиша церковь, каменную ж во имя происхождения Честнаго Креста Господня, бе бо той кладезь вельми угоден и на всякия монастырския потребы воды довольно; построен же бе той кладезь молитвами и трудами самого Святейшего Патриарха Никона, понеже в том Крестном монастыре прежде сего такого кладезя не имелось, в зимнее бо время и летнее скудость воды бе велика; в зиме бо от мраза измерзаша, в летнее же время от жара изсыхаша, ибо бе мал зело и не глубок.

Святейший же Патриарх о сем не мало соболезноваше, и моля Бога да проявит ему Бог где ископати кладезь, и абие, Богом наставляемый, избра сие место и бысть кладезь изряден; и иная строения многая строяше и о церковном строении прилежа и труждаяся сам с братиею, и прочими трудники, пришедшими с ним, и с тамошними земледельцы.

Сия же до зде, паки глаголем о преждереченном диаконе Феодосие: живяше же той диакон при Святейшем Патриархе, нача приступати и в близость и клеветы творити; Святейший же Патриарх, не разумея его коварства, ни мало о сем внимаше.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
1997

На острове же том построена бе влазня[1] ради мирских всяких людей; в той же влазне служилые люди узреша диакона того с неким человеком, сотворяюща нечто, и вопросиша их; диакон же молча иде в монастырь; они же емше клеврета его яве вопросиша прилежно о творении их дела; он же поведа: той диакон строил некий портежный состав; служилые же люди возвестиша о сем Святейшему Патриарху.

Святейший же Патриарх повеле приказному своему дворянину Василью Поскочину того диакона распросити и человека того; диакон же той поведа ему все подробно писанием, яже творяше во влазне трутизное зелие, поведая ему, яко послаша мя, рече, с Москвы Кругицкой Питирим Митрополит и Павел Чудовской Архимандрит повелеша мне извести Святейшаго Патриарха и за то-де посулиша мне Великоновгородскую Митрополию и я-де по воле их творя: перво бо давал я в питье Святейшему Патриарху и поднес питие в скляничной крушке хрустальной и он-де увидел, что мутно стало в сосуде питие, и того-де ради и вылил, глаголя, что-де гораздо мутно, и велел свежаго налить при себе, и тем-де он тоя трутизны избыл, а келейным-де малым старцам в питье давал же, чтобы до меня были добры, и они-де малые старцы то питье не разсмотря и не знаючи пили.

А ныне-де я строил то по научению тех вышеписанных людей Святейшему Патриарху смертную трутизну и имал-де я у него тайно власы из головы и из брады и из постели и из следов и из стелек и мыло, которым он мылился и то-де ныне строил и хотел-де его портить, а человек той не ведал совершено про то дело ни про что, только-де он способствовал мне.

Сия же слышал Святейший Патриарх от приказного человека и видев писанныя речи за его дьяконовою рукою, удивися силе Великаго Бога, яко сохрани его от такия смертныя трутизны и возда славу Христу Богу, яко избави его Господь Бог от того злоковарственного умышления, и напамятова, како излия из хрустальныя крушки питие мутное, подносимое оным диаконом.

И абие повеле писание и те распросные речи и их обоих сковав послати к Москве к благочестивому Царю; и егда сие писание дойде в руки благочестивому Царю, тогда повеле паки разспросити большим болярам Князю Алексею Трубецкому и иным пред собою, да уведать истину о сем; и егда начаша его вопрошати, он же всего того отрече ся, яко не знает и в мысли его того не бывало, и о сем возвестиша Царю, и повеле его градскому суду предати и тамо вопросити, идеже спрашивают с пристрастием и прочих злодеев.

Он же Феодосий ту истинну поведа якоже бысть в монастыре Крестном и что о нем писано, и то он с повинностию испо-

---

[1] В л а з н я — баня.

веда по ряду, что он строил такую трутизну и хотел смертно отравить Святейшаго Патриарха.

Не по мале же времени Святейший Патриарх устроив вся потребная в монастыре Крестном паки возвратися в монастырь Воскресенской.

Известно же учинилось Царю Благочестивому, что Святейший Патриарх со Океана-моря в Воскресенской монастырь прииде, присылает своего ближняго человека Иродиона Матвеевича Стрешнева и поведает Святейшему о преждереченном диаконе Феодосии, что из Крестнаго монастыря к Москве прислан, и яко истинну поведа и вину во всем он принес великому Государю против твоего Святейший писания, яже писал о нем великому Государю из Крестнаго монастыря, и ныне о нем что укажет твое Святительство: смертною ли казнию казнити, чтобы иным впредь тако творити было неповадно, или в дальнюю ссылку его сослати, или свободну быти ему диакону поволишь?

Святейший же Патриарх Никон от присланнаго сия слышав, бил челом на милости Государской, что испыта истину и уведа в конец дело и рече: воля великаго Государя о сем деле да будет, аз бо чист есмь от того диакона и злаго его коварства, иже он на мя умысли злою трутизною смерти предати научением злых человек; но понеже сохрани мя десница Вышняго Бога от их злаго коварства, аз бо диакону тому не истец, токмо явно учинил великому Государю злобу на мя Крутицкаго Митрополита и Павла Архимандрита Чудовскаго с клевреты, а о диаконе том, что великий Государь укажет по своей воли, и с сим присланнаго отпусти к Москве.

Некогда же по зависти диаволя оклевета великому Государю Стольник Роман Бабарыкин Святейшаго Патриарха, глаголя, яко бы Святейший Патриарх, проклиная Великаго Государя на молебне, глаголя псалмы не приличныя: Боже хвалы моея не премолчи, в нем же написано тако: «да будет двор его пуст, и жена его вдова, и чада его сироты», и иные псалмы приличные сему.

Великий же Государь о сем на ярость подвижеся, посылает абие по всех Архиереев Московскаго Государства и по свой Царский Сигклит и возвещает умильно Архиереям на Святейшаго Патриарха со слезами, яко рече, тако мя кленяше.

Российстии же Архиереи и Палестинские и его Царский Сигклит советуют Великому Государю, взяв Святейшаго Патриарха вскоре, и сослати его в дальнюю и жестокую ссылку, един же Архиерей или два глаголаше Благочестивому Царю, дабы Великий Государь изволил о том деле его Святейшаго Патриарха самаго допросить, аще ли же запрется, ин из служителей его и рабов допросити подлинно, и потом уже осуждение дати.

Великий же Государь благоволи сему тако быти и посылает в Воскресенский монастырь от освященнаго Собора Газскаго Митрополита Паисия да Астраханскаго Архиепископа Иосифа, с ними же Архимандритов и Игуменов, от царскаго же Сигклита: Бо-

лярина Князя Никиту Ивановича Одоевского, и окольничаго Иродиона Матвеева Стрешнева, и думного Логофета Алмаза Иванова, полковника Василия Философова и с ними пятьдесят человек стрельцов, и иных дворян и детей боярских множество.

Пришедшим же им в монастырь Святаго Воскресения и вшедше в келии патриарховы начаша его вопрошати, како он пел есть молебен, и како проклинал, и кия псалмы читал; он же отвеща им: неложно глаголю, яко молебен пел есмь и тии псалмы читаны суть, токмо не к лицу Великаго Государя, а каковым аз молебен тогда певал, и каковые псалмы читах, аз и ныне готов таковый же молебен пети при вас; псалмы же сии глаголах аз, моляся Господеви Богу на супостата своего Романа Бабарыкина, понеже бо тогда у него Святейшаго Патриарха по его Романову челобитью землю взяв отдали к селу Бобыреву, иже напоследи Благочестивый Государь Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич всеа великия и малыя и белыя России Самодержец пожаловал присовокупил и все село то в Воскресенский монастырь.

Посланнии же глаголаша: молебна мы слушати без указу Царскаго нейдем; повелено же нам взяти в распрос Архимандрита и братию и детей боярских и слуг и служебников, иже суть в то время у молебна были; он же глаголя им, якоже что хощете, то и творити; они же по единому приводяще вопрошаху их, како молебствоваше и что пояху; отвещевающим же им, тии глаголаху, яко на молебне на ектениах за Великого Государя Бога молил, а псалмы к каковому лицу читал, того не именовал. И тако разспросив Архимандрита и братию отпустиша из монастыря же по указу Царскаго Величества исходити не повелеша; мирских же всех разспросив за стражу Московским стрельцам отдаша.

Наутрие же возвестиша Святейшему Патриарху, яко пещь новых кирпичей поспела есть и износити потребно; он же по прежнему обычаю повеле в колокол на работу звонити.

Присланнии же уведаша от тут живущих, яко хощет Святейший Патриарх идти на труды, с братиею кирпичи из пещи износити; посланнии же прислаша глаголюще, дабы до указу великаго Государя из монастыря Святейшему Патриарху никуды не исходити, и поставиша вкруг монастыря Московских стрельцов, да никто же из лишних в монастырь внидет, и из монастыря Патриарха и братии не испущати; и тако пребысть в Воскресенский монастырь за стражею с месяц един времени.

Архиерей же и болярин с прочими вскоре отъидоша к Москве, токмо полковника со стельцами оставиша.

Святейший же Патриарх Никон, наипаче во время оно сугубыя молитвы Господеви возсылаше, ибо егда сошед с Москвы и пришед в воскресенский монастырь, таковый обычай имея: по вся бо дни по литургии молебен певаше Пресвятые Богородице Греческим речением и согласием, а во облежании стражей и еще к тому приложи стихиры Пресвятей Богородице Киевским согласием

Российским речением: «всем предстательствующи Благая», и пояше всегда моляся со слезами; и тако по едином месяце прииде Великаго Государя повеление к полковнику оному Василью Философову повелевающе ему и со стрельцами отыти к Москве; монастырь же по-прежнему оставити свободен и колодников свободити; и тако преста вражда та благодатию Божиею.

Святейший же Патриарх труды множайшия о церкви Божией полагаше, пребываху же в том Воскресенском монастыре повелением Великаго Государя оберегатели Святейшаго Патриарха здравия: един сотник и 20 человек стрельцов из Звенигорода Саввина монастыря.

По прошествии же того единаго смущения паки многия смущения и оклеветания великому Государю на Святейшаго Патриарха бываху, ибо во оно время пребываху у Святейшаго Патриарха в Воскресенском монастыре многие иноземцы: Греки, и Поляки, Черкасы и Белорусцы и новокрещенныя Немцы и Жиды в монашеском чину и белецком приезжаху же мнози изо многих стран и земель иноземцы хотяще видети лице его и зрети таковаго великаго строения, он же всех с радостию приимаше.

Великому же Государю навадиша, яко со иноземцы глаголет Патриарх на великаго Государя многия неприличныя глаголы жалуяся, яко бы великий Государь владеет и царством и Архиерейством и о том убо паки от от великаго Государя с выговором приезжали; и иныя смуты частыя бываху.

Благочестивый же Царь аще и таковая на Патриарха ему клеветаху, но зело милостив бе к нему, егда бо родится благочестивому Царю сын или дщерь, тогда с милостынею к нему присылаше, такожде и со овощами всякими, дорогими сахары и иными узорочии; Святейший же Патриарх на трапезе все с братиею разделяше, такожде и егда царскаго дому кто имянинник бываше, тогда благочестивый царь от всех с пирогами имянинными присылаше; он же и тии пироги с братиею разделяше.

По малех убо летех паки учинися вражда у Святейшаго Патриарха с великим Государем таковым образом: болярин некто Царска Сигклита, именем Никита Андреевич зовомый Зюзин, бе муж благочестив и богобоязлив; сей видев беспрестанныя же вражды и смущения у великаго Государя с Святейшим Патриархом, ведяше же и первую великую любовь между ими, восхоте паки привести их в любовь, но не возможе, уже бо тако то Богу Святому изволившу; восхоте и написа писание ко Святейшему Патриарху, яко бы благочестивый Царь присылал есть к нему Никите ближних своих людей Артемона Матвеева и Афанасия Нащокина и повелел есть глаголати ему, дабы той Никита написав послание от своего си лица ко Святейшему Патриарху таковое, во еже бы Святейший Патриарх на нарекованное число пришельствовал в царствующий град Москву в день недельный ко утренни, у врат же града вопрошающим, да поведает о себе нарицающеся Саввина монастыря власти; пришедши же бы в соборную великую церковь и возшед

стоял бы на Патриаршеском месте и восприял бы свой Архиерейский жезл, его же пошед с Москвы оставил на месте том; и тогда благочестивый Царь присылати будет сперва боляр своих со оглаголанием, а потом паки второе пришлет боляр своих и властей; тогда бы Святейший Патриарх вопросил ключей своих келейных, и аз де ему в третие и келейныя ключи пошлю, и тогда бы он шел в келии свои; к нему же по мале часе и сам аз пришел бы и о всем с ним возглаголал, аще же не тебе, Никите, к нему отписати, то иному несть кому, понеже иных убо боляр Святейший Патриарх не тако любит, а тебе-де жалует.

Он же Никита, якобы сия вся слышав от них, восписует и с Новгородским священником Сысоем Андреевым к Святейшему Патриарху посылает.

Святейший Никон Патриарх, прият сие писание и прочет, повеле списати, а подлинное его Никитиной руки писание к нему ж со священником оным воспослати, понеже той Никита в том писании своем написа, дабы писание руки его к нему паки прислати.

Святейший же Патриарх и свое писание с писанием его к нему посылает, сице глаголющее, яко невозможно рече сем тако быти, во еже мне тако к Москве пришествие сотворити.

Седмицу же едину преждав, паки тойже болярин призывает к себе Патриархова иподиакона Никиту именем Никитина, глаголя ему: яко повелел есть великий Государь тебе ко Святейшему Никону Патриарху послати, ведая любовь его к тебе такожде и твою ко оному, призвав к себе и отца своего духовнаго Иеромонаха Александра, иже прежде бывый Андреан Протопоп, глаголя, на сие тебе свидетель и отец мой духовный; и посылает с ним писание подобно первому, еще же в писании том приложи: второе, рече, уже великий Государь оных же ближних людей своих присылал есть к нему Никите, с ними же бяше прислано письмо его царския руки; написано же тако бе, о чем, глаголя, будут тебе Никите глаголати ближния наши люди, и тебе бы то верно имети, того бо ради и писание к тебе нашей руки послася, и ты убо, о Святейший, поверь нам и пришествие сотвори.

Святейший же Патриарх и сие писание приим, паки повеле списати вернейшим своим, иподиакона же того паки с писанием бездельна отосла, глаголя, яко невозможно сему тако быти, такожде же и писание его паки отосла, понеже той болярин писаше к нему, дабы писание его возвращати.

По трех убо днех, паки того же иподиакона Никиту той же болярин посылает с писанием подобно первым, еще же и сие прилагает: аще, рече, ныне ты Святейший Патриарх не изволиши быти, глаголет великий Государь, и не умириши церкви Божия и с нами мира не положиши, то и во веки церкви Божией быти во вражде и у нас нелюбви; аще же будеши ныне, то сотворим во всем волю твою, якоже Господеви угодно и тебе.

Святейший же Патриарх сие третие писание от иподиакона прием, глаголя ему: аще и аз престола своего не желаю, но и паче церкви Божией всякаго умирения и царского милосердия желаю, и вдаются воли Божией и царскому его изволению; токмо о сем едином попечении имею, дабы сие дело не коварством было; Никита же иподиакон глаголя ему, яко при отце своем духовном Никита Зюзин посылаше его государским повелением.

Святейший же Патриарх третияго онаго писания по его прошению не отпусти, рек к нему: да скажеши болярину, яко сам аз иду и писание твое привезу, и абие начать пути касатися, и пойде к Москве в субботу вечера по повечерии за едину седмицу до праздника Христова Рождества; пришедши же к царствующему граду Москве и во вратех града, глаголемых Смоленских сказашеся, яко Саввинския власти приидоша; тогда стражи отверзоша им врата и во град пустиша его и сущих с ним; вшедшим же им во град и пришедшим в соборную великую церковь Пресвятыя Богородицы во время утренняго пения в стихологие первыя кафизмы, и по обычаю Архиерейского входа, сущим с ним повеле пети: «Достойно есть», сам же Святейший Никон Патриарх поклоняшеся святым иконам и целоваше я.

По отпетии же «Достойно» и по ектении паки начаша стихологисати псалтирь по обычаю; тогда Святейший Патриарх шед и ста на Патриаршеском месте своем и взем в руце свой жезл Чудотворца Петра Митрополита, его же бяше оставил по отшествии своем, и пойде к нему к благословению Преосвященный Иона Митрополит Ростовский и Ярославский, бе бо той Митрополит тогда хранителем Святейшаго Патриаршескаго Российскаго престола, посем и Протопоп большаго собора и прочия священницы по обычаю и вси прилучившияся тамо народи.

По сем же Святейший Патриарх призвав онаго Митрополита Ростовского, да Архимандрита Воскресенского, посылает их к великому Государю вверх, и повеле возвестити о себе, яко рече, мир и благословение великому Государю и всему его царскому дому, и всему царствующему граду; они же убо послушавше его идоша и возвестиша Благочестивому Царю по его повелению.

Благочестивый же Царь посылает по властей и по благородных своих боляр наскоро и которые приключилися советует с ними великий Государь о пришествии Святейшаго Патриарха; они же отвещавше рекоша, дабы вопросити его, чего ради пришел есть, и за каковым делом.

Тогда Благочестивый Царь посылает к Святейшему Никону Патриарху боляр своих Князя Никиту Одоевскаго с прочими, дабы вопросили его; они же пришедши в церковь вопрошаху его; отвещав же Святейший Патриарх Никон, глаголя им, яко мир и благословение великому Государю и дому его царскому и всей своей пастве принесе, они же слышавше сия, паки возвратишася к великому Государю.

Благочестивый же Царь, услышав таковая словеса, паки советует, что ему отвещати; Архиереи же и царский его Сигклит советуют, дабы отослати его в Воскресенский монастырь, не видев лица царскаго.

Тогда Благочестивый Царь благоволи сему совету их быти; пойдоша же к нему паки Архиереи и боляры глаголюще, и повелевающе ему возвратитися в Воскресенский монастырь; отвещав же Никон Патриарх глаголя им: хощу, видети лице царское и благословити дом его; они же укориша его, яко не правильно в нощи пришедши, и реша ему, яко царскаго лица тебе видети в нощи невозможно, понеже у великаго Государя ко Вселенским Святейшим Патриархом о пришествии их к Москве писано есть и послано, и ожидает пришествия их вскоре, и за тем убо видети лица царскаго до Вселенских Патриархов невозможно.

Тогда Святейший Патриарх глаголя им: да возвестят еще великому Государю, яко требую его видети ради нужных великих дел; они же его отсылаху до Вселенских Патриархов; вся же сия содеяшася во время утренняго пения; едва же послушавше его пойдоша и в третие к великому Государю и сказаша словеса его; великий же Государь повелел паки идти ему в Воскресенский монастырь; сие же бе уже по утрени в той же соборной церкви.

Святейший же Никон Патриарх слышав таковое повеление, пойде ко святым иконам знаменоватися и изыде из Соборной Церкви; взял же с собою жезл Петра Митрополита и сяде в свои сани; за ним же великий Государь присла болярина своего Князя Димитрия Долгорукова и с ним Полковника и стрельцов.

Никон же возседая в сани, оттрясе прах от ног своих, глаголя Господня словеса: «идеже аще не приемлют вас, исходяще из града того, и прах прилепший к ногам вашим оттрясите во свидетельство на ня; сего ради и прах прилепший к ногама нашима оттрясаем вам». Полковник же некий глаголя ему: мы убо прах сей подметем. Тогда Святейший Патриарх глаголя ему: разметет убо вас сия метла являшаяся на небеси, бе бо в то время являшеся на небеси хвостовая звезда, якоже метла, еже есть комета.

И посем пойдоша на Каменной мост и в Никитские ворота до света за малый час; провождаху же его те же предъупомянутые полковник и болярин и егда изыдоша из врат земляного города, тогда болярин повелел стати для великаго Государя дела. Святейший же Патриарх став ожидаше реченнаго им; оный же болярин глаголя титло царево и по титле рече: велел есть у тебя Святейшаго Патриарха Благочестивый Царь благословения и прощения просити.

Святейший же Патриарх отвещав рече ему: Бог его простит, аще не от него смута сия; болярин же вопроси его глаголя: какая смута повежд ми? он же глаголя о пришествии своем: аще

рече невинен великий Государь в сем моем приезде, и без его воли сие было, и его Бог простит; возвести тако великому Государю. Болярин же возвратися во град, Святейший же путешествоваше в село свое Чернево. Егда же болярин оный прииде к великому Государю и возвести ему вся сия, и яко жезл Петра Митрополита Никон с собою взя, жезла же того еще ему сущу в Церкви прошаху у него ключари, он же недаде им глаголя: яко аз поставих, аз и взях, что вам дела до сего.

Великий же Государь паки советует со Архиереи и сигклитом своим, во еже послати во след его и аще той жезл, сиречь посох, несет иподиакон, и у него отъяти. Аще же у самаго в санях или в руках, то убо просити честию; вопросити же его и о сем, еже он рекл есть болярину Долгорукову за земляным городом, прощающи великаго Государя, и какую он смуту сказал; а донележе не скажет и жезла не отдаст, никакоже от него неисходным быти.

Посланнии же быша с тем царским повелением: Павел Митрополит Сарский и Подонский и Архимандрит Иоаким Чудовский, от сигклита же окольничий Иродион Стрешнев, думный дьяк Алмаз Иванов, с ними же и Полковник и стрельцы.

Достигше же Святейшаго Патриарха в селе Черневе, и сказаше ему царское повеление, дабы он возвестил великому Государю, какая есть смута и отдал бы посох Петра Митрополита; он же недаде им посоха и про смугу не возвести. Тии же стояще быша в селе Черневе, яко двосденствие, и неотступни бяше днем и нощию; двор же окрест стерегуще полковник и множество стрельцов.

Святейший же Патриарх Никон, не терпя таковаго озлобления, посылает той посох и писание болярина Никиты Зюзина с Воскресенским Архимандритом Герасимом; за оным же пойдоша и тии присланные власти и от сигклита и Полковник и стрельцы; сам же Святейший Патриарх отъиде в Воскресенский монастырь. Они же пришедше к Москве возвестиша великому Государю о прибытии Архимандрита Воскресенскаго со оным посохом и с письмами; бе бо повелено от Святейшаго Патриарха оному Архимандриту отдати посох и письма самому великому Государю в руце.

Благочестивый же Царь приял у Архимандрита того своима руками посох и письма, и посла посох той с Павлом Митрополитом Сарским паки в Соборную Церковь на Патриаршее место, письма же оныя сам нача прочитати, бяху бо два писания преписана, а третие его Никитины руки Зюзина, бе бо вельми худо письмо, понеже он Никита вмале умеяше писати. Тогда Благочестивый Царь, видев в писании, яко Артемон и Афанасий Нащокин во свидетельство написаны, вопрошаше их; они же отвещевавше глаголаху, яко того не знаем, не ведаем; послаша же по того Никиту Зюзина в то время и по Никиту Иподиакона и по Иерея Сысоя; и егда убо поведоша Никиту

Зюзина в распрос жестокаго пытания; жена же его Мария именем, точию услыша сие слово, возопи и рече: ох! и абие умре. Никиту же Иподиакона и Иерея Сысоя, распрося вдаша за стражу. Они же отвещеваху, рекуще, яко мы писание ношахом, а еже что в них писано не ведахом; Иподиакон же глаголаше, яко мене по твоему царскому повелению, при отце своем духовном посылаше.

Егда же Никиту Зюзина у пытки разспрашиваху о сем; он же отвеща глаголя: яко вся сия аз сотворих от своего изволения, хотел бо видети церковь Божию во умирении, такожде же и великого Государя со Святейшим Патриархом в совете. На Афанасия же Нащокина и на Артемона писах напрасно, того ради, дабы мне Святейший Патриарх в том писании поверил.

Видев же Благочестивый Царь, яко он истину поведа, не повеле его мучити, повеле же его вдати за стражу в дом некоего ближняго человека; предъупомянутый же Иподиакон Никита сидев за стражею несколько дней, и Богу дух свой предаде, того же Никиту Зюзина царский сигклит присоветоваше казнити смертию; Благочестивый же Царь от смерти его избави,— послав его в заточение в град, нарицаемый Казань, и повеле его написати со дворяны служащими града того; Сысоя же Иерея послаше в изгнание в монастырь Соловецкий; Никиту же Иподиакона, по его обещанию, привезоша погребсти ко Святейшему Патриарху в монастырь Воскресенский.

Тогда Святейший Патриарх срете его, яко мученика, вне монастыря со кресты внесе в монастырь, и отпев установленная над ним, погребе его своими руками, под лествицею, иже на святую Голгофу[1]; и тако то смущение конец прият.

Святейший же Патриарх паки пребывая в Воскресенском монастыре, созидаше святую оную великую церковь; обычай же имяше в господские великие праздники сам литургисати, и поставляше в свои монастыри во Иверской, и Крестной, и в Воскресенской Архимандритов, и тех же монастырей в села священников, диаконов, иподиаконов, и четцов, и певцов.

В царствующем же граде Москве не бе тогда Патриарха осмь лет и пять месяцев, владеху же Патриаршею Епархиею, по царскому повелению, Митрополиты Россійстии, наипаче же вящшии Питирим Сарский, он же и проклятию Святейшаго Патриарха подпаде.

Еще же обычай имея Святейший Никон Патриарх в Воскресенском монастыре пребывая, и во все свои монастыри повелевая, дабы странных пришельцев в тех его монастырях кормили и поили всегда довольно, не токмо самих, но и скоты их, аще кто восхощет даже и до трех дней пребыти, по тому же по-

---

[1] Надгробная плита с надписью в стене и поныне указывает место его погребения.

велевая кормити; егда же кто желанием восхощет в тех его монастырях монашество прияти, и таковыя убо повелевая безвкладно приимати и платие казенное давати, а вкладных никому из монастыря не повеле давати[1] и вкладов отнюдь ни от кого не прииматише, глаголя: «яко вкладчики монастыри разоряют», аще же кто либо на помин сродников своих или в церковь Божию на строение даяше, то принимати без вкладных повелеваше, и о здравии на ектениях и за проскомидиею за живых, и о упокоении за умерших Бога молити повелеваше же и в синодики вписовати.

Еще же обычай имеяше таковый, яко в Господские праздники и Богородичныя и Святых великих и в Воскресныя и в субботныя дни, и во дни царских ангелов всегда с братиею в трапезе ядяше, и каковыя убо яди сам потребоваше, таковыя повеле-ваше и всем братиям уготовляти; странных же пришельцев с собою в трапезе питаше, и по обеде убо всем оным странным пришельцам нозе умываше, елико их случашеся; бяху убо во оная времена многия брани с разными государствы, ратные же люди от путешествия уклоняхуся, упокоения ради, во обитель его; он же всех приимаше и насыщаше и ноги их омываше, елико их не приключишася, яко бе по сту, по двести и по триста во един день.

Пища же его бяше вседневная: капуста вареная с хлебом сушеным мелко раздробленным, а от огородных зелий огурцы и уха малых рыб, токмо в разрешоныя дни, в среды же и пятки и в понедельники никакоже вкушаше рыб во все лето, разве Господских праздников и Богородичных.

Одежда же его бяше от кож овчих и рясу от влас агнчих пепеловиднаго сукна ношаше, мантия же всегда чернаго сукна манатейнаго точию со источниками, ея же надеваше токмо егда в церковь хождаше; на строение же всякое и в работу точию камилавкою и куколем покровен, без мантии хождаше, подпоясан поясом усменным широким, яко в четверть аршина бе широта того пояса и вящше.

Во дни же Господския и в праздники ко службе Божией одежды мягкия ношаше и жезл Архиерейский; по вся же дни посох великий от простых самородных древ имяше; часто же убо днем и нощию рыбы ловяше, и от трудов своих братию питаше. По вся же посты во отходную свою пустыню отхождаше[2], и тамо жесточайшее житие живяше, вящшия молитвы и покло-

---

[1] То есть запретил принимать в свои монастыри за вклад, с выдачею при том «вкладных записей», в коих обозначались условия, на которых принимались такие вкладчики, что нередко подавало повод к неудовольствиям и тяжбам.

[2] В П. И. прибавлено: юже устрои и в ней две церкви Богоявления Господня и св. Первоверховных Апостолов Петра и Павла; в ней же устроено келий (довольно); восход же нань вельми тесный, тамо же едина верхняя келия мала со всем саженя, в ней же пребываше.

ны и пост прилагаше, сна же всегда вельми мало требоваше, яко в нощеденствие точию три часа.

Бяху же убо во оная времена и раскольницы церковнии умножахуся, от некоего ересеначальника чернца, глаголемаго Капитона, и вельми на Святейшаго Никона многая злохуления глаголаху, за исправление книг Божественного Писания, и нарицаху его хуляще Антихристом и иными укорительными глаголы, яже и писанию невозможно предати.

Тогда Благочестивый Царь, ревнуя о святей церкви, повсюду Капитонов оных раскольников всячески изысковаше, и пустынныя их еретическая жилища разоряше, самех же оных непокаряющихся Святей Божией Церкви смертными ранами и заточенми смиряше.

По неколице же времени, по прошению великаго Государя, приидоша в Царствующий град Москву Вселенстии Патриархи: Паисий Папа и Патриарх Александрийский, и Макарий Патриарх Антиохийский; и тогда убо два некия человека новокрещенны, бяху же прежде жидовския веры, Святейшему Никону Патриарху служаще; часто же един из тех новокрещен отхождаше во град Москву к некоторому жидовину же породою именем Даниилу, новокрещенну же сущу, и доктору царския аптеки; некто же благочестивый муж поведа Святейшему Патриарху, яко той служащий ему жидовин, приходя к Москве и со оным Даниилом жидовствуют и по своей вере в доме его службы совершают, такожды и инныя, иже в Московском государстве жидовския веры новокрещенныя все собираются ко оному Даниилу и жидовствуют; к тому ж еще оный новокрещенный оному Даниилу клевещет на Святейшаго Патриарха многия нелепыя глаголы, а той же Даниил великому Государю возвещает поведанная ему.

Слышав же сие, Святейший Патриарх повеле того Жида о тех словесех расспросити и раны на него наложити; он же потаив, не повинися: и того ради посажен бысть в темницу; клеврет же его новокрещенный по совету его тайно бежа к Москве и пришед к Царскому двору, возопи и вельми воскрича: за мною-де есть Государское слово, тогда взяша его вверх пред великаго Государя; он же поведаше глаголя, яко есть в Воскресенском монастыре у Святейшаго Патриарха человек засажен в темницу, и упросил меня, чтоб мне возвестить тебе великому Государю, дабы ты великий Государь повеле его из темницы взять перед себя великаго Государя, и он тебе вся подробно изречет, еже о житии и о пребывании Святейшаго Патриарха.

И абие великий Государь посылает в Воскресенский монастырь Чудова монастыря Архимандрита Иоакима и с ним полковника и стрельцов, и повелел взяти того жидовина из темницы. Архимандрит же Иоаким пришед в Воскресенской монастырь постави у оныя тюрьмы стражу; сам же пойде в келию ко Святейшему Патриарху и глаголя ему Указ великаго Государя,

яко повелел есть великий Государь взяти того темничника; Святейший Патриарх повеле его отдати.

Архимандрит же Иоаким поем его и представи пред великим Государем; той же темничник изглагола великому Государю много всякого зла на Святейшаго Патриарха, глаголаше бо, яко и жены у них в блуд себе отнял есть, и их самих до смерти убивает и иная нелепая.

Слышав же сия, великий Государь рече ему тако: сего никому не поведай и ни с кем не глаголи о Господине своем, аще ли же услышу от кого, тебя о сем кому поведающа, то повелю у тебя из гортани язык вырезати; и абие повеле их обоих отдати за стражу Чудова монастыря на конюшенном дворе; повеле же и жен их и детей привести из Воскресенскаго монастыря и тамо же повеле жити им с мужи своими.

По мале же времени тии злочестивии жидове вси исчезоша с женами и с детьми, без вести погибоша.

Во оное же время по Святейшаго Патриарха Никона посылают от освященнаго Собора Арсения Архиепископа Псковскаго и Богоявленскаго Архимандрита, из Заветошнаго ряду, Спасскаго Архимандрита из Ярославля Сергия, и иных Игуменов, и от войска Полковника со стрельцами.

Пришедшим же им ко Святейшему Патриарху, глаголаху титло Государево и посем титла Святейших Вселенских Патриархов, и всего Священнаго Собора повеление, дабы Святейший Патриарх шел к Москве вскоре на Собор, и дал бы ответ Святейшим Вселенским Патриархом, и всему освященному Собору, чего ради оставил свой престол и вселился есть в Воскресенской монастырь.

Святейший же Патриарх Никон глагола им: откуда прияли суть таковое безчиние Святейшии Вселенстии Патриархи и Собор ваш, яко не по правилам святых Апостол и святых Отец по мене бывша крайняго Архиерея посылают Архимандритов и Игуменов? в правилех бо святых Апостол и святых Отец написано: аще который Архиепископ или Епископ, оставив свой престол, и прейдет жительствовать во иную Епархию, тогда по мнозе времени ожидая его, посылати по него два или три Архиерея и звати его дважды и трижды на Собор, и аще пребудет во упрямстве и нейдет, то судити его заочно; вы же ныне Архимандриты и Игумены по нас пришли есте, по каковым правилом? Сергий же Ярославский Архимандрит вельми из всех выступая и безтудствуя, аки бы накупился, глаголаше: даждь нам ответ, идешь ли, или нейдешь? мы бо тебе не по правилом глаголем, но по Государскому указу.

Святейший же Патриарх рече ему: шествовати аз не отмещуся, словес же твоих слушати не хощу. Он же глагола ему: и ты убо нас тем безчествуеши. Отвещав же Святейший Патриарх Никон глаголя ему: есть убо с вами Архиерей и аз с ним имам глаголати, — с вами же чернецами и глаголати не хощу, понеже бо вы неправильне приидосте. Архиепископ же глагола: рцы убо

нам, что возвестити великому Государю, будеши ли ты на Собор, или не изволиши? Отвещав же Святейший Никон Патриарх, рече ему: на Собор аз буду, точию вмале поуправлюся; они же шедше на гостинной двор, посылают к Москве наскоро гонца и пишут, яко бы их обезчестил; к Москве же, глаголет, на Собор хощет идти, а нейдет.

Святейший же Патриарх пев вечернее славословие с повечерием и повелевает Архимандриту и всему освященному чину, да уготовятся вси к Литургии сослужити ему; пришедшу же ему в свои келии повелевает глаголати правило свое келейное, и к службе; имяше бо обычай по вся вечеры в келии своей правило повечернее и три канона, Иисусу, Богородице и Ангелу Хранителю.

По правиле же повелевает взяти с собою книг к Москве: правила святых Апостол и святых Отец, Псалтирь со возследованием и книгу на 30 вопросов болярина Симеона Лукьяновича Стрешнева и на ответы Газского Митрополита Паисия о разорении Патриаршеских дел, иного же ничтоже не повеле взяти, токмо един крест, его же бы пред ним нести.

Времени же малу прешедшу, повеле благовестити ко утрени, по утрени же призва Святейший Патриарх Отца своего Духовнаго и исповедався совестию своею в чистом покаянии, начат сам со всем причтом своим елей святити и освятився Священным елеем, сам себе и весь причет и братию посвятив, паки прииде в келию свою и начат глаголати часы и молитвы Святаго Причащения.

Архиепископ же и Архимандриты возвещение дают ему, еже бы им быти к нему Государскаго ради дела; он же возбрани им прийти, глаголя: яко аз ныне готовлюся к Небесному Царю.

И абие повелевает благовестити к Литургии; егда же прииде в церковь со свещеносцы и с пением, и облачився по обычаю во Архиерейская, начат Литургию; тогда и Архиепископ с прочими прииде в церковь Святыя Голгофы.

Святейший же Патриарх, призвав к себе иподиакона монаха Германа, иже последи бысть того Воскресенскаго монастыря Архимандритом, и повеле ему сказати Сергию Архимандриту Спасскому, дабы он из церкви изшел, понеже бо той Сергий тогда прение чинил со многими о новоисправных книгах и о Греческом пении. Иподиакон же поведа ему Патриаршее слово; они же между собою посоветовав, и вси изыдоша из церкви и сташа на крыльце Святыя Голгофы.

Святейший же Патриарх повеле певцам своим пети Литургию всю Греческими глаголы, согласием Киевским; и тако сподобися Причастия Святых Христовых Таин; по Литургии же прежде отпуста, поучаше братию от Божественнаго Писания много о терпении, во еже бы им напасти и беды претерпевати с радостию Христа ради; чтяше же в беседах Апостольских; по

чтении же и по отпусте Святыя Литургии, паки иде в келии своя, мир и благословение подав.

На крыльце же стоявше присланнии нелепо кричаху, глаголюще: чесо ради ты держиши нас, ни откажеши, ниже прикажеши; наипаче же Сергий Архимандрит крепко наступая невежеством. Святейший же Никон Патриарх глагола ему: аз убо твоих словес не внимаю и не слушаю; и тако внидоша в келию. Посем же Святейший Патриарх глагола Архиепископу в келии своей: чего ради ты утра сего присылал ко мне и хотел возвестити Государский указ; он же отвещав рече ему: яко сей есть Государский Указ, дабы ты изволил прийти к Москве на Собор и дал ответ о себе, чего ради оставил еси престол свой, аще ли же не пойдеши, и тогда мы пойдем и возвестим Великому Государю.

Святейший же Никон Патриарх глаголя ему: слава Богу о всем; готов есмь, и иду; и повеле впрячи сани свои, и абие изыде вон из келии, бе бо уже к вечеру день той преклонился, понеже во оно время пост бе Рождества Христова против перваго числа месяца Декемвриа, и тако братия вся провождаху его со слезами от монастыря даже до креста, еже есть противу монастыря, на месте нарицаемом горе Елеонстей. У креста же Святейший Патриарх, сотворив молитву, повеле диакону прочести ектению и сотворише прошение за Благочестиваго Царя и за всю братию и за все христианы и мир и благословение и прощение братии подав, пойде в путь свой.

Братия же и вси Православнии жители и трудники тоя обители, приемше благословение и прощение неутешно плачущеся и ненадеющеся паки видети отца своего.

Шествующу же Святейшему Патриарху путем, пред ним же идяше полковник некий, по реклу Остафьев, со стрельцами, понем же последи Архиепископ со властьми; и тако пришедше близ села Чернева, яко бы поприща за два или полтора недошедше до онаго села.

И абие срете его из Владимира Рождественнаго монастыря Архимандрит Филарет, глаголя стояти и абие сташа, он же глаголя титлы великаго Государя и Святейших Вселенских Патриархов и от всего освященнаго собора и после титл глаголя: послали к тебе тех преждереченных Архиереа и Архимандритов и Игуменов, и ты убо их обезчестил и к Москве не едеши. Он же глагола ему: лжеши, яко бы аз обезчестил посланных и к Москве не еду, и аз их не безчестил, точию вы мя безчестите, яко не по правилом святых Отец по Архиерея крайняго суща, Архимандриты приезжаете. Архимандрит же Филарет отвеща ему: мы слушаем повеления царскаго и Вселенских Святейших Патриархов, и всего освященнаго Собора, ты же что противишися?

Святейший же Патриарх глагола: несть кому на вас жаловатися, токмо Богу и засвидетельствовати небу и земли, и рече:

слыши небо и внуши земле; и паки пойдоша в путь свой, и приидоша в село Чернево, по новопрозванию Святейшаго Патриарха нарицашеся тогда село то Назарет.

И абие прииде паки в то село Архимандрит Новоспасскаго монастыря Иосиф и паки повелевая стати, и абие сташа, он же вопросив огня, занеже у него написано бяше сже глаголати и титлы Святейших Вселенских Патриархов на память не умеяше изрещи, тогда принесоша огня, он же нача по писанию глаголати те же преждереченные речи якоже Владимирский Архимандрит; еще же и сие приложи: и после ж-де тех присланных паки послаша к тебе из Владимира Рождественскаго монастыря Архимандрита Филарета и ты и того обезчестил же и к Москве не едеши, и тебе бы убо быти в Москве Декемврия в третьем числе; пришествие же твое да будет не с большими людьми за три или за четыре часа до света, или вечера часа в три или в четыре.

Отвещав же Святейший Патриарх глаголя ему: ох, лжи и неправды исполненные, давно ли отыди от нас Владимирский Архимандрит, да и ныне с нами, и чем обезчещен, и како аз не еду? горе вашей лжи и неправде, и чего ради повелеваете быти мне в нощи и с малыми людьми, или убо такожде хощете удавити, якоже и Филиппа Митрополита единаго удавили? Архимандрит же рече: аз убо невольный человек, мне что написаша и вдаша, то аз и глаголю; посем же доидоша до села Тушина, в селе же Тушине полковник одержа и глагола: како нам шествовати, когда указ был великаго Государя, еже в третьем числе Декемврия быти, и мы убо пошлем к Москве гонца, сами же и с кони опочием.

Святейший же Патриарх глагола ему: творите, якоже хощете; и абие повеле дом некий уготовати, дабы никого в том доме не обреталось, и егда уготоваша некую избу, и пришед нача пети вечерню и повечерие и правило, и мало тут опочи.

Паки прииде указ великаго Государя, дабы ехати к Москве не мешкав, и часа за три или за четыре до утра быти на Москве; и тако пути касахуся и приидоша к Москве за четыре часа до света и везоша на Ваганково, посем в Смоленския ворота, таже на Каменной мост; во вратех же Каменнаго мосту многия фонари быша поставлены; осматриваху же, кто суть и колико бяше приезжих с ними.

Приидоша же ко Архангельскому подворью, иже бе в Кремле у врат Николаевских, а абие врата от нас затвориша; мне же глаголющу: крестоносец поддьяк, чесо ради затвориша врата? глаголаше ми полковник: есть дело великаго Государя; и абие прибегоша два стрельца и рекоша полковнику: той есть. Он же глагола ми: сниди с коня и отдаждь крест, а сам пойди, есть до тебя Государское дело.

Аз же слышав от Святейшаго Патриарха еще на пути: егда кто тя поймет и нудить станет, и ты тогда крест отдаждь в руце

мне; я же вседъ с коня и отдав крест самому Святейшему Патриарху в руце; мене же взяша два стрельца под обе пазухи и понесоша аки на воздусе, не успевах бо ногами и до земли доткнутися, и абие приведоша мя в караульню, что у Каменнаго мосту, а оттуда вверх представиша великому Государю единому вверху; тогда великий Государь начат мя вопрошати о недоведомых вещах; мне же отрицающуся и ничто же ведати ему глаголющу. Великий же Государь глагола ми: глаголи ты ныне мне, аще же ныне мне не учнеши глаголати, а не мне скажеши же, то будет ти сидети дондеже Бог изволит; аще ли же речеши ми, то и свобода тебе того ж часа будет; я же не обинуяся глаголах, яко не ведаю ничтоже, Богу Святому укрепляющу мя, и дерзновение подающу; и абие посажен бех у тайных дел и сидел единонадесять дней; напоследок же отдан был полковником за крепкую стражу и сидел три лета и вящше, посем же послан был в великий Нов-град в ссылку и тамо пребых десять лет.

Святейший же Патриарх поставлен на Архангельском подворье, и вельми печашеся, яко и последних людей его разно держат за стражею, и никому приити к ним, или слово изрещи не дающе, понеже и прежде того крестоносца поддиака многия взяты быша из Воскресенскаго монастыря и посадиша я за стражи. Пришедше же со Святейшим Никоном Патриархом во уготованный ему двор, в той же нощи, уже близ к свету, бе бо той двор во граде Кремле у Николаевских ворот во угле града, иже именуется Лыков двор, во храминах же уготованы возженныя многия свещи; егда же вся сущи со Святейшим Никоном Патриархом собрашася во двор, тогда приставиша ко вратам и окрест двора крепкия и великия стражи, яко отнюдь не токмо кому во двор оный внити или из двора изыти, но ниже кому мимо идти невозможно.

Святейший же Патриарх с прочими своими пев утреннее пение; егда же день бысть, тогда Николаевския врата утвердивше крепко, да никто путем оным шествовати будет мимо двора, и не точию се, но и мост великий, иже у оных ворот, весь разобраша.

Во времени же певше часы и прочая, по отпетии же часов повеле эконому своему Феодосию представити трапезу себе и прочим с ним, тои же отвещав ему рече, яко вся потребная на пищу к Москве за ними же из монастыря Воскресенскаго привезена, но отвезена суть на Воскресенское подворье; понеже на двор сей в нощи не пустиша, такожде и ныне за повелением царским, потому ж отнюдь никого ни ко двору не припущают, и показа ему обретающуюся у него эконома в санях токмо едину четвертину хлеба.

Святейший же Патриарх повеле и ту раздробити себе и прочим, глаголя: яко да не будем жидовствующе чрез каноны постящеся, в субботу; бе же всех душ со блаженным Никоном

Патриархом монахов и мирских, яко до тридесяти или вящше, и тако день той препроводивше.

Воутрий же, си есть в неделю, Декемврия во 2-й день, в первый час дня, приидоша от Царскаго Величества и от Вселенских Патриархов и от всего освященнаго собора послан посланнии: Арсений Архиепископ Псковский, Александр Епископ Вятский и Суздальский, Архимандрит Павел Ярославский, Архимандрит Сергий и инии мнозии от священнаго чина. Вшедшим же им по обычаю, и по молитве седшим и мало беседовавшим; посем восташа, и начаша глаголати Святейшему Патриарху, что его царское Величество и Святейшия Вселенския Патриархи и весь освященный собор призывают тя на собор. Святейший же Никон Патриарх слышав сия, рече: яко аз готов есмь, и абие востав хотяше исходити, повеле же пред собою нести Крест Господень некоему монаху Анагосту именем Марку; видевше посланнии звателие, что на собор хощет идти со святым крестом, удержаша его и рекоша ему, яко тако недостоин ти на собор сей идти со крестом; понеже сей собор не инославный, но есть православный.

Святейший же Патриарх о святем и животворящем кресте, и о силе и о победе его многая изрече от Божественных писаний; они же о сем ни мало ослабевающе, и глаголюще ему, да идет без креста.

Святейший же Патриарх такожде крепляшеся и без честнаго креста идти не хотяше; посем посланнии послаша вестников на собор к Благочестивому Царю и прочим о сем возвестити, яко Патриарх Никон идет на собор со крестом, а без креста идти не хощет; и оттуда паки к посланным присланы быша инии вестницы, повелевающе им о сем ему неослабно глаголати, дабы шел без креста; и тако в том словопрении мало из внутренней келии выступивше в переднюю и тамо послании такожде стужаху ему неизменно, яко да оставит крест и шествует просто: и тако сотворише в сенях и на крыльце верхнем, конечнее же на нижнем крыльце остановивше его и стужаху ему со многою зельностию. Святейший же Никон о сем нимало ослабевая бяше, но вся ответствоваше от Божественнаго Писания, елико Дух святый подаваше ему глаголати.

Скороходцы же с собору к ним, и от них на собор непрестанно прескачуще и о всем возвещающе, и тако промедлиша многое время; видевше же, яко не можаху его сим одолети, приидоша паки вестницы от собора, оставивше ему идти и со крестом.

Святейший же Никон Патриарх сяде в сани свои, на них же из обители прииде, и иде на собор. Предъидущу же пред ним честному кресту Господню; от онаго же двора, идеже бе Святейший Никон, даже и до церкви святаго Благовещания, иже вверху и во всем Кремле граде, тако много народу собравшуся, яко с трудом многим точию путь един даяху ему народ.

Егда же прииде Святейший Патриарх противо соборныя церкви; бяше же во оное время пение святыя литургии и южныя церковные двери отверсты, и восхоте во святую церковь идти и тогда оныя затвориша от него. Он же, видев сие, сотвори поклонение ко святей церкви, и паки сяде во оныя сани, и тако приидоша близ церкви святаго Благовещания, и тамо стояху сани Вселенских Патриархов, украшены всяким украшением, и по два коня впряжены величайшия и обвешены собольми; Святейшаго же Патриарха бяху худейшия сани и малейшие клюсата, и поставиша их близ тех же коней и саней.

И тако Святейший Патриарх Никон пойде мимо церкви святаго Благовещения папертию, и тамо такожде в церкви пояху святую литургию; егда же дошедшу ему до дверей церковных, и двери церковныя потому же от него затвориша, якоже и в соборной церкви, и тако мимо иде вверх ко дверем столовой, идеже бяше собор оный собран бысть.

Егда же ему идущу ко оной храмине, двери тоя бяху отверсты; егда же близ бывшу, тогда и те двери от него затвориша, и тут у оных дверей мал часец постоявше, бе бо тогда на соборе советовяние о сем, да егда Святейший Патриарх внидет на собор, то дабы никому противу его не вставати, но всем сидети; и егда отвориша двери, пойде Святейший Патриарх, предъидущу же пред ним честному кресту Господню.

Благочестивый же Царь и вся сущии тут видевше сие, яко святый крест предъидет пред ним, тогда и нехотяще, но восташа; благочестивый же Царь аще и востав, но обаче у высочайшего престола своего стоя на высочайших степенях, близ же его ошуюю страну два места быша устроены всяким устроением и украшением, идеже стояху Вселенския Патриархи, пред ними же стояше стол, покрытый золототканым ковром, на нем же стояше ковчежец сребрян и позлащен и книги некоторыя лежаху.

Вшедшу же Святейшему Патриарху Никону, и близ бывшу Царева престола и Вселенских Патриархов и онаго покровеннаго стола, сущаго пред ними, нача глаголати молитву: «Владыко многомилостиве» и прочая по обычаю. Егда же сие соверши, тогда держимый в руках своих жезл отдаде своему Анагносту монаху Серафиму, сам же подошед близ Царскаго престола, и сотвори ему поклонение трикратно, якоже обычай; Царь же, стоя на высоком своем престоле, противу ему точнию мало главу преклонял; посем Святейший Патриарх поклонися по обычаю и Святейшим Вселенским Патриархом, таже обратися аможе Архиереи стояху, поклонися и им обычно, потом такожде сотвори и на другую страну, идеже стояще Царский Сигклит и Царев Духовник.

Егда же сие соверши, паки взя свой посох в руце, животворящий же крест предпутешествовавый пред ним нося и монах постави его во угле одесную страну Царскаго престола; то-

гда Благочестивый Царь стояй на высоцем своем престоле и степенях, показуя рукою своею одесную себя и устами мало движа, повелевая ему на лавку сести, Святейший же Патриарх отвещав, рече: где повелиши Царю да сяду? Благочестивый же Царь паки на то же место показуя и повелевая сести; бяше бо место оно праздно ко углу, и ничтоже ко Архиерейскому сидению по обычаю не приуготовлено, ни возглавия, ни подножия.

Видев же сие Святейший Никон Патриарх и обозревся созади себя, глаголя Царю велегласно: Благочестивый Царю, не ведах аз твоего намерения сего, места с собою, на чем сидети не принесох, а которое здесь наше место и есть, и то занято; но глаголи, еще рече, чесо ради призвал еси нас в собранное тобою зде Соборище? монах же оный, иже носяй Святый крест, виде яко Святейший Патриарх не сяде, взят паки Святый крест, поставленный из угла, и ста прямо пред лицем Царскаго Величества, и пред столом иже пред Вселенскими Патриархи.

Слышав же сия Царь от Патриарха Никона и виде, яко не сяде, тогда сниде со степеней престола своего и став по конец стола сущаго пред Вселенскими Патриархи, рече сице:

Святейшие Вселенские Православные Патриархи, судите мя с сим человеком, иже прежде бысть нам истинный Пастырь, пасяще бо нас и люди Божия в правду, якоже Моисей предводительствова люди Израилевы; подобно же сим и иныя ублажительныя глаголы изрече Благочестивый Царь; посем же не вемы, что бысть ему, яко остави свою паству и град сей, и отыде во свой ему созданный Воскресенский монастырь и тамо пребывает; пребывая же тамо, не вем чего ради некиих от Архиереев и от Царскаго нашего Сигклита многих предаше клятве, и о сем всем, ваше Пастырство, како разсудите, понеже того ради и призвав ваше правосудие до зде.

Святейший же Патриарх Никон вопрошен бысть от Вселенских Патриархов чрез толмача некоего именем Дионисия Архимандрита, противо словес Благочестиваго Царя.

Никон же со всяким дерзновением изрече вся подробно, како и чего ради отыде от Царствующаго града Москвы и чего ради повинных предаяше клятве.

Паки же рече Благочестивый Царь: он же Патриарх Никон писал в Царь-град ко Святейшему Вселенскому Патриарху Дионисию грамоту свою, обличая и оглашая нас всякими делы и словесы.

Святейший же Патриарх рече: яко писах, того ради, понеже Святейший Вселенский Патриарх Дионисий брат ми есть вящший и есть Православный, и аще не от сих нам о всех вещах разрешение приимати, то от кого? И толико бысть словес Царскаго Величества и Вселенских Патриархов и Святейшаго Никона Патриарха до зде.

Посем же ласкатели и угодницы, паче же рещи, на Святейшаго Никона Патриарха клеветницы: Павел Митрополит Сар-

ский, Иларион Митрополит Рязанский, Мефодий Епископ Мстиславский, начаша всякия своя ложныя клеветы испущати со всяким дерзновением, и нелепыми гласы зияти, ов сие, ин иное, и вси вкупе разная кричаша, знатно убо, яко на сие и попущени быша, и по мнозем их смятении Вселенския Патриархи рекоша Святейшему Никону Патриарху, яко да идет паки восвояси, во утрий же да приидет и оную грамоту, юже ты писал еси ко Вселенскому Патриарху Дионисию, пред всеми за утра прочтем.

И тако Святейший Никон отыде на свой уготованный ему двор и певше часы по обычаю, вси же тут сущии с ним гладни быша, третий же убо день пребываху без еды; видев же сие, Святейший Патриарх сжалился глаголя, да не гладною смертию скончаются, посла некоего от своих си нарочитых, иже окрест двора стрежаху, к начальнейшему их сотнику глаголя, яко да идет ко Благочестивому Царю и возвестит, что сам Святейший Патриарх и прочия с ним от глада истаявают, и да повелит Царское Величество дати свободу приходити на двор и исходити и потребная приносити; сотник же сия слышав и за страхом не смея идти и о сем возвестити.

Святейший же Патриарх, видя сие, зело оскорбися и печален бысть, не толико о себе, елико о прочих, изыде сам на высшую храмину, и возгласи сущим окрест двора его стерегущим сотником и прочим, стрежаху бо окрест яко до тысящи воинов, яко да возвестят о сем Благочестивому Царю, что Патриарх Никон и прочия с ним от глада скончаваются.

Тогда некий сотник сия слышав ово умилися, ово устыдися, пойде вверх и возвести о сем начальнейшему их полковнику, тоже шед возвести ближним боярам, и тако вниде в слухи о сем и самому Благочестивому Царю; он же, сие слышав, абие повеле отпустити с дворца своего брашна и пития на возах.

С посланным же оным приидоша ко Святейшему Патриарху с дворцом кормоваго и сытнаго подъячия два человека, и о сем возвещено бысть Святейшему Патриарху, что сие приидоша, он же повеле их представити пред себя. Они же вшедше и сотвориша поклонение и по сих ничтоже рекуще токмо вручаху Святейшему Патриарху Никону два некая писания, сиречь росписи, ово убо пищам, ово же питию присланным с ними.

Святейший Никон Патриарх сего не прия, но вопроси их глаголя: откуду и с чем приидоша? они же ничто же ино вещающе, токмо вручаху ему присланная оная писания, приложиша же рекуще, яко послаша их к нему начальницы их, сиречь клюшники.

Святейший же Патриарх, сие видев и слышав, рече им: возвратитеся и с присланным к пославшим вы, и рцыте: яко Никон сего не требует; писано бо есть, яко лучше есть зелие ясти с любовию, нежели телец упитанный со враждою; аз бо сего у Царя никогда же требовах и не требую, но токмо о сем просих

его, яко да повелит дати нам свободу, еже бы во двор входити и из двора исходити было невозбранно, многая же и ина от Божественных писаний изрече им: и тако их отпусти с присланным со всем вспять; они же возвратишася к пославшим их и вся сия возвестиша; тии же слышавше сие возвестивше о сем Царскаго Величества Дворецкому, он же самому Благочестивому Царю.

Царь же, сия слышав, вельми оскорбися, паче же наивящше на гнев подвижеся, и абие иде ко Вселенским Патриархом и вся сия сбывшаяся возвести им, якобы жалуяся им. Посем уже к вечеру изыде повеление от Царя, и дана бысть свобода еже ко Святейшему Патриарху на двор приходити и исходити своим единым невозбранно, от прочих же ни единому смеющу внити кому; и тако послаша на Воскресенское подворье и оттоле вся потребная яди и пития взявше и сотворише вечерю, и ядше насытишася благодаряще Бога, яко еще не попусти им гладом скончатися; по времени же певше вечернее славословие и утреню по обычаю.

Во утрий же день, 3 Декемврия, то есть в понедельник, прежнии звателие Арсений Архиепископ и прочии приидоша паки, зовуще Святейшаго Патриарха на Собор; он же пойде по прежде обычному своему шествию, предъидущу пред ним Честному Кресту Господню, и тако прииде во Царская, сотвори яко же и прежде во вхождении и в молитвословии и в поклонении.

По малых же неколицех словесех начаша читати грамоту, юже Святейший Патриарх писал есть ко Вселенскому Патриарху Дионисию; прочитаху же оную грамоту не всю порядно, но еже угодно им, то назнаменовавше прежде и читаху; прииде же слово, написанное в той грамоте, яко мнозии, рече, от Благовернаго Царя за Святейшаго Никона Патриарха в разныя места заточени бяху, ов там, ин инамо; из них же Афанасий Митрополит Иконийский и Каппадокийский, иже прислан бысть в царствующий град Москву ко Благочестивому Царю от Вселенскаго Константинопольскаго Патриарха с писанием, поборствующим о Святейшем Патриархе Никоне, той убо заточен бысть за то в Симонов монастырь.

Егда же сие слово Царь услыша, восхити и рече ко Святейшему Никону Патриарху: знаеши ли ты убо сего Афанасия? он же рече, яко не знаю; тогда Царь возгласи из среды Афанасия, идеже от стояще с прочими Архиереи. Прииде же Афанасий близ Царя; тогда Царь показуя на Афанасия, рече ко Святейшему Патриарху Никону, яко сей есть Афанасий.

Видев же сего, Никон Патриарх рече: Благословен сей человек Богом и нами; и тако отступи Афанасий и ста на месте своем, и паки начаша читати грамоту; промежду же сими они оглагольницы: Павел, Иларион и Мефодий, яко зверие дивии обскачуще Блаженнаго Никона, рыкающе и вопиюще нелепыми гласы, и безчинно всячески кричаху лающе; прочии же от Ар-

хиереев и от прочих освященнаго чина никтоже ничто не глаголюще, но вси стояху на своих местах по степеням своим, такожде и Царский Сигклит боляре и вси чиновницы на другой стране стояху по чину, ничто же вещающе.

Видев же сие Царь, яко кроме оных трех мужей, никтоже ему не помоществует, тогда возопи гласом велиим с яростию сице рече: боляре, боляре, что вы молчите и ничего не вещаете, и мене выдаете, или аз вам не надобен?

Слышавше же сие слово, вси ужасошася страхом велиим и аки на некую тризницу, или брань уготовляхуся, и из мест своих, на них же бяху стояще, мало выступающе, и яко нечто хотяху вещати, но ни от кого же не бысть ни единаго слова, токмо един из них выступив болярин Князь Юрий Долгоруков; той убо угождая Царю, некая малая словеса поборствующая по Царе испусти, Святейшаго же Никона Патриарха всячески уничижи.

Видев же сие Царь, яко всех во всем мало себе помощи обрете, вельми прискорбен бысть; рече же ему Святейший Патриарх Никон: о Царю! сих всех предстоящих тебе и собранных на сию сонмицу девять лет вразумлял еси и учил, и на день сий уготовлял, яко на нас возглаголют; но се что бысть: не токмо, что глаголати умеяху, но ниже уст отверсти можаху, не всякую ли поучахуся тщетным; но аз ти, Царю, совет даю, аще повелиши сим на нас вергнути камение, то сие они вскоре сотворят, а еже оглаголати нас, аще и еще девять лет имаши учити, и тогда едва обрящеши что.

Сие же слышав, Царь вельми гневом подвижеся и от ярости преклонися лицем своим на престол свой Царский на мног час, и посем воста. Бе же тогда на том Соборе муж честен, именем Лазарь прозванием Баранович Епископ Черниговский, сей муж благ и кроток, в научениях же философии зело изящен; стоящу ему с прочими Архиереи на своем месте по степени, сего возгласи Царь и рече: Лазаре, что ты молчишь, и ничего не глаголеши, и почто ты меня выдаеши в сем деле, аз бо на тебя в сем деле надеяхся!

Лазарь же Епископ из среды Архиереев поступив мало и благоговейно руце свои к персем приложив и главу усиленно приклонив, рече: о Благочестивый Царю, како имам противу рожна прати, и како имам правду оглагольствовати, или противитися; и сия изрек, паки стал на место свое.

Царь же вельми яряшеся, не обретая себе ниоткуду помощи; сего же Епископа Лазаря Царь прежде пришествия Святейшаго Патриарха на Собор, пригласи особо и рече: о Епископе, аще ты Патриарха Никона и не знаеши и не видал, но яко слышал еси, яко человек он яр есть и нестерпим, молю же тя о сем, егда он будет призван на Собор, потщися во всем спомоществовати нам; Лазарь же отвещав рече: о Царю, аще убо какая неправда Патриарха Никона в словесех или в делех обрестися

может, не имам молчати; того ради и возгласи его ныне и сия рече ему, но от него не быть ему никакия же помощи.

Малу же часу минувшу, в размышление Царь прииде, и став у престола своего и положи руку свою на устех своих, молча на мног час, таже посем прииде близ ко Святейшему Патриарху Никону, и прием держимую у него лествицу пребирая, рече ему тихими глаголы, яко никому же слышати, токмо близ сущим его монахом, сице: о Святейший Патриарше, что яко сотворил еси вещь сию, полагая ми зазор великий и безчествуя мя. Никон же рече: како? Царь же рече: внегда ты поехал еси из обители своея семо, тогда ты первое постився и исповедовался и Елеосвящением святився, такожде и святую Литургию служил, аки бы к смерти готовися и сие ми быть велий зазор.

Святейший же Патриарх рече: истинно се, о Царю, яко все сотворих, ожидая от тебе на ся не токмо скорбных и томительных наведений, но и самыя смерти.

Царь же клятвами утверждаяся рече: о, Святче Божий, не токмо мне мнимое тобою се глаголемое сотворити, но и мыслити не можно, за многая твоя и неисчетная к дому моему и к Царице и к чадом моим благодеяние во время смертоносныя язвы[1], и внегде сущу ми во отшествии на брани в Смоленске и во иных сопротивных градех, тогда ты елико потщався и потрудился еси, якоже кокош со птенцы, с ними преходи от места на ино место, ища благорастворенаго воздуха от безгодныя смерти, всемилостивый же Бог молитв ради твоих и толиких деля трудов дом мой весь сохранил, яко зеницу ока, и за сия ли твоя бывая благодеяния воздати ми злая, ни, не буди ми сего ниже помыслити, и некими клятвами страшными себе заклят.

Святейший же Патриарх, удерживая его рукою, тихо рече: Благочестивый Царю, не возлагай на себя таковых клятв, веру же ми ими, яко имаша навести на мя вся злая, и беды и скорби от тебя готовятся нам зело люты. Прирек же к сему много от Божественных писаний, и посем рече ему, и се како послании по него, чрез правило, Архимандриты коварствоваваху на него во обители и в путешествии, и како лжесоставныя их речи быша явны и обличены во лжесловеси. Рече же Царь паки к Святейшему Патриарху: но и се ми от тебя быть велий зазор, яко писал еси ты ко Вселенскому Патриарху Дионисию, всячески укоряя нас.

Святейший же Никон Патриарх рече ему: не аз, о Царю! зазор вам таковыя нанесох, но ты сам вящше, вся сия на себе нанесл еси, аз убо писал к брату своему Господину Дионисию духовне и тайне, ты же вся твоя деяния обличил еси, не токмо твоея державы сущим всем, но и от конец земли

---

[1] По П. И. списку прибавлено: 162 и 163, то есть в 1654 и 1655 годах.

собранным тобою, многим сия вся явил еси: сего ради твое на тя обличение вящше бысть, нежели от мене, единому токмо, ему же и достоит сие ведати возвещеннос.

Паки же рече Царь ко святейшему Патриарху глаголы мирны, во еже бы им средостение вражды разрушити; он же рече: добро и блаженно, Царю, дело избрал еси, аще совершиши его; но ведый буди, яко не имать от тебе се совершитися, зане гнев ярости твоея начатый на нас хощет конец прияти. Сия же глаголы друг ко другу тако изрекши, разыдошася паки.

Грамоту же ону читаху, в словесех же тех, их же сами к себе глаголаху, рече Святейший Патриарх к Благочестивому Царю: и се убо, о Царю, как твоя правда, егда ми ныне шествующе в царствующий сий град, и по нашему велению предъиде пред нами иподиакон Иоанн, нарицаемый Шушерин, некий святый и животворящий крест Господен, и яко той Иоанн воспитан есть при ногу нашею; и егда нам приближившимся ко уготованному от тебя нам двору, тогда повелением твоим той Иоанн ят бысть от воин немилостивно, токмо един крест святый, едва успехом от воинских рук восхитити; оный же Иоанн жив ли или повелением твоим умучен, того не вемы.

Царь же ино отвеща не ведати, токмо, изрече, яко детина оный с крестом ехал есть назади, а не напреди, и иныя же вины, кроме сего, не изрече; слышав же сие стояй тамо со крестом монах Марко, рече к себе единому, яко сие дело, о Благочестивый Царю, солгано есть.

Царь же, услышав сие, ярым лицем на онаго монаха воззре и со гневом рече сие: Чернче, кто есть тебя спрашивая, и кто ти повеле вещати? Оный же монах от онаго страшнаго Царева ответа зело ужасеся, понеже млад бяше, и мняше, яко абие имать восхищен быти от среды Собора; посем же оному монаху стоящу с честным крестом посуплену сущу, ово от страха Царскаго, ово размышляюще вся сия содевающаяся.

И абие Архидиакон Вселенских Патриархов именем Анастасий, стояй при креслах Вселенских Патриархов, той став пред Царем и пред Вселенскими Патриархи прямо, сотвори трикратное поклонение святым иконам, посем Царю и Вселенским Патриархом; таже приходит ко оному монаху Марку держащему Святый Крест. Он же восклонся видя Архидиакона отъемлюща из рук его Святый Крест, возопи гласом ко Святейшему Патриарху сице: Святейший Патриарше! оружие наше отъемлют от нас, бе бо ему в той час обратившуся на страну к царскому сиглиту и глаголание творящу. Он же обратися и виде, яко святый крест отъемлют, рече: воля Господня да будет, аще творят, но аще и ризу последнюю поволят отъяти, или ино что и вящше сотворити, не имамы о сем

извета, но вся сия с радостию терпим, терпяще во имя Господне. Многа же и ина от божественнаго писания прилично сему изрече; и тако Блаженный Никон повеле крест отдати.

Архидиакон же взем крест, став с ним посреде двою жезлов Вселенских Патриархов, держимых ошуюю страну мест их; егда же оную грамоту писанную от Святейшаго Патриарха Никона ко Вселенскому Патриарху Дионисию на соборе прочтоша, тогда рекоша Блаженному Никону, яко до идет паки на уготованный ему двор, и тако Святейший Патриарх Никон из полаты тоя изыде, повелением же Царскаго Величества проводиша его даже до онаго двора со вещами, бе бо уже нощи час третий прииде.

Сущу же ему в дому рече пребывающим с ним глаголя: чадца моя, слышасте ли в мимошедших оных часех на оном соборе царевы оныя глаголы, иже изрече с клятвою, яко ни единаго нам зла сотворити, се узрети имате, что хощет от него нам содеятися, уготовляются бо от него на нас великия скорби и нестерпимыя туги и тако Святейшему Никону пребывающу на том дворе, от оного дне даже до 12 числа Декемврия.

Грамоту же оную, посланную от Святейшаго Никона ко Вселенскому Патриарху Дионисию, еже читаху на соборе, писал ю есть Греческими писмены обитавый некто во обители Святаго Воскресения от Греческих стран Грек, именем Димитрий. Той убо Димитрий прииде тогда от обители Воскресения со Блаженным Никоном в царствующий град Москву, и пребываше на оном дворе и хождаше, аможе хотяще всюду с двора без всякаго страху.

Некогда же отшедшу ему от двора, присла Благочестивый Царь ко Святейшему Патриарху с наречием некоего дьяка глаголя, яко да онаго Грека Димитрия предаст им в руце по повелению Цареву.

Святейший Патриарх отвеща, яко человек сей до зде с нами из обители прииде, но ныне он не обретается зде; они же рекоша: аще где обрящем его, то убо по повелению Царскаго Величества да возмем; Патриарх же рече: аще бы были подручны нам, волю бо нашу творили есте, ныне же что хощете творити, и тако отъидоша. Димитрию же оному Греку не ведущу случитися хотящего, и ходящу ему во граде на некоем месте, в тех же часех абие воины восхищен бысть, и веден ими близ Царева дому в некоторые полаты, яже нарицахуся Набережныя; и тамо бывшу ему, на некоем месте страха ради Царева, взем нож, ударив себе и тако испусти дух.

В те же дни Царское Величество и Вселенския Патриархи и вси Архиереи советующе и сочиняюще всяко, о еже како бы им учинити Святейшему Никону Патриарху извержение, и камо его отослати в заточение.

Декемврия же во 12 день заутро рано паки приидоша ко Святейшему Патриарху оныя же звателие, зовуще его паки на Собор. Собор же оный уготован бяше уже не в царских палатах, но во обители Святаго Алексия Митрополита Московскаго, яже именуется Чудов; тоя обители на вратех в церкви Пресвятыя Богородицы Благовещания; близ же той церкви в притворе обитаху и Вселенстии Патриархи; в той убо церкви собрашася.

Оныя же Вселенстии Патриархи и вси Архиереи и от священнаго чина Архимандриты и Игумены сущии вси во священныя одежды облачени быша, Архиереи же убо во омофорах, прочии же по чину, Афанасий же Митрополит Иконийский, о нем же предпомянухом, той омофора на ся не возложи, но просто стоя смотряше на содевающееся дело их.

Бысть же некто от Архиереев Российских Вологоцкий Архиепископ Симон, иже имеяше многую любовь ко Блаженному Никону, сей не восхоте на оный последний Собор приити и не иде; тогда послаша по него, яко да приидет, как и прочии; он же притворися, что скорбен и возлеже на одре, положи бо себе во ум, яко да не сообщник будет неправедному изгнанию Блаженнаго Никона. Послании же приидоша и возвестиша глаголюще, яко той Симон болезнует и лежит на одре; они же рекоша: аще убо и не может приити, то да принесут его; и абие послаша по него, и привезше его к Церкви оной в санях; в церковь же внесоша на ковре и положиша его в церкви во едином углу; той же пребываше лежа, смотряше вся содевающаяся от них и печалуя и слезя о лишении таковаго Пастыря.

Егда же о изгнании Блаженнаго Никона ко святку извержения его Царь и Вселенстии Патриархи и Архиереи и вси сущии Собора того руками своими свидетельство подписываху, сей же Симон не восхоте сего сотворити, ведая неповинность Святейшаго Никона Патриарха; обаче же принужден бяше и нуждею и отрещися того никакоже можаше, сотвори сице: взем убо написанный той свиток уже многих Архиереев имеющ рук подписания, и написа на нем подписание таковое: аще убо истина, буди тако; аще-ли же несть истины, ни аз утверждаю; в среди же сего своего подписания четвероконечный крест начертав +. Сие же видевши сонмоначальницы, и вси зело на него негодующе яко не по хотению их сотвориша сие; обаче же в те дни ничтоже содеявше ему, последи же за сие великую беду претерпе.

Позвану убо бывшу, якоже рекохом, Святейшему Никону Патриарху на Собор, и вшедшу ему во оную церковь, сотвори по обычаю Святым иконам поклонение и прочим по обыкновению, став посреде Церкви; бе же там тогда и Царева Сигклита Боляре: Князь Никита Одоевский, Князь Григорий Черкасский, Князь Юрий Долгорукий и инии мнозии

чиновницы тогда начаша читати Гречески сложенное от них извержение на Блаженнаго Никона. Егда же прочтоша Греческим языком, абие начат тоже извержение читати Славянским языком Иларион Архиепископ Рязанский; слышав же то их неправедное извержение Святейший Никон, яко быша вины его написаны вся ложь и клевета, возбрани некую речь, яко рече неправедно писано. Той же Иларион, слышав от него се, начат лаяти его и испущая всякия злоковарственныя своя словеса, нарицая его убийцею, блудником и хищником, и иными всякими безчестными словесы. Слышав же Святейший Никон поношение и укоризну от него, глаголаше ему: чадо! благодать во устну твоею, и ина многая от Божественнаго писания изрече ему, бе бо сей Иларион рукоположен Святейшим Никоном Патриархом.

Егда же прочтено бысть извержение оно, тогда Вселенстии Патриархи снидоша со своих мест, и приидоша пред Царския двери суще во омофорах, и прочетше некия молитвы краткия, посем обращшеся приступиша ко Святейшему Никону, показующе рукою своею и глаголюще чрез толмача, повелевающе ему сняти с себя клобук; бысть же на главе Святейшаго Никона Патриарха клобук черный, на нем же изображен бяше честный и животворящий крест, драгоценным жемчугом.

Вопроси же Святейший Патриарх: чесо ради повелевают ему сняти клобук? они же рекоша, понеже Собор сей осуди тя и дела твоя обличиша тя, сего ради и неподобает ти, нарицатися Патриархом, зане ты сам собою и гордостию своею оставил еси паству твою самовольне с клятвою. Никон же отвещав рече: аще и Собор сей осуди нас неправедне, аще и дела наша несбывшая обличиша нас, или паству свою оставих; но сего не оставлю[1], ежебы ми самому сняти с себя клобук, понеже клятвами себе утвердих в восприятии Священно-монашескаго образа, яко сохранити ми сей, даже до исхода души моея; а еже вы хощете, то творите, видех бо вас, яко вы зде пришельцы есте, приидосте бо из далечайших стран и от конец земли; не яко ино что благо содеяти, или мир сотворити, но яко пребывающе в турецком порабощении и скитающеся по всей земли; яко сущии просителие, да не токмо что себе потребная обрящете, но и да обладавшему вами дань воздатите. Приложи же Святейший Патриарх Никон и сие: вопрошаю вас и о сем: откуду вы сия законы, или каноны взяли есте, яко тако дерзновенно творите? аще бо был бы и повинен я и осуждению достоин, чесо ради сие тайно творите, якоже татие? приведосте бо меня в сию церковицу в монастыре сущу, в ней же не обретается Цар-

[1] В П. И.: но сего не сотворю.

ское Величество и весь его Царский Сигклит, такожде и всенародное множество Российския земли; или аз по благодати Святаго Духа паству свою, или Пастырский жезл в сей церковице восприял, но веру ми имите, яко сия церковица создася уже прежде сего от нашего смирения.

Мы же избранием Пресвятаго Духа, желанием же и тщанием и прилежным слезным прошением и молением Благочестивейшаго Государя Царя и Великаго Князя Алексия Михайловича всея Великия и малыя и белыя России Самодержца, и его страшных и нестерпимых клятв, засвидетельствованных самим Богом, восприяхом Патриаршество во Святей Соборней и Апостольской церкви, пред всенародным множеством, ни желанием, ни тщанием, ни снисканием коего-либо образа, и аще ныне желание вам бысть, еже неправедно нас осудити и изврещи, да идем во святую Божию церковь, в ней же восприяхом пастырский жезл, и аще обрящуся достоин вашего намерения, то буди вама якоже годе, и еже хощете, то тамо и творите.

Слышавше же сия Вселенстии Патриархи рекоша: аще тамо, аще зде, все едино, советом Благочестиваго Царя и всех Архиереев собранных дело совершается; а еже Царское Величество зде не обретается, то бысть по воле его.

И абие Вселенстии Патриархи сняша со Блаженнаго Никона прежде помянутый клобук с жемчужным крестом, таже сняша с него и панагию, обретшуюся на нем сребряну сущу и позлащенну, имеющу и камение дражайшее. Тогда Блаженный Никон рече: се яко пришельцы и невольницы, сия себе разделите в потребу и отраду о всех скорбных бывающих вам на некое время обрящете.

Они же слышавше сия, взяша обоя клобук и панагию, и вручиша стоящему тут при Святейшем Патриархе Никоне монаху Марку; на Блаженнаго же Никона положиша простый клобук иный, снемше с некоего тут стоящего монаха Гречанина, мантии же Архиерейской и посоха у Блаженнаго Никона не взяша тут, страха ради всенароднаго.

Посем же рекоша Блаженному Никону велегласно, яко кому да не имать нарицатися Патриархом, и во своем созданном монастыре Воскресения Христова да не обитает, но да идет на место покаяния, в монастырь приуготовленный ему сущ, именуемый Ферапонтов, в Белозерских пределах: и тако его отпустиша, он же изыде.

Егда же хотяше сести в сани свои, воздохнув рече к себе: О Никоне! се тебе бысть сего ради, не говори правды, не теряй дружбы; аще бы уготовлял трапезы драгоценныя, и с ними вечерял, не бы тебе сия приключишася; и тако сяде и пойде паки во двор; послаша же его с Собору приводити во двор, и быти у него в приставех на дворе преждеупомянутым Архимандритом Павлу и Сергию, от них же убо Павел бяше

муж смирен и кроток, Сергий же муж бяше горд, якоже древний фарисей[1] и велеречив.

Егда же Блаженному Никону едущу с Собора путем и глаголющу некая словеса со своими ему сущими, окрест его идущими, Павел же и Сергий последоваша тамо же созади.

Егда же Святейший Патриарх что глаголаше, тогда оный Сергий созади вопияше: молчи, молчи, Никоне! ругаяся бо ему сия глаголя, и уже се бысть ни единожды, ни дважды, но и многажды. Единою же паки нечто изрече Святейший Патриарх своим, той же ругаяся ему рече: молчи, Никоне! Сие же слышав, Блаженный Никон, повеле эконому своему, обретающемуся созади, рещи ему сице: аще имаши область, то иди и загради уста во еже не глаголати. Эконом же Феодосий обращся к Сергию рече: Святейший Патриарх указал тебе сказати: аще имаши власть, то иди и загради ему уста, да не глаголет; сие же слышав, Сергий возопи на эконома зверски сице глаголя: что убо ты чернец чернца нарицаешь Патриархом, се уже несть Патриарх, но един от простых монах.

Егда же сие слово оный Сергий изрыгне, тогда от последующаго народа возопи некто велием гласом, глаголя: како дерзаеши сице зияти неправедно, понеже убо то именование Патриаршеское свыше ему дано бысть, а не от тебя гордаго.

Слышав же Сергий возгласи последующим тут воином, да имут нарекшего сие; тии же отвещаша, яко уже восхищен бысть и поведен; бяше бо последующе Блаженному Никону множество воев, боящеся народнаго возмущения; видев же эконом Феодосий возвести о сем Блаженному Никону, яко тако рече и тако бысть.

Святейший же Патриарх рече: Блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царство Небесное; и тако пришедшим во двор, Блаженный Никон сяде почитати святыя книги, во утешение всех приключившихся сих, любяше бо и читаше паче всех книг «Толкование Святаго Иоанна Златоустаго на послание Павла Апостола».

Вскочив же к нему во внутреннюю келию нагло оный Сергий, и сяде противу ему дерзновенно, сняв с себя и камилавку, являя свое безстудство, и нача глаголати Блаженному Никону некие глаголы, якобы во утешение, но все ругаяся ему и посмехаяся.

Святейший же Патриарх рече: Сергие, кто ти повеле семо безстудно внити и стужати нам? он же рече: яко Царское Величество и Святейшие Вселенстие Патриархи и весь Освященный Собор; он же рече: аще и тако есть сие, но обаче престани лая нас, яко на сие попущенный пес; он же наипаче простираше своя досадительная словеса с гордостию.

---

[1] В П. И.: якоже древний Фараон.

Блаженный же Никон Патриарх прочее даде себя молчанию, токмо едино сие изрече ему пророчески: Сергие! Сергие! вижду, яко угождаеши Царю и прочим желая и требуя восхитити мой престол, истинну ти реку, яко еже аще имаши, помале безчестне и сего лишен будеши, еже убо вскоре, по проречению Блаженнаго Никона, и сбысться; помале бо извержен бысть безчестно из сея Архимандритии, и живяще во граде Ярославле в Толском монастыре в простых чернцах.

Егда же прииде вечернее славословие и гринесословяху вся, яко и во обители, на ектениях же поминаху Святейшаго Патриарха Никона, по обычаю; сие слышав, оный гордый Сергий, паки воскрича, запрещая сего не глаголати, и рече: что сие творите, яко проста монаха Патриархом именуете. Иерей же и прочии вси сие его прещение ни во что же вменяху.

Наставши же нощи, той убо Сергий взем свещи возженныя, пойде во внутренния келии, идеже пребываше Святейший Патриарх, тако ж и в сени тыя, и на крыльце, везде осматривая и глаголя: чтобы убо еще Никон не ушел; тоя же нощи внеуду Кремля в Китае-городе, на Земском дворе, идеже обиташе Святейший Патриарх, а определения имеющу токмо стену едину, ту творяху повелением Царским, подобно и во иныя мало не во вся нощи, великия разныя пытки, чрез всю нощь, якобы ругающеся ему.

В тыя же дни, такожде и в нощь, творяху некоим великия пытки; пронесеся же слово, аки бы мучат онаго Иоанна Шушерина, но сие инако бысть; егда бо сего Иоанна восхитиша и ведоша его пред Царя и отдаша его за стражу.

Афанасия же Митрополита по неколиких временех сослаша во изгнание в монастырь Преподобнаго Макария на желтых водах, суща на Волге, тамо бо и живот свой сконча во изгнании; не токмо же сии едины тако пострадавше, но инии мнозии соболезнующии Блаженному Никону, муками и узами и темничным заточением удручени быша: но сие ныне оставим за множеством.

По утреннем же славословии зело рано прииде от Царя окольничий Иродион Стрешнев, принесе же от Царя денег серебряных и от одежд различных собольих и лисьих и иных немало, глаголя: яко Царское Величество повелел ти сие вручити, понеже шествуеши в путь далекий. Он же сия слышав и принесенное видев, рече: возвратите сия вся к пославшему вы, Никон бо сего не требует; многа же изрече Блаженный Никон от Божественных писаний приличная к сему словеса. Оный же Иродион со всяким усердием моля его то прияти, дабы, рече, Царское Величество, паче на гнев не подвигнути, бе бо той Иродион муж правдивый, в словесех зело искусен; он же нимало о сем радяше и присланнаго не приимаше.

Посем той Иродион со всяким благоговением и тихостию приступи ко Блаженному Никону и рече: Благочестивый Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя и белыя России Самодержец повеле ми у тебя себе и Царице и всему своему дому испросити благословение. Он же, сия слышав, рече: аще бы убо Благоверный Царь желал от нас благословения, не бы убо нам такия немилости явил; но сие мощно разумети, яко не восхоте благословения, еже и удалился от него, и ина много изрече от Божественных писаний, подобне сему. Много же о сем той Иродион моли и проси Святейшаго Никона, но ничтоже успе сотвори же поклонение, возвратися к Царскому Величеству и поведа ему вся бывшая, яко Блаженный Никон присланнаго ничего не прият, и благословения не даде. Зело же печален бысть Царь клятвы ради и неблагословения; но свое намерение о нем вскоре повеле исполнити.

По отшествии убо онаго Иродиона, абие прииде от Царя солдатских полков начальник Аггей Шепелев, и рече Блаженному Никону, яко Царское Величество повелевает тебе идти на уготованное тебе место, еже есть в Ферапонтов монастырь, без всякаго закоснения; нам же по его Царскаго Величества указу велено тебе до онаго места проводити со всяким хранением. Он же отвещав рече: яко готов есмь, и что ти повелено и еже хощеши твори. Вопроси же его Аггей, яко имат ли мски, на чем ему идти? Святейший же Патриарх отвеща, яко не имам, тогда отъиде той Аггей от Блаженнаго Никона.

Посем же приидоша от Вселенстих Патриархов и от всего Собора нецыи ко Блаженному Никону глаголюще: присланша убо нас к тебе Святейше Вселенстие Патриархи и весь Освященный Собор, яко клобук и панагию, яже вчера от тебе бысть взята, и сущему с тобою стоящу монаху отдано, се паки повелеша взяти от тебе и принести пред себя; Святейший же Патриарх обоя повеле отдати без всякаго закоснения и рече: воля Господня да будет, и тако тии вземше отыдоша.

Посем же предпомянутый полковник Аггей вскоре прииде, ведый с собою кони и мски и впрягше с великою скоростию, посадиша Блаженнаго Никона в его сани, в них же прежде из обители прииде; народи же Московскаго Государства слышавше сия, начаху собиратися в Кремль, яко да видят Пастыря своего неправедное отгнание от овец паствы своея.

Сие же вниде во уши царевы, яко рече народи собираются в Кремль, тогда умыслиша сице: приидоша убо мнози от воин не яко с яростию или отгнанием, но с тихостию глаголаху народу, яко, рече, Никон Патриарх пойдет из Кремля во Спасские вороты и по Сретенской стогне града. Народи же,

слышавше сия, поидоша из Кремля во град Китай, ожидавше тамо его.

Егда же видевше воины, яко народи из Кремля вне изыдоша, тогда абие с великою борзостию повезоша Блаженнаго Никона из Кремля на Каменной мост и оттоле в Арбацкие ворота, именуемые Смоленские, даже и за самый земляный град; провожающе же его из града царевым повелением полковников стрелецких четверо, имеюще с собою 200 стрельцов; сущии же со Блаженным Никоном, от священномонахов и монахов, иже восхотеша с ним идти, також и иные от мирских мнозии, превождающе его из града со слезами и с воплем великим; тех убо всех оные воины окруживше окрест, и уже в средину ту, никому же даяху внити: и тако полковники и воины, проводивше его за земляной город и поклоншеся ему, возвратишася во град. Со Блаженным же Никоном пойде в приставниках преждеупомянутый Аггей Шепелев, имея при себе воинов пятдесят.

Егда же Святейший Патриарх шествие творяше по земляному граду даже до Дмитровских врат, и до слободы, еже нарицается Сущева; внутри же землянова града уготовано бяше стрельцов тысяща едина, со всяким оружием наготово, и со огнем, иже нарицаются фитили горящия; и внегда убо идяше Святейший Патриарх позади града, они же противу его внутри града идяху со всяким стройством; и егда Блаженному Никону пришедшу до Сущевы слободы, и повезоша его от града по пути по Дмитровской дороге, тогда и тии воини шедше внутри града отступиша; монаси же и мирстии проводивше Святейшаго Патриарха даже и за Сущеву слободу с великим воплем и рыданием; он же, утешая их, изрече много им от Божественнаго писания и ту благослови их, предав всех благодати Божией.

И тако приставницы повезоша Блаженнаго Никона с великою борзостию; тии же во след его умильно взирающе и жалящи си, яко лишившеся своего Пастыря, возвратишася во град с великим плачем; уведаша же се и во граде, яко Блаженный Никон уже из града увезен бысть, вельми бяху скорбяще по своем отце и Пастыре.

Шествующу же Блаженному Никону во изгнание по Дмитровскому пути, предупомянутому же оному приставнику Аггею Шепелеву и солдатом предъидущим пред ним, с ним же Спаса Новаго монастыря Архимандрит именем Иосиф, с великим поспешением и со опасным хранением, никому же дающе, или на встретение идущу, или близ подступити, или кому по прилучаю наехати, или кому найти.

И тако Святейшему Никону идущу по пути, с таковым великим трудом и утеснением; в пищи же терпеливый тот Никон, аще и отраду имяше, но обаче сам убо и сущии с ним

велию скорбь и тугу имяше, оскорбляеми от зимы, не обретшихся ради одежд зимних ему же и сущим с ним.

Дошедшим же им до реки до Клязьмы от града Москвы 25 поприщ, тамо удержаша, и стояхом на оном месте два дни.

И посем по указу Царскаго Величества прислан бысть во след его, в приставники же на перемену Спасскому Архимандриту Иосифу, из Нижняго Печерскаго монастыря Архимандрит тем же именем Иосиф; Новоспасский же Архимандрит Иосиф, егда видя многострадального Никона от зимы согнетаема, умилився, и подаде ему от своего имения теплую одежду, глаголемую шубу и треух, такожде и от пищ немало; а сам по указу оному возвратися к Москве. За сие убо его Архимандрита Иосифа Святейшему Никону подаяние, яко мню, воздаде ему Господь Бог на сем же свете сторицею, и удостои его по седми летех времени сего быти Преосвященным Митрополитом Рязанским и Муромским, и по скончании Святейшаго Никона, в то же лето, яко сослужебник его преставися к Богу; и о сем убо до зде, предлежащаго же да имемся словесе.

Прочии же, иже со Блаженным Никоном, вельми оскорбляемы быша от зимния стужи и от мразов.

Во едину же от нощей, ехавшим им с великою борзостию, бяху бо у Святейшаго Никона впряжени кони царевы конюшни, и от борзости шествия навалиша Блаженнаго Никона, к некоему древу, и главу его ко оному древу приторгше, и едва особ не отторгше, и от того убо ударения Святейший Патриарх прият немалую язву.

Егда же приближающимся им ко граду Угличу, возжалеся Блаженный Никон о сущих с ним, и посла прежде себе во оный град, яко да купят сущим учеником его с ним одеяния теплая. Уведев же сие оный приставник Аггей, возбрани сия сотворити посланным с великим прещением; и егда убо приближающимся им ко граду, уведавше граждане пришествие Святейшаго Никона, приуготовльшеся и изыдоша во сретение его носяще потребная. Видев же сие, оный приставник Аггей, повеле всех немилостивно отгнати, многим же и раны многие наложше: и тако град мимо прогнавше с великою борзостию, никому же дающе близ приити. Пять на десять же поприщ отъехавше от града того в некую весь, в той убо веси во оный день по прилучаю бяше торг; приставник же посла тамо прежде себе, и повелением его всех отгнаша, с великим прещением: и тако дошедшим им до Мологи, и в них же убо селех или деревнях по прилучаю обнощевати, или скот кормити, то убо приставник той посылаше наперед и те дворы, в них же ему стояти, очищаху и всех сущих из дому изгоняху.

Во едину же от нощей в некоей веси, по обычаю стоящим и домашним всем отгнанным бывшим, жена некая престa-

ревшая многими леты, ея же бяше и дом той, в том доме утаився от всех скрыся в сокровенное место, сиречь в подполье; егда же заимщики оные отъидоша. Блаженному же Никону во двор оный пришедшу, жена же оная седяше в сокровенном месте. Всем же убо отшедшим и оставльшуся единому Святейшему Никону с малыми своими ученики, и уразуме оная вдовица, яко вси отъидоша, абие изыде из сокровеннаго места, вопрошая прилучившихся тут: который убо есть Блаженный Никон? показавше же оной того, она же со слезами припадше и с великим воплем умильныя гласы испущаше глаголя: камо идеши Пастырю словесных овец, оставя овцы своя в расхищении? и иныя к нему умильныя глаголы изрече; сказавше и сие, яко вчера пребывшу ми в дому моем, явися ми во сне муж некий благообразен, и рече: жено, се раб мой Никон Патриарх послан и идет в заточение в великом утеснении и скудости, ты же, елико можеши, в потребных ему помози; и сия оная жена изрече, заклиная себе клятвами, яко во истинну тако бысть; и тако вручи Святейшему Никону денег сребреных двадцать рублев, к сему же и одеяний теплых, и егда же заутра рано в путь поидоша, жена же оная много плакася, и паки скрыся в тайное место дондеже отъидоша: и тако дошедшим им до слободы, юже нарицают Молога, и тут убо ночевавше.

Близ же бяше оныя Мологи монастырь Святейшаго Никона Патриарха приписной, иже нарицается Афанасиевский; приставник же оный от зельности лютыя не сотворь того, во еже бы Блаженному Никону во онем ему своем монастыре обитати.

Во утрий же паки в путь пошедше, мимо самаго онаго монастыря и святых врат; оныя же обители строитель именем Сергий Прокопиев ученик Блаженнаго Никона, изыде во сретение Святейшему Никону со всеми тамо обитающими. Той же немилостивый приставник всех отгна с великим прещением и яростию, и тако им прогнавшим мимо той монастырь с великою борзостию, и бывшим им близ Шексны реки; в нощи же гнавшим им також с великою скоростию, по некоему ж случаю или нарочно, Бог весть, наехавшим оным повозником на некое древо зело острое противо торчащее, и толико скоро нагнавше, яко оныя сани, в них же бяше Святейший Патриарх Никон пронзе сквозь, також посланныя в них войлоки, даже и до тела Блаженнаго Никона; и тако уязви его то древо, яко еле жива его остави, сотвори же ему язву великую, и оно торчащее древо от прытости преломися. Стояй же на ухабе у саней человеколюбие показуяй ко Святейшему Никону, взять то преломившееся древо никому не ведущу и положи е в сани оныя сокровенно, и тако путешествующим им даже до уреченнаго места, еже есть Ферапонтова монастыря.

Не дошедшим же им еще места того, оный приставник посла наперед вестника в монастырь ко Игумену Афанасию и братии глаголющи, яко по указу Царскаго Величества везем к вам Никона-монаха, и да уготовите келии, идеже ему обитати. Они же, сия слышавше, ужасошася, видяще тех присланных предвестников напрасно во оружии вшедших во обитель.

Прежде же пришествия Блаженнаго Никона во оную обитель не за многое время бяше у них огненное запаление и монастырь оный весь позжен бысть, токмо осташася у них две келии болничныя, и егда привезоша Блаженнаго Никона в монастырь еще до разсветания, и изыде ему во сретение на монастыре токмо един Игумен, от братии же и от иных никто же, тако бо повелено бысть от приставника онаго: и тако вшедшу ему во оныя уготованныя больничныя келии смрадныя и закоптелыя, еже и изрещи неудобно.

Святейший же Никон, видя себя в таковом озлоблении, о всем благодаряше Бога, утешая себя Святым Писанием, скорбь же велию имяше от оныя раны, иже ему на пути содеяся.

Во утрий же день приидоша предпомянутый приставник Аггей и Архимандрит Печерский Иосиф и тоя обители Игумен и келарь, и повелеша о своем приходе возвестити Блаженному Никону, яко приидоша, рече, по указу Царскаго Величества, о некоих делех сказати.

Святейший же Никон от оныя скорби изнемогая и возвести им, яко немощно ему, рече, с ними видитися, и повеле вопросити я: коего дела ради пришли суть? они же воздаша ему наречие, яко да идет в церковь некоего ради царскаго дела. Он же паки отречеся, яко не могу, и повеле взяти у них ведомость, чесо ради и с каковым повелением приидосте. Они же рекоша, яко по указу Царскаго Величества, и по благословению Святейших Вселенских Патриархов и всего Освященнаго Собора, велено у него Никона-монаха взять мантию Архиерейскую и посох.

Слышав же Блаженный Никон, ни мало о сем усумнися, но абие повеле им просимое отдати; много же изрече от Божественнаго Писания приличное сему. Оный же Архимандрит Иосиф присланный с ним вземше сия и отвезоша обое, глаголю, мантию и посох к Москве.

Пища же Блаженнаго Никона бяше тоя обители, ею же братия питахуся, аще бо и по указу Царскаго Величества велено оному приставнику пищу приуготовляти из царских сокровищ; Блаженный же Никон сего никогда же никакоже восхоте; приставник же оный Аггей вельми о сем печашеся и моляше его, яко да приимет пищу себе от милости Царскаго Величества, он же нимало восхоте глаголя: аще и умрети, но не сотворю сего, и тако оному приставнику пребываюшу месяц или вящше.

Блаженный же Никон, изнемогая бяше от таковаго великаго озлобления и заточения, написа же и писание мало в Воскресенский монастырь Строителю старцу Сергию, яко да упросят Благочестивейшаго Царя, дабы Благочестивый Царь поволил по смерти его погребстися телу его во своем строении в Воскресенском монастыре в церкви Предтечеве, под Святою Голгофою, еже и сбыться последи, по пятьнадесяти летех по его прошению, о нем же ниже написася.

Посем убо по указу Царскаго Величества, прислан бысть с Москвы на перемену оному приставнику дворянин некий Стефан Лаврентьев сын Наумов, от духовнаго же чина бывший Новоспасский Архимандрит Иосиф; той убо Стефан зело бысть лют и немилостив во всем ко Блаженному Никону; келии бо, в них же пребываше Блаженный Никон, абие повеле окна все заклепати железными решетками накрепко; спереди же оставиша токмо двери едины, и тут приставиша стражу тверду: и тако стрежаху у дверей и окрест келии с великою твердостию, и никому же даяху, да кто мимо идет и не токмо мимо келии, но и близ монастыря никого не пропущаху, и дорога убо большая, яже прежде бяше мимо самыя монастырския ограды, и тую дорогу с того места преложше на ино место.

Блаженному же Никону живущу в таковом озлоблении и утеснении, яко сам дрова ношаше и по воду на езеро хождаше, и потребныя пищи на всех с ним сущих, сам всегда строяше, и труждаяся непрестанно; и о всем о сем никогда же поропта, но все благодаря Бога творяше, в церковь убо хождаше во особую, яже на вратех, и служаху в ней при нем священницы, иже суть с ним приехали из монастыря Воскресенскаго, на ектениях же поминающе его Святейшаго Патриарха Никона; егда же ему или иным учеником его, когда хотящим внити в церковь, тогда все хождаху за караулы крепкими: и тако ему дни своя препровождающу во всяком злострадании благодаря Бога и моля о всех, зло ему творящих, глаголя: Господи, не постави им в грех сего.

Приставнику же оному Стефану некогда пришедшу ко Блаженному Никону, нача его молити с великим прошением, яко да подаст он прощение и благословение Царскому Величеству и всему его Царскому дому.

Слышав же сия, Блаженный Никон рече: сие ты глаголеши нам Стефане и молиши нас о сем прилежно, яко дати нам Царскому Величеству и всему дому его с прощением благословение; повеждь ми, кто тя сему научи и коея ради ты вины твориши сия? он же с клятвою рече, яко мне с Москвы писано о сем и повелено мне о сем тя прилежно молити; Блаженный же Никон рече: аще убо сия тако суть, аще не лукаво, аще же тако Благочестивый Царь престанет гневатися на нас туне и мучити нас, то се просимое тобою испол-

нится; и восписа Святейший Патриарх к Благочестивейшему Царю писание, сицев образ имущее:

Послание Святейшаго Никона Патриарха к Благочестивому Царю:

Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя России Самодержцу, и его Благоверной Царице и Великой Княгине Марии Ильиничне и Благородным чадом.

Благородному Царевичу и Великому Князю Алексею Алексеевичу.

Благородному Царевичу и Великому Князю Феодору Алексеевичу.

Благородному Царевичу и Великому Князю Симеону Алексеевичу.

Благородному Царевичу и Великому Князю Иоанну Алексеевичу.

Благородной Царевне и Великой Княжне Ирине Михайловне.

Благородной Царевне и Великой Княжне Анне Михайловне.

Благородной Царевне и Великой Княжне Татиане Михайловне.

Благородной Царевне и Великой Княжне Евдокии Алексеевне.

Благородной Царевне и Великой Княжне Марфе Алексеевне.

Благородной Царевне и Великой Княжне Софии Алексеевне.

Благородной Царевне и Великой Княжне Екатерине Алексеевне.

Благородной Царевне и Великой Княжне Марии Алексеевне.

Благородной Царевне и Великой Княжне Феодосии Алексеевне.

Богомолец ваш Смиренный Никон милостию Божиею Патриарх, Бога моля челом бью.

В нынешнем в 176-м году Сентября в 7 день (1667) приходил ко мне богомольцу вашему Стефан Наумов и говорил мне вашим Государским словом, что повелено ему по вашему Государскому указу, с великим прошением молить и просить о умирении, чтобы я, богомолец ваш, тебе Великому Государю Царю и великому Князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя России Самодержцу, подал благословение и прощение; а ты, Государь, богомольца своего милостию своею по своему Государскому разсмотрению пожалуешь; и я смиренный тебя великаго Государя Царя и великаго Князя Алексея Михайловича и Благочестивую Государыню Царицу и великую Княгиню Марию Ильиничну, и благородных Царевичев и благородных Царевен благослов-

ляю и прощаю, а когда я, богомолец ваш, ваши Государския очи увижу, и тогда я вам Государем со святым молитвословием наипаче прощу и разрешу, якоже Божественное Святое Евангелие показует о Господе нашем Иисусе Христе, и Деяние Святых Апостол, всюду с возложением рук прощение и цельбы творили. Смиренный Никон, милостию Божиею Патриарх, засвидетельствую страхом Божиим и подписал своею рукою.

Я Стефан Наумов, по указу великого Государя Царя и великаго Князя Алексия Михайловича его великого Государя милость сказывал, и о умирении и о благословении со упрошением молил и просил и к сему списку руку приложил.

Прием же сие писание оный приставник Стефан, посла с великою борзостию к Царствующему граду; Царь же прием оное писание[1], по времени же некоем посла ко Блаженному Никону Стряпчаго Иоанна Образцова и с ним от своея Царския казны денег на милостыню 1000 рублев; також повелением Царским иже закованныя были у келии окна и двери, то повеле отковати; на сотворшаго же сие на оного приставника, притворством, аки бы гнев возложше, яко самовольством сие он учинил, без повеления Царева; повеле же и келии новыя учинити; сотворив же Блаженному Никону не малу[2] ослабу и иже с ним сущим хождение, и в келии к нему приходити с повеления приставника.

И тако Блаженному пребывающу во утеснении велицем; пищи же и пития, яже по повелению Цареву присылаху к нему с Москвы, того не принимаше и не вкушая, труждаяся бо сам, употребив орудие свое, чем рыбы ловити, и от того удовольствовавше не токмо себе, но и сущих обители тоя Игумена с братиями, и прочими трудники, на каждый бо день довольство рыб имяше.

По времени же некоем приспевшей недели Сырной, присла Царь ко Блаженному Никону разных рыб свежих белуг, осетров и иных немало, також и пития красного, Ренскаго, Романеи, церковнаго вина великия делвы (бочки). Приставник же о сем возвещая и моля о принятии; Блаженному же отрицающуся приняти сего; видев же Блаженный моление прилежное о принятии, присланного по многом убо отрицании, повеле приняти.

Во утрий же день в Сыропустную неделю соблаговоли Святейший Патриарх Никон трапезовати в общей монастырской трапезе со Игуменом и братиею и прочими трудники; присланное же Царево рыбы и питие повеле на тот обед истощити, токмо мало пития оставити повеле; сам же никакоже сему при-

---

[1] По П. И. прибавлено: и прочет вельми возрадовася.

[2] По П. И.: малу.

сланному ястию и питию коснуся: некоим же сущим его монахом в неведении, пития мало вкусившим, о сем бо запрещении прияша.

Во един же убо от дней Святаго поста бывшу Святейшему Патриарху с своими сущими монахи у утреннего славословия в келии, поведа видение, явльшеся ему тоя нощи во сне, яко обретшуся ми, рече, в некиих зданиях каменных превеликих зело; и абие отретеся тут Московского большого Собора Протопоп Михаил, аки бы докладывая нас во освящении некоея церкви, и тако нам вкупе их тоя явльшияся палаты идущим в другую и в третию, и елико нам далее идущим, толико являхуся нам палаты краснейшия.

Вшедшим же нам во внутреннюю, якобы в пятую или вящши, и таково бяше ту здание, яко неудобь сказаемо, и удивляющимся нам о таковом великом и прекрасном здании, и абие внезапу явися юноша благообразием зело, и рече ми: что удивляешися, святче Божий, сему зданию мне же отвещавшу ему, како не имам удивлятися сему таковому величеству и красоте здания сего; он же рече ми: знаеши ли ты, чие суть здание сие? мне же отвещавшу ему: никако же, Господи мой, не вем; он же рече им: здание сие, яже ты зриши, твое суть, еже ты создал еси своим терпением; но потщися совершити путь своего течения; еще же ти и се глаголю: яко днесь имаши свой хлеб ясти, и абие невидим бысть юноша и видение преста. Сие бо видение сам Блаженный Никон сущим братиям с ним поведа; они же слышавше сие во уме си имуще.

Того ж дня в час благовеста святыя Литургии приидоша ко Блаженному Никону, по обычаю приставник и Архимандрит, и тоя обители Игумен и Келарь, яко да проводит по обычаю в церковь Святейшаго Патриарха. Седшим же им и слово продолжающу Блаженному «о пользе», и абие с гостиницы прииде вестник глаголя: яко приидоша от обители Воскресенской Новаго-Иерусалима его строения Святейшего Патриарха, Иеромонах Мисаил с прочими трудниками; повеле же Блаженный им внити; они же вшедше поклонение сотворише от Архимандрита и братии со умилением слезне благословение испросиша и сами получиша, и посланное с ними Блаженному вручиша денег 200 рублев и 10 хлебов братских трудов, також и от рыб и иных запасов немало.

Святейший же Патриарх прием сие все с радостию велиею и слезами, благодарив Вседержителя Бога, дающего пищу всякой твари, и рече: яко сбысться днесь видение нощи сея, глаголющее мне, яко днесь имаши свой хлеб ясти. И тако время Святаго поста препроводив в молитве и посте и в трудех непрестанно, почитанием книг Святых, якоже бе ему обычай в Воскресенской отхожей пустыне.

В день же Святыя Пасхи, по святей Литургии, благоволи Святейший Патриарх Никон Архимандриту Иосифу и настав-

нику оному, и обители тоя Игумену и Келарю хлеба ясти с собою в своих ему келиях; внегда же им ядущим, повеле Святейший Патриарх, да внесено будет оное питие Царево, еже прислано ему в неделю Сырную. Прием же сие в руце и возгласи всем сущим прилучившимся ту, глаголя: слышите, яко от дне повеления Царскаго Величества в сие нуждейшее место заточения есмы до днесь; присланным же от него к нам по разным временам пищи и пития, никакоже коснухомся вкусити.

Ныне же мы подражая смирению высоты слова Божия, и поминая рекшего: благословите кленушыя вы, добро творите ненавидяшым вас.

Аще Благочестивейший Царь и гнев на нас имея заточи мя семо; но мы поминая Спасителя своего слово, егда при распятии моляшеся, глаголя: Отче, отпусти им, не ведят бо, что творят, и паки ниде: да не зайдет солнце во гневе вашем, и ина многая от писания прирек подобная сим, и благодарив Бога и рече: да не до конца вражда наша со Благочестивейшим Царем пребудет, и поздравив, якоже обычай, глаголя: се ныне питие сие про здравие Благочестивейшего Царя и со всеми вкушаю и впредь присланным от него отрицатися не буду.

Сия же слышавше и видевше прилучившияся тут Архимандрит и приставник и прочии от Святейшего, зело ради быша, и воставше поклонишася ему до земли, и абие того ж дня послаша писание к царствующему граду, вся сия бывшая Благочестивейшему Царю возвещающе, и от того убо времени вся присланная Царева принимаше.

По времени же некоем присла Благочестивый Царь ко Блаженному Никону Евангелие и церковныя сребряны сосуды и иных потреб церковных немало.

Святейший же Патриарх избра себе едину церковь обители тоя, на святых вратех во имя Богоявления Господня, и ту хождаше на славословие Божие; службу же святую служаху с ним в заточении привезеннии братия, обители Воскресенской постриженники и его рукоположенцы; инии же и последи к нему пришедше самовольне терпети (не с повеления Царева) Иеромонаси: Памво, Варлаам (иже последи бысть ему духовник) и Палладий; Иеродиаконы: Маркелл и Мардарий; крылошане же и простые монаси: Виссарион и Флавиан, и инии мнозии братия; но много зла приняша и гонения и в заточениях по разным странам и местам Поморским.

Тии же вышеописанныя имены иманы в Москве, и тамо бо по разным заточениям многа лета в тяжких оковах гладом томими бяху, и в дальния монастыри в заточение разсылаху, и горким мучением озлобляеми, инии же и жития сего горце лишахуся, и сея ради вины, хотящии благочестивые приходити благословения ради бояхуся.

Обычай же бе имяше Святейший Патриарх в трудех пребывати, близ же убо езера того Ферапонтовскаго начат лес сещи и

землю расчищати; место же то именуемо Лещево, на месте бо том саждаше всякий овощ огородный, и хлеб сеяй, також против того места среди езера того устрои каменный остров; глубина же места того две сажени и вящше; камение же со брега сам с сущими своими монахи на плотах возяше от брега далее дву поприщ; длина же тому каменному острову дванадесять сажен; ширина же имать пять сажен мерных.

На том же каменном острове водрузи честный и Животворящий Крест Господен с надписанием сицевым:

«Никон, Божиею милостию, Патриарх, постави сей Крест Господень, будучи в заточении за слово Божие и за святую Церковь, на Беле-озере в Ферапонтовом монастыре в тюрьме»; бе бо чрез той новопостроенный остров, на нем же крест водружен бысть, в зимнее время ту большая дорога, и мнозии мимоходящии надписания сего читаху.

Постави же и ина два креста с сицевым же надписанием на том же езере на иных островах, яже последи в Царство Благочестиваго Царя Феодора Алексеевича и Святейшаго Иоакима Патриарха повелением, оные кресты от мест тех всех взяты и надписания их оная сотроша.

Сие же надписание у Блаженнаго Никона бысть и на всех его сосудах келейных сребряных и медных и оловянных, також истребиша и загладиша, а инии сосуди медные и оловянные слити суть.

Надписание же оно на крестах и на всех сосудех резал обители Воскресенской монах Иона, художество имеяй сребродения; бе бо той Иона страсть имеяй велию невоздержания пьянства, и зело сварлив и языком невоздержателен и клеветлив бе; отай бо от Святейшаго ходя ко приставнику, ложная на него сшиваше; и в некое убо время по обычаю своему, упився у приставника и учини досаждение велие Святейшему Патриарху и братии, овым досадительным и песским своим бреханием; овых же дерзновением рук своих оскорби; вины же ради сея, хоте его Святейший сослати в смирение в пекарню; он же с монастыря бежав к приставнику и клевета на Блаженнаго нелепая. Таже иде по пути до царствующаго града, по городам владыкам[1] и по монастырям властем и всякаго чина людям, яко пес неистовая блядословя, и ложная глаголя, яко ни на ум человеческий таковая сквернословия могуща взыти; он же окаянный все якобы делом то творимая произнося; к тому ж имеяй с собою надписание оно, еже он за повелением Святейшаго на вышереченных крестах и на келейных сосудех резал, везде показуя, и тем Святейшаго порицая, глаголя: Патриарх Никон, живучи в Ферапонтове монастыре, сие надписание на крестах и на сосудех везде пишет, затевая самовольно глаголет, будто он в Ферапон-

[1] В П. И.: воеводам.

тове монастыре в тюрьме терпит за слово Божие и за церковь, и иная многая клеветы глаголаше; сия же злоречения писана быша от приставника ко Благочестивому Царю и Святейшему Патриарху сия в слух вниде.

Царь же Благочестивый сия слышав, ни мало сему внят; той же окаянный монах Иона не дойде до Царствующаго града; но в граде Переяславле зайде на винную поварню и напився пьян, впаде в котел великий с водою кипящей и сварися: и тако зле жития сего лишися, прият кончину, якоже вторый Иуда предавый Господа.

По времени же некоем Благочестивейшаго Царя супруга Благоверная Царица Мария Ильинична сего света отъиде, преставися в вечный покой; тогда Благочестивый Царь присла ко Святейшему Патриарху Никону ближнего своего человека Окольничаго Иродиона Стрешнева, с ним же присла на поминовение души Благоверная Царицы Марии Ильиничны милостыни 500 рублев; Блаженный же сего не прият глаголя: аз должен по душе Благоверная Царицы Марии Ильиничны поминовение творити, елико Бог помощь подаст и сила наша может и без сея мзды. Много же молившу Иродиону о принятии присланнаго, но ничтоже успе, паки возвратися к царствующему граду.

По отшествии же Иродионове Святейший Патриарх поминовение по душе Благоверныя Царицы творя непрестанно, по чину церковному, якоже обычай.

Такожде и по Благоверном Царевиче Алексее Алексеевиче поминовение творя.

По времени же некоем Благочестивейший Царь паки совокупися брачным законом второе, и присла ко Святейшему Патриарху Феодора Лопухина, с ним же присла денег 700 рублев, мех соболий, мех лисий, мех беличий, сукно и тафту черныя, 15 штук полотен добрых тонких, 20 полотенец.

Прием же сие присланное Святейший Патриарх благодарив Бога и пев молебная о царском многолетном здравии; прославнаго же упокоив довольно, отпусти с миром к царствующему граду.

Малое же помянув время, посла Святейший Патриарх к царствующему граду диакона своего келейнаго именем Мардария некоих ради потреб и ко Благочестивому Царю о некоих нужнейших потребах.

Царь же Благочестивый просимое им вся исполни; и паки посылает с Козьмою Лопухиным 40 соболей добрых, да мех соболий же, денег 500 рублев, таже и посуды серебряной немало; пищи же и пития и иных изобильно; диакона же онаго вскоре отпустити повеле, дав милостыни 10 рублев.

Еще же оному присланному Козьме Лопухину медлящу у Святейшаго Патриарха, прииде от царствующего града брать его Козьмин Феодор Лопухин, возвещая Святейшему Патриар-

ху, яко Благочестивейший Царь Алексей Михайлович преставися от сего света и отъиде ко оному блаженству.

Егда же услыша Блаженный, яко Царь умре, воздохнув вельми от сердца и прослезися, и рече: воля Господня да будет, аще бо зде с нами прощения не получи, но во страшное пришествие Господне судитися имамы. Феодор же Лопухин, моля Святейшаго Патриарха прилежно, да подаст прощение Благочестивейшему Царю на письме. Блаженный же рече: мы подражая Учителю своему Христу, реченное во Евангелии святом: оставляйте, оставится и вам; аз же ныне глаголю: Бог его простит, и на письме не учиню; нам бо он при жизни своей из заточения сего свободы не учинил.

Оный же присланный привезе Блаженному на поминовение души Благочестиваго Царя в милостыню денег 100 рублев, да мех песцовой черной; Блаженный же сия приняв Благочестивейшему Царю поминовение творя по чину, якоже святая церковь содержит.

По смерти же Благочестиваго Царя Алексея Михайловича Царский престол и скипетр восприя сын его, Благороднейший Царевич Феодор Алексеевич, юн сый и венчан Царским венцем, и бысть Царь всея великия и малыя и белыя России Самодержец.

На Блаженнаго же Никона паки диавол бурю возставляет, чрез свое орудие злых человек, воспоминанием вышереченнаго чернца Ионы нелепых блядословий, и тем подвижут на гнев Святейшаго Патриарха Иоакима; и паки посылаются прежнии немилостивии приставницы, Князь Самуил Юсупов, Иоанн Ададуров и сотник и с ним 30 человек стрельцов; приставницы же онии много туги, и озлобления и тесноты творяще Блаженному; он же терпя вся благодарив Бога, глаголя: не постави, Господи, им во грех сего.

По времени же многом и озлоблении, повелением Самодержца и Патриарха посылаемы суть с Москвы в Ферапонтов монастырь Чудова монастыря архимандрит Павел, да дворянскаго чину Иоанн Желябовской, дьяк Семен Румянцев, и вдаша им многия лжесоставныя письменныя вины, яже клеветаху на него лжесвидетели неправеднии, ласкатели, миролюбцы, паче же человекоугодницы, повелеша им, яко да вопросят Блаженнаго о всем подробно, и да переведут его оттуда в Кириллов монастырь на Бело же езеро, да тамо пребудет в заточении.

Посланнии же достигше в монастырь Ферапонтов, внезапу входят в монастырь и в церковь; Блаженному ж сего неведущу вины пришествия их; они же посылают ко Святейшему Никону, дабы он шел в церковь к ним. Блаженный же ни мало помедля, шед в церковь и обычная сотвори; посланнии же нарече от Самодержца и Патриарха возвестиша, и вину своего пришествия. Он же достойную честь Царскому Величеству и Патриарху отдав, глаголя: воля Господня да будет и великаго Государя,

не убоюся от тем людей окрест нападающих на мя, аще что и смертно пострадати готов есмь. Присланный же приставник Иоанн рыкнул яко лев свирепо на Блаженнаго, и нача пески неистовая блядословия износити.

Блаженный же Никон архимандриту тихо рече: аще убо и ты чрез святыя каноны к нам прислан но обаче да ты глаголеши нам, сему же повелиши до молчит; и абие наченшим им чести наказ, и писанныя на него лжесоставные вины полны суть всякия неправды: того бо неправеднаго злословия множае трех сот статей имуще, и вопрошаху его противу всех статей подробно.

Блаженный же ответ творя, якоже Дух Святый разум ему во глаголании подавая; не токмо бо сия, но и от Божественнаго Писания много изрече приличная сему. Егда же вся повеленная совершишася о нем, тогда Блаженному в келии его и вход запретиша; и абие послаша его вскоре за крепкими стражи в заточение на Белоозеро в Кириллов монастырь, и предаша его стражам твердо стрещи; келии бо идеже его заточиша неугожи вельми, от необычнаго же нагревания и угару; прият же Блаженный от сего великую болезнь, в мале бо и жития не сконча.

Братию же их же Блаженный в келии име Иеромонаха Варлаама, Иеродиакона Мардария, предаша их стражам твердо стрещи; многа же озлобления от стражей претерпеша и по мале времени послаша их в заточение в Крестной монастырь; бе бо той монастырь на море-Океане, строения Святейшаго Никона Патриарха и пребыша тамо они в заточении седмь лет.

Келейную же казну и всякия вещи его, яже Блаженный име, посланнии все преписавше и отвезоша в Кириллов монастырь, и положиша в палату, запечатав, заповедавше твердо стрещи. От вещей же келейных недаша ему и нужных потреб, и повеленная вся исполнише, абие паки возвратишася к царствующему граду Москве, и вся соделанная ими о Блаженном Никоне Самодержцу и Святейшему Патриарху возвестиша, и против их вопросов Блаженнаго ответы писанныя принесше.

Архимандрит же Павел, жалея о Блаженном Никоне, яко виде при смерти его от келейного угару, возвещая Святейшему Иоакиму Патриарху, дабы позволил устроити Блаженному Никону новые келии, да не безвременною скончается смертию, бе бо Блаженный Никон главою вельми скорбен. Святейший же Иоаким Патриарх многих ради духовных и мирских правлений, и вседневных докук, положи сия глаголы в забвении.

По времени же некоем паки посылает Святейший Патриарх в Кириллов монастырь ко Блаженному Никону ризничаго своего Диакона Иоакинфа, повеле ему взяти у Блаженнаго панагию юже име у себя от времени того, внегда взяту ему бышу из Воскресенскаго монастыря, — и две печати серебряныя, едина велика, на ней же воображен образ Воскресения Христова; другая же меньшая складная Святейшаго Иосифа Патриарха

Московскаго, иже прежде его бе; и той Диакон Иоакинф Кириллова монастыря дошед, вся повеленная ему исполни.

Блаженный же Никон вся сия отдаде без всякаго препятствия; той же Иоакинф повеле тоя обители владущим, и келии новыя ему устроити повелением Святейшаго Патриарха Иоакима. Блаженный же Никон, отдавая панагию и печати, многая изрече ему от Божественнаго писания прилично сему: итако отпусти его с миром к царствующему граду. Многому же продолжающуся времени, Блаженному же Никону во изгнании в том монастыре терпящу всякия нужды и озлобления прежняго не менее, яже терпе в Ферапонтове монастыре, в келии бо пребыть неисходно кроме церковныя службы; но токмо Бога моля о царском многолетнем здравии, и всего мира состоянии, и труды к трудам прилагая, якоже бе ему обычай, и непрестанное попечение име во вся дни живота своего о обители Воскресенской и о церкви святей, юже сам основа и не наверши, вельми бо жалея о том, и Бога моля непрестанно, яко дабы ему паки во обители Воскресенской быти и навершити каменную великую церковь; обаче сего в жизни своей не получи.

Благочестивому же Царю Феодору Алексеевичу в возраст совершенный приспевающу, нача разсматривати о Блаженном Никоне, како изгнан и заточен, и много о сем всячески испытуя.

Благородная же и Благочестивая Царевна и Великая Княжна Татиана Михаиловна, тетка Благочестиваго Царя Феодора Алексеевича, из детскаго своего возраста зело любляше Святейшаго Никона Патриарха, и почиташе его яко Отца и Пастыря; зря же толикое Блаженнаго многое время во изгнании страждуща, и многие скорби от немилостивых приставников приемлюща, возжале душою и умилися сердцем, воспоминая Блаженнаго добродеяния и труды, яже иногда попечение велие имея о всем доме их царском, во время великаго поветрия морового, како преходя с ними от града в град, и от места до места, спасая и соблюдая их, ища благорастворенаго воздуха от поветрия того.

И видя Благочестиваго Царя Феодора Алексеевича анепсия[1] своего ревность благу имеюща о Никоне Блаженном, нача воспоминати ему часто, како бывшу ему на престоле и любовь имевшу со отцем его Благочестивым Царем Алексеем Михайловичем, и како их спасая от поветрия морового и всякия его благодеяния, подробно ему сказывая, и како изгнан бысть, и терпение его в заточении.

И о строении монастыря Воскресенскаго и о наченшейся каменной великой церкви, юже основа Блаженный во образ святыя Иерусалимския церкви, яже есть во граде Святом Иеру-

---

[1] Анепсия — племянника.

салиме Воскресения Христа Бога нашего, идеже гроб Спасителев и Голгофа святая со иными святыми спасительными Его страстьми, яже ныне стоит несовершенна, во всяком великом презрении, и неимуща о сем ни от кого попечения, еже бы ту святую церковь совершити, и яко да улучит свободу от заточения Никон Блаженный.

Благочестивый же Царь Феодор Алексеевич слышав сия о Блаженном Никоне, и о строении монастыря Воскресенскаго, и о святей церкви от многих, яко пречудна зело, и стоит в великом презрении, в несовершении, начат о сем размышляти; возсия бо свыше благодать Пресвятаго Духа в сердце его и отверзошася ему умныя очи его к милости щедрот, и первее убо начать милость свою являти ко обители святей Воскресенской и желая видети ю, аще от многих о сем и возбраняем весьма, не положи намерение благое быти тому, еже видети своими очима.

По времени же некоем настоящаго года 187 Декемвриа 1 дня (1678) благоволи великий Государь Царь и великий Князь Феодор Алексеевич всеа России Самодержец, по благому своему намерению, шествие сотворити во обитель святую Воскресения Христова, еже есть Новый Иерусалим, зовется по наречению во благочестии сияющаго, Блаженныя и вечнодостойныя памяти Благовернаго Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича всеа России Самодержца, егда бывшу ему в том монастыре Воскресенском на освящении первыя деревянныя церкви Воскресения Христова, и о том наречении соизволи Царь благочестивый ко Святейшему Патриарху Никону и писание послати своея десницы.

И егда бывшу ему Благочестивейшему Царю Феодору Алексеевичу во обители Воскресенской, узре своима очима строение святаго монастыря и великия каменныя церкви здание большое и несовершенное, и обитель стоит на месте прекрасном, возлюби зело; и о сем вельми удивися, яко здание таковое пречудное оставлено в презрении великом, и воздохнув от сердца, ревностию же возгоревся по Бозе, якоже иногда древние Цари Благочестивые Греческие Константин великий, Иустиниан и Феодосий, положа мысль благу во уме своем и в сердце яко да совершить тую великую каменную церковь, якоже и бысть; и о сем соизволи Царь Благочестивый ближнему своему человеку, именем Михаилу, пореклу Лихареву, обитель святую во всяком снабдении ему вручити и о строении святыя великия церкви попечение имети.

И тако Господу Богу изволившу свыше милостию своею на обитель святую призрети, якоже на древний Иерусалим, паки царским повелением запустелое здание здати начаша. Бысть же в презрении обитель святая и незнаемая никем и великая церковь нестроена 14 лет и 3 месяца, от дня взятия из Воскресенского монастыря в Ферапонтов Святейшаго Никона Патриарха: и тако по воле великаго Спасителя нашего Бога строющаго вся-

ческая зиждительным своим словом, и тщательным усердством Царя Благочестива, словом и делом, начася к совершению приходити.

И бывшу Благочестивейшему Царю во обители дни многи, удоволи же и братию милостынею довольно и возвратися к царствующему граду Москве, и тако нача почасту во обитель святую Царь приходити[1].

В некое же время бывшу Царю Благочестивейшему во святой обители Воскресенской, Архимандриту тоя обители Варсонофию, жития сего отшедшу, повелевает убо Царь, яко да изберут себе братия Архимандрита, и еще к сему сице прирек, возсия бо свыше над него солнце правды Христос Бог наш, положи ему в сердце мысль благу: «аще хощете, да взят будет семо Никон Патриарх наченший обитель сию, иже нача и великую церковь созидати к совершению, и вы дадите мне прошение за своими руками (сиречь челобитную), а Бог милостивый помощь подаст, и то дело исправится», и бысть тако.

Обители же тоя Строитель Герман и Казначей Сергий и многия от братии, Царскому лицу его предстояще, слышавше же слово из уст его, возрадовашася радостию велиею от всего сердца, и шедше возвестиша слово сие всей братии; братия же сия слышавше, хвалу и славу воздаша в Троице славимому Богу и Пречистой Богородице, яко таковая Бог творит угодником своим, и абие вси единодушно написаша Великому Государю прошение, сицев образ имущее:

«Царю Государю и Великому Князю Феодору Алексеевичу всея великия и малыя и белыя России Самодержцу; бьют челом богомольцы твои Воскресенскаго монастыря Строитель старец Герман, Казначей старец Сергий с братиею: благоволением Божиим, Великий Государь, в превеличестве милости, неточию человеческими, но и безплотных умов смыслы, необъятаго Бога нашего, твоего Благочестивейшаго, нашего же и всех христиан единаго Владыки и Царя, присно обоносящему тому прелюбимое и любящее, над всех Его самого сердце, обращающаго во благоугодное изволение, яко же весть сам, по премудрому; и преклонившаго в неизреченное ко всем благоутробие и конечную милость, и ко святей сей обители, и великому сему подобнообразному перваго на месте животодательных Христовых страстей и живоноснаго Его пресветлаго Воскресения созданнаго храма, и к нам нищим твоим Государевым рабом и богомольцем; о них же радуемся превеликою радостию и торжествуем торжествованием премногим, яко и прешедшии море печалей и страстей чермное Моисеем, и вселишася в землю обетования, всегдашния радости о Христе Воскресшем во Иерусалиму; токмо малое недостает благий Владыко, яко неуподобихом-

[1] Сего периода нет в П. И. списке.

ся древним Израильтяном изнесшим кости, от глада их избавльшаго, Иосифа от Египта, и в новых Константинополяном, умолившим Благочестиваго Царя Феодосия, о возвращении Иоанна Златоустаго от Коман, яко и до сего времени моления непрестрохом, о отце нашем, избавльшем нас от глада не слышания словес Божиих, и удоволившаго нас насыщением тучнаго тельца и Агнца, им же питающиеся во веки не умирают. Тем ныне молим твоего Благочестивейшаго нашего Государя Царя, богоподобное благоутробие, помилуй нас, нищих своих богомольцев: подаждь церкви исполнение, приведи кораблю кормчия, пошли Пастыря стаду, пристави главу к телу, христоподражательнаго нашего наставника Святейшаго Никона проведшаго нас, море мира, яко Моисея, повели, да и землю обетования, юже наследствуем твоим, прещедрым богатодарным подаянием обильно, такожде наследовати и нам да разделит, яко Иисус и Елиазар ведый всех, по рассмотрительному комуждо достойному приличеству; изведи из темницы душу его, яко Блаженнаго иногда Игнатия Патриарха Цареградскаго из заключения, повели свободити из Кириллова монастыря в монастырь Живоноснаго Христова Воскресения, растущий в высоту повсюднаго прославления, яко древо плодовитое; при исходящих твоего богатодаровитаго и щедролюбнаго излияния, насаждаемый и уповаемый, да и он с нами купно твоих пребогатых щедрот насладится и в старости возвеселится. Царь Государь смилуйся!»

У подлинной челобитной Строителя и Казначея и братии приложено рук с 60 и таково прошение Благочестивейшему Царю вручивше и слезно моливше, яко да повелит возвратить от заточения Никона Блаженнаго.

Царь же Благочестивый приим молительное от братии прошение, и пребыв во обители дни довольны, и возвратися к царствующему граду Москве; и пришедшу Благочестивейшему в царская, и нача мысль свою Святейшему Иоакиму Патриарху Московскому и всеа России изъявляти о Никоне Патриархе, яко да получит свободу из заточения, и имать пребывати в своем новопостроенном монастыре Воскресенском и церковь Божию, юже основа, да совершит.

Патриарх же сия слышав, нача отрицатися, глаголя: яко сие дело учинися не нами, но от великаго Собора Святейших Вселенских Патриархов, и нам того без ведома их учинить ничего невозможно, и о том Царю буди твоя воля.

Видев же Царь Благочестивый, яко Патриарх на сие не соблаговоляет, вельми опечалися, и паки почасту Святейшему воспоминая о Блаженном Никоне, яко да получит от заточения свободу; Патриарху же ни мало на сие изволяющу, но паче отрицающуся и возбраняющу о сем.

По времени же малом Царь Благочестивый Собор собрав в Патриаршей Крестовой Палате, всех Архиереев и весь освя-

щенный Собор, тамо же и самому Благочестивейшему Царю бывшу с своим Царским Сигклитом, абие Царь намерение свое всем яве сотвори, вкупе и прошение с молением предложено, да будет освобожден из заточения Никон Патриарх.

Патриарх же Иоаким вельми о сем крепляшеся, яко да пребудет Никон тамо; Архиереи же аще и бояхуся Патриарха, но обаче мнози от них зело по Царе побораху, единогласно и явно глаголаху: яко да взят будет Никон Патриарх из заточения в свой новопостроенный Воскресенский монастырь, и тамо да пребывает. Святейшему же Иоакиму Патриарху на сие дело несоблаговоляющу: и тако розыдеся Собор той.

И виде убо Царь Благочестивый, яко ничтоже бысть; и малу времени минувшу, призывает Патриарха во царская и паки молит его с теткою своею благородною Царевною и Великою Княжною Татианою Михайловною с великим прошением, о освобождении из заточения Никона Патриарха. Он же ни мало на прошение их Царское преклонися и на сие дело благое, дабы ослабу тому учинити, на паче отрицаяся глаголя: яко не мы то учинили, но Собор великий и Вселенские Патриархи, а мы дерзнути на сие о свободе без Вселенских Патриархов не смеем.

Царь же Благочестивый опечалися вельми, яко не позволяет Патриарх из заточения свободити Никона Патриарха, возжалеся убо о нем, яко толико лет во изгнании страждет, восписа к нему писание утешительное десницею своею, во еже бы ему молити, в Троице славимаго Бога и Пречистую Богородицу и всех святых, о их царском многолетном здравии и всего мира стоянии и ожидати к себе его Царскаго Величества милости и праведнаго разсмотрения.

Оное же писание посла с Иеродиаконом Мардарием, внегда взяту ему бывшу из заточения Крестнаго монастыря со Океана-моря со Иеромонахом Варлаамом; в то же время освобожден бысть им из изгнания клирик Иоанн Корнильев, из великаго Нова-града, по прошению Государыни Благоверныя Царевны и Великия Княжны Татианы Михайловны.

Блаженный же Никон Царское писание радостию прият и писанное увидев, яко Царское Величество таковое велие попечение имеет о нем, и из заточения свободну быти желает; и паки быти в строении своем в монастыре Воскресенском, и завершити недовершенное дело, юже сам начал здати великую церковь Воскресения Христова, и видети его желает, зане слышит благочестивейший о нем от многих, яко премудр бе зело и Божественнаго писания снискатель, и истинный рачитель и поборник по святей непорочней вере, и хранитель святых Божественных догматов.

По прочтении же убо онаго писания возрадовася Блаженный душою и сердцем о Господе Бозе духовне, и хвалу воздав всех Спасителю нашему Богу, яко призре на смирение раба своего благодатию своею святою свыше, и Царю Благочестивому даро-

ва духовное желание сердца о нем, и о обители Воскресения Христова и о свершении церкви, малу отраду от всех скорбей и печалей прият.

Царь же Благочестивый больма распалашеся любовию ко обители святей и о навершении великия церкви, и о свободе из заточения Блаженнаго Никона, зане Царь Благочестивый нача по благому намерению своему, яже верою к Богу, церковь великую навершати, Царскою своею казною, елико потребно даяти неоскудно.

Блаженный же Никон, аще от Царя и милость обрете, но обаче зело скорбию одержим бе, изнемогая вельми, такожде и Царь скорбию изнемогая, и того ради замедление оному намерению Цареву, еже о взятии Блаженнаго из Кириллова монастыря в Воскресенской монастырь, учинися.

Егда же бе Блаженному скорбь люте умножашеся, тогда убо обители тоя Архимандрит Никита восписа к царствующему граду Москве Святейшему Патриарху, возвещая о Никоне Блаженном, яко вельми изнемогает и близ смерти (приял бо уже той и схиму и елеосвящение по седми дней, а имени своего не благоволил переменити), и о сем, как благоволит Святейший, егда Бог преселит его от жизни сея, како и кому над ним чин погребения творити, и о поминовении имени его, и где положити тело его, и о всем прося, како творити, и вскоре оное писание Патриарху дойде, и писанное все увидав, яже о Блаженном Никоне, и повеле в Кириллов монастырь вскоре отписати ко Архимандриту, повелевая его посхимити, а егда преставится Никон, тогда чин погребения над ним ему Архимандриту творити монашеский просто, якоже и прочим монахом чин погребения бывает, а тело его положити в паперти, а Благочестивому Царю о сем ничего неизвестно.

Уведав же о сем, Царь Благочестивый, яко тако писано в Кириллов монастырь о Блаженном, посла к Патриарху, да повелит оное писание возвратити; он же глагола, яко уже то писание есть тамо.

Блаженный же Никон, видя себя в скорби велицей и уже близ смерти, написа писание кратко своею рукою и посла в монастырь Воскресения Христова в строение свое, к сыновом и ученикам своим и всей братии образ сицев имущее:

«Благословение Никона Патриарха сыном нашим Архимандриту Герману, Иеромонаху Варлааму, монаху Сергию, монаху Ипполиту и вкупе всей братии, ведомо вам буди, яко болен есмь болезнию великою, вставать не могу; на двор выйти не могу ж, лежу в гноищи, исходящее из мя под себя; а милость Великаго Государя была, что хотел меня взять по вашему челобитью, и писав жаловал своею рукою, а ныне то время совершилось, а его милостиваго указу несть; умереть мне будет внезапу; пожалуйте, чада моя, не попомните моей грубости, побейте челом о мне еще Великому Государю, не дайте мне напрас-

ною смертию погибнуть, уже бо моего жития конец приходит, а каков я, и то вам про меня подробно скажет Иоанн, который от вас живет на приказе в Богословском».

Оное же писание дойде в монастырь Воскресенский Архимандриту и всей братии, и писанное уведавше, яже писа Блаженный о себе; Архимандрит же и братия вся, плача и сетования и слезнаго рыдания исполнишася, уведавше своего отца и Пастыря в толицей скорби великой и близ смерти.

Писание же оно Воскресенской Архимандрит вручи Царю Благочестивому, моля его со слезами о возвращении своего отца во обитель, юже он Блаженный Никон основа.

Царь же Благочестивый писание прием и виде писанное Блаженным, яко в скорби велицей и близ смерти, зело возжеле о Блаженном и умилися душевно, паки нача просити Святейшаго Патриарха и всего освященнаго Собора молити, яко да возмется от заточения Патриарх Никон, глаголя, яко при смерти есть; Патриарх же Иоаким и собор весь глаголя Царю: буди по воли твоей Благочестивый Царю.

Прием же Царь благословение от Патриарха и всего собора, посылает убо в Кириллов монастырь наскоро Конюшеннаго приказу дьяка Иоанна Чепелева, повелевая ему взяти Блаженнаго Никона, аще жив есть или мертв, и быти ему в строении своем в монастыре Воскресенском.

Посланный же в Кириллов монастырь прииде скоро, Блаженный же Никон прежде прошествия онаго дьяка за един день или вящше, аще и скорбен вельми, но яко нача готовитися в путь; сущии же братия с ним зряще его тако творяща, мняху яко в скорби и безпамятстве сие творит; сие же ему творящу не единожды, но многажды.

В день же той, в он же посланный от царствующаго града прииде, Блаженный же Никон нача, яко убиратися, и одеяся в свою одежду, и сяде во своя кресла, яже суть в предсении, или на крыльце, и своим глагола: аз готов есмь, а вы чесо ради не убираетеся, зрите вскоре бо по нас будут; они же сие слышавше мняху его, яко в скорби своей сие глаголет.

И абие внезапу к келии прииде оный посланный с повелением Царевым, возвещая Блаженному Никону царскую милость, яко благоволит Царь Благочестивый идти тебе в свое строение в Воскресенский монастырь.

Блаженный же егда с великою нуждою востав честь подобающую Царскому лицу творя, понеже немощен вельми.

И начаша уготовляти на путь струги, путь бо предлежит вниз по реке Шексне, и вся уготовльше ко плаванию речному, и всадивше Блаженнаго в сани до реки, до уготованных стругов довезоша, и с великим трудом всадиша в оный струг, бе бо труден вельми от немощи, и тако пути яшася вниз по реке.

Воскресенскаго же монастыря Архимандрит с братиею послаша во сретение Блаженному Никону Иеромонаха Варлаама,

иже прежде бе жительствуя у Блаженнаго Никона в Ферапонтове монастыре многая лета, о нем же и выше речено бысть, и Иеродиакона Серафима и с Мологи приписнаго Афанасьевскаго монастыря Строителя Иеромонаха Тихона.

Посланные же оные встретиша его еще недостигша реки Волги за двадцать поприщ, и тут благословение от него прияша и Архимандриту и всей братии Воскресенскаго монастыря испросиша.

Блаженный всем подал мир и благословение, и паки яшася пути тою же рекою; и егда им приспевшим к реце Волге, тогда оный посланный восхоте идти Волгою вверх.

Блаженный же Никон не восхоте, но повеле плыти Волгою вниз до града Ярославля; и егда им плывшим реками Шексною и Волгою, до Ярославля, обретающиеся же грады и села (минующа), в них же живущии людие исхождаху во сретение и приношаху потребная и провождаху со слезами далече.

И августа 16 дня порану достигшим им монастыря Пресвятыя Богородицы, иже есть на Толге шесть поприщ имуще от града Ярославля, за полпоприща же монастыря того, и тут Блаженный повеле пристати ко брегу, понеже бо от скорби вельми изнемогая, и причастися тут святых и Пречистых Тела и Крови Христовых запасных Великаго четвертка Таин от руки своего Духовнаго Отца Архимандрита Никиты Кириллова монастыря.

И потом приставшим им близ ко берегу Толгскаго монастыря, Игумен же монастыря того с братией изыде во сретение, с ними же тут прииде прежде упомянутый Сергий, бывший Архимандрит Спасскаго монастыря, что в Ярославле; той бо Сергий во время изгнания Блаженнаго Никона, егда при Вселенских Патриархах на Соборех и на дворе, на нем же Блаженный за стражею бысть, много ему досады творяй паче иных, о нем же и прежде изъявися.

Той бо Сергий видев Блаженнаго, яко уже к смерти суща, припаде к ногам его, со слезами умильныя глаголы вещая и рече: прости мя, Святче Божий, яко всех сих поношений на тя, их же ты понесл еси, повинен аз, досаждение и всякую злобу святыни твоей во время изгнания твоего творя, Собору угождая.

К сему же и иной нечто поведа, и рече: яко днесь по святей и Божественней литургии и по вкушении братския трапезы, возлегшу ми мало уснути и абие во сне явися мне Святейший Патриарх Никон глаголя: брате Сергий, востани, сотворим прощение, и абие нача у келий моей страж монастырский тукати глаголя: яко шествует Волгою Святейший Никон Патриарх и близ монастыря. Игумен и братия пошли в сретение ему, аз же сие видев и от стража слышав, трепетен бых, ужасохся, воста и, едва в себя пришед, текох скоро во след братии, и приидох семо ко твоей, владыко, прощение прося; и абие прощение от

Блаженнаго оный Сергий ту получи и виденное сам пред всеми поведа.

Блаженному же Никону больма скорбию одержиму, уже к смерти варит; и тако им ко граду Ярославлю приставшим, граждане же града того слышавше пришествия его текоша вси радующеся ко Блаженному благословения ради, видяще своего Пастыря восвояси и ко своим возвращающася, и абие зряще его на одре смертном лежаща и близ смерти, с плачем велиим и рыданием приходяще, припадающе к нему, просяще благословения и прощения, целующе руце его и нозе.

И тако им от всенароднаго собрания с трудом велиим вшедшим в реку Которосль; народи же струг со Блаженным влекуще, овии по брегу, иные же в воде бродяще даже до чресл, и приставльшим близ обители Всемилостиваго Спаса, и тут прииде града того воевода со множеством народа, такожде и Архимандрит Спасский со Освященным Собором обители своея и всего града вси носящи потребная и благословения просяще.

Блаженному же Никону уже изнемогшу вельми, и ничтоже вещающу, токмо десницу свою дая целовати; народа же множество собирахуся и стужаху ему вельми своим прихождением. Архимандрит же Кириллова монастыря Никита, иже бе духовник Блаженному Никону и посланный дьяк, видя народ умножающийся, повелаша оный струг, в нем же Блаженный, на другую страну реки превести.

Вечернему убо часу приспевшу, егда же во граде начаша к вечернему пению благовестити, нача Блаженный Никон конечне изнемогати и озиратися, яко бы видя некиих пришедших к нему, також своими руками лице, и власы, и браду, и одежду со опасением опрятовати, яко бы в путь готовитися; Архимандрит же Никита и братия и присланный дияк видя Блаженнаго конечне дыхающа, начаша исходное последование над ними пети.

Блаженный же возлег на уготованном одре, дав благословение своим ученикам, руце к персем пригнув, со всяким благоговением и в добром исповедании, благодаря Бога о всем, яко во страдании течение свое соверши, с миром успе, душу свою в руце Богу предаде. Его же возлюби. От жития сего отъиде в вечное блаженство в настоящее лето от создания мира 7189 (1681 г.), месяца августа в 17 день.

Града же того Архимандрит со всем освященным Собором певше токмо литию; прииде же тут воевода града того со множеством народа, плачущеся и рыдающе со слезами о лишении своего Пастыря и учителя; присланный же дьяк поеха наскоро к царствующему граду Москве Царю Благочестивому учинити весть о преставлении Блаженнаго Никона, яко преставися в вечный покой.

Благочестивый же Царь, еще не ведая преставления Блаженнаго Никона, посла во сретение ему Царскую свою карету со множеством коней добрейших; по преставлении же во вторый

день посланные приидоша со оною каретою и обретоша Блаженнаго преставльшагося, и устроивше возило со всяким опасением твердо, и возложше гроб с телом Блаженнаго, и тако в путь шествующе к Царствующему граду Москве; во градех же и в селех сретающе тело Блаженнаго со псалмы литии поюще, со слезами провождаху.

Егда же достигнув им близ слободы Александровой, девичья монастыря Игумения со всеми черноризницами, числом не менее дву сот, изыде во сретение вне монастыря со звоном и со славословием, поюще литию, слезы точаще, с великим воплем восклицающе, плачуще о лишении своего Пастыря и учителя, и проводивше поприще едино, целовавше тело Блаженнаго возвратишася во обитель с рыданием велиим.

Егда же приближающимся им ко обители живоначальныя Троицы Сергиева монастыря, тогда убо тоя обители Архимандрит Викентий, изыде во сретение вне монастыря с причтом церковным и со всею братиею и тут пред святыми вратами певше литию над гробом соборне, и целовавше тело Блаженнаго, вси со слезами возвратишася паки во обитель.

Еще же им от обители не отшедшим, прииде с Москвы преждеупомянутый дьяк, возвещая повеление Царево Архимандриту Кириллова монастыря Никите к царствующему граду идти прежде; тело же Блаженнаго да проводит Троицкаго монастыря Архимандрит Викентий: и тако в путь поидоша.

Егда же бывшу оному дьяку пред Государевым лицем, вопроси его о Блаженном Никоне: како его виде жива, и о смерти его, и о духовной; он же вся подробно поведа, а о духовной рече дьяк: Царю Благочестивый, и аз о сем воспоминах Блаженному Никону, яко написати духовную; он же глагола ми: яко писати духовныя не хощу, но токмо едино глаголю, вместо моея духовныя да будет мир и благословение Благочестивейшему Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексеевичу всеа России Самодержцу и всему их Царскому дому, а о душе моей и о грешном моем теле, о погребении и о поминовении, о всем да будет он, Благочестивейший Царь, душе моей духовная и строитель, и елико благоволит, тако и сотворит.

Царь же Благочестивый, слыша сия, возжеле и зело умилися о Блаженном Никоне и рече: аще тако Святейший Патриарх Никон надежду на мя положи, воля Господня да будет, и елико Бог помощи подаст, в забвении аз его не положу, и повеле тело его Блаженнаго везти в Воскресенский монастырь.

Благочестивый же Царь посла ко святейшему Иоакиму Патриарху, звати его повеле со всем освященным Собором в Воскресенский монастырь, на погребение Блаженнаго Никона; Патриарх же звавшему рече: буди по его воли Государской; готовь есмь аз, иду на погребение, а в погребении во всяком прошении Патриархом Никона именовати не буду, но просто

монахом, якоже Собор повеле, аще ли же восхощет Благочестивый Царь Никона Патриархом поминать, то не буду.

Царь же много о сем моли Патриарха, дабы шел на погребение и именовал бы его Патриархом; Патриарх же много отрицаяся сего, глаголя: аще аз и пойду, но токмо именовати Патриархом не буду, понеже не аз его нарек тако, но Вселенские Патриархи Никона монахом и Собор присуди.

Царь же Благочестивый рече: аще и Вселенские Патриархи что возглаголют на тя, то буди на мне, и аз Святейших Патриархов буду молить, и пришлют нам о сем благословение и Никону Патриарху прощение и молитвы разрешенныя.

Патриарх же на погребение не по воли идти, но благоволи великаго Новаграда Корнилию Митрополиту быти; на погребении же на всяком прошении о поминовении Митрополиту повеле: како Благочестивый Царь повелит Никона поминати, тако и твори.

Царь же благочестивый прииде в Воскресенской монастырь во всем Царским домом и Сигклитом, такожде и Митрополит со священным Собором, прииде ту прежде Блаженнаго тела в монастырь и управляше вся к погребению потребная по уставу; вечернее возследование и всенощное бдение пето бе за упокой по уставу, якоже писано в требнике Киевской печати Петра Могилы.

Во утрий же день рано приидоша с телом Блаженнаго Троицкий Архимандрит Викентий и поставиша гроб прямо монастыря у честнаго креста, иже водружен с подписанием, благоволением Благочестиваго Царя Алексия Михайловича и благословением Святейшаго Никона Патриарха, во знамение их общия любви и совета, к начинанию обители святыя и именованию, еже есть Новый Иерусалим; о сем бо свидетельствует самое то писание, еже на том каменном кресте высечено литерами по-славянски; и возвестиша Царю, яко привезоша тело Блаженнаго Никона августа в 26 день 189 года; в тот бо день, в он же приидоша с телом Блаженнаго, перваго часа дня, начаша благовест творити, яко в ходное время обычай, колокола переменяя, един по единому.

Егда же приспе время шествия ко гробу Блаженнаго, тогда собрашася вси в каменную великую церковь на святую Голгофу, идеже есть крест, понеже бо великая церковь еще бе не в совершенстве и не освящена, Царь со всем Сигклитом, Митрополит со освященным Собором, и облекошася во священныя одежды, по чину вси прилучившаяся на погребении в Воскресенском монастыре Блаженнаго Никона Священнаго чину:

Корнилий Митрополит великаго Нова-града, Архимандрит Викентий живоначальная Троицы Сергиева монастыря, Архимандрит Сильвестр Саввина монастыря, Архимандрит Герман ученик Блаженнаго Никона обители тоя Воскресенския, Архимандрит Никита Кириллова монастыря Белоезерскаго, иже бе

духовник Блаженному Никону, и прочия Иеромонаси и Иеродиаконы и братия того ж Воскресенскаго монастыря и прочих Архимандритов и иных священниц и диаконов приходских церквей и множество народа вельми; и взяша хоругви, крест честный и святыя иконы и тако пойдоша вси вкупе вне монастыря по чину ко святому кресту, идеже Блаженнаго гроб стояше.

Царь же Благочестивый идяше сам поя с клирики своими стихиру 6-го гласа Киевским согласием: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...» и вси обретшияся тут пояху, и абие дошедше честнаго Креста, идеже гроб Блаженнаго, и пришедше возжгоша свечи великия, яко по сажени длиною, иныя же по шести четвертей и в пол-аршина для погребения того устроены разными образцы и малеваны черными вапы, из Царския казны.

Митрополит же по чину свещи раздая, первее Царю, Архимандритом, Боляром и всему Царскому Сигклиту; Архимандрит же Троицкий Викентий свещи раздая священному и монашескому чину и всенародному множеству, прилучившимся тут; и абие священными руками вземше гроб с телом Блаженнаго и несше в монастырь Священницы на главах; около же онаго одра идяше двенадцать юных отроков, Царских спеваков, во одеждах на то устроенных, яко рясы наподобие стихарей, от драгих камок китайских, луданов разных цветов смирных, с великими свещами, предъидущим же по чину с хоругви, с честным крестом и со святыми иконами, таже Митрополиту со освященным Собором, потом и Царь со всем Сигклитом; по них же Священницы одр с телом Блаженнаго Никона носяще, всенародному же множеству со свещами последующу одру со слезами и воплем велиим, плачуще своего отца и пастыря с рыданием велиим.

Царь же Благочестивый паки поя сам со своими певцы той же вышереченный стих: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра», с жалостию велиею и зело умильными гласы, яко от пения умиленна всем слезы точити; и тако принесше в монастырь, звону же бывшу велику во вся колокола и внесше в каменную великую церковь, идеже есть церковь Пресвятыя Богородицы, зовома «темница», и тут поставиша одре с телом Блаженнаго, и начаша пети святую литургию, и по службе святыя литургии начаша и чин погребения совершати, по чину, якоже бе и прочим Архиереем чин погребения бывает.

Царь же Благочестивый Корнилию Митрополиту и всему Собору сослужащему тут повеле во всяком прошении Блаженнаго Никона поминати Патриархом, яко же и прочиих Московских Патриархов поминают, тако и бысть по повелению его.

Благочестивый же Царь от начала возследования надгробнаго пения сам соизволи трудитися и до отпуску: кафизму читати и Апостол, и во всем погребении с певцы своими пояше; егда

же приспе целованию время, тогда Царь Благочестивый десницу Патриаршу взят из-под схимы целова любезно со слезами, такожде и дом его весь государский и сигклит и собор весь священный, и братия вся, и все прилучившееся тут множество народа мужие и жены даже и до последних.

И скончавше тут надгробная по чину, и абие вземше священницы орд с телом Блаженнаго Никона несоша на южную страну, в той же велицей церкви, в церковь Иоанна Предтечи под самую Голгофу, иже во Иерусалиме та церковь из камене издолблена, на месте, идеже есть во Иерусалиме гора в страсть Христову разседеся и скважнею изыде из ребра Христова Спасительная кровь на главу Адамлю, идеже тамо есть и перваго Архиерея Иерусалимскаго Мельхиседека гроб устроен, и видится тамо даже и до днесь. Зде же в церкви на месте сем сам Пастырь наш и отец, Святейший Патриарх Никон завеща нам, егда жив бе, по умертвии своем о положении телесе своего в церкви сей, и по желанию сердца его Бог тако и сотвори, и певше тут над ним подобающая.

И по скончании пения того Царь Благочестивый, аще его жива и не виде, но любовию от всего своего сердца к нему по Бозе присвоися, понеже при кончине жизни своея Блаженный Никон душу свою в руце Богови предая, тако же и Царю Благочестивому о погребении своего телесе и о поминовении души своея предася воли Его, яко же писано о сем выше, и возжеле душою, сам соизволи своима царскима руками с Митрополитом тело Блаженнаго со слезами гроб земле предати, плача и рыдая, поя: «Святый Боже...»

И сему бывшу, зря сие Митрополит и весь собор священный, боляре и весь сигклит царский, и всему тут бывшему множеству народа, дивитися сему и слезы точити, видя тако творяща Царя Благочестиваго, и толикия сердечныя любви ко Святейшему Никону Патриарху показующа, яко не слыхано в нынешних родех тако творяща Царя, и в память предъидущему роду во удивление сие сотвори.

И тако благочестивейший Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич, всеа великия и малыя и белыя России Самодержец, толикую любовь и сердечную правость, по смерти Никона Святейшаго Патриарха показа и погребение честно сотвори, яко во удивление всем видящим сие и слышащим.

И бысть того всего действия в той день над телом Святейшаго Никона Патриарха: хождения ко кресту по тело его служения святыя литургии, и чина погребения и всего продолжения времени 10 часов и две четверти. Толико Царь Благочестивый душевною любовию своею трудися, всеми чувствы своими душевными и телесными.

И по скончании всего действия того, Царь Благочестивый вниде в ризницу соглядати священных служащих одежд его Архиерейских, и Корнилию Митрополиту великаго Нова-града,

дарова лучший саккос, алтабас белый серебряный и омофор алтабас золотой, и иная одеяния Архиерейская драгая, и сто рублев денег; прочим же Архимандритом и всему освященному собору и причту церковному прилучившимся тут на погребении, всем дая казны своея царския неоскудно, такожде и братию удоволив и милостыни дав довольно и нищим.

Братии же, иже суть жили при Святейшем Патриархе в монастыре Воскресенском, и с ним во изгнании в Ферапонтове и в Кириллове монастырях его постриженцы, всех Царь одари, овым: рясы, кафтаны теплыя под сукнами и камками, також и холодные всякие одежды и иныя келейные его вещи, раздая коемуждо противу чину его и трудов; а сие розданное братии, — всякия вещи клейныя казны Святейшаго Никона Патриарха, привезено за ним из Кириллова монастыря. А посуды всякия серебряныя, медныя, оловянныя и всякая рухлядь отдано в монастырскую казну, а денег тысячу реблев на церковное строение в казну же отдано.

И почтив Митрополита и собор весь, отпусти их с миром восвояси.

Сам же Благочестивый Царь пребыв дни довольныя во обители и братию удоволив, паки возвратися к царствующему граду Москве, и имеяй попечение велие о Блаженном Никоне, яко Святейший Патриарх Иоаким, Блаженнаго Никона Патриарха именовати не повеле, и о сем положи на сердце своем мысль благу, еже писати о сем ко Вселенским Патриархом, еже и бысть.

Оставшаяся же Блаженнаго Никона Архиерейския его одежды: митру, саккосы, мантии со источники драгими и клобуки, и прочие одежды взя к Москве; в монастыре же остави для воспоминания впредбудущая лета братии и прочих жителей[1], един саккос и омофор и прочее Архиерейское одеяние, яже приличествует ко служению Архиерейскому, мантию и патерицу, вся сия повеле в ризнице хранити твердо.

Митру и саккосы, еже взяты к Москве, посла Царь Святейшему Иоакиму Патриарху, митру поминовения ради Блаженнаго Никона; Патриарх же не прия; и та митра дана бысть Смоленскому Митрополиту Симеону...

Саккосы же и клобуки и мантии и иныя Архиерейския его одежды, по царскому разсмотрению, розданы Архиереем поминовения ради Святейшаго Никона Патриарха.

Ведомо же буди и о сем, како погребен бысть Святейший Никон Патриарх; по преставлении бо его, егда привезоша тело ко и недошедше монастыря за едино поприще, идеже монастырский мельничный двор зовомый Воскресенской на речке Песочне, и тут по повелению цареву привезше сташа, и гроб Блаженнаго внесше в келию, и пришедше из монастыря Архи-

---

[1] В П. И.: в предыдущие лета народу.

мандрит Герман со священницы, принесоша вся одеяния новая: свиту белаго сукна от влас вельбужих греческую, юже сам Блаженный себе от давных лет уготова, во время своего бытия до изгнания в Воскресенском монастыре, и та свита блюдома бе в казне в монастыре Воскресенском до преставления его, рясу бархата таусинного, мантию Архиерейскую со источники и скрижальми, панагию и схиму.

Архимандрит же со священницы облекше во вся Блаженнаго Никона, тело же его невредимо отнюдь от вони злосмрадныя, аще и десятодневно пребысть; в толикое бо теплое время нимало повредися, но яко того часа преставися; лице же и плоть его ничем не изменися, но все тело его цело и тлению не причастно бе.

И паки положиша во гроб, в немъже привезоша в монастырь; по отпетии надгробная возследования, поставиша гроб дубовой с телом Блаженнаго в новосеченный каменный гроб; камень же той, в нем же гроб изчесен, во дни Святейшаго Патриарха Никона, егда бывшу ему в Воскресенском монастыре до изгнания, повелением его привезен той камень со Океана-моря церковныя ради потреба, драгою ценою куплен.

Егда же благоволи Бог преставитися ему от жизни сея, тогда убо Царь Благочестивый в камени том гроб истесати повеле; и тому бывшу, егда каменосечцы той камень секуще первее пилами отпиловавше доску толстотою в два вершка, таже по глубину секуще, елико вместитися деревянному гробу, и издобыша той камень с великим трудом, бе бо зело тверд, зовомый алебастр драгоценный, другаго таковаго не обретается нигде, и в церкви Иоанна Предтечи под Голгофою Святою, в двери входа на правой стране во углу, ископавше ров, елико вместитися тому каменному гробу, и по отпетии надгробнаго последования принесше гроб с телом Блаженнаго во оную церковь Предтечеву.

Царь же Благочестивый с Преосвященным Митрополитом соблаговоли сам своима царскима руками, оный гроб древянный с телом Блаженнаго Никона Патриарха, в новосеченный алебастровый каменный гроб положити; полагая же, поя с Митрополитом и прочими всеми стихиры приличныя тому, и покрыв оною доскою каменною, юже отпиловаше с того же камени большаго, а древяннаго гроба крышку положиша верху тоя каменныя доски, и вверху гроба сведоша кирпичный свод в земле неглубоко, и поровняша с помостом равно тоя церкви.

Царь же Благочестивый непрестанно жалея о Никоне Блаженном, яко не поминается Патриархом; но обаче о сем соизволи восписати в Палестину ко всем четырем Вселенским Патриархом, и посла своего послати с Царскими своими грамотами дьяка Прокопия Возницына, разрешения прося Блаженному Никону, иже Собор отлучи Патриархом именовати и писати запрети.

Моли о сем Святейших Вселенских Патриархов, дабы о разрешении и прощении преставльшагося во изгнании Блаженнаго Никона и о поминовении в велицей Соборней церкви и во всей России во всяком священнослужении поминати Патриархом яко же и прочих первопрестольных Святейших Московских преставльшихся Патриархов; и царское писание оно Вселенским Патриархом своро дойде.

И паки вера сердца Благочестиваго Царя ко обители святой приложися и любовию разжегся ко Блаженному Никону, и возжеле от всея души своея совершити великую церковь, и повеле делающим к навершению немедленно поспешати.

Сокровища же из своея царския казны повеле даяти неоскудно на всякия потребы к церковному делу; злата, и сребра, и денег и церковных утварей: риз, стихарей, поручей, епитрахилей, драгоценных сосудов златых и серебряных и иных вещей множество, яже прилична суть церкви святей и олтареви, монастырей и пустынь со крестьяны и со всеми угодьями и село Троицкое с деревнями, яже суть близ монастыря, иже бе прежде Романа Бабарыкина даде Царь монастырю в вечное владение; но обаче желая сердце его паче всего и попечение велие имея непрестанно во вся дни жизни своея о совершении великия церкви.

Но содетели нашего изволения великаго Бога бысть тако: общий долг человеческаго естества смерть, жизнь Благочестиваго Царя Феодора Алексеевича всеа России Самодержца прекрати; святая же душа его ко Господу отыде в вечное блаженство; тело же его гробу и земле предадеся лета 7190 (1682) года месяца апреля в 27 день; желаемаго же не получи, яже душа его и сердце желало во вся дни жизни своея видети великую церковь в совершенстве и освященну.

Вселенстии же Патриархи грамоты царския от посла прияше, и писанное моление и прошение видевше, и толикое тщательное произволение царево и любовь от всея души и сердца о Блаженном Никоне, и яко велие попечение имея о разрешении и о причтении в лик и о поминовении во всяком священнослужении с прочими Святейшими Московскими Патриархи, яко бе достоин, понеже добродетельно в житии сем поживе, и мужественно вся напасти во изгнании претерпе, и ко Господу отыде в покаянии; видевше же сие Вселенстии Патриархи царское писание удивишася зело и благодаривше Спасителя всех Бога, даровавшаго Царю Благочестивому тщание таково и велие попечение о душе его, яко приснородного сына во Святем Дусе.

Божественным духом наставляеми Святейшие Патриархи Вселенские Царское желание и прошение исполнивше.

Написаша грамоты своя о прощении и о разрешении Блаженнаго Никона, и о прочтении в лик с первопрестольными Святейшими Московскими Патриархи, и о поминовении во святей велицей соборней церкви, и повсюду в России, во вся-

ком священнослужении поминати Святейшим Патриархом, якоже и прочих Московских Патриархов, и подписаша своими руками Архиерейскими и запечатав своими печатьми, и прислаша те грамоты к Москве в лето 7191 месяца семптеврия 1682 с тем же послом[1].

Благочестивейшему Царю Феодору Алексеевичу всеа России Самодержцу преставльшуся от жизни сея ко оному блаженству в вечный покой.

Грамоты же Вселенских Патриархов посол принесе по смерти Царя в царство братий его Благочестивых Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всеа России Самодержцев.

Благочестивыя же Государи Цари грамоты прияша Вселенских Патриархов и перевести повелеша на Российский язык, зане писаны Греческим языком, и переведши их, послаша перевод Святейшему Иоакиму Патриарху, глаголюще, яко таковыя суть грамоты брату нашему Блаженныя памяти Царю Феодору Алексеевичу всеа России присланы от Вселенских Патриархов, о прощении, и о разрешении, и о причтении в лик с первопрестольными Патриархи, и о поминовении во всяком священнослужении, якоже и прочих Московских Патриархов, Никона Патриарха.

Патриарх же слышав сия глаголы и переводные грамоты видев и рече: аще не принесете подлинных грамот, присланных от Святейших Вселенских Патриархов за подписанием рук их и печатьми их, сему не иму веры; посланный же шед поведа царям, яже рече Патриарх, и абие послаша Цари оныя грамоты к нему, яже прислаша Вселенстии Патриархи.

Патриарх же видев сущия грамоты Вселенских Патриархов, за подписанием рук их и печатми, повеле переводчикам оныя грамоты прочитати и уведав, яже писано в них о Никоне Патриархе, и рече: се вижу сии сущия грамоты Вселенских Патриархов православных, за приписанием рук их и печатми; и писанное уведа, глаголя: сужду бо и аз праведно быти сему тако.

И абие от времени того начаша в велицей церкви соборней и повсюду во всяком священнослужении поминати Блаженнаго Никона Святейшим Патриархом, якоже и прочих Московских Патриархов, и в соборный синодик написати повеле Патриарх, а грамотам сим суди быти в ризнице Патриаршей, ради достовернаго свидетельства; такожде и сам Святейший Иоаким Патриарх, когда бывает в Воскресенском монастыре, поя панихиды поминает Блаженнаго Никона Святейшим Патриархом.

Церковь же великая в недовершении остася по смерти Благочестиваго Царя Феодора Алексеевича всеа России.

---

[1] Подлинныя грамоты хранятся в Московской Синодальной (бывшей Патриаршей) ризнице.

Но еще милостив Бог наш Творец всего мира и Содетель, молитвами отца нашего великаго Архиерея Святейшаго Никона Патриарха, не оставя обители сея быти в забвении, положи мысль благу в сердце Великим Государем Царем и Великим Князем Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу всея великия и малыя и белыя России Самодержцем, и Государыням Благоверным Царицам и Благоверным Царевнам и Великим Княжнам Татиане Михаиловне, Софии Алексеевне и прочим Государыням Царевном, якоже и Великому Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексеевичу, попечение о навершении великия церкви, и верою ко Господу Спасителю нашему Богу и любовию ко обители святей, тщанием своего Царскаго Величества каменную великую церковь вскоре совершиша, юже Святейший Никон Патриарх основа, но славу и честь Христу Богу нашему, и в похвалу Российскому государству, понеже в та лета таковыя преизрядныя церкви величеством и подобием и изрядными многими вещами, наподобие Иерусалимския Церкви необреташеся нигде.

И тако за благоволением великаго Спасителя нашего Бога и молитвами начальнаго фундатора, основателя святыя обители Святейшего Никона Патриарха, пособием и благоволением Великих Государей Царей и Великих Князей и Благородных Царевен Татианы Михаиловны и Софии Алексеевны, та святая великая церковь достроися.

Ко освящению же тоя великия церкви вся потребная приуготова Государыня Благородная Царевна Татиана Михайловна из своея государския комнаты: сосуды златыя и серебреныя, украси Евангелие святое драгоценное и воздухи драгия, своими руками труждаяся[1], устрои и иконостас великий Сницерския драгия и мудрыя работы, флемованный весь позлащенный, местныя же святыя иконы и аналойные письма драгоценнаго, златом и жемчугом и каменным драгоценным украси.

Ризы и стихари, епитрахели, поручи и поясы из материй драгоценных, книгами и всякими утварями, яже суть церкви и олтареви прилично, всем удоволи неоскудно, и денежныя казны к совершению Божиея церква довольно дая.

И тако всех Творец и Зиждитель всех Бог устрои, по желанию и благому намерению Государыни Благоверныя Царевны и Великия Княжны Татианы Михаиловны, якоже душа ея святая непрестанно желая видети в совершении церковь святую, тако Бог и сотвори, соверши и освяти Пресвятым своим и Животворящим Духом силою и действом, чрез Архипастыря всеа России великаго Архиерея Святейшаго Патриарха Иоакима Московскаго и всеа России.

---

[1] В П. И. прибавлено: такожде и кресты златые и сребреные драгоценные.

Бысть же тут на освящении и от освященнаго чина Архиереи: Варсонофий Митрополит Сарский и Подонский, Гавриил Архиепископ Вологоцкий, Афанасий Архиепископ Холмогорский и Архимандриты, священницы и диаконы, и всякаго священнаго чина множество.

Соизволи тут быти на освящении и Царское Величество, Благочестивейший Великий Государь Царь и Великий Князь Иоанн Алексеевич всеа великия и малые и белыя России Самодержец, Благоверныя Царевны и Великие Княжны Татиана Михайловна, София Алексеевна, Благоверныя Царицы и Благородныя Царевны и от сигклита Царскаго величества немало, и множество всякаго чина людей от народа.

Бысть же сие освящение святые и великия церкви, яже создана бысть наподобие Иерусалимской церкви в монастыре Воскресенском Живоначальнаго Христова Воскресения, рекомаго Новаго Иерусалима в строении Святейшаго Никона Патриарха Московскаго и всеа России, в лето от создания мира 7193; по воплощении же Божия Слова 1687 месяца иануариа в 18 день, на память иже во святых отец наших Афанасия и Кирилла Архиепископов Александрийских Чудотворцев.

При державе Благочестивейших Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всеа великия и мылыя и белыя России Самодержцев, и при настоящих начальствуемых и паствующих обители святыя Воскресенския Архимандрите Никифоре, строителе старце Сергие Турчанине, иже в сем деле в навершении святыя великия церкви и во всех иных монастырских исправлениях зело трудися со тщанием прилежным, никто же тако ин, якоже он, художество же имеяй он лияние колокольное; лияние бо рук трудов его все колокола во обители Воскресенской, кроме единаго великаго колокола, и тут он с мастером трудися при Казначее Иеромонахе Варлааме, иже был во изгнании в Ферапонтове монастыре со Святейшим Никоном Патриархом, о нем же писано выше, и братие было не менее двою сот, а с приписными монастыри и пустыни не менее четырех сот было братии.

Еще же по милостивому призрению Великих Государей, Благочестивых Царей всеа России Самодержцев ко обители святой в приписании с монастыри и пустыни и с домовыми монастырскими вотчины крестьянских дворов по переписным книгам 186 (1678) года две тысячи девяносто семь дворов, соляного промысла в великой Перми на Каме-реке в государском промыслу на верхней Веретии наших монастырских четыре варницы, рыбнаго промысла семужьяго на море-Океане на Терской стороне[1] в море, а в реках Поное с товарищи рыбныя лов-

[1] В П. И. на Колской стороне.

ли, и в тундре Лопари промышляют елени, песцы, волки, лисицы и прочия звери.

И тако убо от времени того, в неже призре Господь Бог милосердием своим паки на обитель святую, и озари мысленные очи сердечныя сияющаго во благочестии Благочестиваго Царя Феодора Алексеевича всеа России, и по отшествии убо его от сего жития, царствующих по нем братий его Благочестивых Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России Самодержцев, и Благоверных Цариц, и Благородных Царевен, и Великих Княжн Татианы Михайловны и Софии Алексеевны, по благому намерению их, и верою ко Господу Богу, обитель святая строится и до ныне их Государским милостивым призрением, всякою казною изобильно, и пришествием своим Государским часто посещают обитель святую.

А о сей истории тщательно потрудися муж благочестивый, ревность благу имея по Бозе и по духовном пастыре своем и отце Святейшем Никоне Патриархе Московском и всеа России. Имя же того писавшего историю сию, аще кто имать разум да разумеет: пять бо литер имать, три самогласных согласная же едина и припряжно гласная же едина, едина же и дебелая, суть же 4 сложно во приобщении число же 131; отчество же имать литер 11, от них же согласных 5, самогласных 4, напряжногласных 2, к них же едина тонкая и едина дебелая, суть на 4 сложно во общении, число ж 297.

В другой книге о отечестве показуется литер 13; от них же согласных 6, самогласных 4, припряжно-гласных 3; в них же 2 тонких, едина же дебелая, суть же 4 сложно во общении, число же имать 393.

В прозвании же литер 8, согласных 4, самогласных 3, припряжно-гласная одна и дебелая, суть же три сложно в приобщении, число имать 563; имя же того и отечество с прозванием имать убо вкупе великое число 991.

Чином же клирик, иже бе знает вельми Святейшему Никону Патриарху, понеже бо воспитан из детска возраста и возмужа при бедре его, и во время изгнания Святейшаго Никона Патриарха во дни соборов, много зла претерпе в заточении, сидя в Москве за разными стражи три лета; потом же во изгнание послан в великий Нов-град[1] и бе тамо во изгнании десять лет абие по прошению Великия Государыни Царевны Княжны Татианы Михайловны свобожден бысть из Нова-града и взят в Москве, в царство Благочестиваго Царя Феодора Алексеевича всеа России; той же муж благочестивый веру имея велию ко Господу Богу и ко святей обители Воскресенской, и о наверщении великия церкви велие тщание показа, ходатайством своим

[1] В П. И. прибавлено: во свое отечество, бе бо рождение он имея той город.

по благородной Царевне и Великой Княжне Татиане Михайловне о всяких нужных потребах, яже суть прилично к навершению церкви и освящению, понеже той муж бе при милости Государской и в чину бысть Благородной Государыни Царевны и Великой Княжны Татианы Михайловны, и милость Государскую имея к себе неизреченную, паче иных сверстник своих чина того же, и о всех монастырских нуждах пекийся непрестанно, занеже и намерение свое имея, по отшествии жизни сея, желая во обители святой Воскресенской и тело свое предати погребению близ своего учителя.

Той же муж Благочестивый и историю сию написа о известии рождения и воспитания и всего бытия его в жизни сей Святейшаго Никона Патриарха, и о начатии обители святой Воскресенской, и о велицей церкви, како начася и совершися, и о преставлении и о погребении его вся от начала подробно написа, ово сам видя творимая и от уст слыша самаго Святейшаго; ово же слыша от братии живущих со Святейшим во изгнании бываемая терпения и нужды, даже и до самыя кончины.

Написа же сие во славу и честь Божию имени святому и в сладость послушающим и прочитающим, на уведение будущим и впредь обитающим во обители той Воскресенской, рекомой Новый Иерусалим, братиям и всякому роду христианскому, дабы память его основателя фундатора начальнаго Святейшаго Никона Патриарха Московскаго и всеа России незабвенно в поминовении вечно была, дондеже мир во вселенней[1] стоит.

Аминь.
Иоанн Корнилиев Рипатов.
131 297 563

[1] В П. И.: дондеже мир вселенский стоит.

Иван Забелин

ПАТРИАРХ НИКОН В КРЕМЛЕ[1]

15 апреля 1652 года помер патриарх Иосиф; на его место царь Алексей Михайлович уже думал избрать новгородского митрополита, достопамятного Никона, который в это время по повелению государя путешествовал в далекий Соловецкий монастырь для перенесения в Москву мощей святителя Филиппа-митрополита.

Святые мощи были с торжеством перенесены в Москву 9 июля того же года, а затем 22-го, по другим указаниям, 25-го того же месяца, то есть всего через две недели, Никон был избран на патриаршество без жеребья, как искони водилось, а только по желанию государя, против чего Никон упрямился, не хотел ставиться без жребия, но был упрошен государем, оказавшим ему по этому случаю великое внимание. Павел Алеппский по этому поводу упоминает, что Никон тогда лишь согласился принять патриаршество, когда было постановлено, что царь отнюдь не будет заниматься делами церкви и духовенства, как это было при Филарете, при прежних царях. С этого времени по царскому указу слово его стало решающим, и никто не смел противиться ему.

---

[1] Из книги И. Е. Забелина «История города Москвы».

Другой современник, дьякон Благовещенского собора Федор Иванов, свидетельствует также, что еще в начале постановления царь запись ему дал своею рукою, «еже во всем его послушати, и от бояр оборонить, и его волю исполнять».

15 августа, в день празднования Успению Богородицы, государь поднес ему на золотой мисе золотую *митру* — корону, вместо обычной до того времени патриаршей шапки, опушенной горностаем, еще образ святителя Филиппа-митрополита да братину золоту. В тот же день государь пожаловал новому патриарху Цареборисовский двор в доме Пресвятой Богородицы. Патриарший двор и в прежнее время пользовался помещениями Цареборисовского двора. При патриархе Филарете Никитиче в 1626 году там находились патриаршие капустные погреба.

Нет сомнения, что еще прежде Никон обратил внимание государя на этот опустелый двор, представляя ему, с какою бы пользою этот пустой двор, присоединенный к патриаршему двору, мог послужить к большему простору и устройству патриаршего ведомства.

И действительно, недели через две после Успенского праздника на этом дворе начались уже строительные работы. 2 сентября извозчики уже навозили на Борисовский двор к каменному делу 141 тысячу кирпича, а каменщики стали сооружать ворота на этот двор с патриархова двора.

Затем перенесены были на новый двор конюшни, стойла и ясли и построены на нем новые *житницы* и новые хоромы, готовые, перевезенные из патриаршего Новинского монастыря. По случаю разных переделок и обновлений в самом каменном доме Цареборисовского двора упоминаются некоторые его части, именно сени, покрытые шатром с яблоком на его верху; у них над передним крыльцом сделан *чердачок; большая полата*[1], и позади ее *малая* полатка *средняя* полата, *золотая* полата, названная так, вероятно, уже в это время по поводу производимых в ней работ серебряного и золотого дела, для чего в ней были устроены горны и в 1653 году два больших стола, один в 4, другой в 3 сажени, и две скамьи по 2 сажени. Однако в этой же полате в 1653 и 1654 годах старец Арсений-грек сидел у книжной справки и переводил книги с греческой грамоты на русскую и писал книгу греческую патриарху.

Как упомянутые, так и другие Борисовские полаты устроивались вообще для новых потребностей патриаршего ведомства; поэтому в них проделывали, где было надобно, новые окна, заделывали двери и т. п.

---

[1] Отдельные слова воспроизводятся в старой орфографии.— *Ред.*

В нижних полатах была устроена *богадельня* для нищих и *больница*, в которой поставлена изразцовая печь из изразцов— 130 больших, 15 долгих и 15 городочков. Кроме устройства старых было построено новых полат для патриарших детей боярских, его служебников и для разных хозяйских потребностей. Но главным началом всех работ на Цареборисовском дворе служила постройка новой церкви.

Приписывая, быть может, свое неимоверное благополучие в патриаршем сане молебному покровительству святителя Филиппа-митрополита, Никон, в ознаменование своей благочестивой мысли, задумал соорудить на месте храма Соловецких чудотворцев и на меже Борисовского двора новый каменный храм во имя апостола Филиппа, тезоименитого Московскому святителю.

Так как Борисовский двор стоял рядом с патриаршим, выходя на площадь к Ивану Великому, где находились и его ворота, то патриарх для новой церкви занял и часть Борисовского двора, лицевую сторону с патриаршими полатами, что против Успенского собора, где ныне стоит храм Двенадцати Апостолов.

В том же сентябре 1652 года на этом месте уже копали рвы и сваи набивали под постройку церкви; следовательно, церковная постройка началась тоже через две недели после Успенского праздника.

В октябре и по зимнему пути стали возить к церковному делу строительный материал: 14 600, а потом 100 тысяч кирпичу, 1000 бочек извести, 3000 коробов песку. Однако закладка храма была совершена только в начале августа (9-го числа) 1653 года, когда сам патриарх пел молебен на каменном деле и на церковном *окладе*. Вообще строение по какому-то случаю производилось довольно медленно, так что оно было окончено только летом 1655 года, а уборка глав и кровли происходила осенью этого года, когда кровля была покрыта медными золочеными досками и на пяти главах поставлены медные золоченые кресты.

Под церковью были устроены ворота, быть может на том самом месте, где находились ворота Борисовского двора. При церкви была также выстроена колокольница в 1656 году. День освящения церкви нам неизвестен.

24 февраля 1656 года, на первой неделе Великого поста, Никон уже служил в новой церкви литургию и приобщался Святых Таин.

Настенное письмо во всей церкви производилось уже летом и в августе этого года, для чего был куплен большой запас разных красок: с лишком 4 пода голубцу, 10 пудов лазори цветной, 6 пудов черлени-слизухи, 6 пудов вохры-слизухи, 5 пудов черлени немецкой, 10 пудов празелени, 3

пуда киноварю, 5 пудов черлени псковской, всего на 256 рублей.

В 1658 году иконописцы писали на воротах и у внешних сторон на церкви стенное письмо.

Перед церковью апостола Филиппа в то же время (1654—1655 годах) патриарх строил *свою новую Крестовую* полату меньшего размера против старой. Эта полата в первое время так и именовалась *своею новою Крестовою*, как это неоднократно записано в Книге Записной облачениям и действам патриарха.

В этой Книге Записной находим, между прочим, следующие строки: «Декабря 21 (1655 года) Государь патриарх поиде к литургии из *своея* Крестовыя полаты... После литургии Антиохийский патриарх Макарий поднес Никону клобук белый греческаго переводу, а Сербский патриарх Гавриил поднес ему шапочку греческую... И поиде Государь патриарх в *свою* Крестовую полату, а перед ним, Государем, шли поддьяконы и подьяки — все в золотых стихарях, и пели стихи розные постанично все вместе... А пришед в *новую свою Крестовую* полату, *тоюже сам устроил* и пожаловал Государь святейший патриарх своего Государева архидиакона и дьякона чернаго греческими клобуками и камилавками».

Полата была покрыта особою кровлею, следовательно, не была в связи с другими полатами. Однако через сени она соединялась с построенными в том же 1655 году новыми брусяными хоромами для житья самому патриарху.

В 1655 году в этой новой *Крестовой* на дверях и окнах расписаны травы и повешено большое медное паникадило. В той же полате в 1658 году написаны лучшими мастерами новые иконы, писали Симон Федоров (Ушаков) и Федор Козлов.

Вопреки установившемуся сведению, что патриарх Никон построил доныне существующую Крестовую (Мироварную) полату и весь Синодальный дом, приведенные свидетельства указывают, что Никоном была построена особая Крестовая для своих хором, по размеру, как упомянуто, меньшая, почему впоследствии (в 1672 году) старая Крестовая обозначалась именем *Большой* Крестовой, а новая и в описи Домовой Казны Никона названа *Малою*. В эту новую Крестовую Павел Алеппский входил по двум лестницам, почему с достоверностью можно предполагать, что эта Крестовая находилась на третьем этаже нового здания перед новою же церковью (ныне 12 Апостолов), где впоследствии помещалась Ризница.

На своем старом патриаршем дворе патриарх обновил церковь Трех Святителей, которая стояла особно и имела одну главу. При ней была устроена в 1656 году и коло-

кольница, вероятно на стене какой-либо полаты, покрытая кровлею в 1658 году. Закомары под главою покрыты белым железом, спаянным оловом. Церковь была устроена теплою и вновь расписана настенным письмом, для которого куплено 5000 листов сусального золота. В ней было устроено, как и в Крестовой полате, особое патриаршее *место*. За церковью сделан очаг для составу и варения святого мирра.

Проломаны двери из паперти Трех Святителей в старую Столовую полату и сделана всхожая лестница. Обновление храма производилось постепенно в течение 1654—1658 годов.

На дворе в эти же годы построены новые полаты Скатертная, Отдаточная и другие. В 1654 году кузнецы делали патриарховы домовые часы (башенные).

Во всех новых полатах и в брусяных кельях, теперь поновому, вместо слюдяных окончин были устроены окончины стекольчатые. В других хоромах употреблены слюдяные.

От площади патриаршие полаты отделены перегородкою; а внутри двора от новой хлебни по старую Столовую поставлен *острог*, род тына, отделявший патриарший двор от государева двора.

Патриарший двор, как упомянуто, был соединен с царским дворцом переходами.

При Никоне государь построил в 1654 году переходы и в Чудов монастырь с Борисовского двора через улицу Никольскую, ширина которой в этом месте не превышала 3 сажен. Сообщение царского дворца с Чудовым монастырем потребовалось по случаю начатого дела об исправлении церковно-служебных книг, так как в полатах монастыря должны были происходить заседания и совещания по этому делу. В монастыре жил в 1658 году старец Епифаний, который тогда перевел патриарху дохторскую книгу.

С патриаршего двора был устроен всход на эти переходы, которые, следовательно, проходили мимо всех построек на этом дворе. Переходы прозывались обыкновенно *Чудовскими*.

При патриархе Никоне стоявшая стена об стену с царским дворцом старейшая патриаршая церковь Ризположения была отделена к дворцовым зданиям (после 1653 года) и именно к хоромам царицы и царевен, терема которых высились и перед этою церковью, и перед западными вратами Успенского собора, как и перед полатами патриаршего двора. С этого времени паперть Ризположенской церкви сделалась необходимою проходною галереею, переходами в Успенский собор для женской половины царского семейства, всегда выходившей к молению и к службам в скрытности от народных очей.

Как упомянуто, терема царицы и царевен высились и перед патриаршими полатами, поэтому Никон, выходя из своих полат в собор, в западные его врата, и возвращаясь из собора теми же вратами, каждый раз останавливался в этом проходе, поднимал вверх к теремам свои взоры и, отдав посох архидиакону, благословлял по направлению к Верху, то есть к окнам теремов, затем кланялся до земли, благословлял вторично и, вторично сделав поклон, уходил в свои полаты. Так же поступал и пребывавший тогда в Москве Антиохийский патриарх Макарий каждый раз, когда проходил в собор западными вратами и когда затем возвращался в патриарховы полаты. Так поступали и все архиереи, воздавая должный почет государыне-царице, которая всегда смотрела на проходящих из своих стеклянных окон, но не открытых, чего не подобало, а скрытно сквозь разрисованные в окнах травы.

Само собою разумеется, что в этом смотрении участвовал и весь женский чин государевой семьи и со всеми комнатными боярынями. Окна царицыных и царевниных теремов высились перед западными вратами собора именно для той цели, чтобы видеть совершаемые из этих ворот торжественные крестные ходы и молиться вместе со всем народом.

Приведенные выше отрывочные сведения об устройстве патриаршего двора при Никоне, собранные нами из официальных записей, дополним общим описанием всех новых построек Никона, составленных очевидцем, архидиаконом Павлом Алеппским, который 22 декабря 1655 года присутствовал при самом новоселье в этих постройках.

«Должно знать, — говорил архидиакон,— что теперешний патриарх Никон имеет большую любовь к возведению построек, памятников и к (церковному) благолепию. В бытность свою архимандритом монастыря Спаса, то есть Спасителя, что близ этого города, он своими стараниями перестроил с основания как великую церковь, так и кельи, окружную стену и все башни. Также, когда он сделался митрополитом Новгорода, то воздвиг там прекрасные здания; а сделавшись патриархом, он построил для себя патриаршие кельи или, лучше сказать, царские полаты, не имеющие себе подобных во всей стране Московской... Знай, что здешний патриарший дом существует с очень древних времен, со времени святителя Петра, первого митрополита Московского. Он мал, тесен и не имеет двора; над ним высятся полаты царицы (архидиакон не знал, что существует обширный двор за полатами). Нынешний патриарх, любя строить и обновлять, выпросил у царя двор, находящийся близ патриаршего дома, с северной стороны собора (Цареборисовский). Царь подарил его, и патриарх приступил к возведению на нем ог-

ромного, чудесного здания. Его строили немецкие мастера. В нижней части здания патриарх устроил семь приказов, печь и огромную кухню, дабы тепло поднималось наверх. Лестница, весьма красивая, устроена насупротив старого пути к собору, где патриарх всегда останавливался и благословлял полаты царицы. Наверху он выстроил диван (приемную полату)[1] и сделал от нее проход со стороны царицыных полат, по которому иногда втайне проходит; и еще проход по направлению к своим прежним кельям. Внутри этой полаты он устроил маленькую церковь во имя новых Московских святых, митрополитов Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, коих велел написать над ее дверью, а в церкви написать портреты шести патриархов, бывших со времен Иеремии Константинопольского: первый из них Иов, затем Герман (Ермоген), Герасим (Игнатий?), Филарет, Иоасаф и Иосиф. Свой же портрет, точь-в-точь как он есть, велел написать после тех, ибо он седьмой патриарх. Он весьма украсил эту церковь и большею частию слушает службу в ней. Эта полата (старая Столовая) имеет игромные с решетками окна, выступающие из здания и выходящие на царицыны полаты. Из нее выходишь в другую большую полату (сени), где ждут приходящие к патриарху, пока он разрешит им войти. Отсюда входишь в огромную полату (ныне Мироварную), которая поражает своей необыкновенной величиною, длиной и шириной; особенно удивителен обширный свод без подпор посредине.

По окружности полаты сделаны ступеньки, и пол в ней вышел наподобие бассейна, которому не хватает только воды. Она выстлана чудесными разноцветными изразцами. Огромные окна ее выходят на собор; в них вставлены оконницы из чудесной слюды, украшенной разными цветами, как будто настоящими; с другой стороны окна выходят на двор старого патриаршего дома. В ней, подле двора, сделан огромный каптур (печь) из превосходных изразцов. Все сооружение скреплено железными связями с обеих сторон. Никон назвал эту полату *Христоб* (Крестовая), то есть Христианская полата. Внутри этого помещения есть еще покой, который служит нарфексом (притвор, паперть) большой, прекрасной, весьма высокой церкви, устроенной патриархом в честь Святой Троицы и выходящей на площадку Чудова монастыря (Апостола Филиппа, ныне 12 Апостолов). На верху этой церкви сделаны (хоры) и в нарфексе ее три прохода с лестницами: по одному патриарх стал ходить в собор, ибо он насупротив северных дверей его; другой ведет на новый двор; третий, выше этого помещения, представляет лестницу, ведущую на верх здания, где патриарх построил еще две церк-

---

[1] Это, по всему вероятию, новая Крестовая...

ви и кельи для дьяконов, откуда открывается вид на весь город. В углу Крестовой (новой) полаты есть дверь, ведущая к новому деревянному строению с многочисленными кельями, кои идут одна за другой и назначены для зимнего помещения, ибо жители этой страны не любят жить в каменных домах, потому что, когда печи в них истоплены, то ударяет в голову и причиняется головная боль. По этой причине непременно строят для зимы подле каменных деревянные дома и по всему зданию закрытые проходы. Все двери таких помещений бывают обиты зеленым сукном.

Словом, это здание поражает ум удивлением, так что, быть может, нет подобного ему и в царском дворце, ибо мастера нынешнего века, самые искусные, собранные отовсюду, строили его непрерывно целых три года. Мне рассказывали архидиакон и казначей патриарха, что он истратил на это сооружение более 50 000 динаров (рублей), не считая дерева, кирпича и прочего, подаренных царем и государственными сановниками, и того, что большая часть рабочих были его крестьяне.

<...> Это редкостное сооружение,— продолжает архидиакон,— было окончено постройкой и омеблировано на этой неделе, но Никон до сих пор не переходил в него. Причина этому та, что в этот день, пятницу 21 декабря, случилась память преставления святителя Петра, первого митрополита Московского, мощи которого находятся в алтаре (Успенского собора). Московиты имеют обыкновение весьма благолепно праздновать его память в этот день, как мы упомянули раньше и как видели теперь, — торжественнее, чем праздник Рождества. Патриарх обыкновенно устраивает у себя после обедни большую трапезу для царя, его вельмож и всего священного чина. Случилось, что теперь были окончены его новые полаты; но так как память святого пришлась на этот день, пятницу, когда не позволяется есть рыбу, а у них пиршества не устраиваются и не могут быть роскошны без рыбы, то празднование святому отложили до следующего дня, то есть до субботы. Никон дал знать нашему владыке патриарху, чтоб он приготовился служить в этот вечер вместе с ним всенощную в соборе, а завтра, после обедни, пожаловал бы к нему на трапезу в новые полаты.

Вечером, по обычаю, было совершено малое навечерие, а после 8-го часа ночи прозвонили четырехкратно в большой колокол. Мы вошли в церковь в 9-м часу. Пришли в церковь царица и царь...

Служба была большая, продолжительная и торжественная. Мы вышли из церкви лишь при восходе солнца, умирая от усталости и стояния на ногах от 9-го до 16-го часа. В эту ночь мы столько натерпелись от сильного холода и стужи, что едва не погибли, особливо потому, что стояли на желез-

ных плитах: Бог свидетель, что душа чуть не покинула нас. Что касается меня, бедного, то я хотел выйти и убежать из алтаря, но не мог, ибо царь стоял перед южными дверьми, а царица перед северными, так что поневоле пришлось страдать. Когда я вернулся в свое помещение, Бог свидетель, что я в течение трех дней был совершенно не в состоянии стоять на ногах, хотя бы их резали железом. Я погружал их в нагретую воду и совсем не чувствовал тепла, а вода охлаждалась. В таком положении, страдая болью в ногах, я оставался, Бог свидетель, в продолжение почти двух месяцев. Но на все воля Божия! Что это за всенощные и бдения! Более всего нас удивляло, что дети и малютки, и притом не простолюдинов, а вельмож, стояли с непокрытою головой, неподвижно и не шевелясь, как статуи. Какая выносливость! Какая вера! Вот нечто из того, что мы могли бы сказать о всенощных бдениях в стране Московитов, известных всюду.

Спустя час после нашего выхода из собора зазвонили в колокол, и мы опять вернулись туда, измученные, умирая от усталости, дремоты и холода. Оба патриарха облачились, и с ними в этот день облачились три архиерея и десять архимандритов в митрах, двенадцать иереев монашествующих и мирских, двадцать взрослых дьяконов и более двадцати анагностов и иподьяконов: всех вместе с обоими патриархами и Сербским архиепископом было более семидесяти служащих в алтаре. Пришла царица, а после нее царь. Во время выхода священники выносили покров с мощей святителя Петра, похожий на плащаницу: он весь расшит золотом и жемчугом, и на нем озображен святой, как он есть, в облачении полиставрия (крестчатом). Когда кончилась обедня и мы сняли облачения, оба патриарха вышли к царю, чтобы его благословить. Царь, взяв за правую руку нашего учителя, повел его к царице, чтобы он ее благословил. По уходе царя опять затворили двери церкви, пока царица, как в тот день, прикладывалась, по обычаю, после чего она удалилась. Тогда все дьяконы, поя, пошли со свечами впереди патриарха, пока он поднимался в свои новые полаты, которые открыл, поселившись в них в этот день. Когда он вступил в них, к нему подошел сначала наш владыка-патриарх и поднес ему позолоченную икону Трех Святителей и большой черный хлеб с солонкой соли на нем, по их обычаю, поздравил его и пожелал ему благополучия в его новом жилище. После него подходили архиереи и сначала поднесли позолоченные иконы имени своих кафедральных церквей, а потом хлеб-соль, большие золоченые кубки, несколько кусков парчи и бархата и прочее, причем делали поклон. За ними подходили настоятели монастырей и даже их уполномоченные, проживающие в их подворьях в городе, именно уполномоченные

отдаленных монастырей. Также подносили ему подарки царевичи. Затем подходили городские священники, купцы, сановники государства, ремесленники и подносили кубки, сороки соболей и прочее. Но Никон от всех, за исключением архиереев и игуменов, принимал только иконы и хлеб-соль. Была большая теснота. Наконец патриарх послал пригласить царя к своему столу. Царь, войдя, поклонился патриарху и поднес сначала от себя хлеб-соль и сорок соболей высшего сорта и то же поднес от имени царицы и своего сына три хлеба и три сорока от своих сестер и то же от своих дочерей; всего 12 хлебов и 12 сороков соболей. В это время патриарх стоял на переднем месте полаты, царь же сам ходил к дверям и подносил упомянутые подарки собственноручно, принимая на себя немалый труд, крича на бояр, которые держали их, чтобы они подавали ему скорее; он казался слугой, и — о удивление! — когда подносил подарки от себя, то поклонился патриарху, говоря: «Твой сын, царь Алексей, кланяется твоей святости и подносит тебе...» Так же, когда подносил подарки от царицы, назвал ее, и то же при поднесении остальных подарков. Что это за смирение, которое мы, стоя тут, видели в этот день! Разве нельзя было тебе, царь, слава своего века, стоять на своем месте и приказывать другим слугам, чтобы они приносили тебе подарки? Но ты сам ходишь за ними! Да увековечит Бог твое царство за великое твое смирение и за приверженность к твоему патриарху! В правой руке царь держал черный посох с двумя маленькими разветвлениями.

После этого патриарх поклонился ему и извинялся, выражая свою благодарность; затем посадил его за (особый) царский стол, который раньше один из бояр уставил золотыми сосудами наподобие чаш, солонками, кувшинчиками с уксусом и прочее. Стол этот стоял в углу полаты, подле двух окон, выходящих одно на собор, другое на Чудов монастырь. Близ него, слева, был поставлен другой стол для патриарха, а подле — большой стол, который занял остальное пространство на этой стороне, обращенной к собору; за ним посадили всех бояр и сановников государства. Нашего учителя посадили за особым столом справа от царя и подле него Сербского архиепископа. Грузинского царевича посадили близ них в этом переднем месте, также за особым столом, и близ же них трех (других) царевичей, тоже за особым столом. К нашему столу отдельно было приставлено по нескольку виночерпиев и слуг. Митрополитов, архимандритов и прочих настоятелей, соборных протопопов и священников посадили за большим столом насупротив бояр. Еще раньше, подле чудесной огромной печи этой полаты, установили большой стол наподобие

высоких подмостков, со ступеньками, покрытыми материей, на коих разместили большие серебряно-вызолоченные кубки и иные великолепные сосуды для напитков. На потолке этого помещения висели пять чудесных полиелеев (люстр); один, серебряный, висел близ царского стола, а внутри его яблока были скрыты часы с боем.

Когда уселись за стол и начали есть, пробило 6 часов дня, так что до вечера оставалось меньше часа. Обрати внимание на то, какое мучение мы претерпели в прошлую ночь и сегодня; целых 24 часа стояли на ногах без пищи! Видя, какая здесь теснота, мы пошли в свое жилище, поужинали и вернулись, чтобы поглазеть. Когда принялись за еду, один из анагностов начал читать, по их обычаю, на аналое посредине (полаты) житие святого (Петра-митрополита) высоким, нежным и мягким голосом. По временам выходили певчие и пели. Но наибольшее удовольствие патриарх и царь находили в пении детей казаков, коих царь привез много из страны ляхов и отдал патриарху, который одел их наилучшим образом, зачислил в свои служители, назначив содержание, и потом посвятил в анагносты. Они всегда имели первенство в пении, которое предпочитают пению певчих-московитов, баситому и грудному. Те пели один час, а эти после них. Когда певчие кончили, чтец продолжал житие. От начала трапезы до конца царь беспрестанно посылал нашему владыке-патриарху со своего стола блюда с кушаньями и много кубков с напитками и вел с ним беседу, выказывая к нему великое дружелюбие. Переводчиком между ними был Сербский архиепископ. Царь просил помолиться за него Богу, как Василий Великий молился за Ефрема Сирина, и тот стал понимать по-гречески, так чтобы и царю уразуметь этот язык. Вечером зажгли свечи в люстрах, и полата ярко осветилась. Затем патриарх пригласил царя и некоторых вельмож вместе с царевичами и нашего владыку-патриарха и Сербского и повел их в новое деревянное помещение. И здесь устроили большое веселье с превосходными напитками и прочее. Патриарх поднес царю в подарок большой кусок Древа Честнаго Креста, частицу драгоценных мощей одного святого, 12 позолоченных кубков, 12 кусков парчи и прочее. Затем они вышли в наружное помещение и продолжали пиршество до восьмого часа ночи.

Тогда царь поднялся и раздал всем присутствующим кубки за здравие патриарха. Выпив, опрокидывали их себе на голову, чтобы показать, что выпили здравицу до капли. Подобным образом и патриарх Никон всем дал выпить за здравие царя, причем также опрокидывали кубки на голову, преклоняя колена перед (питьем) и после. Затем пили за царицу, их сына и прочих. Наш владыка-патриарх и прочие присутст-

вующие встали и отправились к себе домой. Царь же оставался у патриарха до десятого часа, пока не ударили к заутренс, и они оба пошли в собор к бдению, по случаю памяти их святого, Филиппа, и вышли из церкви на рассвете. Обрати внимание на эту твердость и выносливость!»

Андрей Муравьев

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ[1]

Чрез несколько дней по возвращении из лавры, оставил я Москву, желая посетить еще однажды Новый Иерусалим, столь близкий моему сердцу с тех пор, как поклонился древнему образцу его. Не доезжая Воскресенска, пошел я пешком к обители, прямо чрез поле, чтобы более себе напомнить уединенное странствие по пустыням палестинским; но я потерял настоящее направление ко храму, который был заслонен рощею, и, только издали увидев часовню Елеонскую, мог опять выйти на дорогу.

Патриарх Никон дал имя Елеона сей часовне и воздвиг ее на том месте, отколе обозревал он с царем Алексием, во дни их духовной приязни, избранное ими поприще для обители, и здесь царь назвал ее Новым Иерусалимом, как о том свидетельствует надпись на кресте внутри часовни: «Благоволением благочести-

[1] Из книги «Путешествие по святым местам русским», впервые издание которой увидело свет в 1832 году.— *Ред.*

вого царя Алексия Михайловича и святейшего Никона-Патриарха, в знамение их общей любви и совета, к начинанию святыя обители и наименованию, еже есть Новый Иерусалим». И чрез тридцать лет тот же Никон, в течение сего времени низведенный с Патриаршего престола, заточенный 15 лет на Белом озере, наконец скончавшийся на возвратном пути из своей темницы, был принесен уже мертвым для погребения в созданную им обитель: близ сего же креста поставил тело его кроткий царь Феодор, как бы для примирения обоих великих усопших: державного отца и святителя, памятью их любви взаимной, которую некогда засвидетельствовали у подножия Елеонского креста.

Отселе на расстоянии полуверсты до святых ворот насажена, чрез малую лощину, узкая березовая аллея; с правой стороны близко подступила к стенам Нового Иерусалима кругоберегая излучистая Истра, названная Иорданом по воле Патриарха. Исполненный сладких впечатлений, тихо приближался я к обители, в прохладной тени дерев, и с утешительным чувством переступил за священные врата, на коих изображено вербное торжество Спасителя. Хотя не от Елеона, а от Рамлы, и не вербными вратами, взошел я за пять лет пред тем во Святой град, но и сии врата мне были знакомы; я бы хотел по словам духовной песни: «обыдите людие Сиона и обымите его» — обойти и обнять его со всех сторон.

Из-под высокой арки святых ворот открывается самый великолепный вид на здания собора с восточной их стороны: это чудная гора малых куполов и глав, своенравными уступами восходящая до двух главных куполов храма, и вся сия гора на разных высотах усеяна золотыми крестами, напоминая житейское крестное восхождение наше. Но хотя зрелище сие великолепно и вполне достойно громкого названия Нового Иерусалима, оно совершенно отлично от образца своего. Правда, и там есть два купола над собором и полукупол над алтарем, и глава, выходящая из земли над церковью обретения; но все без крестов, и все кругом застроены террасами и плоскими крышами соседних монастырей Авраама и абиссинцев и древнею Патриархиею, так что приметны только два купола над собором; все же здание является в виде огромной полуразрушенной твердыни, которой террасы сперва разбили люди, а потом время. А здесь, напротив, все еще ново и свежо: четыре малые часовни, едва подымаясь поверх земли, окружают большой купол подземной церкви обретения; еще выше две легкие главы, по обеим сторонам соборного алтаря, знаменуют многочисленные приделы внутренней галереи, и еще две главы над Голгофою и Гефсиманиею, с южной и северной стороны храма, довершают стройную красоту здания, правильного в частях своих, когда в Иерусалиме самая местность не позволяла соблюдать симметрии.

Но, несмотря на сие несходство, отрадно отдыхают взоры на пышном, игривом зодчестве сего храма. Забывшись, можно подумать, что таким был некогда и священный его подлинник, когда по манию царицы Елены возник он, во всем величии римского зодчества и могущества, из груды камней и земли, покрывавших утесы Голгофы и Святого Гроба.

Однако же с южной стороны собора площадка между колокольнею и церковью Елены может удовлетворить ищущих желанного сходства обоих Иерусалимов. Те же двойные врата пред вами, заключенные корыстию арабов в древнем, хотя есть отличия в украшениях над ними и нет здесь мраморных столбов и изваяний; та же высота стены соборной, то же число окон во втором ярусе, и я даже узнал окно моей келии над церковью Елены. Самая церковь сия, посвященная здесь памяти Марии Египетской, прилеплена ко храму, подобно как в Иерусалиме, и столь же тесна, но там она служила сперва наружным восходом на Голгофу, и на открытом крыльце ее совершается доныне умовение ног, а здесь крыльцо закрыто, и тем нарушено сходство. Положение же и зодчество колокольни совершенно иерусалимские, хотя там она до половины обрушена землетрясением.

Утешенный столь отрадным для меня зрелищем, я стоял на знакомой площадке, на коей в Иерусалиме не раз ожидал отверстия святых ворот, и, радуясь совершенному моему одиночеству, вполне предавался воспоминаниям Палестины. Но меня заметили, и подошедший монах спросил, чего я желаю?

— Поклониться Святому Гробу,— был мой ответ.

— Как ваше честное имя? — опять спросил меня монах, потому что мое посещение, во время полуденного отдыха братии, показалось ему странным.

— Разве нужны имена поклонников? — отвечал я.— Они выходят из памяти вместе с мимоидущими, если не остаются в молитвах.

— Простите мою нескромность,— возразил он,— но в нашем уединении приятно иногда услышать знакомое имя и встретить прежнего знакомца в посетителе. Покамест отопрут для вас церковь, не угодно ли вам пройти к отцу архимандриту?

Я последовал за ним в прекрасные келии настоятеля архимандрита А., который весьма ласково меня встретил.

— Позвольте мне поклониться Святому Гробу, — сказал я,— и посетить святые места Нового Иерусалима.

— Кому же свойственнее желать сего, если не посетителю древнего,— отвечал с улыбкою архимандрит.

Тогда же я изъявил некоторое удивление.

— Не таитесь,— продолжал он,— вы мне знакомы, и я давно ожидал вас в свою обитель, чтобы нам вместе сравнить оба Иерусалима. Вы были в древнем, я живу в новом; мы можем со-

общить друг другу несколько любопытных сведений, которые нельзя найти в описаниях.

— Итак, приступим немедленно к сему сравнению, — сказал я,— столь же усердно его желаю. Любопытно для каждого русского узнать, в чем именно сходствует сие родное для нас святилище с палестинским.

— Мы начнем, не выходя из сего здания, с нашей зимней церкви Вифлеема,— говорил мне архимандрит, проходя через три обширные палаты, которые служили некогда трапезами царям и боярам и были устроены царевною Софиею вместе с вифлеемскою церковью,— вот храм Рождества.

— Пройдемте мимо,— сказал я,— здесь нет и тени сходства с великолепным храмом Палестины, украшенным рядами мраморных столбов. Можно сравнить с ним Казанский собор в Петербурге по внутреннему крестообразному расположению и красоте колонн, а не вашу зимнюю, весьма обыкновенную церковь.

— Сойдемте в нижний ярус,— продолжал архимандрит,— может быть, вы там более будете удовлетворены,— и мы сошли по широкой лестнице в правильную галерею, по сторонам которой находились малые приделы.

— Вот пещера Рождества и место яслей, но здесь не было устроено церкви, вероятно, по тесноте; а быть может, и она предполагалась, ибо некоторые из предназначенных здесь приделов довершены уже мною. Вот престолы на память обрезания Господня, бегства в Египет, поклонения волхвов и избиения младенцев.

— Пойдемте далее,— опять повторил я,— слышу названия вифлеемские, но не узнаю самых мест; притом же церкви в память обрезания Господня не существует нигде во всей Палестине, а малый грот, где укрывалась Божия Матерь с предвечным Младенцем и отколе бежала с ним в Египет, по преданиям вифлеемским, находится вне храма на краю селения. Хотя же приделы Рождества, яслей, волхвов и избиения младенцев точно обретаются в подземелье палестинском, но здесь нет главного — самого подземелья. Темные, излучистые переходы и подземные церкви Печерской лавры в Киеве могут дать понятие о вертепах Вифлеема, а не здешний нижний ярус вашего правильного зимнего собора.

— Весьма трудно угодить очевидцам, — проговорил настоятель и, обратясь ко мне: — Наш Вифлеем вам не понравился; по крайней мере, я надеюсь, что самый храм Воскресения напомнит вам вполне Палестину, ибо он точно сделан по образцу, который принес оттоле старец Арсений Суханов, посыланный Патриархом Иосифом в 1649 году на Восток, для сравнения богослужения нашего с греческим. Никон, вступивши на престол патриарший, когда еще Арсений был в Иерусалиме, велел ему снять точную модель с храма, которая доселе хранится в

нашей ризнице. Мы взойдем южными вратами от колокольни, ибо вы сами знаете, что все прочие закладены в Иерусалиме.

Врата отворились, мы вступили в храм, — радостно затрепетало сердце; что-то родное повеяло мне из-под величественных сводов, из длинных галерей; так некогда вступал я и в святилище Палестины, и оно также показалось мне родственным, ибо я был уже прежде в Воскресенске. Есть невыразимое чувство родства, которое сближает нас не с одними людьми, но и с неодушевленными предметами. Послышится ли прежде слышанный звук, повеет ли знакомым запахом воздух, повторится ли глазам прежний очерк — и звук, и запах, и очерк — все родное, и радуется им сердце как бы своим.

— Что скажете? — спросил архимандрит.

— Я в Палестине!

— А этот храм?

— Храм Святого Гроба, но в том виде, каков он был до разделения его между различными исповеданиями и до пожара. Здесь при самом входе я вижу насквозь собор во всю широту его до северных ворот; так было некогда и в Иерусалимском, но теперь перегородки отделяют главный Греческий собор от окружающей его галереи, и при самом входе в южный притвор Голгофы неприязненная стена возбраняет взорам погрузиться в глубину святилища. Вот направо и самая Голгофа у вас в том положении, как она существовала до пожара; из сего притвора нет двойного широкого крыльца на ее вершину, которое приделано в Иерусалиме, дабы крестные ходы греков и латин не мешали друг другу. Но где же и как спускаете вы с Голгофы плащаницу в Великий пяток?

— Как спускали Иосиф и Никодим Божественное Тело Спасителя с самого креста, — отвечал мне архимандрит. — Я становлюсь с частию братии на высоте Голгофы у самых перил и оттоле спускаю на холстах плащаницу, которую принимает внизу наместник с другими сослужащими.

— Но я здесь не вижу в притворе пред Голгофою того камня, на коем совершилось в Иерусалиме миропомазание тела Господня. Отчего не лежит и у вас подобный же камень, когда вы во всем подражаете местности и обрядам Святой Земли?

— Признаюсь вам, — отвечал архимандрит, — что у нас издавна хранится сей камень, меры иерусалимской, предназначенный для сего места, и я не знаю сам, отчего он доселе не положен.

— В таком случае прошу вас убедительно положить его здесь, чтобы не нарушать священного сходства: ибо плащаница, лежащая у правого столба около входа, вовсе не напоминает камня миропомазания, который преставляется взорам каждого из входящих в храм иерусалимский.

Минуя собор, мы прошли налево в ротунду у Святого Гроба, и хотя я и прежде видел сие великолепное его вместилище, од-

нако же был поражен новым изумлением при виде легкого, глубокого купола, с его семьюдесятью пятью окнами, расположенными в три яруса, кругом трех раззолоченных хоров. Сии три разные венца остроконечного купола давали ему подобие огромной тиары, осеняющей священный памятник, который стоит в ограде шестнадцати пилястров, поддерживающих арки верхней галереи. Самый Гроб Господен, как церковь в церкви, с златыми столбами и главою, довершал своею стройною красою полноту чудного зрелища не для одних только взоров, но и для сердца, ибо я опять, казалось, стоял в Иерусалиме.

— Итак, вы теперь довольны! — сказал мне архимандрит.— Ах! Я опять в Палестине и припадаю к Святому Гробу!

Я пришел в придел ангела, я проникнул в самый утес Святого Гроба, я опять простерся пред каменною плитою, на коей долженствовало лежать Божественное Тело, я готов был повторить те же молитвы, как в Иерусалиме, и мысленно повторил их; ибо все, что окружало, переносило меня к дивному образцу сего места, и полумрак гробового покоя, слабо освещаемого одною лампадой, вместо бесчисленных лампад иерусалимских, давал мне свободу дополнять воображением внутреннее убожество вертепа. О как отрадно находить посреди пустыни житейской такое близкое к истине повторение желанных предметов!

Когда я поднялся с помоста, архимандрит уже стоял за мною и смотрел на меня с чувством участия и любопытства. Безмолвно вышли мы опять в придел ангела сквозь низменное отверстие утеса. Он указал мне камень, который в него вдвигался, отваленный ангелом. Наконец я спросил его:

— Был ли здесь архиепископ горы Фавора Иерофей, присланный за милостынею от Патриарха Иерусалимского?

— Был и плакал при виде сего Гроба,— отвечал архимандрит.

— О как понятно мне сие чувство! — продолжал я. — Размеры те же здесь, как и в Иерусалиме; и гробового покоя, и каменной плиты, где лежало Пречистое Тело, и придела ангела; но здесь стены украшены простым письмом, а там богатым мрамором, и весьма жаль, что вся сия часовня, великолепно вызолоченная снаружи, внутри столь убога, когда подлинник ее устлан одинаковым мрамором извне и внутри. Там камень Гроба служит жертвенником, а отваленный камень престолом посреди придела ангела; здесь же Божественные тайны не совершаются над подобием Христова Гроба. Но низкая дверь, ведущая из придела в самый утес, здесь того же размера, как была она до последнего пожара в Иерусалиме; ныне же ее там просекли выше и нарушили древность святыни.

Так говоря, мы вышли из часовни, и опять ослепил нас великолепный шатер купола.

— Шатер сей,— сказал мне архимандрит, — вначале был каменный, но он обвалился от тяжести в 1723 году, в самый день Вознесения Господня, и пребывал в развалинах до 1749 года;

тогда императрица Елизавета велела, по совету лучших архитекторов, устроить шатер деревянный.

— И тем самым,— прервал я,— умножилось сходство с древним подлинником. Странное дело: в Иерусалиме прежний кедровый конический купол заменен после пожара 1807 года каменным круглым, а у вас наоборот, прежде был каменный, а потом деревянный; но зато он вдвое выше Иерусалимского, в коем не более 15 сажен. И пиластры, которые поддерживают здесь арки верхней галереи, теперь сходны с Иерусалимскими; но прежде там стояли кругом ротунды великолепные мраморные столбы Елены. И так пожар, нарушив подобие в иных предметах, умножил оное в других.

— Взгляните,— продолжал архимандрит,— от дверей Гроба, сквозь Царскую арку, на иконостас главного собора Воскресения и скажите, как будет собор сей против Иерусалимского?

— Сколько могу себе представить,— отвечал я, — кажется, он здесь короче. Много ли считаете вы сажень от часовни Гроба до иконостаса и до горнего места?

— 12 до алтаря и еще 8 до горнего.

— В Иерусалиме же всего 18 до горнего места, и из них только 4 занимает алтарь, а потому самый собор длиннее и соразмернее с прочими частями храма: но зато ваша ротунда и часовня Святого Гроба снаружи несколько больше своего подлинника.

— У нас 11 сажен в ротунде и 6 наружной длины часовни.

— А там только 9 сажен в первой и 4 в часовне, и эта разность в размере приметна. К тому же Царская арка, отделяющая ротунду от собора, у вас сделана поуже, чрез что как будто стеснился самый край, а верхняя галерея, разделяющая на два яруса арку, не существует в Иерусалиме. Но хотя ваш высокий иконостас весьма величествен, там он устроен иначе: вершина его в виде треугольника и не столь высока, ибо на ней повешены била, вместо колоколов, а сверху есть галерея. Оттоле во время моего заключения в храме часто беседовал я чрез слуховое окно крыши с иноками, стоявшими на террасе.

— У нас нет хода над иконостасом, — сказал мне архимандрит, — но мы можем взойти на галерею царской арки, и я уверен, что вы останетесь довольны видом всей церкви, который вам оттоле откроется.

Мы поднялись на хоры с южной их стороны, по той лестнице, которая в Иерусалиме ведет на армянскую половину, где устроены две их церкви, и, миновав малый придел благоверной княгини Ольги, взошли на Царскую арку. Чудное зрелище меня поразило: во все стороны, и вверх и вниз, разбегались взоры по далеким хорам и извивистым галереям, и под крутые арки сводов, и во глубину куполов, и на дно пространных соборов,— и повсюду взор упирался в какую-либо роскошную церковь, в златой или мраморный иконостас; везде сияла какая-либо свя-

тыня, как бы зеркальное отражение двух главных святилищ, соборного алтаря и Святого Гроба, стоявших друг против друга и, подобно двум светилам, раздробляющих лучи свои на бесчисленные вокруг планеты.

Но сколь ни увлекательно было с сей арки зрелище собора, неволько обращались взоры к Святому Гробу, и там, как в некоем море, тонули они в глубокой ротунде и терялись, как в небе, в ее воздушном куполе. И посреди сего моря и неба, глубоких, высоких впечатлений, отрадно являлся очам, как малый остров посреди пучины или светлое облако в эфире,— самый Священный Гроб! Неподвижно стоял я, и смотрел, и не имел слов; архимандрит дал мне несколько времени наслаждаться зрелищем, потом сказал:

— Истинно достоин удивления храм сей, и всякий, кто только его видел, восхищается. Не говоря уже о красоте зодчества и о священном подобии, нельзя не изумляться обширности и вместе стройности всех частей. Можно в одно время совершать обедню на нескольких престолах, и одна литургия не воспрепятствует другой, ибо голоса не будут сливаться. Здесь со времени основания храма каждая царственная десница устрояла придел в честь тезоименитого святого; но всех великолепнее придел во имя благоверного князя Александра, который вы видите подле сей царской арки, в симметрии с приделом Святой Ольги. Государь император устроил его в память рождения своего наследника.

— Но скажите, — спросил я наконец, — неужели Патриарх Никон довершил сам строение сего храма? Он так долго был в заточении.

— Патриарх Никон,— отвечал архимандрит,— построил сперва на сем месте в 1656 году, малую деревянную церковь во имя Воскресения Христова, потом, получив модель из Иерусалима, он приступил к созиданию сего храма и воздвиг его почти по самые своды в течение девяти лет вольного своего заключения в сей обители, когда оставил жезл свой в московском соборе и перестал заниматься делами патриаршими. Он прожил все сие время в пустынном столпе, на берегу Истры, его Иордана, и заботился ревностно о строении храма, делая сам кирпичи и нося их, как простой каменщик. Когда же, по суду восточных Патриархов, был он совсем отчужден от патриаршеского служения и сослан на Белоозеро, остановилась и работа храма, и в таком положении оставался он 13 лет, доколе царь Феодор Алексеевич по любви своей к заточенному Никону не повелел продолжить строение. Благочестивая царевна Татьяна Михайловна много пожертвовала денег и утварей для довершения обители; но здание было окончено только в 1685 году, уже при двух царях Иоанне и Петре, и храм освящен в их присутствии Патриархом Иоакимом. По разрушении же каменного шатра над Святым Гробом и после бывшего пожара церковь сия опять пребыла в запустении 26 лет, доколе благочестивая императ-

рица Елизавета Петровна, тронутая величием обители, не повелела возобновить ее со всевозможным великолепием, назначив архитектором знаменитого графа Растрелли. Архимандрит Амвросий, впоследствии архиепископ Московский, убиенный мученически во время чумы, был ревностным исполнителем воли монаршей, и он после Патриарха Никона может почитаться вторым создателем Нового Иерусалима.

— Я покажу вам на хорах портреты обоих, — продолжал архимандрит и вывел меня в ту же галерею, из которой мы взошли на арку.

Там, около придела святого Павла-исповедника, остановился я пред большою картиною Никона-Патриарха. Во весь рост написан Святитель, на амвоне и в полном облачении; около него стоят разноплеменные ученики его, братия новой обители: архимандрит Герман, иеромонахи Леонид и Савва и архидиакон Евфимий, иподиаконы Иосиф и Герман и монахи Илиодор и Серафим, с надписью имени над главою каждого. Лица их уже начали тускнеть и стираться от времени и сырости, помрачивших всю картину, писанную с натуры; но еще резко отделяется величественная фигура Никона. Всею грудью и мышцами подымается он над главами его окружающих, и необыкновенный рост его возвышен еще важною осанкою; темно-русые, почти черные волосы падают из-под богатой митры на широкие плечи, и густая темная борода осеняет грудь; строгое, отчасти суровое выражение в правильных, больших чертах лица его, исполненного мужественной красоты; на устах нет приветливой улыбки, но сильная душа Никона напечатлелась в огненных черных глазах, и чрез слишком полтора столетия по его смерти они будто еще говорят и проницают душу; внешний Никон вполне отражал в себе внутреннего.

Долго смотрел я на картину; мне казалось, живой Патриарх властительски стоит передо мною, и я припоминал себе многие резкие черты его неодолимого характера, собранные в красноречивом описании жития учеником его Шушериным: как обитал он отшельником в дикой Соловецкой пустыни, как в сане Митрополита усмирял с опасностию жизни стрелецкий мятеж и как уже на патриаршем престоле был другом царя Алексия. Далее представился мне суд над ним восточных Патриархов, и горькое низложение, и еще горшее заточение на Белом озере, не преломившие твердости его нрава, впрочем, конечно, не без благой цели допущенные Провидением, которое иногда из сильных, натуральных характеров крепкими ударами судеб вырабатывает благодатную чистоту христианского терпения.

— У вас ли, — спросил я архимандрита, — черный клобук его с жемчужными херувимами, который сняли с него восточные Патриархи, когда он отрекался сложить его сам с главы своей, как знамение иночества?

— В ризнице хранится он, — отвечал архимандрит, — вместе с прочею его домашнею утварью, весьма простою в сравнении с ве-

ликолепием его церковной утвари, в которой он любил чрезвычайную пышность, а его тяжкие вериги вы увидите на его гробе. Но прежде я поведу вас к гробам Иосифа и Никодима и попрошу продолжать сравнение обоих Иерусалимов. Мы не будем останавливаться у приделов, которые не существуют в древнем, дабы не сделать замешательства, ибо здесь их считается до тридцати.

Спустясь с хоров, мы достигли западной оконечности храма, позади часовни Святого Гроба, и там, в галерее, на том же месте, как в Иерусалиме, которое принадлежит сириянам, архимандрит показал мне две могилы двух благочестивых погребателей Христовых. Потом он привел меня, тою же круглою галереею, к колодцу, принадлежащему в Иерусалиме латинам, ибо там их малый монастырь пристроен к северной стороне храма, а главная церковь на самом том месте, где северные врата в Воскресенске; малый же их придел Марии Магдалины, в память явления ей Спасителя, устроен и здесь благочестием императрицы Марии Феодоровны. Оттоле прошли мы в церковь Успения, называемую Гефсиманиею, и я увидел темницу Христову.

— Не только сей церкви, — сказал я настоятелю, — но и северного притвора, который у вас устроен для симметрии с южным Голгофским, нет в Иерусалиме, и такие прибавления нарушают сходство; здесь, как видно, основатели не только хотели соблюсти правильность зодчества, но желали еще совокупить в одном храме воспоминания многих святых мест, рассеянных в Иерусалиме и по всей Палестине. То, что вы называете темницею Христовою, по моему замечанию, есть тесная пещера, посвященная латинянами памяти слез Богоматери, ибо подле они показывают в Иерусалиме два отверстия в помосте, служившие будто бы колодами для ног Спасителя,— преданис совершенно произвольное; но хотя самая темница у вас на том же месте, где и там, однако же вход в нее должен быть из галереи, а не из Гефсиманского притвора, которого, как я уже сказал, там нет. Теперь пойдемте по галерее кругом соборного алтаря.

— Вот придел Лонгина Сотника,— сказал мне архимандрит.

— Он есть и в Иерусалиме,— продолжал я,— и принадлежит грекам.

— Вот придел Андрея Критского, устроенный на том месте, где в палестинском храме закладены восточные врата.

— Вы сами сознаетесь, что его нет в Святой Земле; как жаль, что такими неуместными прибавлениями беспрестанно нарушается подобие. На хорах дело иное, но здесь, казалось бы, все должно быть верным.

— Вот придел Разделения риз, прямо против средины главного алтаря, и несколько далее придел Тернового венца в память поругания Спасителя. Между ними спускается лестница в подземную церковь Обретения креста.

— Я опять узнаю местность иерусалимскую, и Армянский престол Разделения риз, и Греческий Тернового венца, хотя оба, как и

Лонгинов, там без иконостасов, и служба совершается на открытых престолах.

Мы спустились к честному кресту по тридцати трем ступеням, как и в Иерусалиме, в подземелье царицы Елены, поддерживаемое четырьмя тяжелыми столбами. Я увидел опять церковь святой Елены и в алтаре оной окно, пробитое в камне, у которого сидела царица, когда открывали честный крест; но с левой стороны сей церкви придел Утоления печали заменил Иерусалимский благоразумного разбойника. Еще одиннадцать ступеней низводят к приделу Епископа Кириака и к колодцу, где обретен был самый крест. В Палестине на месте сего кладезя стоит Греческий престол честного креста, на месте же придела святого Кириака латинский, также в честь креста Господня.

— Вот мы прошли весь храм от одного края до другого, скажите мне теперь, — обратился я к архимандриту,— сколько, считаете вы, в оном длины и ширины?

— Длина его от стены и до стены, — отвечал он, — 50 сажен, а широта 20; но без подземной церкви Обретения внутренней долготы будет только 36 сажен.

— Итак, Воскресенский храм пятью саженями длиннее Иерусалимского, а широта его та же; внутренняя же долгота Палестинского святилища, от гробов Иосифа и Никодима до придела Разделения риз, с небольшим 32 сажени, следовательно, и здесь он уступает четырьмя саженями Воскресенскому. Но возвратимся в собор; мы еще не были в главном алтаре его и на Голгофе.

Мы поднялись опять в галерею, и архимандрит указал мне, подле придела Тернового венца, келию Патриаршую, которая, может быть, принадлежала некогда Святителю в Иерусалиме, но теперь обращена там в поварню заключенного храма. Рядом с нею неправильно означается место жертвоприношения Исаака, ибо оно снаружи примыкает к Голгофе и находится в отдельном склепе монастыря Авраама, не имеющем никакого сообщения с храмом. Еще страннее перенесена сюда Самарийская темница Иоанна Предтечи, отстоящая на три дня пути от Иерусалима; здесь она помещена под жалостным путем на Голгофу, который теперь уже уничтожен в древнем храме. Любопытно, что верхние его ступени каменные, а нижние деревянные; ибо когда обсекли прямым уступом утес Голгофы, часть ступеней должно было доделать вне скалы, и их срубили из дерева. Против сего жалостного пути мы взошли из галереи в боковые южные двери соборного алтаря.

Обширность его и, вместо восточной стены, пять легких арок на столбах, чрез которые можно видеть, как прежде бывало в Иерусалиме, заднюю галерею с приделом Разделения риз, и горнее место на десяти ступенях, с престолами пяти вселенских Патриархов, и хоры о семи ярусах на внутренней стене иконостаса, в память седми Вселенских соборов, — все давало чрезвычайное величие алтарю сему, достойному подобного святилища. Архимандрит объяснил мне, что на сих хорах становились певчие патри-

аршие, и по мере возвышающейся торжественности святой литургии восходили все выше и выше, и стояли наконец на крайней высоте, как ангелы на небесах, во время совершения самого таинства — какая глубокая мысль!

— В Новом Иерусалиме,— говорил архимандрит,— есть некоторые отличия в самых обрядах при богослужении, перенесенные отчасти с Востока. Малые и великие выходы во время литургии совершаются здесь, не из северных дверей алтаря в соборе, но из боковых в галерею, и шествие продолжается вдоль нее к ротунде Святого Гроба, а оттоле чрез весь собор к царским вратам, которые свещеносец отворяет снаружи, когда уже все духовенство стоит пред ними. Но в Страстную седмицу священные обряды становятся у нас еще торжественнее, и они совершенно напоминают обряды древнего Иерусалима. Двенадцать Евангелий о страстях Господних читаются на Голгофе, пред самым крестом, равно как и часы Великого пятка, и у подножия сего же креста полагается плащаница, для которой приготовляют два одра, один на Голгофе, а другой внизу у камня миропомазания. В установленный час мы опускаем плащаницу на холстах с вершины священной горы и, в память повития, положив у камня на одре, несем на оном около всего алтаря по галерее в собор Воскресения, где остается она до утра Великой субботы. Тогда же после пения: слава в вышних Богу,— мы опять подымаем плащаницу вместе с одром, и снова несем к камню повития, где читается трогательное Евангелие: «По сих же моли Пилата Иосиф, иже от Аримафеи сын ученик Иисусов, потаен же страха ради иудейска, да возмет тело Иисусово». Оттоле шествие продолжается вновь кругом алтаря соборного и кругом всей ротунды Святого Гроба, с тремя литиями, позади горнего места пред разделением риз, у северных врат храма, и позади часовни гроба, и после троекратного вокруг нее обхождения я вместе с одним священником, сняв с одра плащаницу, вношу ее во гроб и полагаю на камне, где долженствовало лежать Божественное Тело, а у самых дверей Гроба читается Евангелие, оканчивающееся сими словами: «Они же шедшее утвердиша Гроб знаменавше камень с кустодиею».

На литургии другой не менее трогательный обряд умиляет сердце; во время пения вечерней песни: свете тихий, духовенство исходит из соборного алтаря и, обойдя всю ротунду, становится пред часовнею Гроба, и, когда церковь благоговейно внемлет стихи сии: «Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний» — мы опять выносим из Святого Гроба плащаницу и, взошедши в алтарь, расстилаем ее на престоле. В канун Вознесения, в праздник отдания Пасхи, снова повторяется вся утренняя церемония Великой субботы, с тою только разницею, что плащаницу не оставляют во Святом Гробе, но, тотчас же подняв с камня, несут жалостным путем на Голгофу, в церковь Страстей Господних, где всегда она пребывает на престоле.

— Возжение святого огня в Великую субботу, которого вы были свидетелем в Иерусалиме, воспоминается у нас торжественною церемониею в самый день Пасхи. Подобно как и в Палестине, весь духовный собор в полном облачении, без светильников, исходит из алтаря с песнею: «Воскресение твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси» — и, обошедши однажды галерею и трижды часовню Гроба, останавливается пред нею. Я один вхожу с диаконом во святилище Гроба и там, возжегши приготовленные свечи огнем от лампады, подаю их из самого вертепа диакону с приветствием: Христос воскресе! А он передает их чрез окно, из преддверия Ангела, по обряду Святой Земли, духовенству, и тогда, взошед во Святой Гроб для поклонения, оно начинает в преддверии самую утренню. При пении же канона Пасхи: «Да воскреснет Бог» — мы снова исходим к народу, и утреня оканчивается в соборном алтаре, как и в древнем Иерусалиме, которому новый не уступает подражанием великих обрядов. Для большего же подобия во всякое время дозволено петь утреню Пасху пред Святым Гробом для приходящих богомольцев.

Беседуя таким образом, мы взошли на Голгофу, но не жалостным путем, а особенным восходом из алтаря.

— Вы видите, — продолжал архимандрит, — у нас нет престола на самом месте распятия, а только водружен кипарисовый крест, на краю обсеченного утеса, близ расселины, напоминающей ужас самых камней, и вот подле драгоценная икона, присланная с Афона Патриарху; она поставлена здесь на том месте, где стояла при кресте Пречистая Дева. Страшное же воспоминание искупительной жертвы совершается у нас на другой половине Голгофы, в приделе Страстей Господних, по описанию, принадлежащем в Иерусалиме латинам; а у наружного крыльца на Голгофу, вместо их церковицы во имя Святой Елены, которая отделена от храма, здесь устроен придел Марии Египетской, в память ее моления пред иконою Владычицы. Замечательны железная узорчатая дверь, ведущая снизу в сей придел, и другая подобная на Голгофе: они обе присланы из-за моря.

О, как живо напомнила мне сия Воскресенская Голгофа Голгофу Палестины, как утешительно повторились опять моему сердцу священные ночи Страстной седмицы, проведенные на сем искупительном утесе, который одолел врата ада!.. Молча стоял я и припоминал себе каждое мгновение, каждое место молитвы; я смотрел на высокий кипарисовый крест и не сожалел, что не было пред ним престола, как в Иерусалиме! Иконостас алтаря закрыл бы неправильный уступ утеса, где водружен был самый крест, и расселину Голгофы, и отверстия в камне, где стояли кресты двух разбойников, посреди коих мерилом праведным был крест Господен, когда один из них низводился в ад тяготою хуления, а другой облегчался от грехов познанием Бога. В Иерусалиме же на открытом престоле совершается страшная жертва, как бы в обличение дерзающих без трепета предстоять ей на дрогнувшей Голгофе.

— Ваша Голгофа, — сказал я архимандриту,— есть драгоценный снимок с древнего образца ее, каков он был до пожара. Самая неправильность косого уступа скалы ручается за верность подражания; но там та же рука, которая дерзнула возвысить низменные двери Святого Гроба, коснулась и священного утеса Голгофы и обсекла его в виде прямой ступени. Нет там более и жалостного пути, уничтоженного по распрям разноплеменных, а здесь вы ежегодно воспоминаете на святых его ступенях тяжкое несение креста. Теперь, в свою очередь, ваша Голгофа могла бы служить образцом иерусалимской! Но скажите, кто изображен на этой потускневшей картине, которая висит на среднем столбе, поддерживающем своды Голгофской церкви?

— Здесь четыре лица,— отвечал архимандрит,— два, стоящих в одежде царской, — равноапостольные Царь Константин и матерь его святая Елена, основатели Иерусалимского храма; у ног их, преклоненные на коленях, также в облачениях царственных,— благочестивые зиждители Нового Иерусалима, царь Алексий Михайлович и супруга его Мария Ильинишна.

— Как прилично и выразительно,— прервал я,— эта картина в своем роде то же, что и надпись: — Петру Первому — «Екатерина Вторая».

— Теперь пойдем под Голгофу поклониться праху самого строителя Патриарха Никона,— сказал архимандрит, и мы сошли жалостным путем в южный притвор, а оттоле в темную церковь Предтечи под Голгофою. Невольно остановился я в тесных дверях ее и взглянул по сторонам; но не было здесь, у входа, царственной стражи гробов Готфреда и Балдуина! Грустно вспомнил я, что нет их более и в Иерусалиме; и там одни лишь места истребленных гробниц! Мрачно было в церкви Предтечи, будто в недрах земли; направо от входа теплилась в углу лампада пред иконою Пречистой Девы, едва освещая каменный гроб и на нем тяжкие вериги.

— Отец архимандрит, прочтите литию над сим гробом,— сказал я.

И он произнес:

— Еще молимся о упокоении души усопшего раба Божия святейшаго Патриарха Никона, и о еже проститеся ему всякому прегрешению, вольному же и невольному.

По возглашении вечной памяти архимандрит говорил мне:

— Сия икона была келейною Патриарха и всюду ему сопутствовала, вот и другая, медная, складная, которую носил на груди; она столь же тяжела, как и самыи вериги, но хотя их едва может поднять рука ваша, Патриарх Никон не снимал их с себя ни в течение девяти лет, проведенных здесь, на столпе своем, в самовольном изгнании, ни во время пятнадцатилетнего заточения на Белом озере. Так ревностно любил он труды постнические, к коим приучил себя еще в Анзерском ските, на диких островах Соловецких. Видели ль вы здесь его пустынный столп или скит в долине, на берегу Истры?

— Прежде я посещал его и дивился странному устройству келий и тесноте двухъярусной церкви Благовещания и верховных Апостол, где едва может помещаться один служащий.

— Там, однако же, помещался девять лет Никон по примеру древних столпников и, будучи еще во всем величии высокого сана, служил ежегодно литургию как простой пресвитер. С вершины уединенного столпа своего Патриарх по любви ко всему, что только могло переносить его мысленно во Святую Землю, дал окрестности названия Палестинские. Истра текла для него Иорданом; малый проток, изрытый им недалеко от пустыни, был назван Кедроном, ибо он протекал близ Нового Иерусалима, село Скудельничье и Назарет, и Рама и Уриина роща явились вокруг его обители, и священные горы: Елеон, и Фавор, и Ермон повторились именами на соседних высотах. Здесь же, под Голгофою, избрал он сам себе успокоение на том месте, где погребен в Иерусалиме священник Бога вышнего Мельхиседек, и здесь с трогательною любовию к усопшему упокоил сего благочестивый царь Феодор Алексеевич.

Я продолжал речь архимандрита:

— Если трогательно погребение Патриарха кротким царем Феодором, еще умилительнее кончина Никона на возвратном пути его из заточения. В самый тот день, когда пришло в Кириллов монастырь милостивое разрешение Царя и Патриарха: возвратить узника в его Воскресенскую обитель, он еще заранее, по тайному предчувствию, собрался в путь и, к общему изумлению, велел собираться своей келейной братии; скоро указ царский разрешил недоумение. С трудом посадили в сани изнуренного болезнями старца, чтобы влечь по земле до струга на реке Шексне, по которой спустилися в Волгу; здесь приветствовали его посланные от братии Воскресенского монастыря. Никон велел плыть Волгою вниз к Ярославлю и, причалив у Толгского монастыря, приобщился запасных даров, ибо начинал крайне изнемогать. Игумен с братиею вышли к нему на сретение и с ними вместе сосланный на покаяние враг Никона, бывший архимандритом Сергий, который во время суда содержал его под стражею и осыпал поруганиями. Сему Сергию, заснувшему в трапезе в час приплытия Патриарха, виделся сон: сам Никон ему явился, говоря: «Брате Сергие, востани, сотворим прощение!» И внезапно постучался в двери монастырский сторож с вестию, что шествует Волгою Патриарх и братия уже потекла на встречу. Вслед за нею устремился раскаявшийся Сергий и, увидя умирающего, со слезами пал к его ногам и испросил его прощение. Патриарху уже наступала смерть, когда опять тронулся струг по водам. Граждане ярославские, слыша о его пришествии, стеклись к реке и, видя старца на одре смертном, с плачем к нему припадали, целуя руки и одежды и прося благословения; одни влекли вдоль берега струг, другие же, бросаясь в воду, им помогали; так причалили к обители всемилостивого Спаса — и здесь ожидала встреча архимандрита и воеводы.

Изнемогающий страдалец уже ничего не мог говорить, а только давал всем руку. Тогда духовник его и диак царский велели перевесть струг на другой берег, чтобы избавиться от толпы народной. Ударили в колокол к вечерне — Никон стал кончаться. Озираясь, будто кто пришел к нему, сам он оправил себе волосы, и браду, и одежды, как бы готовясь в дальнейший путь; духовник с братиею прочитали отходные молитвы, Патриарх же, распростершись на одре и сложив крестообразно руки, вздохнув,— отошел с миром. Между тем благочестивый царь Феодор, не зная о его преставлении, послал навстречу карету свою со множеством коней; когда же узнал, прослезился и спросил: что завещал о своей духовной Никон? Услышав же, что усопший избрал его, как крестного сына, своим душеприказчиком и во всем на него положился, кроткий царь с умилением сказал: если так святейший Никон-Патриарх возложил на меня всю надежду, воля Господня да будет и я его в забвении не положу! Он велел везти тело его в Новый Иерусалим!

Я остановился, архимандрит молчал.

— Вы так снисходительны,— сказал я,— что слушаете меня со вниманием, как будто я рассказываю что-либо для вас новое.

— И точно для меня совершенно ново,— отвечал он, — слышать повествование о кончине Патриарха над самою его гробницею.

— И близ нее мы расстанемся,— возразил я,— мне уже время продолжать путь свой к Волоколамску, а радушный прием ваш навсегда останется в моей памяти.

Мы расстались.

Из-под арки Святых ворот опять окинул я прощальным взором величественный храм Воскресения; потом, переступив за ограду Нового Иерусалима, грустно пошел к Елеону, повторяя в мыслях стихи псалма:

«На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона. Аще забуду тебе Иерусалиме, забвенна буди десница моя. Прилепни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего!»

Иван Бриллиантов

ПАТРИАРХ НИКОН В ЗАТОЧЕНИИ НА БЕЛООЗЕРЕ[1]

(Исторический очерк)

При выходе из обители Ферапонтовой, равно как и при входе, невольно встречает и провожает вас память о Никоне, бывшем Патриархе, потому что он ее прославил долгим своим заточением.

А. В. Муравьев

Во второй половине XVI века на Руси совершилось событие, беспримерное в летописях Русской Церкви. Глава Русской Церкви, замечательнейший ее иерарх, выдвинувшийся из среды народа своим умом, энергией и богатством духовных дарований, — знаменитый патриарх Никон пал жертвой искусно веденной интриги своих многочисленных врагов. Падение могущественного патриарха завершилось полным его унижением и торжеством над ним его врагов: он был осужден на соборе, лишен сана и отправлен в ссылку на Белоозеро в далекий Ферапонтов монастырь. Так закончилось дело патриарха Никона, которое, по справедливому за-

мечанию одного исследователя, «представляет единственную драму, какой не повторялось в истории Русской Церкви». Из «великого государя патриарха», вершившего некогда судьбы Русской Церкви и государства, Никон после соборного осуждения становится простым ссыльным монахом и доживает свой век в далеких монастырях, испытывая горечь унижения и торжества над собою своих врагов, которые всеми силами старались вредить ему до самой его смерти. Много людской злобы и несправедливости испытал на себе великий патриарх. Православные иерархи, одобрившие потом его начинания и реформы, отчасти из личной неприязни, отчасти в угоду царю и боярам, слишком строго и несправедливо осудили его и даже лишили сана; раскольники объявили его антихристом и сочиняли о нем нелепые рассказы. Патриарх, убежденный в правоте своего дела, был слишком впечатлителен по своей натуре, чтобы оставаться спокойным среди всевозможных унижений и злобных клевет. Во все время ссылки он находился в болезненно-тревожном настроении; его измученная душа не знала покоя от тягостных волнений и тревог. Тяжесть ссылки для Никона заключалась не столько во внешних условиях жизни, которые притом не всегда бывали одинаково суровы, сколько во внутреннем мучительно-беспокойном состоянии души. В течение целых пятнадцати лет томился в ссылке знаменитый патриарх, и эти пятнадцать лет были последним актом его замечательной жизненной драмы. В первое время ссылки пред нами все тот же патриарх-богатырь с его властным непреклонным характером, с прямой суровой речью на устах, требовавший порядка и исправности во всем, даже в мелочах обыденной жизни. Но годы суровой ссылки подточили могучий организм, скоро приблизилась старость с ее болезнями: Никон, этот «величайший характер в летописях русской иерархии»[2], видимо слабел и телом и духом.

Печально было видеть, как этот пастырь, сильный словом и делом, медленно угасал где-то под спудом в далекой белозерской пустыне в то самое время, когда его ум и энергия особенно нужны были для блага церкви и родной земли. На более беспристрастных современников Никона бедственная участь его произвела тяжелое впечатление. Известно, что некоторые епископы плакали, присутствуя при низложении Никона. Епископ черниговский Лазарь Баранович, бывший свидетелем низложения Никона, так описывал потом свои впечатления: «Зрелище было изумительное для глаз и ужасное для слуха; я страдал и издыхал от ударов, переносил ужасы и упал духом, когда погасло великое светило». В универсале гетмана Брюховецкого, который восстал против Московского государства в 1667 году, самым гнусным делом москалей названо то, что «они свергли святейшего отца-патриарха, который учил их иметь милость и любовь к ближнему»[3]. Сочувствием народа к низложенному «боярами» Никону хотели воспользоваться и донские казаки для своих мятежных целей и этим, как увидим ниже, навлекли новые беды на голову злополучного патриарха.

I

Собор судивших меня патриархов
ставлю я ни во что.

Патриарх Никон

Никогда еще старая Москва не видела у себя такого блестящего собора иерархов, как в конце 1666 года. В это время здесь были два восточных патриарха, александрийский Паисий и антиохийский Макарий, десять митрополитов (из них шесть не русских), семь архиепископов, четыре епископа, тридцать архимандритов, кроме игуменов, протопопов и других духовных лиц. Все они были приглашены на собор царем Алексеем Михайловичем с целью положить конец делу патриарха Никона, который вследствие своей размолвки с государем удалился с патриаршего престола и проживал в своем любимом Воскресенском монастыре. Послано было и к Никону приглашение явиться в Москву на соборный суд. Знал патриарх, что ничего доброго ему нельзя ожидать от этого собора, где одни из иерархов имели личную вражду к нему, другие готовы были действовать против него в угоду царю и боярам. Получив приглашение явиться в Москву на суд, он совершил таинство елеосвящения, помазав освященным елеем себя, весь причт и братию, а на другой день отслужил литургию[4], в конце которой сказал братии поучение о перенесении скорбей. Прощаясь с братией, патриарх как бы знал, что ему не суждено вернуться живым в обитель. Мог ли он предчувствовать, что через пятнадцать лет он вернется сюда уже бездыханным телом и будет погребен в той самой церкви, где он совершал теперь свою последнюю литургию?

1 декабря в Столовой палате царского дворца было первое заседание собора по делу о Никоне под председательством царя, который явился сюда в сопровождении знатнейших бояр, думных дворян и дьяков. За подсудимым патриархом послали архиепископа и двух архимандритов с наказом, чтобы он шел на собор «смиренным образом». Никон не захотел повиноваться этому наказу. Он отправился на собор в преднесении креста, сани его с трудом двигались среди теснившейся на пути толпы народа, которому он раздавал благословение. Проезжая мимо соборов Успенского и Благовещенского, где в то время совершалась обедня, патриарх хотел было зайти туда помолиться, но двери собора закрывались пред ним, и огорченный патриарх, поклонившись храму, следовал далее.

Торжественно вступил Никон в столовую палату, где ожидал его многолюдный собор. Все невольно должны были встать при появлении московского патриарха в преднесении креста, в мантии

и с посохом в руках. Никон прочитал вслух входную молитву, молитву о здравии царя и поклонился до земли царю трижды, а патриархам дважды и на обе стороны, где сидели архиереи и бояре. Патриархи пригласили Никона сесть и указали ему место на ряду с архиереями, но он счел такое предложение унизительным для достоинства московского патриарха и гордо заявил, что он места с собой не принес. Взяв снова посох в руки, он простоял до конца заседания, которое длилось около 10 часов.

Известно, что такое представлял собою суд над патриархом Никоном[5]. Это не было спокойное разбирательство дела, это был шумный крикливый спор. Порядка в допросах не было, и самые допросы за недостатком серьезных обвинений часто принимали вид мелочных упреков. Никон на одни вопросы презрительно молчал, на другие — давал решительные и иногда резкие ответы, не оставаясь в долгу у своих противников. Раздраженный придирками врагов, Никон в конце заседания сказал царю: «Только бы ты Бога боялся, и ты бы не так надо мною делал».

3 декабря было второе заседание по делу о Никоне, Никона на него не пригласили, а совещались о том, что необходимо строго судить его за разные вины и главным образом за досадительные речи о государе и архиереях в письме константинопольскому патриарху Дионисию. Вселенские патриархи были уже так враждебно настроены против Никона, что прямо говорили: ему-де не подобает ни в чем верить.

На третье заседание, состоявшееся 5 декабря, был опять приглашен Никон. Это заседание было еще более беспорядочным и бурным, чем первое. Никон, еще на первом заседании с недоверием относившийся к полномочиям патриархов, приехавших судить его, теперь прямо объявил, что, по известиям, полученным от греков, приехавшие патриархи не могут называться истинными патриархами, так как на их места поставлены другие. Это заявление вызвало бурю негодования прежде всего в самих патриархах. Еще с большим усердием они стали обвинять Никона, повторяя прежние обвинения, и за недостатком новых обвинений, ставя ему в вину даже такие мелочи, как ношение черного клобука с херувимами или двух панагий, преднесение креста, название Воскресенского монастыря Новым Иерусалимом и прочее. Никон с презрением и иронией отвечал своим обвинителям, что еще более их раздражало. «Широк ты здесь, — сказал он антиохийскому патриарху, — а как ответ дашь перед константинопольским патриархом?» Бояре, главные враги Никона, при всем желании обвинить его, молчали, не зная, что́ сказать, и боясь попасть под острый язык патриарха. «Благочестивый царь, — с иронией говорил Никон, — девять лет они готовились к этому дню, а теперь и рта не могут открыть. Прикажи уж им лучше бросать в меня камни, это они скорее могут сделать».

Рассказывают, что во время этого заседания царь, сойдя со своего места, подошел к Никону и, перебирая четки, которые пат-

риарх держал в руках, начал тихо говорить ему: «Святейший, зачем ты положил на меня великий зазор? Отправляясь на собор, ты соборовался и причастился, как на смерть. Неужели я за все прежнее добро отплачу тебе злом?» И царь начал клясться, что у него и в мысли нет сделать ему зло.

«Благочестивый царь, — сказал ему Никон, — не возлагай на себя таких клятв, поверь, что мне готовятся многие беды и скорби». Царь заговорил было о примирении, о желании своем разрушить «средостение» вражды. «Хорошее дело задумал ты, царь, — с горькой усмешкой сказал Никон, — но знай, что оно не будет совершено тобою, и я должен буду до конца испытать на себе твой гнев». Это была последняя беседа двух бывших друзей: больше они уже не видели друг друга.

Нетрудно было предвидеть исход соборных рассуждений. Патриархи, раздраженные резкими ответами Никона, говорили: «По нужде и дьявол исповедует истину, а Никон истины не исповедует» — и признали его достойным лишения сана. Спустя неделю соборный приговор был торжественно объявлен Никону и приведен в исполнение. 12 декабря утром члены собора собрались в небольшой церкви Чудова монастыря. Царь не желал присутствовать на низложении своего бывшего собинного друга и послал вместо себя бояр. Некоторые архиереи также желали уклониться от тяжелой сцены низложения Никона и явились на собор против своей воли. Симон, архиепископ вологодский, сказался больным, но его все-таки принесли в церковь на ковре и положили в углу, где он плакал горькими слезами. Патриархи и архиереи облачились в мантии, надели омофоры и митры, прочее духовенство стояло в ризах. Никон, войдя в церковь, помолился иконам и, поклонившись патриархам дважды в пояс, стал у западных дверей. После краткого молитвословия патриархи приказали читать соборное определение сначала по-гречески, потом по-славянски. «Сотворихом его всякого священнодейства чюжда, — громогласно читал архиепископ рязанский Иларион, — во еже бы ему ктому не действовати архиерейских, ибо его совершенно низложихом мы патриарси с омофори и с епитрахили пред всем освященным собором, изъявляюще отныне вменятися и именоватися простым монахом Никону, а не ктому патриархом московским... Место паки его пребыванию до кончины жития его назначеновахом в монастыре, во еже бы ему беспрепятно и безмолвно плакатися о гресех своих. Повелехом же при нем быти благоискусному коему мужу архимандриту опасения ради, да не дерзнет кто от бесчинных ругатися ему и обиду творити; и он же сам впредь да не дерзнет коварств каких составляти. Еще же завещахом при нем быти честному мужу дворянину с малым числом людей служилых, всякого опаства ради, дабы к нему и от него мятежным писаниям не исходити. ...Аще же кто от ныне дерзнет именовати его впредь патриархом, да будет повинен во епитимиях святых отец». Никон и здесь возражал против обвинений, объявленных в приговоре, но патриархи спешили

приступить к обряду низложения. Прочитав молитву, они рукою показали Никону и сказали чрез толмача, чтобы он снял с себя клобук. Никон наотрез отказался исполнить это требование, говоря, что, когда он принимал иноческий образ, то клялся сохранить его до конца жизни. «И если я достоин низложения, — говорил он, — то почему вы совершаете его тайно в этой маленькой церкви? Почему нет здесь ни государя, ни народа? Пойдемте в собор, где я принимал патриаршество при государе и при народе». — «Там или здесь, — отвечали патриархи, — все едино, а что государя здесь нет, в том воля его царского величества».

Патриарх александрийский, носивший титул судии вселенной, приблизился к Никону и сам снял с него клобук с жемчужным крестом и драгоценную панагию. «Бедные вы странники, — среди общей тяжелой тишины заговорил низлагаемый патриарх, — приходите вы к нам из далеких стран не для того, чтобы сделать доброе или устроить мир, а для того, чтобы получить милостыню. Возьмите себе это, — сказал он, указывая на клобук и панагию, — и разделите между собой, достанется вам жемчугу золотников пять-шесть да золотых по десяти: пригодится для уплаты дани султану».

На Никона надели простой клобук, снятый с головы стоявшего тут греческого монаха. Но мантии и посоха не решались теперь взять у него «страха ради всенародного». Патриарх Александрийский начал говорить наставление Никону, чтобы он именовался впредь простым монахом и в монастыре бы жил тихо и безмятежно и о своих согрешениях молил всемилостивого Бога. «Знаю я и без вашего поучения, как жить», — сурово отрезал Никон рацею лицемерного грека[6]. Местом ссылки Никона назначен был древний Ферапонтов монастырь на Белоозере.

Никон вышел из церкви в мантии и с посохом, так что толпившийся народ мог не подозревать, что патриарх уже лишен сана. «Никон, Никон, — со вздохом сказал низложенный патриарх, садясь в сани.— Отчего это приключилось с тобой: не говори правды, не теряй дружбы. Если бы ты вечерял с ними за роскошными трапезами, то этого не случилось бы с тобой». Никон отправился на архангельское подворье, где он жил. По поручению собора его провожали два архимандрита Павел и Сергий, за ними следовали стрельцы. По обеим сторонам пути стояла густая толпа народа. Архимандрит Сергий все время злобно ругался над низложенным патриархом. «Молчи, молчи, Никон», — кричал он ему всякий раз, как патриарх начинал говорить с окружающими. «Скажите ему, — заметил Никон, — если он имеет власть, то пусть придет и зажмет мне рот». Эконом Никона передал эти слова Сергию, причем назвал Никона святейшим патриархом. Злобно закричал на эконома Сергий: «Зачем, чернец, называешь его патриархом, он уже не патриарх, а простой монах». В это время из толпы раздался окрик на самого Сергия: «Как ты смеешь кричать на патриарха, имя патриаршее дано ему свыше, а не от тебя, гор-

дого!» Сергий обратился к стрельцам с приказанием разыскать дерзкого обличителя, но ему сказали, что виновный уже схвачен и отведен, куда следует. «Блажени изгнани правды ради», — сказал при этом Никон.

Весь этот день Никон провел у себя на архангельском подворье и старался быть спокойным, занявшись чтением любимых им толкований Златоуста на послания апостола Павла. Но злобный Сергий и тут не хотел оставить в покое злополучного патриарха. Сняв с себя камилавку и нахально развалившись на скамье против Никона, он всячески старался досадить ему насмешками и издевательствами. «Сергий, — сказал наконец выведенный из терпения патриарх, — перестань лаять на нас, как наученный этому пес». Но Сергий не унимался. За вечерним богослужением в церкви подворья монахи Никона по-прежнему поминали его патриархом. Сергий поднял шум по этому поводу, но монахи его не слушались. Это был последний день, проведенный Никоном в Москве, накануне отправления его в далекую ссылку.

На следующий день, 13 декабря, рано утром явился к Никону царский окольничий Родион Стрешнев. Царь послал с ним бывшему собинному другу денег, шуб собольих и лисьих на далекий путь и просил у него благословения себе и своему семейству. Эта просьба царя ясно показывала, как он был непоследователен в своих отношениях к опальному патриарху. Допустив осуждение Никона на соборе и сам явившись его обвинителем, он начал теперь жалеть Никона и сомневаться в законности его низложения. Благочестивый и совестливый Алексей Михайлович, прося у Никона благословения, становился в противоречие с соборным приговором. Эту двойственность в отношениях царя к опальному патриарху можно наблюдать во все последующее время ссылки Никона. Недовольный царем Никон наотрез отказался от его даров и не согласился дать ему благословение, несмотря на усиленные просьбы царского посла. «Если бы благоверный царь желал от нас благословения, то не оказал бы нам такой немилости», — говорил огорченный патриарх.

Тотчас по уходе царского посла пришел к Никону стрелецкий полковник Агтей Шепелев с заявлением, что по указу его царского величества он должен немедленно препроводить патриарха в назначенное ему место ссылки — Ферапонтов монастырь. Пока полковник ходил распорядиться насчет лошадей для опального патриарха, к Никону явились посланники от вселенских патриархов и собора с приказанием возвратить клобук и панагию, которые хотя и были сняты с него накануне, но не были окончательно отобраны «страха ради всенародного». Никон беспрекословно приказал монахам выдать просимое. Между тем полковник успел добыть лошадей для Никона: они были приведены из царской конюшни и поспешно запряжены в возок Никона, в котором патриарх приехал из Воскресенского монастыря.

Было еще темно. На дворе стояло морозное декабрьское утро. Несмотря на раннее время, Кремль стал наполняться народом, который желал посмотреть, как будут увозить в ссылку опального патриарха. Во избежание замешательства и волнений в народной толпе, которая еще накануне выражала свое сочувствие опальному патриарху, решено было увезти Никона тайком от народа. Стрельцы пустили слух, что Никона повезут из Кремля чрез Спасские ворота, а дальше по Сретенской улице. Народ, поверив этому слуху, побежал из Кремля в Китай-город, рассчитывая, что там удобнее будет смотреть на поезд ссыльного патриарха. Между тем возок с лошадьми стоял наготове у келии Никона. Едва только обманутый народ очистил Кремль, как Никона поспешно посадили в возок и повезли «с великой борзостью» не по той дороге, где стоял ожидавший его народ, а совершенно в другую сторону — на Каменный мост чрез Арбатские ворота. Но монахам Никона и некоторым почитателям его из мирян было позволено проводить любимого патриарха. Во избежание беспорядков были приняты строгие меры предосторожности. Во все время следования Никона по улицам Москвы его поезд с провожавшими его свитой и мирянами был окружен отрядом из 200 стрельцов под начальством четырех стрелецких полковников. В Земляном городе Никон встретил полк стрельцов в 1000 человек с оружием наготове и горящими фитилями. Этот многочисленный конвой провожал Никона до Сущевой слободы и потом вернулся назад. За Сущевой слободой на Дмитровской дороге произошло трогательное прощание Никона с приближенными к нему лицами, которые со слезами расстались с своим владыкой, в последний раз получив от него благословение. Суровый патриарх, как видно, умел привязывать к себе сердца людей. Несколько человек монахов и служек добровольно решились ехать с Никоном и разделить его изгнание[7]. Оставшиеся приверженцы Никона долго стояли на дороге, смотря на быстро удалявшийся из виду возок патриарха, которому уже не суждено было увидеть вновь престольный город.

Быстро мчали Никона сильные царские кони, увозя опального патриарха в далекую ссылку. Никона сопровождали приставленные к нему архимандрит Новоспасского монастыря Иосиф и упомянутый стрелецкий полковник Артей Шепелев с отрядом из 50 стрельцов. Стрельцы строго охраняли поезд Никона, разгоняя попадавшийся по дороге народ и никого не пуская близко к опальному патриарху. Никона так торопили отъездом из Москвы, что ни он, ни его свита не успели запастись теплой одеждой, и в открытом поле им был особенно чувствителен холод декабрьского морозного утра. Доехав до реки Клязьмы в 25 верстах от Москвы, пристав Шепелев велел остановиться в ожидании дальнейших наказов относительно ссылаемого патриарха, которых правительство не успело дать, позаботившись прежде всего о немедленной высылке Никона из Москвы. В этом ожидании стояли на Клязьме два дня. Наконец приехал из Москвы архимандрит нижегород-

ского Печерского монастыря Иосиф и привез письменные наказы от царя и от патриархов с собором. В наказе говорилось: «Ехати ему (Иосифу) с монахом Никоном, что был московский патриарх, в Ферапонтов монастырь, что на Белоозере, и быть там с ним, монахом Никоном, до указу. И дорогою ему, архимандриту, беречь, чтоб он, монах Никон, писем никаких не писал и никуды не посылал, такоже и в монастыре. Да и того беречь накрепко, чтоб ему, Никону, никаково оскорбления нихто не чинил. А приехав в монастырь, мантии архиерейские и посох взять, а буде не даст, и снять. Мантии снять и посох взять и прислать мантию и посох к Москве в святейшим патриархом и ко освященному собору, да и том отписать. А монастырским ему, Никону, владеть ничем не велеть. А пищу и всякой келейной покой давати ему, монаху Никону (зачернено: с подобающею честью) по ево потребе». Новоспасскому архимандриту велено было вернуться в Москву. Расставаясь с Никоном, сердобольный архимандрит дал ему на дорогу свою шубу и треух (теплая шапка с наушниками) и съестных припасов.

После двухдневной стоянки Никона повезли далее. По присланной из Москвы подорожной пристав Аггей Шепелев должен был везти Никона чрез Дмитров и Углич. Опального патриарха везли с усиленной скоростью, с какою ездили тогда царские гонцы, посылаемые наспех. По неровным ухабистым дорогам езда была неудобной и даже опасной. Сани не раз опрокидывались, и однажды патриарх сильно ушибся, ударившись головой о стоявшее подле дороги дерево[8].

Подъезжая к Угличу, Никон хотел послать в город своих людей для покупки теплой одежды для своей свиты, но пристав задержал посланных. Жители Углича, узнав о приближении опального патриарха, вышли ему навстречу с разными приношениями. Но пристав приказал стрельцам побоями разогнать угличан, выразивших сочувствие Никону, и быстро промчал Никона чрез город, никому не дав подойти близко. В одном селе в 15 верстах от Углича как раз в день проезда Никона было стечение народа по случаю торгового дня. Пристав послал вперед себя стрельцов, которые разогнали весь народ, и патриарха провезли по опустелой улице. В тех случаях, когда было нужно остановиться для ночлега или для корма лошадей, пристав посылал стрельцов с приказанием приготовить дворы для ночлега. При этом изгоняли всех жильцов из того дому, где должен был остановиться Никон.

Несмотря на все эти меры предосторожности, сторонники Никона находили средства выражать сочувствие низложенному патриарху. Так, в одной деревне Никону со свитой отвели особую избу, изгнав оттуда всех жильцов. Ночью, когда все посторонние вышли и Никон оставался наедине с своими людьми, из подполья избы вышла спрятавшаяся там старуха. Рассказав, что накануне она видела во сне, как «муж некий благообразен» велел ей помочь Никону-патриарху, который «послан и идет в заточение в великом утеснении и скудости», старуха дала Никону 20 рублей денег и те-

плую одежду и опять скрылась в подполье. Патриарх, незадолго перед тем отказавшийся от подарков царя, не отказался принять подношения деревенской старухи[9].

Следующий ночлег пришлось сделать в Мологе, которая была тогда слободою. Близ Мологи находился принадлежавший патриарху Афанасиевский монастырь. Всего удобнее было бы остановиться на ночлег в монастыре, но пристав не согласился на это и велел ночевать в слободе. Когда утром следующего дня Никона повезли мимо самых ворот монастыря и все монахи вышли ему навстречу во главе с строителем Сергием, учеником Никона, то полковник без церемонии разогнал всех «с великим прещением и яростию».

Однако Никон при всей бдительности стрелецкого полковника находил возможность сноситься с преданными ему людьми и давать им поручения. В то время, когда Никон стоял на ночлеге в деревне Березове (в 30 верстах от Мологи), чрез эту деревню проезжал обоз с рыбой, которую вез из Крестного монастыря в Воскресенский иподьякон Никона Иван Васильев в сопровождении Николая Ольшевского и троих монахов Воскресенского монастыря. Служки, бывшие в обозе, подойдя к окошку одной избы, попросили напиться квасу и тут неожиданно узнали от крестьянина, что в этой деревне стоит теперь их владыка, «бывший Никон-патриарх», по поручению которого они и ездили за рыбой на Белое море. Стрелецкий полковник, узнав о проезжающих, велел привести их к себе, допрашивал, «какого они чина люди и откуда едут», и отпустил, приказав сотнику и стрельцам проводить их за деревню. Но эта предосторожность была уже напрасной: еще в то время, когда стрельцы ходили докладывать полковнику о проезжавших, к ним подошел «неведомо какой человек, а сказался извозчик, спросил Николая Ольшевского и дал ему, Николаю, письмо; а сказал: подал-де ему то письмо из окошка неведомо хто, а велел отдать ему, Миколаю». На следующей стоянке письмо это прочитали: это была роспись, в которой Никон распоряжался, «чтобы прислать в Ферапонтов монастырь десять бочек рыбы семги и сигов, а с достальною рыбою ехать в Ярославль и продать, а деньги прислать в Ферапонтов же монастырь». И что денег есть, — прислать в Ферапонтов же монастырь. Но в Москве все-таки узнали о тайной передаче этого поручения Никоном, и поддьякон Иван Васильев был подвергнут особому допросу[10].

Путники были уже около реки Шексны, когда Никона, страдавшего от ушиба головы, постигло новое несчастие. Однажды ночью при быстрой езде сани патриарха наткнулись на какой-то острый кол. Удар был так силен, что кол сломался: острие его прорезало сани и войлок и тяжело ранило патриарха. Один из спутников Никона поднял обломок кола и спрятал в сани, желая сохранить его как памятник страданий злополучного патриарха.

Но вот наступил конец утомительному и опасному путешествию ссыльного патриарха. На восьмой день по выезде из Москвы

в ночь на 21 декабря Никон, проехав мимо Кириллова монастыря, приближался уже к месту своей ссылки. От Москвы до Ферапонтова монастыря не менее 600 верст, и весь этот путь Никон совершил в шесть дней (не считая двухдневной стоянки на Клязьме). Понятно, какую усталость должен был испытывать патриарх под конец шестидневного и не совсем благополучного путешествия.

Еще не доезжая до Ферапонтова, пристав послал впереди себя стрельцов с вестью игумену Афанасию и братии: «Везем к вам Никона-монаха по указу царского величества: приготовьте для него кельи». Встревожилось мирное население Ферапонтовой обители при виде вооруженных стрельцов, неожиданно появившихся в монастыре в ночное почти время, когда еще и утро не наступило. Игумен Афанасий находился в большом затруднении, получив приказ приготовить кельи Никону. Дело в том, что Ферапонтов монастырь в этом году был разорен пожаром: сгорело много келий и окружавшая их деревянная ограда. Лишних свободных келий не оказалось. Тогда решено было поместить ссыльного патриарха в больничных кельях, стоявших за монастырем на северной его стороне.

II

... Но и в тиши обители далекой
Развенчанный владыка оставался
Все тем же Никоном суровым, строгим,
Каким он был в минувши годы,
Во оны дни величья своего...

А. Навроцкий *(Н. А. Вроцкий)*

Было раннее зимнее утро. Мрак долгой северной ночи еще покрывал собою Ферапонтов и его окрестности, когда за несколько часов до рассвета у ворот обители остановился возок Никона, совершивший далекий путь из Москвы. Опального патриарха, согласно наказу пристава, вышел встречать один игумен. Никона отвели в приготовленные для него больничные кельи. Это были две комнаты «мрачные и закоптелые, еже и изрещи неудобно»[11]. Утомленный далеким и трудным путешествием, страдая от ран и ушибов, полученных в дороге, бывший патриарх расположился на отдых в своем новом неприглядном помещении.

Ферапонтов монастырь был уже давно известен Никону. Ему приходилось не только касаться его в своих указах[12], но и самому бывать в нем. Теперь, отдыхая в мрачной больничной келье, весь разбитый и усталый, патриарх мог припомнить, что когда-то, лет 15 тому назад, ему случилось быть в Ферапонтовом при обстоятельствах, далеко не сходных с его настоящим положением. Он был тогда в сане новгородского митрополита и возвращался из Соловецкого монастыря, куда ездил по поручению царя за мощами святителя Филиппа. Это были счастли-

вейшие времена его тесной дружбы с царем, которую еще не успели охладить интриги завистников-бояр. Во время этого путешествия Никона царь, соскучившийся по своем друге, писал к нему трогательные по своей простоте и задушевности письма. В них сказалась вся преданность мягкой и благочестивой души Алексея Михайловича Никону, которого он величал «собинным другом, крепкостоятельным пастырем, великим солнцем, светящим по всей вселенной». Он писал к Никону как самому близкому другу своей царской семьи, просил помолиться за свою маленькую дочь («а к тебе она, святителю, креко ласкова и за царицу чтобы ради твоих молитв разнес Бог с ребеночком, и уже время спеет, и какой грех станется, и мне, ей, пропасти с кручины. Бога ради моли за нее»). Извещая Никона о делах на Москве и о смерти патриарха Иосифа, он просил его скорее возвращаться в Москву к выборам нового патриарха: «Ожидаем тебя великого святителя к выбору, а сего мужа (будущего патриарха) три человека ведают: я, да Казанский митрополит, да отец мой духовный; тай не в пример, а сказывают свят муж». Сердце Никона могло подсказывать ему, кого метил в патриархи его царственный друг. Получая эти письма царя, он спешил в Москву. 21 июня он был в Каргополе, 25-го в Ферапонтове[13]. Здесь, в Ферапонтове, он оставил свои дорожные запасы, чтобы облегчить себе дальнейший путь. 9 июля он торжественно вступил в Москву с мощами Святителя Филиппа. Вскоре же, 22 июля, произошло избрание его на патриарший престол, и затем наступили времена его полной верховной власти под русской церковью и государством при безграничном доверии кроткого царя. Бояре, не исключая и первых вельмож государства, боялись его властного слова и нередко по целым часам стояли на морозе у патриаршего дворца в ожидании приема[14]. Но интриги многочисленных врагов, недовольных строгостью и могуществом патриарха, сделали свое дело: дружба царя и патриарха омрачилась взаимным недовольством, и огорченный Никон счел за лучшее отказаться от патриаршества и удалился в свой Воскресенский монастырь.

Уже восемь лет прошло со времени его разрыва с царем; счастливые времена стали отдаленным прошлым; но именно теперь, очутившись в убогой Ферапонтовской келье, Никон яснее всего мог почувствовать всю громадную пропасть, отделившую Никона, «великого государя и патриарха Московского и всея Руси», от ссыльного «монаха Никона», каким он стал теперь, после соборного приговора.

Едва наступил день, как Никону доложили о приходе приехавших с ним архимандрита и пристава вместе с ферапонтовским игуменом. Никон, изнемогая от ушибов и усталости, сказал, что теперь он не может их видеть, и велел спросить, для чего они пришли. Те отвечали, что по указу Царского величества они приглашают его в церковь. Никон, отказавшись туда идти, снова

спросил, чего же от него требуют. Тогда они сказали, что по указу царя, патриархов и всего собора велено взять у него, Никона-монаха, архиерейскую мантию и посох. Так вот для чего звали Никона в церковь: здесь хотели отобрать у него последние знаки архиерейского достоинства — мантию и посох. Быть может, рассчитывали этой сценой сильнее подействовать на воображение обитателей монастыря, среди которых приходилось отныне жить Никону. Почему, в самом деле, эти вещи не были взяты у Никона еще в Москве одновременно с клобуком и панагией? Никон избавил себя от нового унижения и, не выходя из келии, тотчас велел выдать пришедшим мантию и посох.

Архимандрит Иосиф согласно данному ему наказу в тот же день отправил мантию и посох в Москву с монахом Ферапонтова монастыря Варлаамом и служкою Ивашком Кривозубовым. В отписке своей патриархам и собору он уведомлял их о прибытии Никона в Ферапонтов и о беспрекословной выдаче им мантии и посоха. Никон просил Иосифа не подвергать стеснению лиц, приехавших по доброй воле разделить с ним изгнание: «Чтобы тех старцов и бельцов пускать по воле, куда они похотят идти или ехать, и воли б у них не отымать». Иосиф, передавая эту просьбу Никона, сообщал, что «без указа пущать их не смеет». Таким образом, спутники Никона на первых порах лишены были свободы и вместе с ним были заключены в монастырь.

Между тем братия Ферапонтова монастыря, озадаченная неожиданным прибытием знаменитого заточника с многочисленной свитой и конвоем, была, со своей стороны, озабочена вопросом о том, на какие средства их небогатый монастырь будет содержать такое множество гостей, явившихся в обитель неожиданно, как снег на голову. В наказе, который привез с собой Иосиф, сказано было неопределенно: «Пищу и покой давать ему, Никону, по его потребе». В тот же день игумен Афанасий с братией пишут челобитную государю: «По твоему указу прислан к нам, богомольцам твоим, в Ферапонтов монастырь бывший патриарх Никон-монах, а указу нам, богомольцам твоим, твоего великого государя нет, какова пища ему давать. А монастырь, государь, у нас бедной и скудной и погорел без остатку и келейным покоем истеснение великое. И хлебу, государь, у нас недорода: вызяб весь. А крестьян, государь, твоего государева жалованья за Ферапонтовым монастырем триста двадцать один двор, и то в разных городех. И о том, государь, о келейных покоях и о пище что ты, великий государь, укажешь?» Эта челобитная вместе с отпиской Иосифа была получена в Москве 27 декабря. Государь внял жалобам ферапонтовских монахов и привлек к расходам на содержание Никона соседний богатый Кирилло-Белозерский монастырь. 5 января был послан в Кириллов указ монастырским властям посылать в Ферапонтов монастырь на содержание Никона все необходимые припасы и все, чего потребует находившийся при Никоне пристав.

Среди тяжелых обстоятельств довелось Никону проводить святки 1666 года. На первых же порах он испытал все неудобства своего нового положения. Пристав Шепелев относился к опальному патриарху со всей строгостью, которую он простирал и на лиц, приближенных к Никону. Не только сам патриарх, но и вся его свита содержались под строгим караулом. Пищу ему приносили из монастырской трапезы ту самую, какая полагалась для всей братии. Шушерин сообщает, что по царскому указу велено было готовить особый стол для Никона на царский счет, но патриарх, несмотря на все просьбы пристава, отказался от этой царской милости, говоря: «Хотя бы мне пришлось умереть, не соглашусь на это». В первое время заточения Никон чувствовал себя больным. От ушиба головы, полученного в дороге, он долго страдал головной болью, которая еще более усиливалась от безвыходного заключения в темной и угарной келье. Впоследствии он писал царю, жалуясь на пристава Шепелева: «Он, везя меня, многие напасти мне делал и, привезши, посадил меня в больнишныя кельишки, и я в них с угару и нужды едва не умер». В это время Никон чувствовал себя так плохо, что у него появлялась мысль о смерти, и он написал письмо в Воскресенский монастырь к строителю старцу Сергию с просьбой исходатайствовать у царя позволение в случае его смерти похоронить его в Воскресенском монастыре.

Так прошел первый месяц жизни Никона в ссылке. 19 января 1667 года прибыл из Москвы в Ферапонтов монастырь новый пристав, дворянин Степан Наумов, с 20 стрельцами на смену прежнего пристава Шепелева. Царь, которому Никон при отъезде из Москвы отказал в своем благословении, теперь снова дал приставу Наумову словесное поручение склонять сурового патриарха к примирению и испросить у него прощение и благословение. Но поручение это на первых порах не имело успеха. «Ты боишься греха, — отвечал Никон царю, — просишь у меня благословения, примирения, но я даром тебя не благословлю, не помирюсь; возврати из заточения, так прощу». Настроение Никона в это время совсем не отвечало желаниям Государя. «Никон-патриарх на государя гневается, — говорили жившие с ним монахи, — государь его сослал в ссылку, а не вселенские патриархи, и за это нам государева подаяния принимать и есть нельзя»[15].

16 марта на место архимандрита печерского нижегородского монастыря Иосифа приехал в Ферапонтов бывший новоспасский архимандрит Иосиф, тот самый, который при отъезде Никона из Москвы провожал его до Клязьмы[16]. Он по внушению пристава также убеждал Никона написать государю примирительное письмо с благословением, обещая ему за это всякую милость от государя и освобождение из ссылки. Никон по-прежнему оставался непреклонным, наотрез отказавшись мириться с государем. Тогда пристав стал сурово относиться к

несговорчивому патриарху, сделался к нему «зело лют и немилостив». Он велел заковать окна его кельи железными решетками, вокруг кельи и у дверей ее поставить караул из стрельцов, которые никого не пускали подходить близко к келье. Мимо монастыря недалеко от кельи Никона проходила тогда (как проходит и теперь) дорога на Каргополь. Пристав строго запретил всем ходить и ездить мимо монастыря и велел проложить дорогу в другом месте. Причиняя Никону все эти стеснения, пристав грозил, что «перемены не будет, покаместа Никон не умрет». «Я его, Степана, спрашивал, — рассказывал потом Никон в письме государю, — как ему, Степану, указано меня держать, и он, Степан, говорил, что-де у меня наказу на письме нет, а весь-де у меня наказ на языке, и я ему, Степану, говорил, да неужто тебе приказ есть, что меня уморить; и он, Степан, до чево-де дойдешь, не пощажу-де; и в первом году мало не уморил... Свет келейный у меня отнял, окна заковал железными крестами, так что и днем приходилось с лучиной отправлять келейное правило; и из кельи не велел никуда ходить и в келью и близ кельи проходить и подавать[17] никому не велел и так морил меня с моими келейными старцами». Келейные старцы и служки не выдержали такой строгости заключения и четверо из них (иеромонах Палладий, иеродиакон Иоасаф и два бельца Герасим Матвеев и Ипат Михайлов) подали две челобитные на имя государя, в которых писали, что, добровольно отправившись с Никоном в Ферапонтов монастырь, они лишены свободы и сидят под строгим караулом, почему просят теперь позволения возвратиться на прежние места своего жительства. Получив разрешение выехать из Ферапонтова, они 10 апреля были уже в Москве и здесь на допросе дали подробные сведения о тяжелых условиях жизни Никона в ссылке. После их ухода жизнь Никона стала еще тяжелее: бывшему патриарху самому приходилось теперь носить воду и рубить дрова.

Дошли наконец до государя слухи о бедственном положении Никона в ссылке. В июле 1667 года он послал в Ферапонтов своего стряпчего Ивана Образцова с поручением передать ему царскую милостыню[18] и, проверив на месте слухи о слишком строгом заключении Никона, облегчить его участь. Приехав в Ферапонтов, Образцов освободил Никона из его почти тюремного заключения, позволил ему и его старцам выходить из кельи и принимать посторонних лиц с ведома пристава. При этом он говорил Никону, что пристав не получал от царя наказа держать его, Никона, за железными решетками и за самовольство будет наказан. Действительно, Образцов посадил пристава под арест в сторожку часа на три. Никон, понимая, что это делается только для виду, с неудовольствием говорил: «Степан мучил меня тридцать недель, а его посадили на три часа». Пристав просил прощения у патриарха за причиненные ему обиды, говоря: «Я человек подневольный: как мне приказано, так и

делал». После приезда Образцова пристав Наумов стал дружелюбнее относиться к Никону, часто ходил к нему беседовать о московских новостях и слухах. Приезд в Ферапонтов царского стряпчего с милостивыми поручениями от царя сразу возвысил опального патриарха в глазах местного населения. Распространился слух, привезенный из Москвы людьми Наумова, что Никона хотят вызвать в Москву и сделать папою. Сам Наумов поверил этому слуху и сделался особенно почтителен к Никону: начал величать его патриархом и водить под руки. Вскоре в Ферапонтов начинают приезжать разных чинов люди на поклон патриарху: посадские из городов, староста земской избы да голова кружечного двора из Белозерска, люди из Каргополя, монахи из разных монастырей, монахини из Горицкого Воскресенского монастыря с игуменьей. Все эти посетители величали Никона патриархом, просили его благословения, целовали ему руку. Даже игумен ферапонтовский Афанасий и приставленный к Никону архимандрит Иосиф, забыв наказы начальства, стали величать Никона святейшим патриархом, подходить к благословению и поминать на ектениях. Никон почувствовал себя свободнее, стал рассылать своих людей в разные места с письмами и поручениями. Из Воскресенского монастыря и из ближних к Ферапонтову патриарших вотчин к Никону приезжали люди, привозили деньги и припасы и спрашивали его приказаний.

Но в Москве зорко следили за каждым шагом ферапонтовского заточника и вскоре же нашли нужным ограничить его свободу. В августе получен был в Ферапонтове указ взять служку Яковлева за то, что он, не спросясь пристава, разъезжает всюду по поручению Никона. Никон вспылил, обозвал Наумова вором и не хотел верить, что такая грамота прислана царем, но наконец должен был уступить. Между тем пристав Наумов не переставал советовать Никону примириться с царем и послать ему благословение, уверяя, что государь не замедлит оказать ему милость и освободить из заточения. Он рассказывал, что, когда государь посылал его в Ферапонтов, то словесно наказывал ему просить Никона о прощении и благословении; он, Наумов, просил было наказа на письме, но государь с сердцем сказал ему: «Что ж мне тебе запись давать, чтоб ты ее с женою читал, а словам моим не веришь». «Дай государю благословение и прощение, — советовал Наумов Никону, — а государь тебе ни за что не постоит, голова моя в том!» Эти речи возбудили в Никоне надежду на освобождение. 7 сентября 1667 года, после одной из таких бесед с Наумовым, который с клятвою ссылался на письмо, полученное из Москвы, в котором говорилось о желании царя примириться с Никоном, опальный патриарх написал государю и всей царской семье следующее письмо, которое целиком приведено у Шушерина. «В нынешнем 176 (1667) году сентября в 7 день приходил ко мне, богомольцу вашему, Степан Наумов и говорил мне вашим государским словом, что повеле-

но ему по вашему государскому указу, с великим прошением молить и просить о умирении, чтобы я, богомолец ваш, тебе, великому государю, подал благословение и прощение, а ты, Государь, богомольца своего милостию своею по своему государскому рассмотрению пожалуешь; и я, смиренный, тебя, царицу, царевичев и царевен благословляю и прощаю, а когда я, богомолец ваш, ваши государские очи увижу, и тогда я вам, государем, со святым молитвословием наипаче прощу и разрешу, якоже Божественное св. Евангелие показует о Господе нашем Иисусе Христе и Деяние св. апостол, (которые) всюду с возложением рук прощение и цельбы творили. Смиренный Никон, милостиею Божиею патриарх, засвидетельствую страхом Божиим и подписал своею рукой». К этому письму приложил руку и Степан Наумов, немедленно отправив его затем в Москву.

Никон стал теперь ожидать освобождения из ссылки и вызова в Москву. Царь был весьма доволен, получив от Никона прощение и благословение на письме (письменному прощению в те времена придавали особое значение), но сделать то, о чем просил Никон, то есть возвратить его из ссылки, он не мог. Партия врагов Никона была слишком сильна; нельзя было нарушить соборное определение, тем более что виновники его — восточные патриархи — все еще гостили в Москве. Царь должен был ограничиться заботами о том, чтобы, насколько можно, улучшить скудную материальную обстановку ссыльного патриарха. Так 11 января 1668 года он послал в Кириллов монастырь грамоту с предписанием послать в Ферапонтов монастырь к «бывшему патриарху старцу Никону белых и черных оловянных и медных судов, сколько пригоже, чтобы у него Никона судами было не скудно». Еще летом 1668 года Образцов привез указ о постройке для Никона новых келий и о том, чтобы для него отвели особую Богоявленскую церковь на святых воротах. Тогда же начали строить для Никона новые кельи близ больничных келий, в которых он жил. В начале 1668 года эти кельи были готовы вчерне, и Никон был занят хлопотами о их отделке и снабжении необходимой утварью. В отведенной для него Богоявленской церкви также не было книг и других необходимых принадлежностей богослужения. Все необходимые вещи Никон согласно царскому указу требовал из Кириллова монастыря, посылая туда чрез пристава подробные росписи с показанием, чего именно и сколько ему нужно. Предметы его требований были очень разнообразны: церковная утварь и книги, разные предметы домашнего обихода, съестные припасы, сукно, обувь и одежда для живших с ним людей и прочее. В своих требованиях Никон всегда был разборчив и взыскателен, часто добавляя, чтобы ему присылали вещи и припасы не какие-нибудь, а «добрыя». Для некоторых вещей он давал образец, по которому должны были их сделать, например, для креста деревянного, для ножей и вилок.

Но кирилловские власти не всегда исполняли требования Никона, отказывая ему даже в необходимом, так что патриарху приходилось временами испытывать нужду. Так, 1 марта 1668 года пристав жаловался государю на кирилловского строителя старца Ефрема, что он указу царскому явился непослушен, припасов совсем не присылает, так что «старцу Никону с братиею питаться стало нечем». Братии с ним жило в то время десять человек: они исполняли в его келье все необходимые работы. «А Ферапонтова монастыря слуг и поваров, — писал Наумов, — по сие время в келью к себе не имывали, тружается сам с братиею и келейный обиход кроме хлеба временем покупаючи ест». Никон чрез пристава просил государя, чтобы припасы из Кириллова монастыря выдавались ему помесячно. Государь поспешил исполнить желание Никона, послал в Кириллов новый указ и распорядился, чтобы из его царских ловель доставили Никону живых осетров и стерлядей.

Но все эти знаки внимания со стороны государя не могли успокоить опального патриарха. Убежденный в незаконности своего низложения, он испытывал горькое чувство обиды за несправедливое унижение. В первые годы ссылки это чувство в душе патриарха было особенно острым, и оно-то располагало его пылкую, своенравную натуру к разного рода протестам и демонстрациям, имевшим целию внушить всем мысль о незаконности своего низложения. Он носил на груди панагию, которую забыли отобрать у него при низложении, и имел при себе две патриаршие печати; в письмах к царю и росписях, посылаемых в Кириллов, называл себя «Божиею милостию патриархом»[19], принимал приходивших к нему на благословение и производил сильное впечатление на толпу посетителей, хлынувшую к нему со времени приезда Ивана Образцова, когда посторонним лицам был открыт доступ в Ферапонтов монастырь.

Не ограничиваясь словами, Никон прибегал к разным способам для выражения протеста своей беспокойной души. В числе его свиты жил у него старец Иона по ремеслу серебряник, хорошо умевший вырезывать надписи. Никон велел ему на разных сосудах и домашней утвари делать надписи, в которых называл себя патриархом, «заточенным за слово Божие и святую церковь». Он приказал также наделать деревянных крестов, вырезать на них подобные же надписи и расставить их в разных местах около дорог. Проходящие и проезжающие, останавливаясь помолиться пред придорожным крестом по исконному русскому обычаю, должны были видеть на нем следующую надпись, четко вырезанную серебряником Ионой: «Животворящий крест Христов поставил смиренный Никон, Божиею милостию патриарх, будучи в заточении за слово Божие и за святую Церковь на Белоозере в Ферапонтовом монастыре в тюрьме».

Но этого мало: опальный патриарх соорудил другой, более прочный памятник своего заточения, который и доселе суще-

ствует в Ферапонтове. Разъезжая по Бородавскому озеру, которое было предоставлено ему для рыбной ловли по царскому указу еще летом 1667 года, он выбрал место, в котором было не более двух сажен глубины, и решил устроить здесь остров. Сам со своими монахами он начал возить на плотах камни с берега и опускать их на дно в намеченном месте. Среди озера возник новый остров, имевший 12 сажен длины и 5 ширины[20]. Никон поставил на нем крест с вышеприведенной надписью. Этот островок, вновь появившийся среди озера, и стоявший на нем крест с надписью, понятно, должны были привлекать внимание проезжавших, тем более что зимой дорога проходила мимо островка. Все эти кресты с надписями продолжали стоять до 1676 года, когда по приказанию патриарха Иоакима они были убраны. Надписи на них, а равно и на других вещах Никона, были уничтожены.

До нашего времени уцелела только одна такая надпись на кресле Никона, которое хранится теперь в ризнице Кирилло-Белозерского монастыря. Оно сделано из простого дерева, отличается большими размерами и простотою отделки: ножки у него точеные, спинка прямая; спинка и ручки обиты зеленым выцветшим бархатом. Ручки снимаются, и на нижней стороне четкой и красивой славянской вязью вырезана надпись: «7176 (1668) марта... дня сий стул зделан смиренным Никоном патриархом в заключение за слово Божие и за святую церковь в Ферапонтове монастыре в тюрьме». Эта надпись потому, вероятно, и уцелела от истребления, что была искусно скрыта под ручками кресел.

Однако в надежде получить в скором времени освобождение от ссылки, вследствие примирительного послания к царю, Никон становился уступчивее в отношении к государю и теперь сам шел навстречу к примирению с ним. В том же самом месяце марте, когда он сделал свое знаменитое кресло с надписью, 22-го числа, наступила Пасха. В этот день в первый раз литургия для Никона совершена была в отведенной для него Богоявленской церкви. Опальный патриарх был в редком для него благодушно-примирительном настроении. После литургии он пригласил к себе в свои новые келии архимандрита Иосифа и пристава Наумова, а также игумена Афанасия с келарем. Во время трапезы, которою Никон угощал своих гостей, он велел подать вино, присланное ему царем еще на Сырной неделе, и, взяв в руки бокал, торжественно провозгласил о своем примирении с государем. «Да не до конца вражда наша со благочестивейшим царем пребудет», — говорил патриарх и, провозгласив здоровье государя, закончил свою речь словами: «Се ныне питие сие про здравие благочестивейшего царя и со всеми вкушаю и впредь присланным от него отрицатися не буду». Услышав из уст сурового патриарха такое заявление, присутствовавшие были удивлены и, встав с своих мест, поклонились патриарху в

ноги. В тот же день поскакал гонец в Москву с радостной вестью к государю о новом примирительном поступке Никона. В Ферапонтове ждали теперь важных благодетельных перемен в судьбе опального патриарха.

Но враги Никона не дремали. Как только они узнали, что Никон по-прежнему называет себя патриархом, стремится к возвращению из ссылки и своими заявлениями о примирении может подействовать на впечатлительную душу государя и, чего доброго, добиться своей цели, они решились принять свои меры. 9 апреля, вскоре после получения царем радостной вести о мире с Никоном, восточные патриархи, все еще не уехавшие из Москвы на свои кафедры, с вновь избранным русским патриархом Иоасафом и другими случившимися в Москве архиереями, составили собор по делу о Никоне, на котором решили: «Некиих ради вин перевести монаха Никона из Ферапонтова монастыря в иной монастырь, в дальной», архимандрита Иосифа и иных служебников, которые посланы к нему, Никону, переменить и послать взамен их других с строгим наказом — не дозволять Никону иметь переписку и сношения с кем бы то ни было. Но государь не согласился на столь строгое определение собора, и оно не было приведено в исполнение. Тем не менее эта попытка врагов Никона ясно показывала, как в действительности далеки были от осуществления надежды Никона на освобождение из ссылки, при всем сочувствии царя к опальному патриарху.

III

Иже жив сын, привмененный с нисходящими в ров, седяй во тьме и сени смертней, окован нищетою паче желез, богомолец ваш смиренный Никон, милостию Божиею патриарх.

Из письма к царю патриарха Никона

Никон обманулся в своих ожиданиях. Его заявление о примирении с царем не принесло ему желанных результатов. Из Москвы не было никаких известий, как будто там совсем забыли о ферапонтовском заточнике. Тогда опальный патриарх снова решился напомнить о себе и воспользовался для этого средством, которое в старину было в большом ходу. Монах Палладий, вернувшийся из Москвы в Ферапонтов, рассказывал, между прочим, со слов иеромонаха Иоиля, что боярин Богдан Хитрово хочет при помощи чар сделаться первым боярином у государя. Этот слух встревожил Никона: возвышение боярина, который был его злейшим врагом, помешало бы его освобождению из ссылки. Вера в силу колдунов и чародеев была в

старину общераспространенной, сношение с ними, по Уложению, было одним из тяжких преступлений. Обвинение в колдовстве, как это видно из многочисленных примеров, не раз бывало причиной ссылки самых знатных бояр. Слухи о том, что Богдан Хитрово знается с чернокнижниками и ворожеями, давали Никону сильное орудие против враждебного ему боярина, и он решил им воспользоваться.

7 сентября он призвал к себе архимандрита Иосифа, стрелецкого сотника Саврасова, ферапонтовского игумена, келаря и всех стрельцов и объявил им, что знает великое дело государево «безголовное», что на Москве изменники государевы хотят очаровать государя или очаровали, и требовал подводы и провожатых, чтобы отправить с этим делом своего человека в Москву. Все согласились, кроме келаря Мария, который не хотел давать подвод, и сотник решил было ехать. Пристав Наумов, узнав о том, что происходит в монастыре, сначала прислал сказать, чтобы никого не пускали и не давали лошадей, а скоро явился и сам на конюший двор с ослопом, сотника и стрельцов хотел бить, взял лошадей под уздцы и кричал: «Увижу, кто поедет, что он меня стращает: я не малый ребенок; у меня есть великое дело и на самого патриарха, и мне это дело надобно отпустить!» Никон хотел послать сотника и стрельцов в Кириллов и там взять подводу, но Наумов их не пустил, крича: «Моя в том голова!» Но «слово и дело государево» в те времена имело магическую силу, всякий, кто слышал о нем и не доносил куда следует, подвергался тяжелой ответственности. Поэтому, как ни шумел пристав, а все-таки не решился задержать дела и на другой же день отправил в Москву своего человека с стрельцом. Никона он велел заковать и около его кельи поставить семь караулов.

В октябре Никону удалось послать в Москву своего старца Флавиана с письмом к государю, в котором он жаловался на поступок пристава, помешавшего ему известить в Москву о великом деле государевом. «Иже жив сый, — писал здесь Никон, — привмененный с нисходящими в ров, седяй во тьме и сени смертней, окован нищетою паче желез, богомолец ваш смиренный Никон милостию Божиею патриарх. Извещаю вам, великим государям, за собою великое ваше слово, а писать тебе нельзя, боюсь изменников твоих; послыша такое твое большое дело, меня изведут, а дело твое погаснет без вести». 20 октября чернец Флавиан был допрошен в присутствии царя и бояр, в чем именно состоит заявленное Никоном дело государево.

Недалекий Флавиан не оправдал доверия Никона: на этом допросе он перепутал имена и приписал тайные происки вместо Хитрово Ртищеву. Но вскоре получено было другое письмо Никона[21], в котором он уже прямо излагал дело и на основании слов Палладия обвинял в тайных происках и волшебстве боярина Хитрово. Это разногласие в рассказе Флавиана с письмом Никона

подрывало силу обвинения. Между тем Палладий и Иоиль, вызванные на очную ставку, отказались от своих слов и утверждали, что никакого разговора о боярине Хитрово у них не было. При этом Палладий, сердившийся на Никона за то, что он выгнал его из Ферапонтова, сделал обидное для опального патриарха замечание: «Вольно старцу Никону меня поклепать: он затевать умеет».

Для того чтобы разъяснить дело и допросить самого Никона, послан был в Ферапонтов стрелецкий голова Юрий Лутохин. Никон разъяснил Лутохину непростительную ошибку своего неумелого посла, старца Флавиана, и в дальнейшем разговоре с ним высказал горькое разочарование по поводу обманутых надежд на освобождение. «Сказывал мне Наумов, что меня великий государь пожалует, велит взять в Москву скоро, выманил у меня Наумов великому государю и его дому благословение и прощение тем, что государь меня пожалует, велит из Ферапонтова освободить и все мои монастыри отдать. Терпел я после того договора год два месяца в заточении и никаких клятвенных слов не говорил; вперед еще мало потерплю, а если по договору ко мне государской милости не будет, то я по-прежнему ничего государева принимать не стану и перед Богом стану плакать и говорить те же слова, что прежде говорил с клятвою».

Лутохин допрашивал патриарха, правда ли, что он сам носит воду и рубит дрова, и просил дать роспись, чего ему не дают из кушанья. Никон отвечал, что дрова и воду он прежде носил за безлюдством, а теперь не носит, а насчет содержания жаловался, что ему ничего не дают, кроме щей да худого квасу. Пристав и монастырские власти, в свою очередь, уверяли, что у Никона всегда была свежая рыба и пиво, и показывали Лутохину садки с рыбой. Никон говорил, что эта рыба иссиделась, так что ее и есть нельзя, а свежей ему не привозят. Наумов после этого писал кирилловским властям, что «старец Никон в их присылках запирается, будто-де он у их присылщиков никаких запасов не принимает преж сего», и просил, чтобы впредь с присылками посылали грамотного человека «для рукоприкладства к росписке». Как бы то ни было, но жалобы Никона имели основание: впоследствии сам игумен Афанасий, уличенный Никоном, сознался, что он давал ложные показания относительно содержания Никона.

Лутохину показывали также кресты, поставленные Никоном, с надписями, в которых он называл себя патриархом. Но он не сделал о них никакого распоряжения. Его внимание было теперь привлечено другим, более важным обвинением против Никона, которое заявил ему приставленный к патриарху архимандрит Иосиф. Давно желая выбраться из Ферапонтова, где, по его словам, он «живот свой мучит, испытывает нужду и болезнь», и не получая от патриарха Иоасафа ответа на свои челобитные, он решил прибегнуть к тому же «слову и делу государеву», которым так неудачно хотел воспользоваться Никон. Он подал Лутохину челобитную, в

которой объявил за собою «страшное государево слово и дело, измену бывшего патриарха монаха Никона и пристава Наумова». Принеся такой извет, архимандрит говорил, что ему теперь нельзя уже оставаться в Ферапонтове «для того, что за такие великие страшные дела погубят занапрасно и оттого государеву делу спона и поруха будет большая». 20 ноября Иосиф был вызван в Москву и доставлен с провожатыми в приказ тайных дел. На допросе он рассказал следующее: «Весною 1668 года были у Никона воры, донские казаки; я сам видел у него двоих человек, и Никон мне говорил, что это донские казаки, и про других сказывал, что были у него в монашеском платье, говорили ему: «Нет ли тебе какого утеснения, мы тебя отсюда опростаем». Никон говорил мне также: «И в Воскресенском монастыре бывали у меня донские казаки и говорили: «Если захочешь, то мы тебя по-прежнему на патриаршество посадим, сберем вольницу, боярских людей. Никон сказывал мне также, что будет о нем в Москве новый собор по требованию Цареградского патриарха: писал ему об этом Афанасий Иконийский». Начались розыски по этому обвинению. Монах Пров донес, что Никон хотел бежать из Ферапонтова и обратился к народу с жалобой на напрасное заточение.

Обвинение в мятежных замыслах против правительства доставило Никону чрезвычайно много неприятностей и ухудшило его положение в ссылке. Оно было, между прочим, причиной того, что не имело никакого успеха полученное в феврале 1669 года послание к царю Алексею Михайловичу Константинопольского патриарха Парфения, в котором он просил царя возвратить Никона из ссылки в свой монастырь[22]. Вместо того Никон был оставлен в Ферапонтове под строгим караулом, который был усилен вновь присланными из Москвы стрельцами.

Но справедливо ли было московское правительство в своих подозрениях к ферапонтовскому заточнику? В это время на Руси начиналось социальное движение, завершившееся грозным разинским бунтом. Донские казаки, подготовлявшие смуту, бродили повсюду, заходили и в белозерские края. Для них важно было привлечь на свою сторону низложенного патриарха, которому, как они знали, «тошно от бояр», и они действительно делали попытки склонить его к мятежным замыслам. Сам Никон рассказывал после, что к нему приходили три казака, «сказались, будто они идут Богу молиться в Соловецкий монастырь, а они не богомольцы, не в Соловецкий шли, приходили они для меня, собравшись нарочно, звали меня с собою, пришло их двести человек. Степана Наумова хотели убить до смерти, Кириллов монастырь разорить и с казною его, запасами и пушками хотели идти на Волгу. Но я, — говорит Никон, — на ту их воровскую прелесть не поддался, во всем им отказал, от воровства их унял и с клятвою им приказывал, чтоб великому государю вины свои принесли, и они пропали неведомо куда».

Несмотря на отказ Никона принять участие в мятежных замыслах, казаки все-таки потом воспользовались его именем. В своих прокламациях («прелестных листках») они объявляли народу, что с ними, казаками, идут царевич Алексей Алексеевич (на самом деле умерший) да Никон-патриарх. «И малоумные люди, — писал Керенский воевода, — все то ставят в правду, и оттого пущая беда и поколебание в людях. На знаменах мятежников были изображения царевича Алексея и патриарха Никона. Сочувствие казаков к низложенному Никону обнаружилось, между прочим, в характерном эпизоде убийства ими астраханского митрополита Иосифа: казаки не преминули тут вспомнить, что Иосиф «снимал сан с Никона-патриарха».

Впоследствии, когда Стенька Разин был схвачен, то «в распросе у пытки и со многих пыток и с огня» сказал, что к нему в Симбирск приезжал старец от Никона и приглашал его идти вверх Волгою, куда навстречу ему будто бы выйдет и Никон, потому что ему «тошно от бояр, которые переводят государевы семена». Старец говорил, что у Никона есть готовых людей с 5000 человек; «а те-де люди у него готовы на Белоозере». Этот старец, якобы присланный Никоном, был и в бою и на глазах Стеньки «исколол своими руками сына боярского» и потом ушел из Симбирска. Если и придавать веру этим вынужденным пыткою показаниям, то и в этом случае всего вероятнее предположить, что тут было просто злоупотребление именем опального патриарха со стороны лихого старца, разбойника в монашеской рясе. Сам Никон решительно отрицал какие бы то ни было сношения с Разиным. Но именем Никона злоупотребляли мятежники, и этого было достаточно, чтобы при тогдашних смутных обстоятельствах московское правительство с подозрением отнеслось к опальному патриарху и усилило над ним надзор.

Предосторожность была не излишня: сам патриарх говорил, что «в Ферапонтове ему жить страшно, ибо монастырь не огорожен». Донские казаки и воровские люди, которые тогда не только свободно разгуливали на Белоозере, но даже нередко появлялись в монастырях под видом монастырских служек[23], могли силой взять патриарха и увести его с собою. По крайней мере, в Ферапонтове в это смутное время далеко не все было благополучно и иногда случались довольно загадочные события. Так, 22 января 1669 года пристав Наумов доносил в Кириллов монастырь, что келарь Ферапонтова монастыря Макарий «учинился государеву указу силен и ему, Наумову, непослушен и нынешний ночи умысля и собрався нарядным делом с монастырскими служками, да с приходящими ворами, пьяным обычаем разбил государев караул; и сотника и стрельцев побил на голову». В июне стрелецкий сотник доносил, что в ночь на 26-е число «от старца Никона ушел из кельи пришлой дьячок Сенька, живший у него без указу государева больше года, а ушел, выломав доску в выходе». За дьячком была послана погоня, и пристав Наумов говорил, что дьячок отпущен Никоном

с каким-то умыслом. В это время охрана Никона была усилена вновь присланными из Москвы стрельцами. Стрелецкие караулы были расставлены не только у кельи Никона, но и в разных местах вокруг монастыря и вдали от него «верст на пять и на шесть и на семь и больше». Всех приближавшихся к монастырю задерживали и приводили к приставу для обыска и допроса. У пристава была приказная изба, и он не раз требовал из Кириллова монастыря «подьячих добрых для письма государевых дел Московского отпуску». Лиц, казавшихся подозрительными, брали под арест и отправляли в Москву в приказ тайных дел. Начиная с 1668 по 1670 год из Ферапонтова монастыря то и дело отправляют в Москву колодников и разных оговоренных по розыску лиц. Пристав Наумов постоянно требовал из Кириллова монастыря подвод и провожатых людей для отсылки арестованных лиц в Москву.

Можно себе представить, сколько беспокойства и нравственных мучений доставило впечатлительной душе Никона подозрение в государственной измене, сопровождавшееся строгим заключением его самого, а также арестами и допросами разных лиц. Пристав стал обращаться с ним с прежней грубостью: «Почал, — как писал потом Никон, — всякою нуждою нудить голодом и холодом, о чем ни пошлю ково, и он Степан к себе не пустил; а коли и выглянет в окно и на нашего посланника кричит, вопит и матерны лает и бить хочет и ходить к себе не велит; а говорит: «Полно-де, прихотей тех пора-де покинуть; ешь-де что дадут»; а мне не дают ничево, и те посланные от нас приходят от нево плачучи и впредь ходить к нему Степану для наших нужд не хотят; а у нас ни хлеба, ни соли, ни дров во многие времена не было». Тяжелые условия жизни в связи с нравственными потрясениями расшатали крепкое здоровье патриарха. От недостатка движения он заболел цингой, в левой руке сделался паралич. «А я богомолец ваш, — жаловался потом царю Никон, — за те ево Степановы караулы одва со всякия нужды не умер, а с тех мест оцинжал и одряхлел и своим нуждам не мог спострадать». Одно время Никон так сильно занемог, что пристав Наумов писал в Кириллов монастырь, что «старец Никон волею Божиею заскорбел гораздо» и желает исповедаться и приобщиться, и приглашал архимандрита Никиту, который был духовником опального патриарха, немедленно приехать в Ферапонтов. Но эта болезнь Никона была непродолжительна: спустя 5—6 дней он снова делает хозяйственные распоряжения.

Сам царь Алексей Михайлович, по-видимому, не хотел верить слухам об измене бывшего собинного друга и продолжал относиться к нему с уважением и мягкостью. 3 марта 1669 года скончалась царица Марья Ильинична. Рассылая по монастырям и церквам милостыни за упокой души любимой супруги, царь не забыл и опального патриарха, бывшего когда-то близким другом царской семьи, спасшим ее от моровой язвы. В Ферапонтов был послан

окольничий Родион Стрешнев с милостыней Никону в 500 рублей. В это время Никон находился уже под строгим караулом, разочарованный в своих надеждах на освобождение. Недовольный царем, он не принял царской милостыни, говоря, что он и без денег должен поминать почившую царицу[24]. Стрешнев «упорно» просил его принять деньги, но патриарх настоял на своем и при этом многозначительно прибавил: «После смерти царицы будет другая беда не меньше, а после этой еще хуже будет: мне это объявлено от Господа Бога».

«А говорил я эти слова сердито, — сознавался после Никон, — досаждая великому государю». Как бы то ни было, слова Никона оказались пророческими: через три месяца после смерти царицы умер царевич Симеон, и в том же году несколько месяцев спустя другой царевич Алексей, а в следующем году разразился страшный казацкий бунт.

Смерть наследника престола Алексея Алексеевича была печальным обстоятельством для опального патриарха, который возлагал на царевича надежды на освобождение. «Когда к Степану (Наумову) весть пришла, что сына твоего царевича Алексея не стало, — писал потом царю Никон, то девка его пришла в другую избу и говорила: «Ныне на Москве кручина, а у нашего боярина радость, говорит: теперь нашего колодника надежда вся погибла, на кого надеялся, и того не стало, кротче будет».

Спустя почти два года после смерти своей первой супруги Алексей Михайлович вступил во второй брак с Натальей Кирилловной Нарышкиной (22 января 1671 года). Привыкший делить с Никоном скорби и радости своей семейной жизни, царь и на этот раз не обошел вниманием своего бывшего собинного друга. Он отправил в Ферапонтов своего стольника Лариона Абрамовича Лопухина и послал с ним свадебные подарки опальному патриарху: «700 рублей денег, три меха — соболий, лисий и беличий, сукно и тафту черные, 15 штук полотен добрых тонких, 20 полотенец». На этот раз царские подарки встретили благосклонный прием со стороны ферапонтовского заточника. Никон с благодарностью принял дары, велел петь молебен о царском многолетнем здравии и тотчас послал письмо государю, в котором благодарил за присланную богатую милостыню и высказывал разные благожелания царской семье.

Но вот окончилась и самая смута, в тайном содействии которой враги обвиняли Никона. 24 апреля 1671 года Стенька Разин был схвачен и увезен в Москву для пыток и казни. Везде по указу государя служили благодарственные молебны Богу за прекращение смуты. Ферапонтовский заточник не представлял уже теперь опасности для московского правительства и мог надеяться на облегчение своей участи. В июне 1671 года на смену Степана Наумова прибыл в Ферапонтов новый пристав — стольник князь Самойло Никитич Шайсупов с новыми стрельцами. Но указа об облегчении участи патриарха он не привез: Никон по-прежнему содер-

жался в строгом заключении. В своих беседах с новым приставом Никон указывал на то, что недавние бедствия — смерть царевича Алексея и казацкая смута — были им предсказаны еще в разговоре с царским послом Родионом Стрешневым. «Да и впредь, — добавлял он, — если вселенских и московского патриархов на весь православный российский народ безрассудная запретительная клятва не снимется, добра ждать нечего». Опальный патриарх подчеркивал также свою верность государю, выразившуюся в том, что он не поддался на воровскую прелесть казаков, во всем отказал, от воровства их унял и с клятвою им приказывал, чтобы великому государю вины свои принесли. Жалуясь приставу на тяжесть своего заключения, Никон просил его написать государю. Шайсупов писал в Москву в приказ тайных дел, просил себе указа, но ответа ему не было.

Прошло полгода. Никон решился опять напомнить о себе государю и в самый день Рождества, 25 декабря 1671 года, послал в Москву своего иеродиакона Мардария с письмом государю. Письмо это замечательно по своему кроткому примирительному тону: суровый патриарх, утомленный долгим заточением, уже не грозил царю, а смиренно просил у него прощения за свои дерзкие речи и поступки. Он припоминает в письме свои отношения к царю, начиная со времени возведения на патриаршество и в последующее время, когда между ними «по наветам врагов возросла великая смута». Чистосердечно сознаваясь в том, что он много раз досаждал государю, говорил ему на соборе прекословно и досадно, не принимал присланных от царя даров и тем его бесчестил, Никон просил государя простить его «ради родшагося Христа». Вместе с тем он описывает свое бедственное положение в ссылке следующими словами: «Ради всех этих моих вин отвержен я в Ферапонтов монастырь шестой год, а как в келье затворен — тому четвертый год. Теперь я болен, наг и бос, и креста на мне нет третий год, стыдно и в другую келью выйти, где хлебы пекут и кушанье готовят, потому что многие части зазорные непокрыты; со всякой нужды келейной и недостатков оцинжал, руки больны, левая не подымается, на глазах бельма от чада и дыма, из зубов кровь идет смердящая и [они] не терпят ни горячего, ни холодного, ни кислого, ноги пухнут, и потому не могу церковного правила править, а поп один и тот слеп, говорить по книгам не видит; приставы ничего ни продать, ни купить не дадут, никто ко мне не ходит и милостыни просить не у кого». Жалуясь на суровое отношение к себе прежнего пристава — Наумова и нового — Шайсупова, Никон просил государя облегчить тяжесть заключения. «Прошу тебя, — заканчивает свое письмо Никон, — ослаби ми мало, да почию, прежде даже не отыду, прошу еже жити ми в дому Господни во вся дни живота моего».

Письмо, написанное в таком кротком и примирительном тоне, не могло остатся без влияния на впечатлительного государя.

Тотчас по получении его царь отправил в Ферапонтов двух послов к Никону: стрелецкого голову Илариона Лопухина и подьячего приказа тайных дел Артемия Степанова. Послы приехали в Ферапонтов 18 января 1672 года и, явившись к Никону, приветствовали его от имени государя, называя опального патриарха «святым и великом отцом», и поднесли ему государеву милостынь — деньги, меха, рыбу. Согласно царскому наказу Лопухин держал пред Никоном речь, которая была ответом на письмо последнего к государю. «Государь, — говорил между прочим царский посол, — с самого начала желал умирения, а теперь всякие враждотворения паче прежнего разрушить и во всем примирения с любовию желает и сам прощения просит. Досадных слов от тебя к государю никаких не бывало: изволь попамятовать. Послан ты в Ферапонтов монастырь вселенскими патриархами и собором, а не государем; дворянин и стрельцы посланы с тобою для твоего береженья, а не для утеснения; если же Степан Наумов какое тебе утеснение чинил, то он делал собою, а не по государеву указу, и про это приказал государь сыскать». Посол коснулся в своей речи и подозрений, лежавших на Никоне в сношениях его с воровскими казаками и Стенькою Разиным. «Пророчества, какие ты говорил князю Шайсупову, узнал ты не от Господа Бога, а от воровских людей, которые к тебе приезжали; надобно думать, что то смятение и кровопролитие сделалось от них. Если бы ты хотел всякого добра по Христовой заповеди, то ты бы про такое великое дело не умолчал, и тех воровских казаков велел переловить, а трех человек можно было тебе поймать. Ты объяви теперь обо всем подлинно, а то просишь у государя всякой милости и прощения, а сам к нему никакой правды не объявишь».

На эту речь царского посла Никон отвечал своей речью, в которой возражал по порядку на сделанные ему замечания. Вначале он благодарил государя за милость, заявлял, что желает прощения от государя и сам его во всем прощает, и просил не верить наветам врагов. «Престол я свой оставил, — говорил патриарх, — и паки было возвратился — дело не новое: и прежние вселенские патриархи престолы свои оставляли и назад возвращались. Я своего прежнего сана не взыскую, только желаю великого государя милости. Собор патриархов Паисия и Макария ставлю я ни во что, потому что они престолов своих отбыли и на их места поставлены другие; повинуюсь я константинопольскому патриарху и прочим вселенским, которые на престолах своих». Добродушный государь, как мы видели, хотел предать забвению досадительства слова Никона и говорил, что их и не было. Никон не хочет воспользоваться этим заявлением государя. «О том, что говорено было на соборе, я писал правду, — снова подтвердил прямодушный патриарх, — государю это известно; да и после, при Степане Наумове и присыльщиках, много раз я досадительные слова говорил и к государю писывал, в том милости и прощения прошу; а что великий госу-

дарь за многие мои досадительства мне не мстил, за то великую мзду от Бога восприимет». По поводу обвинений в сношении с мятежными казаками Никон объявил, что о смуте на Вологде и о Разине он ничего не знает, троих же казаков, приходивших к нему, он не велел схватить, потому что «боялся, как бы смуты не учинить: они сказывали про свое многолюдство, а оборониться от них было некем. К государю же о казаках этих тогда писал и архимандриту Иосифу сказывал». Относительно пророчеств своих Никон счел нужным заявить, что он говорил Стрешневу вообще об имеющих быть бедствиях, а не говорил именно о смерти царевича и о казацком разорении. В заключение опальный патриарх просил передать его просьбу государю, нельзя ли перевести его из Ферапонтова монастыря в Воскресенский или Иверский и дать ему доверенных людей для услуг. «Худого у меня намерения нет, — говорил Никон, — да и лета мои немалые, постигло увечье, а призреть меня стало некому; да пожаловал бы государь, простил всех, кто наказан из-за меня».

Послы обещали Никону о всех этих просьбах доложить государю и испросить указ, а пока словесно распорядились, чтобы пристав не делал патриарху стеснения и позволил ему свободный выход из кельи. Для улучшения его содержания они велели брать запасы не только с Кирилловского, но и с других белозерских монастырей — с Троицкого, что на устье реки Шексны, Новоезерского и еще с двух вологодских: Спасокаменного и Прилуцкого.

Послы уехали. Никон, согласно их обещанию, стал ждать от государя указа относительно облегчения своей участи. Проходит месяц, а указа все нет. В это время на Москве происходили выборы нового патриарха на место умершего Иоасафа II († 17 февраля 1672 года), и правительство, конечно, не без влияния недоброжелателей Никона, не спешило исполнением просьб опального патриарха. Прождав до марта, Никон отправил к государю письмо, в котором снова описывал бедственное положение свое в ссылке, указывал на отсутствие у приставов письменных наказов относительно надзора за ним, вследствие чего они, как, например, Наумов, ссылаясь на словесные наказы, часто делали ему обиды и притеснения. Теперь он совсем далек от того настроения, в каком, бывало, отвергал присылаемые царем дары. Напротив, он сам просит теперь о том, нельзя ли прислать к нему ту самую милостыню, которую привозил ему Стрешнев на помин царицы и которую он тогда опасался принять. «А что твоя великого государя милостыня прислана с Ларионом Лопухиным, и то все изошло, потому должен был многим, а иное олихоимствованным и разоренным от Степана Наумова с теми поделился». Таким образом, суровые условия жизни в конце концов взяли верх над непреклонным характером опального патриарха. «А ныне я, богомолец ваш, от многие злобы немилостивого пристава Степана Наумова смирихся до конца, а се за грехи мои рука левая больна и действовать нисколько не может, пристроити пити и ясти и принести некому». Стар-

цы, жившие с Никоном, опять все разошлись, некоторые — по поручениям самого Никона: «Со мною остался один черный поп Варлаам, а тот поп слеп (я же около ево ходил), и по се число я, богомолец, на себя и на попа хлебы пек и варил сам... Сотвори Господа ради, великий государь, со мною милость (вели) служащим единому или двум послужити нужным нам потребам, кто б принес пити и ясти, да чем и им сытым и одетым быти; а аз же зело изнемог от многих скорбей моих, некому ясти сварить... да и церковных людей, с кем бы церковный обиход исправить, а я ныне один не могу исправлять. Господа ради милостив буди».

По получении этого письма Никона государь тотчас же послал в Ферапонтов указ на имя пристава Шайсупова: «Дать Никону для службы из тутошних работных людей человек двух или трех, чтоб у него в том никогда скудости не было». 27 марта царский указ был получен в Ферапонтове, и пристав сообщил о нем Никону. Никон заявил, что «ему черные поп и дьякон ни его постриженники не надобны и в келью к себе их не возьмет», тутошних работников для услужения он тоже не хочет, «потому что от тутошних людей в келье у него в денежной его казне и в судах многая поруха чинится и пропажа, и верить здешним людям будучи у него в келье не мочно». Он просил у государя позволения быть у него «для всякой службы ево же людям, которые у него были прежде в Воскресенском монастыре». Тогда государь послал в Ферапонтов стряпчего конюха Степана Веригина спросить Никона, каких именно лиц он желает иметь при себе. Никон отвечал, что он теперь не знает, кто из его монахов и людей жив, да если бы и знал, то все равно не захотел бы насильно вводить их в неволю, потому и ныне живущий у него черный поп Варлаам скучает от великой нужды и хочет идти от него. Посылать к нему, если это угодно государю, нужно только таких лиц, которые сами того пожелают, нужно при этом дать им средства к пропитанию, свободу от караула и возможность уйти из Ферапонтова, когда захотят. Желание Никона было исполнено: в июне «по указу великого государя» приехали в Ферапонтов «старцы монаха Никона — Флавиан с товарищи сам четверт».

IV

Ослаби ми мало, да почию, преже даже не отыду.

Из письма к царю патриарха Никона

Опальный патриарх дождался наконец облегчения своей участи. С лета 1672 года наступила лучшая пора его жизни в Ферапонтове, которая продолжается до времени перевода его в Кириллов монастырь в 1676 году. Теперь не только жившим у Никона старцам, но и ему самому разрешен свободный выход из

кельи. Насидевшийся в заключении патриарх спешит теперь воспользоваться предоставленной ему свободой. Он ходит гулять в окрестностях монастыря, удит рыбу на озере. Для разнообразия, а может быть, и вследствие болезни ног патриарх нередко совершает свои прогулки не пешком, а верхом на лошади. В июне он потребовал чрез пристава, чтобы ему прислали из Кириллова монастыря лошадь для верховой езды «добрую с ходью ступистую, не шараху, не спотытчиву, да седло сафьянное с прибором властелинское доброе на чем ему самому ездить, и сукна на полный снимальник». Из Кириллова прислали Никону мерина серого прозвищем Щеголь, сафьянное седло с уздой и прочие принадлежности. Но патриарху не понравилась «цветная» масть этой лошади: он отослал ее назад и велел прислать другую лошадь, «добрую, карюю, или гнедую, или вороную или бурую изтемна, да конюха, который бы умел стряпать около той лошади». Тогда кирилловские власти прислали «мерина вороно-каряго прозвищем Москва» и с ним конюха. Никон эту лошадь велел принять. С того времени окрестным жителям часто приходилось встречать на дорогах, ведущих к Ферапонтову, богатырскую фигуру опального патриарха на вороном коне. Никон, по-видимому, любил верховую езду и в августе того же года вытребовал себе другую верховую лошадь. Неизвестно, сопровождал ли его конвой стрельцов во время недалеких прогулок, но в более отдаленных поездках, как, например, на реку Шексну для осмотра рыбной ловли, должны были сопровождать его пристав, сотник и стрельцы. Под таким конвоем он еще при Наумове ездил на Богомолье в Нилов скит (в 15 верстах от Ферапонтова монастыря).

При наступившем облегчении своей участи патриарх Никон имел больше возможности распределять свое время и занятия согласно своему желанию. Бросим теперь общий взгляд на то, как и в чем проводил свое время опальный патриарх.

Первый год своего заточения Никон, как было выше сказано, жил в тесных и закоптелых больничных кельях на северной стороне монастыря, а потом поместился в новых кельях, выстроенных для него в том же месте «подле тех больнишных кельишек». С самого начала заточения ежедневным неопустительным занятием патриарха было исполнение иноческого келейного правила и слушание положенных по уставу служб. Когда Степан Наумов забил железными решетками окна и без того мрачных больничных келий, то келейное правило даже днем приходилось отправлять с лучиной. В новых кельях у Никона была особая крестовая, или моленная, комната: «А у меня в новой кельишке, — писал он царю, — и трапеза и церковь, в

ней отправляем полунощницу, утреню, молебны, часы, вечерню и повечерню». Для устройства этой крестовой Никон вытребовал себе в феврале 1668 года «крест воздвизальный, шестеры деисусы келейные, чему покланятиси братии, паникадило келейное о шести перах, шесть подсвечников, что пред образами свещи ставят, кадильницу медную добрую, ладоницу добрую». Все нужные богослужебные книги присылались из Кириллова монастыря по его требованию и переменялись им соответственно церковному кругу времени, откуда можно заключать, что церковные службы совершались у него ежедневно. С 1668 года в распоряжение Никона была предоставлена Богоявленская церковь над святыми воротами монастыря: в день Пасхи, 22 марта, здесь в первый раз была совершена для него литургия. Все келейные и церковные службы отправлялись для Никона жившими с ним монахами. Но в период тяжкого заключения, когда монахи разошлись, патриарху самому приходилось «церковное правило править», потому что оставшийся у него «черный поп Варлаам ослеп и говорить по книгам не видит». Богослужения в Богоявленской церкви на долгое время прекратились, так как некому стало «церковный обиход править». В монастырские церкви, где совершались службы для братии, Никон считал неудобным ходить по разным причинам: зимой — «за стужей и дализною», а кроме того, строго следивший за исправностью богослужения бывший патриарх находил, что служба в Ферапонтове совершается неисправно, «поют не по уставу». Когда патриарх шел в церковь, то его сопровождал караул из 6—8 стрельцов. По рассказу Шушерина, «по обычаю» провожали его при этом архимандрит, пристав и игумен монастыря, которые во время благовеста приходили к нему в келью. С 1673 года Никон стал хлопотать о том, «чтобы ему построили кельи подле Богоявленской церкви, чтобы из тех его келий в ту церковь был ему ход для службы литургии беззазорен». Впоследствии из новых келий, выстроенных для него в 1674—1675 годах, был сделан особый ход в Богоявленскую церковь в виде крытой галереи с окнами по обе стороны, тянувшийся по монастырской ограде на расстоянии 30 сажен. Государь прислал для этой церкви серебряные сосуды, покровы, ризы и полный круг новопечатных богослужебных книг. Но присланная царем роскошная утварь не соответствовала прочей скудной обстановке церкви. «А в той церкви, — писал царю Никон, благодаря его за присылку утвари, — срачица на престоле и покров на жертвеннике крашенинные, а у царских дверей нет завесы, нет у местных икон пелен, а у дьякона стихаря нет, паникадила и колоколов, а царские двери и местные иконы письма самого

плохого». Царь в январе 1676 года, уже незадолго до своей смерти, прислал ему недостающую утварь и три небольших колокола (весом все в $2^1/_4$ пуда)[25]. Сам Никон никогда не служил, а только присутствовал при богослужении. Но причащался он в алтаре вместе с служившим иеромонахом. За богослужением на ектениях и прочее его поминали «святейшим патриархом». В Богоявленскую церковь по приказу Никона не допускался никто из посторонних.

Вынужденный проводить бóльшую часть своего времени в келье, особенно в первые годы своего заточения, патриарх Никон, большой любитель книг, уже раньше известный своей обширной начитанностью, не мог, конечно, обойтись без книг при томительном однообразии своей затворнической жизни. Чтение книг занимало не последнее место в ряду его обыденных занятий. Книги доставлялись по его требованию из богатой библиотеки Кириллова монастыря; он требовал по нескольку книг зараз и часто менял их на новые[26]. Во время Великого поста Никон, по рассказу Шушерина, особенно любил заниматься «почитанием книг святых, яко же бе ему обычай в Воскресенской отхожей пустыне».

Немало времени уделял патриарх и на хозяйственные хлопоты. Иногда необходимость заставляла его своими руками исполнять домашние работы: носить дрова и воду, печь хлебы и прочее. Все подобные работы хорошо были знакомы Никону еще во времена его отшельнической жизни в Анзерском скиту. В лучшую пору своего заточения патриарх не только не оставлял хозяйственных занятий и хлопот, но с охотой посвящал им свое время. В этих занятиях находила себе исход его энергичная натура, обреченная на вынужденное бездействие. Самым любимым его занятием была рыбная ловля на Бородавском озере, предоставленном в его распоряжение еще с лета 1667 года. Патриарх часто ходил удить на это живописное озеро, расстилавшееся к западу от монастыря недалеко от его келий. В 1672 году на присланные царем деньги он заказал три невода и ими ловили рыбу для его обихода ловцы Ферапонтова монастыря, а также Кириллова и Троицкого попеременно. Зимой он требовал не менее 12 ловцов, летом — не менее шести. Мелкую рыбу Никон отдавал в монастырскую трапезу. Но вообще он был недоволен ферапонтовской рыбой. «А рыбенка когда и уловится на братию, — писал он царю, — и то самая худая, ершишка да сорожка». Ему была дана еще тоня на реке Шексне под селом Бородавой, где под наблюдением доверенного старца ферапонтовские ловцы ловили для патриарха стерлядей, язей, лещей разными способами: переметами (иногда по 600 уд), ботальны-

ми сетями, мережами и прочим. Рыболовные принадлежности большею частию заготовлялись у него в Ферапонтове, материал для них иногда присылался из Кириллова, иногда покупался им на свой счет[27]. Для хранения их был устроен особый «онбар неводной и сарай». По описи 1676 года у Никона было несколько неводов, мереж, верш и 11 лодок, больших и малых. Никон устроил также два пруда, в которых он разводил карасей. Хорошую рыбу — стерлядей, осетров — привозили ему из Шексны и из царских тоней живую в бочках, причем пристав наказывал провожатым «беречь накрепко, чтобы та рыба у Ферапонтова монастыря не поснула». Для этой рыбы был устроен особый деревянный садок под монастырской мельницей.

Кроме рыбной ловли Никон любил еще заниматься сельским хозяйством — хлебопашеством и огородничеством, недаром он был сын крестьянина-земледельца. В двух верстах от Ферапонтова в монастырской пустоши Лещево он расчистил лес под пашню, поставил там двор и сеял рожь и пшеницу[28]. Известно также, что он брал у монастыря в аренду пустошь Рогозинино[29]. В 1676 году еще до уборки хлеба в житницах Никона оказалось 480 четвертей всякого хлеба, ржи и ярового, сухого и молотого, между прочим ржи 200 четвертей, овса — 113, ячменя — 84, пшеницы — 24 и прочего. Нельзя, впрочем, думать, чтобы весь этот хлеб вырос на полях Никона: бóльшая часть его, вероятно, была доставлена из окрестных монастырей.

Огородничеством Никон занимался в довольно широких размерах. У него было в Ферапонтове три огорода: один находился, как можно думать, на берегу озера, судя по тому, что за ним стоял онбар неводной с лодками, сетями и прочими рыболовными принадлежностями, другой — там же «у устья реки», третий — «подле монастыря у полаты», то есть на южной стороне монастыря. В этом последнем небольшом саду росла только малина да смородина. В двух других огородах посажены были разные овощи в большом количестве: в обоих огородах вместе было, например, 43 гряды капусты, 37 гряд луку, 24 чесноку, были также огурцы и дыни в ящиках и грядах, тыквы, салат, свекла, редька, репа, морковь, а также лекарственные травы: мята, зоря, девятисил. Никон хотел также развести в Ферапонтове яблони, которых здесь прежде не было: после него осталась целая гряда яблочных саженцев. Когда Никона перевели в Кириллов монастырь, то из собранных в его огородах овощей ему выслали только «небольшое», а именно 101 тыкву, 14 дынь, 1350 огурцов, несколько пудов луку и чесноку, семени макового ведерко и т. п. Уже по этой «небольшой» части всего урожая можно судить о том, как успешно процветала в хозяйственных

руках Никона эта отрасль сельского хозяйства, которая и доныне так слабо развита на севере России.

Для успешного занятия хлебопашеством и садоводством патриарх должен был держать лошадей и рогатый скот. В 1676 году у него было 8 лошадей, 9 коров дойных и около 20 «бычков и телушечек», а также козел с 3 козами и 4 маленькими козликами. У него был за монастырем особый скотный двор, который он задумал строить еще в августе 1672 года. Держал патриарх и домашних птиц. Всех этих животных он частию брал из окрестных монастырей, частию покупал на собственные деньги[30].

Хозяйственные заботы и хлопоты чередовались у Никона с занятиями благотворительностью. Благотворительность всегда была отличительным свойством патриарха Никона. Он не любил копить деньги и широко благодетельствовал нуждающемуся люду, чем приобрел большую любовь к себе в народе. В Воскресенском и других патриарших монастырях по его приказу радушно принимали всех прохожих путников и бесплатно содержали по нескольку дней[31]. Живя в заточении и нередко сам испытывая нужду, Никон не мог уже заниматься благотворительностью в прежних широких размерах, тем более что доступ к нему окрестного населения временами был совсем запрещен. С 1672 года, когда он получил больше свободы и материальных средств, он помогает окрестному нуждающемуся населению, раздает деньги из присылаемой царской милостыни. Многие берут у него деньги в долг. Нищим, сиротам и всяким скудным людям он раздавал милостыню хлебом и деньгами. Бедным невестам давал на приданое и свадьбу по рублю и по два. Одна бедная девица хотела постричься в монахини и не имела средств уплатить вклад, требовавшийся при поступлении в монастырь: Никон внес за нее этот вклад в размере 17 рублей. Иногда бедные — «всяких чинов люди» — исправляли у него разные работы по хозяйству, и за это он кормил их обедом, особенно на Господские праздники.

Кроме раздачи денег и хлеба Никон, живя в заточении, обратился к новому способу благотворительности — лечению больных. Приставу Шайсупову, царским послам, а потом на допросе у следователей он рассказывал о следующем бывшем ему видении: явился ему Христос часто в церкве тем образом, как пишется на иконе, и подал ему благодать чаши лекарственной. «Отнято у тебя патриаршество, — было сказано ему в этом видении, — и у тебя за то дана чаша лекарственная: лечи болящих». Никон еще до своего заточения в Ферапонтов интересовался медициной. В 1658 году ученый монах Епифаний Славинецкий перевел для него «дохтурскую книгу» и за это получил

от него 10 рублев[32]. Живя в Воскресенском монастыре, патриарх находился в сношениях с врачами-иностранцами — «дохтуром Самойлом и Томасом-англичениным», — и пользовался их советами[33].

Лечению своему Никон, как «врач духовный», придал религиозный характер. Приезжавших к нему в Ферапонтов больных келейник его дьякон Мардарий проводил в крестовую келью, куда приносил кадило и свечи. Здесь патриарх читал над болящими молитвы по потребнику, помазывал их освященным маслом, кропил святою водою и давал разные лекарства. Тот же Мардарий, исправлявший у Никона должность казначея, покупал для него в Москве кроме масла деревянного и ладону росного «скипидар, траву чечюй, целибоху, траву зверобойную, ношатырь, квасцы, купорос, канфару да камень безуй». Но Мардарий, как он после сам заявил на допросе, «не видал, как Никон те травы спускал», то есть приготовлял из них лекарства. В этом деле помогали Никону другие его старцы. Один из таких помощников Никона по лечению — старец Савин, научившись у Никона, после сам стал заниматься лечением. В 1694 году он был привлечен к допросу в Преображенский приказ по обвинению в чародействе и здесь, оправдываясь от обвинений, дал показания, интересные для нас, поскольку они касаются жизни Никона в Ферапонтове и его лечебной практики.

Родом старец Савин был из костромских мещан, назывался Семеном Галкиным. Однажды, возвращаясь с богомолья из Соловецкого монастыря, он по пути зашел в Ферапонтов, где в то время жил Никон, который знавал его раньше в Воскресенском монастыре. «И по тому знакомству, — рассказывал Савин, — будучи в Ферапонтове монастыре, святейший патриарх его постриг для того, что он не был женат, и, постригшись, жил он у него, святейшего патриарха, всего 9 лет, да у него же, святейшего патриарха, с ним же, Савиным, жили черные дьяконы Питирим да Рувим. И, живучи в том Ферапонтове монастыре, он, святейший патриарх, лечивал у многих людей всякие болезни по травнику и по лечебнику, а для того леченья строил из разных трав и из коренья водки, а те травы сбирывал, ездя с ним, Савиным, и с вышеозначенными дьяконами, с Питиримом и с Рувимом, по рекам, озерам, и по лесам, и по полям, и тому леченью он, святейший патриарх, научил и его, Савина, и для того леченья с того лечебника и с травника дал им списывать, а ему, святейшему патриарху, тот лечебник и травник на римском языке вывез из Персиды и перевел на греческий, а с греческого на русский язык греченин, старец Мелетий». После взятия Никона «под караул» в Кириллов монастырь старец Са-

вин ушел из Ферапонтова и, переходя по разным монастырям, лечил всяких чинов людей от многих болезней «без наговоров и шептаний», а с помощью лекарств и трав, указанных в лечебнике, который списан им у патриарха. На этот-то лечебник старец Савин ссылался в оправдание странного способа лечения падучей болезни у малолетнего сына князя Хилкова посредством закапыванья корней молодой березки в землю, «чтобы та болезнь впредь не отрыгнула». Предусмотрительный старец добавил при этом, что упомянутый лечебник сгорел вместе с его кельей, и он «ныне никого не лечит и от того всего отстал, потому что лечить стало не по чему».

Старцу Савину удалось прикрыться авторитетом сгоревшего Никонова лечебника. Сомнительно, однако, чтобы подобные средства русской народной медицины, как лечение «березкой», находились в лечебнике, переведенном с греческого. Сам Никон, по-видимому, был склонен следовать более рациональной медицине. При осмотре его келий в 1676 году в них нашли много лекарств: «коренья, и травы, и водки, и мази в скляницах, и в кувшинах, и в пузырях, и в ставиках, и в иных разных судах». Некоторых больных Никон оставлял в Ферапонтове на несколько дней и даже на неделю «до исцеления». В 1673 году он просил игумена Афанасия дать особую келью для болящих, «где им пребывать и ему, Никону, к ним приходить», но игумен отказал ему в этой просьбе.

Между тем слух о том, что опальный патриарх с успехом исцеляет от всех болезней, успел широко распространиться в народе. И вот со всех сторон потянулся в Ферапонтов монастырь бедный страждущий люд, привлеченный молвой о добром целителе. Приходили и приезжали сюда не только из Белозерского края, но и из других, более отдаленных мест: Вологды, Новгорода, Заонежья, Ярославля, Костромы, Твери, Москвы. Патриарха осаждали целые толпы болящих с просьбами о помощи. Под окнами его келий стояло иногда человек сорок и более больных разного возраста и полу. Разнообразны были болезни, на которые жаловались эти больные: одни из них страдали падучей, другие страхованием от демонов, иные расслаблением. Встречались также болезни: «черная, галическая, волосатик, трясовица и гнетеница», слепота, кровотечения, килы, запоры, зубная боль, «зыбашник» у младенцев и прочее. Никон старался помочь каждому как мог: читал молитвы, мазал священным маслом, давал разные лекарства. «И он по тому явлению и по благости неисчерпаемой чаши лекарства исцелял. И от того ево лекарства Бог от болезни многих людей избавлял», — говорил он своим судьям на допросе.

О своих занятиях лечением Никон писал царю Алексею Михайловичу и даже послал ему «роспись, что он излечил мужеска полу и женска и девок многое число». Эта роспись хранится теперь в государственном архиве. Записи об исцелениях, совершенных Никоном в Ферапонтове монастыре, известны в нескольких списках под следующим заглавием: «Дела святейшего Никона-патриарха, паче же рещи чудеса врачебная, яже соделающе жив сый, бе во изгнании в Ферапонтове и Кириллове монастырях». В этих записях обозначено: откуда происходил исцеленный, какой болезнью страдал и когда исцелился[34]. Записи начинаются с 1673 года (записано только 4 случая) и оканчиваются 1676-м. Всех исцеленных записано здесь 132 человека: из них 68 мужчин, 53 женщины и 11 младенцев. Большинство исцеленных принадлежало к крестьянскому сословию, но были между ними лица духовного звания (даже два священника), дворяне и боярские дети, купцы и посадские люди.

Врагам Никона, конечно, не по сердцу была эта деятельность опального патриарха, привлекавшая к нему сочувствие народа, и они, как увидим ниже, при первой же возможности поспешили прекратить ее, не постеснявшись прибегнуть к наглой лжи и низкой клевете, чтобы опорочить доброе имя ненавистного им патриарха.

V

Приспело, государь, время к его, монаха Никона, древней старости и к скорбям.

Из донесения царю пристава Шайсупова

Милостивый, милостивый, милостивый, великий государь, сотвори Господа ради со мною милость, не вели Кириллова монастыря старцам меня заморить.

Из письма к царю патриарха Никона

Патриарх Никон даже в наиболее суровые времена своего заточения не переставал называть себя патриархом, пострадавшим за Слово Божие и святую Церковь. Со времени же облегчения своей участи в 1672 году и до конца своего пребывания в Ферапонтове он, конечно, еще менее был склонен мириться с положением ссыльного монаха. Он смотрел на себя как на патриарха, жившего на покое, и согласно этому взгляду (которого, по-видимому, держался и сам царь Алексей Михайлович) он хотел создать вокруг себя обстановку, приличную его высокому

сану, хотел жить на широкую ногу, как подобало бывшему патриарху, а не простому «старцу». Расширение круга его деятельности, занятия благотворительностью, лечением больных, хозяйством, увеличение числа свиты и рабочих — все это требовало лишних расходов и, естественно, вызывало с его стороны новые увеличенные запросы на свое содержание. Вот почему, несмотря на облегчение участи патриарха с лета 1672 года, мы видим его в постоянных хлопотах и жалобах на разные нужды и недостатки своего содержания. Но уже во многих его просьбах и жалобных посланиях государю слышится немощь старца, удрученного годами, болезнями и суровыми превратностями судьбы.

Царь Алексей Михайлович, приказав облегчить участь Никона, томившегося в строгом заключении до весны 1672 года, хотел также, чтобы улучшены были обстановка и содержание опального патриарха. Он распорядился, чтобы запасы на содержание Никона, его свиты и стражи доставлялись из пяти окрестных монастырей. Таким образом, кроме Кирилло-Белозерского монастыря к расходам на содержание опального патриарха были привлечены еще монастыри Новозерский, Троицкий, что на устье Шексны (упразднен в 1764 году) и два вологодских монастыря: Спасокаменный и Прилуцкий. При наступившей тогда скудости и всеобщем обеднении монастыри тяготились этой новой возложенной на них повинностью и иногда даже отказывались высылать припасы в Ферапонтов, оттовариваясь бедностью. Кирилло-Белозерский монастырь, как самый богатый и притом ближайший к Ферапонтову, чаще других посылал запасы Никону, но и он доставлял их не всегда своевременно и в достаточном количестве. Вследствие неоднократных жалоб Никона и донесений пристава Шайсупова государь в апреле 1673 года послал в Ферапонтов своего стряпчего Косьму Абрамовича Лопухина для того, чтобы на месте проверить справедливость жалоб патриарха и собрать справки о расходах, какие были сделаны на его содержание. Лопухин исполнил это поручение, причем игумен ферапонтовский Афанасий представил ему счет расходов своего монастыря на содержание Никона с 21 декабря 1666 года. Никон уже только после отъезда Лопухина узнал, какие записи дал ему игумен. Он тотчас заявил приставу, что эти записи совсем неверны, что в них расходы показаны вдвое и втрое больше настоящих. В мае об этом заявлении было доложено государю. Игумен испугался и, чувствуя за собой много других грешков в управлении монастырским хозяйством, отказался от игуменства, а на его место был выбран другой по имени тоже Афанасий. При сдаче ему монастыря бы-

ла произведена подробная опись всего монастырского имущества, результаты которой оказались не совсем благоприятны для бывшего игумена[35]. Никон, с своей стороны, возмущенный несправедливым поступком игумена, с неумолимой настойчивостью продолжал раскрывать его злоупотребления. 18 июля он пришел в монастырскую трапезу и здесь в присутствии обоих игуменов, бывшего и настоящего, и всей братии подал приставу челобитную на имя государя, которую тут же велел прочитать. В ней он подробно описывал злоупотребления бывшего игумена и, ссылаясь на записи пристава, доказывал, как много лишнего насчитал на него в своих записях игумен Афанасий. Изобличенный игумен тут же при всех просил прощения у патриарха и во многом винил казначея и прислужников. Пристав начал производить следствие по делу о всех злоупотреблениях. Расходившийся патриарх припомнил тут и о своих «немалых» запасах, оставленных им в Ферапонтове двадцать лет тому назад, когда он в 1652 году возвращался из Соловков с мощами святого Филиппа. В своей челобитной на имя государя Никон не шутя требовал, чтобы допросили бывшего игумена, куда он подевал эти запасы. Не предвидя себе ничего доброго, Афанасий однажды ночью бежал из Ферапонтова, а в следующую ночь его примеру последовал житенный старец Иов, также замеченный в злоупотреблениях. Ферапонтовские монахи подали государю челобитную на бежавшего игумена, в которой обвиняли его и келаря Макария Злобина в растрате монастырского имущества и разорении монастыря. Злополучный игумен, скрываясь от розысков, пропал без вести.

В это время Никон, положивший начало раскрытию злоупотреблений, продолжал писать государю челобитные одна за другою, защищал в них интересы Иверского и Ферапонтова монастырей, писал о разных своих нуждах. «Пришли и яблочков, — пишет между прочим старый патриарх царю в одной своей челобитной, — сколько Господь возвестит тебе, а я того благословения Божия седьмой год не едал, потому что здесь они не родятся, да и купить негде и не на что: я все прежнее жалованье твое роздал по заповеди Божией неимущим, да и в память царевича Алексея Алексеевича мне милостыни не было, сотвори ее мне».

Государь внимательно относился ко всем заявлениям и просьбам Никона и, видимо, старался удовлетворить нуждам и желаниям престарелого патриарха, хотя некоторые его просьбы должен был оставить без исполнения. 18 ноября 1673 года он снова прислал в Ферапонтов того же Косьму Лопухина. По поручению царя Лопухин величал Никона «святым и великим от-

цом», справил ему поклон от всех лиц царского семейства поименно и поднес патриарху присланные ими подарки. Царь и царица Наталья Кирилловна послали ему для рождения царевича Петра Алексеевича не присланные в свое время гостинцы — древо сахарное, ковришку на орел[36], хлебец черный, а также заупокойную милостыню по царевиче Алексее 200 рублей; от царевны Натальи Алексеевны прислано было: 200 рублей денег, ковришка сахарная, ковришка пряничная, хлебец черный. Не забыты были и яблочки, о которых писал патриарх: царский посол поднес ему от царя и царицы по 10 арбузов тамбовских и белогородских и по 600 яблоков из нежинских и московских садов. Вместе с этими подарками Лопухин привез Никону роспись запасов, которые по указу государя ежегодно должны были доставляться на содержание Никона и его свиты из белозерских и вологодских монастырей. Годовые запасы были назначены в таком изобилии, что сам Никон нашел, что некоторых запасов «преизлишне написано» и, переговоря с послом, сократил их количество в иных случаях на треть и даже наполовину, вставив вместо того в роспись некоторые пропущенные в ней припасы[37].

Никон особым письмом благодарил царя за милость. Но, зная по опыту неисправность и упорство монастырских властей, он не возлагал больших надежд на присланную царем роспись годовых запасов. «Чаю, молва будет велика в монастырях о тех запасах, — писал он государю, — а в прошлых годах велено давать мне из монастырей, но они давали малые запасы и то с великими брюзгами, а в выписи писали впятеро, вдесятеро, во сто и тысячу раз больше, оболгали меня тебе, великому государю». Действительно, новая роспись, хотя и представляла большой шаг вперед в деле обеспечения опального патриарха, но не устранила на деле многих затруднений в его содержании. Натянутые отношения патриарха и монастырских властей уже тогда были налицо, а при таких отношениях доставка припасов натурой неизбежно давала повод к взаимным недоразумениям и неудовольствиям. Только впоследствии, по обоюдному желанию как патриарха, так и монахов, правительство пришло к мысли обложить монастыри определенным денежным оброком на содержание патриарха. Но плодами этой слишком поздно проведенной меры не пришлось уже воспользоваться Никону. До самого конца пребывания своего в Ферапонтове патриарх вел упорную, иногда мелочную борьбу чаще всего с монахами Кириллова монастыря, обвиняя их в намеренном пренебрежении к его требованиям и неисправной доставке припасов.

Патриарх Никон, как известно, был чрезвычайно взыскателен и не терпел неисправности даже в мелочах — это свойство он сохранил и в заточении. Не понравившиеся ему припасы он без церемонии отсылал назад, жалуясь потом государю, что за непригодностью их он принужден покупать другие на свой счет. Особенно нелегко было угодить требовательному патриарху в выборе людей для домашних работ, что также лежало на обязанности монастырей. Между тем присылаемые монастырями служки, как назло, оказывались или неумеющими или негодными людьми. Вот для примера довольно характерный случай в этом роде. В феврале 1675 года царским указом велено было дать Никону из Спасоприлуцкого монастыря «повара добраго». Оттуда прислали Ваську Ильина, который оказался никуда негодным поваром: «не умеет ничего сварить и даже рыбы чистить». Никон продержал его до 29 марта и отправил назад, требуя прислать нового повара, именно — Ивашку Евтифеева или Ваську Агафонова. Присланный на этот раз повар оказался знающим, но, прожив полгода, был уличен в воровстве, наказан батогами и отправлен обратно в Прилуцкий монастырь с требованием дать нового повара, «доброго, а не вора». Монастырские власти прислали известного уже Никону Ваську Ильина. Патриарх наконец начал уже сердиться и в январе 1676 года писал в монастырь, чтобы прислали повара «доброго, целомудренного, а не безумного». «А будет не пришлете, — грозил патриарх, — нарошного гонца пошлем к Москве да с ним и повара безумного для ради подлинного свидетельства, и в том вам впредь будет каятися». Но угроза, по-видимому, мало подействовала: вновь присланный повар Васька Измайлов оказался больным падучей болезнью, и Никон, заявив, что такому человеку в поварах быть непристойно, требовал себе повара доброго, здорового, именно — Ивашку Евтифеева. Однако монастырские власти прислали в феврале не его, а Моську Семенова, который тоже не мог угодить патриарху и, прожив около двух недель, сбежал из Ферапонтова в свой монастырь. Власти тотчас же вернули его обратно, но патриарх его не принял «за его плутовство и неумевство» и велел учинить ему наказание и отпустить обратно. Таким образом, все четыре повара, присланные монастырем в течение одного года, оказались негодными. Эта история с поварами кончилась тем, что патриарх написал монастырским властям: если они сами не могут нанять повара, который бы умел естьы варить и рыбу чистить, то пусть присылают вместо того наемные деньги «по полтине на месяц да хлеба, по осмине ржи да по осмине овса». Власти согласились на это и тотчас прислали в Ферапонтов деньги на наем повара 6 рублей

на целый год, обещаясь высылать и хлебные запасы. Никон требовал также из монастырей, согласно указу, рабочих для разных работ: для возки бревен, для сенокосу, для отправки судов в Архангельск за покупками и прочее. Всех этих людей монастыри должны были нанимать сами и содержать на свой счет.

Неумолимо требовательный к монахам белозерских и вологодских монастырей, которых он постоянно упрекал в неисправности и упорстве, патриарх иначе относился к Ферапонтову монастырю, где он жил. Эта небогатая обитель не в пример прочим монастырям несла неизбежные и обременительные для нее расходы вследствие пребывания в ней опального патриарха со свитой и стрельцами. Но главная тяжесть для нее заключалась в доставке подвод для нужд патриарха и пристава, для отправления в Москву отписок, а иногда арестованных лиц. По словам самого Никона, «на монастырских и крестьянских подводах постоянно гонцы гоняют и по городам для наших покупок и по монастырям для наших запасов на ферапонтовских подводах беспрестанно ездят и для твоей приказной избы и караула и наших келей и пристава и сотникова стоялых дворов и стрелецких стоялых изб и монастырского обихода берут всякие подводы». Монахи ферапонтовские ворчали: «Шестой год их разоряют, и им от того разорения придется из монастыря идти вон». Никон замечал эту несправедливость в излишнем обременении монастыря сравнительно с другими более богатыми монастырями и со своей стороны старался облегчить его положение. Так, он дал монастырю вклад в 500 рублей на содержание живших у него старцев, отдавал в монастырскую трапезу запасы, остававшиеся у него за обиходом, как заявили потом сами монахи, ссужал казначея деньгами в трудные времена. В то же время он хлопотал пред царем об освобождении монастыря от некоторых государственных повинностей, например, от доставки 256 подвод для отправления казенного хлеба в Москву, от доставки работников на белозерский рыбный двор, жалуясь при этом на белозерских воевод. Наконец, Никон стал просто запрещать приставу Шайсупову брать ферапонтовских людей и лошадей для отсылки отписок, приказывая требовать их с других монастырей. В 1675 году с Ферапонтова монастыря стали требовать доимочных денег на жалованье ратным людям 283 рубля 23 алтына 2 деньги. Никон тотчас написал государю челобитную о нуждах и бедности монастыря и послал в уплату монастырского долга своих 200 рублей из царской жалованной милостыни. Но эти деньги тогда же были возвращены Никону обратно.

Живя в Ферапонтове монастыре, патриарх Никон со своими монахами и многочисленным штатом прислуги образовал в нем как бы свой особый монастырь, в котором был полновластным настоятелем. В последние годы его пребывания в Ферапонтове у него было не меньше 10 человек братии, а число служек и работников увеличилось до 25—28 человек. Монахи исполняли у него разные должности: иеродиакон Мардарий был казначеем, иеромонах Варлаам — духовником[38], одни ежедневно отправляли для него богослужение в крестовой келье или Богоявленской церкви, других — он посылал с разными поручениями. Монахов и служек своих патриарх держал строго и потачки им не давал. Иеромонаха Палладия, как уже выше было сказано, он велел прогнать из монастыря «дубьем» за переговоры и смуту. Строго преследовал он среди монахов всякую неисправность, и особенно пьянство, неумолимым врагом которого он был и во времена своего патриаршества. В июне 1672 года келейный старец его Яким был послан им под село Бородаву на реку Шексну для наблюдения за работниками, которые ловили там рыбу, красную и белую, на его обиход. Старец Яким, как видно, не прочь был зашибиться хмельным, и эта слабость привела его к беде. Кирилловский служка Тихон Волков, остановившийся здесь проездом, оказался для слабого старца демоном-искусителем. Он «искусом запоил старца вином» допьяна, а ловцам велел ловить рыбу для себя. Несколько времени пировал он здесь с захмелевшим старцем, причем «двукратно» приказал для себя «столы готовить» из лучшей рыбы — стерлядей, лещей и язей, а уезжая, взял с собою стерлядь в аршин, 8 стерлядей поменьше и 20 язей. Никон, узнав об этом нахальном поступке кирилловского служки, тотчас приказал кирилловским властям, чтобы они всю рыбу, взятую Волковым, прислали к нему живую и дали для него «оборону», чтобы впредь старцам и служкам кирилловским было неповадно брать рыбу из его тоней, в случае же неисполнения своего требования грозил пожаловаться великому государю. Старец Яким также поплатился за свою слабость: строгий патриарх «велел учинить ему за его неистовство жестокое наказание». В те суровые времена телесные наказания — смирение плетьми и батогами — были самым обыкновенным средством в руках монастырских настоятелей, которые иначе не могли справляться с грубым и невоздержанным нравом некоторых пасомых.

Много хлопот причинил Никону тот самый монах-серебряник Иона, который вырезывал ему надписи на крестах и утвари. Искусный мастер своего дела, он был в то же время горьким пьяницей и к тому же отличался сварливым, неужив-

чивым нравом. Строгость патриарха не в силах была обуздать его несчастной привычки к пьянству и сплетням. Тайком от патриарха он часто ходил к приставу, который, подпоив его вином, охотно выслушивал от пьяного монаха всякие сплетни о своем патриархе, который подчас был тяжел и для самого пристава. Однажды, сильно угостившись у пристава, он вернулся к себе в пьяном виде, здесь нагрубил патриарху и учинил даже буйство, начав колотить окружающих[39]. Патриарх хотел за это сослать его на смирение в пекарню, но он совсем ушел из монастыря сначала к приставу, а потом в Москву. Желая отомстить строгому патриарху, Иона дорогою по разным городам и монастырям разглашал всюду о надписях, которые он вырезывал в Ферапонтове по приказанию Никона и одну из них даже захватил с собою. Утверждая, что Никон «самовольно затевал, будто он терпит в заточении за слово Божие», он в черных красках изображал жизнь опального патриарха в заточении. И какого только вздору не болтал мстительный монах о своем бывшем патриархе, благо находились охотники слушать его вздорную болтовню. На воображение суеверных раскольников особенно сильно действовал рассказ Ионы о том, как Никон беседовал с дьяволом на устроенном им каменном острове. Часто вечером по закате солнца, рассказывал Иона, Никон выезжал на лодке к этому острову. Здесь волшебными заклинаниями от вызывал дьявола, который выходил к нему в образе страшного змия. Никон обнимал змия и целовал, потом по обычаю спрашивал и узнавал от него, что говорят в народе о нем, Никоне. Клеветы Ионы, подхваченные врагами Никона, принесли потом большой вред опальному патриарху. Шушерин называет Иону «вторым Иудой» и сообщает, что он погиб ужасной смертью: в городе Переяславле он зашел на винокурню и, напившись здесь допьяна, упал в большой котел с кипящей водою и там сварился.

С увеличением свиты и штата прислуги прежние кельи Никона стали ему тесны, и он еще с весны 1673 года начал хлопотать о постройке ему новых келий подле Богоявленской церкви. Не один раз повторял он эту просьбу; в одной челобитной он указывал, между прочим, на неприятное соседство его теперешних келий с братской поварней: «А из той поварни зимою и летом всегда помои и всякое скаредие льют к той кельи, и оттого зимою и летом великий смрад бывает». Наконец в апреле 1674 года Косьма Лопухин привез в Ферапонтов указ о постройке патриарху новых келий на счет белозерских и вологодских монастырей. Велено было построить для Никона жилые кельи, а также «служебную, поваренную и приспешню с сеньми

на погребах и с сушилом в одной связи да два хлебные амбара». Ферапонтовский игумен с братией, по желанию Никона, подрядились строить все эти здания, взяв с монастырей подрядной платы 672 рубля 26 алтын 4 деньги. Бревна для постройки возили из Жалобинского лесу крестьяне Кириллова монастыря. Плотники работали кирилловские под наблюдением нарядчиков и монастырских слуг и вологодские под наблюдением келаря Спасоприлуцкого монастыря. Патриарх, имевший страсть к постройкам и много на своем веку построивший, сам следил за работой. Заметив что-нибудь неладное, он тотчас же приказывал ломать и делать вновь сообразно своему требовательному вкусу. Эти переделки, конечно, задерживали ход работы и не нравились строившим. Все втайне жаловались и роптали, но никто не смел перечить строгому патриарху. Спасоприлуцкий келарь, живший тогда в Ферапонтове для наблюдения за рабочими, писал своему архимандриту, что он и его люди живут в кручине, а житью своему не ведают конца, что указу от патриарха не могут добиться (то есть насчет того, как нужно строить), что прилуцким плотникам «отнюдь не управить по его мысле», что кирилловских плотников забито человек с 60 и они все мученики — пятую неделю делают, а семи рядов не могут сделать: приезжал сам кирилловский архимандрит Никита и бил челом — ино ничто неймет». Никон жаловался потом государю, что кирилловские плотники не достроив ушли.

Постройка закончилась только в концу следующего года; в сентябре кельи вчерне были готовы — «и кельи ему, Никону-монаху, и анбар у келий ево построили, как ему годно». Уже по сумме денег, собранной с монастырей на постройку этих келий (672 рубля), весьма значительной по тогдашнему времени, когда московский рубль равнялся 17 нынешним рублям, можно судить о величине и просторе новых помещений ферапонтовского заточника. Это были большие хоромы с крыльцами и переходами, резко отличавшиеся от скромных построек монастыря. Внешний вид этих келий пристав Ододуров (в 1676 году) описывал следующим образом: «У Никона-монаха построены кельи многие, житей с двадцать пять; а из тех келий поделаны сходы и всходы и окна болшие в монастырь и за монастырь. Да у него же сделаны переходы по монастырской стене, через сушильные палаты, к церквам, что на святых воротах, на тридцати саженях; а по тем переходам поделаны окна большие же на монастырь и за монастырь»[40]. Особенно внушительный вид должна была иметь тридцатисаженная галерея с окнами, соединявшая кельи Никона с Богоявленской церковью. Жилые кельи имели 13 окон больших и 10 волоковых.

Внутреннее убранство этих хором также стоило немалых хлопот Никону. В октябре 1675 года он призывал к себе настоятелей четырех окрестных монастырей для доподлинной сметы и досмотру келий, что еще нужно сделать для их окончательного устройства. По смете требовалось еще расходов на 73 рубля 12 алтын 4 деньги. По небрежности монастырей дело и тут замедлилось. Особенно долго почему-то не делали в кельях печей. Между тем в старых кельях печи и трубы были разломаны еще весной, и Никон заявлял настоятелям, что он с братиею «все на холоду и помирают холодною смертью». О постройке печей он не один раз писал и государю: «Господа ради вели печи сделать, а не велишь, братия разбредутся розно, и я останусь один. Ох, увы мне, что буду!»

Таким образом, устройство обстановки и обеспечение своего содержания стоило опальному патриарху больших хлопот. Недостаточно было выхлопотать указ государя об удовлетворении той или иной нужды. И по получении указа часто приходилось бороться с упрямством, косностью, а подчас и недобросовестностью монахов, недовольных излишними расходами, с небрежностью и неумением лиц, исполнявших его работы. Вообще можно сказать, что опальный патриарх сам завоевал свое обеспеченное положение, будучи обязан им сколько благосклонностью государя, столько же и самому себе, своему неутомонному нраву и неутомимой энергии, с какою он преследовал всякую небрежность и злоупотребление в отношении к себе. В этом отношении Никон-заточник напоминает Никона-администратора по настойчивости в достижении целей и неутомимой защите того, что он считал своим законным правом. Эта борьба за свое положение, неизбежно переходившая иногда в мелочные споры и пререкания, вполне соответствовала практическому складу характера Никона. Но она наконец стала утомлять его. С летами развились в опальном патриархе старческая мнительность и недовольство окружающим. Старый патриарх испытал на своем веку слишком много тяжелых душевных волнений, которые, быть может, оказались бы даже не под силу иной менее могучей натуре. Беспощадная травля врагов, подстроивших разрыв его с царем, добившихся его низложения и не переставивших вредить ему даже в ссылке, естественно повлияла на его характер неблагоприятным образом, сделала его мнительным и усилила свойственную ему и прежде раздражительность. Столкновения с окружающими становятся чаще и принимают более резкий характер. Еще в первые годы своего заточения Никон, привыкший властвовать, не особенно чинился с своим приставом — дворянином Наумовым и не стеснялся

при случае честить его нелестными эпитетами — «вора, лихоимца и дневного разбойника». Новый пристав — князь Шайсупов не стеснял свободы Никона, исключая первых месяцев по своем приезде, и потому патриарх долгое время не имел повода ссориться с ним. Князь, живший с женою в особом доме, выстроенном для него за монастырем, иногда приглашал к себе патриарха и однажды, например, зазвал его к себе, когда тот шел на озеро ловить рыбу. Но поводы к взаимному неудовольствию не замедлили явиться, так как Никон посылал свои требования монастырям через пристава, и приставу первому приходилось выслушивать претензии и гневные жалобы требовательного патриарха.

В начале 1674 года бывший патриарх уже решительно поссорился с своим приставом, так что последний счел нужным донести об этом государю. Повод к ссоре, по словам пристава, был следующий. 16 апреля, в Великий четверг, Никон пошел было к обедне в соборную монастырскую церковь Рождества Богородицы. По обычаю пошли провожать его стрельцы. Стрелецкий караул, как сами царские послы объяснили Никону, был дан ему «не для утеснения, а для береженья», а потому патриарх имел некоторое основание смотреть на него как на свой почетный караул. Сопровождая Никона как бы для почета, стрельцы обыкновенно ходили впереди патриарха, а не позади его[41]. На этот раз они почему-то (и, можно думать, не случайно) изменили своему обыкновению: только двое стрельцов пошли впереди патриарха, а другие шестеро с сотником пошли сзади. Патриарх тотчас же заметил изменение обычного порядка и заключил, что это сделано неспроста. В тогдашнее время всем мелочам этикета, которые теперь кажутся нам странными, придавалось большое значение. Нервный патриарх тотчас обиделся, совсем расстроился и, «не дойдя до папертного рундука», вернулся к себе в келью, заявив, что он «за приставством в церковь идти не хочет». В случившейся неприятности он винил пристава, хотя его и не было налицо во время этой сцены. Когда князь Шайсупов в день Пасхи пришел поздравить патриарха с праздником и похристосоваться с ним, то Никон его не принял и выслал к нему своего иеродиакона Мардария сказать, зачем он его, Никона, в Великий четверг от причастья отлучил. Пристав объяснял Мардарию, что неприятность патриарху случилась без его ведома, что о выходе патриарха к обедне он не был извещен и находился в то время у обедни в Благовещенской церкви, где приобщался. Но патриарх не удовлетворился этими объяснениями, «и с того времени, — писал пристав, — Никон яко от огня с кручины разгорелся и видеться со мною и

христосоваться не похотел» и не пускал к себе две недели. Все чаще и чаще повторяются недоразумения Никона с приставом, который, со своей стороны, жаловался на него государю, стал держать сторону кирилловских монахов в их пререканиях с Никоном, принимал у себя и подпаивал Никонова монаха Иону, выслушивая у него разные сплетни о тяжелом и непокладистом патриархе. Никон сердился на пристава и иногда не видался с ним по целому году «за напрасным гневом и за ссорами», как доносил пристав государю, а сношения с ним вел чрез келейных своих людей и монастырских служек. Недовольный неприятностями своей службы в Ферапонтове, пристав просил государя уволить его оттуда, потому что ему здесь «для береженья Никона быть немочно». Никон, с своей стороны, тоже писал царю о перемене пристава: «Умилосердись надо мною грешным и над приставом Самойлом, вели переменить его; он со всякие нужды помирает да и меня уморил, потому что никто ни в чем его не слушает».

Кроме недоразумений и столкновений, происходивших у старого патриарха с окружавшими его лицами, были и другие причины, поддерживающие в нем тревожное настроение. До него время от времени доходили слухи о торжестве враждебной ему партии, его бывшие противники и недоброжелатели один за другим возводились на патриарший престол. Так, после смерти патриарха Иоасафа на его место в июле 1672 года возведен был Питирим, один из деятельных виновников низложения Никона. Впрочем, он пробыл на кафедре менее года († 19 апреля 1673 года). После его смерти патриарший престол по невыясненным доселе причинам оставался незанятым более года. В конце июля 1674 года патриархом московским сделан был новгородский митрополит Иоаким. Старый патриарх имел причины встревожиться этим известием. Иоаким принадлежал к числу давних недоброжелателей патриарха Никона, хотя ему именно обязан был началом своей карьеры. Поставленный Никоном в строители Валдайского Иверского монастыря, он после удаления Никона с патриаршего престола примкнул к партии его врагов, сделан был чудовским архимандритом и был деятельным пособником царя и бояр в деле низложения Никона[42]. От нового патриарха Никон не мог ожидать себе добра. Действительно, с вступлением Иоакима на патриарший престол началась перемена в отношениях правительства к ферапонтовскому заточнику, который в ответ на свои просьбы и жалобы нередко получает теперь выговоры. Так, в январе 1675 года был послан в Ферапонтов тот же Лопухин с выговорами Никону, зачем он держит у себя лишних людей в кельях и на службах,

оттого рождается молва и разные переговоры, и с упреками за излишнюю требовательность к кирилловским монахам согласно их жалобам. Лопухину, кроме того, поручено было «тайно осмотреть и на чертеж начертить» строение, начатое Никоном. Никону, конечно, было неприятно выслушивать выговоры и замечания, хотя царь, со своей стороны, смягчил их присылкою ему денежной милостыни, церковной утвари и поручением Лопухину составить новую роспись некоторых запасов и служебных людей, которых должны были доставлять патриарху окрестные монастыри.

Уже в этих выговорах Никон мог чувствовать неблагоприятное влияние на свою судьбу враждебной ему партии во главе с новым патриархом. Но патриарх Иоаким тогда же прямо обнаружил свое неблагосклонное отношение к опальному патриарху. В это же время Лопухин привез от него наказ кирилловскому архимандриту Никите «вызвать в Кириллов из Ферапонтова монастыря игумена, келаря, казначея, конюшего и нарочитых первых старцев человек 10 и повергнуть их строгому допросу, зачем они монаха Никона в разговорах и отписках называют святейшим патриархом». Архимандрит Никита, получив этот наказ, послал в Ферапонтов служку Андрея Гостинщикова с отпискою к властям, в которой вызывал их к себе на допрос. Игумен ферапонтовский с казначеем и конюшим испугались и, не зная что делать, пришли с этой отпиской к Никону. Узнав, в чем дело, опальный патриарх закипел негодованием; при заведомо милостивом отношении к себе государя, который приказывал послам величать Никона святым и великим отцом, он не мог объяснить приказа патриарха Иоакима иначе как личной враждой к себе. Горькое чувство обиды с новой силой подступило к его наболевшему сердцу. В раздражении он послал сказать приставу, чтобы не пускал игумена с братией в Кириллов для допросу. Подозвав затем под окно своей кельи Андрюшку Гостинщикова, расходившийся патриарх жестоко разбранил неповинного служку, грамоту Иоакима назвал «воровскою», потому что Ферапонтов монастырь приказано ведать в приказе великого государя тайных дел, а не патриарху, а самого Иоакима называл «патриаршишком и своим чернецом и чернонедужным». В заключение разгневанный Никон приказал стрельцам, стоявшим у окна с дубинами, бить Андрюшку. Тот хотел было записать в свидетели бывших тут лиц, но стрельцы отбили его от келий Никона. Вся эта сцена разыгралась в присутствии толпы больных (не менее 40 человек), собравшихся к Никону из разных волостей для лечения.

Но ферапонтовские монахи все-таки, хотя и не в тот же день, явились в Кириллов, были подвергнуты здесь допросу порознь и «со всяким пристрастием» и наконец выслушали строгий указ Иоакима, запрещавший впредь называть Никона патриархом. Ответы допрошенных лиц за их подписью были отправлены в Москву к патриарху, причем кирилловские власти донесли Иоакиму и о том, что монах Никон говорил про него «неистовыя слова» и даже прислали к нему упомянутого служку Гостинщикова. Патриарх Иоаким сам по себе, конечно, не простил бы опальному патриарху его раздражительной выходки. Но Алексей Михайлович заступился за своего бывшего друга, и дело, грозившее неприятными последствиями для Никона, было замято. Царь Алексей Михайлович до конца своей жизни был добрым покровителем старого патриарха, сдерживавшим намерения его врагов, которым хотелось построже расправиться с Никоном. Напротив, он старается успокоить расстроенного патриарха и устранить в окружающей его обстановке поводы к его волнениям и раздражительности. В марте того же 1675 года была послана в Ферапонтов особая комиссия, состоявшая из думного дьяка и трех подьячих для собрания новых справок по вопросу о содержании опального патриарха. Предполагалось перевести его содержание на деньги и нужное количество денег разложить на окрестные монастыри соответственно числу крестьянских дворов каждого. Эта мера одинаково была желательна как для Никона, так и для монахов, и если бы она была применена с самого начала, то это устранило бы повод к взаимным пререканиям. Но еще прошел почти целый год, пока в Москве разрабатывали и рассматривали новую смету на содержание патриарха. За это время пререкания между Никоном и Кирилловым монастырем не только не прекратились, но даже усилились. После того, как Иоаким сделался патриархом, кирилловские монахи, по-видимому, стали более смелы в борьбе с Никоном и не стеснялись при случае отвечать на его требования дерзостями. Так в ответ на требования Никона относительно начатой им постройки дворецкий Кириллова монастыря отпустил такую фразу: «Что он с Кирилловым монастырем заедается? Кому он хоромы строит? чертям, что ли, в них жить?» Впечатлительный Никон был глубоко оскорблен этой грубостью и пожаловался на нее государю. «Не вели, государь, кирилловскому архимандриту с братьею в мою кельишку чертей напускать! Того же вечера (когда дворецкий сказал неосторожное слово) птица, неведо откуда взявшись, яко вран черна, пролетела сквозь кельи во все двери и исчезла неведомо куда, и в ту ночь демоны не дали мне уснуть, одеялишко с меня дважды

сволочили долой и беды всякие неподобные многия творили». До Никона доходили иногда насмешки и пересуды о нем кирилловских монахов. «Кушает ваш батька нас», — говорили кирилловские монахи ферапонтовским. «Я благодатию Божиею не человекоядец», — пишет обиженный Никон царю. В другой раз он жалуется царю на насмешки кирилловских монахов, будто он у них в монастыре всех коров приел. При своей старческой мнительности, Никон наконец не мог равнодушно видеть опротивевших ему кирилловских монахов и служек: они стали казаться ему бесовским наваждением. «По многие дни, — пишет он царю, — великие беды бесы мне творили, являясь овогда служками кирилловскими, овогда старцами, грозяся всякими злобами и в окна теперь пакостят, овогда зверьми страшными являются грозяся, овогда птицами нечистыми».

В последний год своего пребывания в Ферапонтове Никон усиленно жалуется государю на неисправность Кириллова монастыря в доставке ему припасов. «Кириллов монастырь богат, — пишет он царю в апреле 1675 года, — а столовых запасов не посылает, грибов и прислали, только таких скаредных и с мухоморами, что и свиньи их не станут есть, вместо осетров прислали чалбыши, и то сухой, только голова да хвост, хмель с листом, что и в квас класть не годится». Отделивши небольшую часть присланных запасов, Никон тут же их запечатал и отправил в Москву с черным дьяконом Мардарием для подлинного свидетельства. В июне он снова пишет челобитную государю, что ему из Кириллова десятый месяц столовых запасов не присылают: «Помилуй меня, богомольца своего, не вели, государь, меня гладною смертью уморить, вели, государь, свой милостивый указ учинить, чем мне, бедному, безмятежному питатися: десятый месяц гладною смертию помираем: купить не на што, а взять негде, и чтоб мне, богомольцу твоему, для ради моей бедности к Господу Богу моления на тя не сотворить».

Кирилловские власти старались оправдаться пред государем, обвиняя Никона в чрезмерной требовательности. Никон опровергает челобитные кирилловских властей, заявляя, что за неприсылкою припасов ему приходится покупать их на государево жалованье. «Бьют тебе челом Кириллова монастыря старцы, будто посылают они на Украйну покупать для меня вишни, и то тебе буди ведомо, что ни едина мне от них по се число не бывала вишня... Они бьют тебе челом, что от меня Кириллов монастырь разоряется, но мне разорять его нечем: я мало могу и ходить от старости». В декабре Никон снова доносил государю об упорстве Кирилловских властей, которые будто бы заявили его старцам, что «без братского приговора они не смеют да-

вать ему, Никону, никаких запасов, а братия давать не велят». Среди кирилловских монахов Никон указывал на двух зачинщиков: Корнилия Затворникова и Иосифа Собакина: «они-то и бунтуют»[43].

Государь по-прежнему снисходительно относился ко всем жалобам престарелого патриарха, стараясь успокоить его болезненную раздражительность. Между тем смета на содержание Никона была рассмотрена и утверждена правительством. 26 января 1676 года государь послал к Никону Косьму Лопухина с милостивым указом, которым повелевалось брать на его содержание вместо столовых запасов — сена и дров, деньгами ежегодно 839 рублей с девяти монастырей. Государь велел при этом сказать, что если положенных денег окажется мало, то он будет присылать по 100 рублей из своей казны, только б у него с монастырей запросов больше того не было. Лопухин поднес Никону милостыню и подарки от царя и царского семейства. Царь послал 100 рублей денег, царица — мех соболий и мех беличий хребтовый, 10 полотен, 12 полотенец, царевичи — 100 рублей денег. Послано было также рыбы, икры и разных сластей.

Никон мог теперь спокойно жить в Ферапонтове, обнадеженный милостью к нему царя, при полном и даже роскошном материальном обеспечении. Но вслед за минутной радостью беспощадная судьба готовила опальному патриарху новый жестокий удар.

VI

На блаженного Никона паки
диавол бурю восставляет чрез свое
орудие — злых человек.

Шушерин

Старый патриарх находился под радостным впечатлением от только что объявленной ему царской милости. Но не успел еще уехать в Ферапонтов царский посол Косьма Лопухин, как туда прибыл другой посол из Москвы — брат Косьмы Феодор Абрамович Лопухин[44]. Печальную новость сообщил патриарху этот вестник: «Благочестивейший царь Алексей Михайлович преставися от сего света к вечному блаженству» (+ 29 января 1676 года)[45]. Заплакал старый патриарх при неожиданном известии о смерти царя, много чувств и воспоминаний пробудило оно в его душе; но вскоре он поборол смущение и, глубоко вздохнув, сказал: «Да будет воля Господня! Хотя царь здесь (на земле) не получил прощения с нами, но мы будем судиться с ним в

страшное пришествие Господне». Посол, согласно данному поручению, стал просить Никона дать письменное разрешение почившему государю. Но Никон, отожествлявший свое дело с интересами церкви, не мог простить своего унижения, которое действительно причинило большой вред Русской Церкви. Своим отказом дать прощение покойному государю Никон, очевидно, рисковал навлечь на себя новые беды, но он и тут не хотел поступиться своими убеждениями. «Подражая учителю своему Христу, — твердо отвечал Никон на просьбы посла, — по сказанному в св. Евангелии: оставляйте и оставится вам, и я говорю: Бог его простит, а на письме прощения не учиню, так как он при жизни своей не освободил нас из заточения». Молиться о душе покойного государя Никон, конечно, не отказался и милостыню на помин его души (100 рублей денег и мех песцовый черный) от посла принял.

Царь Алексей Михайлович, в глубине души сознававший себя отчасти виновным в падении Никона, до конца своей жизни покровительствовал опальному патриарху и не любил даже, когда в его присутствии вспоминали о проступках, за которые Никон подвергся соборному низложению. Со смертию его обстоятельства для Никона изменились к худшему. На престол вступил двадцатилетний сын царя Алексея — Федор Алексеевич, от природы слабый и болезненный. При нем тотчас забрали силу его родственники по матери Милославские и с ними боярин Хитрово — злейшие враги Никона. Нарышкины и боярин Матвеев, давний друг Никона, были удалены от двора и отправлены в ссылку. Смерть царя Алексея Михайловича развязала руки и патриарху Иоакиму, давно ожидавшему случая расправиться с нелюбимыми им духовными особами, которым покровительствовал покойный царь. Прежде всего пострадал царский духовник протопоп Андрей Савинов, который принадлежал к сторонникам опального Никона и служил посредником при передаче царю его писем и челобитных, привозимых из Ферапонтова дьяконом Мардарием. С патриархом Иоакимом он находился в неприязненных отношениях. Иоаким еще при жизни царя хотел погубить ненавистного протопопа, обвиняя его в безнравственной жизни и неуважении к нему, патриарху, но не имел успеха. На похоронах царя между ними произошло новое столкновение, но защищать духовника теперь было некому. 14 марта 1676 года патриарх созвал собор и осудил протопопа за разные вины к лишению сана и ссылке в Кожеезерский монастырь.

Любопытно, что Иаоким, между прочим, обвинял духовника в том, что он «вражду положил между ним, патриархом, и ца-

рем и привел царя на то, что не хотел ходить в соборную церковь и к нашему благословению». Это заявление Иоакима имеет значение для характеристики отношений его к опальному патриарху Никону. Замечая в царе явное нерасположение к себе наряду с милостивым отношением к прежнему собинному другу — опальному Никону, Иоаким, ревниво оберегавший свою власть, естественно должен был встревожиться и смотреть на Никона как на соперника, который при случае может быть опасным. Ему памятно было, как упрямый Никон отнесся к его запрещению называться патриархом, и уже за одно это он не мог оставить его в покое.

И действительно, в то время как восторжествовавшая придворная партия по-своему разделывалась с нелюбимыми ею лицами, скоро дошла очередь и до старого патриарха, жившего в своем заточении. Прежде всего нашли нужным сменить прежнего пристава Шайсупова. 29 марта 1676 года на его место был послан новый пристав Иван Иванов Ододуров, которому дан был наказ строже наблюдать за Никоном. Ододуров сразу же стеснил свободу Никона, запретил ему и его монахам свободный выход из келий, поставив кругом караул из стрельцов. В донесении своем в Москву (18 апреля) он описывал внешний вид келий Никона, совсем не похожих на кельи ссыльного монаха, и говорил, что «стрельцов с ним послано мало и в таком великом месте караулов теми стрельцы обнять невозможно». Посторонним лицам был снова запрещен доступ к Никону, и он должен был теперь прекратить свои занятия лечением больных. Словом, для Никона как бы вернулись первые годы сурового заточения.

Но его ожидали еще новые неприятности. Еще до приезда Ододурова, возмущенный грязными сплетнями по поводу своей благотворительности, он подал Шайсупову челобитную на распространявшего эти сплетни Игнатия Башковского и, заявляя, что знает за ним слово и дело государево, требовал, чтобы взяли Игнатия на допрос в Москву вместе с его дворовой женщиной Киликейкой. В своей челобитной Никон по обыкновению подписался патриархом. 13 апреля эта челобитная была доложена молодому государю с его советниками-боярами, а потом сообщена Иоакиму, которому было особенно неприятно, что Никон, несмотря на его запрещение, по-прежнему продолжает писаться патриархом. Требуя вызова Башковского в Москву, Никон надеялся, что нелепость его сплетен обнаружится на допросе. Но он весьма ошибался в этом случае и поступил довольно опрометчиво. Дело попало в руки его недоброжелателей, которым не было расчета заботиться о его добром имени. На-

против, они рады были слушать всякие сплетни о Никоне и старались не подавить, а еще более раздуть их. Башковский на допросе рассказывал, будто один крестьянин умер от лекарства Никона (добавив потом, что от его лекарства «помирали многие, а никого не объявилось, чтоб излечились»), доносил также, что Никон стреляет из пищали и из кельи застрелил птицу-баклана, что к нему приезжали в гости родственники из Курмыша.

Все эти показания давали врагам Никона повод возбудить дело о его жизни в заточении. Осудить его им теперь было нетрудно, стоило только побольше собрать всяких слухов и сплетен о жизни Никона в Ферапонтове. За этим дело не стало: Никон в заточении за свой строгий и тяжелый характер приобрел себе недоброжелателей, которые при возникшей надобности могли доставить целый ворох всяких былей и небылиц о жизни опального патриарха в Ферапонтове. Притянули к допросу бывшего тогда в Москве пристава Шайсупова: «Зачем он его, Никона-монаха, попустил такие вольности чинить», о которых рассказывал Игнатий. Шайсупов дал письменное показание за своею подписью. Мы уже видели, что отношения между ним и опальным патриархом стали под конец далеко не дружелюбными. Вызванный к допросу хитрый князек татарского роду смекнул, куда дует ветер, и в своих показаниях черными красками изобразил жизнь Никона в заточении. Он объяснил, что Никон его ни в чем не слушал и никому слушать его, князь Самойла, не велел, приказывал называть себя патриархом, ставил кресты с надписями о своем заточении. Ссылаясь на слова сотника Андрея Есипова, бывший пристав рассказывал, что Никон действительно стрелял в птицу-баклана из своей кельи «и тое птицу обранил и велел у нее крылье и голову и ноги отсечь за то, что она поедала у него рыбу», что, осердясь, приказывал бить провинившихся людей палками и плетьми. Шайсупов рассказывал также о лечении Никоном больных, о раздаче бедным милостыни, но при этом не удержался от гнусных клевет на престарелого патриарха, обвиняя его на основании слышанных сплетен в нетрезвой и нечистой жизни.

Между тем в Ферапонтове стало всем ясно, что отношение правительства к Никону круто изменилось и что на Москве теперь охотно поверят всем обвинениям на Никона. Люди, желавшие отомстить Никону, не замедлили воспользоваться благоприятным случаем. Ферапонтовский служка Ивашко Кривозуб, незадолго перед тем жестоко наказанный «за воровство» по приказу Никона и общему приговору монастырских властей, явился теперь в Москву с изветом на Никона. Он доносил, что

Никон однажды в монастырский праздник Рождества Богородицы не принял к себе в келью иконы, где на полях были написаны преподобные Ферапонт и Мартиниан, говоря, «что за мужики написаны» и приказывал их скрести; что по смерти государя он напивался пьян и приказывал бить служек и крестьян, причем сильно пострадал и сам изветчик, будто бы избитый стрельцами и келейниками замертво; что в Пасху и другие праздники игумен со всеми монахами и служками приходят к нему на поклон и он дает им целовать руку; что, распоряжаясь всем самовластно, он учинил у себя приказ и губу; что, наконец, от его лекарства умерла крестьянская девица.

В это же самое время известный уже нам Иона-серебряник, неоднократно подвергавшийся от Никона «смирению» за пьянство, объявил за собою дело государево и был отправлен приставом в Москву. На допросе он обвинил бывшего патриарха в том, что тот живет не по-монашески, в церковь ходит мало, за государя и патриарха Бога не молит и своим священникам не велит, а себя велит поминать патриархом московским, «государево жалованье, присланное к нему, ни во что не ставит и ногами топчет и всякими неистовыми словами великого государя злословит, о чем и помыслить страшно. Последнее обвинение было явным преувеличением: известно, что Никон только в начале заточения резко обнаруживал свое недовольство царем Алексеем Михайловичем, потом же отчасти примирился с ним и стал принимать его присылки.

Но всего этого показалось мало. Из приказа тайных дел извлечено было прежнее, казалось бы, уже оконченное дело по обвинению Никона в сношениях с казаками и Стенькою Разиным. Врагам Никона было понятно, что политическое обвинение, хотя бы и не доказанное, скорее всего может отягчить судьбу Никона.

Таким образом, материал для обвинения Никона был набран в достаточном количестве. Правда, материал этот был ненадежный и непроверенный, но об этом немного заботились. Патриарх Иоаким приказал на основании собранных обвинений составить доклад по делу о Никоне и представил его на собор, состоявшийся в Духов день 14 мая 1676 года в присутствии царя и бояр. На соборе этом без суда и следствия порешили перевести Никона из Ферапонтова монастыря в Кириллов и держать его там под строгим надзором «для того что он жил в Ферапонтове монастыре своевольно в небрежении о душе своей». Для исполнения этого приговора решено было послать в Ферапонтов чудовского архимандрита Павла и думного дворянина Ивана Желябужского с дьяком Семеном Румянцевым. Им дан был

подробный наказ, точно определявший, что они должны были говорить Никону и как поступить с ним и его имуществом. В наказе все до мелочей предусмотрено было заранее, даже то, например, в каких кельях поместить Никона в Кириллове монастыре. Следователям велено было допросить Никона по всем пунктам взведенных на него обвинений, но этот допрос должен был остаться пустой формальностью, потому что судьба опального патриарха была уже заранее предрешена в наказе. В случае если Никон обнаружит упорство и неповиновение присланным следователям, наказ предписывал им сначала увещевать его, а если не послушает, взять из кельи силой «как мочно». Одновременно патриарх Иоаким послал указы властям Кириллова и Ферапонтова монастырей о переводе Никона в Кириллов.

Следователи прибыли в Ферапонтов 5 июня утром. С ними приехали из Кириллова архимандрит Никита и келарь Гедеон. В монастыре еще не кончилась обедня. Прибывшие тотчас послали к Никому пристава и сотника с приказом явиться в соборную церковь для выслушания указа от царя и патриарха. Напрасно опасались упорства со стороны Никона: он беспрекословно выслушал приказ и только спросил, когда именно нужно идти. По окончании обедни архимандрит Павел послал за Никоном кирилловского архимандрита с келарем, ферапонтовского игумена и сотника. Никон тотчас же отправился с ними в соборную церковь. Он, без сомнения, предвидел, какого рода указ ему придется выслушать в церкви, догадывался также, чьими клеветами воспользовались его враги. Отправляясь в церковь, он захватил с собою сыскное дело про Ивашку Кривозуба — одного из наиболее злобных своих клеветников.

Когда он пришел в церковь, следователи объявили ему, с какою целью они посланы в Ферапонтов монастырь. «Не убоюся от тех людей, окрест нападающих на мя, — отвечал им Никон, — аще что и смертное пострадати готов есмь». Желябужский грубо прикрикнул на опального патриарха, но последний не захотел с ним говорить, а заявил архимандриту Павлу: «Хотя и ты (будучи архимандритом) послан к нам (патриарху) вопреки святым канонам, то все-таки лучше ты говори с нами, а этому прикажи замолчать». Дьяк Румянцев начал читать наказ и обвинительный акт, состоявший из многих пунктов. Во все это время Никон держал себя спокойно и с достоинством, что было засвидетельствовано архимандритом Павлом в донесении патриарху Иоакиму: «Никон-монах указ слушал со смирением, безо всякаго прекословия». По выслушании указа он так же спокойно и твердо давал ответы и объяснения на предложенные ему обвинительные пункты. Его ответы тут же записыва-

лись дьяком и известны нам из донесения архимандрита Павла. «Хотя в письменной передаче эти ответы, — замечает по поводу их профессор П.Ф. Николаевский, — и должны были утратить несколько из своих первобытных черт, но они не утратили своей внутренней силы, поразительной простоты и убедительности, которыми отличались все речи, письма и сочинения патриарха Никона. В этих ответах мы видим того же великого Никона, хотя и много испытавшего в жизни, исстрадавшегося в заключении, но не утратившего своей энергии. В своих ответах он победоносно опроверг все злобно направленные против него клеветы и обвинения».

На старое обвинение в мятежных замыслах и сношениях с Разиным, обвинение, еще при покойном государе, так сказать, сданное в архив и теперь вновь выдвинутое врагами, он отвечал решительным заявлением, что казаки приходили к нему с ведома пристава Наумова, а с Разиным он никаких сношений не имел. Вселенских патриархов он не бранивал и в Царьград денег и писем не посылал. О лечении своем он снова подтвердил, что начал лечить вследствие бывшего ему видения, что он помазывал болящих маслом и читал над ними молитвы, и «от тово ево лекарства милость Божия и исцеление многим людям бывало. А про то он не слыхал, чтобы от ево лекарства которые люди помирали». Девка из вотчины Кириллова монастыря, о которой говорил изветчик Ивашко, умерла от своей болезни, а не от его лекарства: он ей никаких лекарств не давал, а только читал молитвы, так как она была одержима нечистым духом. Изветчик Ивашко и сам обращался к нему за помощью, «сказывал на себе болезнь, что приходят к нему беси», он помазывал его маслом, и Ивашко сам же говорил, что после помазыванья болезнь миновалась[46].

Ивашко извещал на Никона, что крестьянин Фома умер от его побоев, а конюшенный старец Лаврентий был запоен им вином до смерти. Никон в ответ на это сказал, что Фому он не бивал, умер он своей смертью: «остались после него жена и дети, и они ведают, как он умер». Старец Лаврентий «умер не от ево питья, а был пьяница ведомой». Сам изветчик Ивашко был бит за воровство по общему приговору игумена и священников. Никон тут же подал архимандриту Павлу сыскное дело про Ивашку, сказав: «Все Ивашкино воровство в этом деле объявится».

Никон опроверг также все клеветы и сплетни, сочиненные его врагами по поводу его широкой благотворительности и лечения больных. В числе больных и бедных, постоянно обращавшихся к Никону за лекарством и милостыней, было много

женщин, и этого было достаточно врагам Никона, чтобы пустить нелепую, чудовищную сплетню о нечистой жизни его, семидесятилетнего старца, с ранних лет известного своею строгою подвижническою жизнию. Враги совсем хотели втоптать в грязь того самого Никона, который с такой ревностью, казавшейся многим неумеренной, стремился исправить грубые и распущенные нравы своих пасомых. В ответ на низкую клевету, позорившую его честь и доброе имя, Никон заявил, что эти обвинения прямая ложь, что женщины для лечения и для милостыни всегда приходили к нему или с мужьями или с другими женщинами и детьми, а наедине он никогда их не принимал; даже милостыню нищим женщинам он давал в присутствии стрельцов. Никаких пиров и угощений он у себя не устраивал, а кормил иногда бедный люд в праздники за работы их. В гости из монастыря никуда не ездил, как его в этом обвиняли, а князь Шайсупов, у которого он раз был, сам же зазвал его к себе, когда он шел рыбу ловить, и он к нему ненадолго зашел, а ничего у него не пил. «Угодников Божиих он мужиками не называл, а который образ он не принял, и он говорил, для чего Ферапонта и Мартиниана пишут на иконах, а они-де не свидетельствованы»[47].

Никону было поставлено в вину и то, зачем у него такие большие кельи с переходами, и ему пришлось в свое оправдание сослаться на указ покойного государя о постройке этих келий. Государя он ничем не злословил и поносных слов никаких не говорил, а всякую присылку от него принимал с благодарением. За великого государя и за вселенских патриархов в церкви и в келейном правиле он повсечастно Бога молит, а за Иоакима-патриарха он Бога не молит. Открыто заявляя об этом, Никон сослался даже на архиепископа вологодского Симона, который «писал в Кириллов монастырь и велел Бога молить за себя, а не за патриарха, потому что от него, Иоакима, всякое зло учинилось, и ныне ево губит».

На запрос, почему он в отписках и челобитных писался патриархом, Никон объяснил, что запрещения ему от покойного государя в том не бывало, сами царские послы называли его «великим святым отцом» и говорили (он не помнит точно, кто из них), что государь не запрещает его называть патриархом. Надписи на крестах и сосудах он приказывал делать потому, что «было ему от пристава Наумова утеснение великое».

Но все эти объяснения Никона, данные им со свойственной ему прямотой и твердостью, не могли изменить заранее назначенной ему участи. Все равно ему пришлось выслушать уже стоявший в наказе строгий приговор: «И по тем твоим вымыш-

ленным и непристойным и не во славу Московскому государству мятежным делам в Ферапонтове жить тебе по своей воле неудобно. А указали великий государь и святейший патриарх и весь освященный собор жить тебе в Кириллове монастыре в келье по иноческому чину, и о тех своих злых делах прийти в совершенное покаяние». В заключение присланные судьи увещевали Никона «всякими мерами», чтобы он покорился патриарху Иоакиму — «за него Бога молил и никаких непристойных слов не испущал». Но Никон оставался непреклонен. «За великого государя и вселенских патриархов я стану Бога молить, а за Иоакима Бога молить и патриархом его называть не стану», — говорил он, выходя из соборной церкви.

Ему уже не позволили вернуться в свои кельи, а прямо из церкви повезли в Кириллов в сопровождении стражи. Живших у него монахов в наказе также велено было взять в Кириллов и везти туда порознь. Таким образом, беспощадная судьба в конце концов привела Никона в тот самый монастырь, с монахами которого он еще так недавно вел ожесточенную борьбу. Недоброжелательство кирилловских монахов к Никону хорошо было известно и в Москве, так что даже Иоаким счел нужным упомянуть в своем указе кирилловским властям, чтобы они «злобы своей к Никону за его прежние к ним досады не мстили некоторыми делы».

Перемена обстановки сильно подействовала на престарелого патриарха. Увидев себя в тесных угарных кельях, окруженный чужими ему кирилловскими монахами и служками, Никон с ужасом почувствовал себя как бы заживо похороненным в крепких стенах Кириллова монастыря — и упал духом. В глубоком унынии он послал за своими судьями, которые собирались ехать обратно в Ферапонтов для исполнения дальнейших статей наказа. Те, пользуясь его настроением, снова стали убеждать его покориться Иоакиму и признать его патриархом. Сломленный в неравной борьбе старый и больной патриарх наконец уступил. «И монах Никон, — доносил потом архимандрит Павел, — по многим разговорам от злой своей мысли уклонился и говорил, чтобы-де святейший патриарх к нему был милостив, и не велел бы ево здесь напрасною смертью от тесноты уморить; а он-де за него Бога молить и патриархом именовать учнет». Чтобы смягчить гнев Иоакима, Никон напомнил теперь о том, что по оставлении им патриаршества он указывал государю на Иоакима как на своего преемника, говоря, что ему можно быть в патриархах «за смирение».

Особенно тяжело было Никону расстаться с двумя своими келейными старцами — иеромонахом Варлаамом и иеродиако-

ном Мардарием, которых, как он узнал, велено было сослать в Крестный монастырь. Со слезами просил старый патриарх, чтобы оставили при нем этих двух преданных ему лиц, потому что «они к нему приобытчились, а он к ним», но его просьба не была исполнена.

Оставив Никона в Кириллове, архимандрит Павел с другими следователями поехали опять в Ферапонтов монастырь. В наказе предписано было взять туда с собою и келейных старцев Никона. Кельи Никона подвергнуты были тщательному обыску, все имущество и утварь в них были переписаны. Наказ предписывал «прелестные ево, Никоновы, лекарства все, что ни есть, коренья, и травы, и водки, и мази, всенародне сжечь на огне, чтоб от нево и ничего не осталось». Архимандрит Павел доносил, что учинил с ними по наказу. С крестами, на которых была известная надпись, велено было из опасения соблазна поступить с осторожностью. Архимандрит с властями Ферапонтова монастыря, с священниками и диаконами должны были снять кресты со всех мест, где они объявятся, честно внести в монастырь, и, «с искусством» срезав надписи, положить кресты «в сокровенное место, где никому бы было входно». Их положили «под церковь в непроходное место».

Келейных старцев Никона, согласно наказу, допрашивали с великим «пристрастием», не спрятано ли у него каких-либо писем в земле или в другом тайном месте и не отсылал ли он кому-либо писем. Иеромонах Варлаам и старец Козьма показали, что никаких писем Никон не отсылал и не спрятывал, что больные к Никону приезжали для лечения, что «никаких зазорных лиц для напивков у него в кельях не бывало». Мардарий сказал, что он не раз ездил в Москву по поручению Никона, возил туда отписки и челобитные и подавал царскому духовнику и дьяку приказа тайных дел Полянскому, а они передавали их государю. При этом Никон посылал с ним духовнику подарки — «всякие посудцы деревянные, братины, и стаканы, и ложки, и рыбу», а Полянскому — одну рыбу. Но никаких писем из Москвы он Никону не привозил. Относительно лечения Никоном больных Мардарий заявил, что по приказу Никона он приводил к нему в крестовую келью приезжавших больных, приносил туда кадило и свечи и много раз видел, как Никон говорил над болящими молитвы по потребнику, «а дурна никакова и бесчиния он не видал». Варлаам и Мардарий были затем отправлены в Крестный монастырь, где приказано было держать их под крепким началом; старец Козьма за болезнью оставлен был в Ферапонтове, где скоро и умер.

Согласно данному наказу следователи составили подробную опись всего имущества, оставшегося после Никона в Ферапонтове. Были переписаны хлеб в житницах, запасы в погребах и сушилах, овощи в огородах, лодки и сети, рыба в садках, дрова и бревна и прочее. Все это было сдано под расписку игумену Афанасию с братией. Ему же сданы были под расписку облачения и утварь Богоявленской церкви. Келейная утварь Никона: образа, книги, келейная казна, разного рода посуда, обувь, одежда, всевозможная рухлядь, разные запасы, большое количество разного рода пива, медов и вин — все до последней мелочи было внесено в опись, свезено в Кириллов и сдано казначею под расписку. Туда же отправлены были лошади, коровы, куры и прочее, купленное Никоном на свой счет. Опустевшие кельи Никона были заперты, и окна в них запечатаны. Ключи от келий, погребов, амбаров и житниц были отданы игумену Афанасию. Ферапонтов монастырь, которому присутствие знаменитого заточника придавало особое оживление, снова замер и погрузился в однообразную будничную тишину[48].

Ферапонтовские монахи сразу же после переведения Никона из их монастыря в Кириллов стали думать о том, нельзя ли воспользоваться для нужд монастыря имуществом патриарха, которое только что было осмотрено и переписано архимандритом Павлом с его помощниками. Они послали к патриарху Иоакиму челобитную, в которой указывали на многие расходы и тягости, понесенные монастырем за все время пребывания в нем Никона, жаловались даже на то, будто Никон не додал им 631 рубль 7 алтын из подрядной суммы на постройку келий, обещаясь на те деньги купить в монастырь колокол, а также белого железа и олова на починку церковных глав — покупок не купил и денег не отдал[49]. В исполнение всех этих расходов монахи просили выдать из денег Никона 631 рубль 7 алтын, а также обратить в их пользу хлеб Никона, как посеянный в полях, так и запечатанный в житницах.

В августе для поправления расстроенного хозяйства монастыря по указу патриарха и вологодского архиепископа был послан в монастырь кирилловский строитель Исаия, который в донесении патриарху описывал плачевное состояние монастыря и тоже хлопотал об отдаче монастырю 480 четвертей хлеба, оставшегося после Никона. Но Иоаким был не особенно податлив на эти просьбы монахов. Он разрешил им воспользоваться только тем хлебом Никона, который посеян в поле, и овощами в его огородах. Притом часть этих овощей, а также рыбу из садков он велел отсылать в Кириллов на нужды Никона. О хлебе, запечатанном в амбарах, он обещал дать указ потом.

В октябре игумен с братией прислали патриарху отписку и новую челобитную. В них они доносили, что рыба в садках Никона «вся поснула», что часть овощей из его огородов они послали ему в Кириллов, а посеянный им хлеб сжали и измолотили, получив в умоле 7 четвертей с осминой ржи и 8 четвертей пшеницы. Жалуясь на скудость монастыря, они обращались к Иоакиму с новой просьбой. «Призри, государь, на дом Пресвятой Богородицы на пустое и разоренное место! Вели, государь, церковную утварь, что описана в церкви святых Богоявлений, после Никона-монаха отдати нам, богомольцам твоим, в Ферапонтов монастырь». Кроме того, они снова просили отдать им хлебные запасы Никона и дозволить разобрать кельи Никона на монастырское строение на братские кельи. Мы так и не знаем, имели ли наконец успех просьбы ферапонтовских монахов о хлебе Никона и его кельях, но утварью Богоявленской церкви им не удалось воспользоваться: в 1683 году, уже по смерти Никона, она была перевезена в Воскресенский монастырь по указу царей Иоанна и Петра Алексеевичей.

В то время как ферапонтовские монахи хлопотали об имуществе Никона, сам владелец его жил в Кириллове в строгом заточении. Кириллов монастырь издавна служил местом ссылки для провинившихся пред правительством лиц. Успешно выдержав осаду со стороны литовских шаек, Кириллов монастырь получил в глазах московского правительства значение важного стратегического пункта на Севере Руси. В царствование Алексея Михайловича правительство решило обнести Кириллов новой большой каменной стеной по образцу Сергиева монастыря. В 1661 году царь пожаловал из казны 45 000 рублей на тогдашние деньги на производство работ, а в 1667 году прислал указ спешить городовым делом. Таким образом, ко времени перевода Никона в Кириллов монастырь постройка его стен была уже закончена и Кириллова обитель стояла в полном величии своих грозных твердынь, на которые и теперь не без удивления смотрит заезжий путник. Колоссальная стена тянется вокруг монастыря на расстоянии $1^1/_2$ верст и имеет три этажа. В нижнем этаже множество келий, предназначавшихся, вероятно, для ратников, второй и третий ярусы представляют из себя длинные галереи с бойницами для пушек и пищалей. Галереи эти так широки, что по ним свободно можно было бы прокатиться на тройке лошадей. Новой крепости, стоившей больших издержек и монастырю и правительству, не пришлось, однако, испытать вражеской осады. Она служила для правительства другую службу, являясь вполне безопасным и надежным местом для пребывания ссылаемых им лиц. Между прочим, дело патриарха

Никона дало кирилловским тюрьмам несколько ссыльных лиц. Так, в 1663 году был сослан сюда из Москвы поп церкви Введения, что в Барашах, Иван Фокин и сидел «в цепи и железах» за то, что по удалении Никона из Москвы в Воскресенский монастырь продолжал поминать его московским патриархом. В то время, когда Никон жил в Ферапонтове, пристав Наумов часто отсылал в Кириллов разных оговоренных по розыску лиц на сбережение (иеродьякона Ферапонта, служку Михайлова и других). Пришлось наконец и самому Никону, бывшему собинному другу царя и великому государю, увеличить собою длинный ряд кирилловских заточников, в разное время томившихся в крепких стенах обители.

В Кириллове Никона поместили в тех кельях, где живал прежде строитель старец Матвей. Эти кельи находились в Большом монастыре на западной его стороне в 2 саженях от городовой стены, которая проходит по самому берегу Сиверского озера. В соседстве с ними на расстоянии 4 сажен находились каменные больничные кельи, обращенные потом в кладовую и существующие доселе. Таким образом, Никоновы кельи были на том месте, где ныне стоит старинный двухэтажный каменный корпус, ныне почти пустой, а прежде служивший помещением для духовного училища[50]. Рядом стоит больничная церковь Святого Евфимия, построенная в 1653 году; полагают, что в эту именно церковь, как самую ближайшую, ходил молиться патриарх Никон. Кельи его были деревянные двухэтажные. Нижний этаж состоял из двух помещений, соединявшихся теплыми сенями, за теплыми сенями находились холодные сени с чуланами. В этих сенях было восемь больших окон. В верхнем этаже были две теплых вышки, холодные сени с 6 окнами и три чулана. Шушерин называет эти кельи «вельми неугожими». Печи в них были кирпичные и плохого устройства; при первой же топке они издали такой страшный угар, что новый жилец их, и без того после известного ушиба страдавший головной болью, почувствовал себя совсем плохо и чуть не умер. Поварни особой не было, кушанья готовили тут же, в келье, что еще более увеличивало в ней жар и духоту. Архимандрит Павел по возвращении в Москву счел нужным доложить патриарху Иоакиму об этом неудобстве келий Никона, вредном для здоровья заточника. Шушерин говорит, что патриарх Иоаким «положи сия глаголы в забвении».

В июле Иоаким послал в Кириллов своего ризничего дьякона Иоакинфа. Иоакинф приезжал и в Ферапонтов, вероятно, для осмотра Никонова имущества, но главною целью его прибытия было отобрание у Никона панагии и двух серебряных

патриарших печатей. Никон, в Ферапонтове носивший панагию, а может, пользовавшийся и печатями, теперь беспрекословно возвратил эти последние знаки патриаршего достоинства. Но зато Иоакинф привез в Кириллов указ Иоакима о том, чтобы «в кельях монаха Никона вместо кирпичных печей сделать образчатыя ценинныя, чтобы угару отнюдь не было», а позади келий выстроить особую каменную поварню, высмотря место для нее с ним, Никоном, а если будет тут какое-либо ненужное строение, то его отставить. При этом патриарх требовал, чтобы прислали к нему чертеж келий Никона — всему старому и новому строению.

Вследствие этого указа кирилловские власти произвели ремонт в кельях Никона: поставили печь обращатую ценинную, поновили стены и сделали вновь подволоку и окна красные, двери и переходы в вышку, «как ему угодно». Но строить особую поварню позади келий они не нашли удобным и в отписке своей объясняли патриарху, что промежуток между кельями Никона и монастырской стеной — занят монастырскими дровами, а если поставить поварню между кельями и больницей, то придется у больницы свет заставить и с дровами проезду за кельи не будет. Вместо устройства новой поварни они предлагали устроить поварню в братской келье, находившейся в одном ряду с Никоновыми, и просили на то указа. Таким образом, до поры до времени Никону приходилось волей-неволей мириться с важным неудобством его келий.

Согласно наказу Иоакима с Никоном в его кельях поселены были два старца добрых и искусных, «кому мочно верить». Кроме этих двух старцев — Авраамия и Иринарха — в кельях Никона жило трое служек, повар и приспешник. Стол для него велено было готовить лучший, чем для братии, не только в разрешенные, но и в постные дни, также велено было давать ему «пиво и мед добрые по его потребе». Но из приходно-расходных книг монастыря, сохранившихся за это время, видно, что денежных затрат со стороны монастыря на содержание Никона почти не было, и по отпускавшимся на него запасам можно заключить, что ежедневный обиход его был весьма скромен и на него шло то же, что употреблялось на содержание братии. Впрочем, запасы, привезенные из Ферапонтова, шли на его обиход и в первое время могли значительно сократить расходы Кириллова монастыря на содержание Никона.

Из многочисленных вещей и утвари, которыми Никон обставил себя под конец ферапонтовского заточения, ему дали теперь очень немногое[51]. Его личная свобода также была значительно стеснена. Поселенные с ним старцы должны были иметь

над ним строгий надзор, не пускать к нему в келью никого, ни монахов, ни мирян, наблюдать, чтобы он никому не писал писем, и для того не давать ему ни чернил, ни бумаги. Ему запрещено было получать от кого-либо посылки и приношения и даже выходить за монастырскую ограду. О суровости заключения Никона в Кириллове Шушерин вообще замечает, что Никон терпел здесь «всякие нужды и озлобления» не менее, чем в Ферапонтовом монастыре, «в кельи бо пребыть, неисходно кроме церковныя службы». В церковь ему позволено было ходить (вероятно, в ближайшую, Евфимьевскую), но и тут велено было следить за ним, чтоб он «стоял с молчанием и чтобы мятежу церковного от него не было». Так опасным казался своим врагам Никон — теперь уже больной, разбитый жизнью старец.

Уныло и однообразно текла жизнь Никона в кирилловском заточении. Отрешенный от мира, лишенный возможности сноситься с преданными ему людьми, старый патриарх должен был переносить свои страдания уединенно, молчаливо, при полном безучастии окружавших его лиц и в полной безвестности для общества. Мало сохранилось сведений о жизни его в это злополучное время. Тем любопытнее для нас те немногие сведения о жизни знаменитого заточника, которые случайно попали на страницы монастырских приходно-расходных книг. Из книг этих видно, например, что кирилловский заточник позволял себе невинные развлечения, вносившие некоторое разнообразие в его монотонную затворническую жизнь. Он держал ручных птиц лебедей и голубей и, по-видимому, сам занимался их кормлением. Начальство монастыря ничего не имело против этой невинной забавы своего заточника, который, еще будучи патриархом, держал у себя певчих птиц и попугаев, и приказывало выдавать из монастырской житницы потребное количество овса и пшеницы на корм пернатых друзей опального патриарха[52].

Шел год за годом. Патриарх Никон продолжал сидеть в своем заключении без надежды на освобождение, ниоткуда не получая себе ни утешения, ни тем более помощи. Царь Федор Алексеевич был молод и находился под влиянием враждебной Никону партии, сторонники же Никона стояли вдали от царя. Но вот произошла новая перемена в придворном кругу, влияние Милославских и Хитрово ослабело, и для Никона блеснул луч надежды. Тетке царя царевне Татьяне Михайловне, которая с детства была почитательницей великой личности Никона, удалось теперь приобрести влияние на своего царственного племянника. Она своими рассказами о Никоне и о его заслугах Церкви, государству и царскому семейству и о теперешней

горькой его участи заинтересовала молодого царя. По ее внушению царь в сентябре 1678 года предпринял со всей семьею поездку на богомолье в Никонов Воскресенский монастырь. Здесь все напоминало о Никоне: начатые им величественные постройки и сонм преданных ему монахов. Враги Никона старались отклонить молодого царя от поездок в Воскресенский монастырь, но не имели успеха. Он ездил туда несколько раз, дал монастырю жалованную грамоту, издал указ об окончании начатой Никоном постройки и сделал монастырь своим царским богомолием. Под влиянием этих посещений, речей Татьяны Михайловны, воскресенских монахов и, вероятно, также своего учителя Симеона Полоцкого в душе молодого царя возникал величавый образ знаменитого патриарха, который теперь забыт всеми и томится в заточении. И вот молодой царь хочет оказать внимание к злополучной доле Никона. Пред Пасхою 12 марта 1679 года из Москвы послан был «к монаху Никону для государева дела» стольник Мартюхин, вероятно, с денежной милостыней. В январе 1680 года кирилловский архимандрит, будучи в Москве, получил от государя 200 рублей милостыни: из них 100 рублей государь поручил передать Никону. В конце августа царь послал к Никону стольника Федора Абрамовича Лопухина со своей государевой милостыней. Понятно, что милостивое внимание царя должно было утешить томившегося в заключении патриарха и снова внушить уважение к нему в глазах кирилловских монахов. Благодаря не раз присылавшейся царем милостыни кирилловский заточник имеет деньги в избытке, и монастырское начальство само обращается к нему с просьбой дать денег в долг, как, например, в 1680 году, когда оно заняло у Никона 149 рублей 12 алтын 2 деньги на уплату государственного сбора на жалованье ратным людям во время турецкой войны. В 1680 году царь освободил из ссылки келейных старцев Никона — Варлаама и Мардария — и позволил им вернуться в Воскресенский монастырь.

Однажды, посетив Воскресенский монастырь по случаю смерти его настоятеля, царь сам внушил братии мысль хлопотать о возвращении к ним Никона из ссылки. Обрадованные царским словом монахи не заставили себя ждать. Тотчас же была написана витиеватая челобитная, в которой, указывая на пример израильтян, перенесших кости Иосифа из Египта в обетованную землю, Иоанна Златоуста и Игнатия патриарха Константинопольского, некогда возвращенных из своего заточения, монахи умоляли царя возвратить пастыря стаду, главу — телу христоподражательного наставника святейшего Никона, извести из темницы душу его, освободить его из заточения, дать ему

покой и отраду в его старости. К прошению подписалось 60 монахов, и оно тут же было подано царю.

Но желание царя вернуть Никона из ссылки встретило сильное противодействие со стороны патриарха Иоакима, который решительно заявил царю, что без согласия вселенских патриархов сделать этого никак нельзя. Царь несколько раз просил об этом Иоакима, но получал решительный отказ. Тогда царь собрал собор архиереев, на котором присутствовал и сам с боярами, заявил о своем желании возвратить Никона из ссылки и представил собору челобитную воскресенских монахов. Многие архиереи соглашались с царем и говорили, что Никона нужно освободить из заточения, но патриарх Иоаким был против этого, и собор кончился ничем. Спустя несколько времени царь призвал патриарха к себе во дворец и вместе с Татьяной Михайловной усиленно убеждал его согласиться на освобождение Никона. Иоаким по-прежнему оставался непреклонным, ссылаясь на постановление вселенских патриархов. В своих отказах согласиться на просьбу царя Иоаким стоял, конечно, на законной почве, но в его нежелании облегчить участь Никона нельзя не видеть личного нерасположения к последнему. Не без основания можно думать, что он все еще боялся встретить в освобожденном Никоне опасного соперника, который легко подчинит своему влиянию молодого царя. У Иоакима и то уже был сильный противник при дворе в лице бывшего учителя царя монаха Симеона Полоцкого, с которым он при всем желании не мог справиться и который был сторонником Никона. Татищев сообщает неизвестно откуда им взятое известие о том, что Симеон Полоцкий, «который с Иоакимом великую вражду имел», убедил Федора Алексеевича учинить в России папу и четырех патриархов, причем папою сделать Никона, а Иоакима оставить патриархом новгородским. Но Иоаким всеми силами восстал против этого плана, склонил на свою сторону приближенных бояр и велел Андрею Лызлову сочинить представление «со многими обстоятельствы, показующими немалый вред от сего плана для государства», — хотя, замечает Татищев, без сомнения, не воспротивился бы сему, если бы сам был назначен папою.

Как бы то ни было, но Федор Алексеевич, несмотря на противодействие Иоакима, надеялся непременно увидеть Никона освобожденным из ссылки. Чтобы утешить и ободрить старца, томившегося в заключении, царь написал ему в Кириллов собственноручное письмо. Это была большая честь для Никона, который в своем заключении еще ни разу не получал царских писем: как известно, царь Алексей Михайлович не писал ему в

Ферапонтов, а всегда отвечал ему чрез послов. В своем письме Федор Алексеевич называет Никона патриархом вопреки соборному определению, просит у него благословения и прямо обещает ему скорое освобождение из ссылки. Вот это замечательное письмо: «О Святом Дусе отцу нашему Никону патриарху грешный царь Феодор и с супругою своею поклон сотворяем, и чести твоей возвещаю, аще Бог повелит сему писанию вручитися тебе, и ваша честность да весть, что, надеяся на Бога, преведение твое не умедлит быти, и имаши обитати сам в Новом Иерусалиме, и имать совершенство свое восприяти. И посем я грешный царь Феодор и с женою своею благословения вашего при свидании вашем с нами и чрез писание желаем. Аминь». Внимательность государя к опальному патриарху станет еще яснее, если добавить, что это милостивое письмо было отправлено Никону с его келейным дьяконом Мардарием, который после долгой разлуки снова мог служить своему патриарху. Велика была радость старого патриарха, когда он прочитал царское письмо и узнал, что скоро согласно царскому слову должна исполниться его заветная мечта о возвращении в любимый монастырь.

Царь, несмотря на свою болезненность, с настойчивостью продолжал действовать в пользу Никона. Так как Иоаким ссылался на восточных патриархов, то царь решил обратиться к ним от своего имени. В конце июня собирались в Турцию послы Илья Чириков и Прокофий Возницын. Царь воспользовался этим случаем и отправил с ними особые грамоты к восточным патриархам по делу о Никоне. В них он указывал на то, что Никон осужден не за нарушение догматов и правил благочестия, а за другие известные вины, достойные прощения; хотя он как человек по малодушию поддался гневу и унынию, оставил патриаршество и тем произвел смуту в Церкви и государстве, но он искупил свои вины своими страданиями в заточении и теперь, находясь в глубокой старости, только о том и помышляет, как бы вернуться в свой Воскресенский монастырь, чтобы там умереть спокойно. Ввиду близкой кончины Никона государь просил патриархов дать ему прощение и разрешение и восстановить его в патриаршеском сане за его великое смирение, страдания в заключении и за его покаяние. Эти грамоты к патриархам были подписаны 26 июня 1681 года.

Между тем Никон слабел и таял с каждым днем. Он уже стал готовиться к смерти, особоровался и принял великую схиму. Схимники обыкновенно меняют свое иноческое имя на другое или снова получают прежнее мирское имя. Замечательно, что Никон не пожелал переменить своего имени, которое, благода-

ря ему, стало историческим. Видя безнадежное состояние Никона, архимандрит Никита доносил патриарху Иоакиму, что Никон близок к смерти, и спрашивал, где и как его похоронить. Иоаким поспешил распорядиться, чтобы Никона отпевали как простого монаха и похоронили в церковной паперти. Царь уже после узнал о таком распоряжении патриарха, требовал вернуть грамоту назад, но было уже поздно.

Дни Никона были сочтены. Чувствуя себя на краю могилы, он ждал обещанной царем свободы только для того, чтобы умереть и быть похороненным в своем Воскресенском монастыре. И вот, боясь не дожить до желанного дня, он в последних числах июля написал к братии Воскресенского монастыря краткое трогательное письмо, которое было последним в его жизни. «Благословение Никона-Патриарха, — писал Никон, и на смертном одре продолжавший называть себя патриархом, архимандриту Герману, иеромонаху Варлааму... и всей братии. — Ведомо вам буди, яко болен есмь болезнию великою, вставать не могу, на двор выйти не могу же, лежу в гноищи... а милость Великого Государя была, что хотел меня взять по вашему челобитью, и, писав, жаловал своею рукою, а ныне то время совершилось, а его милостивого указу несть; умереть мне будет внезапу; пожалуйте, чада моя, не попомните моей грубости, побейте челом о мне еще Великому Государю, не дайте мне напрасною смертию погибнуть, уже бо моего жития конец приходит, а каков я, и то вам про меня подробно скажет Иван, который от вас живет на приказе в (селе) Богословском».

Архимандрит с братией, получив это письмо умирающего патриарха, тотчас показали его царю и со слезами умоляли возвратить Никона из ссылки, пока он не умер. Государь снова обратился к патриарху Иоакиму и архиереям с просьбой освободить Никона ввиду его близкой смерти. Все согласились, и сам Иоаким не стал теперь перечить царю. Царь немедленно отправил в Кириллов дьяка конюшенного приказа Ивана Чепелева с наказом взять оттуда Никона и живого или мертвого перевезти в Воскресенский монастырь. Чепелев поспешно отправился в путь. В Кириллове еще никто не знал о так быстро состоявшемся решении московского правительства освободить Никона. Но сам Никон в своей чуткой душе, готовившейся отрешиться от земных уз, как бы прозрел свое близкое освобождение. Еще за день и больше до приезда царского дьяка в Кириллов Никон, несмотря на сильную болезнь и изнеможение, несколько раз начинал собираться в путь. В самый день приезда посла Никон еще с утра стал одеваться в дорогу и торопил своих сожителей, говоря: «Я уже готов, а вы что не собираетесь,

смотрите, скоро приедут за нами». В нетерпеливом ожидании он приказал даже вынести себя на крыльцо и сел там в креслах. Окружавшие, исполняя волю больного патриарха, думали, однако, что он начал уже впадать в беспамятство от болезни и старости. Но вдруг, к всеобщему удивлению, к крыльцу кельи подошел только что прибывший в Кириллов дьяк Чепелев и тут же объявил патриарху царскую милость. Обрадовался старый патриарх и, несмотря на крайнюю слабость, поднялся с кресел, чтобы оказать почтение послу, говорившему от имени царя.

Медлить было нельзя. Ослабевшего патриарха бережно посадили в сани, несмотря на летнее время года (чтобы избавить его от толчков и тряски), и повезли к пристани на реке Шексне в 6 верстах от монастыря. Здесь уже заранее были приготовлены струги (барки) для отправления патриарха. С большим трудом перенесли больного старца на струг и поплыли вниз по Шексне. С ним поехал и кирилловский архимандрит Никита. За двадцать верст до впадения Шексны в Волгу их встретил бывший келейный иеромонах Никона Варлаам, живший с ним в Ферапонтове. Его нарочно послал воскресенский архимандрит для встречи Никона. Доехав до Волги, Чепелев хотел было следовать дальше вверх по течению Волги, но Никон пожелал, чтобы его везли вниз по Волге к Ярославлю, тем самым путем, которым он когда-то вез мощи святого Филиппа. Жители сел и городов, расположенных по Шексне и Волге, узнав о возвращении Никона из ссылки, выбегали навстречу плывущим стругам и готовы были оказать патриарху и его спутникам всевозможные услуги. Рано утром 16 августа, когда струги плыли около Толгского монастыря недалеко от Ярославля, Никон почувствовал себя плохо и велел пристать к берегу. Архимандрит Никита, имевший при себе запасные Дары, причастил умирающего Никона Святых Таин. Отплыли еще полверсты и остановились против Толгского монастыря. Игумен Толгского монастыря в сопровождении всех монахов вышел на берег встречать патриарха, и здесь произошла трогательная сцена. В числе братии оказался живший здесь под началом бывший игумен Спасского монастыря Сергий, который так много досаждал Никону в тягостные минуты после его низложения. Теперь Сергий, видя возвращающегося изгнанника при смерти, припал к его ногам и со слезами просил прощения, называя его «святителем Божиим и владыкой». Тут же он рассказал всем о бывшем ему видении, которое и побудило его теперь прийти сюда проститься с Никоном. Умирающий патриарх тотчас же простил своего бывшего врага.

Струг медленно поплыл далее и на другой день, 17 августа, остановился в Ярославле. Жители во множестве сбежались на берег, толпами теснились на барку, стремясь получить от него благословение, целовали ему руки и ноги. Здесь-то сказалась вполне преданность народа к возвращающемуся из долгой ссылки патриарху. Струг нужно было провести в реку Которосль: народ усердно начал помогать гребцам, многие тащили барку, бредя по пояс в воде, и таким образом довели ее до Спасского монастыря. Здесь вышли навстречу патриарху монахи этого монастыря во главе с архимандритом. Между тем весть о приезде патриарха Никона разнеслась по городу, народ толпами валил к нему, чтобы получить благословение. Умирающий Никон был утешен теперь любовью и вниманием к нему народа, но уже настолько изнемог, что не мог говорить, и только давал приходящим целовать руку. Архимандрит Никита и дьяк Чепелев, замечая, что Никону становится хуже, решили прекратить народу доступ на барку и с этой целью приказали перевезти ее на другой берег реки.

День склонялся уже к вечеру, в церквах города заблаговестили к вечерне. Услышав звон, изнемогавший Никон вдруг оживился, начал осматриваться вокруг, поправлял на себе руками волосы, бороду, одежду. Наступил его смертный час. Архимандрит с бывшими тут монахами и дьяком начали петь последование на исход души. Никон спокойно сложил руки на груди и издал свой последний вздох на 77-м году жизни. При такой необычной обстановке завершил свое многотрудное житейское поприще этот замечательнейший из русских патриархов. После пятнадцатилетнего заточения судьба наконец сжалилась над ним, дозволив ему умереть не под тесными сводами кирилловских келий, а на свободе, под открытым небом, на берегах родной ему реки Волги, в присутствии многочисленной толпы народа, трогательно заявившего свое сочувствие к нему как своему любимому пастырю.

Архимандрит Спасского монастыря с собором монахов отслужил литию над телом усопшего патриарха в присутствии городского воеводы и множества народа. Дьяк Чепелев тотчас же поскакал в Москву с вестью к государю о смерти Никона. Царь надеялся видеть Никона живым и послал было за ним свою карету с лучшими конями, но ехать в ней не пришлось Никону. Тело его положили в дубовый гроб и на особо устроенных дрогах («возилах») повезли по дороге в Москву. На пути в городах и селах духовенство с народом выходило навстречу, служило литии. Близ слободы Александровской игуменья тамошнего монастыря со своими 200 монахинями устроила торжественную

встречу телу почившего патриарха. В Троице-Сергиевой лавре вышли навстречу гробу Никона все монахи во главе с архимандритом Викентием, который потом пошел провожать тело патриарха взамен кирилловского архимандрита Никиты, вызванного царем в Москву.

Государь, получивший от дьяка известие о смерти Никона, с интересом расспрашивал его о последних днях жизни Никона и обстоятельствах его смерти. Дьяк подробно рассказал царю о кончине Никона. На вопрос царя, не оставил ли Никон духовной, дьяк отвечал: «Я напоминал блаженному Никону о духовной, но он сказал мне: не хочу я писать духовной, но скажу одно вместо моей духовной: да будет мир и благословение благочестивейшему государю Феодору Алексеевичу и всему его царскому дому, а о душе моей и о грешном теле, о погребении и поминовении пусть царь распорядится как ему угодно».

Расстроганный царь с охотой взял на себя обязанности душеприказчика покойного патриарха и задумал устроить ему торжественные похороны. Он хотел было сначала, чтобы сам патриарх Иоаким совершил погребение Никона, но Иоаким соглашался на это только под тем условием, чтобы поминать Никона на погребении не патриархом, а простым монахом. Напрасно царь убеждал Иоакима, брал на себя всю ответственность пред восточными патриархами, на которых опять ссылался Иоаким, обещал снова писать им от своего имени — Иоаким оставался непреклонен. Он отпустил вместо себя новгородского митрополита Корнелия, дав ему уклончивое распоряжение поступать так, как велит царь.

25 августа, накануне прибытия тела Никона в Воскресенский монастырь, царь приехал туда из Москвы с боярами и всеми многочисленными членами царской семьи. Митрополит Корнилий служил заупокойную всенощную. Рано утром 26 августа процессия с гробом Никона приближалась к Воскресенскому монастырю. За версту от монастыря на монастырском мельничном дворе тело Никона внесли в келью и одели в особую одежду, еще при жизни заготовленную им для своего погребения и хранившуюся в Воскресенском монастыре; сверх ее одели бархатную рясу, архиерейскую мантию с панагией и схиму. Шушерин сообщает, что при облачении тела Никона не было замечено на нем ни малейших признаков разложения, несмотря на теплое время года и на то, что уже шел десятый день со времени его смерти. При колокольном звоне митрополит вышел из монастыря с крестным ходом и встретил гроб патриарха у часовни. В процессии принимали участие и сам царь с боярами. Всем розданы были особые заготовленные на царский счет све-

чи черного цвета от полуаршина до сажени длиной. Священники подняли гроб патриарха, и крестный ход двинулся обратно в монастырь. Царские певчие пели стихиры, благочестивый царь сам подпевал им.

Началась заупокойная обедня. По приказу царя Никона поминали патриархом. Во время пения «приидите поклонимся» гроб с телом патриарха, согласно тогдашним церковным обычаям был внесен в алтарь. На отпевании сам царь читал кафизмы и апостол и пел со своими певчими. Когда настало время «последнего целования», царь взял из-под схимы руку покойного патриарха и поцеловал ее, его примеру последовали члены царской семьи, бояре и все присутствовавшие. Дубовый гроб с телом Никона вложен был в другой — мраморный гроб и похоронен в приделе Иоанна Предтечи под Голгофой на месте, которое патриарх сам указал еще задолго до своей смерти. Вся церемония погребения тела Никона, включая сюда крестный ход, литургию и отпевание, продолжалась $10^1/_2$ часа.

После погребения царь одарил участвовавших в нем духовных лиц деньгами и вещами из ризницы Никона и его имущества, привезенного за ним из Кириллова монастыря. Он рассылал потом архиереям на помин души Никона разные вещи из его архиерейской ризницы. Патриарху Иоакиму он послал митру Никона, но тот ее не принял и отослал обратно, желая этим показать, что он по-прежнему признает Никона простым монахом. Но вот спустя год после похорон Никона получены были в ответ на просьбу царя разрешительные грамоты от восточных патриархов, которые снимали с Никона соборное запрещение, восстанавливали его в прежнем сане и повелевали поминать его отныне наряду с прочими московскими патриархами. Федора Алексевича тогда уже не было в живых (+ 27 апреля 1682 года). Иоаким и тут было усумнился в подлинности присланных грамот, но должен был подчиниться определению вселенских патриархов, стал поминать Никона патриархом и даже служить по нем панихиды в Воскресенском монастыре. Честь многострадального Никона была наконец восстановлена, и с того времени вся русская Церковь поминает Никона в числе московских патриархов.

В Воскресенском монастыре доныне свято чтится память Никона; народ почитает Никона чудотворцем, рассказывает о его чудесах и постоянно служит панихиды у его гробницы. Здесь висят его вериги (весом в 15 фунтов), которые он носил на себе во всю жизнь. И простолюдин и интеллигент в раздумье останавливаются пред гробницей этого необыкновенного человека, сделавшегося из нижегородского крестьянина всероссий-

ским патриархом, и с восторгом любуются «на дивный, не имеющий себе ничего подобного у нас». Воскресенский храм, построенный по мысли Никона и доныне остающийся «лучшим памятником над гробницей великого патриарха, которому по силе энергии, широте и величию дел нет равного между остальными патриархами Русской Церкви».

---

[1] Так как Ферапонтов Белозерский монастырь известен главным образом как место ссылки патриарха Никона, то в дополнение к вышеизложенному очерку этой древней обители мы нашли уместным привести здесь особый очерк, посвященный изображению обстоятельств ссылки знаменитого патриарха на Белоозеро и жизни его в заточении.

Обзор обширной литературы о патриархе Никоне и различных до противоположности мнений и взглядов на эту замечательную личность, одну из самых крупных и оригинальных личностей в нашей русской истории, сделан проф. В. Иконниковым в статье: «Новые материалы и труды о патриархе Никоне». («Киевские университетские известия» за 1888 год № 6). Жизни Никона в ссылке посвящено в нашей литературе специальное исследование профессора протоиерея П. Ф. Николаевского под заглавием «Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на московском соборе 1666 года. Историческое исследование по неизданным документам подлинного следственного дела патриарха Никона» («Христианское чтение» за 1886 год и отдельный оттиск). Часть документов, которыми пользовался П. Ф. Николаевский, именно документы московской Синодальной библиотеки, издана в 1897 году Археографической комиссией под заглавием «Дело о патриархе Никоне» (СПб., 1897). В архиве Кирилло-Белозерского монастыря хранилось много документов, относившихся к жизни Никона в ссылке, но они теперь похищены и известны только благодаря описанию их в статье архимандрита Варлаама «О пребывании патриарха Никона на заточении в Ферапонтовом и Кирилло-Белозерском монастырях» («Чтение Общества истории и древностей» за 1858 год). Некоторые оставшиеся документы были описаны архимандритом Иаковом (Древн. М. археол. общества. Т. VIII. 1880). В самое последнее время местный исследователь Кирилло-Белозерской старины Н. П. Успенский, занимаясь разборкою и описанием монастырского архива, нашел много данных относительно содержания патриарха Никона в ссылке. Результаты этих изысканий были любезно сообщены нам автором и ныне напечатаны им в «Христианском чтении». Несколько мелких черт, характеризующих хозяйственную сторону жизни Никона в Ферапонтове, удалось нам встретить в приходо-расходных книгах Ферапонтова монастыря за 1672—1673 годы.

[2] Так называет Никона английский ученый Стэнли (Stanley) в своей любопытной характеристике знаменитого патриарха: «Чрез всю глубокую мглу, которая лежит над ним, — говорил, между прочим, Стэнли, — можно, однако ж, разглядеть оригинальный характер человека, соединяющего с своенравным упрямством переросшего избалованного ребенка редкий юмор и неутомимую энергию западного политика». (См.: Иконников, 42.) Другой английский ученый, известный Вильям Пальмер, положительно преклоняется пред личностью и характером патриарха Никона. Заинтересовавшись личностью Никона, он посвятил многие годы на собирание и изучение материалов о нем и издал результаты своих трудов в 6 больших томах под общим заглавием «Патриарх и Царь» (The Patriarch and Tsar / By Will. Palmer. London, 1871—1876.— 6 vols.).

[3] Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей., СПб, 1886., С. 303. «Никон вообще пользовался уважением в Малороссии», которая, благодаря именно его настоянию, была принята царем в под-

данство вопреки советам недальновидных политиков-бояр (см.: Михайловский С. Жизнь святейшего патриарха Никона. М., 1878. С. 139—145).

[4] Эта последняя литургия, совершенная патриархом Никоном, была, по его приказанию, пропета певчими на любимом им греческом языке («греческими глаголы, согласием киевским»). Шушерин И. К. Известие о жизни патриарха Никона. М., 1871.— С. 54.

[5] Об одностороннем освещении обстоятельств суда над Никоном в Истории Соловьева (XI т.), см. замечания других исследователей — профессоров Субботина и Гиббенета. Пользуясь большим количеством материала, последний нередко отмечает далеко не беспристрастное отношение Соловьева к Никону.

[6] Любопытно припомнить судьбу главных судей Никона, клявшихся в своем нелицеприятии Страшным Судом Божиим. Восточные патриархи по возвращении домой были повешены султаном за то, что без его позволения ездили в Россию. Привезенная ими милостыня была взята турками, а их тела подверглись позорному поруганию. Более или менее печальная участь постигла и некоторых других иерархов, судивших Никона (см.: Михайловский С. Жизнь святейшего патриарха Никона. М., 1878. С. 280).

[7] «Да с ним Никоном с Москвы поехали два попа черных, Памво да Паладей, да два дьякона черных, Исаия да Маркел, да простой старец Флавиан, да два человека белцов: Клинскаго уезду села Завидова дьячок Тараска Матвеев да Ярославского уезду села Вяцкого Ипатко Михайлов...» (Дело о патриархе Никоне № 77).

[8] «...И главу его ко оному древу приторгше,рассказывает Шушерин, — и едва особ не отторгше, и от того убо ударения Святейший Патриарх приял немалую язву» (с. 79.).

[9] Шушерин И.К. Указ. соч.— С. 80.

[10] Дело о патриархе Никоне № 78 1666 года декабря 28-го. Сказка бывшего патриаршего поддиакона Ивана Васильева.

[11] Шушерин. Указ. соч.— С. 81.

[12] Последняя грамота была дана им из Воскресенского монастыря в 1662 году по поводу ссоры ферапонтовского келаря Корнилия с кирилловскими монахами. Никон запрещал последним притеснять братию и крестьян Ферапонтовой обители. «А что старец Корнилий своровал, — писал патриарх, — и вам до него дело — с ним и знайтесь, а место свято, и игумен с братией пред вами ничем не повинны».

[13] См. Расходную книгу митрополита Новгородского Никона (Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских 1852, XIII. С. 53): «Июня в 25 день в Ферапонтовом монастыре куплено двести ложек красных корелчатых с костьми — дано рубль шесть алтын четыре деньги, за десять по два алтына».

[14] См. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским, в полном переводе с арабского Г. Муркоса. Здесь можно встретить много интересных замечаний о блеске и могуществе патриарха Никона в период его управления Русской Церковью. «Как нам случалось видать, — замечает наблюдательный Павел, — государственные вельможи вообще не чувствуют особенного страха пред царем и не боятся его, а наверно, патриарха больше боятся. Предшественники патриарха Никона никогда не занимались государственными делами, но этот патриарх, благодаря своему проницательному острому уму и знаниям, искусен во всех отраслях дел духовных, государственных и мирских, так как он был женат и на опыте ознакомился с мирскими делами...». Любовь царя и царицы к нему неописуема.

[15] Суровый и неосторожный патриарх в это время позволял себе писать царю в таком резком тоне, что легко мог накликать на себя жестокую беду. Но «тишайший» боялся угроз патриарха и тем больше стремился получить от него прощение.

[16] Печерский архимандрит Иосиф был вызван из Ферапонтова, как можно догадываться, вследствие какой-то челобитной, поданной им государю: в черновом отпуске грамоты к нему патриарха Иоасафа первоначально стояли слова: «В нынешнем 175 году бил ты челом великому государю», но эти слова были потом зачернены. Инструкции относительно наблюдения за Никоном, данные новоспасскому архимандриту Иоасафу, буквально те же, какие были даны его предшественнику.

[17] «Подавать», то есть милостыни или приношения, которые, как видно, получал опальный патриарх от сочувствующих ему лиц.

[18] По Шушерину (с. 85): царь послал Никону 1000 рублей, по другим данным — 700: лично ему 500 рублей и 200 рублей на живущих с ним старцев. Никон, приняв милостыню, денег старцам на руки не выдавал, и когда иером Палладий, вернувшийся к этому времени из Москвы, стал выражать неудовольствие по этому поводу, Никон велел прогнать его из Ферапонтова.

[19] Например, роспись, посланная им в феврале 1668 года, озаглавлена так: «Роспись седящему во тме и сени смертней окованному нищетою и железом смиренному Никону милостию Божиею патриарху».

[20] В настоящее время вокруг острова образовалась отмель, поросшая травой и тростником, благодаря чему остров увеличился в размере и представляется с берега в виде длинной узкой мели. На острове нет теперь ни креста, ни какого-либо другого памятника. Подъезжая к нему на лодке, можно чрез прозрачную воду рассмотреть на дне озера гряду камней, которая тянется от острова к берегу. Не хотел ли Никон соединить свой островок с берегом каменной грядой по примеру подобных сооружений в Соловецком монастыре? Такие сооружения Никон мог задумывать особенно в последние годы своей жизни в Ферапонтове, когда он располагал большими материальными средствами и множеством рабочих.

[21] Это письмо, вероятно, было отправлено Никоном с стрелецким головою Андреем Веригиным, который приезжал в Ферапонтов «для государевых великих и страшных дел» и уехал оттуда до 21 октября, забрав с собою в Москву одного старца.

[22] «Буди царю совершеннейший, — писал патриарх, — милость имей всегда с тобою... Раздая к требующим... от них же един есть и много пренебрегомый Никон; довольно, довольно, царю милостивейший, изгнание толикое, и да приведеши его молим тя, в монастырь свой; довлеет едину наказанию сослание, не стужай вяще, молю Бога, оставляя такого достойного человека в толикое великое пренебрежение, приведи, царю, крещаго благословенных отрасли твоих, ни ленися, молю тя, о царю, вяще токмо елико скорость подай освобождение Никону, да приидет в монастырь свой, яко да радуется и вся вселенная, яже скорбить о нем". (См.: Гиббенет. II. С. 1116.)

[23] Вот, например, характерный для того времени случай. В 1672 году черный поп Кирилло-Белозерского монастыря Иван подал архиепископу Симону известную челобитную на старца Виталия в том, что этот старец служил на Волге в шайке Разина и, придя оттуда в Кириллов, звал с собою на Вологду его, попа Ивана.

[24] «Я у вас, государей, не наемник, — писал после Никон царю, — за вашу милость должен и так Бога молить, как и молю... По государыне царице во всю Четыредесятницу псалтырь и канон пел и поминаю до днесь не забытно». (Письмо Никона царю в декабре 1671 года).

[25] Опись утвари, пожалованной царем Алексеем Михайловичем для Богоявленской церкви, см.: Чтения Общества Истории. С. 167; Дело о патриархе Никоне № 112. С. 17. Здесь упоминаются серебряные золоченые сосуды и дорогие облачения из золотного бархату с серебряными пуговицами. В 1683 году вся эта утварь была увезена в Воскресенский монастырь в церковь Иоанна Предтечи, где погребен Никон.

[26] Вот наиболее замечательные книги, которые в разное время требовал себе Никон для домашнего чтения: Евангелие воскресное толковое, Торжественник постный, Ефрем с Лествицею, Григорий Богослов, летописцы: греческий, киевский и русский, Библия, Беседы евангельские, Апостол толковый, Псалтирь толковый большой перевода Максима Грека, Хронограф, Никон великий, Соборник цветный, Маргарит. При описи имущества Никона в 1676 году у него оказалось не менее 50 разных богослужебных и других книг. Между прочим упоминаются книги: Григория Анзианзина, Григория Чудотворца, Исаака Сирина, Василия Великого, две книги Жезл Правления, Библия литовской печати и какая-то «книжица в коже, на греческом языце, в четверть».

[27] Приходо-расходные книги Ферапонтова монастыря за 1673—1674 годы: «Июня в 19 день святейшему Никону-патриарху продано десять концов мереж неводных — взято два рубля тридцать алтын денги платил келейный ево черной дьякон Марьдарей»; «Августа в 6 день продано из казны святейшему Никону-патриарху три мережи переводные — взято тридцать три алтына».

[28] Осенью 1676 года в пустоши Лещеве было вымолочено 7 четвертей с осьминой ржи и 8 четвертей пшеницы.

[29] Приходо-расходные книги Ферапонтова монастыря за 1673-1674 годы: «Апреля в 24 день пожаловал святейший Никон-патриарх: прислал в казну три рубля денег с слугой Гавриилом Никифоровым за пустошь Рогозинино, что отдана ему на четыре года, в том и даная дана».

[30] Записи в приходо-расходных книгах Ферапонтова монастыря за 1674 год: «Июня в 20 день игумен Афанасий (и) келарь старец Пафнотей з братиею, приговоря на соборе, продали с конюшенного двора мерина новочищена вороново святейшему Никону-патриарху, взято за него десять рублев. В 26 день продано ему ж святейшему Никону-патриарху два жеребчика пегие да кобылка, все три лонщаны (ср. местное доселе употребляемое слово «лонишный» — «прошлогодний»), взято десять рублев».

[31] Даже ожесточенные противники Никона признавали его выдающуюся щедрость, хотя, конечно, толковали ее по-своему. «...В окно из палаты нищим деньги бросает, — писал о нем протопоп Аввакум, — едучи, по пути нищим золотые мечет. А мир-от слепой хвалит: государь, такой-сякой, миленький, не бывал такой от века!.. Слово в слово таков-то и антихрист будет».

[32] В библиотеке Никона были и другие лечебники. «Дохтурская книга» — это перевод Анатомии известного Андрея Вессалия. (См.: Иконников. С. 97).

[33] Никон посылал к Самойлу «травы добыть из оптеки чечюйныя... и как строить роспись взять», Самойло посылал к патриарху своего человека Томаса «с белою малиною, да с разными семены, да с душистым деревом».

[34] Вот для примера одна такая запись: «(184 года) генваря в 20 день. Белозерского уезду с устья Шексны реки Кириллова монастыря села Великоселья христианин (крестьянин) Тарасий Иосифов болен был трясовицею, распух что бочка; молитвы говорены, стал здрав». «Из Суждаля Покровского девичья монастыря вотчины Белозерского уезду села Ухтомы крестьянина Семена Емельянова жена Дарья Артемьева дочь больна была тридцать пять лет галицкою болезнию, всякими голасы кричала; молитвы говорены, и елеем святым помазана, здрава стала».

[35] Опись была сделана 17 июня строителем Кириллова монастыря Исаией по указу архиепископа Вологодского Симона. Экземпляр ее сохранился в архиве Кирилло-Белозерского монастыря (№ 108 по нумерации Н. П. Успенского).

[36] Коврижки с орлами (гербами), литые сахарные фигуры и разные сласти были в старину необходимой принадлежностью царских родинных столов и тем знатным лицам, которые почему-то не могли быть на пиру, присылались на дом. Так как эти изделия тогдашнего кондитерского искусства могли при пересылке их в Ферапонтов изломаться и зачерстветь, то их велено было приготовить пред самым Ферапонтовым монастырем, не доезжая верст 5—6. Для этого послан был из Москвы особый повар со всеми необходимыми принадлежностями, отпущенными из Аптекарского приказа.

[37] Велено было давать в год, между прочим, 15 ведер вина церковного, 10 ведер романеи, 10 ведер ренского, 10 пуд патоки на мед, 30 пуд меду сырцу, 20 ведер малины на мед, 10 ведер вишен на мед и разных съестных запасов в большом количестве, например, рыбы разного рода, икры 30 пудов, по 50 пудов масла конопляного и коровьего, 100 пудов соли, 10 000 яиц, чесноку, грибов, репы по 10 четвертей, 300 лимонов и многое другое. Значительно убавив количество некоторых припасов, Никон включил в роспись следующие припасы: 4 пуда воску, $^1/_2$ пуда ладону, 1 пуд семги, 6 четвертей снетков, 20 пудов хмелю, 150 судаков и язей, 500 свечей сальных.

[38] См.: Шушерин И.К. С. 88: «Иже последи быть ему духовник». Собственно духовником Никона был назначен кирилловский архимандрит Никита, но в последние годы он, по словам Никона, перестал к нему ездить.

[39] Шушерин И.К. С. 89: «И в некое убо время по обычаю своему упився у приставника и учини досаждение велие святейшему патриарху и братии, овым досадительным и песским своим бреханием, овых же дерзновением рук своих оскорби».

[40] Место этих келий Никона в настоящее время трудно указать с точностью.

[41] Припомним, что еще в 1663 году, когда опальный патриарх жил в Воскресенском монастыре, стрельцы Савина монастыря, приставленные к нему «для обереганья», во время его выходов в церковь шли впереди его «с батошками против царскаго чину». Бояре, присланные к Никону, не без злорадства объявили ему тогда, от имени царя, что «делать так ему не довелось», и велели переменить стрельцов. Никон отвечал, что он стрельцов «с батошками пред собою ходить не заставливал, а ходили они перед ним собою, почитая его архиерейство». (Гиббенет. Т. II. С. 626.)

[42] «Был он у меня, — писал Никон царю об Иоакиме в 1671 году, — в Воскресенском и в Иверском монастырях строителем долгое время и не считан, а как захотел я его считать, то он ушел в Москву, добрыми людьми, тебе одобрен и ты начал жаловать его знать». (Соловьев. XI, 385.) В 1673 году Никон просил государя о том, чтобы «новгородскому митрополиту (которым был тогда Иоаким) Иверского монастыря не ведать» ввиду расхищения монастырской казны и имущества. (Николаевский. 62.).

[43] Дело о патриархе Никоне, № 91. Кирилловский архимандрит Никита, по словам Никона, говорил также его старцам, «что-де Никон к великому государю ни пишет, а у них, кирилловских, про то все есть ведомость». Патриарх Иоаким в январе 1676 года поручил архимандриту Прилуцкого монастыря Исаие допросить кирилловских властей по этой жалобе Никона. Последние на допросе показывали, что никому таких речей они не говорили и никакого бунту не было, а монах Никон гневался на них за то, что они «сверх великаго государя указу и росписей, по отпискам ево, потреб давать и многаго хоромнаго строения строить у него не учали». (См.: Дело о патриархе Никоне № 92).

[44] Будущий тесть Петра Великого, отец первой его супруги Евдокии Феодоровны.

[45] В своей так называемой духовной грамоте, которая по тогдашнему обычаю читалась при погребении, царь Алексей Михайлович писал: «От отца моего духовного великого господина святейшего Никона иерарха и блаженного пастыря — и аще и не есть ныне на престоле — прощения прошу и разрешения» . Нужно, однако, заметить, что подлинность этой грамоты подвергается сомнению учеными исследователями. (См. Иконников С. 37).

[46] В записях лиц, лечившихся у Никона, действительно значится в январе 1675 года ферапонтовский служка Иван Кривозубов, который «бесовской шум слышал и хотели задушить; молитвы говорены, стал здрав». И Игнатий Башковский, так охуждавший лечебное искусство Никона, сам же обращался к нему за помощию для своей малолетней дочери Марии, которая потом выздоровела.

[47] До некоторой степени Никон был прав в своем заявлении, хотя ревность его к чистоте православия в данном случае едва ли можно назвать уместною. Правда жития и чудеса преподобного Ферапонта и Мартиниана не были «свидетельствованы» на соборе 1547 года, так как они не попали на этот собор, но они были рассмотрены митрополитом Макарием на одном из последующих соборов, где и было дано благословение праздновать этим двум белозерским угодникам.

[48] Опись келейной утвари и имущества Никона, сданных под расписку кирилловскому казначею старцу Павлу Кикину, напечатана в «Деле о патриархе Никоне» и занимает здесь 18 страниц (386 — 404). Наряду с вещами ценными сюда в беспорядке внесена всякая мелочь и рухлядь, например, «косарь, чем лучину щеплют», или «кузов с лоскутьишком ветхим». Из этой подробной описи можно видеть, что Никон под конец своего пребывания в Ферапонтове был обставлен даже с роскошью. Так, у него была соболья шуба, крытая «камкою чешуйчатой», и соболий треух, роскошные перчатки («рукавицы персщатыя с кистьми серебряными, низаны по местам жемчугом, подложены атласом лазоревым»), несколько бархатных ряс и тафтяных (шелковых) кафтанов, много разных дорогих материй и мехов — все это, вероятно, подарки от царской семьи. Денег в наличности оказалось 1000 рублей: «В кованой скрыне в десяти мешках по сту рублев». Запасы медов, вин, сластей и разных припасов были сделаны в большом количестве. Например, «шесть кадей меду, а в них по смете пуд сорок, 7 ведер ренсково, ведро романеи, бочка меду малиноваго, 20 ведер меду белово, 15 ведер вина церковнаго, несколько бочек пива разных сортов, бочки морошки, смородины, яблоков, вишен и арбузов в патоке и многое другое». В числе утвари упоминаются серебряные вещи: солонки, кунган, рукомойник и прочее, а также следующие заслуживающие внимания предметы: несколько очков, зеркало, часы столовые, трубка смотрительная, шляпа немецкая подложена крашенной, пищаль, бердыш, пара попорченных пистолей, два рога и кувшин склянишный с порохом. Любопытно, что обвинение в стрельбе из пищали было оставлено Никоном без возражения.

[49] Следует, однако, заметить, что ферапонтовские монахи в своих жалобах на убытки монастыря от пребывания в нем Никона, по-видимому, были не совсем справедливы. Так, они, между прочим, повторили в своей росписи счет прежнего игумена Афанасия, в свое время документально опровергнутый Никоном. Очевидно, что они не боялись теперь новых обличений со стороны заключенного в Кириллове Никона. Заявление их о недодаче Никоном денег из подрядной платы за постройку келий также возбуждает сомнение относительно их количества. Монахи говорили, что они платили плотникам деньги из монастырской казны и с крестьян. Но откуда они могли набрать такую большую по тому времени сумму денег (631 рубль 7 алтын), когда известно, что «крестьянишки их обнищали до

конца», а монастырская казна часто была совсем пуста и сам казначей занимал деньги у того же Никона. С другой стороны, из описи имущества Никона видно, что у него в кладовой было около 19 пудов олова и 175 листов железа, которых для собственных нужд ему покупать было незачем, а о присылке колокола в монастырь он просил государя в челобитной и, следовательно, намеревался выполнить свои обязательства перед монастырем. Притязание ферапонтовских монахов на денежную казну Никона, по-видимому, не было уважено, и в последующих челобитных они его уже не повторяют.

[50] А. Н. Муравьев, а за ним и покойный кирилловский архимандрит Иаков, принимали за несомненное, что этот каменный корпус есть именно то здание, в котором жил патриарх Никон. Но им тогда не было известно, что матвеевские кельи были деревянные. См. их описание в «Деле о патриархе Никоне» № 107.

[51] «От вещей же келейных не дана ему и нужных потреб», — сообщает Шушерин. Список выданных Никону вещей см. в «Деле о патриархе Никоне» № 106. Из книг выданы были только две псалтири с восследованием да Библия литовской печати, из одежды — две суконных рясы и три кафтана и т. д.

[52] Сообщение Н. П. Успенского на основании житенных книг Кириллова монастыря. Вот для примера записи из этих книг: «1680 года: ноября в 24 день по приказу государя отца архимандрита Никиты выдано голубей кормить Никона-монаха овса четь с осьминою; 1681 года: марта в 25 день выдано лебедям овса три четверика» и т. п.

Михаил Зызыкин

СТРОИТЕЛЬ СВЯТОЙ РУСИ

<...> Независимо от разнообразия суждений о Никоне к нему привлекает внимание та широта проблем, которая связана с ним не только для канонической государственно-правовой и исторической стороны его дела, но и для русского православного самосознания в смысле уяснения происходящей с Россией катастрофы и возможности искупления своего греха перед Церковью и великим святителем Божиим, прославленным Богом удостоверенными чудесами. В таком аспекте проблема Никона есть не только проблема русского прошлого, но и русского будущего, связанная с проблемой действенной силы Православия в мире. Не смея ее решать во всей ее полноте, мы хотим указать на ряд составных ее частей, в каждой из которых мы наталкиваемся на позицию, занятую Никоном. Никон не был ученым-систематиком, он выявил ряд воззрений, одни изложив на бумаге, другие воплотив в своей жизни, которые заслуживают особого внимания в нашу эпоху русской катастрофы, и нашей задачей является уяснить основные их принципы и его устремления в их совокупности, а не ловить его на тех или иных словах, сказанных им когда-либо в пылу его горячего темперамента и переданных его врагами часто в искаженной форме. К осторожности в суждениях о Никоне нас должна бы

призвать судьба многих высказанных о нем суждений, впоследствии опровергнутых. Так, при жизни его обвиняли во многих преступлениях с целью избавиться от него как живого протеста и могучего строителя жизни в нежелательном для сынов века сего направлении; после его кончины раскольники-старообрядцы старались утвердить за ним многие дурные личные качества, опровержение которых составило предмет особого труда профессора Н. И. Субботина, напечатанного в Прибавлениях к Творениям Святых Отцов за 1860 год. Мнение о том, что Никон был главным инициатором в деле проведения церковно-обрядовой реформы и исправления книг, в значительной степени подрывается исследованием Каптерева, составившим 1-й том его сочинения «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович». Так, полагаем мы, обстоит дело и с обвинением Никона в стремлении насадить русский национальный папизм в смысле создания верховной патриаршей власти, поднимающейся и над архиереями, и над царем. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, если Никона оценивали, взяв за критерий истинности Петербургский цезарепапизм, если разбирали его католики (Tondini, Palmieri), протестанты (Стэнли), то среди всех перечисленных нами в последней главе трудов нет труда, посвященного детальному рассмотрению его учения о церковно-государственных отношениях с точки зрения самой Православной Церкви. О Никоне не было высказано суждения с православной канонической точки зрения. Этот пробел мы посильно для данного времени хотим восполнить. Не удовлетворило нас и обычное историческое объяснение дела Никона его личным характером. Мы сказали, сколько вопросов связывается нами с именем Никона; некоторые из них мы рассмотрели (канонические, государственно-правовые и исторические) детальнее, на некоторые указали.

I. Прежде всего вопросы канонические. Никон напомнил о том, что Поместная Церковь не может быть Церковью самодовлеющей, что она есть только часть единой Вселенской Церкви, что между частями этой Церкви должно быть каноническое общение и согласование. Этим самым он показывал, что необходимо различать политическое и церковное единение людей. Как практический строитель и борец, Никон обращался всегда к той стороне явления, которая требовала исправления и которую выдвигала сама жизнь, и реагировал на это. Ввиду того, что Уложение наносило удар вековому положению Церкви в Русском государстве, он спасал Церковь от грозящего ей поглощения в государстве и потому стремился восстановить начинавшее меркнуть в его время правовое понятие Церкви. Значение этого понятия Церкви как особого учреждения с особыми правами, основанными на благодатных дарах, и с особыми целями, особенно важно, ибо православное царство не может отказывать в признании прав Церкви, вытекающих из ее приро-

ды. Он напоминал, что Церковь не стены и храм, не только вера, а и церковные законы, и жизнь по вере, и тем спасал не только богословское понятие Церкви как тела Христова, но и правовое понятие Церкви как учреждения Божественного, с особыми полномочиями законодательства, управления и суда, учреждения с особыми целями и задачами и особыми средствами для их исполнения. Он обратился к указанию на источники церковного закона, управления и суда и в Божественных полномочиях Церкви находил указание на полномочия Церкви, вытекающие из ее природы. Он указал метод канонической науке для принципиального разграничения сфер Церкви и государства и определения существенных неотъемлемых прав Церкви, и мы увидим, что современная русская каноническая наука приняла этот метод. Большая начитанность Никона в святоотеческой литературе, особенно в сочинениях Златоуста, вплотную подошедшего к вопросам о Церкви, церковном законе, церковной власти, помогла ему разобраться в этом вопросе и указать основы для распределения компетенции между Церковью и государством со стороны определения прав Церкви. Мы старались показать, что источником учения Никона было учение святых отцов и учителей Церкви, в изобилии нами цитированных, поскольку нам удалось их достать. Это была та точка, с которой Никон критиковал цезарепапистское воззрение, приводимое против него возглавлявшим боярскую партию Митрополитом Паисием Лигаридом. В основных канонах Вселенских Соборов почерпал Никон взгляды на положение Московского Патриарха среди других Православных Патриархов и среди Епископов своей Поместной Церкви, а также и на вопрос о церковной собственности. В этих вопросах, как и в вопросе об источниках церковных полномочий, церковное предание служило ему вехами, которых не могли колебать никакие земные стихии. Он всегда и непрерывно учился, сознавался в своих ошибках, но этому принципу (следования Преданию) никогда не изменял: ни власть, ни земные блага с этого пути его не могли свернуть. Преданием он поверял церковный обычай и никогда status quo не был для него критерием истины. Пока учреждения функционируют в своих нормальных границах, вытекающих из их природы, не ставится вопрос об их компетенции, но когда происходит захват и спор, то является необходимость выяснить их соответствующую власть и пределы. Это сделал Никон по отношению к царской власти. Он отстаивал права Церкви, вытекающие из ее существа, но оставался чужд присваиванию самой Церкви политической власти, то есть был чужд тому, что обычно называется клерикализмом и что ошибочно приписывают самому Никону. Во второй части нашего труда мы старались уяснить канонические взгляды Никона на выдвинутые жизнью вопросы его современности и показать,

что современная нам православная каноническая наука решает во многих случаях эти вопросы в духе Никона.

II. С вопросами каноническими тесно связаны в учении Никона вопросы государственного права. От философского воззрения зависит, в каком положении надо мыслить взаимные отношения государства и Церкви. Установление понятия православного царя было величайшей заслугой Никона и дает ему видное место в истории образования понятия русской царской власти. Это понятие замутилось во время боярского правления в юные годы царя Алексея Михайловича да и вообще не было тогда достаточно уяснено. Грозный царь в речи на Стоглавом Соборе под влиянием Митрополита Макария установил это понятие, но он не мог тогда установить его в полной мере, ибо тогда еще не было патриаршества и не было создано Богомудрой Благочестивой Двоицы — царя и Патриарха. С другой стороны, Грозный указал только принцип подчинения и связанности царя церковными правилами, а Никон подробно развил конкретное чтение о церковных полномочиях, их природе и уяснил причину неприкосновенности в их источнике (полномочия Спасителя Апостолам и их преемникам). Вторая половина понятия Богомудрой Двоицы, реализовавшая в идее духовную сторону царской власти, еще не была осознана в умах. Надо было показать, что такое Патриарх в жизни государства православного и каково его место в отношении царя — вершителя дел. Никон показал это и словами, и еще более делом своей жизни. Он показал и границу, далее которой не призван переступать православный святитель, протестующий против беззакония государственной власти. Здесь он был не только проповедником, но и исповедником. Изучив деятельность Никона, протекавшую в соприкосновении с государственной властью, насколько это доступно в наших условиях за границей, по документам, изданным Пальмером, Гюббенетом, и поскольку мы находили их в цитатах различных авторов, мы пришли к заключению, что Никон был проповедник идеи симфонии властей, на которую ссылался на Соборе 1654 года в своей речи при открытии Собора и отдельные элементы которой он вскрыл в своем «Раззорении», написанном в 1664 году в опровержение Стрешнева и Лигарида. Мы постарались поэтому уяснить смысл теории симфонии властей, как он разумелся еще в Византийском праве, и увидели, что и в этом Никон следовал по тому же пути, по которому он следовал при определении прав церковной власти. Для него творения святых отцов были не только литературным памятником, но творениями Богопросвещенных выразителей Церковного предания. <...> Никон определил суть священства с духовной точки зрения и установил принцип оцерковления жизни. Он понимал идею симфонии властей как идею разграничения двух сфер жизни, светской и духовной, с предоставлением им полной самостоятельности в

том, что является по существу своему входящим в соответствующую собственную сферу каждой власти, с предоставлением ей в ней решающего голоса, с обязанностью взаимно признавать права друг друга, вытекающие из существа каждого союза; и в то же время от ставил религиозно-нравственною обязанностью для политической власти проникаться церковными принципами.

Эту симфонию Никон понимал для Церкви в смысле обязанности ее охранять свои существенные права и влиять своими средствами духовными на государственное законодательство, а для государства в смысле обязанности не нарушать своими законами канонов церковных и даже освящать свои законы по мере возможности принципами церковными. Ибо истинной миссией человечества он считал то же, что призванием каждого отдельного человека: принять верой Божественное Откровение и всю жизнь поставить в согласие с верой. Эта идея оцерковления естественно должна была осветить прежде всего институт царской власти как основу самой жизни Русского государства, столп и основание земного жизнеустроительства; таким образом, то преимущественное внимание, которое Никон оказал идее оцерковления власти царской в своем «Раззорении», является лишь одним из звеньев того общего миросозерцания, которое уже лежало в принципе Московского государственного строя и которое спасал Никон от разрушения, угрожавшего ему со стороны духа века сего. Об идеях Никона в определении церковно-государственных отношений можно сказать, что он не только упирал их в учение Церкви, но и воплощал в себе созданную вековую традицию Русского государственного права в отношении к Церкви.

К нему более чем к кому-либо подходят слова, сказанные одним мыслителем: «Общественные идеалы не выдумываются и не навязываются; они слагаются сами собою, вырабатываясь постепенно исторической жизнью народа, и передаются от одного поколения к другому бесчисленными нитями живого предания». Чтобы лучше понять Никона, необходимо вдуматься в философию Московского государственного строя, оценить этот строй в его сокровенном смысле, выраженном в его установлениях и обычаях; тогда фигура Никона предстанет нам плодом известной среды и в образе гиганта, воплотившего в себе все лучшие устремления, могущего ради улучшения ломать обычное и создавать новое, освещенное высшею правдою. С этой точки зрения мы должны были вникнуть в идеи, которыми держался и жил Московский государственный строй, и в то положение, которое занимал Патриарх в Московском государственном устройстве, и каким идеям призван он был дать выражение.

Это многое объясняет и в том положении, какое Никон давал православному царю. Характерно то, что патримониальское понимание царской власти, свойственное XVI веку, рассматри-

вавшее царя как вотчинника, не чувствуется совсем у Никона. У него царь — слуга царства, водитель к его спасению. Царь этот призван удерживать царство от грядущего антихриста и, как средство против этого, должен снискать благодать Божию подвигом христианского смирения, не только как человек в своей частной жизни, но и как царь в своем законодательстве и управлении. «Бог гордым противится и смиренным дает благодать». Это апостольское изречение как бы стоит предпосылкой Никоновского учения о православном царе. Никон, цитируя части коронования царского, ощущал царское служение не только как государственное служение, но и как вид церковного служения, и характерно, что, воплощая после осуждения Никона на Соборе 1667 года его идеи о церковном суде и управлении и признав принцип различной природы власти, светской и духовной, в то же время и в коронование царя (впервые в коронование Феодора Алексеевича) ввели при исправлении церковных книг причащение для царя по чину священническому, как бы официально сопричисляя власть царскую к иерархическому служению. Нас не может смущать то обстоятельство, что Никон в «Раззорении» называет царя простым мирянином, ибо, когда он писал «Раззорение» в 1664 году, еще не было введено причастие для царя по священническому чину и не было осознано официально понимание царского служения как вида церковного служения, а, с другой стороны, Никон в «Раззорении» говорил в полемике о грехах царя Алексея Михайловича против Церкви, за которые он, по его выражению, даже не должен допускаться в Церковь. Потому так и строг был Никон к носителю царской власти, что на царе лежала огромная ответственность за царство и что, не заслужив помощи Божией, царь не мог надеяться и на выполнение своего призвания — отстаивать царство от антихриста, который требует духовных, а не вещественных средств борьбы. Его царь одет не в военный мундир, а в духовные одежды Московского царя с крестом на груди. Это обстоятельство обычно упускается исследователями из виду, и Никон облекается ими, как Патриарх, в эпитеты властолюбия и честолюбия. Он же, как Патриарх, должен был в этом быть учителем царю как вторая половина Богомудрой Двоицы, как неразлучная тень и духовное восполнение царя в качестве Патриарха по усиленной благодати, а вовсе не как восхититель на царскую власть.

Никон дал религиозную основу царской власти в ее назначении, без которой ее просто нет и быть не может. <...> Никон ставил царскую власть в связь с Церковью через ее оцерковление и под покров Церкви, давал ей смысл и высшее назначение и как бы давал предостережение не вырождаться в один из видов технического устройства правительственного механизма. Это назначение и интегральная связь с Церковью власти монархической просматривается теми исследователями, которые... склон-

ны сводить все различие республики и монархии к способу назначения главы государства. Это значение просматривают и те, кто хочет для России монархии, отводя Церкви значение, занимавшееся ею в период разложения и упадка царской власти. Православный царь немыслим без той связанности Церковью и церковными законами, как и мыслил ее Никон. И Никон раскрыл уже определившееся в жизни понятие православного царя и защищал его от подтачивающей его абсолютизации, то есть отрешенности от основ Церкви и народа, а не нападал на царскую власть, как думают иные, и в этом отношении был предшественником современного учения о царской власти.

Устанавливая понятие симфонии властей, мы отметили, что в это сложное понятие входит не только понятие о самостоятельности, независимости этих властей, но и понятие об их соподчиненности при преследовании в конце концов общей цели: спасения человечества в будущей жизни. Пальмер, блистательно осветивший понятие самостоятельности Церкви, как объект борьбы Никона, не закончил изображения того здания, которое строил Никон, а именно его стремления жизненно воссоздать симфонию властей. Чтобы лучше дать почувствовать, насколько идеи Никона являются плодом сочетания святоотеческого учения с чисто русским подходом к христианству, мы не ограничились воспроизведением построения соотношения царя и Патриарха как двух глав — представителей двух общений — государственного и церковного, но показали это соотношение в Византийском их построении с указанием особенностей русского построения.

В своем учении о царской власти с церковной точки зрения Никон дал теорию православного царства, святоотечески опровергнул учение о безграничности царской власти и показал те пределы, которых она переступать не может. В этом отношении он не только сходится с учением канонической науки, но и отвечает тем стремлениям поставить принципиальные границы государственной власти как таковой, которые ожили в наше время как протест против всепоглощающей власти государства как такового, возродившегося в XVIII веке к языческому устремлению к неограниченности. Для Никона государство никогда не пребывает без высших, регулирующих его деятельность церковных идей, ибо и для людей, управляющих государством, остается заповедь Апостола (1 Кор. 10, 31) никогда не забывать о последней цели — спасении. («Итак, едите ли, пьете ли или иное что делаете, все делайте во славу Божию»). Эта идея симфонии призывает государство к миру, но не к тому миру, который совершается по дипломатическим соображениям и ради взаимного ласкательства, а к тому миру с Богом и Его Церковью, о котором писал Максим-исповедник и учит Святая Церковь, как о мире с Богом.

<...> «Положение монарха, — говорил Котляревский (Юридические предпосылки Русских Основных Законов, стр. 130 по цитате профессора Казанского), — имеет часто гораздо более глубокое историческое, чем юридическое, обоснование. Правовые определения этой власти, формулы законодательных памятников и учредительных хартий — только поверхностный слой, который накинут на веками отлагавшиеся плоды победы и поражения в борьбе с окружающими социальными силами, на отпечатлевавшиеся привычки, верования и чувствования». Надо принять во внимание при определении власти не только то, что написано в законе, но и то, что живет в неписаном виде в правосознании русского народа.

Эту часть верховной власти, соприкасавшуюся с Церковью, раскрыл Патриарх Никон в своем учении, и только лишь последующая абсолютизация власти, то есть отрешение ее от питающих ее основ, привело к тому, что один из существенных моментов царской власти (Православие) не вошел в ее определение в полном своем объеме, несмотря на то что в отдельных статьях Основных Законов этот принцип нашел себе частичное применение. Таковы все статьи, обеспечивающие соответствие взглядов обладателей трона миросозерцанию народа: тому служит наследственность престола и независимость обладания им от чьей-либо личной воли, обеспечение не только православного исповедания государя, но и православного воспитания, статьей 185, требующей, чтобы брак лица, могущего наследовать престол, происходил не иначе, как по принятии невестой Православия; тому же служит постановление о присяге престолонаследника, рассматривающее его положение как приготовление к предназначенному «великому служению»; тому же служит коленопреклоненная молитва царя после коронования, которую граф Сперанский называл клятвенным обетом: «Буди сердце мое в руку Твоею, еже все устроити к пользе врученных мне людей и к славе Твоей, яко да и в день суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово». К этому направлена и присяга подданных, религиозным актом запечатлевающая обязанность верности, нравственно приобретающая подданных к служению государству в их строительстве Земли Русской; то же устанавливается и самим актом коронования, освящающим единение царя с народом, и проч. Понятие православного царя развернуто Никоном много шире в смысле обязательности для царя признания Церкви как особого Божественного учреждения с своими законами. Абсолютистские тенденции петербургского периода могли заглушить, но не истребить православное сознание о существе царской власти, которое выявляется в «Раззорении» Никона.

III. С Никоном связана и проблема национально-историческая XVII века. <...> Правовые идеи Никона являются частью его культурных идеалов, которые он указывал русскому

самосознанию. Для него Православие было строительной силой, и он хотел, чтобы оно проникало все поры Русского государства. Его Третий Рим значительно отличался от Третьего Рима старообрядцев, видевших в формах Русского Православия, как оно сложилось до Никона, последнее слово и критерий истины. Никон не сливал, подобно им, Православия с обрядностью и церковного общества с политическим. Общество было для него шире политического и призвано служить вехами для последнего, с целью его улучшения и преображения. Он отвергал Аввакумовое отчуждение от науки, выразившееся так метко в словах Аввакума: «Еллинских борзостей и риторских не текох, но пребывал в учении благодатного закона», или «вера потреба ко спасению, а не риторика и грамматика»; Аввакум называл философов-греков и малороссов — песьими сынами, а Никон заводил библиотеку с сочинениями греческих и римских классиков, мощной рукой стремился к насаждению школ, типографий, выписывал киевских ученых для переводов книг, устраивал школы художественной иконописи, заводил новые производства (ценинное и проч.) и наряду с этим заботился о благолепии Богослужения, уничтожил единогласие, ввел киевское пение в церквах. Стараясь возвысить общественное значение Церкви, принимал строгие меры поднятия дисциплины в духовенстве, одновременно стараясь освободить его от давления на местах со стороны еще более невежественного слоя приказных людей. Никон тем самым старался повысить значение и влияние Церкви. Он хотел сделать из Москвы религиозную столицу для всех православных народов, но, чтобы она отвечала своему назначению, она должна стать в уровень с веком относительно просвещения. Он не чуждался заимствования материальной культуры с Запада ради создания сильного государства, но строго охранял Православие и православный лик своей культуры (поэтому он нетерпимо относился к иконам западного письма).

Он создавал просвещенную православную культуру и учился ей у греков как у сынов Церкви-Матери, но не для того, чтобы грецизировать Русскую Церковь, а для того, чтобы провести осознанную потребность исправления чинов и обрядов и превзойти греков в Православии, как впоследствии Петр хотел в военном искусстве перещеголять шведов. Хотя Никон называл себя в эпоху исправления чинов и обрядов «русским по рождению, но по вере греком», однако в нем и его деятельности более чем в ком-либо выразились типичные черты русского Православия. Если Православие греческое в общую сокровищницу Православия внесло его догматическую разработку, если Православие Сирии и Египта подходило к Православию преимущественно со стороны мистической, то стремление русского народа было понять христианство не столько как отвлеченную догматическую систему, но преимущественно как нравственно-

животворящую силу, а христианскую жизнь, как жизнедеятельность человеческого духа, нравственно-возрожденного христианством (Доброклонский).

Об этом именно все время пишет Никон в своем «Раззорении», и это он проводил в жизнь, выступая не только как проповедник, но и как исповедник, принеся жизнь свою в жертву и за свое учение, и за свое обличение. Его задача по снятию ветхого Адама для создания на деле Святой Руси ощущалась плотскими людьми, и прежде всего боярами, соприкасавшимися с ним более непосредственно, как непосильная тяжесть, поруха самолюбию; они не поняли Никона и, потакая страстям царя, использовали его возмужалость на войне, и не допустили его до Никона, добились низвержения Никона, не дали ему вывести Россию на путь дальнейшего оцерковления и углубить Православие в русской жизни не только как учение веры, но и как путь, истину и жизнь, чему Никон давал сам живой образ. Вот это обстоятельство просматривают те исследователи, которые фиксируют все свое внимание на протестах Никона против Монастырского приказа и против захвата государством церковной собственности, не стараясь вникнуть в истинную каноническую природу его протеста и ее глубокие религиозные корни, превращая в цель то, что для Никона было только средством к возможностям на пути дальнейшего оцерковления жизни как вечной недосягаемой задачи.

Стараясь проникнуть в никоновские стремления, мы можем признать, что их одухотворяла эта общая идея оцерковления жизни: для этого надо было восстановить нарушенную симфонию властей и дать воплощение образа Патриарха, выполняющего эту задачу путем средств, дозволяемых Церковью. Своим уходом от зла он прибегнул к мере архипастырского воздействия, как показывает вся обстановка его ухода по исследованиям профессора Николаевского и Пальмера и собственное поучение Никона в Успенском соборе 10 июля 1658 года, сказанное им в связи с прочитанным словом Златоуста и обычно совершенно игнорируемое исследователями его ухода. Нельзя высказывать суждения об уходе Никона, не выслушав его самого и не стараясь восстановить его собственное объяснение, довериться подтасованным и недобросовестным показаниям его врагов.

Изучив в доступной нам мере обстоятельства его ухода, мы оценили его уход как подвиг архипастырства, выявивший величие Никона-исповедника. Мы старались выяснить принципиальное разграничение власти церковной и государственной, как оно делалось церковным учением до Никона, самим Никоном и после него современной православной канонической наукой, и нашли, что Никон учил и действовал по-церковному, что он вовсе не был и судим за вторжение в государственную сферу, что суд над ним был лишь одним из звеньев боярского преследования против него, никогда не усыпавшего и менявшего

только свои формы. Перед нами прошли нелепые обвинения Никона в убийстве, государственной измене, в захвате земельной собственности у соседей Воскресенского монастыря, в ереси, в содомии; прошли перед нами покушения на отравление Никона, стремление его представить преступником, только для того, чтобы от него отделаться окончательно, сослать его еще в 1659 году в дальний монастырь, изобразить его уход как оставление патриаршего престола на произвол судьбы, посвятить его в схиму, чтобы лишить возможности вернуться на престол. Как апофеоз последовало заочное обвинение 72-летнего старца в блуде, опровергнутое уже после заочного осуждения, по одним доносам врагов (1676), свидетелями и всем образом жизни, и всею настроенностью его, но использованное для отягощения его участи и перевода в другой монастырь на более строгих началах.

Все эти обвинения характеризуют не Никона, а его обвинителей, и интересно то, что всякое обвинение исходило обычно от тех лиц, которые или были наиболее близки к вменяемому ими Никону греху, или просто повинны в нем: Лигарид-содомит обвинял Никона в содомии; Боборыкин — захватчик монастырской земли — обвинял Никона в захвате (она после падения Никона от него была вновь отдана монастырю и проч.), а бояре-властолюбцы обвиняли Никона во властолюбии. Самая процедура суда 1666 года над Никоном не представляет тени правосудия и изобличает всю искусственность, нужную как форма для того, чтобы можно было считать Никона осужденным окончательно. Для такой непомерной злобы нужно было иметь особые причины, и их было достаточно; одна из них — причина духовного порядка: Никон праведник, обличитель был ненавистен погрязшим в грехах боярам, окружавшим царя, о которых современники— очевидцы-иностранцы, посещавшие Москву, беспристрастные наблюдатели высказывают самые нелестные, выражаясь скромно, суждения. Никон задевал самолюбие бояр и открытым обличением, и самым фактом своего государственного регентства в отсутствие царя.

Вторая причина была более государственного характера. Рассматривая умонастроение боярства с эпохи Грозного, мы видим, что этот класс людей, бедный идейно и духовно, старался в Москве после объединения Руси с разгромом уделов, заменить свое утраченное положение самостоятельных правителей созданием вокруг царя сплоченного класса прирожденных советников царя. Этот класс окружил непроницаемым кольцом царя, не допуская до него свежих даровитых людей, и преследовал Никона как царского советника, подобно тому как преследовал и другого выдающегося деятеля царствования Алексея Михайловича, невысокородного боярина Афанасия Лаврентьевича Ордына-Нащокина, кончившего жизнь добровольным уходом с государственной арены в монастырь под влиянием не-

престанных интриг родовой знати (князя Хованского и других). Властолюбивому родовому боярству нужен был малолетний или слабый царь. В эту эпоху оно поднимало голову на несчастье государству. Вместе с Никоном царь Алексей Михайлович представлял бы несокрушимую твердыню: чтобы разрушить ее, надо было разъединить их и погубить того, кто восполнял своей личностью слабость царя. Нам думается, что здесь именно, а не в повторяемых за Лигаридом и другими врагами Никона бездоказательных утверждениях о властолюбии Никона надо искать роковой развязки драмы, выведшей Россию не на путь православной культуры, а на путь протестантско-немецкий, на путь немецкой духовной колонии. <...>

Никон настолько воплощал собой патриаршество и настолько связывал по ассоциации идей с собой выполнение идей православного царя — верховного правителя государства, что с его падением, — несмотря на принципиальное признание его идей на соборе 1667 года, хотя и без признания авторства Никона как их источника и выразителя, несмотря даже на частичное их осуществление (в закрытии Монастырского приказа, прекращении суда светских лиц над духовными и прочее), вынута была из воплощаемого им учреждения душа, дававшая русскому патриаршеству государственной жизни особое назначение; была вынута вместе с тем душа и из другого учреждения, которое начиная с Петра I получает совершенно другую сердцевину: я разумею царскую власть. В нее было вложено уже другое содержание, и в этом Петр произвел идейную революцию, размеры которой не меньше многих революций, произведенных снизу, несмотря на то, что царская власть не только осталась по форме, но и продолжалась в той же династии.

Царь Петр не только уничтожает ряд церковных обычаев и снимает с царской власти и буквально, и в переносном смысле духовные одежды, не только расцерковляет государство, отвергает обязанность царя считаться в государственном законодательстве с высшими целями Церкви, но принципиально на место славы Божией и любви к отечеству, проникнутой этой ревностью о славе Божией, ставит цель — славу отечества в чисто языческом смысле. Царь — всемогущий самодержец; он не только посягает на государственный обычай престолонаследия, считая вправе указывать наследника, и подводит под царскую власть гоббсовское договорное основание. В теориях естественного права этот первоначальный договор мыслится, конечно, не как исторический факт, а как идея, тип, правило, по которому общество должно конструироваться. Гоббс создавал по теории естественного права понятие о безграничности власти государя, отводя ему церковные дела, и еще более отточил цезарепапистские устремления Петра. Царь Петр вторгается в сферу церковную, реформирует монастыри не по церковным идеям, а по новому принципу полезности, давит на церковное

законодательство, заставляя издавать церковные законы, желательные ему (создание Синода), разрушая церковный строй, на канонах основанный, мотивируя государственным опытом необходимость коллегиального управления Церкви, не уяснив или просто отстранив вопрос, может ли светский правитель по своей инициативе не только проводить, но даже ставить вопрос об уничтожении канонического возглавления Церкви, основанного на апостольском предании (34 Ап. пр.), подтвержденного на Вселенских соборах и существовавшего в то время во всех Церквах. Он разрушил понятие Церкви, как особого организма, имеющего свое законодательство управления и суд.

Самый факт этой реформы подорвал жизнедеятельность Церкви, ушедшей в пустыни и леса и светившей с тех пор не с высоты канонического возглавления, могущего и дерзающего руководиться только высшим светом Божественного учения, а из пещер и уединения святых отшельников вроде Серафима Саровского и Амвросия Оптинского. Само высшее управление Поместной Церкви становилось в разряд второстепенных государственных учреждений, подчиненных иногда даже не непосредственно «своему крайнему судье», как называла епископская присяга императора, а другим государственным учреждениям вроде Сената, Кабинета Министров и даже Обер-Прокурора Святейшего Синода. Достаточно сопоставить, что в Московском государственном строе Патриарх стоял рядом с царем, чтобы увидеть в этом перемещении олицетворение того уровня, на который была поставлена Церковь. Катехизис, изданный при Петре в лютеранском духе, церковная проповедь, подчиненная государственным целям, и исповедь, поставленная на службу раскрытия государственных преступлений, — вот перед нами картина государства, нарушившего грань, поставленную ему Божественными и церковными законами. Удивительны ли поэтому те пророчества, которые шли о гибели самого государства на этом пути, начиная с Никона и кончая Пальмером и Достоевским. <...>

На всю значительность и жизненность самого дела Никона для истории России указывает Пальмер словами: «Падение Патриарха Никона есть та точка, тот перелом, около которых должно было обращаться дальнейшее религиозное и политическое развитие многих поколений. Его церковные и политические последствия долго видны нам, и еще не более как в своем начале». Так Пальмер писал в 70-х годах XIX века, но мы через 50 лет после него, после великой катастрофы, можем сказать, что видим и дальнейшие последствия. В результате замены аскетически церковного идеала Московской Руси эвдемонистическим направлением культуры петербургского периода обессилела воля русских людей. Были забыты церковные основы царской власти, и внецерковное общественное мнение сочло себя безапелляционным судьей в судьбе учреждения, созданного

многими поколениями. Забыли о церковной связанности монархии и не нашли в себе силы противостоять революционному гипнозу и те, кто обратил взор к Учредительному собранию, учреждению, исходящему от противоположного монархическому принципу принципа народного суверенитета, в основе которого лежит вера в неповрежденную первородным грехом человеческую природу, как то и было у вдохновителя этой теории Руссо. А порабощенная за 200 лет, разъединенная и отучившаяся от совместного соборного действования иерархия не нашла сил протестовать против антицерковного акта насильственного низложения царя. Ведь установленная всенародно на Земском соборе 1613 года и освященная в короновании царская власть не могла законно определяться в судьбе своей и судьбе своих носителей без участия правильно организованного в Земском соборе народа, органической частью и созданием которого (то есть народа) она является, и без Церкви, в которой она занимает особое иерархическое положение, и в ином месте, чем в Кремле Московском, где совершались всегда важнейшие акты царей русских[1].

Для русской интеллигенции на смену Евангельскому идеалу стремления ко Христу явился идеал другой, кощунственно выдававший себя за новое Евангелие непротивления злу силой, и нельзя не вспомнить слов одного стороннего наблюдателя, искренно любящего Россию. Так, мы читаем верную характеристику у Крамаржа в книге «Русский кризис»: «Отчуждение от государства и анархизм были глубочайшими особенностями русской интеллигенции со времен Герцена и Бакунина, и даже славянофилов, а граф Лев Толстой дал этим чертам интеллигенции высокое освящение своей литературной мировой славой, и на Толстого ложится львиная доля ответственности за русскую катастрофу».

IV. В известном смысле с именем Никона связано и культурно-политическое значение для русских людей XX века эпохи крушения России. Мы отметили в учении Никона, наряду с его историческим делом, обусловленным временем и местом, элементы вечной ценности, признанные и современной канонической наукой, и другие, связанные с учением о Церкви, с теорией симфонии — учением, имеющим характер обязательности

---

[1] Нельзя не заметить, что между Земским собором, избирающим монарха, и Учредительным собранием есть принципиальная разница. Земский собор не исходит из признания юридического верховенства народа и его прав, а устанавливает носителя верховной власти, в котором завершается, как в фокусе, идея общей обязанности служения своему государству, через принятие им тяготы власти как обязанности перед Богом. С Земским собором связывается, скорее, идея организации Боговластия через установление православного царя, а не идея народовластия.

для православного государства. Но прежде еще заботы о влиянии Церкви на государство надо позаботиться после великой катастрофы о воссоздании земного строя самой Русской Церкви, чтобы она имела силы и средства создавать своих пастырей и выполнять эту работу, которая на ней лежит по воссозданию в людях померкшего образа и подобия Божия, воспитания, образования, призрения, благотворения и проч.: то есть опираться на свою внутреннюю силу и право, и в этом смысле надо помнить о том положении ее в государстве, которое отводил ей Никон в соответствии с традициями русского государственного права, определявшего ее положение со времен Святого Владимира до царя Алексея Михайловича, и вспомнить его заветы в то время, когда, с разрушением русского политического устройства и Русской Церкви, дух русского человека может терять свою опору.

Если Токвиль писал <...> о французской революции 1789 года, что ее отличием от всех предшествующих было то, что одновременно были поколеблены и церковные и государственные основы, то разрушение русской революции было еще глубже. Ибо, если во французскую революцию духовная пустота, образовавшаяся с уничтожением церковного культа, была занята культом Разума, а потом культом Верховного Существа, то русская революция пропитана культом прямого сатанизма и Богоборчества. Излечение от этого состояния возможно только через служение общества Христу и Его Церкви, иными словами, диавол может быть побежден только крестом. Мысль в поисках опоры невольно обращается к Церкви как носительнице истинного учения жизни.

Речь идет не о перенесении Московского социального строя, а о принятии в основу строительства того духа оцерковления, который вносил Никон в русское самосознание своим словом и делом; речь идет о выборе между мирским эвдемонистическим или церковно-аскетическим направлениями самой культуры, который и определит положение Православной Церкви в Русском государстве. Чтобы прочно стоять самому государству, надо помнить верный завет Аристотеля, что первое дело правителя — забота о религии, и осуществление Никоном Апостольского правила: «Все, что ни делаете, делайте во славу Божию». Грядущая эпоха в этом смысле должна стать также эпохой Никона, как были эпохи Антония и Феодосия Печерских, как была эпоха Сергия Радонежского, каждая связанная с особым притяжением к определенному Святому, выразителю ее надежд и упований.

Мир старообрядческого Православия и мир никоновского Православия могут в Никоне найти то общее, что он строил церковную культуру и в этом смысле русскую, с ее проникновением Церкви во все поры строительства, а не протестантскую, в которой Церковь занимает место частного общества, не

затрагивающего общественной и государственной деятельности. С падением империи надо определить, что́ в ее идеологии было уклоняющегося с православной точки зрения. Идейно цезарепапизм явил собой вырождение идеи православного царства, и надо выразить эту идею в ее чистоте, а не в искривленном виде. Период империи отказался от идеи Третьего Рима в его никоновском понимании и явил собой возрождение язычества в смысле гипертрофирования царской власти через выведение ее из положения известного иерархического чина в Церкви на положение понтифекс-максимума.

Когда Никон был в Ферапонтовом монастыре, то он на каменном острове на озере, созданном им собственноручно, поставил крест с надписью, выражавшей святую истину, весьма точно сформулированную: «Никон, Божией милостью Патриарх, постави сей крест Господень, **будучи в заточении за Слово Божие и за Святую Церковь на Белоозере**, в Ферапонтовом монастыре, в тюрьме». Хотя Никон и не все годы сидел в тюрьме в буквальном смысле слова, а только известные периоды (1668—1671 и приблизительно 1676—1681), но в смысле переносном все время своей ссылки в 1666 — 1681 годах, ибо был насильственно заточен и устранен от деятельности, к которой был призван в силу своего сана и от которой могла его освободить только смерть или правильный канонический суд, а не подкупный суд продажных Патриархов, руководимых не следствием, выясняющим все обстоятельства дела, а продажным греком-католиком, запрещенным в Православии, Митрополитом, желавшим занять место русского Патриарха. Величавое впечатление производит непоколебимая и в заточении стойкость и бескомпромиссность Никона, увековеченная стихами поэта:

Но и в тиши обители далекой
Развенчанный владыка оставался
Все тем же Никоном, суровым, строгим,
Каким он был в минувши годы,
Во оны дни величья своего.

V. Есть в теме Никона сторона мистическая. Его постигла судьба пророков, о которой говорит Ев. Мф. 23, 33—34: «Змии, порождения ехидны! Как убежите вы от осуждения в геену? Посему, вот, Я посылаю к вам пророков и мудрых и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших и гнать из города в город». Или Евр. 11, 37—38: «Не достанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Сампсоне, о Иевфате, о Давиде, Самуиле и других пророках, которые... испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя

недостатки, скорби, озлобления, те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли». Так и вся жизнь Никона после его ухода подвергалась до самой смерти медленному изводительству, менявшему только формы, но не прекращавшемуся никогда, сделавшему из него мученика-страстотерпца. Грех, совершенный по отношению к нему нечестивым гонением на него, не искуплен грамотой Патриархов 1682 года, восстановившей его в правах Патриарха и объявившей, что Никон может быть прощен ввиду искупления им своей вины смиренным терпением в заточении. Не принесено перед ним покаяние за содеянное ему государственной властью — ничего не сделано для снятия тяжести тяготеющих над государственной властью слов, произнесенных Никоном царю на суде: «Кровь моя на твоей голове, царь!»

Для государственной власти, желающей снять эту тягость, надо принести такую же общественную повинную перед гробницей Никона, какую Никон от лица царя Алексея Михайловича принес перед гробницей Св. Филиппа и молил его о прощении. А Иерархия не может не вспомнить, что русский народ уже давно прославил Никона своими посещениями места его последнего упокоения и молитвами перед его гробницей получал от Бога исцеления. Сам Бог чудесами Своими по его предстательству указывает путь к прославлению Никона сопричислением его имени к именам Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Гермогена, Святителей Московских. Да подаст нам Господь видеть чудо восстания нашего народа к образу и подобию Божиему молитвами Святейшего Никона, Первосвятителя и Чудотворца Московского!

Есть и другой грех, связанный с грехом по отношению к Никону: это порабощение Церкви, доведенное до апогея с Петром I. Революция явилась искуплением за два века этого порабощения и своеволия власти. Она явилась и делом сатанинским и в то же время провиденциальным попущением за грехи. <...>

Признавая революцию делом сатанинским, мы тем самым определяем, что и побеждена она не может быть без креста, то есть без содействия Церкви и ее воссоздания.

VI. Еще один вопрос. Чем близок Никон русским людям и нашей эпохе? Происходя из земледельческой крестьянской семьи, самородок, самоучка, взрастивший свои силы под покровом монастыря, Никон дошел в жизни своей до высшей иерархической лестницы и своими дарованиями освятил путь, по которому надо идти России, но дело возрождения России из замкнутого, самодовлеющего бытия совершил другой гений, направивший Русь по иному пути, «но на делах его великих печать проклятия легла», как выразился один поэт.

Никон в своей личности соединяет те два класса общества, которые, не будучи созданием государственной власти, знаменуют собой величие мощи и духа России и призваны воссоздать

ее величие во славу Божию. Святейший Никон-Патриарх собственной жизнью показал, чего может достигнуть гигантская энергия русского человека, отдавшего силы на служение Церкви и государству, и дает нам веру в творческую силу русского народа; он указал и путь этого возрождения, «и плоды его разума верны, и имя его будет живо вовек». Что русский народ способен идти по этому пути, показывает его прошлое и идея, в нем выясняемая, которая не может быть зачеркнута тем временным падением и последующим игом, которое наложила на него богоборческая власть; это показывает, что православие было его основной движущей стихией жизни на протяжении столетий и что, как от падения встает раскаявшийся человек, так может встать и целый народ. <...>

Еще Фихте в своих «Reden an die Deutsche Nation», в эпоху величайшего падения своей нации, установил, что великая нация может достигать благосостояния и развития, присущего ее способностям, только в том случае, если она будет развиваться путем самостоятельным, предназначенным для нее самой ее природой и духом. Только благодаря упадку ее национального чувства могла произойти катастрофа подчинения России Третьему Интернационалу. Найти в прошлом ее вдохновлявшие ее идеи, строившие жизнь нации и государства, есть задача современности, как задача духовного возрождения.

«В чем особенность чисто русского понимания христианства?» — спрашивает исследователь древнерусской литературы и отвечает приблизительно так: в цельности и чистоте христианства в понимании русского народа. Русский народ, начиная свою историю и не имея положительных основ для осуществления пробудившихся стремлений к жизни, «не веси закон», говорили болгары Святому Владимиру, жаждал такой веры, которая бы создала ему жизнь, вдохнула в него начала вечного и цельного развития и образовала из него народ, не временно устроенный и счастливый, но вечно живой, растущий и размножающийся.

Русский народ понял, что христианство — не только возвещение начал веры и жизни, но и действительной жизни с Богом и в Боге.

Та свежесть, которою отличалась русская душа, ее свобода от всяких отвлеченных, самостоятельно составленных воззрений и обусловливала собой то, что христианство охранялось в ней во всей своей жизненной цельности, без малейшего предпочтения какой-либо одной его стороны, области веры, области жизни, например, или, наоборот, и в совершенно евангельской чистоте. Эта цельность и чистота и составляют национальное богатство русского народа в понимании христианства. Это богатство выражается в таком виде: по принятии христианства русский становится христианином, содержание русского отождествляется с содержанием христианина, христианство становится со-

держанием народности. И если можно назвать национальным достоянием известного народа то, что христианство стало содержанием его народности, то такое достояние и принадлежит русскому народу. Но тут, скорее, приложим термин «универсальный», потому что самая национальность выражается в универсальности, **содержанием народности стало то, что универсально**. Поэтому, в приложении к русскому народу, надо сказать, что национальным в понимании им христианства является то, что он понял его универсальное значение, что он увидел в христианстве Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь и, таким образом, национальной чертой понимания является универсальность, кафоличность христианства. Если и стремился жить чем русский народ, то именно чувством Бога. В литературе своей он проявил жизнь этого чувства и выявил свое понимание связи, соединяющей его с Богом.

Как Отец, Бог употребляет все меры к тому, чтобы люди, Его дети, достигли своего назначения, и раз Он видит их уклоняющимися от своего назначения, допускает им испытать все последствия этого удаления от жизни, и на них обрушиваются всевозможные бедствия как результат потери жизни в Боге, потери жизни в любви Божией, как результат гнева Божиего. И понятно, что степень этих несчастий стоит в прямой зависимости от степени участия самого человека в них: там, где нет сознания преступности греха, где грех лежит в основе жизни, там и его последствия являются обычным явлением, составляют самую жизнь: там же, где есть сознание преступности греха, где жизнь должна бы течь совершенно по другому, противоположному руслу, там совершенный грех, как акт сознательно-злой воли самого человека разрушает самую жизнь, уничтожает для грешного человека ее основу, и его последствия бывают ужасны.

Бог представляется сознанию русского народа праведным судьей, который непременно и достойно отмщает каждое преступление человека, и как праведный и любящий никогда не позволяет злу восторжествовать над добром, направляет к благим последствиям всякое зло в жизни людей. Всякая неправда, всякий грех необходимо влечет за собой тяжелые последствия для жизни человека, и Бог, попуская их, является праведным Судьей, отмстителем человеку за его неправды.

Народ твердо верит, что никакое зло не может остаться безнаказанным, что всеведущий и праведный Бог необходимо покарает всякую неправду, а потому и стремится на Бога возложить отмщение за все обиды свои, предоставив Ему счеты со своими врагами.

В общественной жизни людей точно так же Бог является премудрым и благим деятелем и строителем. Он дает силу и власть духовным пастырям и учителям народа вести порученные им души по пути спасения. Их избрание не может обуслов-

ливаться личными желаниями или расчетами известных лиц, но принадлежит воле Божией.

Бог есть источное начало, давшее всему жизнь, и бесконечная сила, поддерживающая и направляющая мир к его истинной цели — добру, сила, которой живет все существующее, Бог так близок миру, что русский народ готов был в каждом явлении его видеть жизнь Бога в мире.

Как высочайшее Благо, движущее жизнь мира, Бог явил Себя и в истории мира, которая, по взгляду русских людей, представляет собой историю любви Божией к миру и постепенное приближение к ней со стороны последнего. Бог есть строитель всей жизни человека.

Милосердный Бог, сотворивший человека для вечной жизни, видя его уклонившимся от жизни к смерти, по любви Своей не захотел допустить его до совершенной погибели. Его любовь не могла перенести такого конца, противоречащего самому назначению Его творения, в которое Он вложил Свой Образ как начало бесконечного развития и вечной жизни.

Но действительная жизнь человека шла не по пути к своему Творцу и Первообразу. И так как жизнь есть в своем роде течение и так как само течение, направившись по новому руслу, не в силах уже возвратиться на прежнее, то то же нужно сказать и о человеке. Поставивши себя и свою земную волю законом своей жизни, человек мог только идти вперед в этом направлении, укрепиться и стареться в нем, но поворот к прежней жизни в Боге для него уже был невозможен. Преградой тому был он же сам, его эгоизм как основа жизни, который нужно было уничтожить и на его место поставить истинное начало жизни, но сделать это сам эгоист не мог, потому что в эгоизме нет силы жизни, а есть только ее отрицание. Но так как человек носит в себе образ Божий как задаток вечной жизни и не был только в силах дать ему перевес в направлении своей жизни, то для возвращения его к истинной жизни нужно было обновить его природу, уничтожить в ней земное начало жизни и призвать к жизни и сделать ее основой и началом истинное и Божественное начало в человеке. Но дать жизнь, обновить природу умирающую может только Тот, кто в Себе Самом имеет жизнь, только источник жизни, только Бог.

Иисус Христос стал началом и источником истинной жизни людей; людям остается только усвоить себе это Начало и питаться от этого Источника для того, чтобы начать новую жизнь. Им нужно усвоить Христа, как начало Воскресения в смерти, то есть умереть в Христе для своего греховного прошлого и воспринять в себя Источник жизни, Который бы развил их в ней и привел к цели их течения — Богу.

Дух Святый, обитая в обществе последователей Христа, через особых лиц, Богом поставленных пастырей, и совершает

спасение каждого человека в отдельности, обновляет его, вводит его в царство сынов Божиих.

Если происходило нарушение пастырских уроков и оказывалось недостаточным строгое учительство, то надо было прибегать к силе и власти, чтобы этим путем сохранить чистоту христианской жизни. С этой целью уставы предоставляли Епископам право суда преступлений против веры и основы Христианского общества — семьи и некоторые другие тяжбы. Замечательно, что и в этом случае представители Церкви не выделяли князей и царей из числа других пасомых и в случае уклонения обличали и карали их. Вот русский подход к христианству, стремление понять его как жизненную силу и приобщить свою жизнь к его духу.

Никоновское «Раззорение» является применением тех же русских православных взглядов в области политического строительства, то есть углублением русского понимания христианства, распространением его на сферу политическую в смысле признания религиозно-нравственной обязанности государственной власти иметь перед собой руководящим идеалом идеал Церкви. Сознание доминирующего значения греха в жизни личной и общественной как причины несчастий, следуемых за уклонение от воли Божией по испорченности природы человека; жизнь чувством Бога — праведного Судьи, отмщающего людям и их поколениям каждое преступление, всякую неправду, всякий грех; стремление выправить жизнь по канону церковному, как средство отрешения от личной испорченной грехом воли человека, и стяжание вспомоществующей благодати Духа Святого — вот основные импульсы никоновского учения. Вот почему он считал, что праведность одного значит больше, чем миллионы толп; вот почему отводил он такое большое значение в государственной жизни началу духовному и старался приобщить жизнь общества к церковным началам: в Церкви Дух Святый является строителем и совершителем жизни.

Святителю Отче Никоне, моли Бога о нас!

София. 27 ноября 1927 года

СОЛОВЕЙ В ИВЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ

Грамота Патриарха Никона архимандриту Филофею с требованием уведомления о соловье, залетевшем в монастырскую соборную церковь

Случилось происшествие 20 мая 1666 года

«Никон, Божиею милостию Патриарх нашего строения Пречистыя Богородицы Иверского монастыря архимандриту Филофею, наместнику иеромонаху Паисию, строителю Евфимию с братией. Ведомо нам, великому господину, учинилось: в нынешнем-де во 174 году, мая в 20 день, в нашем строении в Иверском монастыре в Соборную и Апостольскую Церковь влетел-де соловей, и сел на нашем, великаго господина, месте, и пел дивно, и то-де многая братья слышала и тебе, архимандриту и наместнику, о таком деле известили, и как-де он пел, и тоде слышали ты, архимандрит и наместник, и братья многая, и того-де соловья, взяв с нашего места пономарь и отдал тебе, архимандриту, и тот-де соловей у тебя, архимандрита, умер на руках. И вы то дело поставили себе в оплошку и к нам, великому господину, о таком деле не писали; да и об всяких делах ничего николи не пишете. И как к вам сия наша, великого господина, грамота придет, и вам бы о том деле к нам, великому господину, описать, не замолчав ни часу, обо всем подробно: как той соловей появился в церкви, и в какое время и в коем часу, и как было и на нашем, великаго господина, месте тот

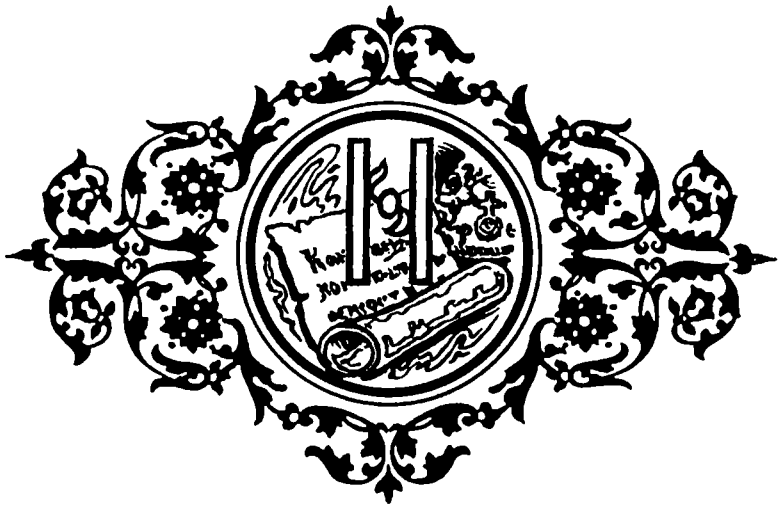
соловей пел, и сидел на коем месте, и кто преж его осмотрел и кто его преж отдал тебе, архимандриту, и как ты его принял и долго ли у тебя он был в руках и пел на какой превод? Приказный Евстафий Глумилов.

Писано в нашем строении Нового Иерусалима Воскресенского монастыря, 174 г. июня в 7 день».

Отписка Архимандрита Филофея Патриарху Никону на вышеприведенную грамоту

«Великому Господину, Святейшему Никону-Патриарху. Твоего великого господина строения Пречистыя Богородицы твои архимандрит Филофей, наместник иеромонах Паисий, строитель Евфимий с братьей у тебя, молостиваго отца, благословения просим, Бога молим и челом бьем. В нынешнем 174 году, июня в 23 день, в твоей, великаго господина, грамоте писал к нам, богомольцам твоим, ведомо тебе, великому господину, учинилось: в нынешнем-де во 174 году, мая в 20 день, в твоем, великаго господина, строении в Иверском монастыре в Соборную и Апостольскую Церковь влетел-де соловей, и сел на твоем, великаго господина, месте, и пел дивно, и то-де многая братья и мы, богомольцы, слышали, и того-де соловья взял с твоего святительскаго места пономарь и отдал мне, архимандриту, и тот-де соловей у меня, архимандрита, умер в руках, и нам бы о том к тебе, великому господину, отписать, не замолчав, обо всем подробну. — И мая в 20 число, в шестую неделю по Пасце, в соборной церкви на утрени, на втором чтении, пошел из церкви в притвор северными дверьми дьякон Варсонофий, и в северных-де дверях летит ему встречу птица, и тот дьякон чаял, что нетопырь летит и учал на нее махать и в церковь не пускать, и та-де птица мимо его пролетела и через братью, которые сидели подле дверей, полетела вверх через деисусы в олтарь. И как начали петь степенную песнь, первый антифон, и в олтари на горнем месте на окне седя преж почал посвистывать по обычаю, и защокотал, и запел, и пропел трижды, и то пение мы, богомольцы твои, архимандрит и наместник, и строитель, и братия слышали. И пришед пономарь возвестил мне, архимандриту и наместнику, что поет во олтари, и мы пошли в олтарь его смотреть, и тот соловей учал в окне летать и биться вон. И, приставя лестницу, послали малого, и велели его бережно поимать, и клетку приготовили, во что посадить, и той малый учал его хватать и поймал руками живого, и посадил в шапку, и, сошед с лестницы, принес ко мне, архимандриту, и я его из шапки вынял мертваго. А естьли бы жив был и мы хотели послать его к тебе, великому господину, простотой своей и не писали, что он умер, и послать некого. И о сем у тебя, милостиваго отца, прощения просим, что о том соловье простотой своей к тебе, милостивому отцу, не писали».

Патриарх взглянул на это происшествие как на предвестие ожидавшей его судьбы, и церковные события конца того же 1666 года не замедлили оправдать его предчувствия во всей силе: спустя шесть месяцев после происшествия Патриарх Никон, подобно Иверскому соловью, пропев на Соборе 1666 года трикраты свою лебединую песнь, впал в руки врагов своих, был сослан ими в заточение, долго томился в нем и напоследок, хотя и достался в дружелюбные руки своего царственного крестника, но прибыл к нему уже мертвым и возвеличен подобающей честью лишь в погребении и поминовении.



Михаил Лермонтов

<В ВОСКРЕСЕНСКЕ>

(Написано на стенах жилища Никона)
1830 года

1

Оставленная пустынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол растреснувший молчит. —
Его (бывало) заунывный глас
Звал братий к всенощной в сей мирный час!
Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни — и кругом
Высокая полынь — всё, всё без слов
Нам говорит о таинствах гробов. —
. . . . . .
Таков старик, под грузом тяжких лет
Еще хранящий жизни первый цвет;
Хотя он свеж, на нем печать могил
Тех юношей, которых пережил. —

(Там же, в монастыре)

2

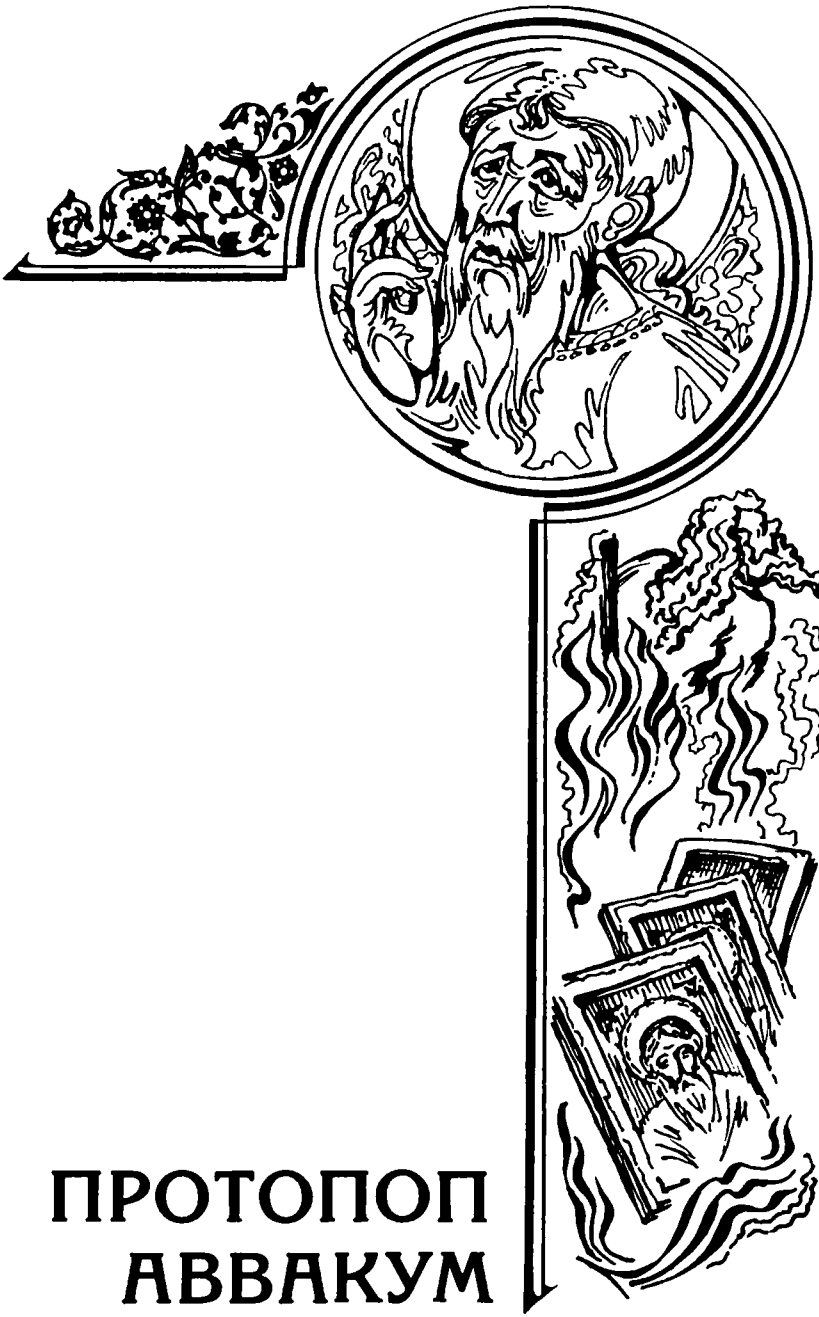
Пред мной готическое зданье
Стоит как тень былых годов;
При нем теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше теплого участья,
Святей любви, спокойней счастья.

Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачный след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,

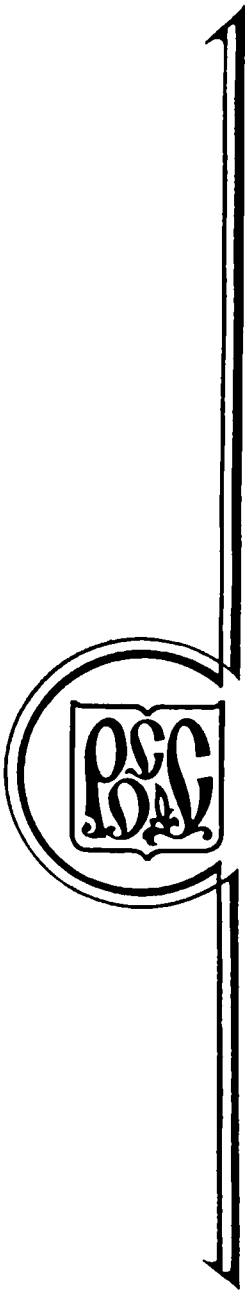
Где образ Божеской могилы
Между златых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал,
И где пред Богом изливали
Свои грехи, свои печали.

И там (как знать) найдет прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни клобук
Не облегчают наших мук.

Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдет,
Времен тогдашних небылицы
За речи истинны почтет,
Не мысля, что в сем месте сгнили
Сердца, которые любили!..



ПРОТОПОП АВВАКУМ



Сергей Зеньковский

УЧЕНИЕ ОТЦОВ ПУСТОЗЕРСКИХ: ПРОТОПОП АВВАКУМ

Антон Карташев

НАЧАЛО ОСОБОЙ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО РАСКОЛА

Владимир Малышев

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Виктор Василенко

ПРОТОПОП АВВУКУМ

Максимилиан Волошин

ПРОТОПОП АВВАКУМ

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием,— понеж отец ему духовной инок,— да не забвению предано будет дело Божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу Богу нашему. Аминь. Всесвятая Троице Боже и Содетелю всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати делы благими, яже ныне хощу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да, добрыми делы просвещен, на судилище[1] десныя ти страны причастник буду со всеми избранными твоими. И ныне, владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю Дионисия Ареопагита о Божественных именех, что есть Богу присносущные[2] имена истинные, еже есть близостные, и что виновные[3], сиречь похвалные. Сия суть сущие: сый,[4] свет, истинна, живот, толко четыре свойственных, а виновных много; сия суть: Господь, Вседержитель, непостижим, неприступен,

---

[1] суде (Страшном суде).
[2] всегда присущие.
[3] приличествующие.
[4] существующий, сущий.

трисиянен, триипостасен[1], царь славы, непостоянен, Огнь, Дух, Бог, и прочая по тому разумевай.

Того ж Дионисия о истинне: себе бо отвержение[2] истинны испадение есть, истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение сущаго отвержение есть; от сущаго же Бог испасти не может, и еже не быти — несть[3].

Мы же речем: потеряли новолюбцы[4] существо Божие испадением от истиннаго Господа, святаго и животворящаго Духа. По Дионисию: коли уж истинны испали, тут и сущаго отверглись. Бог же от существа своего испасти не может, а еже не быти, несть того в нем: присносущен истинный Бог наш. Лучше бы им в символе веры не глаголати Господа, виновнаго имени, а нежели истиннаго отсекати, в нем же существо Божие содержится. Мы же, правовернии, обоя исповедаем: и в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго света нашего, веруем, со Отцем и с Сыном поклоняемаго, за Него же стражем и умираем, помощию Его владычнею. Тешит нас Дионисий Ареопагит, в книге ево сице пишет: сей убо есть воистинну истинный християнин, зане истинною разумев Христа, и тем богоразумие[5] стяжав, изступив убо себе[6], не сый в мирском их нраве и прелести[7], себя же весть трезвящеся и изменена[8] всякаго прелестнаго неверия, не токмо даже до смерти бедъствующе истинны ради, но и неведением скончевающеся[9] всегда, разумом же живуще, и християне суть свидетелствуемы[10]. Сей Дионисий научен вере Христове от Павла апостола, живый во Афинах, прежде, даже не приитти в веру Христову, хитрость имый[11] ищитати беги небесныя; егда ж верова Христови, вся сия вмених быти яко уметы[12]. К Тимофею пишет в книге своей, сице глаголя: «Дитя, али не разумееш, яко вся сия внешняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и тля[13] и пагуба? Аз пройдох делом и ничто ж обретох, но токмо тщету». Чтый да разумеет. Ищитати беги небесныя любят погибающии, по еже любви истинныя не прияша, воеже[14] спастися им; и сего ради послет им Бог дейст-

---

[1] троеликий.
[2] ибо отказ от себя.
[3] и чего не существует, того нет.
[4] сторонники новых обрядов.
[5] богопознание.
[6] победив самого себя.
[7] не причастный мирским соблазнам.
[8] сознает себя трезвым и свободным.
[9] умирая в неведении мирского.
[10] об этом свидетельствуют.
[11] владевший искусством рассчитывать движение светил небесных.
[12] грязь.
[13] тлен.
[14] чтобы.

во лести[1], воеже веровати им лжи, да суд приимут неверовавшии истинне, но благоволиша о неправде. Чти Апостол, 275.

Сей Дионисий еще не приидох в веру Христову, со учеником своим во время распятия Господня быв в Солнечном граде и видев: солнце во тму преложися и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явилися черным видом. Он ко ученику глагола: «Или кончина век прииде, или Бог-Слово плотию стражет»[2]; понеже не по обычаю тварь виде изменену: и сего ради бысть в недоумении. Той же Дионисий пишет о солнечном знамении, когда затмится; есть на небеси пять звезд заблудных, еже именуются луны. Сии луны Бог положил не в пределах, яко ж и прочие звезды, но обтекают по всему небу, знамение творя или во гнев, или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудшая звезда, еже есть луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет солнечный, то солнечное затмение за гнев Божий к людям бывает. Егда ж бывает от востока луна подтекает, то по обычаю шествие творяще закрывает солнце.

А в нашей Росии бысть знамение: солнце затмилось в 162 году[3], пред мором за месяц или менши. Плыл Волгою рекою архиепископ Симеон сибирской, и в полудне тма бысть, перед Петровым днем недели за две; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала. По Дионисию, являя Бог гнев свой к людям: в то время Никон отступник веру казил[4] и законы церковныя, и сего ради Бог излиял фиал гнева ярости своея на Рускую землю; зело мор велик был, неколи еще забыть, вси помним. Потом, минув годов с четырнатцеть, вдругоряд солнцу затмение было; в Петров пост, в пяток[5] в час шестый тма бысть; солнце померче, луна подтекала от запада же, гнев Божий являя, и протопопа Аввакума, беднова горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти и на Угреше в темницу, проклиная, бросили. Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное. Говорить о том полно; в день века[6] познано будет всеми; потерпим до тех мест.

Той же Дионисий пишет о знамении солнца, како бысть при Исусе Наввине во Израиле. Егда Исус секий иноплеменники, и бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полднях[7], ста Исус крестообразно, сиречь распрострре руце свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече, и бысть во дни том и в

---

[1] соблазна.
[2] страдает.
[3] в 7162 (1654) году.
[4] искажал.
[5] пятницу.
[6] конца света, Страшного суда.
[7] на юге.

нощи тридесять четыре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло. И при Езекии царе бысть знамение: оттече солнце вспять во вторый-на-десять[1] час дня, и бысть во дни и в нощи тридесять шесть часов. Чти книгу дионисиеву, там пространно уразумееш.

Он же Дионисий пишет о небесных силах, росписует, возвещая, како хвалу приносят Богу, разделяяся деветь чинов на три троицы. Престоли, херувими и серафими освящение от Бога приемлют и сице восклицают: благословенна слава от места Господня! И чрез их преходит освящение на вторую троицу, еже есть Господьства, начала, власти; сия троица, славословя Бога, восклицают: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! По алфавиту, а л ь — Отцу, и л ь — Сыну, у й я Духу Святому. Григорий Ниский толкует: аллилуйя — хвала Богу; а Василий Великий пишет: аллилуйя — ангельская речь, человечески рещи — слава тебе, Боже! До Василия пояху во церкви ангельские речи: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третьюю — человеческу, сице: аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже! У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим Бога, а не четыржи, по римской бляди: мерско Богу четверичное воспевание сицевое: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже! Да будет проклят сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третья троица, силы, архангели, ангели, чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: свят, свят, свят, Господь Саваоф, исполнь небо и землю славы его! Зри: тричислено и сие воспевание. Пространно Пречистая Богородица протолковала о аллилуйи, явилася ученику Ефросина Пъсковскаго, именем Василию. Велика во аллилуйи хвала Богу, а от зломудръствующих досада велика,— по-римски Святую Троицу в четверицу глаголют, Духу и от Сына исхождение являют; зло и проклято се мудрование Богом и святыми. Правоверных избави Боже сего начинания злаго, о Христе Исусе, Господе нашем, ему же слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Афанасий Великий рече: иже хощет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера[2], ея же аще кто целы и непорочны не соблюдает, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет. Вера ж кафолическая сия есть, да единаго Бога в Троице и Троицу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин бо есть состав Отечь, ин — Сыновень, ин — Святаго Духа; но Отчее, и Сыновнее, и Святаго Духа едино божество, равна слава, соприсносущно величество: яков Отец, таков Сын, таков и Дух Святый; вечен Отец, вечен Сын, вечен и Дух Святый; не создан Отец, не создан Сын, не создан и Дух Святый; Бог Отец, Бог Сын, Бог и Дух Святый

---

[1] двенадцатый.

[2] христианскую веру.

— не три бози, но един Бог; не три несозданнии, но един несозданный, един вечный. Подобне: Вседержитель Отец, Вседержитель Сын, Вседержитель и Дух Святый. Равне: непостижим Отец, непостижим Сын, непостижим и Дух Святый. Обаче не три вседержителя, но един вседержитель; не три непостижимии, но един непостижимый, един пресущный. И в сей Святей Троице ничто же первое или последнее, ничто же более или менее, но целы три составы и соприсносущны суть себе и равны. Особно бо есть Отцу нерождение, Сыну же рождение, а Духу Святому исхождение; обще же им божество и царство. (Нужно бо есть побеседовати и о вочеловечении Бога-Слова[1] к вашему спасению.) За благость щедрот излия себе от отеческих недр Сын-Слово Божие и Деву чисту Богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився от Духа Свята и Марии Девы, вочеловечився, нас ради пострадал, и воскресе а третий день, и на небо вознесеся, и седе одесную величествия на высоких и хощет паки приитти судити и воздати комуждо по делом его, его же царствию несть конца. И сие смотрение в бозе бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразитися. (Совет отечь.) Рече отец сынови: «Сотворим человека по образу нашему и по подобию». И отвеща другий: «Сотворим, Отче, и преступит бо». И паки рече: «О, единородный мой! О, свете мой! О, сыне и слове! О, сияние славы моея! Аще промышляеши[2] созданием своим, подобает ти облещися в тлимаго[3] человека, подобает ти по земли ходити, апостолы восприяти, пострадати и вся совершити». И отвеща другий: «Буди, Отче, воля Твоя!» И по сем создася Адам. Аще хощеши пространно разумети, чти Маргарит: «Слово о вочеловечении»; тамо обрящеши. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сице всяй веруяй в онь не постыдится, а не веруяй осужден будет и во веки погибнет, но вышереченному Афанасию. Сице аз, протопоп Аввакум, верую, сице исповедаю, с сим живу и умираю».

Рождение же мое в Нижегороцких пределех, за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати Мария, инока[4] Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмелнова; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз же екогда видев у соседа скотину умершу, и той нощи, возставше, пред образом плакався доволно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молитися. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же Пресвятей Богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица,

---

[1] Иисуса Христа.
[2] заботишься.
[3] тленного
[4] в монашестве.

сиротина ж, безпрестанно обыкла ходить во церковь,— имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяще и моляшеся Богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли Божии тако. Посем мати моя отъиде к Богу в подвизе велице. Аз же от изгнания преселихся во ино место. Рукоположен во дьяконы двадесяти лет з годом, и по дву летех в попы поставлен; живый в попех осм лет и потом совершен в протопопы православными епископами, — тому двадесять лет минуло; и всего тридесят лет, как имею священъство.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много,— по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежал во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде, и во стране Сибирьской проповедуя и уча слову Божию,— годов будет тому с полтретьящеть[1].

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии[2] всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелъся, внутрь жгом огнем блудным, и горко мне бысть в той час: зажег три свещи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя и держал, дондеже во мне угасло злое разжежение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом Господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя Бог от детей духовных: понеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падох на землю на лицы своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сиделцов. И я спросил: «Чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончалися богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо[3],— его же ум человечь не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит: бежит ко мне из-за Волъги, яко пожрати мя хощет. А я вскричал: «Чей корабль?» И сидяй на нем отвещал: «Твой корабль! Да, плавай на нем з женою и детми, коли докучаеш!» И я востренетах и, седше, разсуждаю: «Что се идимое? И что будет плавание?»

---

[1] двадцать пять.
[2] разврату.
[3] пепельного цвета.

А се по мале времени, по писанному, объяша мя болезни смертныя, беды адавы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох. У вдовы началник отнял дочерь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери; и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и болши, и паки оживе Божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин началник, во ино время, на мя разсвирепел,— прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки огрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря Бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищалми и, близь меня быв, запалил ис пистоли, и Божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и Божия воля учинила так же — и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь Богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а я ему рекл: «Благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан. Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же Бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика[1] древле. Егда ж аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Иванну, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы ж з грамотою паки послали меня на старое место, и я притащилъся: ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Приидоша в село мое пясовые медведи з бубнами и з домрами: и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари, и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял,— одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василей Петровичь Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своево Матфея бритобратца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались[2], а брату моему меншому бояроня Васильева и дочь духовная была. Так-то Бог строит своя люди!

---

[1] свнуха.

[2] просили прощения.

На первое возвратимся. Таже ин началник на мя разсвирепел: приехав с людми ко двору моему, стрелял из луков и ис пищалей с приступом. А аз в то время, запершися, молился с воплем ко Владыке: «Господи, укроти ево и примири, ими же веси судбами!» И побежал от двора, гоним Святым Духом. Таже в нощ ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «Батюшко-государь! Евфимей Стефановичь при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: «Дайте мне батка[1] Аввакума! За него Бог меня наказует!» И я чаял, меня обманывают; ужасеся дух мой во мне. А се помолил Бога сице: «Ты, Господи, изведый мя из чрева матере моея и от небытия в бытие мя устроил! Аще меня задушат, и Ты причти мя с Филиппом, митрополитом московским; аще зарежут, и Ты причти мя з Захариею пророком; а буде в воду посадят, а Ты, яко Стефана Пермъскаго, паки свободиши мя!» И моляся, поехал в дом к нему, Евфимию. Егда ж привезоша мя на двор, выбежала жена ево Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: «Поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!» И я сопротив тово: «Чюдно! Давеча был блядин сын, а топерва — батюшко! Болшо[2] у Христа-тово остра шелепуга-та[3]: скоро повинилъся муж твой!» Ввела меня в горницу. Вскочил с перины Евфимий, пал пред ногами моима, вопит неизреченно: «Прости, государь, согрешил пред Богом и пред тобою!» А сам дрожит весь. И я ему сопротиво: «Хощеши ли впредь цел быти?» Он же, лежа, отвеща: «Ей, честный отче!» И я рек: «Востани! Бог простит тя!» Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я поднял и положил ево на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил. И наутро отпустил меня честно в дом мой; и з женою быша ми дети духовныя, изрядныя раби Христовы. Так-то Господь гордым противится, смиреным же дает благодать.

Помале паки инии изгнаша мя от места того другоряд. Аз же сволокся к Москве, и Божиею волею государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Поволской. И тут пожил немного — толко осм[4] недель. Дьявол научил попов и мужиков и баб — пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и вытаща меня ис приказа собранием,— человек с тысящу и с полторы их было,— среди улицы били батожьем и топтали; и бабы были с рычагами[5]. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошеди умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают,

---

[1] отца, батюшку.
[2] знать.
[3] плеть.
[4] восемь.
[5] ухватами.

и по граду молва велика. Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «Убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!» Аз же, отдохня, в третий день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третей ушел к Москве. На Кострому прибежал, — ано и тут протопопа ж Даниила изгнали. Ох, горе! Везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинилься печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут,— опять кручина: на что-де город покинул? — А жена, и дети, и домочадцы, человек з дватцеть, в Юрьевце остались: неведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе.

По сем Никон, друг наш, привез ис Соловков Филиппа митрополита. А прежде его приезду Стефан духовник, моля Бога и постяся седмицу з братьею,— и я с ними тут же,— о патриаръхе, да же даст Бог пастыря ко спасению душ наших; и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками[1], подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам, и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречю: преосвященному митрополиту Никону новгороцкому и великолуцкому и всеа Русии радоватися, и прочая. Егда ж приехал, с нами, яко лис: челом да здóрово! Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить! Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в Крестовую пускать! А се и яд отрыгнул. В пост Великой прислал память х Казанъской к Неронову Иванну. А мне отец духовной был; я у нево все и жил в церкве: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силино покойника место, да Бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанъские тою держалься, чел народу книги. Много людей приходило. В памети Никон пишет: «Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания[2] творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и тремя персты бы есте крестились». Мы же задумались, сошедшеся между собою; видим, яко зима хощет быти; сердце озябло и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов — седмицу в полатке[3] молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: «Время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне, плачючи, сказал; таже коломенъскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем жжег в новогороцких пределех; потом — Даниилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братье. Мы же з Дани-

---

[1] прощение за своими подписями.
[2] земные поклоны.
[3] комнатке, келье.

лом, написав ис книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вем где, скрыл их; мнит ми ся[1], Никону отдал.

После тово вскоре схватав Никон Даниила, в монастыре за Тверскими вороты, при царе остриг голову и, содрав однорятку, ругая, отвел в Чюдов в хлебню[2] и, муча много, сослал в Астрахань. Венец тернов на главу ему там возложили, в земляной тюрме и уморили. После Данилова стрижения взяли другова, темниковскаго Даниила ж протопопа, и посадили в монастыре у Спаса на Новом. Таже протопопа Неронова Иванна — в церкве скуфью снял и посадил в Симанове монастыре, опосле сослал на Вологду, в Спасов Каменной монастырь, потом в Колской острог. А напоследок, по многом страдании, изнемог бедной — принял три перста, да так и умер. Ох, горе! Всяк, мняйся стоя, да блюдется, да ся не падет![3] Люто время, по реченному Господем, аще возможно духу антихристову прелстити и избранныя. Зело надобно крепко молитися Богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец.

Таж меня взяли от всеющнаго Борис Нелединской со стрелцами; человек со мною шестьдесят взяли: их в тюрму отвели, а меня на патриархове дворе на чеп посадили ночью. Егда ж розсветало в день неделный[4], посадили меня на телегу, и ростянули руки, и вез и от патриархова двора до Андроньева монастыря, и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, не ел, не пил; во тме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох доволно. Бысть же я в третий день приальчен, сиречь есть захотел, и после вечерни ста предо мною, не вем — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил, и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал похлебать — зело прикусны, хороши! — и рекл мне: «Полно, довлеет[5] ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно толко человек; а что ж ангел? но нечему дивитца — везде ему не загорожено. Наутро архимарит з братьею пришли и вывели меня; журят мне: «Что патриарху не покорисся?» А я от писания ево браню да лаю. Сняли болшую чеп, да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы деруг, и под бока толкают, и за чеп торгают, и в глаза плюют. Бог их

---

[1] думается.
[2] хлебопекарню.
[3] всякий, думая, что он устоит, пусть бережется, чтобы не упасть.
[4] воскресенье.
[5] достаточно.

простит в сий век и в будущий: не то дело, но сатаны лукаваго. Сидел тут я четыре недели.

В то время после меня взяли Логина, протопопа муромскаго: в соборной церкви, при царе, остриг в обедню. Во время переноса снял патриарх со главы у архидьякона дискос и поставил на престол с телом Христовым; а с чашею архимарит чюдовской Ферапонт вне олътаря, при дверех царских стоял. Увы, разсечения тела Христова, пущи жидовскаго действа! Остригше, содрали с него однарятку и кафтан. Логин же разжегся ревностию Божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог в олтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтарь в глаза Никону бросил; и чюдно! растопоряса рубашка и покрыла на престоле дискос, бытто воздух. А в то время и царица в церкви была. На Логина возложили чеп и, таща ис церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскова монастыря, и кинули в полатку нагова, и стрелцов на карауле поставили накрепко стоять. Ему ж Бог в ту нощ дал шубу новую да шапку; и наутро Никону сказали, и он розсмеявся, говорит: «Знаю-су я пустосвятов тех!» — и шапку у нево отнял, а шубу ему оставил.

По сем паки меня из монастыря водили пешева на патриархов двор, также руки ростяня, и стязався[1] много со мною, паки также отвели. Таже в Никитин день ход со кресты, а меня паки на телеге везли против крестов. И привезли к соборной церкве стричь, и держали в обедню на пороге долъго. Государь с места сошел и, приступя к патриарху, упросил. Не стригше, отвели в Сибирский приказ и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что ныне стражет же по Христе, старец Саватей, сидит на Новом, в земляной же тюрьме. Спас ево, Господи! И тогда мне делал добро.

Таже послали меня в Сибирь з женою и детми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила — болную в телеге и повезли до Тобольска; три тысящи верст недель с тринатцеть волокли телегами, и водою, и санми половину пути.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня. Тут у церкви великия беды постигоша меня: в полтора годы пять слов государевых сказывали на меня, и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, он без нево, дьяволским научением напал на меня: церкви моея дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван собрався с людми, во ин день прииде ко мне в церковь, — а я вечерню пою,— и въскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул, и никово не пустил,— один он, Струна, в

[1] споря.

церкви вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ременем нарочито-таки; а прочии, человек з двадцеть, вси побегоша, гоними духом святым. И покаяние от Струны приняв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в избу, хотя меня взять и в воду свести. И Божиим страхом отгнани быша и побегоша вспять. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай: иное в церкве начюю, иное к воеводе уйду, а иное в тюрму просилься — ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах,— опосле на Москве у Павла митрополита ризничим был, в соборной церкви з дьяконом Афонасьем меня стриг; тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил. Потом приехал архиепископ с Москвы и правилною виною ево, Струну, на чеп посадил за сие: некий человек з дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину възяв и, не наказав, мужика отпустил. И владыка ево сковать приказал и мое дело тут же помянул. Он же, Струна, ушел к воеводам в приказ и сказал «слово и дело государево» на меня. Воеводы отдали ево сыну бояръскому лутчему, Петру Бекетову, за пристав. Увы, погибель на двор Петру пришла. Еще же и душе моей горе тут есть. Подумав архиепископ со мною, по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в неделю православия в церкве болшой. Той же Бекетов Петр, пришед в церковь, браня архиепископа и меня, и в тот час ис церкви пошед, взбесилься, ко двору своему идучи, и умре горкою смертию зле. И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, да ж гражданя оплачют согрешение его. А сами три дни прилежне стужали[1] Божеству, да же в день века отпустится ему. Жалея Струны, такову себе пагубу приял. И по трех днех владыка и мы сами честне тело его погребли. Полно тово пълачевнова дела говорить.

По сем указ пришел: велено меня ис Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь Никонову. В таже времена пришла ко мне с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы вверху[2], а оба умерли в мор и з женами и з детми и многия друзья и сродники померли. Излиял Бог на царство фиял гнева своего! Да не узнались[3] горюны однако — церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковный раскол: мор, мечь, разделение. То и збылось во дни наша ныне. Но милостив Господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину

---

[1] докучали.
[2] во дворце.
[3] не распознали.

подаст. Уповаю и надеюся на Христа, ожидаю милосердия его и чаю воскресения мертвым.

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох, — поехал на Лену. А как приехал в Енисейской, другой указ пришел: велено в Дауры вести — дватцеть тысящ и болши будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк — людей с ним было 6 сот человек; и грех ради моих суров человек: безпрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска, как будем в Болшой Тунгускереке, в воду загрузило бурею дощеник мой совсем: налилься среди реки полон воды, и парус изорвало, — одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричю: «Господи, спаси! Господи, помози!» И Божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике двух человек сорвало и утонули в воде. По сем, оправяся на берегу, и опять поехали впредь.

Егда приехали на Шаманъской порог, на встречю приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы — одна лет в 60, а другая и болши: пловут постричись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «По правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом, пороге стал меня из дощеника выбивать: «Для-де тебя дощеник худо идет! Еретик-де ты! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перие красное, вороны черные, а галъки серые; в тех же горах орлы и соколы, и кречаты, и курята инъдейские, и бабы, и лебеди и иные дикие,— многое множество,— птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, и изубри, и лоси, и кабаны, волъки, бараны дикие — воочию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверми, и со змиями, и со птицами витать. И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «Человече! Убойся Бога, седящаго на херувимех и призирающаго[1] в бездны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобъство[2] показуешь»,— и прочая: там многонько писано; и послал к нему. А се бегут человек с пятдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему,— версты три от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их; и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачют на меня,

---

[1] глядящего.
[2] сомнение.

жалеют по мне. Привели дощеник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит; начал мне говорить: «Поп ли ты, или роспоп?» И аз отвещал: «Аз есм Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий[1] зверь, и ударил меня по щоке, также по другой, и паки в голову, и збил меня с ног и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши[2], по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: «Господи, Исусе Христе Сыне Божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж безпрестанно говорю. Так горко ему, что не говорю: «Пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: «Полно бить-тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «За что ты меня бьеш? Ведаеш ли?» И он паки велел бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащить: сковали руки и ноги и на беть[3] кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю нощ под капелию лежал. Как били, так не болно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «За что Ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково болно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, чтó согрешил!» Бытто доброй человек! — Другой фарисей з говенною рожею,— со владыкою судитца захотел! Аще Иев и говорил так, да он праведен, непорочен, а се и писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари Бога познал. А я первое — грешен, второе — на законе почиваю и писанием отвсюду подкрепляем, яко многими скорбми подобает нам внити во царство небесное, а на такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду-ту не погрязе со мною? Стало у меня в те поры кости-те щемить и жилы-те тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаяться пред Владыкою, и Господь-свет милостив: не поминает наших беззакониих первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому болшему, Падуну,— река о том месте шириною с версту, три залавка[4] чрез всю реку зело кругы, не воротами што попловет, ино в щепы изломает, — меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинуто кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине,— нужно[5] было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю уж на Бога вдругорят. На ум пришли речи, пророком и апостолом ре-

---

[1] дикий.
[2] раздев.
[3] поперечную перекладину.
[4] уступа.
[5] мучительно.

ченныя: «Сыне, не пренемогай наказанием Господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит Бог, того наказует; биет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам Бог. Аще ли без наказания приобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте». И сими речми тешил себя.

По сем привезли в Брацкой острог и в тюрму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да Бог грел и без платья! Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, — и батошка[1] не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «Прости!» Да сила Божия возбранила,— велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами[2] и с собаками жил скован зиму всю. А жена з детми верст з дватцеть была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю лаяла да укоряла. Сын Иван — невелик был — прибрел ко мне побывать после Христова Рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрму, где я сидел: ночевал милой и замерз было тут. И наутро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери — руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впредь. Запасу неболшое место осталось; а первой разграблен весь: и книги, и одежда иная отнята была; а иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По Хилке по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был,— и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяныя тяготы люди изгибали, а у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третьее тонул. Барку от берегу оторвало водою,— людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричю: «Владычице, помози! Упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и болши; да люди переняли. Все размыло до крохи! Да што петь[3] делать, коли Христос и Пречистая Богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь, а люди-те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах да в сумах; все с тех мест перегнило,— наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «Ты-де над собою делаеш за посмех!» И я паки свету-Богородице докучать: «Владычице, уйми дуракатово! Так она-надежа уняла: стал по мне тужить.

---

[1] хворостинки.
[2] заложниками-туземцами.
[3] ведь.

Потом доехали до Иръгеня озера: волок тут,— стали зимою волочитца. Моих роботников отнял: а иным у меня нанятца не велит. А дети маленки были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту зделал и зиму всю волочилься за волок. Весною на плотах по Ингоде-реке поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городовой[1]. Стало нечева есть; люди учали з голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелькая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палъки болшие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет! Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился. У протопопицы моей однарятка московская была, не згнила, — по русскому рублев в полътретьяцеть[2] и болши, по тамошнему — дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой, тянулися, на Нерче-реке живучи, с травою перебиваючися. Все люди з голоду поморил, никуды не отпускал промышлять, — осталось неболшое место; по степям скитающеся и по полям, траву и корение копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну[3], а иное кобылятины Бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей,— и что волк не доест, то мы доедим. А иные и самых озяблых ели волъков и лисиц, и что получит — всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, — все извод взял, понеже не по чину жеребенъка тово вытащили из нея: лишо голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех, а с прочими, скитающеся по горам и по острому каменю наги и боси, травою и корением перебивающеся, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы, грешной душе! Кто даст главе моей воду и источник слез, да же оплачю бедную душу свою, ю же зле погубих житейскими сластми? Но помогала нам по Христе боляроня, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево,— иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полъпудика накопит и передаст, а иногда у куров корму ис корыта нагребет. Дочь моя, бедная горемыка, Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! — Иногда робенка погонят от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была, а ныне уж ей 27 годов, — девицею, бед-

---

[1] для домов и крепостных стен.
[2] двадцать пять.
[3] сосновую кору.

ная моя, на Мезени, с меншими сестрами перебиваяся кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят. Да што же делать? Пускай горкие мучатся все ради Христа! Быть тому так за Божиею помощию. На том положено: ино мучитца, ино мучитца веры ради Христовы. Любил протопоп со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: не начный блажен, но скончавый[1]. Полно тово; на первое возвратимся.

Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и с семь, а во иные годы отрадило. А он, Афонасей, наветуя мне, безпрестанно смерти мне искал. В той же нужде прислал ко мне от себя две вдовы,— сенныя[2] ево любимые были, — Марья да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожа и колдуя много над ними, и видит, яко ничто же успевает[3], но паче молъва бывает[4],— зело жестоко их бес мучит, бьются и кричат; призвал меня и поклонилъся мне, говорит: «Пожалуй, возми их ты и попекися об них, Бога моля; послушае тебя Бог». И я ему отвещал: «Господине! Выше меры прошение, но за молитв святых отец наших вся возможна суть Богу». Взял их, бедных. Простите! Во искусе то на Руси бывало,— человека три-четыре бешаных приведших бывало в дому моем и, за молитв святых отец, отхождаху от них беси, действом и повелением Бога живаго и Господа нашего Исуса Христа, Сына Божия-света. Слезами и водою покроплю и маслом помажу молебная певше во имя Христово, и сила Божия оттоняше от человек бесы и здрави бываху, не по достоинъству моему,— ни никако же,— но по вере приходящих. Древле благодать действовавше ослом при Валааме, и при Улияне мученике — рысью, и при Сисинии — оленем: говорили человеческим гласом. Бог иде же хощет, побеждается естества чин. Чти житие Феодора Едесскаго, тамо обрящеши: и блудница мертваго воскресила. В Кормчей писано: не всех Дух Святый рукополагает, но всеми, кроме еретика, действует. Таже привели ко мне баб бешаных; я, по обычаю, сам постилъся и им не давал есть, молебъствовал, и маслом мазал, и, как знаю, действовал: и бабы о Христе целоумны и здравы стали. Я их исповедал и причастил. Живут у меня и молятся Богу; любят меня и домой не идут. Сведал он, что мне учинилися дочери духовные, осердилъся на меня опять пущи старова — хотел меня в огне жжечь: «Ты-де выведываеш мое тайны!» А как петь-су причастить, не исповедав? А не причастив бешанова, ино беса совершенно не оттониш. Бес-от веть не мужик: батога не боится; боится он креста Христова, да воды святыя,

---

[1] не начавший блажен, но окончивший.
[2] служанки.
[3] ничто не помогает.
[4] волнение увеличивается.

да священнаго масла, а совершенно бежит от тела Христова[1]. Я, кроме сих тайн, врачевать не умею. В нашей православной вере без исповеди не причащают; в римъской вере творят так — не брегут о исповеди; а нам, православие блюдущим, так не подобает, но на всяко время покаяние скати. Аще священника, нужды ради, не получиш: и ты своему брату искусному возвести согрешение свое, и Бог простит тя, покаяние твое видев, и тогда с правилцом[2] причащайся Святых Тайн. Держи при себе запасный агнец. Аще в пути или на промыслу, или в яко прилучится, кроме церкви, воздохня пред владыкою и, по вышереченному, ко брату исповедався, с чистою совестию причастися святыни: так хорошо будет! По посте и про правиле[3], пред образом Христовым на коробочку постели платочек и свечку зажги, а в сосудце водицы маленко, да на ложечку почерпни и часть тела Христова с молитвою в воду на лошку положи, и кадилом вся покади, поплакав, глаголи: «Верую, Господи, и исповедаю, яко Ты еси Христос Сын Бога живаго, пришедый в мир грешников спасти, от них же первый есм аз. Верую яко воистинну се есть самое пречистое тело Твое, и се есть самая честная кровь Твоя. Его же ради молю ти ся, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрешения моя, волная и неволная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведение, яже разумом и мыслию, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистых ти таинъств во оставление грехов и в жизнь вечную, яко благословен еси во веки. Аминь». Потом, падше на землю пред образом, прощение проговори и, возстав, образы поцелуй и, перекрестясь, с молитвою причастися и водицею запей и паки Богу помолись. Ну, слава Христу! Хотя и умреш после тово, ино хорошо. Полно про то говорить. И сами знаете, что доброе добро. Стану опять про баб говорить.

Взял Пашков бедных вдов от меня; бранит меня вместо благодарения. Он чаял: Христос просто положит; ано пущи и старова стали беситца. Запер их в пустую избу, ино никому приступу нет к ним; призвал к ним чернова попа[4], — и оне ево дровами бросают, и поволокся прочь. Я дома плачю, а делать не ведаю что. Приступить ко двору не смею: болно сердит на меня. Тайно послал к ним воды святыя, велел их умыть и напоить, и им бедным легче стало. Прибрели сами ко мне тайно, и я помазал их во имя Христово маслом; так опять, дал Бог, стали здоровы и опять домой пошли; да по ночам ко мне прибегали тайно молитца Богу. Изрядные детки стали, играть перестали и правилца держатца. На Москве з бояронею в Вознесенском монастыре вселились. Слава о них Богу!

---

[1] от причастия.
[2] с молитвою.
[3] после богослужения.
[4] священника-монаха.

Таже с Нерчи-реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по лду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающеся о лед. Страна варварская; иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедми итти не поспеем — голодные и томные[1] люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится — кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалилъся: оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «Матушъка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «Что ты, батко, меня задавил?» Я пришол,— на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долъго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, ино еще побредем».

Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робят на пищу Божиим повелением; нужде нашей помогая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ни што чюдо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублев при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевлена Божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против тово по два яичка на день давала. Слава Богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярони куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их прислала, чтоб-де батко пожаловал, помолилъся о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес збродил — корыто им зделал, ис чево есть, и водою покропил, да к ней все и отслал. Куры Божиим мановением исцелили и исправилися по вере ея. От тово-то племени и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодня так повелось. Еще Козма и Дамиян человеком и скотом благодействовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу Его, Пречистаго Владыки, еще же и человека ради.

Таже приволоклись паки на Иръгень озеро. Бояроня пожаловала — прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи[2] наелись. Кормилица моя была Евдокея Кириловна, а и с нею дьявол ссорил, сице: сын у нея был Симеон — там родилъся, я молитву давал и крестил, на всяк день присылала ко мне на благословение и я, крестом благословя и водою покропя, поцеловав ево, и паки отпущу; дитя наше здраво и хорошо. Не прилучилося меня дома; занемог младенец. Смалодушничав, она, осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику. Я, сведав, осер-

[1] утомленные.
[2] каши.

дилься ж на нея, и меж нами пря[1] велика стала быть. Младенец пуще занемог: рука правая и нога засохли, что батошки. В зазор пришла; не ведает, что делать, а Бог пущи угнетает. Робеночек на кончину пришел. Пестуны, ко мне приходя, плачют; а я говорю: «Коли баба лиха, живи же себе одна!» А ожидаю покаяния ея. Вижу, яко ожесточил диявол сердце ея; припал ко владыке, чтоб образумил ея. Господь же, премилостивый Бог, умяхчил ниву сердца ея: прислала наутро сына среднева Ивана ко мне,— со слезами просит прощения матери своей, ходя и кланяяся около печи моей. А я лежу под берестом наг на печи, а протопопица в печи, а дети кое-где: в дождь прилучилось, одежды не стало, а зимовье каплет, — всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «Вели матери прощения просить у Орефы колъдуна». Потом и болнова принесли,— велела перед меня положить; и все плачют и кланяются. Я-су встал, добыл в грязи патрахель[2] и масло священное нашел. Помоля Бога и покадя, младенца помазал маслом и крестом благословил. Робенок, дал Бог, и опять здоров стал — с рукою и с ногою. Водою святою ево напоил и к матери послал. Виждь, слышателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила! Чему быть? Не сегодни кающихся есть Бог! Наутро прислала нам рыбы да пирогов,— а нам то, голодным, надобе. И с тех мест помирилися. Выехав из Даур, умерла, миленкая, на Москве; я и погребал в Вознесенъском монастыре. Сведал то и сам Пашков про младенца,— она ему сказала. Потом я к нему пришел. И он, поклоняся низенько мне, а сам говорит: «Спаси Бог! Отечески твориш — не помниш нашева зла». И в то время пищи доволно прислал.

А опосле тово вскоре хотел меня пытать: слушай, за что. Отпускал он сына своево Еремея в Мунгальское царство воевать,— казаков с ним 72 человека да иноземцев 20 человек,— и заставил иноземца шаманить, сиречь гадать: удаст ли ся им и с победою ли будут домой? Волъхв же той мужик, близ моего зимовья привел барана живова в вечер, и учал над ним волъхвовать, вретя ево много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов призывать и, много кричав, о землю удариться, и пена изо рта пошла. Беси давили ево, а он спрашивал их: «Удастся ли поход?» И беси сказали: «С победою великою и з богатьством болшим будете назад». И воеводы ради, и все люди радуяся говорят: «Богаты приедем!» Ох, душе моей, тогда горко, и ныне не сладко! Пастырь худой погубил своя овцы, от горести забыл реченное во Евангелии, егда Заведеевичи на поселян жестоких советовали: «Господи, хощеши ли, речеве, да огнь снидет с небесе и потребит их, якоже и Илия сотвори». Обращ же ся Исус и рече им: «Не вес-

[1] ссора.
[2] епитрахиль.

та, коего духа еста вы; сын бо человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти». И идоша во ину весь. А я, окаянной, зделал не так. Во хлевине своей кричал с воплем ко Господу: «Послушай мене, Боже! Послушай мене, царю небесный-свет, послушай меня! Да не возвратится вспять ни един от них, и гроб им там устроиши всем! Приложи им зла, Господи, приложи, и погибель им наведи, да не збудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайне о том же Бога молил. Сказали ему, что я так молюсь, и он лишо излаял меня. Потом отпустил с войском сына своего. Ночью поехали по звездам. В то время жаль мне их: видит душа моя, что им побитым быть, а сам-таки на них погибели молю. Иные, приходя, прощаются ко мне, а я им говорю: «Погибнете там!» Как поехали, лошади под ними взоржали вдруг, и коровы тут взревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы что собаки завыли; ужас на всех напал. Еремей весть со слезами ко мне прислал: чтоб батюшко-государь помолилъся за меня. И мне ево стало жаль. А се друг мне тайной был и страдал за меня. Как меня кнутом отец ево бил, и стал разговаривать отцу, так со шпагою погналъся за ним. А как приехали после меня на другой порог, на Падун, 40 дощеников все прошли в ворота, а ево, Афонасьев, дощеник,— снасть добрая была и казаки все шесть сот промышляли о нем, а не могли взвести,— взяла силу вода, паче же рещи — Бог наказал! Стащило всех в воду людей, а дощеник на камень бросила вода; чрез ево льется, а в нево не идет. Чюдо, как-то Бог безумных тех учит! Он сам на берегу, бояроня в дощенике. И Еремей стал говорить: «Батюшко, за грех наказует Бог! Напрасно ты протопопа-тово кнутом-тем избил; пока покаятца, государь!» Он же рыкнул на него, яко зверь, и Еремей, к сосне отклонясь, прижав руки, стал, а сам, стоя, «Господи помилуй!» говорит. Пашков же, ухватя у малова колешчатую[1] пищаль,— никогда не лжет,— приложася на сына, курок спустил, и Божиею волею осеклася пищаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и паки осеклась пищаль. Он же и в третьи также сотворил; пищаль и в третьии осеклася же. Он ее на землю и бросил. Малой, подняв, на сторону спустил — так и выстрелила! А дощеник единаче на камени под водою лежит. Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумався, и плакать стал, а сам говорит: «Согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопопа бил; за то меня наказует Бог!» Чюдно, чюдно! По писанию: яко косен[2] Бог во гнев, а скор на послушание,— дощеник сам, покаяния ради, сплыл с камени и стал носом против воды. Потянули — он и взбежал на тихое место тотъчас. Тогда Пашков, призвав сына к

---

[1] колесным замком.
[2] медлен.

себе, промолыл ему: Прости, барте[1], Еремей,— правду ты говориш!» Он же, прискоча, пад, поклонився отцу и рече: «Бог тебя, государя, простит! Я пред Богом и пред тобою виноват!» И взяв отца под руку, и повел. Гораздо Еремей разумен и добр человек: уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца и боится его. Да по писанию и надобе так: Бог любит тех детей; которые почитают отцов. Виждь, слышателю, не страдал ли нас ради Еремей, паче же ради Христа и правды его? А мне сказывал кормщик ево, Афонасьева, дощеника,— тут был,— Григорей Телной. На первое возвратимся.

Отнеле же отошли, поехали на войну. Жаль стало Еремея мне: стал владыке докучать, чтоб ево пощадил. Ждали их с войны,— не бывали на срок. А в те поры Пашков меня и к себе не пускал. Во един от дней учредил застенок и огнь росклал — хочет меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы проговорил; ведаю ево стряпанье,— после огня-тово мало у него живут. А сам жду по себя и, сидя, жене плачющей и детям говорю: «Воля Господня да будет! Аще живем, Господеви[2] живем, аще умираем, Господеви умираем». А се и бегут по меня два палача. Чюдно дело Господне и неизреченны судбы владычни! Еремей ранен сам-друг дорошкою мимо избы и двора моево едет, и палачей вскликал и воротил с собою. Он же, Пашков, оставя застенок, к сыну своему пришел, яко пьяной с кручины. И Еремей, поклоняся со отцем, вся ему подробну возвещает: как войско у него побили все без остатку, и как ево увел иноземец от мунгальских людей по пустым местам, и как по каменным горам в лесу, не ядше, блудил седм дней,— одну съел белку,— и как моим образом человек ему во сне явилъся и, благословя ево, указал дорогу, в которую страну ехать. Он же, вскоча, обрадоваться и на путь выбрел. Егда он отцу розсказывает, а я пришел в то время поклонитися им. Пашков же, возвед очи свои на меня,— слово в слово что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да Господь не выдаст! — вздохня, говорит: «Так-то ты делаеш? Людей-тех погубил столко!» А Еремей мне говорит: «Батюшко, поди, государь, домой! Молъчи для Христа!» Я и пошел.

Десеть лет он меня мучил, или я ево — не знаю; Бог розберет в день века. Перемена ему пришла, ти мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: «Хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы». Он в дощениках со оружием и с людми плыл, а слышал я, едучи,— от иноземцев дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых, и болных, и раненых, кои там негодны, человек з десяток, да я з женою и з детми — семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поеха-

---

[1] пожалуйста.
[2] для Господа.

ли, амо же Бог наставит, ничево не бояся. Книгу Кормъчию дал прикащику, и он мне мужика кормщика дал. Да друга моего выкупил, Василия, который там при Пашкове на людей ябедничал и крови проливал и моея головы искал: в ыную пору, бивше меня, на кол было посадил, да еще Бог сохранил! А после Пашкова хотели ево казаки до смерти убить. И я, выпрося у них Христа ради, а прикащику выкуп дав, на Русь ево вывез, от смерти к животу,— пускай ево беднова! — либо покаятся о гресех своих. Да и другова такова же увез замотая[1]. Сего не хотели мне выдать; и он ушел в лес от смерти и, дождався меня на пути, плачючи, кинуться мне в карбас. Ано за ним погоня! Деть стало негде. Я-су,— простите! — своровал: яко Раав блудная во Ерихоне Исуса Наввина людей, спрятал ево, положа на дно в судне, и постелею накинул, и велел протопопице и дочери лечи на нево. Везде искали, а жены моей с места не тронули,— лишо говорят: «Матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!» А я,— простите Бога ради! — лгал в те поры и сказывал: «Нет ево у меня!» — не хотя ево на смерть выдать. Поискав, да и поехали ни с чем; а я ево на Русь вывез. Старец да и раб Христов, простите же меня, что я лъгал тогда. Каково вам кажется? Не велико ли мое согрешение? При Рааве блуднице, она, кажется, так же зделала, да писание ея похваляет за то. И вы, Бога ради, поразсудите: буде грехотворно я учинил, и вы меня простите; а буде церковному преданию не противно, ино и так ладно. Вот вам и место оставил: припишите своею рукою мне, и жене моей, и дочери или прощение, или епитимию, понеже мы за одно воровали — от смерти человека ухоронили, ища ево покаяния к Богу. Судите же так, чтоб нас Христос не стал судить на Страшном Суде сего дела. Припиши же что-нибудь, старец.

Бог да простит тя и благословит в сем веце и в будущем, и подружию твою Анастасию, и дщерь вашу, и весь дом ваш. Добро сотворили есте и праведно. Аминь.

Добро, старец, спаси Бог на милостыни! Полно тово.

Прикащик же мучки гривенок с тритцеть дал, да коровку, да овечок пять-шесть, мясцо иссуша; и тем лето питалися, пловучи. Добрый прикащик человек, дочь у меня Ксенью крестил. Еще при Пашкове родилась, да Пашков не дал мне мира и масла, так не крещена долго была,— после ево крестил. Я сам жене своей и молитву говорил, и детей крестил с кумом — с прикащиком, да дочь моя болшая — кума, а я у них поп. Тем же обрасцом и Афанасия сына крестил и, обедню служа на Мезени, причастил. И детей своих исповедывал и причащал сам же, кроме жены своея; есть о том в правилех — велено так делать. А что запрещение то отступническое, и то я о Христе под

[1] мота.

ноги кладу, а клятвою тою[1],— дурно молыть! — гузно тру. Меня благословляют московские святители Петр, и Алексей, и Иона, и Филипп,— я по их книгам верую Богу моему чистою совестию и служу; а отступников отрицаюся и клену,— враги оне Божии, не боюсь я их, со Христом живучи! Хотя на меня каменья накладут, я со отеческим преданием и под каменьем лежу, не токмо под шпынскою[2] воровскою никониянъскою клятвою их. А што много говорить? Плюнуть на действо-то и службу-ту их, да и на книги-те их новоизданныя,— так и ладно будет! Станем говорить, како угодити Христу и Пречистой Богородице; а про воровство их полно говорить. Простите, барте, никонияне, что избранил вас; живите, как хочете. Стану опять про свое горе говорить, как вы меня жалуете-подчиваете: 20 лет тому уж прошло; еще бы хотя столко же Бог пособил помучитца от вас, ино бы и было с меня, о Господе Бозе и Спасе нашем Исусе Христе! А затем сколко Христос даст, толко и жить. Полно тово, — и так делеко забрел. На первое возвратимся.

Поехали на Даур, стало пищи скудать, и з братиею Бога помолили, и Христос нам дал изубря, болшова зверя,— тем и до Байкалова моря доплыли. У моря русских людей наехала станица соболиная, рыбу промышляют; рады, миленькие, нам, и с карбасом нас, с моря ухватя, далеко на гору несли Терентьюшко с товарищи; плачют, миленкие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пищи, сколько нам надобно: осетроф с сорок свежих перед меня привезли, а сами говорят: «Вот, батюшко, на твою часть Бог в запоре нам дал,— возми себе всю!» Я, поклонясь им и рыбу благословя, опять им велел взять: «На што мне столко?» Погостя у них и с нужду запасцу взяв, лотку починя и парус скропав, чрез море пошли. Погода[3] окинула на море, и мы гребми перегреблись: не болно о том месте широко — или со сто или с осмъдесят верьст. Егда к берегу пристали, востала буря ветренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки,— дватцеть тысящ верьст и болши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши[4], врата и столпы, ограда каменная и дворы,— все богоделанно. Лук на них ростет и чеснок, болши романовскаго луковицы, и слаток зело. Там же ростут и конопли богорасленныя, а во дворах травы красныя, и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей,— по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерьледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане море болшом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо

---

[1] запрещением тем.
[2] шутовской.
[3] непогода.
[4] башни.

в нем; осетры и таймени жирны гораздо — нелзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа-тово-света наделано для человеков, чтоб, упокояся, хвалу Богу воздавал. А человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень[1], преходят; скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; съесть хощет, яко змия; ржет, зря на чюжую красоту, яко жребя; лукавует, яко бес; насыщаяся доволно, без правила спит; Бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает, и не вем, камо отходит: или во свет ли, или во тму,— день судный коегождо[2] явит. Простите мя, аз согрешил паче всех человек.

Таже в русские грады приплыл и уразумел о церкви, яко ничто ж успевает, но паче молъва бывает. Опечаляюся, сидя, разсуждаю: «Что сотворю? Проповедаю ли слово Божие, или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня». И виде меня печална, протопопица моя приступи ко мне со опрятъством и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе; говорить ли мне, или молчать? Связали вы меня!» Она же мне говорит: «Господи, помилуй! Что ты, Петровичь, говориш? Слыхала я,— ты же читал,— апостольскую речь: привязалъся еси жене, не ищи разрешения, егда отрешишися, тогда не ищи жены. Аз тя и з детми благословляю: деръзай проповедати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже Бог изволит живем вместе; и егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай: силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петровичь, — обличай блудню еретическую!» Я-су ей за то челом и, отрясше от себя печалную слепоту, начах по-прежнему слово Божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никониянскую со деръзновением обличал. В Енисейске зимовал; и паки, лето плывше, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торъгах кричал, проповедая слово Божие, и уча, и обличая безбожную лесть. Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур, а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземъских оръд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в иноземъских руках. На Оби — великой реке предо мною 20 человек погубили християн, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртыше-реке собрание их стоит: ждут березовских[3] наших з дощеником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и объскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, што с черницами, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И оне до меня и добры стали, и жены своя к жене моей привели. Же-

[1] тень.
[2] каждого.
[3] из города Березова.

на моя также с ними лицемеритца, как в мире лесть совершается; и бабы удобрилися. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торъговать со мною стали, — медведен я у них накупил,— да и отпустили меня. Приехал в Тоболеск, сказываю: ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь башкиръцы с татарами воевали тогда. А я, не разбираючи, уповая на Христа, ехал посреде их. Приехал на Верхотурье, Иван Богданович Камынин, друг мой, дивится же мне: «Как ты, протопоп, проехал?» А я говорю: «Христос меня пронес и Пречистая Богородица провела; я не боюсь никово, одново боюсь Христа».

Таже к Москве приехал и, яко ангела Божия, прияша мя государь и бояря, — все мне ради. К Федору Ртищеву зашел: он сам ис полатки выскочил ко мне, благословилъся от меня, и учали говорить много-много, — три дни и три ночи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотъчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: «Здорово ли де, протопоп, живеш? Еще-де видатца Бог велел!» И я сопротив руку ево поцеловав и пожал, а сам говорю: «Жив Господь и жива душа моя, царь-государь, а впредь, что изволить Бог!» Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел куды надобе ему. И иное кое-что было, да што много говорить? Прошло уже то! Велел меня поставить на монастыръском подворье в Кремле и, в походы мимо двора моево ходя, кланялься часто со мною низенько-таки, а сам говорит: «Благослови-де меня и помолися о мне!» И шапку в ыную пору, муръманку[1], снимаючи з головы, уронил, едучи верхом. А ис кореты высунется, бывало, ко мне. Таже и все бояря, после ево, челом да челом: «Протопоп, благослови и молися о нас!» Как-су мне царя-тово и бояр-тех не жалеть? Жаль, о-су! Видиш, каковы были добры! Да и ныне оне не лихи до меня; дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединилъся в вере; аз же вся сия яко уметы вменил, да Христа приобрящу, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет. А се мне в Тобольске в тонце[2] сне страшно возвещено (блюдися, от меня да не полъма[3] растесан будеши). Я вскочил и пал пред иконою во ужасе велице, а сам говорю: «Господи, не стану ходить, где по-новому поют, Боже мой!» Был я у заутрени в соборной церкви на царевнины имянины, шаловал[4] с ними в церкве-той при воеводах; да с приезду смотрил у них просвиромисания[5] дважды или трожды, в олътаре у жертвенника стоя, а сам им ругалъся; а как привык ходить, так

---

[1] парадную шапку.
[2] тонком.
[3] пополам.
[4] дурачился.
[5] приготовление «святых даров».

и ругатца не стал,что жалом, духом антихристовым и ужалило было. Так меня Христос-свет попужал и рече ми: «По толиком страдании погибнуть хощеш? Блюдися, да не полъма разсекутя!» Я и к обедне не пошел, и обедать ко князю пришел, и вся подробну им возвестил. Боярин миленькой, князь Иван Андреевичь Хилъков, плакать стал. И мне, окаянному, много столко Божия благодеяния забыть?

Егда в Даурах я был, на рыбной промысл к детям по льду зимою по озеру бежал на базлуках; там снегу не живет, морозы велики живут и льды толъсты намерзают, — блиско человека толъщины; пить мне захотелось и, гараздо от жажды томим, итти не могу; среди озера стало: воды добыть нелзя, озеро веръст с восьм; стал, на небо взирая, говорить: «Господи источивый ис камени в пустыни людям воду, жаждущему Израилю, тогда и днесь ты еси! Напой меня, ими же веси судбами[1], владыко, Боже мой!» Ох, горе! Не знаю, ка молыть; простите, Господа ради! Кто есм аз? Умерый[2] пес! Затрещал лед предо мною и разступился чрез все озеро сюду и сюду и паки снидеся: гора великая льду стала и, дондеже уряжение бысть, аз стах на обычном месте[3] и, на восток зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя Господне краткими глаголы из глубины сердца. Оставил мне Бог пролубку маленку, и я, падше, насытился. И плачю, и радуюся, благодаря Бога. Потом и пролубка содвинулася, и я, востав, поклонился господеви, паки побежал по льду, куды мне надобе, к детям. Да и в прочии времена в волоките моей так часто у меня бывало. Идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю, а сам и правило в те поры говорю, вечерню, и завтреню, или часы[4],— што прилучится. А буде в людях бывает неизворотно, и станем на стану, а не по мне товарищи, правила моево не любят, а идучи, мне нелзя было исполнить; и я, отступя людей под гору или в лес, коротенько зделаю — побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да так и обедаю. А буде жо по мне люди, и я, на сошке складенки[5] поставя, правилца поговорю; иные со мною молятся, а иные кашку варят. А в санях едучи, в воскресныя дни на подворьях всю церковную службу пою, а в рядовые дни, в санях едучи, пою; а бывало и в воскресныя дни, едучи, пою. Егда гораздо неизворотно, и я, хотя немношко, а таки поворчю. Яко же тело алъчуще желает ясти и жаждуще желает пити тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желает; не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад велий человеку — Бога не моля жити.

---

[1] каким знаешь образом.
[2] мертвый.
[3] на месте для молитвы.
[4] церковную службу.
[5] складень.

Бывало, отче, в Даурьской земле,— аще не поскучите послушать с рабом-тем Христовым, аз, грешный, и то и возвещу вам,— от немощи и от глада великаго изнемог в правиле своем, всего мало стало, толко павечернишные псалмы, да полунощницу, да час первой, а болши тово ничево не стало; так, что скотинка, волочюсь, о правиле том тужу, а принять ево не могу, а се уже и ослабел. И некогда ходил в лес по дрова, а без меня жена моя и дети, сидя на земле у огня, дочь с матерью — обе плачют. Огрофена, бедная моя горемыка, еще тогда была невелика. Я пришел из лесу: зело робенок рыдаетъ; связавшуся языку ево, ничево не промолыт, мичит к матери, сидя; мать, на нея глядя, плачет. И я отдохнул и с молитвою приступил к робяти, рекл: «О имени Господни повелеваю ти: говори со мною! О чем плачеш?» Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: «Не знаю кто, батюшко-государь, во мне сидя, светленек, за язык-от меня держал и с матушкою не дал говорить; я тово для плакала; а мне он говорит: «Скажи отцу, чтобы он правило попрежнему правил, так на Русь опять все выедете; а буде правила не станет править, о нем же он и сам помышляет, то здесь все умрете, и он с вами же умрет». Да и иное кое-что ей сказано в те поры было: как указ по нас будет, и сколько друзей первых[1] на Руси заедем[2],— все так и збылося. И велено мне Пашкову говорить, чтоб и он вечерни и завтрени пел, так Бог ведро даст и хлеб родится,— а то были дожди безпрестанно; ячменцу было сеено неболшое место: за день или за два до Петрова дни — тотчас вырос, да и згнил было от дождев. Я ему про вечерни и завтрени сказал, и он и стал так делать; Бог ведро дал и хлеб тотъчас поспел. Чюдо-таки. Сеен поздно, а поспел рано. Да и паки, бедной, коварничать стал о Божием деле. На другой год насеен было и много, да дождь необычен излияси, и вода из реки выступила и потопила ниву, да и все розмыло, и жилища наши розмыла. А до тово николи тут вода не бывала,— и иноземцы дивятся. Виждь: как поруга дело Божие и пошел страною, так и Бог к нему странным гневом! Стал смеятца первому тому извещению напоследок: робенок-де есть хотел, так плакал! А я-су с тех мест за правило свое схвататься, да и по ся мест тянусь помаленьку. Полно о том беседовать, на первое возвратимся. Нам надобе вся сия помнить и не забывать, всякое Божие дело не класть в небрежение и просто и не менять на прелесть сего суетнаго века.

Паки реку московское бытие. Видят оне, что я не соединяюся с ними; приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу, чтоб я молъчал. И я потешил ево: царь-то есть от Бога учинен, а се добренек до меня, — чаял, либо помаленку исправится. А се посулили мне Симеонова дни сесть на Печат-

---

[1] прежних.
[2] застанем.

ном дворе книги править, и я рад силно,— мне то надобно лутче и духовничества. Пожаловал, ко мне прислал десеть рублев денег, царица десеть рублев же денег, Лукьян духовник десеть рублев же, Родион Стрешнев десеть рублев же, а дружище наше старое Феодор Ртищев, тот и шестьдесят рублев казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною! У света моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя, жил во дворе, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокея Прокопьевна, дочь же моя. Светы мои, мученицы Христовы! И у Анны Петровны Милославские покойницы всегда же в дому был. А к Федору Ртищеву бранитца со отступниками ходил. Да так-то с полгода жил, да вижу, яко церковное ничто же успевает, но паче молъва бывает, паки заворчал, написав царю многонко-таки, чтоб он старое благочестие взыскал и мати нашу общую, святую церковь, от ересей оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православнова учинил вместо волъка и отступника Никона, злодея и еретика. И егда писмо изготовил, занемоглось мне гораздо, и я выслал царю на переезде с сыном своим духовным, с Феодором юродивым, что после отступники удавили ево, Феодора, на Мезени, повеся на висилицу. Он же с писмом приступил к цареве корете со дерзъновением, и царь велел ево посадить и с писмом под Красное крылцо,— не ведал, что мое; а опосля, взявше у него писмо, велел ево отпустить. И он, покойник, побывав у меня, паки в церковь пред царя пришед, учал юродством шаловать, царь же, осердясь, велел в Чюдов монастырь отслать. Там Павел архимарит и железа на него наложил, и Божиею волею железа разъсыпалися на ногах пред людми. Он же, покойник-свет, в хлебне той после хлебов в жаркую печь влез и голым гузном сел на поду и, крошки в печи побираючи, ест. Так чернцы ужаснулися и архимариту сказали, что ныне Павел митрополит. Он же и царю возвестил, и царь, пришед в монастырь, честно ево велел отпустить. Он же паки ко мне пришел.

И с тех мест царь на меня кручиноват стал: не любо стало, как опять я стал говорить; любо им, как молчю, да мне так не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многие приходили ко мне и, уразумевше истинну, не стали к прелесной их службе ходить. И мне от царя выговор был: «Въласти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил, поедь-де в ссылку опять». Сказывал боярин Петр Михайловичь Салтыков. Да и повезли на Мезень. Надавали было кое-чево, во имя Христово, люди добрые много, да все и осталося тут; токмо с женою и детми и з домочадцы повезли. А я по городам паки людей Божиих учил, а их, пестрообразных зверей, обличал. И привезли на Мезень.

Полтора года держав, паки одново к Москве възяли, да два сына со мною — Иван да Прокопей — съехали же, а протопопица и прочии на Мезени остался все. И привезше к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь. И туды присылка была,— тож да тож говорять: «Долъго ли тебе мучить нас? Соединись с нами, Аввакумушко!» Я отрицаюся, что от бесов, а оне лезут в глаза! Скаску им тут з бранью з болшою написал и послал з дьяконом ярославским, с Козмою, и подъячим двора патриарша. Козма-то не знаю коего духа человек; въяве уговаривает, а втай подкрепляет меня, сице говоря: «Протопоп! Не отступай ты старова-тово благочестия; велик ты бушеш у Христа человек, как до конца претерпиш; не глади на нас, что погибаем мы!» И я ему говорил сопротив, чтоб он пак приступил ко Христу. И он говорит: «Нельзя, Никон опутал меня!» Просто молыть, отрекся пред Никоном Христа, так же уже, бедной, не сможет встать. Я, заплакав, благословил ево горюна; болши тово нечева мне делать с ним; ведает то Бог, что будет ему.

Таже, держав десеть недель в Пафнутьеве на чепи, взяли меня паки в Москву, и в Крестовой стязався власти со мною, ввели меня в соборной храм и стригли по переносе меня и дьякона Феодора, потом и проклинали, а я их проклинал сопротив. Зело было мятежно в обедню-ту тут! И, подеръжав на патриархове дворе, повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь. И бороду враги Божии отрезали у меня. Чему быть? Волъки-то есть, не жалеют овцы! Оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лъбу. Везли не дорогою в монастырь — болотами да грязью, чтоб люди не сведали. Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил дьявол,— что на них и пенять! Не им было, а быть же было иным[1], писанное время пришло по Евангелию: нужда соблазнам приити. А другой глаголет евангелист: невозможно соблазнам не приитти, но горе тому имъ[2] же приходит соблазн. Виждь, слышателю необходимая наша беда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попущает Бог, да же избрани будут, да же разжегутся, да же убелятся, да же искуснии явлении будут в нас. Выпросил у Бога светлую Росию сатона, да же очервленит[3] ю кровию мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего света, пострадать.

Держали меня у Николы в студеной полатке семнатцеть недель. Тут мне Божие присещение бысть; чти в цареве послании, тамо обрящеши. И царь приходил в монастырь; около темницы моея походил и, постонав, опять пошел из монастыря. Кажется потому, и жаль ему меня, да уш то воля Божия так лежит. Как

---

[1] Если бы не они, то другие бы это сделали.
[2] через которого.
[3] окровавит ее.

стригли, в то время велико нестроение вверху[1] у них бысть с царицею, с покойницею: она за нас стояла в то время, миленкая; напоследок и от казни отпросила меня. О том много говорить. Бог их простит! Я своево мучения на них не спрашиваю, ни в будущий век. Молитися мне подобает о них, о живых и о преставльшихся. Диявол между нами разсечение положил, а оне всегда добры до меня. Полно тово! И Воротынской, бедной князь Иван, тут же без царя молитца приезжал: а ко мне просился в темницу, ино не пустили горюна; я лишо, в окошко глядя, поплакал на него. Миленькой мой! Боится Бога, сиротинъка Христова: не покинет ево Христос! Всегда-таки он Христов да наш человек. И все бояря-те до нас добры, один дьявол лих. Что-петь зделаеш, коли Христос попустил! Князь Ивана миленкова Хованъскова и батожьем билм, как Исаию сожгли. А бояроню-ту Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат; и сестру ея Евдокею, бивше батогами, и от детей отлучили, и с мужем розвели, а ево, князь Петра Урусова, на другой-де женили. Да что-петь делать? Пускай их, миленких! Мучася, небеснаго жениха достигнут. Всяко-то Бог их перепровадит век сей суетный и присвоит к себе жених небесный в чертог свой, праведное солнце, свет, упование наше! Паки на первое возвратимся.

По сем свезли меня паки в монастырь Пафнутьев и там, перши в темную полатку, скована держали год без мала. От келарь Никодим сперва добр до меня был, а се бедной он болшо тово же табаку испил, что у газскаго митрополита выняли напоследок 60 пудов, да домру, да иные тайные монастырьские вещи, что поиграше творят. Согрешил, простите,— не мое то дело: то ведает он, своему владыке стоит или падает. К слову молылось. То у них были любимые законоучителие. У сего келаря Никодима попроситься я на Велик день[2] для празника отдохнуть, чтоб велел, дверей отворя, на пороге посидеть; и он, меня наругав, и отказал жестоко, как ему захотелось; и потом, в келию пришед, разболелться: маслом соборовали и причащали, и тогда-сегда дохнет. То было в понеделник светлой. И в нощи против вторника прииде к нему муж во образе моем, с кадилом, в ризах светлых, и покадил ево и, за руку взяв, воздвигнул, и бысть здрав. И притече ко мне с келейником ночью в темницу,— идучи говорит: «Блаженна обитель,— таковыя имеет темницы! Блаженна темница,— таковых в себе имеет страдалцов! Блаженны и юзы!» И пал предо мною, ухватился за чеп, говорит: «Прости, Господа ради, прости! Согрешил пред Богом и пред тобою; оскорбил тебя,— и за сие наказал мя Бог». И я говорю: «Как наказал? Повежд ми». И он паки: «А ты-де сам, приходя и покадя, меня пожаловал и поднял,— что-де запира-

[1] во дворце.
[2] Пасху.

ессяl» А келейник, тут же стоя, говорит: «Я, батюшка-государь, тебя под руку вывел ис кельи, да и поклонился тебе, ты и пошел сюды». И я ему заказал, чтоб людям не сказывал о тайне сей. Он же со мною спрашивался, как ему жить впредь по Христе; «Или-де мне велиш покинуть все и в пустыню пойти?» Аз же его понаказав, и не велел ему келаръства покидать, токмо бы, хотя втай, держал старое предание отеческое. Он же, поклоняся, отъиде к себе и наутро за трапезою всей братье сказал. Людие же безстрашно и дерзъновенно ко мне побрели, просяще благословения и молитвы от меня; а я их учю от писания и ползую словом Божиим; в те времена и врази кои были, и те примирилися тут. Увы! Коли оставлю суетный сей век? Писано: горе, ему же рекут добре вси человецы. Воистинну не знаю, как до краю доживать: добрых дел нет, а прославил Бог! То ведает он,— воля ево.

Тут же приезжал ко мне втай з детми моими Феодор покойник, удавленной мой, и спрашиваться со мною: «Как-де прикажешь мне ходить — в рубашке ли по-старому или в платье облещись? Еретики-де ищут и погубить меня хотят. Был-де я на Резани под началом, у архиепископа на дворе, и зело-де он, Иларион, мучил меня — реткой день, коли плетми не бьет, и скована в железах держал, принуждая к новому антихристову таинъству. И я-де уже изнемог, в нощи моляся и плача, говорю: «Господи! Аще не избавиш мя, осквернят меня, и погибну. Что тогда мне сотвориш?» И много плачючи говорил. «А се-де вдруг, батюшко, железа все грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилася сама. Я-де, Богу поклонясь, да и пошел; к воротам пришел — и ворота отворены! Я-де по болшой дороге, к Москве напрямик! Егда-де розсветало,— ано погоня на лошедях! Трое человек мимо меня пробежали, — не увидели меня. Я-де надеюся на Христа, бреду-таки впредь. Помале-де они едут на въстречю ко мне, лают меня: ушел-де, блядин сын,— где-де ево возмеш? Да и опять-де проехали, — не видали меня. И я-де ныне к тебе спроситца прибрел; туды ль-де мне опять мучитца пойти или, платье вздев, жить на Москве?» И я ему, грешной, велел въздеть платье. А однако не ухоронил от еретических рук — удавили на Мезени, повеся на висилицу. Вечная ему память и с Лукою Лаврентьевичем! Детушки миленкие мои, пострадали за Христа! Слава Богу о них!

Зело у Федора тово крепок подвиг был: в день юродъствует, а нощ всю на молитве со слезами. Много добрых людей знаю, а не видал подвижника такова! Пожил у меня с полъгода на Москве,— а мне еще не моглося,— в задней комнатке двое нас с ним, и много час-другой полежит, да и встанет; 1000 поклонов отбросает, да сядет на полу и иное, стоя, часа с три плачет, а я-таки лежу — иное сплю, а иное неможется; егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит: «Долго ли тебе, протопоп, лежать-тово, образумься — веть ты поп! Как сорома нет?» И мне

неможется, так меня подымает, говоря: «Встань, миленкой батюшко, ну, таки встащися как-нибудь!» Да и роскачает меня. Сидя мне велит молитвы говорить, а он за меня поклоны кладет. То-то друг мой сердечной был! Скорбен миленкой был с перетуги великия: черев из него вышло в одну пору три аршина, а в другую пору пять аршин. Неможет, а кишки перемеряет; и смех с ним и горе! На Устюге пять лет безпрестанно меръз на морозе бос, бродя в одной рубашке: я сам ему самовидец. Тут мне учинился сын духовной, как я ис Сибири ехал. У церкви в полатке,— прибегал молитвы ради,— сказывал: «Как-де от мороза-тово в тепле-том станеш, батюшко, отходить, зело-де тяшко в те поры бывает»,— по кирпичью-тому ногами-теми стукаеть, что коченьем! А наутро и опять не болят. Псалтыр у него тогда была новых печатей в келье — маленко еще знал о новизнах; и я ему розсказал подробну про новыя книги; он же, схватив книгу, тотъчас и в печь кинул, да и проклял всю новизну. Зело у него о Христа горяча была вера! Да что много говорить? Как начал, так и скончал! Не на баснях проходил подвиг, не как я, окаянной; того ради и скончалъся боголепне. Хорош был и Афонасьюшко — миленкой, сын же мне духовной, во иноцех Авраамий, что отступник на Москве в огне испекли, и, яко хлеб сладок, принесеся Святей Троице. До иночества бродил босиком же в одной рубашке и зиму и лето; толко сей Феодора посмирнее и в подвиге малехнее покороче. Плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем молыт,— у него слово тихо и гладко, яко плачет. Феодор же ревнив гораздо был и зело о деле Божии болезнен: всяко тщится разорити и обличати неправду. Да пускай их! Как жили, так и скончались о Христе Исусе Господе нашем. Еще вам побеседую о своей волоките. Как привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чюдов, поставили перед вселенских патриархов, и наши все тут же, что лисы, сидели,— от писания с патриархами говорил много; Бог отверз грешъные мое уста и посрамил их Христос! Последнее слово ко мне рекли: «Что-де ты упрям? Вся-де наша палестина — и серби, и алъбанасы[1], и волохи[2], и римляне, и ляхи,— все-де тремя перъсты крестятся, один-де ты стоиш во своем упоръстве и крестисся пятью перъсты! Так-де не подобает!» И я им о Христе отвещал сице: «Вселенъстии учителие! Рим давно упал и лежит невсклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша християном. А и у нас православие пестро[3] стало от насилия туръс аго Магмета,— да и дивить на вас нелзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, Божиею благодатию, самодеръжство. До Никона отступника в нашей Росии

---

[1] албанцы.
[2] румыны.
[3] разнообразно, не чисто.

у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно, и церковь немятежна. Никон-волък со дьяволом предали трема перъсты крестица, а первые наши пастыри, яко же сами пятью перъсты крестились, такоже пятью персты и благословляли по преданию святых отец наших: Мелетия антиохийскаго и Феодорита Блаженнаго, епископа киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и московский поместный бывый собор при царе Иване так же слагая перъсты креститися и благословляти повелевает, яко же прежнии святии отцы, Мелетий и прочии, научиша. Тогда при царе Иване быша на соборе знаменосцы[1] Гурий и Варсонофий, казанъские чюдотворцы, и Филипп, соловецкий игумен,— от святых русских». И патриаръси задумалися; а наши, что волъчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцев своих, говоря: «Глупы-де были и не смыслили наши русские святыя, не учоные-де люди были,— чему им верить? Оне-де грамоте не умели!» О, Боже святый! Како претерпе святых своих толикая досаждения? Мне, бедному, горъко, а делать нечева стало. Побранил их, побранил их, колко мог, и последнее слово рекл: «Чист есмь аз, и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами, по писанному: лутче един творяй волю Божию, нежели тмы беззаконных!» Так на меня и пущи закричали: «Возми, возми его! Всех нас обезчестил!» Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились. Человек их с сорок, чаю, было, — велико антихристово войско собралося! Ухватил меня Иван Уваров, да потащил, и я закричал: «Постой,— не бейте!» Так оне все отскочили. И я толъмачю-архимариту говорить стал: «Говорил патриархам,— апостол Павел пишет: — таков нам подобаше архиерей, преподобен, незлобив,— и прочая; а вы, убивше человека, как литоргисать[2] станете?» Так оне сели. И я пошел ко дверям, да набок повалился: «Посидите вы, а я полежу»,— говорю им. Так оне смеются: «Дурак-де протопоп-от! И патриархов не почитает!» И я говорю: «Мы уроди[3] Христа ради! Вы славно, мы же безчестни! Вы силны, мы же немощни!» Потом паки ко мне пришли власти и про аллилуая стали говорить со мною. И мне Христос подал — посрамил в них римъскую ту блядь Дионисием Ареопагитом, как выше сего в начале реченно. И Евфимей, чюдовской келарь, молыл: «Прав-де ты, нечева-де нам болши тово говорить с тобою». Да и повели меня на чеп.

Потом полуголову царь прислал со стрелцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же — священника Лазоря и инока Епифания старца; острижены и обруганы, что мужички деревенские, миленкие! Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя. Да пускай их терпят! Что о них тужить?

---

[1] со знаменами (знаками крестов).
[2] совершать литургию.
[3] глупцы.

Христос и лутче их был, да тож ему, свету нашему, было от прадедов их, от Анны и Каиафы, а на нынешних и дивить нечева: с обрасца делают! Потужить надобно о них, о бедных. Увы, бедные никонияня! Погибаете от своего злаго и непокориваго нрава.

Потом с Воробьевых гор перевели нас на Андреевское подворье, таже в Савину слободку. Что за разбойниками, стрелцов войско за нами ходит и срать провожают; помянется,— и смех и горе,— как-то омрачил дьявол! Таж к Николе на Угрешу; тут государь присыла ко мне голову Юрья Лутохина благословения ради, и кое о чем много говорили.

Таже опять ввезли в Москву нас на Никольское подворье и взяли у нас о правоверии еще скаски. Потом ко мне комнатные люди многажды присыланы были, Артемон и Дементей, и говорили мне царевым глаголом: «Протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражателное житие, прошу-де твоево благословения и с царицею и с чады,— помолися о нас!» Кланяючись, посланник говорит. И я по нем всегда плачю; жаль мне силно ево. И паки он же: «Пожалуй-де послушай меня,— соединись со вселенъскими-теми хотя неболшим чем!» И я говорю: «Аще и умрете ми Бог изволит, со отступниками не соединюся! Ты, реку, мой царь, а им до тебя какое дело? Своево, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить сюды приволоклися! Я, реку, не сведу рук с высоты небесныя, дондеже Бог тебя отдаст мне». И много тех присылок было. Кое о чем говорено. Последнее слово рек: «Где-те ты ни будеш, не забывай нас в молитвах своих!» Я и ныне, грешной, елико могу, о нем Бога молю.

Таже, братию казня, а меня не казня, сослали в Пустозерье. И я ис Пустозерья послал к царю два послания: первое невелико, а другое болши. Кое о чем говорил. Сказал ему в послании и богознамения некая, показанная мне в темницах; тамо чтый да разумеет. Еще же от меня и от братьи дьяконово снискание[1] послано в Москву, правоверным гостинца, книга «Ответ православных» и обличение на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматех церковных. Еще же и от Лазаря священника посланы два послания царю и патриарху. И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человеков, детей моих духовных,— преждереченнаго Феодора юродивого да Луку Лаврентьевича, рабов Христовых. Лукаша московъской жилец, у матери-вдовы сын был единочаден, усмарь[2] чином, юноша лет в полтретьяцеть[3], приехал на Мезень по смерть з детми моими. И егда бысть в дому моем въсегубительство, вопросил его Пилат: «Как ты, мужик, крестисься?» Он

---

[1] сочинение.
[2] кожевник.
[3] двадцать пять.

же отвеща смиренномудро: «Я так верую и крещуся, слагая перъсты, как отец мой духовной, протопоп Аввакум». Пилат же повеле его в темницу затворити, потом, положа петлю на шею, на релех повесил. Он же от земных на небесная взыде. Болши тово что ему могут зделать? Аще и млад, да по-старому зделал: пошел себе ко Владыке. Хотя бы и старой так догадалъся! В те жо поры и сынов моих родных двоих, Ивана и Прокопья, велено ж повесить; да оне, бедные, оплошали и не догадались венцов победных ухватити: испужавси смерти, повинились. Так их и с матерью троих в землю живых закопали. Вот вам и без смерти смерть! Кайтеся, сидя, дондеже дьявол иное что умыслит. Страшна смерть — недивно! Некогда и друг ближний Петр отречеся и, изшед вон, плакася горъко, и слез ради прощен бысть. А на робят и дивить нечева: моего ради согрешения попущено им изнеможение. Да уж добро, быть тому так! Силен Христос всех нас спасти и помиловати.

По сем той же полуголова Иван Елагин был и у нас в Пустозерье, приехав с Мезени, и взял у нас скаску. Сице реченно: год и месяц, и паки,— мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестинъскаго патриарха Паисея с товарыщи еретическое соборище проклинаем. И иное там говорено многонко, и Никону, завотчику ересям, досталось неболшое место. По сем привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу. Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восм и болши, да братья паки есть велели.

По сем Лазаря священника взяли, и язык весь вырезали из горла; мало попошло крови, да и перестала. Они же и паки говорят без языка. Таже, положа правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченная, не земле лежа, сложила сама перъсты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно. Сне-су и самому сие чюдно: бездушная одушевленых обличает! Я на третий день у нево во рте рукою моею шупал и гладил: гладко все — без языка, а не болит. Дал Бог во временне часе исцелело. На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком. Егда исполнилися два годы, иное чюдо: в три дни у него язык вырос совершенной, лиш маленко тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля Бога и отступников порицая.

По сем взяли соловецъкаго пустынника, инока-схимника Епифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсекли четыре перста. И сперва говорил гугниво. По сем молил Пречистую Богоматерь, и показаны ему оба языки, московъской и здешъней, на воздýхе; он же, един взяв, положил в рот свой, и с тех мест стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретеся в ръте. Дивни дела Господня и неизреченны судбы владыч-

ни! И казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог — старой чюдотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человечю во мъгновении ока воскресит. Да кто о том разъсудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет, Слава ему о всем!

По сем взяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же, оставили кусочек неболшой во рте, в горле накось резан; тогда на той мере и зажил, а опосле и опять со старой вырос и за губу выходит, притуп маленко. У нево же отсекли руку поперег ладони. И все, дал Бог, стало здорово,— и говорит ясно против прежнева и чисто.

Таже осыпали нас землею: сруб в земле, и паки около земли другой сруб, и паки около всех общая ограда за четырмя замъками; стражие же пред дверми стрежаху темницы. Мы же, здесь и везде сидящии в темницах, поем пред владыкою Христом, Сыном Божиим, песни песням, их же Соломан воспе, зря на матерь Виръсавию: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая моя! Очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных лучь, и вся в красоте сияеш, яко день в силе своей» (хвала о церкви).

Таже Пилат, поехав от нас, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число Бог изочтет. Чюдо, как то в познание не хотят приити: огнем, да кнутом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые-то апостоли научили так? Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да висилицею в веру приводить. Но Господем реченно ко апостолом сице: шедше в мир весь проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет. Смотрю, слышателю, волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокаряющихся огнем жечь и на висилицах вешать. Татаръской Бог Магмет написал во своих книгах сице: «Непокаряющихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити. А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учители явны, яко шиши[1] антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити, от плода бо всяко древо познано бывает. Да што много говорить? Аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота венчатца, не по што ходить в Перъсиду, а то дома Вавилон. Ну-тко, правоверне, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знамением спасителя нашего Христа, пя-

[1] соглядатаи.

тью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перъст, не разсуждай много! А я с тобою же за сие о Христе умрети готов. Аще я и немыслен гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти яко же приях: не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком! Не блуди, еретик, не токмо над жертвою Христовою и над крестом, но и пелены не шевели. А то удумали со дьяволом книги перепечатать, вся переменить,— крест на церкви и на просвирах переменить, внутрь олътаря молитвы иерейские откинули, ектеньи переменили, в крещении явно духу лукавому молитца велят,— я бы им и с ним в глаза наплевал,— и около купели против солнца лукаво-ет их водит, такоже и церкви святя, против солнца же, и брак венчав, против солнца же водят,— явно противно творят,— а в крещении и не отрицаются сатоны. Чему быть? — дети ево: коли отца своево отрицатися захотят! Да что много говорить? Ох, православной душе! Вся горняя долу быша. Как говорил Никон, адов пес, так и зделал: «Печатай, Аръсен, книги как-нибудь, лишь бы не по старому!» Так-су и зделал. Да болши тово нечем переменить. Умереть за сие всякому подобает. Будьте оне прокляты, окаянные, со всем лукавым замыслом своим, а стражущим от них вечная память 3-ж![1].

По сем у всякаго православнаго прощения прощу; иное было, кажется, про житие-то мне и не надобно говорить, да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова,— апостоли о себе возвещали же, егда что Бог соделает в них: не нам, Богу нашему слава. А я ни то ж есм. Рекох, и паки реку: «Аз есм человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам, и всякому человеку лицемерец окаянной».

Простите же и молитеся о мне, а я о вас должен, чтущих и послушающих. Болши тово жить не умею; а что зделаю я, то людям и сказываю; пускай Богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною — или благая, или злая. Но аще и не учен словам, но не разумом; не учен диалектики, и риторики, и философии, а разум Христов в себе имам, яко ж и апостол глаголет: аще и невежда словом, но не разумом. Простите,— еще вам про невежество свое побеседую. Ей, зглупал, отца своего заповедь преступил, и сего ради дом мой наказан бысть; внимай Бога ради, како бысть. Егда еще я попом бысть, духовник царев, протопоп Стефан Вънифаньтьевичь, благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою святаго Ефрема Сирина, себя ползовать, прочитая, и люди. Аз же, окаянный, презрев отеческое благословение и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошедь променял. У ме-

[1] трижды.

ня же в дому был брат мой родной, именем Евфимей, зело грамоте горазд и о церкве велико прилежание имел; напоследок взят был к болшой царевне вверх во псаломщики, а в мор и з женою скончаться. Сей Евфимей лошедь сию поил и кормил и гораздо об ней прилежал, презирая правило многажды. И виде Бог неправду в нас з братом, яко неправо по истине ходим,— я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило презирая, о скотине прилежал,— изволил нас Владыко сице наказать: лошедь ту по ночам и в день стали беси мучить,— всегда мокра, заезжена, и еле жива стала Аз же недоумеюся, коея ради вины бес так озлобляет нас. И в день недельный после ужина, в келейном правиле, на полунощнице, брат мой Евфимей говорил кафизму непорочную и завопил высоким гласом: «Призри на мя и помилуй мя!» И, испустя книгу из рук, ударился о землю, от бесов поражен бысть,— начат кричать и вопить гласы неудобными, понеже беси ево жестоко начаша мучить. В дому же моем иные родные два брата — Козма и Герасим — болши ево, а не смогли удержать ево, Евфимия; и всех домашних человек с тритцеть, держа ево, рыдают и плачют, вопиюще ко Владыке: «Господи, помилуй! Согрешили пред Тобою, прогневали Твою благостыню, прости нас, грешных! Помилуй юношу сего, за молитв святых отец наших!» А он пущи беситься, кричит, и дрожит, и бьется. Аз же помощию Божиею в то время не смутихся от голки тоя бесовъския. Кончавше правило, паки начах молитися Христу и Богородице со слезами, глаголя: «Владычице моя, Пресвятая Богородице! Покажи, за которое мое согрешение таковое ми бысть наказание, да, уразумев, каяся пред сыном Твоим и пред Тобою, впредь тово не стану делать». И, плачючи, послал во церковь по Потребник и по святую воду сына своего духовнаго Симеона — юноша таков же, что и Евфимей, лет в четырнатцеть, дружно меж себя живуще Симеон со Евфимием, книгами и правилом друг друга подкрепляюще и веселящеся, живуще оба в подвиге крепко, в посте и молитве. Той же Симеон, плакав по друге своем, сходил во церковь и принес книгу и святую воду. Аз же начах действовать над обуреваемым молитвы Великаго Василия с Симеоном: он мне строил кадило и свещи и воду святую подносил, а прочии держали беснующагося. И егда в молитве речь дошла: аз ти о имени Господни повелеваю, душе немый и глухий, изыди от создания сего и к тому не вниди в него, но иди на пустое место, иде же человек не живет, но токмо Бог презирает,— бес же не слушает, не идет из брата. И я паки ту же речь вдруторяд, и бес еще не слушает, пущи мучит брата. Ох, горе мне! Как молыть? И сором, и не смею, но по старцову Епифаниеву повелению говорю; сице было: взял кадило, покадил образы и беснова

и потом удариться о лавку, рыдав на много час. Возставше, ту же Василиеву речь закричал к бесу: «Изыди от создания сего!» Бес же скорчил в колцо брата и, пружався[1], изыде и сел на окошко; брат же быв, яко меръtв. Аз же покропил ево водою святою; он же, очхняся, перъстом мне на беса, седящаго на окошке, показует, а сам не говорит, связавшуся языку его. Аз же покропил водою окошко, и бес сошел в жерновный угол. Брат же и там ево указует. Аз же и там покропил водою, бес же оттоля пошел на печь. Брат же и там указует. Аз же и там тою же водою. Брат же указал под печь, и сам прекрестилъся. И аз не пошел за бесом, но напоил святою водою брата во имя Господне. Он же, воздохня из глубины сердца, сице ко мне проглагола: «Спаси Бог тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и двух князей бесовских! Будет тебе бить челом брат мой Аввакум за твою доброту. Да и малчику тому спаси Бог, который в церковь по книгу и по воду-ту ходил, пособлял тебе с ними битца. Подобием он, что и Симеон же, друг мой. Подле реки Сундовика меня водили и били, а сами говорят: «Нам-де ты отдан за то, что брат твой Аввакум на лошедь променял книгу, а ты-де ея любиш». Так-де мне надобе брату поговорить, чтоб книгу-ту назад взял, а за нея бы дал денги двоюродному брату». И я ему говорю: «Я,— реку,— свет, брат твой Аввакум». И он мне отвещал: «Какой ты мне брат? Ты мне батко; отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатищах живет,— будет тебе бить челом». Аз же паки ему дал святыя воды; он же и судно у меня отнимает и съесть хочет,— сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскал и давать стал; он и не стал пить. Ночь всю зимнюю с ним простряпал. Маленко я с ним полежал и пошел во церковь заутреню петь; и без меня беси паки на него напали, но лехче прежнева. Аз же, пришед от церкви, маслом ево посвятил, и паки беси отъидоша, и ум цел стал; но дряхл бысть, от бесов изломан: на печь поглядывает и оттоля боится,— егда куды отлучюся, а беси и наветовать ему станут. Бился я з бесами, что с собаками,— недели с три за грех мой, дондеже възял книгу и денги за нея дал. И ездил к другу своему Илариону игумну: он просвиру вынял за брата; тогда добро жил,— что ныне архиепископ резанской, мучитель стал християнской. И иным духовным я бил челом о брате: и умолили Бога о нас, грешных, и свобожден от бесов бысть брат мой. Таково-то зло заповеди преступления отеческой! Что же будет за преступление заповеди Господня? Ох, да толко огонь да мука! Не знаю, дни коротать как! Слабоумием объят и лицемерием, и лжею покрыт есм, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждение всех человек погибаю, и мняся нечто быти, а кал и гной, есм, окаянной,— прямое говно! Отвсюду воняю —

[1] напрягшись.

душею и телом. Хорошо мне жить с собаками да со свиниями в конурах: так же и оне воняют, что и моя душа, злосмрадною вонею. Да свиньи и псы по естеству, а я от грехов воняю, яко пес мертвый, повержен на улице града. Спаси Бог властей тех, что землею меня закрыли: себе уж хотя воняю, злая дела творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро так!

Да и в темницу-ту ко мне бешаной зашел Кирилушко, московский стрелец, караульщик мой. Остриг ево аз и вымыл и платье переменил,— зело вшей было много. Замъкнуты мы с ним, двое с ним жили, а третей с нами Христос и Пречистая Богородица. Он, миленькой, бывало, серет и сцыт под себя, а я ево очищаю. Есть и пить просит, а без благословения взять не смеет. У правила стоять не захочет,— дьявол сон ему наводит: и я постегаю чотками, так и молитву творить станет, и кланяется за мною, стоя. И егда правило скончаю, он и паки бесноватися станет. При мне беснуется и шалует, а егда ко старцу пойду посидеть в ево темницу, а ево положу на лавке, не велю ему вставать и благословлю его, и докамест у старца сижу, лежит, не встанет, Богом привязан,— лежа беснуется. А в головах у него образы и книги, хлеб и квас и прочая, а ничево без меня не тронет. Как прииду, так въстанет и, дьявол, мне досаждая, блудить заставливает. Я закричю, так и сядет. Егда стряпаю, в то время есть просит и украсть тщится до времени обеда; а егда пред обедом «Отче наш» проговорю и благословлю, так тово брашна и не ест — просит неблагословеннова. И я ему силою в рот напехаю, и он и плачет и глотает. И как рыбою покормлю, тогда бес в нем въздивиячится, а сам из него говорит: «Ты же де меня ослабил!» И я, плакавъся пред владыкою, опять постом стягну и окрочю ево Христом. Таже маслом ево освятил, и отрадило ему от беса. Жил со мною с месяц и болши. Перед смертию образумилъся. Я исповедал ево и причастил, он же и преставился, миленкой, скоро. И я, гроб купя и саван, велел погребъсти у церкви; попом сорокоуст дал. Лежал у меня мертвый сутки: и я ночью, востав, помоля Бога, благословя ево мертвова, и с ним поцеловався, опят подле него спать лягу. Товарищ мой миленкой был! Слава Богу о сем! Ныне он, а завтра я также умру.

Да у меня ж был на Москве бешаной,— Филиппом звали, — как я ис Сибири выехал. В углу в ызбе прикован был к стене, понеже в нем бес был суров и жесток гораздо, биться и дрался, и не могли с ним домочадцы ладить. Егда ж аз, грешный, со крестом и с водою прииду, повинен бывает и, яко мертв, падает пред крестом Христовым и ничево не смеет надо мною делать. И молитвами святых отец сила Божия отгнала от него беса; но токмо ум еще несовершен был. Феодор был над ним юродивой приставлен, что на Мезени веры ради Христовы отступники удавили,— Псалтыр над Филиппом говорил и учил ево Исусовой молитве. А я сам во дни отлучашеся от дому, токмо в нощи

действовал над Филиппом. По некоем времени пришел я от Феодора Ртищева зело печален, понеже в дому у него с еретиками шумел много о вере и о законе; а в моем дому в то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фетиньею меж собою побранились,— дьявол ссорил ни за што. И я, пришед, бил их обеих и оскорбил гораздо, от печали; согрешил пред Богом и пред ними. Таже бес вздивиял в Филиппе, и начал чепь ломать, бесясь, и кричать неудобно. На всех домашних нападе ужас и зело голка бысть велика. Аз же без исправления приступил к нему, хотя ево укротити; но не бысть по-прежнему. Ухватил меня и учал бить и драть, и всяко меня, яко паучину, терзает, а сам говорит: «Попал ты мне в руки!» Я токмо молитву говорю, да без дел не ползует и молитва. Домашние не могут отнять, а я и сам ему отдалъся. Вижу, что согрешил: пускай меня бьет. Но — чюден Господь! — бьет, а ничто не болит. Потом бросил меня от себя, а сам говорит: «Не боюсь я тебя!» Так мне в те поры горъко стало: «Бес, реку,— надо мною волю взял!» Полежал маленко, с совестию собрался. Воставше, жену свою сыскал и пред нею стал прощатца со слезами, а сам ей, в землю кланяяся, говорю: «Согрешил, Настасья Марковна, — прости мя, грешнаго!» Она мне также кланяется. По сем и с Фетиньею тем же образом простился. Таже лег среди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине: человек было з дватцеть,— и жена, и дети, все, плачючи, стегали. А я говорю: «Аще кто бить меня не станет, да не имать со мною части во царствии небеснем!» И оне, нехотя, бьют и плачют, а я ко всякому удару по молитве. Егда же все отбили, и я, воставше, сотворил пред ними прощение. Бес же, видев неминучюю, опять вышел вон ис Филиппа. И я крестом ево благословил, и он по-старому хорош стал. И потом исцелел Божиею благодатью о Христе Исусе, Господе нашем, Ему ж слава.

А егда я был в Сибири — туды еще ехал — и жил в Тобольске, привели ко мне бешанова, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблудил в велик день з женою своею, наругая праздник, жена ево сказывала,— да и възбесился. И я, в дому своем держа месяца з два, стужал об нем Божеству, в церковь водил и маслом осветил, и помиловал Бог: здрав бысть и ум исцеле. И стал со мною на крылосе петь в литорыгию, во время переноса, и досадил мне. Аз в то время, побив его на крылосе, и в притворе велел пономарю приковать к стене. И он, вышатав пробой, пущи и первова вбесясь, и в обедню ушел на двор к болшому воеводе, и сундуки разломав, платье княгинино на себя вздел, а их розгонял. Князь же, осердясь, многими людми в тюрму ево оттащили; он же в тюрме юзников бедных всех перебил и печь разломал. Князь же велел ево в деревню к жене и детям сослать. Он же, бродя в деревнях, великие пакости творил. Всяк бегает от него. А мне не дадут воеводы, осердясь. Я

по нем пред Владыкою плакал всегда. По сем пришла грамота с Москвы,— велено меня сослать ис Тобольска на Лену, великую реку. И егда в Петров день собраться в дощеник, пришел ко мне Феодор целоумен, на дощенике при народе кланяется на ноги мои, а сам говорит: «Спаси Бог, батюшко, за милость твою, что помиловал мя. По пустыни-де я бежал третьева дни, а ты-де мне явился и благословил меня крестом, и беси-де прочь отбежали от меня, и я пришел к тебе поклонитца, и паки прошу благословения от тебя». Аз же, на него глядя, поплакал и возрадовался о величии Божии, понеже о всех нас печется и промышляет Господь — ево исцелил, а меня возвеселил! И поуча ево, благословя, отпустил к жене ево и детям в дом. А сам поплыл в ссылку, моля о нем Христа, сына Божия-света, да сохранит его и впредь от неприязни. А назад я едучи, спрашивал про него и мне сказали: «Преставился-де, после тебя годы с три, живучи християнски з женою и детми». Ино и добро. Слава Богу о сем!»

Простите меня, старец с рабом тем Христовым,— вы мя понудисте сие говорить. А однако уж розвякался,— еще вам повесть скажу. Как в попах еще был, там же, где брата беси мучили, была у меня в дому вдова молодая, — давно уж, и имя ей забыл! Помнится Офимьею звали, — ходит и стряпает, и все хорошо делает. Как станем в вечер начинать правило, так ея бес ударит о землю, омертвеет вся, яко камень станет, и не дышит, кажется,— ростянет ея среди горницы, и руки, и ноги,— лежит яко мертва. И я, «О всепетую» проговоря, кадилом покажу, потом крест положу ей на голову и молитвы василиевы в то время говорю: так голова под крестом и свободна станет, баба и заговорит, а руки и ноги и тело еще мертво и каменно. И я по руке поглажу крестом, так и рука свободна станет; я — и по другой, и другая также освободится; я — и по животу, так баба и сядет. Ноги еще каменны. Не смею туды крестом гладить,— думаю, думаю — и ноги поглажу, баба и вся свободна станет. Вставше, Богу помолясь, да и мне челом. Прокуда-таки[1] — ни бес, ни што был в ней, много времени так в ней играл. Маслом ея освятил, так вовсе отошел прочь: исцелела, дал Бог. А иное два Василия у меня бешаные бывали прикованы,— странно и говорить про них: кал свой ели.

А еще сказать ли тебе, старец, повесть? Блазновато[2], кажется, да было так. В Тобольске была у меня девица, Анною звали, дочь мне духовная, гораздо о правиле прилежала о церковном и о келейном, и вся мира сего красоту вознебрегла. Позавиде диявол добродетели ея, наведе ей печаль о первом хозяине своем Елизаре, у него же взросла, привезена ис полону ис кумы-

[1] грех такой.
[2] соблазнительный.

ков[1]. Чистотою девъство соблюла и, егда исполнилася плодов благих, дьявол окрал: захотела от меня отъити и за первова хозяина зумуж пойти, и плакать стала всегда. Господь же пустил на нея беса, смиряя ея, понеже и меня не стала слушать ни в чем, и о поклонех не стала радеть. Егда станем правило говорить, она на месте станет, прижав руки, да так и простоит. Виде Бог противление ея, послал беса на нея: в правило стоящу ей, да и взбесится. И мне, бедному, жаль: крестом благословлю и водою покроплю, так и отступит от нея бес. И многажды так бысть. Она же единаче в безумии своем и непокоръстве пребывает. Благохитрый же Бог инако ея наказал: задремала в правило, да и повалилась на лавке спать, и три дня и три ночи, не пробудяся, спала. Я лишо ея по времяном кажу, спящую: тогда-сегда дохнет. Чаю, умрет. И в четвертый день очхнулась; села да плачет; есть ей дают,— не ест. Егда я правило канонъное скончав и домочадцов, благословя, роспустил, паки начах во тме без огня поклоны класть; она же с молитвою втай приступила ко мне и пала на ноги мои; и я, от нея отшед, сел за столом. И она, приступя паки к столу и плачючи, говорит: «Послушай, государь, велено тебе сказать». Я стал слушать у нея: «Егда-де я в правило задремала и повалилась, приступили ко мне два ангела и взяли меня, и вели меня тесным путем. И на левой стране слышала плачь, и рыдание, и гласы умиленны. Потом-де меня привели во светлое место[2], зело гораздо красно, и показали-де многие красные жилища и полаты; и всех-де краше полата, неизреченною красотою сияет паче всех, и велика гораздо. Ввели-де меня в нея, ано-де стоят столы, и на них послано бело, и блюда з брашнами стоят. По конец-де стола древо кудряво повевает и красотами разными украшено; в древе-де том птичьи гласы слышала я, а топерва-де не могу про них сказать, каковы умилны и хороши! И подержав-де меня, паки ис полаты повели, а сами говорят: «Знаеш ли, чья полата сия?» И аз-де отвещала: «Не знаю; пустите меня в нея». Оне же отвещали: «Отца твоего, протопопа Аввакума, полата сия. Слушай ево и живи так, как он тебе наказывает перъсты слагать и креститца, и кланятца, Богу молясь, и во всем не протився ему, так и ты будеш с ним здесь. А буде не станеш слушать, так будеш в давешнем месте, где плакание-то слышала. Скажи жо отцу своему. Мы не беси, водили тебя; смотри: у нас папарты, беси-де не имеют тово». И я-де, батюшко, смотрила,— бело у ушей-тех их». Да и поклонилася мне, поклонилася мне, прощения прося. Потом паки исправилася во всем. Егда меня сослали ис Тобольска, и я оставил ея у сына духовнаго тут. Хотела постричися, а дьявол опять зделал по-своему: пошла за Елизара замуж и деток прижила. И по осми летех услышала, что я еду

[1] калмыков.
[2] рай.

назад, отпросилася у мужа и постриглася. А как замужем была, по временам Бог наказывал,— бес мучил ея. Егда ж аз в Тоболеск приехал, за месяц до меня постриглася, и принесла ко мне два детища и, положа предо мною робятишок, плакала и рыдала, кающеся, безстыдно порицая себя. Аз же, пред человеки смиряя ея, многажды на нея кричал; она же прощается в преступлении своем, каяся пред всеми. И егда гораздо ея утрудил, тогда совершенно простил. В обедню за мною в церковь вошла. И нападе на нея бес во время переноса,— учала кричать и вопить, собакою лаять, и козою блекотать, и кокушкою коковать. Аз же зжалихся об ней: покиня херувимскую петь, взявши от престола крест и на крылос взошед, закричал: «Запрещаю ти именем Господним; полно, бес, мучить ея! Бог простит ея в сий век и в будущий!» Бес же изыде из нея. Она же притече ко мне и пала предо мною за ню же вину. Аз же крестом ея благословя, и с тех мест простил, и бысть здрава душею и телом. Со мною и на Русь выехала. И как меня стригли, в том году страдала з детми моими от Павла митрополита на патриархове дворе веры ради и правости закона. Доволно волочили и мучили ея. Имя ея во иноцех Агафья.

Ко мне же, отче, в дом принашивали матери деток своих маленких; скорбно одержимы грыжною; и мои детки, егда скорбели во младенчестве грыжною болезнию, и я маслом священным, с молитвою презвитеръскою, помажу всю чювъства и, на руку масла положа, младенцу спину вытру и шулнятка[1],— и Божиею благодатию грыжная болезнь и минуется во младенце. И аще у коего отрыгнет скорбь, и я так же сотворю: и Бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию.

А егда еще я был попом, с первых времен, как к подвигу касатися стал, бес меня пуживал сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехал к ней отец духовной; аз же из двора пошел по книгу в церковь нощи глубоко, по чему исповедать ея. И егда на паперть пришел, столик до тово стоял, а егда аз пришел, бесовским действом скачет столик на месте своем. И я, не устрашась, помолясь пред образом, осенил рукою столик и, пришед, поставил ево, и перестал играть. И егда в трапезу вошел, ту иная бесовская игра: мертвец на лавке в трапезе во гробу стоял, и бесовским действом верхняя роскрылася доска, и саван шевелитца стал, устрашая меня. Аз же, Богу помолясь, осенил рукою мертвеца, и бысть по-прежнему все. Егда ж в олтарь вошел, ано ризы и стихари летают с места на место, устрашая меня. Аз же, помоляся и поцеловав престол, рукою ризы благословил и поцупал, приступя, а оне по-старому висят. Потом, книгу взяв, ис церкви пошел. Таково-то ухищрение бесовское к нам! Да полно тово говорить. Чево крестная сила и свя-

[1] яички.

щенное масло над бешанными и болными не творит благодатию Божиею! Да нам надобе помнить сие: не нас ради, ни нам, но имени своему славу Господь дает. А я, грязь, что могу зделать, аще не Христос? Плакать мне подобает о себе. Июда чудотворец был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокоумия ради свержен бысть. Адам был в раю, да сластолюбия ради изгнан бысть, и пять тысящ пятьсот лет во аде был осужден. По сем разумея всяк, мняйся стояти, да блюдется, да ся не падет. Держись за Христовы ноги и Богородице молись и всем святым, так будет хорошо. Ну, старец, моево вяканья много веть ты слышал. О имени Господни повелеваю ти, напиши и ты рабу-тому Христову, как Богородица беса-тово в руках-тех мяла и тебе отдала, и как муравьи-те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова-те сожег, и как келья-то обгорела, а в ней цело все, и как ты кричал на небо-то, да иное, что вспомниш во славу Христу и Богородице. Слушай же, что говорю: не станеш писать, я-петь осержусь. Любил слушать у меня, чево соромитца,— скажи хотя немношко! Апостоли Павел и Варнава на соборе сказывали же во Ерусалиме пред всеми, елика сотвори Бог знамения и чудеса во языцех с ними, в Деяниях, зач. 36 и 42 зач., и величашеся имя Господа Исуса. Мнози же от веровавших прихождаху, исповедающе и сказующе дела своя. Да и много тово найдется во Апостоле и в Деяниях. Сказывай, небось, лише совесть крепку держи; не себе славы ища, говори, но Христу и Богородице. Пускай раб-от Христов веселится, чтучи! Как умрем, так он почтет, да помянет пред Богом нас. А мы за чтущих и послущающих станем Бога молить; наши оне люди будут там у Христа, а мы их во веки веком. Аминь.

ЧЕЛОБИТНАЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

Царь государь и великий князь Алексей Михайлович, мнагажды писахом тебе прежде и молихом тя, да примиришися Богу и умилишисяв разделении твоем от церковнаго тела. И ныне последнее тебе плачевное моление приношу, — ис темницы, яко из гроба, тебе глаголю: помилуй единородную душу свою и вниди паки в первое свое благочестие, в нем же ты порожден еси с преже бывшими тебе благочестивыми цари, родители твоими и прародители; и с нами, богомолцы своими, во единой святой купели ты освящен еси; единыя же Сионския Церкви святых сосец ея нелестным млеком воспитен еси с нами, сиречь единой православной вере и здравым догматом с нами от юности научен еси.

Почто по духу братию свою тако оскорбляеши? Единаго бо мы себе Отца имамы вси, иже есть на небесех, по святому Христову Евангелию. И не покручинься, царю, что тако глаголю ти: ей, истинна тако. Господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть Божий. Тогда-ж наипаче неречется господин, егда сам себе владеет и безместным страстем не работает, но споборника имея благочестива помысла, непобедимаго самодержца безсловесных страстей, иже всех матеря похоти всеоружием целомудрия низлагает. *Честь царева суд любит*, по пророку[1]. Что есть ересь наша или кий раскол внесохом мы во Церковь, яко-ж блядословят о нас ни-

конияны, нарицают раскольниками и еретиками в лукавом и богомерском Жезле, а инде и предотечами антихристовыми. Не постави им Господь греха сего, не ведят бо, беднии, что творят. Ты, самодержче, суд подымеши о сих всех, иже таково им дерзновение подавый на ны. Не вемы в себе ни следу ересей коих — пощади нас Сын Божий от такова нечестия и впредь — ниж раскольства: Бог свидетель и Пречистая Богородица и вси святии! Аще мы раскольники и еретики, то и вси святии отцы наши и прежнии цари благочестивии и святейшия патриархи такови суть. О, небо и земле, слыши глаголы сия потопныя и языки велеречивыя! Воистинну, царь государь, глаголем ти: смело дерзаете, но не на пользу себе. Кто бы смел рещи таковыя хульныя глаголы на святых, аще бы не твоя держава попустила тому быти? Вонми, государь, с коею правдою хощеши стать на Страшном Суде Христове пред тьмы ангельскими и пред всеми племены язык верных и зло верных. Аще во православии нашем, отеческих святых книгах и в догматех их, хотя едина ересь и хула на Христа Бога и Церковь Его обрящется, ей, ради мы за них прощаться пред всеми православными, паче же за то, аще мы что от себя внесохом, соблазны или раскол, во Церковь. Но несть, несть! Вся церковная права суть разумевающим истинну и здрава обретающим разум по Христе Исусе, а не по стихиям сего мира, за ню же мы страждем и умираем и крови своя проливаем.

Испытай, царю християнский, писание и виждь, яко в последняя времена исправления веры и обретения истинны нигде же несть и не будет; но везде писано есть, что в последняя времена отступят веры, а не исправят ю, и исказять писания и превратят, и внесут ереси погибельныя и многих прельстят. Сице везде суть — в писаниях святых узриши. И не дивися — тако истинна. Христос сам рече: *егда приидет Сын Человеческий, обрящет ли веру свою на земли?*[2]. Не се богословцы глаголют: не обрящет, кроме малых избранных, забегших в горы, а во градех и селех не обрящется ни единаго православна епископа и попа. Тако будет, царю, по словеси Христову, и помяни дни Ноевы: много ли осталось благочестивых пред потопом? Веси, только осмь душ. И в скончании века тако будет: мало Христово стадо, много ж сатанино и антихристово воинство будет. И ты не хвалися. Пался еси велико, а не востал, искривлением Никона богоотметника и еретика, а не исправлением; умер еси по души ево учением, а не воскрес. И не прогневися, что богоотметником ево называю. Аще правдою спросиши, и мы скажем ти о том ясно с очей на очи и усты ко устом возвестим ти велегласно; аще ли же ни, то пустим до Христова суда: там будет и тебе тошно, да тогда не пособишь себе ни мало. Здесь ты нам праведнаго суда со отступниками не дал, и ты тамо отвещати будеши сам всем нам; а льстящии и ласкающии тебе, им же судом судиша нас, також и сами от Христа и святых Его осудятся, и в ню же меру мериша нам, возмерится им от Сына Божия. Несть бо уже нам к ним ни едино слово. Все в тебе, царю, дело затворися и о тебе

едином стоит. Жаль нам твоея царския души и всего дому твоего, зело болезнуем о тебе; да пособить не можем, понеж сам ты пользы ко спасению своему не хощешь.

А о греческих властех и вере их нынешней сам ты посылал прежде испытовати у них догматов Арьсения Суханова, и ведаешь, что у них иссяче благочестие[3] по пророчеству святых царя Констянтина и Силивестра папы, и ангелы Божия явлышагося тогда Филофею, Цареградскому патриарху, и сказавшу о том же. Ведаешь ли, писано се во Истории о белом клабуце[4] и, ведая, почто истинну в неправде содержиши? Сего ради открывается гнев Божий на вас, и быть многажды ты наказан от Бога и все царство твое, да не познался есте.

А еже нас не велишь умерших у церкви погребать, и исповеди и святых тайн лищать в животе сущих еще коих, да Христос нас не лишит благодати своея: Той есть присно с нами и будет, надеем бо ся нань крепко и никто-ж человек смертной и тленной отлучити нас от Него возможет — с Ним бо стражем и умираем. А по смерти нашей грешная телеса наша добро так, царю, ты придумал со властьми своими, что псом пометати или птицам на растерзание отдати. Вемы бо, да и ты слышишь по вся дни во церкви, яко святым мучеником ни единому честнаго погребения не быть от убивающих их или в темницах уморяющих, но метаху их в безчестныя места и в воду иных и в ровы, и в кал, овых же и сожигали мощи, да Христос их нигде не забыл; також и нас негли не забудет Надежда наша и купно с первыми соберет кости наша в последний день и оживотворит мертвенная телеса наша Духом Святым. Несть мы лутши древних мученик и исповедник — добро так нам валятися на земли. Земли же есть и добровольне себя святии отца погребати себя не повелеша великаго ради смирения, да большую мзду восприимут от Христа Бога. И елико ты нас оскорбляеши больши и мучишь, и томишь, толико мы тебя любим царя больши, и Бога молим до смерти твоей и своей о тебе, и всех кленущих нас спаси Господи и обрати ко истинне своей. Аще-ж не обратитеся, то вси погибнете вечно, а не временно.

Прости, Михайлович свет, либо потом умру, да же бы тебе ведомо было, да никак не лгу, ниж притворяяся, говорю: в темнице мне, яко во гробу сидящу, что надобна? Разве смерть? Ей тако.

Некогда мне молящюся о тебе з горкими слезами от вечера и до полунощи и зело стужающу Божеству, да же бы тебе исцелитися душею своею и живу быти пред Ним, и от труда своего аз многогрешный падох на лицы своем, плакахся и рыдая горко, и от туги великия забыхся, лежа на земли, и видех тя пред собою (зачеркнуто: стояща), или ангела твоего умиленна стояща, подпершися под лице правою рукою. Аз же возрадовахся, начах тя лобызати и обымати со умиленными глаголы. И увидех на брюхе твоем язву зело велику, исполнена гноя многа, и убоях, вострепетах душею, положих тя взнак на войлок свой, на нем же молитвы и поклоны творю, и начах язву на брюхе твоем, слезами моими

покропляя, руками сводити, и бысть брюхо твое цело и здорово, яко николи же боле. Душа-ж моя возрадовалася о Господе и о здравии твоем зело.

И паки поворотив тя вверх спиною твоею, видех спину твою згнившу паче брюха, и язва больши первыя явихся. Мне-ж, тако же плакавшуся, руками сводящу язву твою спинную, и мало мало посошлася, и не вся исцеле.

И очютихся от видения того, не исцелих тя всего здрава до конца. Нет, государь, большо покинуть мне, плакать о тебе, вижу, не исцелеть. Ну, прости-ж, Господа ради, дондеж увидимся с тобою.

Яко-ж присылал ко мне Юрья Лутохина и рекл он Юрье усты твоими мне на Угреше: разсудит-де, протопоп, меня с тобою праведный Судия Христос. И я на том же положил: буди тако по воли твоей. Коли тебе, государь, тако годе, оно и мне так любо: ты царствуй многа лета, а я мучуся многа лета, и пойдем вместе в домы своя вечныя, егда Бог изволит. Ну, государь, да хотя меня и собакам приказал выкинуть, да еще благословляю тя благословением последним, а потом прости, уж тово чаю только.

Царь государь Алексей Михайлович, любим бо еси мне, исповемся тебе всем сердцем моим и повем ти вся чюдеса Господня. Ей, не лгу — буди мне с сею ложью стати на Страшнем Суде с тобою пред лицем Господним. Того ради хощу тебе сказать яко мнит ми ся, не коснит Господь о кончине моей, и помышляет ми ся, будет скоро отложение телеси моему, яко утомил мя еси зело, еще-ж мне и самому о жизни сей нерадящу. Послушай, державне, побеседаю ти, яко лицем к лицу.

Нынешня 177 году, в Великий пост, на первой неделе, по обычаю моему, хлеба не ядох в понедельник, також и во фторник, и в среду не ядох, еще-ж в четверг не ядше пребых; в пяток же прежде часов начах келейное правило, псалмы Давыдовы пети, прииде на мя озноба зело люта, и на печи зубы мои розбило з дрожи. Мне же, и лежа на печи, умом моим глаголющу псалмы, понеж от Бога дана Псалтырь и наизусть глаголати мне, прости, царю, за невежество мое, от дрожи тоя нападе на мя мыт[5]; и толико изнемог, яко отчаявшу ми ся и жизни сея, уже всех дней не ядшу ми дней з десять и больши. И лежащу ми на одре моем и зазирающу себе, яко в таковыя великия дни правила не имею, но токмо по чоткам молитвы считаю, и Божиим благоволением в нощи вторыя недели, против пятка, разпространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и пространен, под небесем по всей земли разпространился, а потом Бог вместил в меня небо и землю, и всю тварь. Мне же молитвы безпрестанно творящу и лествицу перебирающу в то время, и бысть того времени на полчаса и больши, и потом возставши ми от одра лехко и поклонившуся до земля Господеви, и после сего присещения Господня начах хлеб ясти во славу Богу.

Видишь ли, самодержавне? Ты владеешь на свободе одною Русскою землею, а мне Сын Божий покорил за темничное сидение и небо, и землю; ты, от здешнято своего царства в вечный свой дом пошедше, только возьмешь гроб и саван, аз же, присуждением вашим, не сподоблюся савана и гроба, но наги кости мои псами и птицами небесными растерзаны будут и по земле влачимы; так добро и любезно мне на земле лежати и светом одеянну и небом прикрыту быти; небо мое, земля моя, свет мой и вся тварь — Бог мне дал, эко-ж выше того рекох. Да не первому мне показанно сице; чти, державный, книгу Палею[6]: егда ангел великий Альтез древле восхитил Авраама выспрь, сиречь на высоту к небу, и показа ему от века сотворенная вся. Богу тако извольшу, а ныне, чаешь, изнемог Бог? Несть, несть, той же Бог всегда и ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.

Хвалити ми ся не подобает, токмо о немощах моих, да вселится в мя сила Христова — не только тово Божия присещения. Егда мне темныя твоя власти волосы и бороду остригли и, проклявше, за твоим караулом на Угреше в темнице держали, — о, горе мне, не хочется говорить, да нужда влечет, — тогда нападе на мя печаль и зело отяготихся от кручины и размышлях в себе, что се бысть, яко древле и еретиков так не ругали, яко же меня ныне: волосы и бороду остригли, и прокляли, и в темнице затворили никонияня, пущи отца своего Никона надо мною бедным сотворили. И о том стужах Божеству, да явит ми, не туне ли мое бедное страдание. И в полунощи во всенощное чтущу ми наизусть святое Евангелие утреннее, над ледником на соломке стоя, в одной рубашке и без пояса, в день Вознесения Господня; бысть в дусе весь, и ста близ меня по правую руку ангел мой хранитель, улыскаяся и приклоняяся ко мне, и мил ся мне дея: мне же чтущу святое Евангелие не скоро и ко ангелу радость имущу, а се потом изо облака Госпожа Богородица яви ми ся, потом и Христос с силами многими, и рече ми: «Не бойся, Аз есмь с тобою». Мне же ктому прочетше х концу святое Евангелие и рекшу: «Слава Тебе, Господи», — и падшу на земли, лежащу на мног час, и, егда отъиде слава Господня, востах и начах утреннюю кончати. Бысть же ми радость неизреченна, еяже невозможно исповедати ныне. За любовь тебе Господню, Михайлович, сказано сие, понеже хощу умереть. Молю тя именем Господним, не поведай врагом моим, никониянам, тайны сея, да не поругают Христа Исуса Сына Божия и Бога: глупы веть оне дураки, блюют и на самого Бога нечестивые глаголы; горе им бедным будет.

По сем, государь мир ти и паки благословение, аще снабдиши, о немже молю твою царскую душу; аще ли же ни, буди воля твоя, яко-ж хощеши. Не хотелося боло мне в тебе некрепкодушия тововеть то всячески всяко будем вместе; не ныне, ино тамо увидимся, Бог изволит.

Судя по упоминаниям в сочинениях Аввакума и в других источниках, он отправил царю Алексею Михайловичу общим числом десять посланий. До нашего времени их сохранилось шесть (Изд. 1979 г., с. 311). Приводим так называемую Пятую, на самом деле последнюю челобитную. Предыдущая, так называемая Четвертая челобитная была отправлена царю вскоре по приезде в Пустозерск, она была мала по объему и носила частный характер: Аввакум благословлял царя, царицу и деток, просил отпустить его сыновей на Мезень, сообщал о смерти попа Никифора и обещал царю выполнять его просьбу — не забывать о нем. Пятая челобитная написана вскоре после Великого поста 1669 г. (7177 г.), о котором в ней говорится. Она сохранилась в автографе и во множестве списков.

[1] Псалом XCVIII, 4.

[2] Ев. от Луки, XVIII, 8.

[3] В 1649 г. в Москву приехал иерусалимский патриарх Паисий, который попытался усилить озабоченность царя судьбой восточных православных церквей и среди прочего вел разговоры о расхождениях в обряде между русской и восточными церквами. Для проверки состояния греческого благочестия и изучения греческих книг из Москвы на Восток одновременно с патриархом в свите его выехал ученый монах Арсений Суханов. Во время путешествия Суханов вел с греками прения о двоеперстии и троеперстии и о соотношении русской и греческой веры вообще. Протоколы своих прений Суханов привез в Москву. Они получили широкое распространение. Доводами Суханова в пользу русского благоверия пользовались и в Пустозерске. Следующий ниже у Аввакума довод — ссылка на русскую «Повесть о новгородском белом клобуке» — использовался уже Сухановым (см.: З е н ь к о в с к и й, с. 170—178).

[4] «Повесть о новгородском белом клобуке» (XVI в.) рассказывала о происхождении белого клобука — головного убора новгородских архиепископов: клобук был сделан по этой легенде — повелением императора Константина Великого для папы Сильвестра, затем, после погружения Рима в ереси, он был передан в Константинополь, но ангел явился патриарху Филофею и велел передать клобук в Новгород. Повесть утверждала право России считать себя единственной хранительницей истинного благоверия. Она была осуждена собором 1666—1667 гг.

[5] *Мыт* — понос.

[6] Аввакум пересказывает апокриф — Откровение Авраама — из Палеи — древнерусской книги, содержавшей комментированные и дополненные части Ветхого завета. Видение Авраама — весьма далеко от видения Аввакума. Авраам только видит мир, Аввакум его в себя вмещает. Параллель необходима Аввакуму, чтобы утвердить подлинность видения, так как, по мнению его, истинные видения опознаются по их связи с традицией: «Держатися подобает писанных".

ЧЕЛОБИТНАЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Благаго и преблагаго и всеблагаго Бога нашего благодатному устроению, блаженному и треблаженному и всеблаженному, государю нашему свету-светику, русскому царю, и великому князю Федору Алексеевичу, не смею нарещися богомолец твой, но яко некий изверг, и непричастен ногам твоим, издалеча вопию, яко мытарь: милостив буди Господи! подстилаю главу и весь орган тела моего со гласом: милостив буди мне Господи! — яко Серафинисса, жена еллинска, к Сыну Божию[1]: *ибо и псы ядят от крупиц, падающих на землю от трапезы господей своих*[2]. Ей пес есмь аз; но желаю крупицы твоей милости. Помилуй мя страннаго, устраньшагося грехами Бога и человек, помилуй мя, Алексеевич, дитятко красное, церковное! Тобою хощет весь мир просветитися, о тебе люди Божии расточенныя радуются, яко Бог нам дал державу крепкую и незыблему. Отради ми, свет мой, отради ми, отрасль царская, отради ми и не погуби меня со беззаконными моими, ниже в век враждовав соблюдеши зол моих. Зате ты еси царь мой и аз раб твой; *ты помазан елеом радости*[3], а аз обложен узами железными; ты, государь, царствуешь, а аз во юдоли плачевной плачуся.

Увы мне! Кого мя роди мати! *Проклят день, в оньже родихся, и нощь она буди тма*[4] еже изведе из чрева матери моея*! Помилуй меня, сыне Давыдов,* помилуй мя, *услыши моление мое, внуши молитву мою не во устнах льстивых.*[5] Глаголю ти: разрешь чрево мое и посмотри сердце мое, яко с трепетом молю и мил ся делаю, припадаю, — приклони ухо твое и внуши глаголы моя, из болезненны души, царю, послушав. От лют мя избави: один бо еси ты нашему спасению повинен. Аще не ты по Господе Бозе: кто нам поможет? Столпи поколебашася наветом сатаны, патриархи изнемогоша, святители падоша и все священство еле живо — Бог весть! — если не умроша. Увы, погибе благоговейный от земли и несть исправляющаго в человечецех.

Спаси, спаси, спаси их, Господи, имижь веси судьбами! Излей на них вино, или масло, да в разуме приидут!

А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един день. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю. Да воевода бы мне крепкой, умной — князь Юрий Алексеевич Долгорукой![6] Перво бы Никона-того собаку, разсекли бы начетверо, а потом бы никониян-тех. Князь Юрий Алексеевич! не согрешим, не бойся, но и венцы небесные приимем! Помнишь, ты мне жаловал-говорил: если-де что, протопоп Аввакум, на соборе-том говорить, и я тебе сопротив безоот-

ветно реку. Государь винно так ты, да инде и слава Богу. А после и не так у них стало.

Бог судит между мною и царем Алексеем: в муках он сидит, — слышал я от Спаса: то ему за свою правду. Иноземцы-те что знают, что велено им, то и творят. Своего царя Константина, потеряв безверием, предали турку[7] да и моего Алексея в безумии поддержали, костельники и шиши антихристовы, прелагатаи, богоборцы!

Князь Юрий Алексеевич! здрав буди, и благословение мое на главе твоей. Помнишь, и дважды благословил тя; да и ныне так же. Прости и моли о мне Бога, да не разлучит нас во царствии своем в день века. Мои вы все князи и бояре; отступником до вас нет дела. Говорите Иоакиму — тому патриарху — престал бы от римских законов; дурно затеяли — право! Простой человек Якимат: тайные-те шиши, кои приехали из Рима, те его надувают аспидовым ядом. Прости, батюшка-Якимушка! Спаси Бог за квас, егда напоил мя жаждуща, егда аз с кобелями-теми грызся, яко гончая собака, с борзыми, с Павлом и Ларионом.

Чюдо! Чюдо! заслепил диявол: отеческое откиня, имже отцы наши, уставом, до небес достигоша, да странное богоборство возлюбиша, извратишася. Не своим умыслом, скверной, затеваю: ни, никакож; но время открывает, *яко чаша в руце Господни вина нерастворенна исполнь растворения, и уклони от сию в сия, обаче и дрождие его не искидавшася*[8]. Псалмопевец глагола: и дрождей не кинет даром, но испиют е грешнии земли. Рече Господь: *имеяй уши слышати, да слышит*[9].

Прости, прости, прости, державне. Пад поклоняюся. Прости, Господа ради, в чем согрубил тебе свету. Благословление тебе от всемогущия Десницы и от меня, грешнаго Аввакума протопопа. Аминь.

КОММЕНТАРИИ

Челобитная в автографе не сохранилась, известна только в очень немногих списках. Датировать ее можно исходя из времени восшествия на престол царя Федора в 1676 г. Это единственное обращение Аввакума к Федору.

[1] Женщина сирофиникиянка еллинска' — то есть язычница, просила, чтобы Христос изгнал беса из ее дочери (Ев. от Марка, VII, 25—26).

[2] Ев. от Матфея, XV, 27.

[3] Ср.: Послание ап. Павла к евреям, 1, 9.

[4] Ср.: Книга Иова, III, 3—4.

[5] Ср.: Ев. от Луки, XVIII, 38; Псалом XVI, 1.

[6] Ю.А. Долгорукий — при Федоре Алексеевиче — начальник Стрелецкого приказа, победитель многих сражений в войне с Польшей и со Степаном Разиным.

[7] Падение Константинополя в 1453 г. и гибель последнего византийского императора Константина Палеолога Аввакум в соответствии с древнерусской традицией считает результатом отпадения от веры — заключения Флорентийской унии (1439 г.).

[8] Псалом LXXIV, 9.

[9] Ев. от Матфея, XIII, 9.

Сергей Зеньковский

УЧЕНИЕ ОТЦОВ ПУСТОЗЕРСКИХ: ПРОТОПОП АВВАКУМ[1]

Твердое стояние протопопа Аввакума за старую веру на соборах 1666 — 1667 годов создало ему славу наиболее верного и видного вождя среди противников никоновских новшеств. На соборе 1666 года он остался единственным неподдавшимся увещеваниям и угрозам сторонником старого обряда, а на соборе патриархов 1667 года (хотя помимо его также Лазарь, Епифаний и Никифор, а позже дьякон Феодор отказались принять правку книг и новые постановления русских и греческих иерархов) все же именно Аввакум подвергся наиболее продолжительным и настойчивым уговорам признать новые книги и показал себя самым резким и непреклонным спорщиком с руководителями собора. До этого роль протопопа в борьбе с обрядовыми новшествами была скорее второстепенной, так как в начале 1650-х годов он был еще молод и мало известен, а затем, во время своей сибирской ссылки, он был слишком далеко от событий в столице и центре страны, где общепризнанным вождем традиционалистов тогда был сам основатель боголюбческого движе-

[1] Главы из книги «Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века».

ния протопоп Неронов. Возвращение Аввакума из ссылки в Москву совпало с отходом от активной борьбы Неронова, который все больше и больше сомневался в правильности своего сопротивления церкви, которое вело к открытому расколу, а на соборе 1666 года старик окончательно отказался от оппозиции и примирился с книжной правкой и церковным руководством. Поэтому, ввиду отхода Неронова от борьбы против никоновских правок книг, Аввакум во время своего полугодового пребывания в Москве весной и летом 1664 года смог, благодаря своей бескомпромиссной позиции в церковном вопросе, выдвинуться на самое видное место среди сторонников древнего благочестия.

Несмотря на литературный талант и значительную начитанность, недостаток богословского образования и отсутствие методологических навыков и привычки к систематической литературно-теоретической работе помешали Аввакуму занять в истории русского православия место, которое на Западе занимали Лютер или Кальвин. Неувязки и богословские промахи в его писаниях имели влияние и на его дальнейшее положение в русском старообрядчестве, которое в отличие от западных реформационных движений, в особенности лютеранства и кальвинизма, так и не выдвинуло одного, общепризнанного во всех богословских вопросах авторитета. Тем не менее по своим духовным и психологическим данным и складу своего религиозного дарования Аввакум был фигурой равной по величине таким религиозно одаренным основателям церквей, какими были Лютер и Кальвин на Западе или Магомет почти за тысячу лет до них — на Востоке. Он никогда не сомневался в правоте и смысле своей религиозной проповеди, чувствовал собственную духовную силу, осознавал свою ответственность и авторитет. Он был религиозным вождем, глубоко преданным Богу, действовавшим только ради Бога и бывшим уверенным, что «Бог гласит его устами». Каковы бы ни были мотивы, двигавшие в раскол широкие группы населения, для Аввакума единственным мотивом его борьбы была его несомненная преданность Господу Богу и религиозным идеалам, как он их понимал в свете древнерусской церковной традиции. В этом отношении его роль в старообрядчестве очень близка к роли Лютера в истории германского протестантизма, который, пойдя за религиозными призывами своего вождя, нередко был обязан своим успехом совсем другим, далеко не религиозным сторонам немецкой реформации.

Когда, повторяя основные догматы православной церкви, Аввакум писал «сице аз протопоп Аввакум, верую сице исповедую, сим живу и умираю», то это были не пустые патетические выражения, но подлинное исповедание искренней веры, ради преданности которой он всегда был готов, и даже рад умереть и ради которой он кончил свою жизнь на костре. В последние три десятилетия его жизни эта вера на фоне общего церковного «шатания» дала ему чувство личной ответственности перед Богом за судьбы русского православия и нередко выражалась в горделивом и само-

уверенном сознании своей духовной силы и волевого превосходства над другими людьми. «Мне неколи плакать, всегда играю с человеки; ...в нощи что пособеру, в день и россыплю»,— признавался он, не стесняясь высказать свою уверенность в праве распоряжаться судьбами и совестью людей. Нередко в его нравоучениях и советах слышится скорее уверенность ветхозаветных пророков, чем обычное сознание духовником своей обязанности руководить религиозной жизнью духовных детей. «О имени Господни, повелеваю ти», «изволися Духу Святому и мне», «не я, но тако глаголет Дух Святый», «не имать власти таковыя над вами и патриарх якоже я о Христе», «я небесные тайны вещаю, мне дано!» — писал Аввакум, и в этих выражениях отражалась убежденность протопопа, что он исполняет и отражает волю Господню, а не просто высказывает свое мнение.

В последней челобитной, посланной царю из Пустозерска, он не только предсказывает Алексею Михайловичу горькую кончину, но и рассказывает о видении, во время которого Господь вместил в него, протопопа, «небо и землю, и всю тварь». Обращаясь к царю, он самоуверенно повторяет: «Видишь ли, самодержавне? Ты владеешь на свободе одною русскою землею, а мне сын Божий покорил за мое темничное сиденье и небо и землю». Он знает, что царя ожидают пышные похороны, между тем как ему суждено иначе: его кости «псами и птицами небесными растерзаны будут и по земле влачимы», но это ничего не значит для жизни будущей, и снова прибавляет он: «Небо мое, земля моя, свет мой и вся тварь Бог мне дал, яко выше того рек!» Этот рассказ Аввакума, конечно, не надо понимать как указание на то, что в его понимании Христос сделал его своим наместником на земле (указание на тварь) и в видимых небесах, но как осознание того, что он получил от Бога особую возможность видеть, что происходит в видимом мире, и право наставлять людей согласно воле Божьей. Протопоп, видимо, даже думал, что духовно он сильнее антихриста, и, повествуя о другом видении, он живописно рассказывает, что сам антихрист его испугался и даже преклонился пред ним.

Одаренность духовной силой, которая давала ему это ощущение морального превосходства над другими людьми, проявлялась и в его исцелениях бесноватых и больных. Вся последняя часть его знаменитого «Жития» посвящена рассказам о подобных целебных подвигах. Первый из них произошел, когда Аввакум жил еще в Лопатищах, но уже успел пострадать за веру, обличая за беззаконные действия местное начальство. Этот первый опыт удался ему только частично, так как одержимый бесами его собственный брат Евфимий оправился было после молитвы Аввакума, но полное исцеление пришло лишь позже, после молебнов, отслуженных игуменом Иларионом и другими лицами духовными. Последующие подвиги исцеления больных Аввакумом были более успешными, и из его рассказа можно понять, что силы его росли по мере роста преследований, особенно после его ссылки в Сибирь и проявления

верности старому благочестию. Многие свидетели его жизни признавали за ним его духовное превосходство, число его духовных детей постоянно росло, и даже сам государь и двор до окончательного разрыва в 1666 году с уважением и вниманием относились к этому «сильному Христову воеводе против сатанина полка», как называл его даже осторожный в словах и часто скептически настроенный к темпераментному протопопу дьякон Феодор.

Сильная натура и ощущение своих могучих духовных сил не могли не делать из Аввакума оптимиста в оценке церковных событий в России и будущего старой веры. Не мог же Господь наделить его такими талантами и верой для ведения борьбы за заранее обреченное на поражение дело! Его отношение к кардинальному для всех старообрядцев вопросу о последнем отступлении и об антихристе во многом напоминает позицию Лютера, с которым у него, как это уже выше отмечалось, было немало общих психологических черт. Оба почитали папскую власть за страшную угрозу для христианства, оба обобщали Рим с вавилонской блудницей и силами антихриста, но оба также не считали победу сил зла над христианами за неизбежное развитие в истории человечества. Для пессимистического взгляда на события истории оба были слишком оптимистичны по своей природе,— хотя периоды уныния были, конечно, неизбежны и у них,— оба слишком прочно стояли на земле и верили в свои собственные силы, чтобы поддаться соблазну полного отчаяния. У обоих, немецкого реформатора и русского церковного консерватора, их разрыв со своей церковью был результатом их преданности вере и забот о будущности христианства, хотя понимание такового было у них совершенно различно. И протопоп, и этот бывший августинский монах были церковно глубоко националистичны, что и вело к широкому отклику на их призывы среди соотечественников. Кроме того, отталкивание от папского Рима было у обоих обусловлено развитием на Западе секуляризированной культуры, которую Аввакум вслед за Максимом Греком обобщал с «внешней», то есть стоящей вне христианства, философией. Сближает их и любовь к своему родному литературному языку, который оба, но, конечно, каждый на свой лад, творчески перерабатывают и сближают на страницах своих произведений с разговорным языком своего времени. Та же страсть в ненависти к врагам сказывается в писаниях Аввакума и Лютера и если первый собирался перерезать «никониян» как собак, то зато Лютер рекомендовал резать, вешать и жечь восставших анархически настроенных крестьян. Но, может быть, больше всего их сближает привязанность к жизни на земле, не своей жизни, а жизни человечества, к семье как христианской институции, ко всему миру Создателя. Лютер ушел из монашества и, женившись на бывшей монахине, обзавелся семьей. Аввакум, который никогда не стал и не думал быть монахом и посвятил себя службе Богу в миру, был трогательно и патриархально привязан к своей семье. Он всегда защищал семью как институцию, физические отношения меж-

ду мужем и женой и чадорождение от тех фанатиков целомудрия и суровог.о аскетизма, которые полагали, что только в отказе от мира и от всех соблазнов плоти можно найти спасение для своей души. «Честен брак, и ложе не скверно»,— не раз напоминает Аввакум слова апостола Павла из послания к Евреям (XIII, 4). В «Послании к Борису» он решительно выступает против попыток одного священника запрещать брачные отношения в переживаемое православием грозное время. Уже под самый конец своего сидения в подземной тюрьме он строго наставляет попа Исидора не возбранять его детям духовным вступать в брак и, повторяя упомянутые слова апостола, прибавляет: «И до скончания века быть сему так!» Даже резкости и режущие ухо грубоватые выражения протопопа имеют свои параллели у Лютера если не в богословских работах последнего, то в его часто слишком сочных Tischgespräche.

Эти общие черты у старообрядческого и протестантского вождей, само собой разумеется, ограничивались их характером, мировоззрением и религиозной психологией и никак не распространялись на их догматические и общецерковные установки или их богословский ученый уровень. Немецкий богослов-реформатор уже своим добровольным сложением монашества, женитьбой на бывшей монахине и отрицанием авторитета святых отцов вызвал бы подлинно апокалиптический ужас в душе протопопа, если бы тот был хорошо знаком с биографией отца реформации, но, с другой стороны, ведь и самому протопопу пришлось в конце концов порвать с церковью и приняться за весьма самочинное толкование если не писания, то, во всяком случае, канонических и обрядовых правил и создавать свою новую церковь старой веры.

Благодаря своему духовному оптимизму и своей убежденности в своей миссии спасения старой веры Аввакум не мог целиком разделять рассуждения о последнем отступлении, неизбежности прихода в самое близкое время антихриста и его окончательной победе над русской православной церковью. Темы зловещего 1666 года, последнего отступления и победы антихриста интересовали его прежде всего в порядке обличения «никониян», и он обычно трактовал их попутно, в виде устрашающих иллюстраций, мало останавливаясь на деталях и конкретных, точных определениях. На почти что тысяче убористых колонок наиболее полного собрания его сочинений, изданного Я. Л. Барсковым и П. С. Смирновым, толкования об апокалиптическом числе 666 или 1666-м антихристове годе встречаются очень редко, да и то скорее в виде упоминаний, чем длительных и развитых рассуждений. До своей ссылки в Пустозерск протопоп в своих челобитных и посланиях вообще никогда не упоминал последнего отступления, пришествия антихриста или возможности близкого конца света. В одном из своих наиболее ранних сохранившихся произведений он настойчиво повторял, что врата адовы не одолеют церковь, и, осуждая ие-

рархов, поддерживавших правку книг, он шутливо называл их «дрождями прокислыми мудрецами», а о самой правке отзывался в общих чертах только как о еретической порче книг.

В первой челобитной к царю, поданной в том же 1664 году, он тоже очень сдержанно писал о расколе и раздоре в церкви, происшедшем, по его мнению, из-за любоначалия иерархии, называл дело Никона агарянским — то есть басурманским или языческим — мечом, сравнивал самого бывшего патриарха с Арием и римским папою Формозом, но ни словом не упоминал о последнем отступлении или полном предательстве всего церковного возглавления. Никон был тогда для него просто злым еретическим начальником, которого достаточно устранить, и тогда «кротко и тихо все государство твое [царя] будет, яко и прежде Никонова патриаршества было». Мир в церкви зависит, писал протопоп, только от воли «света государя», «светоносное» лицо которого он жаждал видеть и «глагол священнолепных уст» которого он жаждал слышать. В таких же тонах были написаны его вторая и третья челобитные, поданные уже после второй ссылки в Мезень, но еще до окончательного разрыва в 1667 году. В них он постоянно делал указания на главенствующую роль и ответственность государя в делах церковных и возлагал на него все свои надежды, так как в то время он, видимо, уже перестал верить, что владыки-архиереи образумятся и сами выступят на защиту подлинного благочестия: «аще архиереи справитии не радят, по не ты, христолюбивый государь, ту церковь от таковыя скверны потчися очистить... да поспешит ти, государю, благоговейно исправити, и лутчее в державе твоей присно зрети...» Как это ни странно, но даже после соборов 1666—1667 годов и ссылки в Пустозерск Аввакум все еще долго не мог расстаться с иллюзиями возможности возвращения самого царя к старой вере. В так называемой четвертой челобитной, посланной уже в 1668 году, протопоп продолжает именовать его «государем царем, державным светом» и со смирением высказывает мысль, что Господь простит тех членов собора, которые его проклинали и расстригали, так как это случилось не по их вине, но потому, что это сам «диявол наветом своим строил».

Только в последнем послании к Алексею Михайловичу, в котором он как бы прощается с ним и подводит итоги многочисленных, но неудачных попыток возвратить его к правой вере, Аввакум говорит о последнем отступлении, которое внесет ереси пагубные. Пессимистическая нотка звучит и в замечании, что «в скончании века тако будет: мало Христово стадо, много ж сатанино и антихристово воинство будет». Но и в нем, несмотря на предсказание тяжких болезней царя и вышеупомянутое указание, что Алексей Михайлович только царь Руси, а протопопу Богом подчинена вся земля и небо, Аввакум находит еще силы сказать ему несколько ласковых слов: «царю христи-

анский», «свет Михайлович», а никониан обозвать только дураками: «глупы веть они дураки... горе им бедным будем». А в почти что одновременном, недавно открытом известным аввакумистом и охотником за старыми рукописями, В. И. Малышевым письме сестре царя, царевне Ирине Михайловне, все еще слышится надежда на возможность обращения царя к старой вере: «Умоли царя, чтобы мне дал с никонияны суд праведный, да известна будет вера христианская и никониянская», — писал протопоп, и хотя и упоминал об антихристе, но говорил о нем тоже только в самых общих выражениях.

Только после 1670 года, когда Аввакум убедился, что все его доводы не производят никакого впечатления на царя, и смог наблюдать первую суровую волну преследований, его отношение к Алексею Михайловичу резко меняется. Протопоп теперь верит, что Никон и его приспешники превратили царя в последователя ереси, и не щадит его, говоря о нем в самых резких выражениях. «А царя Алексея велю (sic!) Христу на суд поставить. Тово надобно мне шелепами [батогами] медяными попарить»,— угрожает он в том же недавно открытом тем же В.И. Малышевым «Слове о рогатом клобуке». «Грабишь нас и обижаешь нас от креста», «престани-де, государь, проливати кровь неповинных», «беспрестанно пьет кровь свидетелей Исусовых», «безумный царишка», апокалиптический «зверь-царь лукавый, любяй лесть и неправду», «царь отщепенец» и другие менее подходящие для печати выражения постоянно теперь встречаются в писаниях протопопа, который не любил щадить тех, кого зачислял в число противников благочестия. Но и все эти обильно рассыпанные на его страницах и относившиеся к царю эпитеты все еще не значили, что он полагал, что Московское царство погибло для веры Христовой и попало под власть антихриста. Византийская история, о которой он имел понятие по сочинениям отцов церкви, повести о падении Царьграда, Хронографу и летописям или выдержкам из летописей, которые постоянно циркулировали по рукам московских книжных людей, очень часто упоминали о византийских императорах-еретиках, а иногда даже давали полные списки всех владык Византии, отмечая, кто из них был отступником от веры. Поэтому воспитанный на византийско-московском понимании власти, обязанностей и роли царя Аввакум мог легко себе представить, что после смерти царя-еретика старая вера снова станет верой Руси с помощью нового православного царя. Что же касается самого царя Алексея, то ведь и древние отцы церкви с Иоанном Златоустом во главе писали о царях-отступниках, да и русские церковные писатели, в частности Иосиф Волоцкий в своем «Просветителе», с которым Аввакум был знаком, указывали, что цари бывают и еретиками и отступниками и что их подданные не обязаны слушаться таких правителей.

Часто цитируемое замечание протопопа: «В коих правилах писано царю церковью владеть, и догматы изменять, и святая кадить?» — относилось именно к самому царю Алексею, а не вообще к отношениям царства к церкви, так как после смерти царя Алексея протопоп обратился с трепетным молением о возвращении к старой вере к новому государю Феодору Алексеевичу: «Аще не ты по Господе Бозе, кто нам поможет?» — писал он в этой челобитной. «Тобою хощет весь мир просветиться, о тебе люди расточенные радуются, яко Бог дал нам державу крепкую и незыблиму». Протопоп называл этого нового царя блаженным и триблаженным, дитятком красным церковным и находил несколько теплых слов даже в отношении патриарха и бояр. «Говорите Иоакиму, тому патриарху, перестал бы от римских законов. Дурно затеяли право! Простой человек Яким-ат: тайные те шишики приходили из Рима [здесь протопоп, видимо, подразумевает учившихся в Риме греков вроде Арсения и Паисия Лигарида], те его надувают аспидным ядом. Прости Якимушка-батюшка: спаси Бог за квас, что дал егда напоили меня жаждущаго!» — писал он о патриархе, который, будучи архимандритом Чудовским, допрашивал и упрашивал Аввакума во время соборов 1666 — 1667 годов. О боярах он говорил еще приветливее: «Мои вы все князи и бояре, отступникам до вас делу нет!» Разве мог бы писать протопоп такие слова уже в 1676 году, обращаясь к царю, боярам и патриарху, если бы он вполне утратил надежду на обращение православной Руси к старой вере и пришел к убеждению, что антихрист одержал в ней свою окончательную победу и что последнее отступление уже произошло. В искренности его трудно сомневаться, так как и в этом послании-челобитной он в самых резких выражениях говорит об отце царя, недавно умершем Алексее Михайловиче. Несколько лет спустя, видимо в самом конце 1670-х годов, он с упреком пишет попу Исидору: «А о царе Феодоре, за что не молите Бога, добрый он человек, спаси его Господи...»

Почти что перед своей казнью Аввакум, действуя из своей подземной пустозерской тюрьмы, организовал с помощью оставшегося на воле игумена Дорофея целый заговор для подачи торжественной челобитной царю Феодору Алексеевичу с целью убедить его в правоте старого благочестия и с его помощью вернуть Третий Рим к чистому православию. Это еще раз показывает, что до самых последних дней своей жизни он верил в православную Русь древней веры и возлагал надежды на ее восстановление, прежде всего на царскую власть, как это в свое время отмечал Н. Ф. Каптерев и совсем недавно немецкий историк Х. Нойбауэр. Ведь недаром идеалом правителя, способного восстановить порядок в церкви, для него был Иван Грозный, который, по его мнению, быстро бы расправился с Никоном и его последователями. «Миленький царь Иван Васильевич скоро бы указ зделал такой собаке»,— писал он, противопостав-

ляя грозного царя слабохарактерному, по его мнению, царю Алексею.

Такая упорная надежда на конечное торжество истинного православия в России определяла отношение пустозерского отца к апокалиптической проблеме, числу 666 и к вопросу об антихристе. Для понимания этой проблемы Аввакумом очень характерен уже упомянутый рассказ о видении им антихриста, который он поместил в 8-й беседе его «Книги бесед», записанный, по всей вероятности, около 1672 года. Однажды, описывает протопоп, он заснул во время молитвы и увидел себя в чистом поле, по которому двигалось множеств лиц. На его запрос, что происходит, он получил ответ, что навстречу ему грядет антихрист. Но Аввакум нисколько не ужаснулся, наоборот, «бодро» подперся своим протопоповским посохом и стал ждать. Наконец он увидел, что два человекоподобных существа в белых рясах ведут к нему «нагово человека,— плоть-то у него вся смрад и зело дурна, огнем дышит, изо рта и з ноздрей и из ушей пламя смрадное исходит». Вслед за этим существом, которое оказалось самим антихристом, следовала длинная процессия, возглавляемая самим царем Алексеем Михайловичем и властями. Протопоп рассказывает дальше, что «егда ко мне привели его, я на него закричал и посохом хощу бить. Он же мне отвечал: что ты, протопоп, на меня кричишь? *я нехотящих не могу обладать, но волею последующих ми сих во облости держу. Да, изговоря, пал предо мною, поклонился на землю*». Свой рассказ Аввакум заканчивает замечанием, что «скоро ему быть», но, несмотря на это и на другое замечание, что сам царь и власти следуют за антихристом, сама картина того царя тьмы, преклоняющегося до земли пред Аввакумом и боящегося протопопова посоха, вряд ли была способна вызвать чувство непобедимой силы антихриста, который скорее представляется здесь каким-то пугалом, чем предвестником всеобщего религиозного отступления на земле. При этом антихрист, по словам Аввакума, сам признался, что может овладеть душами только тех, кто был готов повиноваться ему.

Насколько растяжимо и неглубоко было понятие Аввакума об антихристе, видно и из его беглого замечания в «Послании к братии на всем земном шаре», в котором он меланхолически высказывает мнение, что «и мы антихриста боимся и сами антихристи бываем», иными словами, разъяснял, что всякий человек, который грешит, делается в какой-то степени антихристом или его прообразом. Далее, в том же послании, он высказывает уверенность в конечной победе старой веры над происками антихриста: «Войско их побито будет на месте неком Армагедон... телеса их птицы небесные и звери земные есть станут; пускай оне нынче бранят Христа, а нас мучат и губят: отольются медведю коровьи слезы — потерпим, братья! не поскучим, Господа ради!» Такие оптимистические замечания и рассуждения о ко-

нечном поражении антихриста и о победе старого благочестия можно встретить почти что во всех работах Аввакума, тон их хотя иногда и меняется, но все же всегда остается в общем уверенным и бодрым. Отдельные более пессимистические высказывания и указания на то, что антихрист скоро появится, не меняют общей картины оптимистического настроения этого наиболее видного и влиятельного пустозерского отца, который нередко повторял: «Дайте только срок, собаки! [подразумеваются враги старого благочестия], не уйдете у меня! Надеюся на Христа, яко будете у меня в руках! выдавлю я из вас сок-от!»

Взгляды протопопа на царя, Московское царство и на проблему антихриста были во всем подчинены его отношению к «никониан-ской» Церкви, которое было в значительной степени двойственным. У него, конечно, не было ни малейшего сомнения, что все «никониянские» новшества были ошибочны и пагубны для церкви и что, согласившись на них, сами иерархи русской церкви поддались влиянию злых сил и впали в ересь. «Столпи поколебашася наветом сатаны, патриархи изнемогоша, святители падоша, и все священство еле живо,— Бог весть,— если не умроша»,— писал он царю Феодору в своей челобитной 1676 года. «Никонияньский дух, дух самого сатаны»,— указывал протопоп; сам Никон был для него «шишь антихристов», и поддерживание отношения с «никонианами», которых он был готов перерезать, «как мерзких и студных жеребцов, что собак», было в его глазах вредным и опасным для души делом. «Не водись с никонияны, не водись с еретиками: враги они Богу и мучители христианам, кровососы, душегубцы»; «лучше принять чувственного змия василиска в дом, нежели никониянская веры и учения»; «да не молитися с еретики вкупе и в церкви, или в домех их»; «паче прежних еретик никонияне... блюдитесь от злых деятелей, не принимайте в дом свой никониян собак»,— постоянно повторяет он в своих посланиях. Аввакум, конечно, запрещает обращаться к священникам, признавшим новые книги и оставшимся верными церковному руководству. Но он все же не делает из этого вывода, что благодать безвозвратна и окончательно иссякла в православной церкви. Присоединившись в 1668 или 1669 году в «Ответе православных» к мнению дьякона Феодора о недействительности новых, сделанных после 1654 и особенно после 1666 года рукоположениях священников, Аввакум впоследствии переменил свое мнение. Ему, конечно, было не по душе констатировать вместе с дьяконом и с Авраамием только агонию церкви. Наоборот, ему казалось необходимым, не теряя времени, строить и укреплять общество последователей старого благочестия, которое бы сохранило традицию и предание православия до тех пор, пока истинно православный царь снова не сделает Русь Третьим Римом.

В своем послании к «Рабом верным», написанным, по сведениям известного старообрядческого историка и библиографа Павла Любопытного, в том же 1669 году, то есть почти что одновременно с посылкой «Ответа» в Москву, Аввакум разрешает своим детям

духовным не только ходить в те церкви, в которых новопоставленные священники служат по старым книгам, но и позволяет им брать такого священника в духовники: «А иже в православных церквах, где пение [церковная служба] без примеси внутри олтаря и на клиросах, а поп новопоставленный, о том посудит. Аще он поп проклинай никониян и службу их, и всею крепостью любит старину, по нужде настоящего времени, да будет поп! Как же миру быть без попов? К тем церквам приходить!» Позже в послании к отцу Ионе, которое датируется 1676—1680 годами, Аввакум делает оговорку, что все же такие новые попы могут служить все службы, кроме литургии, так как «страшно бо дело се и чистых рукополагаемых». Но он все же делает исключение для тех «новых» священников, которые кровь свою излиют за старое благочестие и тем добавочно освятятся Высшим рукоположением, и «будет оттоле поп совершен: литургисав, и причащает невозбранно». Трудность найти таких священников, которые пострадали за веру и все же остались на свободе, заставляет его снять и это ограничение, и он заменяет это мученичество добавочным покаянием: «Чаю, егда новик [то есть священник нового рукоположения после 1666 года] оплачет себя стонаше, призовет духовное действие и в комкании» [комкание — причастие, от латинского communicatio]. Наконец, Аввакум признавал действительным и крещение, совершенное даже «не раскаявшимися никониянскими попами», но советовал после этого прочитать добавочные молитвы, но не перекрещивать таких младенцев. Вопрос нового священства и признания действительности совершаемых ими таинств остался для Аввакума все же наиболее трудным, и нередко он дает несколько противоречивые советы в разных посланиях, даже написанных, видимо, в одно и то же время, что и не было удивительным ввиду сложности положения старообрядцев.

Ввиду немногочисленности священников, сохранивших полную верность старому благочестию, и почти что полного отсутствия церквей, в которых они могли бы совершать богослужения, особенно острым и важным для старообрядцев стал вопрос возможности совершения таинств исповеди и причастия. Проблему исповеди Аввакум решил, внося в православную практику новые и весьма необычные черты. За неимением священника он советовал исповедоваться у благочестивых и сведущих в церковных делах мирян. «Есть в правилах,— пишет,— повелевает исповедатися искусному простолюдину, нежели невеже попу, паче же еретику». Но протопоп вразрез с православным русским обиходом полагал, что такая исповедь дает человеку не только нравственное облегчение, но и может почитаться за таинство, так как при этом кающемуся отпускаются грехи. «Исповедайте друг другу согрешения, по Апостолу, и молитеся друг о друге яко исцелите»,— добавляет он, давая этим понять, что такая исповедь полностью заменяет исповедь у священника. Не менее необычны были его советы и для причастия, для ко-

торого он рекомендовал в отсутствие священника пользоваться заранее полученными из благочестивой церкви запасными дарами. «Аще нужда приведет, и причаститься без попа можно святым комканием»,— советовал он и предписывал совершать при этом даже особую короткую домашнюю службу, во время которой верующие миряне должны были кадить, класть поклоны и читать полагающиеся при причастии молитвы. Он, несомненно, понимал, что вводит в жизнь своей заочной паствы и вообще последователей старого благочестия весьма необычные в православной жизни нравы и обряды, которые, по существу, были гораздо большим отступлением от устава, чем сами «никониянские» новшества, но он советовал их лишь как временное, преходящее исключение, ввиду «нынешнево, настоящево огнеопального времени».

В этих постоянных и настойчивых поучениях и советах Аввакума слышится не только вождь церкви, учитель, защитник и проповедник праведной в его глазах веры, но и духовник, сердцу которого близки и важны интересы его духовных детей. Число их у него было очень велико и исчислялось многими сотнями, если не тысячами. Авторитетный и уверенный тон протопопа, его сильная воля, внимание, ласка и одновременно строгость не могли не привлечь к нему сердца и души верующих, которым, конечно, очень редко приходилось встречать человека такой твердой веры, строгого аскетизма и молитвенного подвига. Как и все его русские современники, Аввакум твердо держался буквы деталей и предписаний обряда, и в его наставлениях верующий находил привычную, но строгую и точную схему предписаний ежедневной духовной жизни. Сам он был примером такой несколько формальной обрядовой религиозности, много и горячо молился, строго, даже иногда слишком строго, соблюдал посты. Так, например, в 1671 году Аввакум и его друг Лазарь во время Великого поста провели сорок дней в полном воздержании от пищи, а десять дней «и воды не хлебали, да правила было отстали» и стали снова пить воду. В «Послании к Борису» он подробно рассказывает, сколько времени он проводил со своей семьей каждый вечер в молитве, отслужив перед этим в церкви все полагающиеся по уставу службы. После ужина он прочитывал со всей семьей ряд канонов, кондаков, молитв, а после этого уже только вместе с женой принимался снова за молитву, во время которой он клал 50 и затем еще 300 земных поклонов и читал 600 раз молитву Иисусову и 100 раз молитву Богородице. Он наставлял своих духовных детей молиться так же часто и усердно. Узнав, что одна из его последовательниц, известная уставщица Вознесенского монастыря Елена Хрущева, впав в аскетическое рвение, разлучила с мужем некую Ксению и чуть не явилась причиной смерти ее ребенка, он не только строго разбранил ее, но и дал семилетнюю епитемию: три года отлучения от общения с вер-

ными и от входа в церковь, два года стояния затем только в притворе без входа в церковь и еще два года посещения церкви без причастия. Кроме обычных молитв и поклонов он положил ей делать каждый день еще тысячу метаний [глубоких поклонов]. Однажды он запер на три дня под пол своей избы без еды и питья одну легкомысленную жительницу Тобольска, которую он поймал в то время, когда она грешила с чужим мужем. Эта грешница едва не лишилась чувств от холода и голода, да и, выпустив ее из подполья, Аввакум велел ей класть бесконечные поклоны, а пономарю приказал ее отстегать. Доставалось от него и его любимой дочери духовной, боярыне Морозовой, которую он называл «глупая, безумная, безобразная... окаянная». Но для нее же и ее сестры, когда они попали в тюрьму, у него находились и самые ласковые и патетические выражения. «Детки мои духовные...», «...земние ангелы и небесные человецы! О, святая Феодосия, и блаженная Евдокия, и страстотерпица Мария», «...светлые и доблие мученицы, столпи непоколебимые. О, камение драгое: и акинф, и измарагд, и аспис! О трисиятельное солнце и немерцающие звезды!» — писал он ей, ее сестре княгине Урусовой и Марии Даниловой, нанизывая один за другим десятки и трогательных и торжественных эпитетов. В другом письме Морозовой он показывает себя тонким психологом, чутко отзывается на смерть ее сына и жалеет ее, что ей некого больше ласкать и наказывать. «И тебе уже неково чотками стегать, и не на ково поглядеть, как на лошадки поедет, и по головке неково погладить». Умение подойти к душе своих прихожан, найти нужные ласковые слова, которые встречаются не только в его прославленных письмах к Морозовой, но и почти что во всех личных посланиях, заслужило Аввакуму большую славу и создало ему вместе с его стойкостью и литературным талантом руководящее положение среди старообрядцев.

Несмотря на всю привязанность Аввакума к обрядовому исповеданию православия, все-таки не исполнение обряда, а любовь к Богу и ближнему была центральным местом его учений. В «Книге толкований и нравоучений» он посвящает целый длинный отдел вопросу, как нужно жить в вере. «Прежде всего имейте страх Божий в сердцах своих, да от того научитеся и Бога боятися. Се бо чада, заповеди Божия, еже любити Бога всем сердцем и всею душою, и всем разумом, и всем помышлением твоим. Ходящу ти, и седящу, и возлежащу, да парит ум твой горе к Богу, и яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая рассуждая о себе». Господа надо всегда величать и прославлять и постоянно помнить, что Сын Божий вочеловечшался и сошел на землю и пострадал ради нас — учил протопоп. Но одной верой и любовью к Богу, по его мнению, настоящий христианин не может ограничиться. И поэтому Аввакум постоянно напоминает второй закон Христа — «возлюби ближнего своего, яко самого себя». Он наставляет, что для

другого надо делать то же, что хочешь сделать и для самого себя, и из этого делает совсем не подходящий для нынешних писателей, говорящих о демократизме Аввакума, вывод: «Се бо есть равенство! — а по превосходному уму себе желай хуждьшее, а искреннему лутшее... богатому поклонись в пояс, а нищему в землю... ударит кто тебя по ланите — обрати ему и другую и, отошед, ему же поклонися».

Заботы Аввакума о своей пастве, желание сохранить для сторонников древнего благочестия священство, сравнительная умеренность в отношении государства и «российской» церкви, за которой он все еще признавал сохранение благодати, делали из него предвестника будущего поповского старообрядчества, но вместе с тем в его писаниях было немало и других черт, которые сближали его с религиозными радикалами, из которых выросли беспоповцы, и помешали ему выработать стройное и последовательное учение.

Наиболее странным диссонансом экстремизма в устах оптимиста, столь любившего людей и целиком принимавшего жизнь земную, звучали в его посланиях рассуждения о страшных гарях, которые начали шириться сначала в Поволжье, а потом и на Севере России. У протопопа тогда было достаточно авторитета, чтобы осудить и остановить эти ужасные самоубийственные смерти, которые проповедовали совсем не его ученики, но последователи изувера Капитона. К сожалению, он видел в них доказательство преданности русского народа старой вере, в какой-то степени пропагандное и эффектное стояние против «соблазнов никонианства». Вовсе не бегство от антихриста в спасительный огонь гарей руководило им, когда он восторгался этими самосжиганиями и поощрял распространение «новоизобретенного способа самоубийственных смертей». «Добро почитати сожженных за правоверие отец и братий наших»,— умилялся он и прибавлял: «На места образная их не поставляем, дондеже Бог кое-кого прославит... а до тех[времен], сожженные кости держим в честном месте, кажение и целование приносим пострадавшим за Христа Спаса». Какое-то болезненное умиление пред этим религиозным ухарством и изуверством слышится в его похвалах: «Русачьки же, миленькия, не так!— во огнь лезет, а благоверия не предает...» Сравнивая самосожженцев с комарами, добровольно летящими на огонь костра, он как-то странно хвалит их действия: «Так же и русаки бедные, пускай глупы, рады: мучителя дождались; полками во огнь дерзают за Христа Сына Божия-света». В другом месте он тоже проявляет не менее странный восторг: «А в Нижнем *преславно* (!) бысть: овых еретики пожигают, а инии распалившеся любовию о правоверии, не дождавшись еретического осуждения, сами в огонь дерзнувше...»

Восторгаясь этим русским духовным бесстрашием, он даже подыскивает соответствующие случаи в истории раннего муче-

ничества и русской истории, чтобы богословски оправдать и благословить самосжигание. Под конец жизни Аввакума к нему в Пустозерск пришел из Сибири посланник, запрашивая, должны ли там его последователи сжигаться или нет. Там, в Тюмени, в 1679 году вместе с 1700 последователями сгорел старый знакомец протопопа, некий поп Дометиан, и собравшееся новое скопище запрашивало теперь Пустозерск, как им поступить. Аввакум одобрил их намерение, но когда посланец вернулся домой, то кандидаты в самосжигатели еще раз запросили Пустозерск, желая получить не личное Аввакума, а соборное, общее всех пустозерцев мнение, как лучше поступить. Пока посланец снова добрался до пустозерцев, все эти четыре отца уже погибли на костре, но не на костре самоубийственной гари, а устроенном правительственным палачом. Позиция Аввакума по вопросу гарей была тем более странна и нелогична, потому что он совсем не был обуян страхом антихриста и думал вовсе не о конце старой веры, а наоборот, о ее конечной победе. Эта неувязка в его рассуждениях стоила жизни не одной тысяче человек и наложила мрачный оттенок на заключительные годы его проповеди.

Многие умеренные старообрядцы, как, например, игумен Досифей, Евфросин и другие возмущались Аввакумом за его подстрекательства к самосжиганиям и строго осуждали его за его прославляющие гари послания.

* * *

Распространение старообрядческого «мятежа» и образование центров сопротивления «древлего благочестия» в 1670-х годах в значительной степени выясняется из переписки протопопа Аввакума. Несмотря на все меры предосторожности, принятые правительством, четыре старообрядческих учителя вовсе не были так изолированы от массы своих последователей, как это казалось и было желательно правительству и высшему церковному руководству. Мученическое пустозерское сидение самого протопопа и его товарищей завоевывало симпатии их стражей и местного населения. Из писаний Аввакума и его соузников видно, что сами стрельцы, охранявшие их подземные тюрьмы, помогали старообрядческим сидельцам сноситься с их единомышленниками на свободе. Так, например, пересылая уже в 1669 году на Мезень письмо своей семье, протопоп писал, что шлет его со стрельцом М. Машигиным и просил, чтобы его послания были пересланы дальше и, в частности, чтобы в Соловки его писания отвез его любимый последователь и ученик юродивый Федор. Там, в Мезени, послания и трактаты, шедшие из Пустозерска, переписывались и размножались и оттуда

до конца 1669 года они распространялись по всей России. Первая письменная связь с Соловками установилась у Аввакума во время его пребывания в Москве в 1664 году, когда он рекомендовал царю поставить во епископы будущего вождя соловецкого мятежа архимандрита Никанора. Сопротивление знаменитого монастыря церковным новшествам, естественно, вызвало энтузиазм среди пустозерских старообрядческих вождей, и когда монастырь пал, то они в своих письмах уверяли, что замученные соловецкие монахи на том свете наказывали умершего царя Алексея Михайловича, распиливая его тело и подвергая его другим мучениям.

Появление в 1669—1670 годах в Пустозерске и Мезени стрелецкого полуголовы Елагина, где он повесил энергичного и непреклонного юродивого Федора, а семью Аввакума посадил в подземную тюрьму, очень усложнило связь пустозерского «центра» с внутренней Россией, но все же и после этого нашлось немало преданных людей, которые взяли на себя подвиг связи старообрядческих вождей с их единомышленниками.

Хотя юродивому Федору и не пришлось поддержать связь Аввакума с Соловками, вполне вероятно, что, несмотря на осаду, пустозерцам все же удавалось переписываться с соловчанами и они были в курсе дел соловецких событий. Первые годы осады блокада монастыря велась только с суши и не могла прервать сообщения обители с континентом. В течение нескольких лет поморскому населению удавалось доставлять в монастырь овощи и другие припасы, и возможно, что им же поручалась старообрядческими заправилами передача писем и известий из Пустозерска и других мест России. Правда, переписка не сохранилась, но это немудрено, так как при взятии монастыря и истреблении его защитников взявшие его войска вряд ли интересовались какими-нибудь письмами или другими документами.

После разгрома мезенского этапа связи старообрядческие посланцы возили писания четырех пустозерских сидельцев уже прямо в Москву и другие области России. Среди этих посланцев особенно выделялся другой последовавший за протопопом на север юродивый, Киприан, в 1660-х годах отличавшийся своей активностью в Москве, который в конце концов пострадал за свою преданность Аввакуму: 7 июля 1675 года он был казнен в Пустозерске, где ему по приказу из Москвы отсекли голову. Помимо Киприана значительную роль в поддержании связи играл инок Филипп, в миру Феодор Трофимов, бывший одно время подьяком при патриархе Никоне. В 1650-х годах он был сослан сначала в Тобольск, а затем, после собора 1666 года, в Пустозерск. Филипп долгое время проживал на Кяткозере с знаменитым мафусаилом раскола старцем Корнилием и, видимо, оттуда и из других мест Поморья он наладил сношения пустозерца с другими центрами раскола. После вступления на трон царя Феодора, то есть после 1676 года, он был арестован, отве-

зен в Москву и уже там «сожжен огнем бысть». Ко времени казни Киприана относится не проведенный в жизнь проект перевода протопопа с «товарищи» из Пустозерска в Кожеозерский и Каменноспасский монастыри, находившиеся около Архангельска и Вологды. Правительство, по всей вероятности, предполагало, что перевод на новое место, ближе к Москве, приведет к лучшей изоляции старообрядческих вождей. Приказ о переводе был послан, но не состоялся по каким-то, по всей вероятности, техническим причинам.

Из весьма многочисленного кадра пустозерских «связистов» известен и московский священник Дмитрий, бывший в начале 1660-х годов настоятелем церкви Жен Мироносиц при палатах известной своими симпатиями к старой вере боярыни Анны Петровны Милославской. При патриархе Никоне Дмитрий было принял новый обряд, но затем раскаялся, вернулся к старой вере и поселился где-то вблизи Пустозерска, где и служил в неизвестной историкам церкви, посылал просфоры и запасные дары Аввакуму и помогал ему поддерживать связь с Москвой, где жила его жена Маремьяна Федоровна, упорная и твердая последовательница Аввакума. Сама Маремьяна, которая разошлась со своим мужем-священником из-за его временной измены старой вере, долго оставалась в Москве, была одним из главных агентов протопопа в столице и передавала его благословения, поручения и советы московским «верным».

Вообще связи пустозерцев с Москвой и другими центрами, особенно в конце 1660-х и начале 1670-х годов, до гибели боярыни Морозовой, были настолько прочно организованы, что протопоп посылал целые бочки освященной им воды своим духовным детям, получал от них деньги, одежду, еду и даже малину, до которой он был большой охотник.

Московская группа последователей Аввакума и других вождей старого благочестия после казни Авраамия и смерти боярыни Морозовой осталась без авторитетного возглавления. Правда, в Москву часто наезжал игумен Досифей, но, боясь правительственных репрессий, он здесь никогда долго не оставался, и, не будучи коренным москвичом, он, видимо, не смог объединить всех местных старообрядцев в единое сильное ядро. Тем не менее бывшие друзья и последователи Аввакума и Морозовой составляли в Москве центральную и наиболее влиятельную группу. Помимо Досифея к ней принадлежал и другой любимый ученик Аввакума, некий игумен Сергий, известный также под своим светским именем Симеона Крашенинникова. Так же, как и Досифей, игумен Сергий, видимо, бывал в Москве только наездами и вместе с ним принадлежал к числу ревностных организаторов старообряд-ческого движения. Одно время он увлекся учением самосжигателей, о котором с энтузиазмом отзывался и сам Аввакум, и распространял письма протопопа, в которых тот оправдывал и хвалил самосжигание. Но, увидев на

практике, в какие ужасные крайности впали проповедники «новоизобретенного способа самоубийственных смертей», игумен Сергий разочаровался в гарях и вместе с Досифеем стал одним из решительных противников этого изуверства.

Третьим разъездным эмиссаром, нередко навещавшим Москву, был священник Иов Тимофеев, который перед смертью причастил боярыню Морозову, а позже вместе со старцем Корнилием и Досифеем вел проповедь раскола на Дону.

Из числа духовенства в Москве надо отметить еще двух корреспондентов протопопа, попа Козьму и попа Стефана, который позже, во время старообрядческой попытки 1682 года вернуть Московское царство к старой вере, служил напутственный молебен о. Никите Добрынину, игумену Сергию и другим участникам этого заговора. Близок и дорог протопопу Аввакуму был и поп Козьма на Кулишках, один из первых эмигрантов из Москвы на юго-запад, в Стародубье, о котором Аввакум писал: «Козьма добрый человек,— я в его церкви и детей своих духовных причащал [в 1664 году]. Со мною говаривал; он обедню поет в алтаре, а я на клиросе у него певал». Хотя некоторые источники указывают, что священник Козьма с группой своих прихожан ушел на Стародубье уже в 1668 году, сейчас же после большого патриаршего собора, но, как указывал П. Смирнов, автор этой информации, видимо, ошибся, так как священник Козьма еще в 1676—1677 годах проживал в Москве и там платил окладные сборы, да и Аввакум упоминает его как жителя Москвы еще в конце 1670-х годов.

Более холодные, а порой и неприятные отношения были у протопопа Аввакума с известным московским старообрядческим священником Исидором, который фанатически враждебно относился к духовенству, поставленному после начала реформ Никона, нередко выступал против брака как явления, не подобающего в мире, обреченном на господство антихриста, осуждал чадорождение, да и вообще занял крайнюю религиозно-пессимистическую позицию среди московских ревнителей доброго благочестия. Так же, как и с Исидором, протопопу приходилось бороться и с представительницей старой дворянской семьи Еленой Хрущевой, которая, впав в эсхатологический ужас, тоже возмущалась, что в их апокалиптическое время люди смеют еще жениться и рождать детей, настояла на расхождении некой Ксении Гавриловой с ее вторым мужем и чуть не уморила их ребенка. Возможно, что в данном случае некоторую роль играла и вражда разных аристократических семей. И Елена и Ксения принадлежали к высшей московской аристократии, и обе были в свое время близкими подругами погибшей боярыни Морозовой. Елена Хрущева даже была наставницей в бывшей морозовской обители, которая или в Москве, или в окрестностях столицы сохранилась и оставалась после смерти Морозовой под руководством все той же инокини Маланьи. Около

обители инокини Маланьи группировались и другие друзья Аввакума из среды морозовского круга. В числе их следует упомянуть племянниц Морозовой — княжен Анастасию и Евдокию Урусовых; некоего Бориса, одного из редких представителей боярства, оставшихся верными старому обряду; Ксению Ивановну, бывшую казначею Морозовой, и ее брата Игнатия; Марию и Андрея, сестру и брата Исайи (погибшего на костре дворецкого Салтыковых), и вышеназванную Маремьяну Феодоровну. Было среди них и много других из числа той «всей тысящи», о которой пишет Аввакум, но имена их и положение теперь уже очень трудно установить.

Немало этих неизвестных или малоизвестных старообрядческих исповедников стало жертвой преследований в 1670-х и 1680-х годах. Так, например, наряду с уже упомянутыми старообрядческими вождями из Москвы — иноком Авраамием, дворецким Исайей, иноком Филиппом (Феодором Трофимовым), Морозовой, ее сестрой Урусовой и другими старообрядческий синодик упоминает в числе жертв того времени каких-то Максима, инока Иосафа, Михаила, Никиту, инокиню Иустину и несколько десятков других стояльцев за веру, погибших в Москве от руки палача.

Конечно, многие из этих друзей Аввакума только изредка бывали в Москве, да, по всей вероятности, и обитель Маланьи, уехавшей из дома Морозовой накануне ареста боярыни, была уже в начале 1670-х годов перенесена куда-нибудь в подмосковное селенье. Некоторые же из них, как, например, Феодора Нарышкина, урожденная Хамильтон, вообще скрылись от преследований из Москвы и жили в провинции или же, даже оставаясь в Москве, старались не попадаться на глаза правительству и не афишировать своих взглядов на веру.

Одним из важных районов для постоянного или временного исхода из Москвы, видимо, было Пошехонье, область к северу от Волги в пределах бывшей Костромской губернии. Известный старообрядческий деятель того времени Евфросин, основатель Курженской пустыни, которого некоторые исследователи смешивают с умершим в 1660-х годах другим иноком, Евфросином, другом старца Епифания, соузника Аввакума, пишет, что в пошехонских пределах около города Романова сожглись две инокини из морозовской обители, что там проживала преданная Аввакуму Маремьяна Феодоровна и что там бывала и сама Морозова со своей сестрой княгиней Урусовой. Так как Евфросин говорит, что Морозова пришла в ужас от картины обгоревших трупов участников гарей, можно думать, что он упоминает о самосожиганиях конца 1665 года, о которых писали в своих донесениях воевода С. А. Зубов и другие участники экспедиции 1665 года против лесных старцев, или даже о более ранних гарях, оставшихся неизвестными историкам. Уже сам факт этой карательной экспедиции 1665 года в Пошехонье показывает, что апокалиптические проповеди лесных старцев вносили большое смущение в умы тамошнего населения

и, вероятно, вели к широкому распространению самоубийственных смертей. Там же, в Пошехонье, в 1670-х годах организовывал своих последователей и распространял письма Аввакума, в которых последний хвалил самосожжения, и самый любимый из находившихся еще на воле учеников Аввакума, вышеупомянутый Симеон Крашенинников, ставший в 1670-х годах игуменом Сергием. В семидесятых и начале восьмидесятых годов Пошехонье стало одним из главных районов распространения гарей. Здесь помимо Сергия, который выступал скорее в роли советника, чем организатора гарей, «работал» Поликарп, главный затейник огненных смертей в этом крае, который в своих проповедях постоянно ссылался на писания Аввакума. Кроме него чуть ли не на каждой странице Евфросиньева трактата постоянно упоминаются его многочисленные последователи-проповедники: Симеон-«пророк», подьячий Иван Григорьев, сын последнего Иван, некий «звероподобный» Андрей, Тихон Юродивый, чернец Иосиф Поморский, Иван Кондратьев, Иван Коломенский, Корнилий, в данном случае, вероятно, известный старообрядческий мафусаил, основатель Выговской пустыни, старица Капиголина, которая в 1660-х годах обитала в Вязниковских лесах, и многие другие. Число гарей и жертв этих проповедников точно неизвестно, но Евфросин говорит о четырех или даже о пяти тысячах погибших в Пошехонье на кострах самосжигателей только в 1670-х и 1680-х, а возможно, даже уже и в 1660-х годах. Наоборот, другой современник этих гарей, старец Игнатий, рассказывал Дмитрию Ростовскому, что к началу 1680-х годов было «всего» 1920 жертв. Помимо старообрядческих писателей и Дмитрия Ростовского официальные документы тоже подтверждают распространение гарей в Пошехонских лесах, в частности, в окрестностях сел Холм и Кузьмо-Демьянск.

Нетрудно понять, почему именно Пошехонье, через двести лет после гарей «прославленное» М. Салтыковым-Щедриным, стало одним из главных районов проповеди самосжигателей. Этот край был всегда одним из наиболее отсталых и заброшенных в средней России, и здесь уже в 1630-х годах старец Капитон начал свою проповедь аскетического изуверства. Его ученики могли легко скрываться в пошехонских дебрях, и сведения о их проповеди с трудом доходили до Москвы. Возможно, что сюда собирались из Москвы старообрядцы, желающие спастись очистительным огнем, а само Пошехонье, может быть, служило местом добровольных auto-da-fe благочестивых москвичей. Участие в гарях морозовских инокинь как бы подтверждает это предположение. С другой стороны, именно через этот край пробирались посланцы из Пустозерска в Москву, которые нередко доставляли письма Аввакума, прославлявшие гари. Недаром один из проповедников гарей, некий Иван, в своей проповеди, сохранившейся в пародийной передаче Евфросина, прямо ссы-

лается на авторитет пустозерского учителя. Обращаясь к своей пастве, он говорил:

Елице есте добрии, яко же вы возлюбите
себе и спасение свое, со женами и з детми
в Царство [Божие] теките.
Полно вам плутати
и попом откуп давати.
Скорым путем,
да в Царство совсем;
добро сие и сладко, да вам
а не намь. А намь еще пожити на волном свету
нас попы не видят, за вами
что за стенами.
Так нам и свободно,
да вам сие негодно —
добро вам згореть
да не будет вам наветь;
уже мы вас утвердили,
только бы вы не ослабели.
А мы себе поищем иных учеников,
и там нам место будет
и с наш век избудет.
О, братие и сестры, радейте
и не ослабейте!
Великий страдалець Аввакум благословляет
и вечную вам память любезно воспевает:
тецыте, тецыте,
да вси огнем сгорите.

В этой древнейшей русской стихотворной пародии Евфросин, конечно, высмеивал тех проповедников гарей, которые в последнюю минуту уходили из пламени своих костров, оставляя на сожжение своих последователей. Но они делали это, чтобы дальше нести свою страшную проповедь, стараясь спасти от антихриста как можно больше душ своих учеников. В конце концов они сами сгорали в особенно больших гарях, может быть даже состязаясь, кому удастся сжечь наибольшее число верных.

Проповедники самосжигания не являлись единственными представителями церковного раскола в Пошехонье. Кроме этих последователей Капитона там были и подлинные старообрядцы, последователи Неронова, Потемкина, Аввакума и других ранних борцов за старый обряд. За исключением Аввакума, никто из них не одобрял проповедь гарей, и поэтому игумен Досифей, инок Мина, сам Евфросин, жена попа Лазаря, видимо жившая тогда в Заволжье, и многие другие неустанно боролись с этими необузданными апокалиптическими миссионерами. Линия раз-

деления между апокалиптическими миссионерами-пессимистами и подлинными старообрядцами-оптимистами, верившими в победу старой веры, сказавшаяся уже в вопросе о «последнем отступлении», об антихристе и о священстве, делалась все более ясной и резкой. Только отсутствие отчетливой доктрины, чувство общего негодования против правки книг и оскорблений русского православия собором 1667 года все еще спаивали эти совсем различные составные части движения протеста против иерархии и против грецизации русской церкви. Все же Евфросин упоминает о серьезном столкновении «у Тройцы» — в Сунарецкой обители — между игуменом Досифеем и «самосжигателем» Иваном Коломенским по поводу поминанья жертв самосожжения. Иван Коломенский попросил игумена Досифея помянуть погибших самосжигателей. Досифей «рассуждал, отложил поминать. Сами-де себе убили, а не законно пострадали». Тогда Иван Коломенский снова запросил Досифея, на этот раз прося его благословения на самосожжение. На это Досифей снова ответил отрицательно, в чем его поддержал и Евфросин. Оба ссылались на слова Христа: «Аще исповесть Мя кто пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим небесным. И ведени будете пред цари и владыки имени Моего ради, и глаголю вам другом своимь: не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих погубити», а также на слова Его: «Буди верен до смерти,— дам ти венец живота».

Не менее энергично, чем в Пошехонье, пропаганда самосожжения и религиозного радикализма велась в Вязниковских лесах, уже хорошо известных по событиям 1660-х годов и начала 1670-х годов. Здесь заправилами гарей эсхатологического миссионерства были прежние ученики Капитона, оставшиеся на свободе после «похода» 1666 года. Во главе их стоял все тот же Василий Волосатый, которого Евфросин явно по ошибке считал «первым законодавцем» самоубийственных смертей. На самом же деле, как это уже отмечалось, гари начались раньше, или при самом Капитоне, или же при его главных учениках Вавиле и Леониде.

Если в Пошехонье и Вязниковских пределах были главные гнезда пионеров радикального крыла церковного мятежа, то соседняя с ними область вокруг Нижнего Новгорода, особенно по реке Керженцу и в Чернораменских лесах, стала прочным и влиятельным приютом более консервативных старообрядцев, которые сохраняли бóльшую верность духу русского православия, чем «лесные старцы» Капитона. По Керженцу, этому небольшому левому притоку Волги, уже с начала 1660-х годов, когда здесь поселились игумен Сергей Салтыков и инок Евфрем Потемкин, все больше и больше умножалось число старообрядческих скитов и починок. После ареста Салтыкова и Потемкина в 1665 году деятельность керженецких старообрядцев не прерывалась. В начале 1670-х годов главенствующее положе-

ние на Керженце приобрел скит Смольяны, в котором после ареста Салтыкова и Потемкина поселился священник Дионисий из города Шуи. Так как он имел немало запасных Даров и исполнял требы, то в Смольяны стекались массы народа. Несколько позднее, но не позже 1678 года, некий старец Онуфрий основал на Керженце свой скит, ставший известным под его именем. Так как Дионисий был в очень преклонных летах, а следующим за ним по влиянию был старец Онуфрий, то он, как человек энергичный и хороший организатор, сумел сосредоточить у себя поступление всех средств, приходивших от жертвователей на Керженец, чем, конечно, приобрел большую власть в этом районе. Немалое влияние скиту придавали любимый Аввакумом игумен Сергий [Симеон Крашенинников], часто живавший у Онуфрия. Недалеко от него был тоже славившийся своим благочестием скит старца Сафонтия Соловецкого и, кроме того, целый ряд других монашеских пустынь.

* * *

К сожалению, до сих пор остается неизвестным, кто отдал приказ о сожжении Аввакума и его пустозерских единомышленников, но трудно сомневаться в том, что инициатором их казни был тот самый «Якимушка-батюшка», как в своем письме царю Феодору протопоп называл патриарха. Привыкший к военной дисциплине и не любивший церемониться с врагами, патриарх Иоаким не переносил непослушания и неподчинения своей власти и, несомненно, рассматривал церковных «непокорников» просто как дезертиров или ослушавшихся начальства солдат. В годы фактического междуцарствия, 1676—1689, когда после смерти царя Алексея на троне сидел сначала болезненный юноша-наследник — царь Федор, а затем его братья, цари-дети Петр и Иван, за которых их сестра София пыталась управлять Россией из кремлевского терема, крутой и волевой бывший армеец Иоаким оказался одним из старших и наиболее влиятельных придворных и государственных деятелей. Его влияние возрастало с каждым годом. Еще при царе Алексее, едва вступив на патриаршеский престол, Иоаким с помощью собранного им церковного собора быстро и решительно расправился со своим личным врагом архиепископом Иосифом Коломенским. Архиепископ Иосиф стал чуть ли не всероссийской знаменитостью благодаря своему жестокому обращению с подвластным ему духовенством и едкой критике богословски не очень ученого нового патриарха, про которого он говаривал, что тот «не учен, трус и не постоянен». Быстрая расправа со злополучным Коломенским владыкой явно показала, что Иоаким не заслуживал хотя бы последних из этих эпитетов.

В 1675 году, созвав новый собор, твердый, но осторожный и неопрометчивый «Якимушка», предпочитавший санкцию собора личному административному воздействию, добился окончательного проведения в жизнь постановлений собора 1667 года о неподсудности клира гражданской власти и о полном упразднении монастырского приказа. По существу, это было возвращение к традиционно средневековой общеевропейской и русской практике, которая исключала духовенство из общегосударственной юрисдикции, и было значительной победой русского епископата, который, как и католическая иерархия, всегда стремился к независимости от светских властей. Когда на соборе 1666—1667 годов митрополиты Павел Крутицкий и Сарский и Иларион Рязанский протестовали против решения иерархов Востока, что «патриарху быть послушливу царю», они, конечно, отражали настроение большинства русских архиереев.

После смерти царя Алексея, не теряя времени, патриарх Иоаким сейчас же, 14 марта 1676 года, созвал новый церковный собор, на котором еще раз показал, что он не умеет забывать обид, и провел на нем осуждение и ссылку в Кожеезерский монастырь еще недавно очень влиятельного царского духовника Андрея Посникова и настоял на переводе из Ферапонтова монастыря и суровом заключении в Кириллo-Белозерской обители своего бывшего покровителя, а затем врага патриарха Никона[1].

Не менее успешно был проведен Иоакимом собор 1681 — 1682 годов, на рассмотрение которого правительство предложило план широкой, почти что революционной перестройки системы русской иерархии. Справедливо полагая, что в основе главных бед русской церкви — в том числе раскола между сторонниками старого обряда и основным телом церкви; отсутствия связи между владыками и клиром; злоупотреблений епископата и его клевретов-чиновников; недостатков работы низшего духовенства и других трудностей,— прежде всего лежит малочисленность епископов и обширность пределов епархий, советники Федора предложили увеличить число епархий и реорганизовать соотношения между митрополитами и епископами.

От лица московского правительства три царских любимца — Иван Максимович Языков, Алексей и Михаил Тимофеевичи Лихачевы — и новая восходящая звезда русской государственной мысли молодой князь Вас. Вас. Голицын — предложили уменьшить размеры епархий, провести иерархическое подчинение рядовых епископов митрополитам и уве-

---

[1] Между историками существуют разногласия о времени собора. Одни относят его к 1681 году, другие — к 1682-му или 1681 — 1682 годам.

личить число таковых областных митрополитов до двенадцати, а общее число подчиненных им владык-архиереев до семидесяти двух. Предложенная реформа русской церковной иерархии увеличила бы общее число епархий почти что в пять раз, так как в то время в России было всего лишь семнадцать архиереев. Из числа этих семнадцати епархий пятнадцать было старых: одна, Московская, была патриаршей; четыре — митрополичьими: Новгородская, Казанская, Ростовская и Сарская (с резиденцией в Москве на Крутицах); восемь епархий были архиепископскими: Вологодско-Великопермская, Суздальско-Тарусская, Смоленско-Брянская, Рязанско-Муромская, Тверско-Кашинская, Астраханско-Терская, Сибирско-Тобольская и Псковско-Изборская; и две епископскими: Коломенско-Каширская и Карельско-Орчинская. В 1667 году к ним была добавлена Белгородская епархия и в 1672 году — митрополичья Нижегородская. Правда, собор 1666 — 1667 годов постановил открыть ряд других новых епархий, но оппозиция архиереев, боявшихся, что с уменьшением их епархий уменьшатся и их доходы, и уверявших, что на новые епископии нет ни средств, ни достойных кандидатов, уже тогда помешала упорядочению церковного управления.

Неудивительно, что и в 1682 году русский епископат отнесся крайне враждебно к предложению правительства, которое так радикально предлагало уменьшить епископские округи и угрожало снижением доходов владык. Поэтому архиереи сначала предложили ограничить общее число епархий, включая и митрополичьи, всего лишь тридцатью четырьмя и в конце концов свели почти что на нет весь правительственный проект церковно-административной реформы, открыв всего лишь четыре новых епархии. Две из них были на сильно зараженном старообрядчеством Севере: Устюжская и Холмогорская, другие две — на неспокойной казачьей и мордовской юго-восточной украине: Воронежская и Тамбовская. Но, соглашаясь на открытие новых архиерейских округов, русские владыки вместе с тем отказались организовать правильное иерархическое подразделение русских епископий, отвергнув проект подчинения рядовых архиереев областным митрополитам. В этом сказались как недоверие рядовых епископов к сильным и богатым митрополитам, так и прочно вкоренившаяся традиция иерархического равенства всех русских владык перед авторитетом главы церкви — патриарха и главы государства — царя, несмотря на то что они носили различные, но не имевшие административного значения названия сана: митрополита, архиепископа и епископа. Этот отказ координировать работу епископов под окормлением областных митрополитов был объяснен будто бы желанием избежать «разногласия, распри и высоты». Ряд других

пунктов программы собора имел целью упорядочить жизнь монастырей и белого духовенства; монахам было запрещено переходить из монастыря в монастырь и вести бродячий образ жизни; для нищих и странников были организованы богадельни.

Особый отдел постановлений собора был направлен непосредственно против старообрядцев, которым запрещалось собираться на молитвы в частных домах и которых духовенство должно было отсылать к государственному суду для наказания. Царская грамота того же 1682 года давала епископату новые, расширенные полномочия по борьбе с расколом. Видимо, в связи с этими постановлениями Аввакум и его пустозерские единомышленники и погибли на костре в начале 1682 года.

Не пойдя навстречу пожеланиям правительства, которое, по всей вероятности, выдвинуло этот проект реорганизации церковного управления по инициативе кн. В. В. Голицына, увлекавшегося административной реформой русского управления, епископат последних десятилетий Московской Руси сохранил на короткое время свои доходы и свою независимость от иерархического возглавления. Но этим же епископат подорвал свой авторитет и потерял последнюю перед петровскими реформами возможность разумно реорганизовать и этим усилить русское церковное руководство. Не прошло и сорока лет после этого собора, как Петр I, не спрашивая ни совета, ни мнения своих архиереев, сам перестроил и секуляризовал русскую церковную администрацию и умалил роль не только епископата, но и самой церкви в жизни государства и общества. А в течение этих четырех десятилетий временно продолжавшая жить по-старому русская иерархия по-прежнему теряла своих детей духовных, все в большем и большем количестве уходивших в раскол от церковно нерадивых владык.

Проявив себя сугубым охранителем привилегий высшего духовенства, патриарх Иоаким в то же время решительно выступил против родовитой аристократии, которая наподобие владык духовных держалась за свои старые преимущественные права, и 12 января 1682 года поддержал инициативу правительства в вопросе уничтожения местничества на чрезвычайном «сидении» совместной сессии боярской думы и освященного собора. Во время этого сидения юный царь Федор, осудив древний обычай местничества, предложил думе и собору решить «всем разрядам и чинам быть без мест или по-прежнему быть с местами». Патриарх решительно поддержал царя и правительство и резко высказался за упразднение местничества, от которого, по его словам, «аки от источника горчайшего, вся злая и Богу зело мерзкая» злоба происходила. «Сидение» думы и собора решило принять

предложение царя, и когда определявшие местнические соотношения разрядные книги были сожжены, то Иоаким еще раз наставил членов думы крепко соблюдать начатое и совершенное дело.

Это совершенно различное отношение патриарха к упорядочению дел в администрации царства и администрации священства еще раз подчеркивало его неспособность почувствовать настоятельнейшую необходимость поднять на должную высоту деятельность и духовную ответственность русской иерархии.

Созыв церковного собора 1681—1682 годов и уничтожение местничества оказались последними значительными государственными событиями царствования Федора Алексеевича. Молодой, но болезненный царь вскоре после этого стал быстро ослабевать от своих многочисленных немощей. Потеряв свою первую жену из западнорусской шляхты, Агафию Грушецкую, он женился 14 февраля того же 1682 года на незнатной дворянке Марфе Апраксиной. Возможно, что торжества, связанные со свадьбой, его очень утомили, и уже через два с половиной месяца после женитьбы, 27 апреля, его не стало. Царь Федор скончался, не оставив ни прямого наследника, не назначив себе преемника. Эта неясность династической последовательности привела к новой смуте, так как царская семья была разделена на два непримиримых лагеря.

Еще при жизни царя Алексея наметился раздор в его семье — родственники и дети от его первого брака с Марией Милославской не могли примириться с новой мачехой царицей Натальей, урожденной Нарышкиной, с которой царь бракосочетался в 1671 году. Помимо Федора, от первого брака царя Алексея, его пережили только слабоумный, полуслепой и физически очень слабый Иван и многочисленные дочери, возглавляемые умной, крепкой и честолюбивой Софией. За царицу Наталью и ее десятилетнего, в 1682 году родившегося сына Петра, отличавшегося здоровьем и умом, горой стояли многочисленные Нарышкины, их родственники, а после смерти Федора — и его любимцы, государственные дельцы Лихачевы, Языков, и родственники царицы Марфы — Апраксины. Патриарх со свойственным ему здравым смыслом тоже стоял за здорового и умного царевича Петра и вел за него агитацию среди духовенства и двора. Его выступления сыграли значительную роль в решении бояр и двора провозгласить царем молодого, но крепкого и живого Петра.

В тот же самый день 17 апреля, когда царь Федор умер, Нарышкины, родственники и примкнувшие к ним Лихачевы, Языков и Апраксины и их сторонники собрали около царского дворца толпы москвичей, которые криками потребовали избрания Петра на царство. Патриарх и бояре, в свою очередь, приговорили, чтобы Петр, а не его слабоумный брат Иван стал царем, и новое царствование началось. Но родня первой жены

Алексея Михайловича, Милославские, возглавляемые честолюбивой царевной Софией, ее дядей Иваном Михайловичем Милославским и их другом князем Иваном Андреевичем Хованским, подняли против Нарышкиных стрельцов московского гарнизона. Всего лишь через две недели после избрания Петра взбунтовавшиеся и недовольные своим начальством стрельцы выступили на «защиту прав Ивана». Три дня, 15 — 17 мая, Москва была в их руках; много Нарышкиных и их сторонников было убито. Иван был провозглашен соцарем Петра уже 26 мая, а 29-го под давлением стрельцов, за спиной которых стояли Милославские, бояре поставили «дел правление вручить... царевне Софии Алексеевне... для того что они, великие государи, в юных летах».

Стрелецкий бунт привел к всеобщему ослаблению контроля власти и состоянию анархии в самой Москве. Испуганное правительство не только не наказало стрельцов, но дало им почетное звание «надворной пехоты» и распорядилось поставить памятник в честь их майских «подвигов». Падение авторитета власти позволило уже готовившимся с подачей челобитной старообрядцам усилить свою агитацию. Как уже упоминалось, еще до казни Аввакума и его пустозерских соузников старообрядцы собирались подать царю Федору челобитную о восстановлении старой веры. Инициатором этого плана был неутомимый и неуловимый игумен Досифей, все время путешествовавший между Поморьем, Москвой и Доном, организовывая своих единоверцев. Аввакум тоже стоял за подачу челобитной и писал своим духовным детям Борису и «прочим рабам Бога высшего», что «изволившу Духу Святому вложити во ум отцу Досифею с челобитными по жребию стужати царю о исправлении веры». Казнь пустозерцев на время могла устрашить их московских сообщников, но последовавшая за ней смерть царя Федора, известного своей склонностью к Западу и нелюбовью к традиционалистам, и развившаяся затем стрелецкая смута, несомненно, ободрили раскольников. Можно предполагать, что подготовкой подачи челобитной руководил сам Досифей, оставшийся из осторожности вне Москвы. Непосредственное проведение подачи челобитной выпало, ввиду опасности этого предприятия, по жребию на нескольких монахов. Но неожиданно для раскольников их план значительно расширился и получил поддержку стрельцов, которые еще со времени пребывания Аввакума в Москве сочувственно относились к старой вере. Реформы армии и организация полков иноземного строя, которые грозили полным уничтожением стрелецкого войска, раздражали стрельцов, озлобляли их против новшеств и перемен и еще больше склоняли на сторону старообрядцев. Назначение после майского стрелецкого бунта главой Стрелецкого приказа кн. Ив. Андр. Хованского, наказанного батогами еще в начале 1670-х годов за свою приверженность к древлему обряду, облегчала проведение по-

дачи челобитной и давала, может быть, надежду даже на насильственное восстановление старой веры.

Стрельцы Титова полка сами проявили инициативу, шедшую навстречу пожеланиям Досифея. Они у себя в полку начали составлять челобитную, чтобы «старую православную веру восстановити, в коей Российские чудотворцы Богу угодили», и вошли для этого в контакт с представителями населения московских слобод.

Немедленно нашлись и идеологи, помогшие составлять текст челобитной. Это были те монахи, которые по поручению Досифея сошлись в Москву с разных сторон России для подачи челобитной, а может быть, и для подготовки реставрации старой веры с вооруженной помощью стрельцов. Как позже на допросах показывали эти монахи, все они были ставленники Досифея и его друга Иова и прибыли в Москву незадолго до стрелецко-раскольничьей попытки переворота. Один из них был из числа немногих уцелевших монахов-соловчан.

Многие «посацкие люди нецыи неискусные паче прельщения приступища» к стрельцам. Появление на политической сцене этой новой социальной группы, усиленной чернью и холопами, стало заметно еще во время майских беспорядков, когда были сожжены Судебный и Хлопский приказы, в которых хранились и крепостные, и уголовные архивы. В июне возбуждение в этих низших социальных слоях населения снова начинает расти. Большие толпы народу собирались на московских площадях и вместе со старообрядческими агитаторами обсуждали достоинства старого обряда и способы возвращения к нему. Тем временем раскольничий штаб в составе оставившего любопытнейшие записки об этих событиях бывшего келейника Макарьевского монастыря Саввы Романова, Никиты Борисова и иеромонаха Сергия — видимо, ученика Аввакума, игумена Сергия, в миру Симеона Крашенинникова,— продолжал работать над составлением челобитной. Нашлись и другие помощники. Сам «державший старое благочестие и читавший по старым книгам» князь Хованский помогал неожиданно сложившемуся раскольничьему центру. С его одобрения к составителям челобитной примкнул и старый участник событий 1666 года, в свое время покаявшийся на соборе патриархов, умный и систематичный священник Никита Дружинин. Появились и другие духовные вожди, в том числе спасшийся с Соловков о. Савватий и несколько волоколамских монахов. Решено было добиться от царей и патриарха устройства публичного диспута. Местом диспута было выбрано Лобное место, «перед всем народом и были бы тут цари государи, и благоверная царица Наталья Кирилловна, и патриарх со всем собором».

Заговорщики надеялись устроить прения 25 июня во время коронации царей Ивана и Петра, но Хованский отговорил их, боясь спровоцировать силы противников во время такого торжественного дня. Число сторонников старой веры росло все

больше и больше. Девять стрелецких полков и московская артиллерия высказались в их пользу. Остальные десять стрелецких полков еще колебались и пока что еще не решались подписаться под челобитной о восстановлении старой веры. Так как в каждом из полков было около 700 — 1000 человек, то силы, на которые могли опираться заговорщики, оказались очень значительными. Хованский и сам спешил действовать. Порывистый, но не упорный, он успел уже несколько отойти от первых ролей после передачи регентства Софии. Сама София, жаждавшая власти, не собиралась делить ее с честолюбивым князем. Силы, соединившиеся в мае для свержения Нарышкиных, теперь сами входили в конфликт, споря между собою о разделе управления государством. Положение самого Хованского усложнялось отсутствием средств. В руках его и его семьи были только Стрелецкий и Судный приказы, которые не располагали средствами и не могли финансировать его дальнейшей политической деятельности. В своих письмах он жаловался на безденежье и писал сыну: «А ныне я Бога свидетеля оставлю на душу свою. Если у меня была одна копеечка, и я бы тое на две рассек, половину бы к вам прислал... я [до сих пор] над собой такой нужи и бед не видал». Опасения за свою власть и погоня за деньгами толкали прослывшего под насмешливым прозвищем Тараруя-князя на опрометчивые поступки, и, не подготовив достаточно свои силы, он назначил выступление раскольников и диспут на начало июля.

Собрав стрелецких выборных и представителей слобод, Хованский прежде всего запросил их: «Все ли вы полки за едино хощете стоять за старую христианскую веру?» Ответ был единогласен: «Мы, государь, царский боярин, все полки и чернослободцы за едино рады стоять, за старую христианскую веру». Тогда Хованский повел их к патриарху Иоакиму. Первый спор раскольников с патриархом, состоявшийся без народа, в палатах Кремля, не дал никаких других результатов, кроме того, что церковные власти сменили греческие жезлы на старые русские.

Новый публичный диспут был назначен на 5 июля. Любопытно отметить, что мать Петра, вдовствующая царица Наталья Кирилловна, в свою очередь, боясь усиления правительства Софии, предупредила своих недавних врагов стрельцов о том, что спор в помещении дворца может быть опасен для раскольничьих вождей, так как София могла бы их там легко арестовать.

Уже рано утром 5 июля на кремлевской площади стали собираться толпы народа. Старообрядцы — монахи и священники,— расставив свои аналои со старыми иконами, усиленно проповедовали правду старой веры. Тем временем в Грановитой палате собрались царевны София и Татьяна и царица Наталья. Духовенство и бояре были в полном сборе. Староверческие вожди: священник Никита, соловчанин Савватий, Сергий, Савва

Романов и другие в сопровождении стрелецких выборных и охраны тоже вошли в палату. По рассказу Саввы Романова, при входе произошла стычка между старообрядческим и «новообрядческим» духовенством, но стрельцы, «устремившись на попов и начавши их под боки кулаками бить», решили вопрос в пользу старой веры. В самой Грановитой палате спор сразу принял страстный характер, но патриарх Иоаким держался твердо и ни в чем не уступал. София энергично поддерживала патриарха и все время вмешивалась в спор в его пользу. Как всегда бывает в идеологическом споре, аргументы не могли убедить ни одну из сторон. Временами спор переходил в драку и старообрядец-священник Никита Дружинин, набросившись в пылу дискуссии на архиепископа Вологодского Афанасия, стал, по свидетельству Медведева, «бить и терзать иерарха». Упорность и страстность раскольников произвели тем не менее более сильное впечатление на присутствующих, чем богословская аргументация епископов, и психологически победа склонялась в их пользу. Чтобы не дать раскольникам возможности воспользоваться начальным успехом и этим подорвать авторитет церковных и государственных властей, София прервала прения и пригрозила, что в случае дальнейшего проявления неуважения к иерархии и власти она с царями уедет из Москвы.

Старообрядцы оставили палату торжествуя. «Победихом, победихом,— кричали они и поднимали руки.— Тако слагайте персты, веруйте люди по-нашему. Тако веруйте. Мы всех архиереев перепрахом и пострамиша. Нам-де государи приказали по-старому креститися». Они пели церковные песнопения и благодарили Бога за победу. Но их торжество длилось недолго; в июле счастье отвернулось от них так же легко, как и повернулось. За Софией и партией порядка стояли дворяне,— хребет московского государства,— и регулярные полки. Часть стрельцов заколебалась. Оскорбления, нанесенные патриарху и епископам, переменили настроения многих стрелецких офицеров. Особенно среди стрельцов «гвардейского» Стремянного полка быстро усилились симпатии к правительству. Сами старообрядцы не обладали ни влиянием среди правительства, ни средствами, необходимыми для обеспечения лояльности своих сторонников, и не имели опытных вождей. Умная София, пригласив к себе офицеров, подкупила одних из них, другим дала повышение или награды. Много денег попало и рядовым стрельцам. Большое количество пива, меду и водки, щедро розданное правительством, вывело из строя наиболее буйные элементы среди стрельцов и населения. Вожди раскола из духовенства были схвачены верными власти частями. Рано на рассвете 11 июля на Красной площади Никита Добрынин дорого заплатил за попытку реставрации старого обряда — он был «главосечен и в блато ввержен и псам брошен на съядение». Другие отцы были сосланы.

Хованский и не смог, и побоялся защитить своих единоверцев. Не умея маневрировать и рассчитывать, он своей поспешностью чересчур рано обнаружил силы и намерения старообрядцев. Его надменность и порывистость характера отпугивали всех окружающих. К тому же он, видимо, увлекался и другими делами: через несколько дней после казни Никиты и его недавних приверженцев он женился на вдове дьяка Лариона Иванова. Между стрельцами и холопами началась рознь. София со всем двором уехала из Москвы и этим поставила себя и правительство вне пределов досягаемости стрельцов и московской черни. Дворянство быстро мобилизовалось на защиту власти от мятежников. Вызванный к Софии под предлогом обсуждения вопроса церемониала князь Иван Хованский был схвачен, обвинен злоупотреблениях и превышении власти и казнен 17 сентября. Оставшиеся без военных и духовных вождей стрельцы очень быстро присмирели. Не выступив ни в защиту старообрядцев, ни на помощь Хованскому, они упустили последнюю возможность захватить власть, восстановить старую веру и усилить свое влияние в Москве.

Неудача попытки реставрации старой веры как общегосударственного исповедания в июле 1682 года ясно показала слабые стороны ее сторонников. Весь аппарат власти был в руках дворянства и бюрократии, стоявших еще до никоновских реформ в рядах врагов церковной партии и, за единичными исключениями, всегда выступавших против усиления церковного влияния на Руси. С ними же был патриарх и ведущее духовенство. Хованский со своими мечтами о старой вере также был одинок при дворе, как и десять лет перед этим были Морозова и Урусова. Сами старообрядцы, мало интересуясь вопросами политики, были совершенно не подготовлены к борьбе за власть. Значительная часть их, ужаснувшаяся перед тенью антихриста, даже не звала к борьбе за власть в церкви, а только старалась избежать столкновения и с силами сатаны, и с силами попавшего, по их мнению, под влияние сатаны правительства.

В 1685 году новые двенадцать подробных статей, изданные правительством царевны Софьи и, несомненно, рекомендованные патриархом Иоакимом, усиливали борьбу с церковной оппозицией. Ими повелевалось упорных «хулителей» церкви жечь; проповедников самосжигания казнить смертью; их последователей, согласившихся перейти в «старую» веру, было приказано для острастки «бить кнутом» и отсылать в монастыри под строгий начал. Укрыватели наказывались батогами, кнутом, ссылались и штрафовались. Имущество «раскольников», их укрывателей и поручителей отбиралось в казну. Этими мерами правительству и патриарху удалось смирить последних старообрядцев столицы страны. Неудача 1682 года и закон 1685 года еще более усилили эту тенденцию бегства от антихриста. Все большие старообрядческие группы Москвы и Подмосковья спешат покинуть находившиеся под строгим кон-

тролем города, бегут в леса, в Поморье, на Керженец, в степи на Дон, в Стародубье, за границу — в Польшу. Старообрядческая Москва пустеет.

Когда в 1696 году полковник Иван Цыклер, участник мятежа 1682 года, позже перешедший на сторону Петра, организовал новый заговор, в его группе участвовал только один приверженец старой веры, брат Морозовой. Сам Цыклер, уговаривавший своих сообщников выступить против Петра, «изрезать его в ножей пять», был просто неудавшимся карьеристом, мстившим царю за свои неудачи. Да и само число заговорщиков было невелико. Кроме Цыклера и брата Морозовой, Алексея Соковнина, «потаенного великой капитоновской ереси раскольника», в нем участвовало только два стрельца и один казак. Самое тщательное расследование дела, проведенное лично Петром, не обнаружило ни следов более крупной группы заговорщиков, ни связей с раскольниками вне Москвы.

Последнее из политических выступлений стрельцов, с оттенком старообрядческой фронды, против московского правительства — бунт четырех полков, бывших на походе из Азова на литовскую границу,— показало, что хотя среди стрельцов оппозиционные настроения были очень сильны и в 1698 году, но силы их были слабы и решимости и единства среди них не было, как не было и малейшей серьезной возможности успеха. Считая, что правительство относится к ним несправедливо, стрельцы сделали попытку захватить Москву и посадить на престол заключенную в монастыре царевну Софию. Со своей стороны, София надеялась на возврат к власти и, вступив в сношения с делегатами стрельцов, писала: «Ныне вам худо и впредь будет хуже, идите на Москву...» 10 июня в Москву пришли вести, что подошедшие к Западной Двине стрельцы отказались повиноваться правительству и двинулись на Москву. В столице началась паника среди сторонников новых порядков и иностранцев. Один из проживавших в это время в Москве иезуитов писал: «Первейшим намерением стрельцов было истребить совершенно немцев и их слободу, этот удар всегда грозит этой народности и всем нам с ней, если, не дай Бог, умрет светлый царь [Петр]...» Но правительство было достаточно сильно, чтобы остановить продвижение стрельцов. Генерал Гордон во главе солдатского регулярного войска, насчитывавшего 3700 солдат и 25 пушек, 17 июня у Тушина остановил и разбил наголову стрелецкие полки. Слабость военного обучения, отсутствие организации и вождей обрекли и эту последнюю попытку стрельцов на неудачу. Хотя, видимо, у стрельцов и было намерение вовлечь в движение раскольников, части стрельцов, стоявшие в Казани и Астрахани, и казаков — никто не выступил им на помощь. Вернувшись из своего европейского путешествия, Петр окончательно добил стрелецкое войско. В пытках и на плахе погибли последние воинствующие

сторонники старых порядков и старой веры среди стрельцов, а само стрелецкое войско было уничтожено. Как бы отмечая эту победу над одним из устоев старой Руси, царь начал символическую европеизацию, или, точнее, модернизацию двора и высшего русского общества. На следующий же день по приезде в Москву, 26 августа 1698 года, на приеме придворных, он сам начал резать бороды бояр, символ древнего русского уклада жизни. На тех, кто отказывался резать бороду, была наложена особая пошлина — пеня. Через шестнадцать месяцев, по его же приказу, в первый день нового года, нового восемнадцатого века, его шуты стали резать и длинные старорусские одежды придворных. Так, хотя бы пока во внешности, государство Российское отказывалось и от старинных привычек, и от традиционной культуры и старалось сделать из старой Московской Руси новую, западного культурного типа страну.

Антон Карташев

НАЧАЛО ОСОБОЙ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО РАСКОЛА

Главари упорной оппозиции после собора 1667 г. были сосланы в северопечорский край, в так называемый Пустоозерский острог. То были: протопопы Аввакум и Лазарь, дьякон Федор и инок Епифаний. Условия ссылки были патриархальными, наивно-русскими, чужды и продуманной жестокости западных систем — инквизиции и коммунизма. Стража наблюдала только за пребыванием ссыльных на месте, но ничем не стесняла их в их «служении слова». Они агитировали вовсю, занимаясь главным образом перепиской в широком масштабе земли русской. Писали во все Приморье, в нижегородский Керженец, в Боровск южнее Москвы, где были сосланные боярыни: Морозова, Урусова, Данилова. В Москве служил адресатом для посланий «духовный сын» Аввакума инок Авраамий. Но истек и для него срок свободы. В 1670 г. он был арестован и вскоре казнен. Другими адресатами, оступившими из столицы в провинцию, были попы Стефан и Козьма, монахиня Мелания. Они организовали тайную монастырскую жизнь.

Но образовать хотя бы и подпольный и гонимый, однако полный церковный modus vivendi, с иерархией и таинствами, нашему расколу не было суждено. Лишенный от начала епископского возглавления, он сразу обречен был стать церковным калекой. Отсут-

ствие в нем духа свободомыслия и рационализма удержали раскол от самочинности. Он склонился пред трагедией бесцерковности. Нет священства и таинств. «Благодать на небо улетела». Стало быть, пришли последние времена. Надо не отчаиваться, а спасаться и под властью антихриста. Этот внезапный тупик, в который уперлась история церкви, надо было осмыслить исходя из строгого догматического консерватизма. Создается целая новая экклезиология, каноника и литургика. А пока эмоционально цепляются за последних «истинных» священников, как за апостолов. На первом месте — за Аввакума. Ему дается авторитет священномученичества, ибо он «омыл» своих пасомых не только слезами, но и кровью. Он власть имеет и анафематствовать и повелевать. Признавали в нем «огненный, благодатный ум». «Вся братия» обращалась к нему с бесчисленными вопросами, и он писал, писал без устали разные советы и решения, почитавшиеся «выше соборных». Ближайшее окружение Аввакума, а затем и широкие круги окрестного населения заражались экзальтацией видеть в своей среде такого «посланника Божия», устами которого «вещает Сам Дух Святый тайны небесные». К Аввакуму, как пророку, стекались массы, жаждущие чудес и исцелений. И по вере их получали. В своем автобиографическом «Житии», писанном около 1675 г., Аввакум со свойственными ему литературными гиперболами хвалится несомненно творившимися по его молитвам исцелениями бесноватых, немых, сухоруких. Волна экзальтации увлекала и холодных людей, но здравый смысл народа требовал удовлетворительного ответа на естественное недоумение. Как же это так оторваться от всей церкви, от царя, от всех властей церковных и гражданских, от Москвы и остаться одним? С кем и докуда же? Такую катастрофу надо было как-то объяснить. И вот начинается неизбежное «новотворчество». Убежали от новизны пустяковой и вошли в дебри новизны сплошной, догматической. Пока жив был царь Алексей, еще грезили о каком-то раскаянии, исправлении. Аввакум болтал: «царь добрый был человек», но прельстил его Никон, «омрачил, ум отнял», «напоил вином своей ереси, и царь пьян стал, не проспится». Жалеть его приходится, но это не оправдание. Активные виновники разрухи, корыстные и циничные, не заслуживающие никакого оправдания,— это служилый мелкопоместный класс и церковные власти. Последние — «что земские ярыжки: что им велят, то и творят», «Жги, государь, христиан тех, а нам как прикажешь, так мы в церкви и поем; во всем тебе, государю, не противны. Хоть медведя дай нам в алтарь, и мы рады тебя — государя — тешить. Лишь нам погреба давай да кормы со дворца».

Дьякон Федор в объяснениях страшной катастрофы церковной болтал нечто другое, сваливая все на царя: это он «новые книги возлюбил, а старые возненавидел». Но почему же? Остается неясным. А Никон будто бы сам сознался «в блужении веры», а потому и счел нужным покинуть патриаршество. Даже греческие иерархи

не соглашались будто бы на отлучение раскольников. И только русские архиереи «ласканиями» и угрозами понудили их к этому. Напрасно искать логики и резонов в этих жалких бреднях искренних, но темных ревнителей.

Бессильные доказать среднему здравомыслящему человеку необходимость трагического разрыва не только с церковью, но и со всей окружающей средой, расколовожди покрывали себя действительно страшным догматом об антихристе и действительно пугающими совпадениями и приметами его тайного пришествия. И в эту точку чувствительно били как раз книжные тексты изданных в Москве до Никона авторитетных книг. Иосифовская «Кириллова книга» уже провозглашала, что мы живем после 1492 г., то есть после завершения 7000-летнего срока, определенного миру, уже в 8-й эсхатологической тысяче лет, и римский папа теперь является последним наивысшим предтечей антихриста. А безымянное слово об антихристе, напечатанное в другой иосифовской «Книге о Вере», развивает такое гадание. Пришествием Христа сатана был связан на тысячу лет. По истечении ее сатана овладел Римом. В 1596 г. (год Брестской унии) отступление захватило и часть русской церкви (в Литве). Это уже приближение к самому сердцу — к Москве. Если приложить антихристово число 666 к христианской тысяче, то получится 1666 год. «Кто весть, аще в сих летех 1666-х явственных предотечев антихриста или того самого не укажет?» («Кн. о Вере», гл. 30). Эти выкладки еще и до собора 1666-1667 гг. пугали благочестивых москвичей. Братья Плещеевы писали протопопу И. Неронову: «Ныне число 1666 исполняется и раздоры по проречению Книги о Вере вводятся; дух антихристов широким путем и пространным нача крепко возмущати истинный корабль Христов». По более позднему толкованию дьякона Федора самое дело исправления книг было уже «ко антихристу присвоением».

Но годы шли, и точный расчет грозил не оправдаться. Тогда инок Авраамий прибегает к ухищрениям. Что Никон творил антихристово дело, это видно по Ипполитову слову: «Льстец во всем хощет уподобиться Сыну Божию» и создаст в Иерусалиме каменный храм. И вот Никон создал Новый Иерусалим, реку Истру назвал Иорданом, селам дал имена — Назарет, Вифлеем. Тут и Галилейская пустыня и гора Голгофа... Связание сатаны на 1000 лет надо считать не с Рождества Христова, а со дня его сошествия во ад: 1000 + 33 ½ + 666 = 1700. Антихрист царствует тоже 3 ½ г. Таким образом, 1703 г. — год конца мира. И так как не все в Никоне совпадает с чертами антихриста, то Авраамий в некотором противоречии и смущении отводит Никону роль «предтечи».

Аввакум более благоразумно избегал точных указаний и, браня дело царя и Никона как антихристово дело, тем не менее замечал: «А о последнем антихристе не блазнитеся. Он еще не бывал, нынешние бояре его слуги, путь ему подстилают и имя Господне

выгоняют. Да как вычистят везде, так Илия и Енох обличители прежде будут».

Диакон Федор — ум более примитивный, следуя толкованию «Книги о Вере», клонит к буквальному пониманию: «Иного отступления не будет. Вся отступления совершишася. Антихрист по седьмой тысящи явится сам. Второе Христово пришествие близ есть». Что значит «сам», неясно. Но пока он же, как змий древний, как диавол, уже реализуется, воплощается. По прошествии 1666 лет этот духовный змий «вошел в изобретенные своя сосуды: в двоицу окаянных человек — царя и патриарха». И вот уже пред нами «нечестивая троица: змия, зверя и лживого пророка, юже виде Иоанн Богослов». Змий — это диавол. Зверь — видимый антихрист — царь. Лживый пророк — это иерархия. «Цари нечестивые суть роги антихристовы; един от них (уже) есть, другой будет». Таким образом, пришествие антихриста растягивается в некоторый эсхатологический период истории.

Все это туманное богословие об антихристе нужно было, чтобы «раскачать» простых людей на дерзновенный уход из церкви не в другую благоустроенную церковь со священством, а в страшную трагическую пустоту. Инструкция вождей звучала так: «Не подобает православным христианам ни благословения от никониан приимати, ни службы, ни крещения, ни молитвы. Ни в церкви с ними не молитися, ниже в дому. Еретических книг не читати, чтения и пения еретического не слушати». Аввакум, как заботливая нянька, берет за руки своих духовных детей, проводит их сквозь строй ежечасных будничных искушений и хочет дать конкретные советы на все случаи жизни. «Не водись с никонианами, они — враги Божии». Не принимай никонианина в дом свой. А о молитве в православном храме и речи быть не может: «Суетно кадило и мерзко приношение». Если страх кого загонит в церковь, то он подлежит «очищению, яко прокаженный». «Лучше человеку не родитися, нежели тремя перстами знаменатися». Эта «щепоть — печать антихриста». В ней «тайна тайнам сокровенная: змий, зверь и лжепророк. Кто перекрестится тремя перстами, по неведению или в смех или страха ради, тот пусть кается, горько оплакивая свой грех».

Вот казуистика Аввакумова. Если никониане «затащат тебя в церковь, то молитву Исусову, воздыхая, говори, а пения их не слушай». Старым иконам, написанным по правилам, можно поклоняться, только не во время никонианской службы. Если придется вынужденно прийти в церковь на исповедь к никонианскому священнику, «ты с ним в церкви той сказки рассказывай, как лисица у крестьянина кур крала; прости-де, батюшко, я не отогнал. И как собаки на волков лают; прости-де, батюшко, я-де в конуру собаки той не запер. Он сидя исповедует, а ты лег перед ним, да и ноги вверх подыми, да слюны пусти, так он и сам от тебя побежит: черная-де номочь ударила». Если священник придет в дом со святой водой, «так ты в воротах яму выкопай да в ней роженья на-

тычь, так он набрушится тут, да и попадет. А ты охай, около него бегая, будто ненароком. А если который яму ту перелезет и в дому твоем водою той намочит, ты после него вымети метлою. А святые иконы вымой чистой водой и ту воду снеси в реку и вылей. А ребятам вели по запечью от него спрятаться. А сам ходи тут да вином его пой и говори ему: прости, бачко, нечист, недостоин к кресту. Он кропит, а ты рожу-то в угол вороти или в мошну в те поры полезь да деньги ему давай. А жена собаку из-под лавки в те поры гоняй да кричи на нее. Он ко кресту зовет, а она говори: бачко, недосуг, собаку выгоняю, тебя же заест... Да осердись на него, раба Христова: бачко, какой ты человек, не время мне! Да как-нибудь что собаку и отжените его».

Но и эти аляповатые, детски-мелочные практические советы были только отсрочкой для грозно наступавшей мрачной действительности: отсутствия — и уже навеки! — старого «подлинного» священства. Дьякон Федор обобщал, что все ставленники времен Никона, и особенно после собора 1666 г., «неосвящены суть. Не подобает принимать от них ни благословения, ни крещения, ни молитвы. И в церкви с ними не молиться, ни в домах, *если даже «и по-старому служат»*. К этой директиве Федора присоединили свою подпись и Аввакум, и затем в Москве — Авраамий. Но живая действительность не укладывалась в эту мервящую доктрину. Старые попы вымирают. И авторитет Аввакума придает принципу расширительное толкование. Можно ходить в церковь, где поп хотя и нового поставления, но «всею крепостию любит старину и проклинает никонианскую службу» и если у него пение и чтение идет «внутрь алтаря и на крылосах без примеси», то есть по старым книгам. Тут уже непоследовательно признается реальность благодати священства, почерпнутой в «никонианском» источнике. Как можно черпать там, где якобы ничего нет? Та же запутанность мысли продолжается. Аввакум рекомендует принимать, под условием покаяния и даже проверки исповедничеством тех «нового поставления» иереев, которые уже служили по-новому, а потом «чисто стали хранить старое благочестие». Значит, «новое поставление» небезблагодатно?

Аввакум сознает наступление трагедии. Без священства наступила «нужда из нужд»: негде добыть таинства. Миряне должны действовать сами в пределах допустимого. «Повелеваем самим православным крестить. По нужде дозволено крестить простолюдину. А исповедаться пошто идти к никонианину? Исповедайте друг другу согрешения, по апостолу». А причащаться как? Пусть каждый сам себя (а не друг друга) причащает «святым комканьем» (то есть запасными дарами; древнеславянский перевод «communcatio»). Младенца причащает отец или иной муж.

Все до безысходных тупиков становилось неясно в учении, в дисциплине и практике. Без осязаемой иерархии водворялась автоматическая анархия. Одни пели «единогласно» (не много-

гласили) «на речь» (то есть без «хомового» растяжения), другие иначе, по местным старым привычкам. Некоторые отвергали даже Иосифовы книги, держась только Филаретовых и Иоасафовых... С Пустозерского Синая гремели громы Аввакума: «Глупцы! От гордости все пропадете, как черви капустные!» Надо жить «советно», младшие да подчиняются старшим. Но сами-то «старшие», сами-то вожди от невежества «плели лапти» в богословии и спорили между собой. Поп Никита отстаивал латинский догмат непорочного зачатия Пресвятой Богородицы. Диакон Федор по-латински соединял момент преложения Святых Даров с учредительными словами: «Приимите ядите». Поп Лазарь плел отсебятину о Святой Троице: «Троица рядком сидит. Сын одесную, а Дух Святый ошую Отца на небеси на разных престолах. Яко царь с детьми сидит Бог-Отец. А Христос на четвертом престоле—особном сидит пред Отцем Небесным». На запрос московских последователей: что значит речение «поклоняемся Троице Трисущней Единой» (в «Цветн. Триоди» Иоасафского издания)? Московские совопросники были люди достаточно грамотные богословски, чтобы заподозрить в термине «трисущней» ересь. Но Аввакум приказал без объяснений абсолютно верить: «Не блазнитесь, право написано то». По тому же правильно возбужденному вопросу Аввакум отписывался пред Игнатием соловецким: «Веруй трисущную Троицу. Несекомую секи: едино на три существа, не бойся». Пусть страдает православная догматика, только бы не порушился авторитет дониконовской печати! Сознательная фальшь упорного противленца церкви. А может быть, мы преувеличиваем богословскую грамотность Аввакума, ибо он договаривается до того, что и в утробу Девы Господь сошел не своей Божественной природой, а только благодатию, и наоборот, во ад сходил «с плотию», вопреки ясному слову церкви: «Во аде же с душею яко Бог»; а «плотски — во гробе». Дьякон Федор почувствовал, что учители «зарапортовались» и назвал многое из этого «зломудрием». Аввакум ответил ругательствами и проклятиями и даже донес страже. Федор выскочил в окно при появлении стрельцов. Федора взяли и били до крови. А Аввакум с Лазарем смотрели в окно и потешались.

Разрастание богословской и дисциплинарной анархии не могло не пугать вождей раскола. И потому в противоречии со своей проповедью об антихристовых временах и полном отвержении авторитета церкви вожди вдруг соблазнялись мечтой, что авось цари и патриархи покаются и наступит вновь «тишь да гладь». Еще до второй северной ссылки Аввакум писал царю Алексию: «Вздохника по-старому и рцы по русскому языку «Господи, помилуй мя грешного!» А «кирелейсон-от» оставь. Так Еллины говорят, плюнь на них! Ты ведь Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком, не унижай его ни в церкви, ни в дому, ни в красной речи». Не раз в своих писаниях Аввакум возвращается к мысли о возможном «исправлении о Христе Иисусе. Я надеюсь, что

Господь прекратит дни сии. Он ждет обращения заблудших»; надо молиться, «иначе не пособить», чтобы Господь «привлек их к истине». Особенно надо молиться за царя. И Лазарь, и Авраамий были в этом единомысленны с Аввакумом. Отсюда целая литература так называемых «челобитных» по адресу царя: Лазаря 1668 г., Аввакума 1670 г., Авраамия 1670 г. Челобитная — это и мольбы и угрозы. Требовали «очной ставки» со всеми властями духовными и царскими и с книжниками, со всем «синклитом», чтобы царь «сам слышал каждое слово». Лазарь заявлял готовность идти «на Божию судьбу», то есть на испытание огнем (заносная с Запада идея), Аввакум писал царю: «Ты пал, а не восстал, послушав Никона, умер душою, а не воскрес. С каким оправданием хочешь ты явиться на страшный суд. Здесь ты нам не дал справедливого суда с отступниками, а там сам будешь отвечать пред нами. За всех на тебя одного падет вина: ты — попустил. Тошно тебе будет там». И здесь на земле грозил бедами русскому царству. Лазарь после осуждения Никона писал одновременно к царю (1668 г.) и к новому патриарху Иоасафу II: «Силен Господь тобою — пастырем утишить лютое возмущение церкви». Начало уже сделано: «Никон низриновен», остается «загладить его след». «За нас будут судиться с тобою (то есть с патриархом Иоасафом II) православные цари, патриархи и святые отцы».

Неотзывчивость, почти безответное молчание властей повергали в недоумение оппозиционеров. Они были детьми Смутного времени, видели конец смуты. Естественно казалось им ждать благополучного конца и церковной смуты. И острые формы смуты, как осада Соловецкого монастыря и затем стрелецкий бунт 1682 г., не повергали их пока в отчаяние.

СОЛОВЕЦКИЙ БУНТ

Приморский север Европейской России, колонии старого Новгорода, не знавшие крепостного права, таили в себе дух вольности от безусловных приказов Москвы. Сопротивление книжной справе Никона в самой Москве быстро передалось северному центру монашества Соловкам. Еще до ухода Никона с патриаршества Соловецкий иноческий собор, возглавляемый игуменом Илией, составил приговор (8 июня 1658 г.) о непринятии новых книг. В этот момент, по уходе Никона 10 июля 1658 г. из Москвы, не раздалось никакого возражения против Соловецкого выступления. Бунтовское знамя Соловков как бы молчаливо было легализовано, и из Соловков разливалась открытая пропаганда по всему северу, пока безнаказанно отвергавшая все обрядовые и книжные исправления. Антиниконовская атмосфера Москвы благоприятствовала тому, чтобы соловецкая оппозиция никак не обсуждалась и замалчивалась. Преемник скончавшегося игумена Илии, Варфоломей,

поставлен был на игуменство в Москве в 1660 г. без всяких инструкций о принятии входивших в употребление новых книг и обрядов. Почти через четыре года, в 1664 г. Варфоломей вновь был в Москве и был милостиво принят царем. Положение Варфоломея, дипломатически безвластного, было довольно щекотливым. Москва постепенно, состязаясь с Никоном по вопросу о власти царской и патриаршей, практически шла твердо по пути введения новоисправленных книг и давала почувствовать Соловецкому игумену, что его монастырская братия стоит на опасном пути. Действительно, в 1663 г. перед поездкой Варфоломея в Москву, она снова связала своего игумена приговором: не принимать в Москве никаких «нововводных чинов». Когда Варфоломею в 1666 г. пришлось быть на Большом Московском соборе, соловецкие иноки обременили его целой писаной протестующей челобитной. Большой Московский собор, одобривший книжные и обрядовые исправления, не мог уже замалчивать бунтующего положения Соловецкого монастыря и предпринял ряд административных мер к ликвидации бунта. Некоторые монахи были вызваны в Москву для личного допроса, а в Соловки командирован ревизором архимандрит ярославского Спасского монастыря Сергий с повелением от лица собора быть послушными церковной власти, с наложением на непокорных анафемы, а от царя — с угрозой «жестокими наказаниями». Монахи не приняли Сергия. На царские угрозы отвечали, что они оставят монастырь и уйдут в пустыню, но не покорятся. Изложили это откровенно на бумаге в виде новой челобитной. Москва сменила бессильного Варфоломея и послала в 1667 г. нового игумена, Иосифа. Иосифа опять не приняли, и бунтовская решимость усилилась. На имя царя бунтовщики отправили новую челобитную с претенциозным заглавием «О Вере». Это был уже ультиматум. Монахи писали: «Не присылай, государь, напрасно к нам учителей, а лучше, если изволишь книги менять, пришли на нас свой меч, чтобы переселиться нам на вечное житие». Казначей Геронтий написал и послал в сентябре 1667 г. пространную челобитную, которая изложила все мотивы старообрядческого восстания, стала как бы манифестом явившегося на сцену истории старообрядческого раскола. Эта знаменитая отныне челобитная исходила из твердого убеждения, что близится кончина мира, что повсюду в христианском мире идет отступление за отступлением, что главные отступники греки, нельзя идти за ними, а между тем Москва совершила уже целую серию отступлений от старой веры. Приводится длинный список отступлений. Вывод: скорее умереть, чем принять этот путь к антихристу.

Царь распорядился оккупировать все береговые вотчины монастыря военными силами и начать фактически островную изоляцию или осаду монастыря. Озлобление осажденных из религиозного превратилось в тотальное, в психологию гражданской войны. В последующем деле о Соловецком бунте читаем: «Воры — сотники

с товарищи про великого государя говорили такие слова, что не только написать, но и помыслить страшно».

Главарями бунта оказались: живший на покое архимандрит Саввина звенигородского монастыря Никанор — человек книжный и характера твердого, казначей Геронтий, келарь Азарий и служка Фаддей. В деле о бунте сказано: «А все то пошло от архимандрита Никанора, казначея Геронтия, келаря Азария да от Фадюшки Бородина». Тяжело было московскому правительству пустить в ход оружие против священных стен монастыря, и потому тактически повели осаду, рассчитанную на то, чтобы взять бунтовщиков измором, и такая осада длилась целых 8 лет (!). Сменялись главнокомандующие, но цель ускользала из рук. Первому из командующих, Волохову, в 1668 г., а затем Иевлеву в 1672 г. даны были инструкции: «потеснить», но не делать «приступа» и «не стрелять по ограде». Это блокада, а не осада, и само снабжение монастыря, по-видимому, не прерывалось окончательно. Во всяком случае, запасы его были предусмотрительно собраны в весьма крупных размерах. Все амбары были полны хлебом. Было всего 90 пушек, 900 пудов пороху и множество снарядов — ядер. В 1670 г. бунтовщики первые начали стрельбу по царским войскам. Архимандрит Никанор ходил по стенам и башням, кропил святой водой и кадил пушки, говоря: «Матушки-голаночки, надежда у нас на вас. Вы нас обороните». Не все из братии были согласны решиться на артиллерийский бой. В числе их был и сам Геронтий. Но активисты взяли верх. Царские войска, однако, не стреляли. Блокада тянулась. Мятежники угомлялись. Приходилось им навинчивать настроение. В конце 1673 г. собрался монастырский собор. Постановлено: «За великого государя богомолье оставить». Иеромонахи и священники отказались это делать. Их бросили в тюрьму на голодовку. Началось внутреннее разложение. Стали увеличиваться перебежчики по льду в царский стан. От голодовки началась цинга. Умирали во́ множестве, без причастия. Хоронились без чинного отпевания. Наступал решительный момент. Из Москвы от царя пришел приказ: «Искоренить мятеж». Мещерский приступил к тесному обложению и осадным работам. Перебежчик, старец Феоктист, указал воеводе секретный ход в калитку у Белой башни. Войско проникло внутрь ночью 22 января 1676 г.

Военная победа не изменила духовной атмосферы севера. Во время осады вереницы богомольцев, возвращавшихся безуспешно от стен осажденного монастыря, были повсюду пропагандистами о страдающем благочестии и нечестии царя. 29 января 1676 г., как раз после победы, скончался царь Алексей. Поползла легенда, что перед смертью царь «познал» свое «преступление» и посылал приказ — отступить. Да было уже поздно. Побежденные монахи прославлялись, как «новые страстотерпцы, преподобномученики».

Новое царствование Федора Алексеевича оживило надежды на возможный поворот в церковной политике. Как только весть о

новом царе дошла до Пустозерска, Аввакум написал молодому царю просительное послание. Это — смесь традиционной преданности и фанатичного наступления. Он именует царя «блаженным и треблаженным». И обращается к нему: «Милостив буди мне, Господи! Помилуй меня, Алексеич, дитятко красное, церковное! Тобою хощет весь мир просветитися, о тебе люди Божии расточенные радуются, что Бог дал нам державу крепкую, незыблемую. Если не ты по Господе Бозе, кто нам поможет?» А вот и программа Аввакумова. Как в экстазе, он восклицает: «А что, царь-государь, если бы ты мне дал волю, я бы их, студных и мерзких жеребцов, что Илия-пророк, всех что собак перепластал в один день. Сперва Никона-собаку рассек бы начетверо, а потом и никониан... Бог судит между мною и царем Алексеем. В муках он сидит — слышал я от Спаса, и то ему за правду». Туг Аввакум хватается за ветхозаветную секиру, а раньше в житии своем он считал физическое насилие делом антихристовым: «Чудо! как то в познание не хотят придти! Огнем, да кнутом, да виселицей хотят веру утвердить! Которые то апостолы научили так? — не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить. Татарский бог Магомет написал в своих книгах сице: не покоряющихся нашему преданию и закону повелеваем их главы мечам подклонить. А наш Христос ученикам своим никогда так не повелевал. И ти учители явно, яко шиши антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают: по вере своей и дела творят таковы же». Это был последний поклон Аввакума царю. 1 апреля 1681 г. Аввакум вместе с другими «соузниками» был предан жестокой, чуждой России, заимствованной с Запада, огненной казни «за великие на царский дом хулы». Казнимых ввели в огромный дровяной сруб. Окружающий народ стоял в ужасе, сняв шапки. Аввакум, жестикулируя двуперстным крестом, выкликал: «Будете этим крестом молиться — вовек не погибнете, а оставите его — городок ваш погибнет, песком занесет. А погибнет городок, настанет и свету конец». Сжигание преследовало цель пресечения почитания могил и останков. Но со временем на месте казни появился крест, называвшийся Аввакумовым. Его власти не истребляли. Аввакум, конечно, канонизирован старообрядцами, и лик его изображался на иконах.

Владимир Малышев

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

1620.

Ноября 25. У священника с. Григорова Закудемского стана Нижегородского уезда Петра родился сын Аввакум. Поп Петр, потомственный приходской священник, вероятно уроженец Нижегородского края, обосновался в Григорове, возможно незадолго до 1620 г., так как в этом же самом году здесь находился и другой священник, Артамон (или Афтамон) Иванов. Известны имена трех других его сыновей — младших братьев Аввакума: Герасим, Козьма, Евфимий. Возможно, был еще один сын. Вероятно, это он и Евфимий умерли во время чумы в Москве в 1654 г. Два других брата Аввакума, Герасим и Козьма, были еще живы в 1666 г. В григоровской церкви (носила имя Бориса и Глеба) поп Петр прослужил около 15 лет. По словам Аввакума, отец его «прилежаще пития хмельнова», а мать Мария во иночестве Марфа, была большая «постница и молитвенница» и «всегда учаше» сына «страху Божию».

1624

У богатого кузнеца с. Григорова Марка родилась дочь Анастасия, будущая жена Аввакума. После смерти Аввакума Марковна до января 1693 г. (с октября 1664 г.) жила с семьей в Холмогорах и в Окладниковой слободе на Мезени. При содей-

ствии князя В. В. Голицина семье Аввакума 4 января 1693 г. царским указом было разрешено выехать с Мезени, и Марковна с сыновьями Иваном и Прокопием поселилась в Москве. Около года она жила в Елохове у «свойственника своего», посадского человека Меркула Лукьянова, в приходе Богоявленской церкви, в последующее время проживала в собственном доме, в приходе Троицкой церкви, «что на Шаболовке», на участке капитана Якова Тухачевского (дом, вероятно, был куплен у Тухачевских). Умерла в 1710 г. и погребена при той же церкви. В XIX в. ее надмогильная плита еще сохранялась.

1629

Марта 10. Рождение Алексея Михайловича Романова, будущего царя.

1632

Января 31. Иван Неронов сослан на строгое покаяние в Никольский Карельский монастырь.

Мая 21. Рождение боярыни Феодосии Прокопьевны Морозовой.

1633

Октября 1. Смерть патриарха Филарета Никитича. Родился брат Аввакума Евфимий.

1636

Смерть отца Аввакума попа Петра. Аввакум остался сиротой 15-ти лет.

1638

Женитьба семнадцатилетнего Аввакума на четырнадцатилетней Анастасии Марковне.

1640

Ноября 28. Смерть патриарха Иоасафа.

1642

Марта 27. Иосиф возведен в патриархи.

Аввакум рукоположен в дьяконы.

1644

Родился старший сын Аввакума Иван. После казни отца Иван еще десять лет находился в ссылке на Мезени. 14 января 1693 г. он был освобожден с братом Прокопием на «добрые поруки» в г. Романов. Однако, когда братья явились в Стрелецкий приказ, боярин Иван Борисович Троекуров «приказал им словесно жить в Москве свободно». В Москве Иван, по-видимому, выступал тайно в роли старообрядческого священника. В 1717 г. он был арестован по делу о распространении раскола, осужден «в Кирилов монастарь в вечное пребывание» и, измученный допросами и переездами, умер 7 декабря 1720 г. в возрасте 76 лет, находясь в С.-Петербургской крепости за караулом.

Апреля 21. Издана в Москве «Кирилова книга» — сборник полемических статей против латинян, лютеран и армян.

Аввакум поставлен в попы.

1645

Июня (?). Родилась дочь Аввакума Агриппина.

Июля 12. Смерть царя Михаила Федоровича.

Июля 13. Вступление на престол царя Алексея Михайловича.

1646

Сентября 8. Издан Служебник, содержащий в приложении объяснение, почему православным христианам не следует брить бороду.

1647

Никон назначен архимандритом Новоспасского монастыря.

Февраля 1. Напечатана книга «Ефрем Сирин. Поучения».

Лето. Первое бегство Аввакума в Москву.

Сентябрь. Возвращение Аввакума в Лопатищи.

1648

Января 16. Свадьба царя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской.

Мая 8. Напечатана в Москве «Книга о Вере».

Июня 1 — 10. Восстание в Москве (так называемый Соляной бунт).

Июль — август. Аввакум был обруган боярином В. П. Шереметевым, проплывавшим мимо Лопатищ на корабле в Казань на воеводство, и вытолкнут с корабля за разгон «плясовых» медведей и отказ благословлять «брадобритца» — сына воеводы Матвея. Произошло это, вероятно, напротив пристани Работки, неподалеку от которой имелись владения В. П. Шереметева.

Родился сын Аввакума Прокопий. Год смерти Прокопия неизвестен. В 1717 г. он еще, по-видимому, был жив (Иван на допросе в 1717 г. не называл его в числе умерших членов семьи) и находился в Москве. Прокопий отличался меньшей стойкостью в приверженности к делам старой веры, чем старший брат.

1649

Января 17. Приезд в Москву Паисия, патриарха Иерусалимского, указавшего на различия в церковных обрядах русских и греков.

Января 27. В Москву из Киева прибыл Арсений Грек, рекомендованный Паисием, патриархом Иерусалимским. 25 июля он был арестован по обвинению в многократной перемене веры и заключен в Соловецком монастыре.

Иван Неронов переселился в Москву и поставлен протопопом Казанской церкви на Красной площади.

Марта 19. Никон посвящен в митрополиты Новгородские. Федосья Прокопьевна Соковнина выдана замуж за Глеба Ивановича Морозова.

1650

(Предположительно.) Родился сын Ф. П. Морозовой Иван Глебович; умер в 1672 г.

Декабря 8. В Москву приехал энергичный пропагандист греческой богослужебной практики митрополит Гавриил из Назарета; уехал из Москвы 20 июля 1651 г.

1651

Февраля 9. Введено единогласное пение в монастырях и приходских церквах.

Июля 18. Напечатан в Москве Служебник, узаконивший в предисловии единогласное пение, излагающий историю его происхождения.

1652

Марта 11. Митрополит новгородский Никон выехал в Соловецкий монастырь за мощами митрополита Филиппа Колычева.

Апреля 15. Смерть патриарха Иосифа.

Май. Спасаясь бегством от разъяренной толпы прихожан, Аввакум направляется в Москву, на пути останавливается в Костроме, где узнает о том, что местный протопоп Даниил также изгнан своими прихожанами.

Июля 9. Митрополит Никон привез в Москву мощи митрополита Филиппа.

Июля 23. Митрополит Никон наречен в патриархи.

Июля 25. Митрополит Никон возведен в патриархи.

Аввакум поставлен в протопопы в г. Юрьевец-Повольский.

Не позднее декабря. Переезд семьи Аввакума из Юрьевца в Москву.

1653

Февраля 11. Выход Псалтыри с молитвословием, где были исключены разделы о 16 поклонах при произнесении молитвы Ефрема Сирина во время великопостной службы и о крестном знамении.

Между 20 и 27 февраля. «Память» патриарха Никона протопопу Казанского собора Ивану Неронову о введении трехперстного крестного знамения и об уменьшении числа земных поклонов при исполнении молитвы Ефрема Сирина во время великопостной службы.

Августа 4. Арестован Иван Неронов, заключен в Новоспасский монастырь «под крепкое начало».

После 7 августа. Аввакум и Даниил Костромской написали челобитную царю, прося за Ивана Неронова.

Августа 12. Иван Неронов лишен сана (обряд совершил в Успенском соборе Крутицкий митрополит Сильвестр).

Августа 13. Подписан указ о ссылке Неронова в Спасо-Каменный Вологодский (на Кубенском озере) монастырь «под крепкое начало», и Неронов увезен из Москвы. Часть пути от Москвы его провожал Аввакум.

Аввакум возвратился в Москву после проводов Неронова в ссылку.

Августа 13, суббота, вечер. Аввакум «...чел поучение на паперти... лишние слова говорил, что и не подобает говорить» (из

письма священника Ивана Данилова Неронову в Спасо-Каменный монастырь от 29 сентября 1653 г.).

Августа 13, «на завтрене первого часа». Аввакум был взят под стражу (по доносу священника Казанского собора Ивана Данилова) Борисом Нелединским со стрельцами из сушила во дворе Неронова во время совершения «всенощнаго» и доставлен на Патриарший двор, где ночью же посажен на цепь. Взятые вместе с ним шестьдесят человек (по другим сведениям — 33, 40) отправлены в тюрьму и «от церкви отлучены».

Августа 14, «...егда ж розсветало, в день недельный». Аввакум отвезен скованный на телеге («ростянули руки») в Андроньев монастырь; «Тут на цепи кинули в темную палатку — ушла в землю».

Августа 16. Кто-то неизвестный («не вем — ангел, не вем — человек») в «потемках» принес оставленному без пищи Аввакуму «хлебца немношко и штец».

Августа 17, «наутро». Архимандрит с «братьею» вывели Аввакума из темницы и выговаривали ему за непокорство патриарху, но, услышав в ответ обличение патриарха «от писания», отдали «чернецу под начал», заменив, правда, большую цепь на малую, и «велели волочить в церковь» (РИБ, т. 39, стлб. 17).

Возможно, в тот же день («тут же в церкви») или же вскоре после того Аввакум, оказавшись во время обедни рядом с «подначальным» из Хамовников («наш брат подначальный»), заключенным за пьянство и страдавшим одержимостью, исцелил его (помолившись тут же за него) и запретил ему об этом рассказывать.

Августа 22. Аввакума «водили пешова» из монастыря в Патриарший приказ и «стязавси много... паки также отвели». В приказе Аввакум допрашивался о челобитной царю в защиту Ивана Неронова, написанной им совместно с костромским протопопом Даниилом и подписанной многими лицами. Патриарший «архидиакон» Григорий, «стязався и побраня» протопопа «матерны», велел отвести его обратно в монастырь.

Сентября 1. Написана память Патриаршего двора, за подписью дьяка Василия Потапова, Сибирскому приказу (боярину князю Алексею Никитичу Трубецкому и дьякам Григорию Протопопову и Третьяку Васильеву) по указу царя и по приказу Никона: «Входу Иерусалимского оставленаго протопопа» Аввакума с семьей «за ево много безчинство» сослать в «Сибирский город на Лену» в «Якутский острог».

Сентября 8. У Аввакума родился сын Корнилий.

Сентября 14. Письмо Аввакума из Андроньева монастыря Ивану Неронову в Спасо-Каменный монастырь: сообщает о богослужении в «дому твоем в сушиле», во время которого был взят вместе с прихожанами под стражу, о тюремном режиме, о допросах в Патриаршем приказе, о ссылке Даниила Костромского в Астрахань, а Логгина — в муромские пределы, о пове-

дении Стефана Вонифатьева («всяко ослабел»), о неполадках в доме адресата («сказывают, пьянствуют да бранятся»), из-за чего жена Аввакума «потерпела, да и з двора збрела», и о другом. Это письмо — первый известный автограф Аввакума.

Сентября 15. Аввакум привезен в Успенский собор (в Никитин день, во время крестного хода из Кремля) для расстрижения. «Держали в обедню на пороге долго». По просьбе царя не остригли. Подьячий Патриаршего двора Иван Васильев и пристав Василий Войков отвели Аввакума в Сибирский приказ для высылки в Сибирь и отдали дьяку Третьяку Башмаку, тайному сторонникy протопопа (впоследствии инок Савватий, известный деятель старообрядчества). Аввакум сидел в Андроньевом монастыре «четыре недели».

Ноября 6. Иван Неронов в послании царю Алексею Михайловичу просит милости «заточенным, и поруганным, и изгнанным», имея, несомненно, в виду Аввакума, Даниила Костомского, Логгина Муромского и других своих единомышленников, наказанных безвинно, по клеветам, и «мирским судом», а не «соборне», как следовало бы разобрать их дела.

1654

Января 8 — 9. Воссоединение Украины с Русским государством.

Февраля 27. Иван Неронов в послании царю Алексею Михайловичу из Спасо-Каменного монастыря вновь просит за духовных лиц, «заточенных, поруганных, изгнанных без всякия правды» «мирским судом», имея в виду Аввакума, Логгина и других, разосланных по ссылкам противников нововведений Никона. В посланном в тот же день письме Стефану Вонифатьеву Иван Неронов изъявляет желание с этой «братиею» пострадати «любезно».

Март — апрель. Собор в Москве об исправлении церковных книг.

Мая 18. Отъезд царя Алексея Михайловича на войну с Польшей (возвратился в Москву в январе 1655 г.).

Июля 1. Иван Неронов отправлен через Вологду в Кандалакшский Рождественский монастырь.

Августа 2 (среда). Солнечное затмение (полное). Аввакум вспоминал об этом затмении в «Житии» примерно через 20 лет. Допустил две ошибки: 1) затмение было не за две недели перед Петровским постом, а в начале Успенского поста (15 августа); 2) оно было не «перед мором», а уже во время эпидемии чумы, которая в Москве началась в июле 1654 г.

Августа 25. Бунт против Никона во время чумы.

Июль — октябрь. Во время морового поветрия в Москве умерло два брата Аввакума.

1655

Марта 11. Вторичный отъезд царя Алексея Михайловича на театр военных действий (вернулся в Москву 10 декабря).

Марта 25 — 31. Церковный собор в Москве против двоеперстия.

Июня 27. В Тобольске получена царская грамота о переводе Аввакума с семьей под стражей в Якутский острог с запрещением служить «божественные службы».

Получена в Тобольске «в та же времена» (т. е. одновременно с указом) «с Москвы грамотка», извещающая о смерти в столице от моровой язвы двух братьев Аввакума со всем семейством и многих сродников и друзей.

Августа 10. Бегство протопопа Ивана Неронова из ссылки — из Кандалакшского Рождественского монастыря.

Августа 18. А. Ф. Пашкова сменил на воеводстве в Енисейске (был енисейским воеводой с начала 1650 г.) стольник Иван Павлович Акинфов.

Августа 31. В Москве вышел Служебник, оправдывавший в предисловии вводившиеся исправления в службе и молитвословиях.

Декабря 25. Пострижение (по «совету» Стефана Вонифатьева) Ивана Неронова под именем инока Григория в Переяславль-Залесском Троицком Даниловом монастыре.

Аввакум живет в Енисейске, где в это время формируется даурский полк воеводы Афанасия Филипповича Пашкова.

1656

Января начало (?). Осуждение и проклятие церковным собором Ивана Неронова.

Апреля 3 (?). Смерть епископа Павла Коломенского.

Апреля 23 — июня 2. На соборе в Москве одобрена новопечатная Скрижаль, осудившая двоеперстие, и провозглашено отлучение не повинующимся церкви последователям двоеперстия.

Мая 15. Отъезд царя Алексея Михайловича на войну со Швецией (возвратился в Москву 17 января 1657 г.).

Мая 18. Иван Неронов отлучен от церкви.

Июня 2. Вышел из печати сборник Скрижаль с дополнительными статьями, в котором излагались постановления собора 1655/56 г. в пользу Никоновой церковной реформы.

Июня 11. Ивашка Епишев, служивый человек, доставил в Якутск отписку тобольского воеводы Василия Ивановича Хилкова якутскому воеводе Михаилу Семеновичу Лодыженскому о переводе Аввакума с семьей из Енисейского острога в Якутский острог, с запрещением служить «Божественные службы». Перевод не состоялся.

Июля 2. Прибыл на воеводство в Енисейск Максим Григорьевич Ртищев (воеводствовал здесь до 1659 г.) взамен И. П. Акинфова, по жалобе А. Ф. Пашкова.

Июля 4. Память енисейской приказной избы енисейскому солепромышленнику Алексею Тихоновичу Жилину о выдаче Аввакуму, в числе 300 служилых людей, собранных для даурско-

го похода, шести пудов соли как «государева жалованья» на 165 (1657) г. и о взятии у протопопа о том «отписи» (расписки).

Сентября 15. Аввакум прибыл в отряде Афанасия Пашкова на Долгий порог, бит палачом на Долгом пороге кнутом по спине и по бокам (72 удара) за «малое писанейце», посланное Пашкову и осуждающее воеводу за грубость и жестокость в обращении с людьми. Перед наказанием бит самим воеводой по щекам и по голове. Сбитого с ног Аввакума Пашков, «чекан ухватя», ударил трижды по спине.

После 15 сентября — до 4 июня 1657 г. Даурские казаки и служилые люди подали челобитную на Аввакума, обвиняя его в написании «своею рукой» «воровской составной памяти», «глухой, безымянной», направленной против «начальных людей», у которых-де «везде... во всех чинех нет никакия правды», для учинения смуты между казаками и воеводой и привлечения казаков на свою сторону. Челобитчики оправдывают и приветствуют состоявшееся наказание Аввакуму кнутом, чтобы другие «такими же воровскими письмами смуты не чинили», и выражают верноподданические чувства царю и воеводе. Просят разрешить воеводе учинить «вору, и завотчику, и ссорщику» наказание «по Уложенной соборной книге» (полагалась смертная казнь), чтобы из-за него не попасть отряду в царскую немилость и чтобы «службе от такова вора и завотчика какое дурное не всчалось».

Октября 1. Отряд А. Ф. Пашкова прибыл в Братский острог. Аввакум («с Покрова») заключен в «студеную тюрьму» — башню Братского острога, где сидел до Филиппова поста (15 ноября).

Ноября 11. Смерть царского духовника Стефана Вонифатьева, протопопа Благовещенской дворцовой церкви.

1657

Января 4. Встреча Ивана Неронова с патриархом Никоном на Патриаршем дворе и беседа между ними в Крестовой палате. Неронов определен патриархом на местожительство в московский Покровский, «что на убогих дому», монастырь.

Января 12. Иван Неронов во время всенощной накануне Татьянинова дня в церкви Спаса (на «Верху») обличал действия Никона перед царем.

После 14 января 1657 г. — до конца 1658 г. Неронов живет в Игнатьевой (Вологодской) пустыни.

Лето. Прибытие отряда А. Ф. Пашкова на Байкал.

Июня 4. Казачьи десятники Никифор Максимов и Потап Федоров посланы в Москву с челобитной даурских казаков на Аввакума и сопроводительной отпиской Афанасия Пашкова, в которой он поддержал требование смертной казни для Аввакума. Пашков изображает Аввакума подстрекателем к измене царю и воеводе и приравнивает его действия к действиям организаторов восстаний в Сибири того времени, Мишки Сорокина и Фильки Полетаева, называет активных сторонников Аввакума — «Фильку

Помельцова, Микифорку Свешникова, Иванку тельного» «с товарыщи», говорит о «подметном воровском» письме Аввакума (речь шла, очевидно, о «малом писанейце» — обличительном послании Аввакума Пашкову на Долгом пороге).

Октября 10. В Соловецкий монастырь послан Служебник «новой печати».

Октября 27. В Москве (в Сибирском приказе) получена отписка Пашкова и челобитная даурских служилых людей и казаков о написании Аввакумом подметного письма против властей и о наказании его за то кнутом.

1658

Января 11. В Сибирском приказе получена челобитная Симеона, архиепископа Сибирского и Тобольского (доставлена протопопом тобольского Софийского собора Мефодием), о том, что в 1656 г. Аввакум был послан из Енисейска с отрядом Афанасия Пашкова в Даурию «вместо белово попа» и о том, что на пути в Даурию Пашков «своими руками» бил Аввакума «чеканом по голове», а палач — по его приказанию — дал «протопопу на козле» кнутом «ударов с шездесят», а затем воевода держал избитого Аввакума в «студеной тюрме» «всю зиму», «с Покрова» до выезда отряда из Братского острога «в Дауры». Архиепископ жаловался на воеводу и писал, что к такому «озорнику» попов и дьяконов «посылать не смеет».

Февраля 10. В черновом отпуске царской грамоты архиепископу Сибирскому и Тобольскому Симеону сообщается о посылке царского указа о замене воеводы Афанасия Пашкова Дмитрием Зиновьевым.

Мая 6. Этим днем Неронов датирует свое видение в Игнатьевой пустыни в «кельи в нощи» Христа, приказавшего ему служить литургию по древним служебникам и по книгам, «кои книги в пустыни сей есть».

Июля 10. Никон оставил патриаршество.

1659

Января 6. Этим днем Неронов датирует явление «в нощи» в «старом» его «подворье» Христа, который спросил его, «почто» Неронов не рассказывал никому о видении 6 мая 1658 г., в котором приказывалось служить литургию по древним служебникам, и просил «возвестить об этом вся» митрополиту Питириму.

1662

Мая 12. Сын боярский Иларион Борисович Толбузин, назначенный нерчинским воеводой вместо А. Ф. Пашкова, принял от последнего в Иртенском остроге его даурский отряд.

Июля 25. Восстание в Москве (так называемый Медный бунт).

Лето. Аввакум на Байкале.

Смерть Глеба Ивановича Морозова, ближнего боярина, новгородского воеводы, мужа Феодосии Прокопьевны Морозовой.

1663
1664

Весна. Аввакум встречается впервые «у царевы руки» с Симеоном Полоцким, только что прибывшим на жительство в Москву: «И вместе я и он были у царевы руки, и, видев он ко мне царевы приятные слова, прискочив ко мне и лизал меня. И я ему рек: «Откуду ты, батюшка?» Он же отвеща: «Я, отченька, ис Киева».

Лето. Аввакум имел «наедине» беседы с царским духовником протопопом Лукианом Кирилловым, архиепископом Иларионом и окольничим Федором Михайловичем Ртищевым «о сложении перстов, и о трегубой аллилуии, и о прочих догматех» старых и «нынешних нововводных».

Июля 27. Окольничий Федор Михайлович Ртищев обратился к Аввакуму с вопросом — «достоит» ли «учитися риторике, диалектике и философии?» Аввакум ответил письмом («Собрание от Божественных писаний протопопа Аввакума Петрова»), которое заключил так: «Попросим с тобою от Христа Бога нашего истиннаго разума, како бы спастися, да наставит нас Дух Святый на всяку истинну, а не риторика с диалектиком».

Августа 29. Аввакума с семьей и с домочадцами повезли в Пустозерский острог. До Яузы его провожал «для благословения» сторож московского Благовещенского собора Андрей Самойлов. Путь лежал через Вологду, Великий Устюг, Холмогоры и Мезень.

Октябрь. Аввакум «с великою нуждею доволокся до Колмогор» и отсюда написал челобитную царю (третью) с просьбой не везти его с семьей в Пустозерск из-за трудности зимнего пути, а оставить «зде, на Колмогорах» или «как твоя государева воля».

Ноября 21. Юродивый Киприан подал царю третью челобитную Аввакума.

Декабря 6. Старец Григорий Неронов подал царю челобитную об Аввакуме, в которой просил возвратить Аввакума и его семью из «того изгнания... и быти ему с мною в пустыни (Игнатьевой на Саре.— *В. М.*), да обще неразлучно пребудем, плачася грехов своих».

Декабря 29. Аввакум привезен с семьей и домочадцами (всех 12 человек) на Мезень.

Начало преследований Ф. П. Морозовой.

У Аввакума родился меньший сын Афанасий.

1665

Январь, начало (29 декабря 1664 г.— 20 января 1965 г.). Аввакум подал челобитную царю с Мезени о выдаче «корма», «хотя человеку по алтыну на день».

Январь, начало. Мезенский воевода Алексей Христофорович Цехановецкий направляет отписку о прибытии Аввакума на Мезень и просит разрешения выдавать Аввакуму «корм». Одновременно сообщает о невозможности отправить протопопа в

Пустозерск из-за отказа («бунта») кеврольских и верховских крестьян дать прогонные деньги и подводы. При отписке посылает челобитные Мезенского выборного земского заказчика и мезенского и олемского сотского на кеврольцев и верховцев.

Января 20. Челобитная Аввакума царю, отписка воеводы А. Х. Цехановецкого и челобитные заказчика и сотского доставлены двинскому воеводе Осипу Ивановичу Щербатову.

Августа 24. Указ о ссылке старца Григория Неронова в Спасский Игнатьев монастырь, что на Лому (в 60 км от Вологды).

Октября 4. Архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Сергий с «товарищи» прибыл в Соловки с повелением братии подчиниться нововведениям.

Ноября 2, «по исходе». Смерть Спиридона Потемкина.

Декабря 9. Дьякон Федор взят под стражу и отведен во двор Павла Крутицкого в Кремле, где оставался «пять седмиц». Отобранные крестовым дьяком Никитой Казанцем келейные его книги переданы Павлу Крутицкому, а письма «домовыя и выписки из книг всякия» отправлены в Тайный приказ.

Дьякон Федор на допросе у митрополита Павла сказал, что слышал от протопопа Аввакума, будто «о книгах новые печати собор будет» и что протопопа предупредили присланные от царя люди, «чтоб терпел до собору» ; имя посланца царя дьякон «не упомнит».

Декабря 13. На вторичном допросе митрополитом Павлом дьякон Федор сказал, что «грамотка» Аввакума, отправленная дьякону Федору Васильеву, адресована ему, Федору Иванову, что в отчестве «протопоп описался или запамятовал».

Декабря 9 — 13. У попа Никиты Добрынина при аресте в Суздале отобрана челобитная о церковных нововведениях Никона, не до конца завершенная, писавшаяся им несколько лет.

Указ о переводе попа Лазаря, знаменского попа Дементьева и подьяка Федора Трофимова с семьями из Сибири в Пустозерский острог «за неистовое прекословье».

1666

Января 31. Архимандрит Троицкого Сергиева монастыря Иоасаф наречен патриархом.

Марта 1. Аввакум привезен в Москву, вместе с ним «съехали же» с Мезени сыновья Иван и Прокопий.

Марта между 1 — 9. Аввакум находился на увещании у митрополита Павла Крутицкого.

Марта 9. Аввакум послан «под начал» в Боровский Пафнутьев монастырь.

Марта 14. Неронов привезен на жилье «до указу» в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Марта 23. Старец Ефрем Потемкин отправлен из Керженских лесов в Москву, а келья его сожжена. На соборе 1666 г. он принес покаяние и был прощен с условием, что прочтет в Ни-

жегородском уезде публично несколько раз свое покаянное воззвание, что и было исполнено.

Мая 10. Расстрижен и проклят на церковном соборе поп Никита Добрынин и отправлен в Николо-Угрешский монастырь.

Мая 11. Дьякон Федор на допросе подал собору «письмо» против церковных исправлений.

Мая 13. Аввакум и дьякон Федор расстрижены и преданы церковному проклятию в Успенском соборе.

Мая 14. Указ о присылке попа Лазаря из Пустозерска в Москву.

Мая 15. «В осмом часу» Аввакум привезен с попом Никитой и дьяконом Федором в Никольский монастырь на Угреши и помещен под церковью в отдельную «палатку студеную над ледником».

Мая 18 — 30. Дети Аввакума безуспешно пытаются приникнуть к отцу.

Мая 24. Этим днем Аввакум датирует свое видение (в «Вознесеньев день», в полночь, во время чтения наизусть утреннего Евангелия) Богородицы и Христа с «силами многими», сказавшего: «Не бойся, Аз есмь с тобою!»

Мая, после 24 числа. Письмо Аввакума из Николо-Угрешского монастыря к семье на Мезень (сообщает о своем положении и настроении после осуждения на соборе, о неудачных попытках сыновей, Ивана и Прокопия, проникнуть к нему в темницу, о видении ему Христа, дает наставления, описывает быт тюрьмы и др.): «у Николы на Угреше сежю в темной полате, весь обран и пояс снят со всяцем утверждением, и блюстители пред дверьми и внутрь полаты, полуголова со стрельцами. Иногда есть дают хлеб, а иногда и щи».

Июня 2. Поп Никита и дьякон Федор принесли покаяние на допросе перед игуменом Николо-Угрешского монастыря Викентием.

Июня 22 (пятница). Солнечное затмение (кольцеобразно-полное).

Июля 1. Иван Неронов принес покаяние собору.

Июля 7. Сыновья Аввакума Иван и Прокопий и племянник Макарко (сын брата Аввакума, священника Кузьмы) «за час до вечери» прибыли в Николо-Угрешский монастырь навестить Аввакума, отстояли всенощную и ночевали в трапезной с богомольцами.

Июля 8, «на зоре», Аввакума тайно навестили и имели с ним разговор через окно сыновья Иван и Прокопий и племянник Макар. Задержанные игуменом Викентием, они назвались на допросе племянниками Аввакума, детьми священника Кузьмы, сказали, что с Аввакумом в монастыре не видались и писем и слов к нему и от него не приносили. После обыска и допроса все трое были отправлены на конюшенный двор, где ночевали «за караулом».

Июля 9, в час дня. Иван и Прокопий предстали в Патриаршем приказе перед дворянином Ильею Кузьмичем Безобразовым и дьяком Иваном Калитиным, признались, что они сыно-

вья Аввакума, и заявили, что говорили с отцом только о его здоровье.

Августа 2. Прибытие попа Лазаря в Пустозерск с Мезени «морем на лодье».

Августа 10. Сыновья Аввакума Иван и Прокопий по «памяти» строителю старцу Кириллу доставлены приставом Патриаршего разряда Иваном Каторжным в Покровский, «что на убогих дому», монастырь «под начал», с приказанием «держать в монастырских трудах, в каких годятца», и никуда из монастыря не отпускать до указа.

Августа 27. Дьякон Федор Иванов привезен из Угреши в Москву и отдан «под начал» митрополиту Павлу Крутицкому.

Дьякон Федор «перед преосвященным собором о прелестях своих покаяния принес и прощения просил».

После 27 августа. Дьякон Федор «для исправления и совершенного покаяния» послан в Покровский монастырь, «что на убогих дому».

Августа, после 27 числа. Сыновья Аввакума Иван и Прокопий подали челобитную царю об освобождении «из-под начала» «для всемирныя радости рождения» царевича Ивана Алексеевича (родился 27 августа 1666 г.).

Августа, между 27 и 30. Поп Никита Константинович Добрынин переведен из Угрешского монастыря в Москву и освобожден из заключения.

Августа 31. Неронов прислан «под строгий начал» в Иосифо-Волоколамский монастырь «за церковный мятеж и к освященному собору за непокорение».

Поп Лазарь привезен в «Ижемскую слободку» и в тот же день «скован» послан в Москву с пустозерским стрельцом Игнашкою Афанасьевым.

Сентября 2. Царская «память» стрелецкому полуголове приказа И. Д. Зубова Григорию Салову о выдаче Аввакума из Никольского Угрешкого монастыря под расписку «присылным людям» из Патриаршего приказа для отсылки его в тюрьму Пафнутьева Боровского монастыря.

Царский указ игумену Боровского Пафнутьева монастыря Парфению о принятии Аввакума и содержании в монастырской тюрьме «накрепко, с великим опасением, чтоб он с тюрмы не ушел и дурна никакова б над собою не учинил, и чернил и бумаги ему не давать и никого к нему пускати не велеть, а корму давать, как и прочим колодникам».

Сентября 3. Аввакум выехал из Угрешского монастыря под конвоем стрелецкого полуголовы Г. О. Салова, четырех стрельцов и двух денщиков, с приказанием конвою «велети ево вести с великим бережением, чтоб он з дороги не ушел и дурна б над собою не учинил».

Сентября 4. Распоряжением митрополита Павла Сарского и Подонского велено освободить на поруки сыновей Аввакума

Ивана и Прокопия с подпиской, чтобы «церкви раскольникам не быть и ложных снов отца своево Аввакума никому не рассказывать».

Сентябрь. Аввакума уговаривали ярославский дьякон Козьма, который «привозил выписки в тетрадях от властей», и подьячий Патриаршего двора, «ис пушкарей» (не из села ли Пушкина, что в 25 верстах от Москвы, по Ярославской дороге?), Василий Васильев. Козьма вел себя двусмысленно: «въяве уговаривает, а втай подкрепляет». С ними Аввакум послал «скаску» с «большой укоризною и бранью», написанную «им (для них.— *В. М.*) тут».

Сентября 20. Иван и Прокопий, сыновья Аввакума, дали подписку на поручной по них записи не быть «расколниками», не распространять «ложных снов отца», ежедневно являться до царского указа в Патриарший разряд к И. К. Безобразову и дьяку И. Калитину и без указа и отпуска никуда не выезжать из Москвы.

Октябрь (?). Дьякон Федор, «не доэдав совершенного от священного собора розрешения и прощения», сбежал из-под «начала» в Покровском монастыре, захватив с собой «из дому своево» жену и детей.

Ноября 2. Приезд в Москву вселенских патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского.

Декабря 12. Низведен с патриаршества Никон.

После октября — не позднее 20 июня 1666 г. Дьякон Федор в объяснительном письме друзьям по поводу принесенного им покаяния собору сообщает о расстрижении их с Аввакумом 13 мая и описывает, как их везли из Москвы в Николо-Угрешский монастырь 15 мая.

1667

Января 30. Дьякон ярославский Козьма от имени Павла Крутицкого и Илариона Рязанского уговаривал Аввакума «и приходил к нему пьян ночью, хотел извести его».

Февраля 10. Возведен в Патриархи Иоасаф II.

Февраля начало. Подготовлена «выписка» — свод из документов собора 1666 г. В ней при перечне старообрядцев, судившихся на соборе, изложены взгляды Аввакума на православную церковь и сообщается о его расстрижении и проклятии собором.

Апреля 21. С попа Никиты Константиновича Добрынина после нескольких его покаянных челобитных собор снял проклятие, но «сана же пресвитерства Никита на удостоился».

Между февраля 10 и июля 10. Напечатан «Жезл правления» Симеона Полоцкого, в котором дается характеристика деятельности протопопа Аввакума и его единомышленников: «Ныне же новоявлшимися отступники Никитою, Аввакумом, Лазарем, Федором, Феоктистом, Спиридоном со суемудреными пустынниками и прочими оторгнувшымися от единства церкви и своя богоненавидимая блядилища составляющыми и строящыми... Велия буря и нестерпимое волнение ударяет ныне на храмину Божественныя церкви чрез злохулные уста Никитины и его

единомысленников: Лазаря-попа, Аввакума, Феодора-диакона и прочих, клевещущих, яко несть предание святых отец, еже тремя персты крест первыми крест святый на себе воображати православным людем».

Июля 1. Неронов принес покаяние собору и послан в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Июля 17. Приговор собора в отношении Аввакума, Лазаря («паки... проклятию предаша») и Епифания («проклятию предаша, и иночества обнажиша, и острищи повелеша, и осудиша отослати к грацкому суду»).

Августа 4. Дьякон Федор поставленный перед собором в Крестовой палате, «собор неправославным нарече... и ни в чем не повинился и прощения не просил».

Августа 5. Допрос архимандритами Филаретом Владимирским, Иосифом Хутынским и Сергием Ярославским Аввакума, Лазаря и Епифания. «А по допросу Аввакум подал письмо своей руки».

Августа 26. Указ о ссылке протопопов Аввакума и Никифора, попа Лазаря и инока Епифания в Пустозерск с сотником Федором Акишевым и десятью стрельцами приказа Василия Бухвостова.

Августа 27. «Казнь» (урезанием языка) Лазаря и Епифания на «Болоте».

Августа 30 — 31. Аввакума, Никифора, Лазаря и Епифания из села Братошина (Братовщино, в 32 верстах от Москвы) повезли на «ямских подводах» в Пустозерский острог.

Ноябрь. Выход Служебника с соборным свитком, в котором дважды упомянут протопоп Аввакум как пострадавший «за непокорение» и преданный проклятию: «Невежди же аще будут прочитати, то неискуством их и неучением разум свой токмо будут прокляти и постраждат, яко же пострада и Никита, поп Лазарь, Аввакум и прочии невежди». «А та клятва и проклятие, еже писано есть в книзе Жезл, возводится ныне точию на Аввакума, бывшего протопопа, и на Лазаря-попа, и Никифора, чернца соловецкаго, и Феодора-диакона, и не прочих их единомысленников и единомудренников и советников их, дондеже пребудут во упрямстве и непокорении». В Синодике XVII в. находится проклятие Аввакуму, составленное, как видно по тексту, еще при его жизни, вскоре, по-видимому, после собора 1666 г., следующего содержания: «Бывый протопоп Аввакум, и поп Лазарь, Феодор-роздиакон, и Соловецкого монастыря бывый чернец Епифанец, и сообщници их развратницы правому учению, не покоряющиися святому собору, и охуждающии святыя тайны, и безумием своим в познании и покаянии и во общение ко святой церкви не приходят, да будут прокляты».

Не позднее первых чисел декабря. По местному народному преданию, Аввакум во время пути в Пустозерск и остановки

стражи у села Усть-Цильмы на Печоре призывал собравшийся народ держаться старых обрядов.

Декабря 12. Аввакума, Никифора, Лазаря и Епифания привезли в Пустозерск и поместили «порознь, очистя пустозерских крестьян избы, по одному человеку в избе», за караулом сотника Ф. Акишева и девяти стрельцов.

Декабря 13. Из Пустозерска посланы воеводские памяти в Ижемскую и Усть-Илимскую слободки о присылке «по первому вешному водяному пути» строевого леса и плотников для строительства тюрем для Аввакума с «товарищи».

1668

Февраля 20 (?). Из челобитной попа Лазаря царю, посланной из Пустозерска: «Книг не имеет... а хлеба дают нам по полутора фунта на сутки, да квасу нужнова, ей, ей и псом больше сего метают! — а соли не дают, а одежишка нет же, ходим срамно и наго».

Февраля 21. Указ о ссылке дьякона Федора в Пустозерск под конвоем.

Февраля 25, «в другом часу дни». «Казнь» (урезание языка) дьякона Федора на «Болоте» (» Для казни... послан подъячий Иван Постников»); «сослан в Пустоозера сего ж числа».

Февраля 29. Новгородская четь отправила в Пустозерск царскую грамоту, в которой «велено по прежнему и по сему государеву указу» для Аввакума «с товарыщи» «тюрьму строить как мочно», избы им «ставить» и корм «давать ис тамошнева хлеба».

Апреля 20. Дьякон Федор привезен в Пустозерск сотником Перфильем Чубаровым и помещен — «на особном на пустом дворе, от прежних колодников (т. е. Аввакума, Епифания, Лазаря и Никифора.— *В. М.*) порознь».

Мая 20. Пустозерский сотский Гаврилко Ортемьев подал в съезжей избе челобитную о привлечении к строительству тюрем для Аввакума «с товарыщи» ижемцев и усть-цилемцев.

Июня 8. Ижемский заказчик Ивашко Григорьев подал в Пустозерске от имени ижемцев и усть-цилемцев челобитную об освобождении их от строительства тюрем.

Июня 22. Стряпчий Игнатий Волохов начал осаду Соловецкого монастыря.

Июля 4. В Новгородской чети и приказе получена челобитная попа Лазаря с сопроводительной отпиской пустозерского воеводы И. С. Неелова.

Июля 8. В Пустозерске получена вторичная грамота о необходимости «тюрьма устроить и избы поставить, как мочно».

Ноября 1. Неронов возведен в архимандриты Данилова Троицкого Переславль-Залесского монастыря.

1669

Января 23. Из Пустозерска послана память «заказщику» Ижемской и Усть-Цилемской слободок, чтобы «по первому водяному пути лес... приплавили без всякого ослушанья».

Марта 3—4. Смерть царицы Марии Ильиничны (Милославской).

Марта 10. Усть-цилемцы и ижемцы сообщили пустозерскому воеводе, что они послали челобитчика в Москву и ожидают ответа, «а лес готовят».

В ночь с четверга на пятницу второй недели Великого поста. Так Аввакум датирует свое «видение» (после более десятидневного неприятия пищи): Бог «за темничное сидение» «вместил» в него (» покорил» ему) «небо, и землю, и всю тварь», описанное в челобитной царю 1669 г.

Мая 3. Запрещен подвоз припасов на Соловки.

Июля 4. Из приказа Сыскных дел получена грамота о немедленной постройке тюрьмы в Пустозерске.

Июля 6. Заказчик Никонка Кондратьев и ижемские и усть-цилемские мирские люди подали пустозерскому воеводе «скаску» о том, что они «великого государя указу грамот не нарушают, а с пустозерцы ссыльным людем тюрьмы не делают».

Июня 10. В Пустозерске получена царская грамота — ответ на челобитье ижемцев и усть-цилемцев, предписывающий воеводе «сыскать» по писцовым книгам, участвовали ли раньше ижемцы и усть-цилемцы в совместных с пустозерцами строительных работах, если да, то «велено всякие поделки делать», а если нет — «делать не велеть».

Июля 28. В Ижемской слободке получена царская грамота о взятии у попа Лазаря «скаски» «за ево рукою», о которой он сообщал при подаче челобитной.

Июля 31. Приказание пустозерского воеводы И. С. Неелова («память») сотнику Федору Акишеву взять у попа Лазаря «скаску».

Августа 7. Поп Лазарь направил царю челобитную (вторично) о том, что воевода Иван Неелов отказывается без предварительного прочтения послать его «скаски» за его печатью («за узлом») о «великом духовном и тайном царском деле» и о том, что жена его «Домница» «с робята» пятый год живет «без корму и без подворья» и нуждается в переводе «в русские городы» в «миру кормитца».

Август. Послана отписка пустозерского воеводы Ивана Савиновича Неелова в Москву о том, что пустозерцы тюрьму и избы ставят, а задержка с постройкой произошла по вине ижемцев и усть-цилемцев.

Лето. Сыновья Аввакума Иван и Прокопий «прибрели» из Москвы на Мезень.

Октября 14. В Новгородской чети получена «скаска» попа Лазаря о том, что пустозерский воевода Иван Неелов не отправляет без прочтения его «церковное великое и великого государя тайное слово», сопровождаемая воеводской отпиской, в которой Неелов просит разрешения взять у Лазаря написанное «за ево печатью за узлом».

Октября 17. Состоялся доклад в Новгородской чети о промедлении в постройке тюрьмы в Пустозерске.

Ноября 25. Доклад в Новгородской чети по челобитью попа Лазаря относительно его сказок о «великом государеве церковном и патриаршем духовном делах» и о переводе его жены Домницы с детьми в «русские городы и в миру кормитца», и последовавшее решение — «велеть у нево взять скаска и прислать к Москве».

Не ранее 1669 г. Иноком Авраамием закончено составление сборника «Христианоопасный щит веры», где он приводит два сочинения Аввакума (первая челобитная царю Алексею Михайловичу и «Записка о заточениях и расстрижении и сношениях с Лазарем и Епифанием после первой их казни»), упоминает об ответном послании Аввакума Андрею Плещееву (в сборнике слов Спиридона Потемкина, слово пятое) и пытается доказать несправедливость возведенных на Аввакума собором обвинений и церковного проклятия, называя Аввакума священным страдальцем, стражем церкви, который, не стыдясь, сказал правду царю.

1670

Января 2. Смерть Ивана Неронова.

Февраля 6. В Пустозерске получена грамота о взятии у попа Лазаря сказок о «церковном великом деле и о твоем, великого государя, тайном слове и патриарше духовном деле».

Инок Авраамий вместе со своими учениками арестован и заключен под стражу на Мстиславском дворе за сношения с Аввакумом (перехвачены его хвалебные письма Аввакуму с вопросами ему).

Февраля 21. Жена попа Лазаря Домника Михайловна подала в Пустозерском остроге, в съезжей избе, челобитную царю о переводе ее — «саму-четверту с робяты» из «Пустоозерья» в русские города, чтобы «нам, бедным, было мочно в миру прокормиться», ибо здесь «помираем голодом, и холодом, и наготою».

Сказки попа Лазаря отправлены в Москву с приставом Герасимом Лютово.

Февраля 23. Стрелецкий полуголова Полтева приказа Иван Кондратьевич Елагин получил в Тайном приказе 50 рублей «государева жалованья» на поездку на Мезень и Печору («для посылки кевронской и мезенской») для совершения казней над сторонниками Аввакума.

Март, вторая половина. Казнь (через повешение) Федора Юродивого и Луки Лавреньевича на Мезени. Сыновья Аввакума Иван и Прокопий, также приговоренные к повешению, «повинились» и были вместе с матерью «закопаны в землю» (посажены в земляную тюрьму); у Анастасии Марковны и сыновей, Ивана и Прокопия, «взяты скаски за руками» в Сыскной приказ о том, что она и дети «соборней и апостольской церкви ни в чем не противны».

Апреля 1. Пристав Герасим Лютово доставил в Новгородскую четверть «сказки» Лазаря и его жены Домны.

Апреля, около 10 числа. Приезд в Пустозерск стрелецкого полуголовы Ивана Кондратьевича Елагина «со стрельцами» для совершения казни узников. По словам Епифания, Елагин, «приехав к нам, и взяв нас ис темниц, и поставил нас пред собою, и наказ стал прочитати». После этого, до казни 14 апреля, «три дня нудил нас всяко отврещися святыя веры Христовы старой».

Апреля 14. Аввакум взят полуголовой Иваном Елагиным из тюрьмы, вместе с Епифанием, Лазарем и Федором, и поставлен перед плахой для зачтения приговора и исполнения публичной казни («перед всем народом пустозерским»). Указано Аввакума «вместо смертной казни» содержать в земляной тюрьме на хлебе и воде; отвели тут же в темницу. Лазарю, Федору и Епифанию вырезали языки (второй раз) и отсекли пальцы правой руки.

Апреля 15. Новгородский приказ доложил царю Алексею Михайловичу о получении из Пустозерска двух сказок попа Лазаря «ево, Лазарева, письма рукою». Государь, «выписки слушав», указал отдать сказки чудовскому архимандриту Иоакиму «да думному дьяку Ларион Иванову», что и было исполнено «того ж числа».

Апреля 21. Этим днем Епифаний датирует свое видение Богородицы и отсеченных перстов.

Августа 1. Григорий Михайлович Неелов, стряпчий рейтарского строя, стрелецкий голова, принял Пустозерское воеводство от московского дворянина Ивана Савиновича Неелова. В сдаточной «описи предметам» сказано: «Да в особой тюрьме, в розных осыпных избах, ссыльные люди, бывшей протопоп Аввакум, роспопа Лазарь, роздьякон Федька, бывшей старец Епифаний за караулом московского сотника стрелецкого Лариона Ярцова и московских стрельцов — десятника Сеньки Тимофеева с товарыщи». В «описи» упомянуты также «в тюрьме Киприян Нагой» и «ссыльные люди» : Пименко Суконников с сыном Стенькою, «нищей» Юшко Федоров, жена Лазаря Домника, человек ее Стенька и бывший благовещенский сторож Андрюшка Самойлов.

Апреля 16 («в третий день» после казни). Аввакум навестил Лазаря в его темнице, «во рте» у него «гладил рукою», нашел, что «говорит по-старому, чисто».

Августа, после 12-го числа. Инок Авраамий, описывая свой допрос в Чудовом монастыре крутицким митрополитом Павлом, вологодским архиепископом Симоном, чудовским архимандритом Иоакимом и думным дьяком Иларионом Ивановым, сообщает о том, что «власти» ставили ему в вину связь с Аввакумом и преклонение перед ним, на что он ответил им, что считает «отца Аввакума» за «истинна Христова ученика», осуждение и проклятие его собором не признает справедливым, ве-

рит ему и «сего ради» обращается к нему с разными вопросами (о Никоне-антихристе и др.), «хотя от него научитися всякому доброму делу», Авраамий приводит отзыв «властей» о себе и Аввакуме, по которому он поставлен в один ряд с протопопом: «ведь у вас из еретишков тех толко Аввакум да черничишко то Аврамей, да и те бедные, не позная истины, заблудили от праваго пути».

Не ранее последней трети указанного года. Инок Авраамий в челобитной царю указывает, что «священный страдалец и от Бога помазанный протопоп Аввакум» и прочие с ним «страдальцы» «возвещали» ему, «дабы... умирил... миром... церковь, а не мечем», но царя «благаго их совета удалился», за что и получил «пагубные беды в державе». С такими же эпитетами Аввакум упоминается в выписке из сочинения инока Авраамия об антихристе. В послании «к некоему боголюбцу» Авраамий просит поминать «в молитвах своих» более всего «начальных страдальцов» — Аввакума, Лазаря, Федора, Епифания и Трифилия. То же повторяет он в посланиях к боярыне Морозовой и к «некоей дщери Христовой», написанных одновременно в заключении на Мстиславском дворе.

Конец 1670 года. Казнь инока Авраамия в Москве, на Болоте.

1671

Января 22. Брак царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной.

Июня 6. Казнь Степана Разина в Москве.

Ноября 16, «в ночь». Ф. П. Морозова и Е. П. Урусова взяты под стражу и после заключения в подклете дома Ф. П. Морозовой (дом находился в Белом городе, вблизи церкви Георгия на Горке) и допросов в Чудовом монастыре перевезены — первая на подворье Псково-Печерского монастыря (находилось в Белом городе), вторая — в Алексеевский женский монастырь, что вблизи Кремля, на «Чертолье».

1672

Февраля 17. Смерть патриарха Иоасафа II.

Июля 7. Возведен в патриархи Питирим.

Октября 17. Постановка при царском дворе «Комедии об Есфири» пастором Немецкой слободы Иоганном Грегори.

Декабря 22. Чудовский архимандрит Иоаким Савелов хиротонисан в митрополиты Новгородские.

Детям Аввакума: Афанасию, Агриппине, Акулине, Аксинье, жене сына Ивана Неониле с дочерью Марьей и трем домочадцам (Тимофею и Аксинье, имя третьего неизвестно) «велено» давать «поденной корм» из мезенских таможенных и кабацких сборов: членам семьи Аввакума «по 6 денег на день», а домочадцам «по 3 деньги на день человеку».

Смерть Ивана Глебовича Морозова, сына Ф. П. Морозовой.

1673

Апреля 19. Смерть патриарха Питирима.

1674

Июля 26. Возведен на патриаршество Иоаким.

1675

Июля 7, «в среду». Казнь (отсечением головы) юродивого Киприана «Нагого» за приверженность к проповеди старообрядчества в селении Ижма Пустозерского воеводства.

Середина года. Ученик и духовный сын Аввакума нижегородец Семен Иванов сын Крашенинников пострижен под именем Сергия в монастыре Живоначальные Троицы в Олонецком уезде игуменом Досифеем.

Сентября 9. Смерть митрополита Павла Крутицкого.

Сентября 11. Смерть Е. П. Урусовой в Боровской тюрьме.

Ноября с 1 на 2. Смерть Ф. П. Морозовой в Боровской тюрьме.

Ноября 10 (?). Смерть Епифания Славинецкого.

Декабря 1. Смерть М. Н. Даниловой в Боровской темнице.

1676

Января 22. Взятие царскими войсками Соловецкого монастыря.

Января 29. Смерть царя Алексея Михайловича.

Января 30. Вступление на престол царя Федора Алексеевича.

Августа 18. Пустозерский воевода сообщил в Новгородский приказ о том, что новоприсланных людей, «воров и мятежников, мирских людей, которые сидели в Соловецком монастыре в осаде», в Пустозерском остроге, в «переговорных» земляных избах «Аввакума с товарыщи» сажать «негде».

Августа 25. Разрядный приказ послал в Новгородский приказ память о переводе Аввакума, Лазаря, Федора и Епифания из Пустозерского острога в Кожеозерский и Спасо-Каменный монастыри, в которой говорилось: «...держать их в тех монастырех под самым крепким началом, з большим бережением, чтобы они ис тех монастырей не ушли никоторыми делы, и никого к ним припускати не велеть и говорить с ними никому ничего не давать, и писем бы никаких у них никто не имал, и к ним от кого нихто не приносил никоторыми делы». Приказы предписывалось также известить о переводе пустозерского воеводу и названные монастыри.

Августа 26. Новгородский приказ известил отпискою Разрядный приказ о том, что Кожеозерский и Спасо-Каменный монастыри «в Новгороцком приказе неведомы» и что грамота пустозерскому воеводе «об отдаче» Аввакума «с товарыщи» «тому, кто по них будет прислан, послана будет тотчас».

Сентября 7 (?). Написан царский указ пустозерскому воеводе Петру Григорьевичу Львову о переводе Аввакума, Лазаря, Федора и Епифания из Пустозерского острога в Кожеозерский и Спасо-Каменный монастыри и о выдаче их «тотчас» присланному из Разрядного приказа и об извещении об этом Новгородского приказа.

Сентября 20. Дьяк Новгородского приказа Любим Домнин «отдал» ижемскому целовальнику Костьке Хозяинову «отвесть» пустозерскому воеводе П. Г. Львову царские грамоты, посланные из Разрядного и Новгородского приказов о переводе Аввакума, Лазаря, Федора и Епифания из Пустозерского острога в Кожеозерский и Спасо-Каменный монастыри и о выдаче их тем, «хто прислан будет» за ними из Разрядного приказа «тотчас, безо всякого молчания», а также о подаче отписки в Новгородский приказ о передаче этому лицу «колодников».

1677

Февраля 24. Сделана запись в Новгородском приказе о посылке грамоты в Пустозерск о возвращении протопопа «с товарыщи» из монастырей в тюрьму Пустозерского острога: «И февраля в 24 день, по памяти из Стрелецкого приказу послана великого (государя) грамота в Пустоозерский острог к воеводе. Велено, как Аввакума протопопа с товарыщи из монастыря в Пустоозерский острог привезут, и их велено посадить попрежнему о тех тюрм, где преж сего сидели. Воиводе сее учинить по грамоте, какова прислана будет из стрелецкого приказу. Память и отпуск грамоте вклеен ниже сево. Февраля в 24 день».

Марта 14. В Пустозерске получены царские грамоты о переводе Аввакума «с товарыщи» из Пустозерского острога в Спасо-Каменный и Кожеозерский монастыри.

Апреля 16. Пустозерский воевода П. Г. Львов отправил отписку в Новгородский приказ о получении грамот о переводе Аввакума «с товарыщи» в монастыркие тюрьмы и о том, что за ними никто не приезжал, а 16 апреля новый караул под командой сотника Матвея Угрюмова, в составе десятника Никиты Солоношника (приказа Федора Головленкова) и 9 стрельцов, для охраня в тюрьме, в «прежних избах» : «и того же, великий государь, апреля в 16 день по твоему, великого государя, указу и по грамоте велел я, холоп твой, сотнику Матвею Угрюмову у сотника московских стрельцов, у Ондрея Чупреянова, колодников, Аввакума с товарыщи, в тюрьме, в розных прежних избах, в которых они посажены, принять и беречь накрепко, чтобы они не ушли, и никово к ним припускать, и говорить ни с кем, и чернил и бумаги дават отнюдь не велел, и над стрельцами приказал смотреть накрепко, чтобы никакова дурна не учинили. Да и сам я, холоп твой, досматриваю тех колодников по вся дни».

Мая 29. Этим днем дьякон Федор датирует «чудо» : по молитве Ф. П. Морозовой в день ее именин вода, каждую весну наполнявшая его темницу «близ колена» от пола, «стече вся с мосту в землю, яко в пропасть, в четверть часа токмо» (в эту весну воды было особенно много потому, что «Аввакум научил

стрельца просечь борозду» к его избе, за то, что дьякон «послал челобитную на него... царю»).

Июль. Напечатано «Извещение чудесе о сложении триех первых перстов в знаменовании честнаго и животворящего креста» патриарха Иоакима, предназначенное для убеждения старообрядцев.

1678

Июня 9. Стольник Гавриил Яковлевич Тухачевский принял Пустозерское воеводство у князя Петра Григорьевича Львова.

1679

Января 6 (в ночь на 6-е). Самосожжение тюменского знаменского попа, знакомого Аввакума, Дометиана, с 1700 человек в верховье реки Тобола, на заимке речки Березовки.

Сентября 2. В Пустозерске получена царская грамота, предписывающая содержать «Аввакума с товарыщи» в тюрьме «с великою крепостью», и, если их тюремные помещения обветшали, «укрепить тотчас». В то время, по сведениям Пустозерской переписной книги и письма Г. Я Тухачевского, в Пустозерском остроге имелось «на посаде и в жирах посадских, тягловых, с монастырскими, опричь церковных причетников пятьдесят три двора, да нищих и вдов восемь дворов, а людей в тех дворех двесте шездесят восем человек, да бездворных и нищих сто семь человек. Кроме того, имелось шесть дворов причетников, в которых проживал 21 человек, и 23 пустых двора (жители сбежали или умерли), 4 церкви (Введенская, Никольская, Спасская и Пречистенская) и подворье («для рыбного промыслу») Красногорского Пинежского монастыря. Священником пустозерской Введенской церкви был Андрей, служивший по старым служебникам, ученик и последователь Аввакума, живший в Пустозерске еще в 1713 г.

1680

Января 20. В Пустозерский острог прибыло 10 соловецких «мятежников» во главе с Логгином Степановым.

В Новгородском приказе получена отписка пустозерского воеводы Г. Я. Тухачевского (на царскую грамоту от 2 сентября 1679 г.), сообщающая о ветхости тюрем, в которых содержатся «Аввакум с товарыщи», и тына вокруг тюрем и о невозможности починить все это «без нового лесу», который приходится «добывать» из Ижемской слободки, за 500 верст. Г. Я. Тухачевский просил также указать, «ис каких доходов те тюрьмы делать».

Июля 30. Стряпчий Андреян Тихонович Хоненев принял Пустозерское воеводство у воеводы стольника Гаврилы Яковлевича Тухачевского. В росписном сдаточном списке Пустозерска сказано: «Церковныя раскольники, что сидят в тюрьме, в осыпных в розных избах, за караулом пустозерских стрельцов: бывший протопоп Аввакум, роспопа Лазарь, роздьякон Федор, бывшей чернец Епифаней». Здесь же сказано, что в Пустозер-

ске «сто человек стрельцов и с ссыльными» и названы имена 10 бывших защитников Соловецкого монастыря, сидящих в тюрьме, четверых ссыльных, живущих на посаде, и имя ссыльной Домницы, жены попа Лазаря, которая «живет в Пустозерском остроге в своем дворе».

1681

Января 6. В день Богоявления, во время крещенского водосвятия, в присутствии царя Федора Алексеевича на «иордани», старообрядцы «безстыдно и воровски метали свитки богохульныя и царскому достоинству безчестныя... тайно вкрадучися в соборныя церкви, как церковныя ризы, так и гробы царския дехтем марали и сальные свечи ставили... наущением того же расколоначальника и слепаго вождя своего Аввакума. Он же сам... на берестяных хартиях начертавал царския персоны и высокия духовныя предводители с хульными надписании, и толковании, и блядословными укоризнами весьма запретительными, не токмо от всего Священного Писания, но от Божественных уст Спасителя нашего...»

Февраля 7. Якушка Первого, пустозерский стрелец, подал в Москве отписку пустозерского воеводы А. Т. Хоненева о том, что «в Пустозерском же, государь, остроге тюрьмы, где сидят ссыльные Аввакум с товарыщи, все худы и розвалились же, а починить тех тюрем нельзя ж, все згнили, а вновь построить без твоего, великого государя, указу не смею». По этой отписке, грамотой от 2 марта, велено было: «Тюремной двор построить вновь, буде починить не мочно. А строить велеть тот тюремный двор с великим береженьем, чтоб ис тюрьмы ис колодников кто не ушол, а строить преж велеть тюремный тын, а избы после с великим же остерегательством». Приказывалось также снестись с приказом Большой Казны, которому по этому поводу была послана 11 февраля память.

Августа 17. Смерть патриарха Никона.

1682

Февраля 8. Царь Федор Алексеевич в письме собору спрашивал, как поступить с раскольниками. Ответ собора — «по государеву усмотрению».

Март — первая половина. Капитан И. С. Лешуков ведет сыск в Пустозерске по поводу распространения Аввакумом из земляной тюрьмы «злопакостных» и «злохульных» писаний, направленных против царя и высшего духовенства.

Апреля 14. Казнь (сожжение на костре) Аввакума, Епифания, Лазаря и Федора.

Апреля 27. Смерть царя Федора Алексеевича. По народному преданию, записанному в XVIII в., протопоп Аввакум предсказал царю скорую кончину после своей казни.

Виктор Василенко

ПРОТОПОП АВВАКУМ

Посвящается В. А. Десятникову

...сковали руки и ноги и на беть кинули... Увы мне! Как дощеник-от в воду не погряз со мною!

Протопоп Аввакум. Житие

Как река сибирская угрюма!
Камень судну стал наперерез!
Боль сжигает сердце Аввакума,
и тревога охватила думы:
грозен край, где скалы, топь и лес!

В первый раз он видит дебри эти!
Господи, куда же ты завлек?!
На плечах горят ожогом плети.
Жизнь его сплошное лихолетье,
колеи неведомых дорог!

В земляной тюрьме его держали.
Издевались: встань и поклонись
книжище никонианской, звали
дураком и в бороду плевали,
выдирали волосы, дрались!

Ветер исхлестал худое тело
и дощаник покрывал водой.
На ногах цепь ржавая гремела.
Облако скользило тенью белой,
и за ним катился вал седой.

Слуги царские его встречали:
воеводы, дьяки и псари.
Били и бросали на мочале,
и гноили в ямах, подымали
в долгий путь задолго до зари.

Хоть и тяжко, но огромной силой,
Как бра́тина медом, полон дух!
Как больное сердце защемило!
На холмах тайга шумит постыло,
чуждой речью оглашая слух.

Бьет дощаник волнами о камень.
Распласталась синяя коса.
Где-то от костра бродячий пламень,
он скользит, ломается углами
у воды, качнувшей небеса.

Страшны птицы, звери дико люты.
Горы наклонились к облакам,
камни осыпая поминутно;
дует ветер горький и попутный,
прижимая к тусклым берегам.

Не стерпеть, наверно, этой муки!
Мокрая и снежная крупа
вновь пошла, и коченеют руки.
По тайге от ветра гул и стуки,
и кабанья в ельнике тропа.

Тают хлопья. Горы ближе, выше.
Подступила каменная рать.
Вот и ветки елей черной крышей
опустились. Сердце бьется тише,
приготавливаясь умирать.

Бьет река волной и с неохотой
подымает судно и влечет.
Издалече будто крикнул кто-то,
и теперь видать от поворота,
как реку перегораждает лед.

1950 — 1963

Максимилиан Волошин

ПРОТОПОП АВВАКУМ

Поэма

Памяти В. И. Сурикова

1

Прежде нежели родиться — было
Во граде солнечном,
В Небесном Иерусалиме:
Видел солнце, разверстое, как кладезь.
Силы небесные кругами обступали тесно —
Трижды тройным кольцом Сияющие Славы:
В первом круге —
Облакам подобные и ветрам огненным;
В круге втором —
Гудящие, как вихри косматых светов;
В третьем круге —
Звенящие и светлые, как звезды.
А в недрах Славы — в свете неприступном —
Непостижима, Трисиянна, Пресвятая

Троица —
Подобно адаманту, вне мира сущему,
И больше мира.
И слышал я:
Отец рече сынови:
— Сотворим человека
По образу и по подобию огня небесного...
И голос был во мне:
«Ти подобает облачиться в человека
Тлимого,
Плоть восприять и по земле ходить.
Поди: вочеловечься
И опаляй огнем!»
Был же я, как уголь раскаленный,
И вдруг погас,
И черен стал,
И, пеплом собственным одевшись,
Был извержен
В хлябь внешнюю.

2

Пеплом собственным одевшись, был извержен
В хлябь внешнюю:
Мое рожденье было
За Кудмою-рекой
В земле Нижегородской.
Отец мой прилежаще пития хмельного,
А мати — постница, молитвенница бысть.
Аз ребенком малым видел у соседа
Скотину мертвую, и во ночи восставши,
Молился со слезами, чтоб умереть и мне.
С тех пор привык молиться по ночам.
Молод осиротел.
Был во попы поставлен.
Пришла ко мне на исповедь девица,
Делу блудному повинна,
И мне подробно извещала.
Аз же — треокаянный врач — сам разболелся,
Внутрь жгом огнем блудным.
Зажег я три свечи и руку
Возложив, держал,
Дондеже разжеженье злое не угасло.
А дома до полунощи молясь: да отлучит мя Бог,—
Понеже бремя тяжко,—
В слезах забылся.
А очи сердечнии при Волге при реке и вижу:

Плывут два корабля златые —
Все злато — весла, и шесты, и щегла:
«Чьи корабли?» — спросил.
«Детей твоих духовных».
А за ними третий —
Украшен не золотом, а разными пестротами:
Черно и пепельно, сине, красно и бело.
И красоты его ум человеческий вместить не может.
Юнош светел парус правит.
Я ему:
«Чей есть корабль?»
А он мне:
«Твой.
Плыви на нем, коль миром докучаешь!»
А я, вострепетав и седше, рассуждаю:
Аз есмь огонь, одетый пеплом плоти,
И тело наше без души
Есть кал и прах.
В небесном царствии всем золота довольно.
Нам же, во хлябь изверженным
И тлеющим во прахе, подобает
Страдати неослабно.
Что будет плаванье?
По мале времени, по виденному, беды
Восстали адовы, и скорби, и болезни.

3

Беды восстали адовы, и скорби, и болезни:
От воевод терпел за веру много:
Ин — в церкви взяв,
Как был — с крестом и в ризах
По улице за ноги волочил.
Ин — батогами бил, топтал ногами,
И мертв лежал я до полчаса и паки оживел,
Ин — на руке персты отгрыз зубами...
В село мое пришедше скоморохи
С домрами и с бубнами,
Я ж — грешник,— о Христе ревнуя, изгнал их.
Хари
И бубны изломал —
Един у многих.
Медведей двух великих отнял:
Одного ушиб — и паки ожил —
Друго отпустил на волю.
Боярин Шереметьев, на воеводство плывучи,
К себе призвал и, много избраня,

Сына-брадобрица велел благословить.
Я ж образ блудоносный стал обличать.
Боярин, гораздо осердясь,
Велел мя в воду кинуть.
Я ж взяв клюшку, а мати — некрещеного младенца,
Побрел в Москву — Царю печалиться.
А Царь меня поставил протопопом.
В те поры Никон
Яд изрыгнул.
Пишет:
«Не подобает в церкви
Метание творити на колену.
Тремя перстами креститеся».
Мы ж задумались, сошедшись.
Видим: быть беде!
Зима настала,
Озябло сердце.
Ноги задрожали.
И был мне голос:
«Время
Приспе страдания.
Крепитесь в вере.
Возможно антихристу и избранных прельстити»...

4

Возможно антихристу и избранных прельстити.
Взяли меня от всенощной, в телегу посадили,
Распяли руки и везли
От патриархова двора к Андронью,
И на цепь кинули в подземную палатку.
Сидел три дня — не ел, не пил:
Бил на цепи поклоны —
Не знаю — на восток, не то на запад.
Никто ко мне не приходил,
А токмо мыши и тараканы,
Сверчок кричит и блох довольно.
Ста предо мной — не вем кто —
Ангел аль человек,
И хлеба дал и штец хлебать,
А после сгинул,
И дверь не отворялась.
Наутро вывели:
Журят, что Патриарху
Не покорился.
А я браню да лаю.
Приволочили в церковь — волосы дерут,

В глаза плюют,
Да за чепь торгают.
Хотели стричь,
Да государь, сошедши с места, сам
Приступился к Патриарху —
Упросил не стричь.
И был приказ:
Сослать меня в Сибирь с женою и с детьми.

5

Сослали меня в Сибирь с женою и с детьми.
В те поры Пашков, землицы новой ищучи,
Даурские народы под руку Государю приводил.
Суров был человек — людей без толку мучил.
Много его я уговаривал,
Да в руки сам ему попал.
Плотами плыли мы Тунгускою-рекой.
На Долгом на пороге стал Пашков
С дощеника мя выбивать:
«Для тебя-де дощеник плохо ходит —
Еретик ты:
Поди-де по горам, а с казаками не ходи».
Ох, горе стало!
Высоки горы,
Дебри
Непроходимые.
Утесы, яко стены,
В горах тех — змии великие,
Орлы и кречеты, индейские курята,
И лебеди, и бабы, и иные птицы,
И многие гуляют звери —
Лоси и кабаны,
И волки, и бараны дикие —
Видишь воочию, а взять нельзя.
На горы те мя Пашков выбивал
Там со зверьми и с птицами витати.
А я ему посланьице писал.
Начало сице:
«Человече! Убойся Бога,
Сидящего на Херувимах и презирающего в бездне!
Его же трепещут Силы небесные и тварь земная.
Един ты презираешь и неудобство показуешь...»
Многонько там написано.
Привели мя пред него, а он
Со шпагою стоит,
Дрожит.

«Ты поп, или распоп?»
А я ему:
«Есмь протопоп.
Тебе что до меня?»
А он рыкнул, как зверь, ударил по щеке,
Стал чепью бить,
А после, разболокши, стегать кнутом.
Я ж Богородице молюсь:
«Владычица!
Уйми ты дурака того!»
Сковали и на беть бросили:
Под капелью лежал.
Как били — не больно было,
А лежа на ум взбрело:
«За что ты, Сыне Божий, попустил убить меня?
Не за Твое ли дело стою?
Кто будет судиею меж мною и Тобой?»
Увы мне! будто добрый,—
А сам, что фарисей с навозной рожей —
С Владыкою судиться захотел.
Есмь кал и гной.
Мне подобает жить с собаками и свиньями:
Воняем —
Оне по естеству, а я душой и телом.

6

Воняем: оне по естеству, а я душой и телом.
В студеной башне скованный сидел всю зиму.
Бог грел без платья:
Что собачка на соломке лежу.
Когда покормят, когда и нет.
Мышей так много — скуфьею бил,
А батожка не дали дурачки.
Спина гнила. Лежал на брюхе.
Хотел кричать уж Пашкову: «Прости!»
Да велено терпеть.
Потом два лета бродили по водам.
Зимой чрез волоки по лесу волоклись.
Есть стало нечего.
Учали люди с голоду мереть.
Река мелка.
Плоты тяжелы.
Палки суковаты.
Кнутья остры.
Жестоки пытки.
Приставы немилостивы.

А люди голодные:
Огонь да встряска —
Лишь стануг мучать,
А он помрет.
Сосну варили, ели падаль.
Что волк не съест — мы доедим.
Волков и лис озяблых ели.
Кобыла жеребится — голодные же втай
И жеребенка, и место скверное кобылье —
Все съедят.
И сам я — грешник — неволею причастник
Кобыльим и мертвечьим мясом.
Ох, времени тому!
Как по реке по Нерчи
Да по льду голому брели мы пеши —
Страна немирная, отстать не смеем,
А за лошадями не поспеть.
Протопопица бредет, бредет
Да и повалится.
Ин томный человек набрел,
И оба повалились:
Кричат, а встать не могут.
Мужик кричит:
«Прости, мол, матушка».
А протопопица:
«Чего ты, батько,
Меня-то задавил?»
Приду — она пеняет:
«Долго ли муки сей нам будет, протопоп?»
А я ей:
«Марковна, до самой смерти».
Она же, вздохня, ответила:
«Добро, Петрович.
Ин дальше побредем».

7

Ин дальше побредем,
И слава Богу сотворившему благая!
Курочка у нас была черненька.
Весь круглый год по два яичка в день
Робяти приносила.
Сто рублев при ней — то дело плюново.
Одушевленное творенье Божье!
Нас кормила и сама сосновой кашки
Тут же клевала из котла.
А рыбку прилучится — так и рыбку.

На нартке везучи, в то поры задавили
Ее мы по грехам.
Не просто она досталась нам:
У Пашковой снохи — боярыни
Все куры переслепли.
Она ко мне пришла,
Чтоб я
О курах помолился.
Я думаю — заступница есть наша
И детки есть у ней.
Куров кропил, корыто делал,
Водой святил, да все ей отослал.
Курки исцелели,
И наша курочка от племени того,
Да полно говорить то:
У Христа так повелось издавна —
Богу вся надобно: и птичка и скотинка,
Ему во славу, человека ради.

8

Во славу Бога, человека ради
Творится все.
С Мунгальским царством воевати
Пашков сына Еремея посылал,
И заставлял волхва-язычника шаманить и гадать.
А тот мужик близ моего зимовья
Привел барана вечером
И волховать учал:
Вертел им много
И голову прочь отвертел.
Зачал скакать, плясать и бесов призывать.
И, много покричав, о землю ударился
И пена изо рта пошла.
Бесы давят его, а он их спрашивает:
«Удастся ли поход?»
Они ж ему:
«С победою великой
И богатством назад придут».
А воеводы рады: «Богатыми вернемся».
Я ж в хлевине своей взываю с воплем:
«Послушай мене, Боже!
Устрой им гроб! Погибель наведи!
Да ни один домой не воротится!
Да не будет по слову дьявольскому!»
Громко кричу, чтоб слышали...
И жаль мне их: душа то чует,

Что им побитым быти,
А сам на них погибели молю.
Прощаются со мной, а я им:
«Погибнете!»
Как выехали ночью —
Лошади заржали, овцы и козы заблеяли,
Коровы заревели, собаки завыли,
Сами иноземцы завыли, что собаки:
Ужас
На всех напал.
А Еремей слезами просит, чтобы
Помолился я за него.
Был друг мой тайной —
Перед отцом заступник мой.
Жалко было: стал докучать Владыке,
Чтоб пощадил его.
Учали ждать с войны, и сроки все прошли.
В те поры Пашков
Застенок учредил и огнь расклал:
Хочет меня пытать.
А я к исходу душевному молитвы прочитал:
Стряпня знакома —
После огня того живут недолго.
Два палача пришли за мной...
И чудно дело:
Еремей сам-друг дорожкой едет — ранен.
Все войско у него побили без остатку.
А сам едва ушел.
А Пашков, как есть пьяной с кручины,
Очи на мя возвел,
Словно медведь морской, белой —
Жива бы проглотил, да Бог не выдал.
Так десять лет меня он мучал.
Аль я его? Не знаю.
Бог разберет в день века.

9

Бог разберет в день века.
Грамота пришла — в Москву мне ехать.
Три года ехали по рекам да лесам.
Горы каких не видано:
Врата, столпы, палатки, повалуши —
Все богаделанно.
На море на Байкале —
Цветенья благовонные и травы,
И птиц гораздо много: гуси да лебеди

По водам точно снег.
А рыбы в нем: и осетры, и таимени,
И омули, и нерпы, и зайцы великие.
И все-то у Христа для человека наделано,
Его же дние в суете, как тень, проходят:
Он скачет, что козел,
Съесть хочет, яко змий,
Лукавствует, как бес,
И гневен, яко рысь.
Раздуется, что твой пузырь,
Ржет, как жребя, на красоту чужую,
Отлагает покаяние на старость,
А после исчезает.
Простите мне, никонианцы, что избранил вас,
Живите, как хотите.
Аз паче всех есмь грешен,
По весям еду, а в духе ликование,
А в русски грады приплыл —
Узнал о церкви — ничто не успевает.
И, опечалясь, седше, рассуждаю:
«Что сотворю: поведаю ли слово Божие,
Аль скроюся?
Жена и дети меня связали...»
А протопопица, меня печальна видя,
Приступи ко мне с опрятством и рече ми:
«Что, господине, опечалился?»
А я ей:
«Что сотворю, жена?
Зима ведь на дворе.
Молчать мне аль учить?
Связали вы меня!..»
Она же мне:
«Что ты, Петрович?
Аз тя с детьми благословляю:
Проповедуй по-прежнему.
О нас же не тужи,
Силен Христос и не покинет нас.
Поди, поди, Петрович,— обличай блудню их
Еретическую...»

10

Да, обличай блудню их еретическую...
А на Москву приехал —
Государь, бояра — все мне рады,
Как ангела приветствуют.
Государь меня к руке поставил:

«Здорово, протопоп, живешь?
Еще-де свидеться Бог повелел».
А я, супротив руку ему поцеловавши:
«Жив, говорю, Господь,— жива душа моя.
А впредь что Бог прикажет».
Он же, миленькой, вздохнул да и пошел,
Где надобе ему.
В подворье на Кремле велел меня поставить
Да, проходя, сам кланялся низенько:
«Благослови меня-де и помолись о мне».
И шапку в иную пору — мурманку снимаючи
Уронит с головы.
А все бояра — челом мне да челом.
Как мне царя того, бояр тех не жалеть?
Звали все, чтоб в вере соединился с ними.
Да видят — не хочу,— так Государь велел
Уговорить меня, чтоб я молчал.
Так я его потешил:
Царь есть от Бога учинен и до меня добренек.
Пожаловал мне десять рублев.
Царица тоже,
А Федор Ртищев — дружище наше старое —
Тот шестьдесят рублев
Велел мне в шапку положить.
Всяк тащит да несет.
У Федосьи Прокофьевны Морозовой
И днюю и ночую —
Понеже дочь моя духовна,
Да к Ртищеву хожу
С отступниками спорить.

11

К Ртищеву ходил с отступниками спорить.
Вернулся раз домой зело печален,
Понеже много шумел в тот день.
А в доме у меня случилось неустройство:
Протопопица моя с вдовою домочадицей с Фетиньей
Повздорила.
А я, пришед, обеих бил и оскорбил гораздо.
Тут бес вздивьял в Филиппе.
Филипп был бешеной — к стене прикован:
Жесток в нем бес сидел,
Да вовсе кроток стал молитвами моими.
А тут вдруг зачал цепь ломать —
На всех домашних ужас нападе.
Меня не слушает, да как ухватит —

И стал как паучина меня терзать,
А сам кричит:
«Попал мне в руки!»
Молитву говорю — не пользует молитва.
Так горько стало: бес надо мною волю взял!
Вижу — грешен: пусть бьет меня.
Маленько полежал, и с совестью собрался.
Восстав, жену сыскал и земно кланялся:
«Прости меня, Настасья Марковна!»
Посем с Фетиньей также простился,
На землю лег и каждому велел
Меня бить плетью по спине
По окаянной.
А человек там было двадцать.
Жена и дети — все, плачучи, стегали.
А я ко всякому удару по молитве.
Когда же все отбили —
Бес, увидев ту неминучую беду,
Вон из Филиппа вышел.
А в тонцем сне возвещено мне было:
«По стольком по страданье угаснуть хочешь?
Блюдися от меня — не то растерзан будешь».
Сам вижу: церковное ничто не успевает.
И паки заворчал,
Да написал Царю посланьице,
Чтоб он Святую Церковь от ереси оборонил.

12

Посланьице Царю, чтоб он Святую Церковь
От ереси оборонил:
«Царь государь, наш свет!
Твой богомолец, в Даурех мученой,
Бьет тебе челом.
Во многих живучи смертях,
Из многих заключений восставши, как из гроба,
Я чаял дома тишину найти,
А вижу церковь смущенну паче прежнего.
Угасли древние лампады,
Замутился Рим и пал Царьград.
Лугари, Гусяти и Колвинцы
Тело Церкви честное раздирали,
В Галлии — земле вечерней,
В граде во Парисе,
В училище Соборном
Блазнились прелестью, что зрит на круг небесный,
Достигши разумом небесной тверди,

И звездные теченья разумея.
— Только Русь, облистанная светом
Благости, цвела, как вертоград,
Паче мудрости любя простыню.
Как на небе грозди светлых звезд
По лицу Руси сияли храмы,
Города стояли на мощах,
Да Москва пылала светом веры.
А нынче вижу: ересь на Москву пришла —
Нарядна — в царской багрянице ездит,—
Из чаши подчует;
И царство Римское и Польское
И многие другие реши упоила
Да и на Русь приехала.
Церковь — православна,
А догматы церковны — от Никона-еретика.
Многие его боятся — Никона,
Да на Бога уповая,— я не боюсь его,
Понеже мерзок он пред Богом — Никон.
Задумал адов пес:
«Арсен, печатай книги — как-нибудь,
Да только не по-старому».
Так су и сделал.
Ты ж простотой души своей
От внутреннего волка книги приял,
Их чая православными.
Никонианский дух — антихристов есть дух!
Как до нас положено отцами —
Так лежи оно вовек веков!
Горе нам! Едина точка
Смущает богословию,
Единой буквой ересь вводится.
Не токмо лишь святые книги изменили,
Но вещи и пословицы, обычаи и ризы:
Исуса бо глаголят Иисусом,
Николу — Чудотворцем-Николаем,
Спасов образ пишут:
Лицо — одутловато,
Уста — червонные, власы — кудрявы,
Брюхат и толст, как немчин учинен,
Только сабли при бедре не писано.
Еще злохитрый дьявол
Из бездны вывел мнихи,
Имеющие образ любодейный.
Подклейки женские и клобуки рогаты;
Расчешут волосы, чтоб бабы их любили,
По титькам препояшутся, что женка брюхатая —
Ребенка в брюхе не извредить бы,

А в брюхе у него не меньше ребенка бабьего
Накладено еды той:
Миндальных ягод, ренскова,
И романей, и водок, процеженных вином.
Не челобитьем тебе реку,
Не похвалой глаголю,
А истину несу:
Некому тебе ведь извещать,
Как строится твоя держава.
Вем яко скорбно от докуки нашей
Тебе, о Государь!
Да нам не сладко,
Когда ломают ребра, кнутьем мучат,
Да жгут огнем, да голодом томят.
Ведаю я разум твой:
Умеешь говорить ты языками многими.
Да что в том прибыли?
Ведь ты, Михайлович, русак — не грек:
Вздохни-ка ты по-старому — по-русски:
«Господи, помилуй мя грешного!»
А Кирие-элейсон ты оставь.
Возьми-ка ты никониан, латынников, жидов,
Да пережги их — псов паршивых,
А нас — природных — своих-то распусти —
А будет хорошо.
Царь христианский, миленькой ты наш!»

13

Царь христианский, миленькой ты наш,
Стал на меня с тех пор кручиновати.
Не любо им, что начал говорить,
А любо, коль молчу.
Да мне так не сошлось.
А власти, что козлы,— все пырскать стали.
Был от царя мне выговор:
«Поедь-де в ссылку снова».
Учали вновь возить
По тюрьмам да монастырям.
А сами просят:
«Долго ль мучать нас тебе?
Соединись-ка с нами, Аввакумушка!»
А я их — зверей пестрообразных,— обличаю,
Да вере истинной народ учу.
Опять в Москву свезли,
В соборном храме стригли:
Обгрызли, что собаки, и бороду обрезали,

Да бросили в тюрьму.
Потом приволокли
На суд Вселенских Патриархов.
И наши тут же — сидят, что лисы,
Говорят: «Упрям ты:
Вся-де Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи,
И Римляне, и Ляхи — все крестятся тремя персты».
А я им:
«Учители вселенстии!
Рим давно упал, и Ляхи с ним погибли.
У вас же православие пестро
С насилия турецкого —
Впредь сами к нам учиться приезжайте!»
Тут наши все завыли, что волчата,
Бить бросились...
И Патриархи с ними:
Великое антихристово войско!
А я им:
«Убивши человека,
Как литоргисать будете?»
Они и сели.
Я ж отошел к дверям да на бок повалился:
Вы посидите, а я, мол, полежу.
Они смеются:
Дурак-де протопоп,— не почитает Патриархов.
А я их словами Апостола:
«Мы ведь — уроды Христа ради:
Вы — славны, мы — бесчестны,
Вы — сильны, мы же — немощны».

14

Вы — сильны, мы же — немощны.
Боярыню Морозову с сестрой —
Княгиней Урусовой — детей моих духовных
Разорили и в Боровске в темницу закопали.
Ту с мужем развели, у этой сына уморили.
Федосья Прокопьевна, боярыня, увы!
Твой сын плотской, а мой духовной
Как злак посечен:
Уж некого тебе погладить по головке,
Ни четками в науку постегать,
Ни посмотреть, как на лошадке ездит.
Да ты не больно кручинься-то:
Христос добро изволил,
Мы сами-то не вем, как доберемся,
А они на небе у Христа ликовствуют

С Феодором — с удавленным моим.
Феодор-то — юродивый покойник
Пять лет в одной рубахе на морозе
И гол и бос ходил.
Как из Сибири ехал — ко мне пришел.
Псалтырь печатей новых был у него —
Не знал о новизнах.
А как сказал ему — в печь бросил книгу.
У Федора зело был подвиг крепок:
Весь день юродствует, а ночью на молитве.
В Москве, как вместе жили,
Неможется, лежу,— а он стыдит:
«Долго ль лежать тебе? И как сорома нет?
Встань, миленькой!»
Вытащит, посадит, прикажет молитвы говорить,
А сам-то бьет поклоны за меня.
То-то был мне друг сердечный!
Хорошо и Афанасьюшка — другой мой сын духовный.
Да в подвиге маленько покороче.
Отступники его на углях испекли:
Что сладок хлеб принесся Пречистой Троице!
Ивана — князя Хованского избили батогами
И, как Исаию, огнем сожгли.
Двоих родных сынов — Ивана да Прокофья
Повесить приказали;
Они ж не догадались
Венцов победных ухватить,
Сплошали — повинились.
Так вместе с матерью их в землю закопали:
Вот вам — без смерти смерть.
У Лазаря-священника отсекли руку,
А она-то, отсечена и лежа на земле,
Сама сложила пальцы двуперстием.
Чудно сие:
Бездушная одушевленных обличает.
У схимника — у старца Епифанья
Язык отрезали.
Ему ж Пречистая в уста вложила новый:
Бог — старый чудотворец —
Допустит пострадать и паки исцелит.
И прочих наших на Москве пекли и жарили.
— Чудно! Огнем, кнутом да виселицей
Веру желают утвердить.
Которые учили так — не знаю,
А мой Христос не так велел учить.
Выпросил у Бога светлую Россию сатана —
Да очервленет ю
Кровью мученической.

Добро ты, Дьявол, выдумал —
И нам то любо:
Ради Христа страданьем пострадати.

15

Ради Христа страданьем пострадати
Мне не судил еще Господь:
Царица стояла за меня — от казни отпросила.
Так, братию казня, меня ж, не тронув,
Сослали в Пустозерье
И в срубе там под землю закопали:
Как есть мертвец —
Живой похороненной.
И было на Страстной со мною чудо:
Распространился мой язык
И был зело велик,
И зубы тоже,
Потом стал весь широк —
По всей земле под небесем пространен.
А после небо, землю и тварей всех
Господь в меня вместил.
Не диво ли: в темницу заключен,
А мне Господь и небо, и землю покорил?
Есмь мал и наг,
А более вселенной.
Есмь кал и грязь,
А сам горю, как солнце.
Э, милые! Да если б Богу угодно было
Душу каждого разоблачить из пепла,
Так вся земля растаяла б,
Что воск, в единую минуту.
Задумали добро:
Двенадцать лет
Закопанным в земле меня держали:
Думали, погасну,
А я молитвами да бденьями свечу
На весь крещеный мир.
От света земного заперли,
Да свет небесный замкнуть не догадались.
Двенадцать лет не видел я ни солнца,
Ни неба синего, ни снега, ни деревьев,
А вывели казнить,
Смотрю, дивлюсь:
Черно и пепельно, сине, красно и бело,
И красоты той ум человеческий вместить не может!
Построен сруб — соломою накладен:

Корабль мой огненный —
На родину мне ехать.
Как стал ногой —
Почуял: вот отчалю!
И ждать не стал:
Сам подпалил свечой.
Святая Троица! Христос мой миленькой!
Обратно к Вам — в Ерусалим небесный!
Родясь — погас,
Да снова разгорелся.

1918

Иоанн, митрополит
Санкт-Петербургский и Ладожский

ДОМ, РАЗДЕЛИВШИЙСЯ САМ В СЕБЕ, НЕ УСТОИТ (РАСКОЛ КАК ЯВЛЕНИЕ РУССКОГО СОЗНАНИЯ)

Расколом принято называть произошедшее во второй половине XVII века отделение от господствующей Православной Церкви части верующих, получивших название старообрядцев, или раскольников. Значение Раскола в русской истории определяется тем, что он являет собой видимую отправную точку духовных нестроений и смут, завершившихся в начале XX века разгромом русской православной государственности.

О Расколе писали многие. Историки — каждый по-своему — толковали его причины и разъясняли следствия (большей частью весьма неудовлетворительно и поверхностно). Рационализированные научные методики и широкая эрудиция ученых мужей оказались беспомощны там, где для решения вопросов требовалось понимание духовных, таинственных глубин народного сознания и благодатного церковного устроения.

Непосредственным поводом для Раскола послужила так называемая «книжная справа» — процесс исправления и редактирования богослужебных текстов. Не один историк останавливался в недоумении перед трудным вопросом: как столь ничтожная причина могла породить столь великие следствия, влияние которых мы до сих пор испытываем на себе? Между тем ответ достаточно прост — беда в том, что его не там искали. «Книжная справа» была лишь п о в о д о м, причины же, настоящие, серьезные, лежали гораздо глубже, коренясь в основах русского религиозного самосознания.

Религиозная жизнь Руси никогда не застаивалась. Обилие живого церковного опыта позволяло благополучно решать самые сложные вопросы в духовной области. Наиболее важными из них общество безоговорочно признавало соблюдение исторической преемственности народной жизни и духовной индивидуальности России, с одной стороны, а с другой стороны — хранение чистоты вероучения независимо ни от каких особенностей времени и местных обычаев.

Незаменимую роль в этом деле играла богослужебная и вероучительная литература. Церковные книги из века в век являлись той незыблемой материальной скрепой, которая позволяла обеспечить непрерывность духовной традиции. Поэтому неудивительно, что по мере оформления единого централизованного

Русского государства вопрос о состоянии книгоиздания и пользования духовной литературой превращался в важнейший вопрос церковной и государственной политики.

Еще в 1551 году Иоанн IV созвал собор, имевший целью упорядочить внутреннюю жизнь страны. Царь самолично составил перечень вопросов, на которые предстояло ответить собранию русских пастырей, дабы авторитетом своих решений исправить изъяны народной жизни, препятствовавшие душеспасению и богоугодному устроению русского царства.

Рассуждения собора были впоследствии разделены на сто глав, откуда и сам он получил название Стоглавого. Предметом его внимания, среди многих других, стал и вопрос о церковных книгах. Их порча через переписывание неподготовленными писцами, допускавшими ошибки и искажения, была очевидна для всех. Собор горько жаловался на неисправность богослужебных книг и вменил в обязанность протопопам и благочинным исправлять их по хорошим спискам, а книг непересмотренных не пускать в употребление. Тогда же возникло убеждение, что надо завести вместо писцов типографию и печатать книги.

После Стоглава вплоть до половины XVII века дело исправления книг существенных изменений не претерпело. Книги правились с добрых переводов по славянским древним спискам и неизбежно несли в себе все ошибки и неисправности последних, которые в печати становились еще распространеннее и тверже. Единственное, чего удалось достигнуть, было предупреждение новых ошибок — патриарх Гермоген установил для этого при типографии даже особое звание книжных справщиков.

В Смутное время печатный дом сгорел, и издание книг на время прекратилось, но, как только обстоятельства позволили опять, за издание взялись с завидным рвением. При патриархе Филарете (1619 — 1633), Иоасафе I (1634 — 1641) и Иосифе (1642 — 1652) труды, предпринятые по этой части, доказали необходимость сверки не по славянским спискам, а по греческим оригиналам, с которых когда-то и делались первоначальные переводы.

В ноябре 1616 года царским указом поручено было архимандриту Сергиевой лавры Дионисию, священнику села Климентьевского Ивану Наседке и канонархисту лавры старцу Арсению Глухому заняться исправлением Требника. Справщики собрали необходимую для работы литературу (кроме древних славянских рукописей было у них и четыре греческих Требника) и принялись за дело с живым усердием и должной осмотрительностью. Арсений хорошо знал не только славянскую грамматику, но и греческий язык, что давало возможность сличения текстов и обнаружения многочисленных ошибок, сделанных позднейшими переписчиками.

Книгу исправили — себе на беду. В Москве огласили их еретиками, и на Соборе 1618 года постановили: «Архимандрит Дионисий писал по своему изволу. И за то архимандрита Дионисия да попа Ивана от церкви Божией и литургии служити отлучаем, да не священствуют». Пока происходили соборные совещания, Дионисия держали под стражей, а в праздничные дни в кандалах водили по Москве в назидание народу, кричавшему: «Вот еретик!» — и бросавшему в страдальца чем ни попадя.

Восемь лет томился в заточении архимандрит, пока патриарх Филарет не получил в 1626 году письменный отзыв восточных первосвятителей в защиту исправлений, произведенных Дионисием. Как первый, дальний еще раскат грома предвещает грядущую бурю, так этот случай с исправлением Требника стал первым провозвестником Раскола. В нем с особой отчетливостью отразились причины надвигающейся драмы, и потому он достоин отдельного обстоятельного рассмотрения.

Дионисия обвинили в том, что он «имя Святой Троицы велел в книгах марать и Духа Святого не исповедует, яко огнь есть». На деле это означало, что исправители полагали сделать перемены в славословиях Святой Троицы, содержащихся в окончании некоторых молитв, и в чине водосвятного молебна исключили (в призвании ко Господу «освятить воду сию Духом Святым и огнем») слова «и огнем», как внесенные произвольно переписчиками.

Бурная и резкая отповедь, полученная справщиками, осуждение и заточение Дионисия кажутся большинству современных исследователей совершенно не соответствующими малости его «проступка»[1]. Неграмотность и сведение личных счетов не может удовлетворительно объяснить произошедшее. Исправление в большинстве случаев сводилось просто к восстановлению смысла, да и против справщиков выступали не только малоученые уставщики лавры, но и московское духовенство. Ученый старец Антоний Подольский написал даже против Дионисия обширное рассуждение «Об огне просветительном»...

Причина непонимания здесь — как и во многих иных случаях — одна: оскудение личного духовного опыта, присущего настоящей, неискаженной церковной жизни. Его значение невозможно переоценить. Мало того, что он дает человеку бесценный внутренний стержень, живую уверенность в смысле и цели существования — в масштабах исторических он служит единственным связующим звеном в бесконечной череде сменяющих друг друга поколений, единственным мерилом преемственности и последовательности народной жизни, единственной гарантией понимания нами собственного прошлого. Ведь содержание этого духовного опыта не

---

[1] Даже церковные авторитеты, известные своей широкой эрудицией,— такие, как отец Георгий Флоровский (в «Путях русского богословия»),— недоуменно говорят о «неясности дела», о том, что «мы с трудом можем сообразить, почему справщиков судили и осудили с таким надрывом и возбуждением».

меняется, как не меняется Сам Бог — его неисчерпаемый источник.

Что касается осуждения Дионисия, то оно прямо связано с той ролью, какую играло понятие благодатного огня в православной мистике. Дело в том, что описать достоверно и точно благодатные духовные переживания человека невозможно. Можно лишь образно засвидетельствовать о них. В этих свидетельствах, рассеянных во множестве на страницах Священного Писания и творений Святых Отцов, чуть ли не чаще всего говорится об огне. «Огонь пришел я низвесть на землю: и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк. 12:49) — свидетельствует Сам Господь о пламени благочестивой ревности, любви и милосердия, которым пламенело Его сердце.

«Духа не угашайте» (1 Сол. 5:19), — призывает христиан первоверховный апостол Павел. «Я всеми силами молюсь о вас Богу, чтобы Он вверг в ваши сердца огнь, да возможете право править вашими намерениями и чувствами и отличать добро от зла»,— говорил своим духовным чадам Антоний Великий, древний основатель скитского монашеского жития. Учитывая высочайший уровень личного благочестия на Руси в начале XVII века, полноту и глубину благодатного опыта не только среди иночества, но и у большинства мирян, с этой точки зрения вряд ли покажется странной болезненная реакция общества на правку Дионисия.

В ней усмотрели противоречие с самой духовной жизнью Церкви, заподозрили опасность пренебрежительного, бестрепетного отношения к благодати Божией, «огнем попаляющей» терние грехов человеческих. Опасность эта в общественном сознании, еще не успокоившимся после мятежей Смутного времени, прочно связывалась с ужасами государственного распада и державной немощи. По сути дела, Дионисий был прав — слова «и огнем» действительно являлись позднейшей вставкой, подлежащей исправлению, но и противники его вовсе не были невеждами и мракобесами.

Дело исправления оказалось вообще трудным и сложным. Речь шла о безупречном издании чинов и текстов, переживших вековую историю, известных во множестве разновременных списков — так что московские справщики сразу были вовлечены во все противоречия рукописного предания. Они много и часто ошибались, сбивались и запутывались в трудностях, которые могли бы поставить в тупик и сегодняшних ученых[1].

---

[1] Понятие «исправного издания» далеко не однозначно, и самый вопрос о соотношении славянского и греческого текстов тоже не прост и не может быть сведен к проблеме «оригинала» и «перевода». Тем более сложной становилась работа из-за ее принудительной спешности, ибо книги правились для практической нужды, ради немедленного употребления.

Впрочем, для успешности работ было сделано все, что можно. Непрестанное внимание уделялось предприятию на самом высоком уровне. «Лета 7157 (1649), мая в девятый день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу, и по благословлению господина святителя (Патриарха.— *Прим. авт.*) Иосифа... велено было ехати в Иерусалим». Следствием указа стало отправление на Восток за древними достоверными списками книг келаря Арсения Суханова, исколесившего в поисках таковых не одну сотню верст и вывезшего в Россию около семисот рукописей, 498 из которых были собраны им в афонских монастырях, а остальные обретены в «иных старожитных местах».

25 июля 1652 года патриаршество всея Руси принял Новгородский митрополит Никон. Связанный с государем Алексеем Михайловичем узами тесной личной дружбы, одаренный недюжинными способностями ума и волевым решительным характером, он с присущей ему энергией взялся за дела церковного устроения, среди которых важнейшим продолжало числиться дело исправления книг. В тот день вряд ли кому могло прийти в голову, что служение Никона будет прервано драматическими событиями: Расколом, борьбой за самостоятельность церковной власти, разрывом с царем, соборным судом и ссылкой в дальний монастырь — в качестве простого поднадзорного монаха.

Через два года по вступлении на престол первосвятителя России патриарх созвал русских архиереев на собор, где была окончательно признана необходимость исправления книг и обрядов. Когда первая часть работы была проделана, то для рассмотрения ее Никон созвал в 1656 году новый собор, на котором вместе с русскими святителями присутствовали два патриарха: Антиохийский Макарий и Сербский Гавриил. Собор одобрил новоисправленные книги и повелел по всем церквам вводить их, а старые отбирать и сжигать[1].

Казалось бы, все происходит в полнейшем соответствии с многовековой церковной практикой, ее традициями и не может вызвать никаких нареканий. Тем не менее именно с этого времени появляются в среде духовенства и народа хулители «новшеств», якобы заводимых в Церкви и в государстве Русском всем на погибель.

Царю подавали челобитные, умоляя защитить Церковь. Про греков, считавшихся источниками «новшеств», говорили, что они под турецким игом изменили Православию и предались латинству. Никона ругали изменником и антихристом, обвиняя во всех мыс-

---

[1] Следует сказать, что жгли книги не почему-либо иному, как из глубокого уважения к ним. Содержащую священные тексты книгу — пусть она даже содержит ошибки, делающие ее неприемлемой — нельзя просто выбросить или порвать. Ее должно сжечь, ибо огонь есть символ очищения. Так же, кстати, уничтожаются иконы, вышедшие из употребления по старости или испортившиеся.

лимых и немыслимых грехах. Несмотря на то что подавляющее большинство населения признало дело «книжной справы» с пониманием и покорностью, общество оказалось на грани новой Смуты.

Патриарх принял свои меры. Павел, епископ Коломенский, отказавшийся безоговорочно подписать соборное определение, одобрявшее исправления, был лишен сана и сослан в Палеостровский монастырь, другие вожди Раскола (протопопы Аввакум и Иоанн Неронов, князь Львов) также разосланы по дальним обителям. Угроза новой Смуты отпала, но молва о наступлении последних времен, о близком конце света, о патриаршей «измене» продолжала будоражить народ.

С 1657 года в результате боярских интриг отношения царя с патриархом стали охладевать. Результатом разрыва стало оставление Никоном Москвы в 1658 году и его добровольное сомозаточение в Воскресенской обители. Восемь лет пробыл патриарх в своем любимом монастыре. Восемь лет столица оставалась без «настоящего» патриарха, обязанности которого самим же Никоном были возложены на Крутицкого митрополита Питирима. Положение становилось невыносимым, и в конце концов недоброжелатели первосвятителя добились своего: в конце 1666 года под председательством двух патриархов — Антиохийского и Александрийского, в присутствии десяти митрополитов, восьми архиепископов и пяти епископов, сонма духовенства черного и белого состоялся соборный суд над Никоном. Он постановил: лишить старца патриаршего сана и в звании простого монаха отослать на покаяние в Ферапонтовбелозерский монастырь.

Казалось бы, с опалой главного сторонника исправления книг и обрядов дело «ревнителей старины» должно пойти в гору, но в жизни все произошло иначе. Тот же собор, что осудил Никона, вызвал на свои заседания главных распространителей Раскола, подверг их «мудрствования» испытанию и проклял как чуждые духовного разума и здравого смысла. Некоторые раскольники подчинились материнским увещеваниям Церкви и принесли покаяние в своих заблуждениях. Другие — остались непримиримыми.

Таким образом религиозный Раскол в русском обществе стал фактом. Определение собора, в 1667 году положившего клятву на тех, кто из-за приверженности неисправленным книгам и мнимо-старым обычаям является противником Церкви, решительно отделило последователей этих заблуждений от церковной паствы...

Раскол долго еще тревожил государственную жизнь Руси. Восемь лет (1668—1676) тянулась осада Соловецкого монастыря, ставшего оплотом старообрядчества. По взятии обители виновники бунта были наказаны, изъявившие покорность Церкви и царю — прощены и оставлены в прежнем положении. Через

шесть лет после того возник раскольнический бунт в самой Москве, где сторону старообрядцев приняли, было, стрельцы под начальством князя Хованского. Прения о вере, по требованию восставших, проводились прямо в Кремле в присутствии правительницы Софии Алексеевны и патриарха.

Стрельцы, однако, стояли на стороне раскольников всего один день. Уже на следующее утро они принесли царевне повинную и выдали зачинщиков. Казнены были предводитель старообрядцев поп-расстрига Никита Пустосвят и князь Хованский, замышляв-шие поднять новый мятеж.

На этом прямые политические следствия Раскола заканчиваются, хотя раскольничьи смуты долго еще вспыхивают то тут, то там — по всем необъятным просторам русской земли. Раскол перестает быть фактором политической жизни страны, но как душевная незаживающая рана — накладывает свой отпечаток на все дальнейшее течение русской жизни.

Как явление русского самосознания Раскол может быть осмыслен и понят лишь в рамках православного мировоззрения, церковного взгляда на историю России.

Уровень благочестия русской жизни XVII века был чрезвычайно высок даже в ее бытовой повседневности. «Мы выходили из церкви, едва волоча ноги от усталости и беспрерывного стояния,— свидетельствует православный монах Павел Алеппский, посетивший в это время Москву в свите Антиохийского патриарха Макария.— Душа у нас расставалась с телом оттого, сколь длительны у них и обедни и другие службы. Что за крепость в их телах и какие у них железные ноги! Они не устают и не утомляются... Какое терпение и какая выносливость! Несомненно, что все эти люди святые: они превзошли подвижников в пустынях»,— удивлялся Павел россиянам .

Слова его, конечно, не следует воспринимать буквально. Да и длительное стояние в церкви само по себе еще ни о чем не говорит. Однако всякий, имеющий внутренний молитвенный опыт, знает по себе, сколь невыносимо тягостно пребывание в храме «по обязанности» и как незаметно летит время, когда Господь посещает наше сердце духом ревностной, пламенной молитвы, совокупляющей воедино все силы человеческого естества «миром Божиим, превосходящем всякое разумение» (Флп. 4:7).

Помня об этом, мы по-новому оценим и ту приверженность обряду, то благоговение перед богослужебной формой, которые, несомненно, сыграли в Расколе свою роль. Говоря «умрем за единый аз» (то есть за одну букву), ревнители обрядов свидетельствовали о высочайшем уровне народного благочестия, самим опытом связанного со священной обрядовой формой.

Только полное религиозное невежество позволяет толковать эту приверженность богослужебной форме как «отсталость», «неграмотность» и «неразвитость» русских людей XVII века. Да,

часть из них ударилась в крайность, что и стало поводом для Раскола. Но в основе своей это глубокое религиозное чувство было здоровым и сильным — доказательством служит тот факт, что, отвергнув крайности Раскола, Православная Россия доселе сохранила благоговейное почтение к древним церковным традициям.

В каком-то смысле именно «избыток благочестия» и «ревность не по разуму» можно назвать среди настоящих причин Раскола, открывающих нам его истинный религиозный смысл. Общество раскололось в зависимости от тех ответов, которые давались на волновавшие всех, всем понятные в своей судьбоносной важности вопросы:

— Соответствует ли Россия ее высокому служению избранницы Божией?

— Достойно ли несет народ русский «иго и бремя» своего религиозно-нравственного послушания, своего христианского долга?

— Что надо делать, как устроить дальнейшую жизнь общества, дабы обезопасить освященное Церковными Таинствами устроение жизни от разлагающего, богоборческого влияния суетного мира, западных лжеучений и доморощенных соглашателей?

В напряженных раздумьях на эти темы проходил весь XVII век. Из пламени Смуты, ставшей не только династическим кризисом, политической и социальной катастрофой, но и сильнейшим душевным потрясением, русский народ вышел «встревоженным, впечатлительным и очень взволнованным». Временной промежуток между Смутой и началом Петровских реформ стал эпохой потерянного равновесия, неожиданностей и громогласных споров, небывалых и неслыханных событий.

Этот драматический век резких характеров и ярких личностей наиболее проницательные историки не зря называли «богатырским» (С. М. Соловьев). Неверно говорить о «замкнутости», «застое» русской жизни в семнадцатом столетии. Напротив, то было время столкновений и встреч как с Западом, так и с Востоком — встреч не военных или политических, которые Руси издавна были не в новинку, но религиозных, «идеологических» и мировоззренческих.

«Историческая ткань русской жизни становится в это время как-то особенно запуганной и пестрой,— пишет церковный историк. — И в этой ткани исследователь слишком часто открывает совсем неожиданные нити... Вдруг показалось: а не стал ли уже и Третий Рим царством диавольским, в свой черед... В этом сомнении исход Московского царства. «Иного отступления уже не будет, зде бо бысть последняя Русь»... В бегах и нетях, вот исход XVII века. Был и более жуткий исход: «деревян гроб сосновый», гарь и сруб...».

Многочисленные непрерывные испытания утомили народ. Перемены в области самой устойчивой, веками незыблемой — религиозной — стали для некоторых умов искушением непосильным, соблазном гибельным и страшным. Те, у кого не хватило терпения, смирения и духовного опыта, решили — все, история кончается. Русь гибнет, отдавшись во власть слуг антихристовых. Нет более ни царства с Помазанником Божиим во главе, ни священства, облеченного спасительной силой благодати. Что остается? — Спасаться в одиночку, бежать, бежать вон из этого обезумевшего мира — в леса, в скиты. Если же найдут — и на то есть средство: запереться в крепком срубе и запалить его изнутри, испепелив в жарком пламени смолистых бревен все мирские печали...

Настоящая причина Раскола — благоговейный страх: не уходит ли из жизни благодать? Возможно ли еще спасение, возможна ли осмысленная, просветленная жизнь? Не иссяк ли церковный источник живой воды — покоя и мира, любви и милосердия, святости и чистоты? Ведь все так изменилось, все сдвинулось со своих привычных мест. Вот и Смута и «книжная справа» подозрительная... Надо что-то делать, но что? Кто скажет? Не осталось людей духовных, всех повывели! Как дальше жить? Бежать от жгучих вопросов и страшных недоумений, куда угодно бежать, лишь бы избавиться от томления и тоски, грызущей сердце...

В этом мятежном неустройстве — новизна Раскола. Ее не знает Древняя Русь, и «старообрядец» на самом деле есть очень новый душевный тип.

Воистину, глядя на метания Раскола, его подозрительность, тревогу и душевную муку (ставшую основанием для изуверства самосжигателей), понимаешь, сколь страшно и пагубно отпадение от Церкви, чреватое потерей внутреннего сердечного лада, ропотом и отчаянием.

Все претерпеть, отринуть все соблазны, пережить все душевные бури, лишь бы не отпасть от Церкви, только бы не лишиться ее благодатного покрова и всемогущего заступления,— таков религиозный урок, преподанный России тяжелым опытом Раскола.

ПАТРИАРХ НИКОН

САМОСОЗНАНИЕ НАРОДА не существует в «чистом» виде — это всего лишь отвлеченное понятие, помогающее духовно осмыслить исторический путь России. И все же — оно есть и действует как реальная, ощутимая сила, особенно ясно и отчетливо являя себя в деятельности исторических личностей переломных эпох, когда вихрь событий выносит на поверхность

жизни глубинные пласты народной психики, мобилизует душевные силы народа, его религиозно-нравственные резервы...

Выдвигая на историческую авансцену людей, воплотивших в себе лучшие народные качества, Русь как бы приоткрывает покров таинственности, печатлеющий ее Божественное предназначение, ее промыслительное служение. Одним из таких людей несомненно является патриарх Никон. Внимательное рассмотрение его драматического жития помогает многое понять в непредсказуемой русской судьбе.

Святейший патриарх Никон, во святом крещении Никита, родился в 1605 году в селе Вельдеманове Княгининского уезда Нижегородской губернии. Рано лишившись матери и вытерпев много горя от злой мачехи, смышленый мальчик сумел выучиться грамоте, а приобщившись через чтение и личное благочестие к дарам церковной благодати, возревновал об иноческом служении.

Двенадцати лет от роду он тайно ушел в макарьевский Желтоводский монастырь и восемь лет пробыл там послушником, готовясь принять монашеский постриг. За это время отрок хорошо изучил церковные службы, в монастырской библиотеке приобрел обширные познания, набрался духовного опыта, удивляя братию силой своего характера и строгостью жизни.

Тем не менее Никите пришлось покинуть обитель, уступая просьбам родственников,— он вернулся домой и женился. Вскоре его пригласили священником в соседнее село, где с молодым умным пастырем познакомились московские купцы, приезжавшие на знаменитую Макарьевскую ярмарку. Они же уговорили его перейти на священническое место в Москву, где отец Никита и прослужил около десяти лет. Когда прижитые в браке дети умерли, он убедил жену принять постриг, а сам удалился в Анзерский скит Соловецкого монастыря.

Постригшись там с именем Никона, он предался суровым подвигам благочестия. Со временем переселившись в Кожеезерский монастырь, в 1643 году был избран там игуменом. Будучи тремя годами позже в Москве по монастырским делам, Никон впервые встретился с царем Алексеем. Величественная наружность игумена, его умные речи и широкое образование произвели на молодого, искренне прилежавшего Церкви государя неизгладимое впечатление. С того времени началось их сближение, перешедшее вскоре в тесную дружбу.

Желая иметь своего «собинного» друга возле себя, царь повелел перевести его архимандритом московского Новоспасского монастыря, где была родовая усыпальница Романовых. Алексей Михайлович часто приезжал в обитель молиться за упокой своих предков. В свою очередь, Никон должен был каждую пятницу являться к государю для доклада о нуждах бедных, обиженных и угнетенных. Совместная благотворительность сближала их еще сильнее.

В 1648 году Никону было определено стать митрополитом Новгородским. От царя он получил особые полномочия — наблюдать за всем управлением и освобождать, по своему усмотрению, узников из темниц. На втором году его архиерейства в городе вспыхнул бунт: народ по незнанию принял хлеб, вывозимый в Швецию (в счет выкупа за православных беглецов, искавших у России защиты), за признак боярской измены. Владыка бесстрашно вышел к мятежникам, вразумляя бунтовавших сперва кротко, а затем со всей силой митрополичьей власти и архипастырского дерзновения. Чернь избила его до полусмерти. Очнувшись, Никон собрал последние силы, отслужил литургию в Софийском соборе и крестным ходом пошел на бунтующих. Пораженные его твердостью, они смирились, просили прощения и ходатайства Никона перед царем.

«О, крепкий воине и страдальче Царя Небесного, о, возлюбленный мой любимче и сослужебниче, святый владыко,— писал Никону царь двумя годами позже, приглашая его в Москву принять участие в выборах нового патриарха взамен почившего Иосифа. — Возвращайся, Господа ради, поскорее к нам... а без тебя отнюдь ни за что не примемся». Влияние Никона росло, несмотря на боярское недовольство, и на соборе в Москве он был назван в числе «двоюнадесяти духовных мужей», которые по велению царя были представлены духовенством в качестве кандидатов «ко избранию на патриарший престол».

22 июля съехавшемуся на собор священству было предложено возвести достойнейшего из них — «мужа благоговейного и преподобного» на патриарший престол. Митрополит Казанский Корнилий известил царя об избрании Никона, но согласие последнего последовало далеко не сразу. Разумея тяготы предстоящего служения, зная о враждебном отношении к нему со стороны боярства, Никон долго отказывался. Даже приведенный против воли в Успенский собор Кремля, он не соглашался и там.

Лишь тогда, когда царь и все присутствовавшие пали на землю и со слезами просили его не отрекаться вновь, он, умиленный, согласился, но потребовал от присутствующих обязательства «содержать евангельские догматы и соблюдать правила святых апостолов и законы благочестивых царей». «Если обещаетесь слушаться меня, — просил Никон, — как вашего главного архипастыря и отца во всем, что буду возвещать вам о догматах Божиих и о правилах, в таком случае я, по вашему желанию, не стану больше отрекаться от великого архиерейства». Царь, бояре и Освященный собор произнесли пред святым Евангелием и чудотворными иконами обет исполнять предложенное Никоном, после чего он занял место патриарха всея Руси.

«Тесная дружба соединяла Никона с царем. Вместе молились они, рассуждали о делах, садились за трапезу. Патриарх был восприемником детей царских. Ни одно государственное дело

не решалось без участия Никона. Великий ум последнего отпечатлен на счастливых годах царствования Алексея»,— пишет церковный исследователь, осмысливая роль патриарха в русской жизни той поры с высоты XX столетия.

Державные заслуги первосвятителя велики и несомненны. Он сыграл чуть ли не решающую роль в деле присоединения Малороссии, благословил царя на войну с Польшей ради воссоединения русских земель. Отправляясь в 1654 году в поход, Алексей оставил Никона правителем государства, несмотря на очевидное недовольство родовитых бояр. По возвращении с войны, встреченный патриархом в Вязьме, царь от радости при свидании наградил Никона титулом «великий государь».

«Отец и богомолец» царский, «великий государь, святейший Никон, патриарх Московский и всея Руси» стал ярчайшим и авторитетнейшим выразителем русского взгляда на «симфонию властей» — основополагающую идею православной государственности, утверждающую понимание власти духовной и светской как самостоятельных религиозных суждений, церковных послушаний, признанных взаимными гармоничными усилиями управить «народ Божий» во благонравии и покое, необходимых для спасения души. В предисловии к Служебнику, изданному в августе 1655 года по его благословению, говорится, что Господь даровал России «два великия дара» — благочестивого и христолюбивого великого государя-царя и святейшего патриарха.

«Богоизбранная сия и богомудрая двоица», как вытекает из текста, есть основа благополучия и благоденствия Руси. «Да даст же (Господь) им, государем, по пророку (то есть согласно пророческим словам Священного Писания.— *Прим. авт.*), желание сердец их... да возрадуются вси, живущие под державою их... яко да под единым их государским повелением вси, повсюду православнии народи живуще, утешительными песньми славят воздвигшаго их истиннаго Бога нашего»,— говорится в заключение. Именно нарушение этого взаимного сочетания властей, ставшее следствием целого ряда причин политического, религиозного и личного характера, легло в основание последовавшей драмы (а в перспективе более длительной — привело к ужасам советского богоборчества после Октябрьской революции).

Никон был суров и строг — равно к себе и царю — там, где дело касалось духовного здоровья общества, авторитета Церкви и ее способности благотворно влиять на государственные институты России. «Патриаршие стрельцы постоянно обходят город,— писал упоминавшийся уже диакон Павел Алеппский,— и как только встретят священника и монаха нетрезвого, немедленно берут его в тюрьму и подвергают всякому поношению...

Замеченные в пьянстве или нерадивом исполнении пастырских обязанностей ссылаются в сибирские монастыри» [1].

Трепетали перед Никоном и государевы люди. Его требовательность и непреклонность казались гордым боярам оскорбительными. «Неколи-де такого бесчестья не было, чтобы ныне государь выдал нас митрополитам», — роптали недовольные сановники. «Что же должны были они чувствовать, когда Никон сделался... вторым «великим государем», начал давать свои приказы и указы... заставлял их стоять перед собою и с покорностью выслушивать его волю, публично обличал их за то или другое, не щадя их имени и чести? Могли ли они не употребить всех своих усилий, чтобы свергнуть Никона?» — говорит Макарий, митрополит Московский, автор обширного труда по истории Церкви.

В 1658 году царю подали жалобу на Никона. Благовидным предлогом для нее стало обвинение патриарха в неприемлемых нововведениях, а настоящей целью — поколебать его положение, «вбить клин» между государем и первосвятителем[2]. Патриарх окружил себя недоступным величием, «возлюбил стоять высоко, ездить широко», — сетуют жалобщики. Это обвинение — в посягательстве на права и целостность царской власти — стало мощным орудием, с помощью которого недоброжелатели Никона последовательно и терпеливо разрушали его дружбу с царем.

На самом деле великолепие и пышность патриаршего двора не имели ничего общего с честолюбивыми устремлениями, в которых упорно обвиняли святейшего. Они ни в коем случае не простирались на его личную жизнь, по-прежнему отличавшуюся суровой аскезой. Величие Церкви и ее первостепенную роль в русской жизни — вот что должны были, по замыслу Никона, знаменовать его торжественные, величественные богослужения.

---

[1] О патриарших стрельцах и вообще о материальном положении Церкви стоит сказать отдельно. Да, Никон увеличивал церковные имения вопреки уложению 1649 года, запрещавшему делать это. Он фактически упразднил Монастырский приказ, который должен был ведать духовенство по гражданским делам. Но в то же время никогда еще в казну государства не поступало столь великих церковных сборов, как при Никоне. На случай войны сам патриарх выставлял в поле 10 000 ратников; еще столько же воинов давали монастыри. Тем, кто обвиняет Никона в неуемном властолюбии, недурно бы подумать о том, какое применение могла найти эта армия в начавшейся распре царя и патриарха, если бы последний действительно был властолюбив.

[2] Что касается «нововведений», то беспристрастное исследование показывает ошибочность устоявшегося взгляда на Никона как на главного вдохновителя и проповедника неоправданных новшеств. Именно он, возревновав против икон латинского письма, велел отобрать такие иконы у всех, кто их имел. У некоторых бояр он распорядился сжечь вывезенные с Запада картины и органы. Тщательно соблюдая все церковные службы, патриарх всегда имел при себе во время богослужения древнейшие требники для сличения обрядов и молитв.

«Мы были поражены изумительной правильностью и порядком всех этих церемоний и священнодействий,— пишут свидетели-иностранцы.— Несмотря на то, что мы чувствовали сильный холод и великую усталость вследствие долгого стояния без движения, мы забывали об этом от душевного восхищения, созерцая такое торжество Православия». К подобному отзыву нечего добавить...

Подозрительность и клевета одних, уязвленное самолюбие и неуемное тщеславие других, малодушие и неразумие третьих делали свое дело. Постепенно отношения Алексея Михайловича с патриархом стали охладевать, и охлаждение это неизбежно проявлялось в делах. Царь отменил некоторые распоряжения патриарха, стал назначать священников и игуменов без согласования с Никоном. Наконец летом 1658 года произошел открытый разрыв.

«Царское величество на тебя гневен,— объявил святейшему князь Юрий Ромодановский, посланник царя.— Ты пренебрег царское величество и пишешься великим государем, а у нас один великий государь — царь».

Внешности обвинений не стоит придавать слишком большое значение, зато их действительный смысл несомненен. Боярство, сумевшее в данном случае вовлечь в свои планы царя, заявляло о намерении существенно усилить влияние государства в церковной жизни, одновременно сократив воздействие Церкви на светскую власть.

Никон хорошо понимал губительность подобных притязаний. В то же время он ясно сознавал, что открытое междоусобие, «силовое» сопротивление царской воле со стороны духовной власти может вызвать в России очередную смуту, результаты которой станут трагедией для всей Руси, подорвав многовековые корни, питающие религиозную основу русского бытия[1]. После длительных молитвенных размышлений он выбрал единственно возможный для себя путь: незаконным притязаниям не подчиняться, в открытое противостояние не вступать; указывая на нетерпимость положения, рассчитывая на отрезвление и покаяние со стороны светской власти, оставить кафедру Московского первосвятителя и удалиться в подмосковный Воскресенский монастырь.

Отринув советы своих ближних бояр «престать от такового дерзновения и не гневать великого государя», патриарх утром 10 июля, после совершения литургии и произнесения положен-

---

[1] Это лучше всего подтверждается дальнейшим течением российской истории. Общество, столь чуткое религиозно, столь трепетно и напряженно хранящее сознание своего мистического предназначения, даже на эти — относительно слабые — потрясения ответило трагедией Раскола. Можно только догадываться, какова была бы судьба страны и народа, если бы патриарх избрал путь открытого сопротивления, публичного обличения и жесткого противостояния светской власти.

ного поучения из бесед Иоанна Златоуста, объявил вслух, что он оставляет патриаршию кафедру, поставил к Владимирской иконе Божией Матери патриарший посох и в ризнице написал письмо царю.

Смущенный царь желал успокоить Никона, но их примирение никак не входило в планы боярской верхушки. Посланный Алексеем князь Трубецкой вовсе не имел расположения мирить патриарха с царем, и вместо успокоительных речей обрушил на первосвятителя град упреков. Никон обличил посланника в недостойных интригах, переоблачился и пешком отправился из Кремля на Иверское подворье. Народ простосердечно плакал и держал двери храма, пытаясь предотвратить отшествие архипастыря. С подворья патриарх уехал в Воскресенскую обитель, откуда прислал благословение управлять делами церковными митрополиту Питириму Крутицкому, оставив за собой три монастыря, особенно близких и дорогих своему сердцу. Царю написал теплое, трогательное письмо, в котором смиренно просил о христианском прощении за свой скорый отъезд.

Бывали на Руси и раньше случаи оставления престола иерархами, но такого принародного ухода (и сохранения за собой патриаршего звания без управления делами) не случалось. Никон становился как бы живым укором для тех, кто настраивал царя против первосвятителя.

В своих монастырях патриарх устроил житие образцовое и благочинное. Всех странников и богомольцев приказывал поить и кормить по три дня даром, в монахи принимал безвкладно, всем давая платье за счет обители. В праздники всегда трапезовал с братией и сам лично омывал ноги всем богомольцам и заезжим путникам.

Впрочем, былая дружба с государем давала время от времени себя знать, пугая бояр возможностью возвращения Никона. Царь утвердил оставление за ним трех просимых монастырей с вотчинами, справлялся о его здоровье, во время набега крымского хана — заботился о безопасности. Извещая патриарха письмом о болезни боярина Морозова (свояка и бывшего воспитателя), попутно просил простить его, если была от него святейшему какая-либо «досада». Никон ответил сердечным письмом — казалось, отношения снова налаживаются.

Но надежде этой не суждено было сбыться. Интриги и злоречие приносили свои горькие плоды — несколькими взаимными резкостями патриарх и царь оборвали тонкую нить возрождающегося единомыслия окончательно. В 1662 году в качестве последнего аргумента Никон пишет «Разорение» — обширное сочинение, насчитывающее более 900 страниц текста, в опровержение мнений своих противников и в защиту своей позиции.

Время шло, и положение Русской Церкви, лишенной законного управления, становилось нестерпимым. Наконец, в 1666

году в Москве собрались на собор русские пастыри, прибыли и специально приглашенные по этому поводу царем патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский, имея полномочия от остальных православных патриархов для решения судьбы Никона.

Решением соборного суда было: лишить Никона патриаршества и священства, сослать его в Ферапонтов монастырь. «Отселе не будеши патриарх, и священная да не действуеши, но будеши яко простой монах»,— торжественно объявили судьи Никону. Однако народ любил его, несмотря на происки бояр и определения суда, так что, удаляя бывшего патриарха из Москвы, опасаясь волнений, его окружили многочисленной стражей, а к москвичам обратились с пространным манифестом, перечислявшим «вины» низложенного первосвятителя.

Царь не держал на Никона зла. По его воле положение узника в монастыре не было обременительным: ему позволено было иметь свою церковь, богослужения в которой совершали священноиноки патриаршего рукоположения, добровольно последовавшие за ним в заточение.

В монастыре Никона почитали все больше. Любя труды подвижнические, он расчищал лесные участки, разрабатывал поле для посевов хлебов и овса. Толпы народа стекались к нему за благословением. Алексей Михайлович присылал опальному иноку подарки, они обменивались грамотами. Радовался Никон второму браку царя, женившегося на Наталье Кириллювне Нарышкиной, и рождению царевича Петра. «От отца моего духовного, великого господина святейшего Никона иерарха и блаженного пастыря — аще же и не есть ныне на престоле, Богу так изволившу — прощения прошу и разрешения»,— написал царь в своем завещании.

Узнав о смерти монарха, Никон прослезился и сказал: «Воля Господня да будет... Подражая учителю своему Христу, повелевшему оставлять грехи ближним, я говорю: Бог да простит покойного...»

С воцарением Феодора Алексеевича положение Никона ухудшилось. Из Москвы был удален его доброжелатель боярин Артамон Матвеев, потеряли значение благоволившие к нему Нарышкины. Первенствующее значение при дворе получили Милославские и Хитрово, враги ссыльного архипастыря. Его перевели в Кириллов монастырь, где Никону предстоял «последний период испытаний, из которого вышел он как злато, искушенное в горниле» (М. В. Толстой). Страдая от угара в дымных кельях, теряя остатки здоровья, старец едва не скончался от «невыразимого томления», помышляя лишь о вечности, оставив мирские попечения и житейскую суету.

Мудрая тетка царя, царевна Татьяна Михайловна, всегда относившаяся к Никону с большой любовью, убедила нового государя поставить перед собором вопрос о дозволении старцу вернуться в Воскресенскую обитель, братия которой подала челобитную с

мольбой о судьбе ссыльного первосвятителя. Патриарх Иоаким долго не соглашался, но весть о принятии Никоном схимы и его плачевном телесном состоянии решила дело: благословение на возвращение было дано.

День своего освобождения Никон предузнал заранее по тайному благодатному предчувствию. Ко всеобщему изумлению, он вдруг велел своей келейной братии собраться и отдал распоряжение готовиться в путь. Путь этот, ставший его последним земным странствием, послужил одновременно дорогой его духовного торжества. В сретение старцу выходили насельники окрестных монастырей, стекавшиеся местные жители благоговейно просили архипастырс-кого благословения. Но силы уже окончательно оставляли его, и 17 августа 1681 года в обители Всемилостивого Спаса Никон мирно почил в кругу своих верных сподвижников и духовных чад.

Царь Феодор, не зная еще о преставлении Никона, послал ему навстречу свою карету. Узнав же о случившемся и прочитав завещание усопшего, в котором святитель назначал его своим душеприказчиком, с умилением сказал: «Если так святейший Никон патриарх возложил на меня всю надежду, воля Господня да будет, и я его в забвении не положу». Участвуя в погребении, государь сам на плечах своих нес гроб с телом покойного, а после, незадолго до собственной кончины, испросил усопшему разрешительные грамоты четырех патриархов, восстанавливавшие Никона в патриаршем достоинстве и признававшие церковные его заслуги.

Историки часто сетуют на то, что поведение Никона в споре с государственной властью было политически непродуманным, противоречивым и непоследовательным. Не умея объяснить этого в умном и волевом патриархе, они придумали сказку о его «своенравии» и «тяжелом характере». Слов нет, у каждого человека свои слабости, и Никон не был исключением, но вся его деятельность тем не менее была строго последовательна и ясно осознана — чтобы увидеть это, надо лишь взглянуть на нее с церковной точки зрения.

В Никоне с совершенной полнотой отразилось самосознание Русской Церкви, самосознание духовной власти, твердо разумеющей свое высочайшее призвание и величайшую ответственность; отвергающей возможность каких-либо уступок и послаблений в святой области ее пастырских попечений, тщательно хранящей Божественный авторитет священноначалия и готовой исповеднически защищать его перед лицом любых искушений и скорбей.

«Непоследовательность» и «противоречивость» поведения патриарха, пример которым видят, как правило, в его «необъяснимом», «непродуманном» решении оставить кафедру (что укрепляло позиции врагов, «без боя» ослабляя влияние самого первосвятителя), коренится на самом деле в глубинах православного мировоззрения. Никон прекрасно понимал все из-

вилины политических интриг. Но, разумея промыслительность происходящего, памятуя изречение Священного Писания о том, что «сердце царево в руце Божией», первосвятитель с определенного момента отстранился от придворной борьбы, полагая свою личную судьбу и будущее Отечества и Церкви полностью на усмотрение Божие[1].

ТИШАЙШИЙ ГОСУДАРЬ

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА являет собой взору внимательному и пытливому поучительную картину того, сколь плодотворно сказывается на жизни государственной неспешное, тихое, религиозно осмысленное самосознание власти. Несмотря на Раскол, несмотря на драматическую судьбу Никона и кризис русской «симфонии властей», царствование это можно назвать одним из самых плодотворных и удачных в русской истории.

Традиционная точка зрения современной исторической «науки» предполагает, что в XVII веке Московская Русь как общественный, государственный, культурный, политический и военный организм совершенно изжила себя, и лишь воцарение Петра I, царя-реформатора, вдохнуло в страну новую жизнь. О Петре I речь особая, что же касается Московской Руси, то деятельность Тишайшего царя блестяще опровергает этот убогий вывод[2].

Симпатии историков к Петру и их неприязнь к Руси допетровской объясняется психологически просто: человек всегда приветствует то, что ему понятно, близко и отвергает, недолюбливает то, чего понять он не в состоянии. Это даже не вина, а достойная всяческой жалости беда современного массового сознания.

Именно Алексей Михайлович окончательно возвращает России земли Малороссии, отторгнутые от нее враждебными соседями в лютую годину татарского нашествия. Именно он ведет с

---

[1] Господь не посрамил Своего верного слугу, даровав ему венец исповедника и страстотерпца, а России приложив еще несколько десятилетий относительного покоя и душевного мира перед новым тяжким испытанием — эпохой крутой, беспощадной ломки привычных, старинных, устоявшихся обычаев и правил... Все познается в сравнении — умеренность и рассудительность Никона особенно проясняется, когда взгляду исследователя предстает эпоха Петра I, судорожная и мятежная.

[2] В близорукости современных историков нет, впрочем, ничего удивительного. Восторжествовавший уже в конце XVII века материалистический взгляд на историю, ныне безраздельно господствующий в этой области, исключает правильное понимание Московской Руси, полагавшей в основание своего бытия вопросы религиозно-церковные, духовные, мистические. Не зря эпоха эта являет нам высочайший взлет русского духа, расцвет русской святости.

Польшей— давним и непримиримым врагом Руси — необыкновенно трудную войну и оканчивает ее блестящей победой. Именно он, получив в наследство страну бедную, еще слабую силами и средствами после Смуты, но уже стоящую перед лицом множества государственных и общественных задач — начинает эпоху реформ, причем реформ неторопливых и продуманных, захвативших область юридическую и экономическую, военную и религиозную.

Одно лишь знаменитое «Уложение» Алексея Михайловича, именуемое иначе «Свод всех законов», могло бы, по словам исследователя XX века, «составить славу целого царствования». А ведь оно — лишь малая толика того, что успел совершить Тишайший властелин России[1].

Было окончательно утверждено дело исправления богослужебных книг, принят Новоторговый устав, издана Кормчая книга, не говоря уже о массе частных законоположений, призванных упорядочить русскую жизнь. Во внешней политике стратегическая инициатива после долгих лет застоя снова перешла к Москве. Литва и Польша окончательно утратили наступательный порыв, отступив в отношениях с Русью на роль стороны обороняющейся, без надежды на победу.

Сказанного достаточно, чтобы объяснить необходимость повнимательнее присмотреться к личности самого царя, которого историки признают человеком, воплотившим в себе наиболее характерные черты государственного, религиозного и бытового мировоззрения своих современников...

Россияне искренне любили своего монарха. Самая наружность государя располагала в его пользу: в живых голубых глазах светилась искренняя доброта, лицо было полно и румяно, ободряя и обнадеживая собеседника выражением добродушной приветливости, не мешавшей, впрочем, серьезности и важности, приличествующей Августейшей особе. Полная фигура царя сохраняла осанку величавую и чинную, подчеркивая сознание Алексеем Михайловичем важности и святости сана, возложенного на него Самим Господом Богом.

Редкие душевные достоинства царя пленяли даже иностранцев. Их отзывы говорят о том, что «царь одарен необыкновенными талантами, имеет прекрасные качества и украшен редкими добродетелями... он покорил себе сердца всех своих поддан-

---

[1] Уложение 1649 года стало первым полным сводом законов, действующих на всей территории Русского государства. Оно содержало 25 глав, построенных по тематическому признаку и разделенных на 967 статей. В подготовке столь обширного документа участвовала целая комиссия во главе с князем Н. И. Одоевским, назначенная земским собором 16 июля 1648 года. Уже в 1649 году было осуществлено три издания «Уложения». Книга разошлась огромным по тем временам тиражом: с 1650 по 1654 год в разные города России было продано 1173 экземпляра.

ных, которые столько же любят его, сколько и благоговеют перед ним». При всей своей неограниченной власти, отмечают они, «царь Алексей не посягнул ни на чье имущество, ни на чью честь, ни на чью жизнь...». Он «такой государь, какого бы желали иметь все христианские народы, но не многие имеют».

В домашней жизни он (как, впрочем, и его державные предшественники) являл собой образец умеренности и простоты. Три, много если четыре, комнаты рядом, одна возле другой, служили для него весьма достаточным помещением. Были они не особенно обширны, своим простором равняясь обычной крестьянской избе (три сажени в длину и столько же в ширину). Внутреннее убранство покоев тоже немногим отличалось от крестьянского: те же лавки вдоль стен, та же утварь, и лишь кресла для самого государя — роскошь невиданная — выдавала с первого взгляда комнату царя.

Знаменитый исследователь старинного русского быта Иван Егорович Забелин, опубликовавший в начале века обстоятельное многотомное исследование «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях», так описывает распорядок дня Алексея Михайловича:

«Государь вставал обыкновенно часа в четыре утра. Постельничий, при пособии спальников и стряпчих, подавал государю платье и одевал его. Умывшись, государь тотчас выходил в Крестовую палату, где его ожидал духовник или крестовый поп и крестовые дьяки. Духовник или крестовый священник благословлял государя крестом, возлагая его на чело и ланиты, причем государь прикладывался ко кресту и потом начинал утреннюю молитву; в то же время один из крестовых дьяков поставлял перед иконостасом на аналое образ святого, память которого праздновалась в тот день. По совершении молитвы, которая продолжалась около четверти часа, государь прикладывался к этой иконе, а духовник окроплял его святою водою...

После моленья крестовый дьяк читал духовное слово — поучение из особого сборника «слов», распределенных для чтения в каждый день на весь год... Окончив крестовую молитву, государь, если почивал особо, посылал ближнего человека к царице в хоромы спросить о ее здоровье, как почивала? Потом сам выходил здороваться с нею в переднюю или столовую. После того они вместе слушали в одной из верховых церквей заутреню, а иногда и раннюю обедню.

Между тем с утра же рано собирались во дворец все бояре, думные и ближние люди — «челом ударить государю» и присутствовать в Царской Думе... Поздоровавшись с боярами, поговорив о делах, государь в сопровождении всего собравшегося боярства шествовал, в часу девятом, к поздней обедне в одну из придворных церквей. Если же тот день был праздничный, то выход делался... в храм или монастырь, сооруженный в память празднуемого святого. В общие церковные праздники и торже-

ства государь всегда присутствовал при всех обрядах и церемониях. Поэтому и выходы в таких случаях были гораздо торжественнее.

Обедня продолжалась часа два. Едва ли кто был так привержен к богомолью и к исполнению всех церковных обрядов, служб, молитв, как цари. Один иностранец рассказывает о царе Алексее Михайловиче, что он в пост стоял в церкви часов по пяти или шести сряду, клал иногда по тысяче земных поклонов, а в большие праздники по полуторы тысячи.

После обедни в комнате в обыкновенные дни государь слушал доклады, челобитные и вообще занимался текущими делами... Заседание и слушание дел в комнате оканчивалось около двенадцати часов утра. Бояре, ударив челом государю, разъезжались по домам, а государь шел к столовому кушанию, к которому иногда приглашал некоторых из бояр, самых уважаемых и близких...

После обеда государь ложился спать и обыкновенно почивал до вечерни часа три. В вечерню снова собирались во дворец бояре и прочие чины, в сопровождении которых царь выходил в верховую церковь к вечерне. После вечерни иногда тоже случались дела и собиралась Дума. Но обыкновенно все время после вечерни до ужина государь проводил уже в семействе или с самыми близкими людьми. Во время этого отдыха любимейшим занятием государя было чтение церковных книг, в особенности церковных историй, поучений, житий святых и тому подобных сказаний, а так же и летописей.

Оканчивая день после вечернего кушания, государь снова шел в Крестовую и точно так же, как и утром, молился около четверти часа...»

Подумайте, каким внутренним умиротворение, каким ясным и покойным сознанием смысла своего существования, пониманием своего долга нужно обладать для того, чтобы жить в таком одновременно неспешном и сурово-аскетическом ритме. Сколь глубокое религиозное чувство надо иметь, чтобы из года в год, из поколения в поколение поддерживать этот уклад, зримо являя собой народу пример благочестия и чинности, трудолюбия и сердечной набожности. Вера, являемая жизнью, вера опытная, неложная, глубокая — такова первооснова этого бытия. Так жила Россия, так жил и Русский Царь, соединяясь со своим народом связью самой глубинной и прочной из всех возможных...

Подобно государевым покоям, немногим отличался от крестьянского и царский стол. Блюда самые простые: ржаной хлеб, немного вина, овсяная брага, а иногда только коричная вода — украшали трапезу Алексея Михайловича. Но и этот стол никакого сравнения не имел с тем, который государь держал во время постов. Великим постом, например, царь обедал лишь три раза в неделю: в четверг, субботу и воскресенье, а в остальные

ные дни довольствовался куском черного хлеба с солью, соленым грибом или огурцом. Рыбу государь за время поста вкушал лишь дважды, строго соблюдая все семь постных седмиц.

«В Великий и Успеньев посты готовятся ествы: капуста сырая и гретая, грузди, рыжики соленые — сырые и гретые, и ягодные ествы, без масла — кроме Благовещеньева дня, и ест царь в те посты, в неделю (то есть в воскресенье. — *Прим. авт.*), во вторник, в четверг, в субботу по одиножды в день, а пьет квас, а в понедельник, и в среду, и в пятницу во все посты не ест и не пьет ничего, разве для своих и царицыных, и царевичевых, и царевниных именин», — сказывает современник Алексея Михайловича.

Государь имел ясное и твердое понятие о божественном происхождении царской власти и ее богоустановленном чине. «Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди Своя на востоке и на западе, на севере и на юге вправду»,— сказал он как-то князю Ромодановскому. В одном из писем советникам царь писал: «А мы, великий государь, ежедневно просим у Создателя... чтобы Господь Бог даровал нам, великому государю, и вам, боярям, с нами единодушно люди Его разсудити вправду, всем равно».

Понимание промыслительности бытия рождало в Алексее Михайловиче мировоззрение чинное и светлое, неспешное и внимательное к мелочам. «Хоть и мала вещь,— говаривал царь,— а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна,— никтоже зазрит, никтоже похулит, всякий похвалит, всякий прославит и удивится, что и малой вещи честь и чин и образец положены по мере. Без чина же всякая вещь не утвердится и не укрепится; безстройство же теряет дело и возставляет безделье». Как ни пожалеть, что нынешнее безблагодатное воззрение на мир лишило нас способности чувствовать сердцем ту великую вселенскую упорядоченность, ту стройную чинность и чистую гармонию бытия, которой так дивился Тишайший царь, которая возводит верующего человека к созерцаниям светлым и тихим, возвышенным и умиротворенным.

Вера, возносящая человека над суетой и смутой мирских передряг, и в скорби делала государя добрым утешителем и разумным советчиком. У князя Одоевского внезапно умер сын Михаил— в самом расцвете сил. Отец в то время был по делам в Казани. Царь сам, особым письмом известил его о горькой потере, присовокупив утешения, свидетельствующие о своей высокой духовной настроенности. Описав благочестивую кончину князя, который после причастия «как есть уснул; отнюдь рыдания не было, ни терзания», Алексей Михайлович присовокупил: «Радуйся и веселися, что Бог совсем свершил, изволил взять с милостию Своею; и ты принимай с радостию сию печаль, а не в кручину себе и не в оскорбление... Нельзя, чтоб не поскор-

беть и не прослезиться,— прослезиться надобно, да в меру, чтоб Бога наипаче не прогневать!..»

Были у царя, как и всякого человека, свои слабости. Хоть он и получил от современников прозвание Тишайшего[1], но бывал по временам весьма резок и вспыльчив. Осерчав на когонибудь, давал, случалось, царь волю и языку — награждая провинившегося нелестными эпитетами, и рукам — оделяя чувствительными тумаками. Впрочем, гнев царский был мимолетен и отходчив — частенько после вспышки Алексей Михайлович осыпал «пострадавшего» милостями, сам просил мира и слал богатые подарки, всемерно стараясь загладить размолвку.

При всем своем природном уме и богатой начитанности царь не любил споров, в отношениях с приближенными бывал податлив и слаб. Пользуясь его добротою, окружающие бояре своевольничали, порой забирая власть над тихим государем. В этом, пожалуй, кроется и разгадка драматических взаимоотношений царя с патриархом. Государь не нашел в себе сил противиться боярскому нажиму, а Никон не счел возможным подстраиваться под интересы знати, жертвуя — хотя бы и на время — законными интересами Церкви.

В исторических оценках минувших эпох людям свойственно проявлять максимализм и нетерпимость. С высоты прошедших столетий все кажется простым и ясным, соблазн поделить людей на «хороших» и «плохих», «наших» и «чужих» оказывается столь силен, что незаметно для себя живую и сложную историческую ткань русской жизни начинают безжалостно кроить и мять в угоду предвзятой, безжизненной схеме. Боль человеческой души, борьба духа с грешными, страстными порывами падшего человеческого естества, лежащая в основании всего человеческого бытия, оказываются при таком подходе совершенно вне поля зрения горе-исследователей.

Лишь обогатившись духовным опытом Церкви, познанием тайн, лежащих в основе жизни мятущегося и алчущего правды человеческого сердца, можно разорвать порочный круг «черно-белого» исторического сознания, приблизившись к пониманию его действительного, ненадуманного многоцветия. Вглядываясь в прошлое, возгреем в себе любовь и милость, покаяние и сочувствие — и оно отдаст нам свои секреты, увидев в нас друзей и продолжателей, а не прокуроров и судей.

Все это необходимо помнить особенно тогда, когда приступаешь к рассмотрению эпох переломных и неспокойных, исторических деятелей крупных и своеобразных. Царь Алексей Ми-

---

[1] Это лишний раз доказывает, как глубоко проникал народный взгляд в самую сущность явлений. Чутко уловив главное содержание характера государя— тишину и безмятежие его духовного мира, всепроникающую религиозную осмысленность жизни, народ именно эти черты отразил в прозвище царя, минуя, как несущественные частности, человеческие слабости Алексея Михайловича.

хайлович и патриарх Никон воплотили в себе характер и свойства той бурной эпохи. Вся она — с мятежностью Раскола и духовной высотой уходящей Московской Руси; с растущей державной мощью России и соблазнами нарушения симфонии властей; с проникающим в страну влиянием богоборческого Запада и народной приверженностью древним родным святыням — отразилась в двух этих незаурядных людях, как солнце отражается в малых каплях росы или дождя.

Россия вступала в период тяжелых духовных испытаний, соблазнов и скорбей, дарованных ей Господом как очистительное пламя, долженствующее в горниле своем родить чистое злато живой, трепетной веры — уже на век, до Страшного Суда назначенной сиять на Русской земле. Мы и нынче горим в этом огне — спасительном, но скорбном и жгучем. На пути нашей истории, в ее хитросплетениях и извивах привечает Господь трудников своих, готовых на терпение и на подвиг — каждый в меру своих сил — во славу Божию, на пользу Святой Руси. Таковыми трудниками явили себя царь Алексей и патриарх Никон — потому и помнит их Россия среди бесчисленных достойных сыновей своих.

ОБ АВТОРАХ ЭТОЙ КНИГИ

Иван Корнильевич ШУШЕРИН (ум. в 1693 г.). Родом новгородец, «из детска возраста возмужа при бедре Патриарха» <Никона>. Во время Собора (1666 г.) он «много зла претерпе». Во дни изгнания Патриарха он в «заточении сидя в Москве за разными стража три лета» (т. е. до 1670 г.). Шушерин сам рассказал, как его взяли под стражу. Дело было так. При въезде Патриарха в Москву Шушерин ехал верхом впереди патриарших саней с крестом в руках. При въезде в Кремль его остановили и объявили, что по царскому указу его велено взять под стражу. Он дал крест Патриарху. Стрельцы, взяв Шушерина «под обе пазухи», скорее понесли, чем повели. До 1670 г. он был в заточении, а потом в изгнании «на свою родину» в Новгород до 1681 г. С 1681 г. он заведовал церковным хозяйством (ризничною казною) дворцовой теремной церкви вплоть до своей смерти в 1693 г. «Известие о рождении и воспитании и о жизни Святейшего Никона Патриарха Московского и всея России» Шушерин начал писать, надо полагать, еще в изгнании, в Новгороде, а закончил в 1686 г., уже находясь в Москве. Свое сочинение подписал псевдонимом — Рипатов, обозначив свое имя, отчество и прозвание (фамилию) в форме загадки, основанной на числовом значении букв славянской азбуки.

Антон Владимирович КАРТАШЕВ (1875 — конец 1950-х гг.). Последний обер-прокурор Святейшего Синода, первый (и последний) министр исповеданий Временного правительства А. Ф. Керенского, магистр богословия. Автор книги по истории Русской Церкви.

Владимир Иванович МАЛЫШЕВ (ум. в 1976 г.). Ученый, сотрудник Пушкинского Дома АН, биограф протопопа Аввакума,

опиравшийся в своей работе на печатные материалы и найденные им самим документы.

Максимилиан Александрович ВОЛОШИН (1877 — 1932). Поэт, художник-акварелист. Лучшие произведения отмечены чувством природы, интересом к истории и месту человека в ней.

Виктор Михайлович ВАСИЛЕНКО (род. в 1905 г.). Поэт, доктор искусствоведения, профессор Московского университета. В 1940-х гг. был арестован и осужден по печально знаменитой 58-й ст. УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Стихотворение «Протопоп Аввакум» написано в лагере.

ИОАНН, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (1926 — 1995). В чем заключается высший смысл бытия Руси? Каково промыслительное предназначение русского народа? Что послужило причиной крушения Державы и нынешнего уничтожения страны? Об этом рассуждает один из авторитетнейших иерархов Русской Православной Церкви в своей книге «Самодержавие Духа», откуда взят очерк «Раскол как явление русского сознания».

Иван Егорович ЗАБЕЛИН (1820 — 1908/09). Историк, археолог, почетный член Петербургской АН, председатель Общества истории и древностей российских (1879 — 1888), руководитель Исторического музея в Москве. Автор трудов по истории быта русского народа XVI — XVIII вв., Истории Москвы.

Андрей Николаевич МУРАВЬЕВ (1806 — 1874). Духовный писатель, историк, церковный просветитель, известный своими книгами о путешествиях в Святую Землю и паломничествах по святым местам России. По словам Н. С. Лескова, Муравьев первым из светских людей «начал вещать о таких вопросах, которыми до него «светские» люди не интересовались и не умели за них тронуться».

Иван БРИЛЛИАНТОВ. К сожалению, составитель и издательство не смогли узнать о жизни и деятельности создателя одной из самых замечательных работ, посвященных Патриарху Никону, — Ивана Бриллиантова. Широта и глубина охвата материала, вобравшего в себя документы из архива Кирилло-Белозерского монастыря, приходно-расходные книги монастыря Ферапонтова, публикации Археографической комиссии, — без сомнения, свидетельствуют о незаурядности автора. Создатели книги будут благодарны всем, кто сообщит что-либо об Иване Бриллиантове.

Михаил Валерианович ЗЫЗЫКИН (1888 — 1960). Появился на свет в родовом имении Юркино Калязинского уезда Тверской губернии. По окончании юридического факультета Московского университета был оставлен в качестве приват-доцента

при этом же университете. В 1921 г. эвакуировался со своей семьей в Константинополь, а оттуда в Рим, где и проживал вплоть до своего отъезда в Болгарию. Преподавал в Софийском университете. В 1929 г. профессор был приглашен на православный богословский факультет в Варшаву, созданный для православных меньшинств Восточной Польши. Там он занимал кафедры православной социологии и канонического права. На этом посту профессор оставался вплоть до начала второй мировой войны, после которой вся семья переехала в Аргентину, где М. В. Зызыкин и скончался в 1960 г.

Будучи в Болгарии, он написал свой первый труд «О царской власти и законе о престолонаследии в России», а затем в Польше вышли его труды, из которых самый актуальный и важный — «Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи» (в трех томах), а также «Тайны Императора Александра Первого» (один том), повествующий о старце Феодоре Кузьмиче.

Сергей Александрович ЗЕНЬКОВСКИЙ (1907 — 1990). Крупнейший славист. Специалист по истории духовной культуры России. Автор перевода на английский язык «Жития» протопопа Аввакума. Представитель первой волны русской эмиграции.

Текст об учении отцов пустозерских и протопопа Аввакума, вошедший в эту книгу, является одной из глав знаменитого труда С. А. Зеньковского о духовном движении семнадцатого века — «Русское старообрядчество».

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ (1814 — 1841). Великий русский поэт, пророк. Стихотворение «В Воскресенске» написано в 1830 г. у стен Никоновой обители в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, что в 37 верстах от Москвы.

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. ДЕСЯТНИКОВ. Две жизни 9

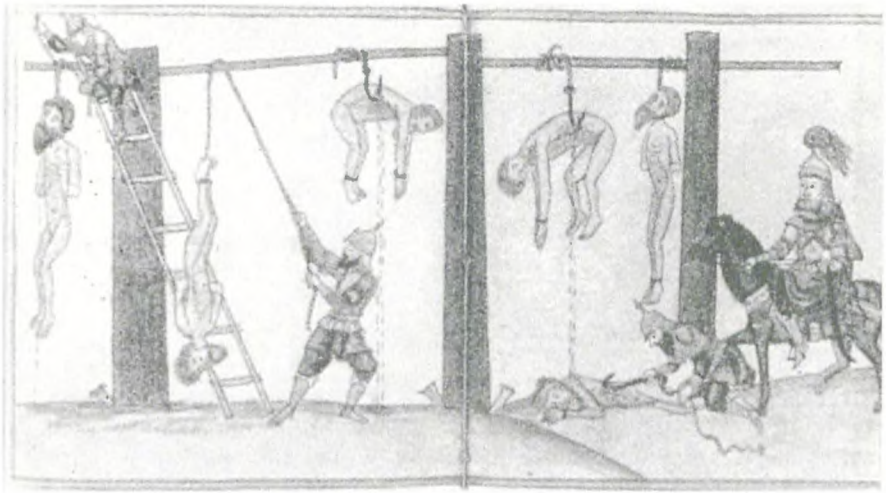
ПАТРИАРХ НИКОН

И.К. ШУШЕРИН. Извещение о рождении и воспитании и о житии Святейшего Патриарха Никона 13
И.Е. ЗАБЕЛИН. Патриарх Никон в Кремле 107
А.Н. МУРАВЬЕВ. Новый Иерусалим 119
И. БРИЛЛИНТОВ. Патриарх Никон в заточении на Белоозере 135
М.В. ЗЫЗЫКИН. Строитель Святой Руси 217
Соловей в Иверском монастыре 238
М.Ю. ЛЕРМОНТОВ. <В Воскресенске> 241

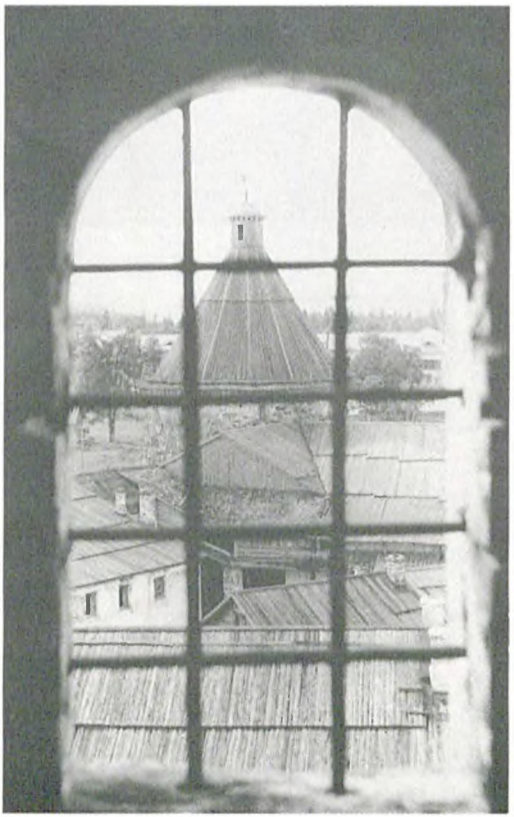
ПРОТОПОП АВВАКУМ

Житие протопопа Аввакума 245
Челобитная протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу 291
Челобитная протопопа Аввакума царю Федору Алексеевичу 297
С. А. ЗЕНЬКОВСКИЙ. Учение отцов пустозерских: протопоп Аввакум 299
А.В. КАРТАШЕВ. Начало особой истории старообрядческого раскола 333
В.И. МАЛЫШЕВ. Летопись жизни протопопа Аввакума 343
В. М. ВАСИЛЕНКО. Протопоп Аввакум 367
М. А. ВОЛОШИН. Протопоп Аввакум 369
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский ИОАНН. Дом, разделившийся сам в себе, не устоит (Раскол как явление русского самосознания) 387
Об авторах этой книги 411

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Расправа над восставшими

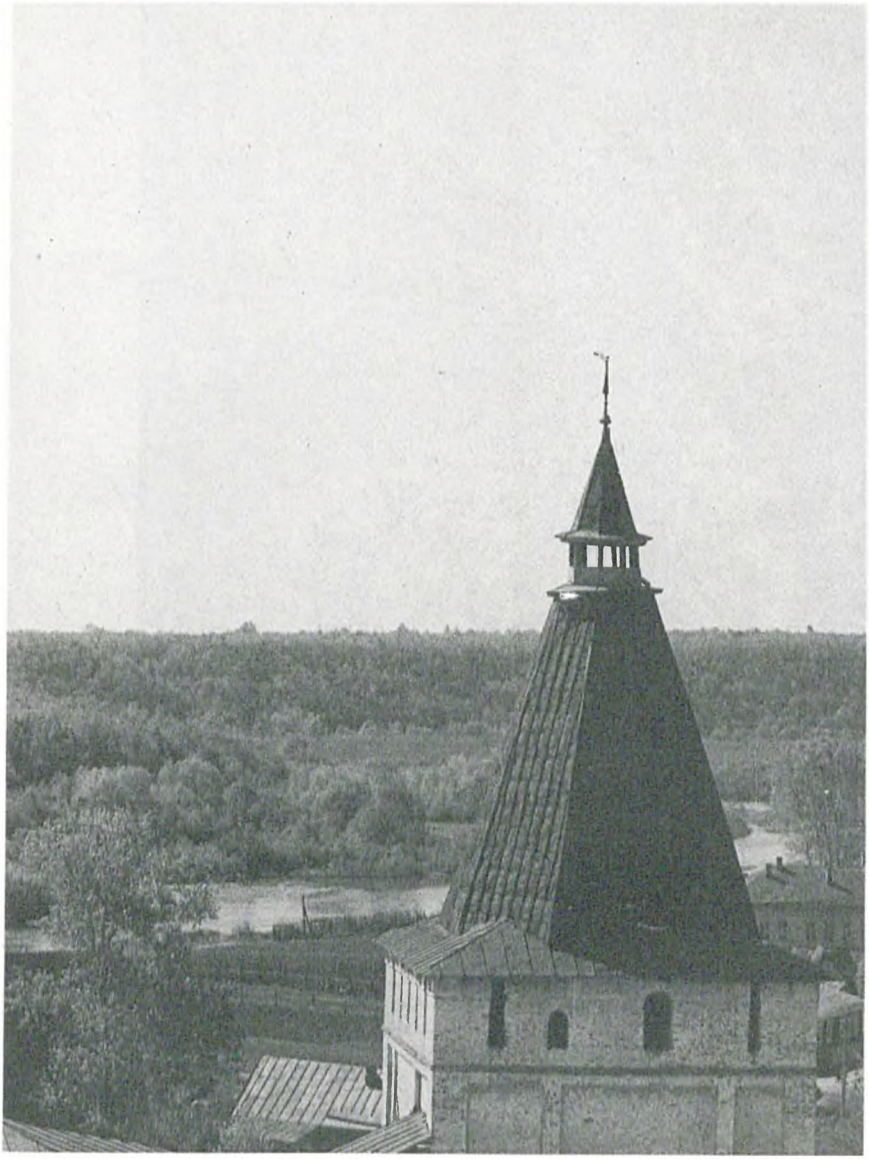


Соловецкая тюрьма и в старое и в новое время не пустовала. В XX в. здесь был печально знаменитый СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения) — одно из подразделений ГУЛАГа

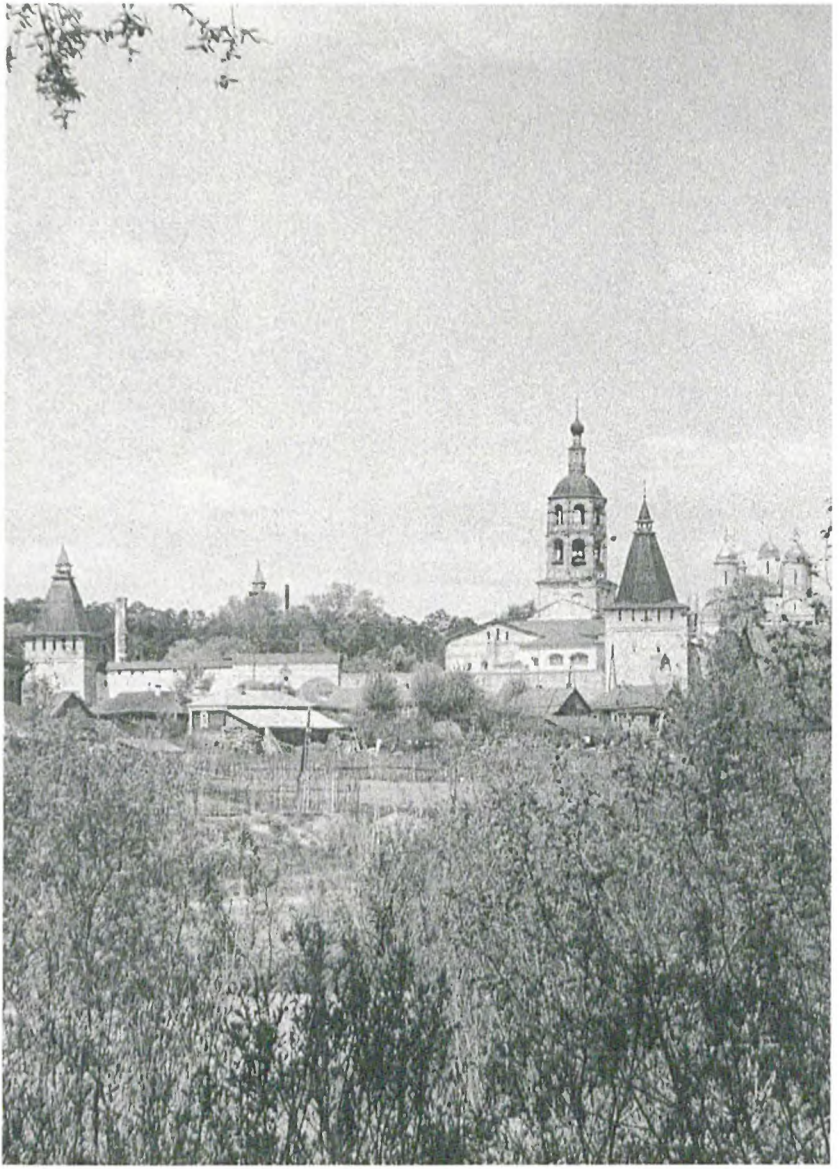
Соловецкий монастырь в 1668—1676 гг. был оплотом старообрядческого восстания на Русском Севере

Взятие Соловецкого монастыря правительственными войсками. 22 января 1676 г.

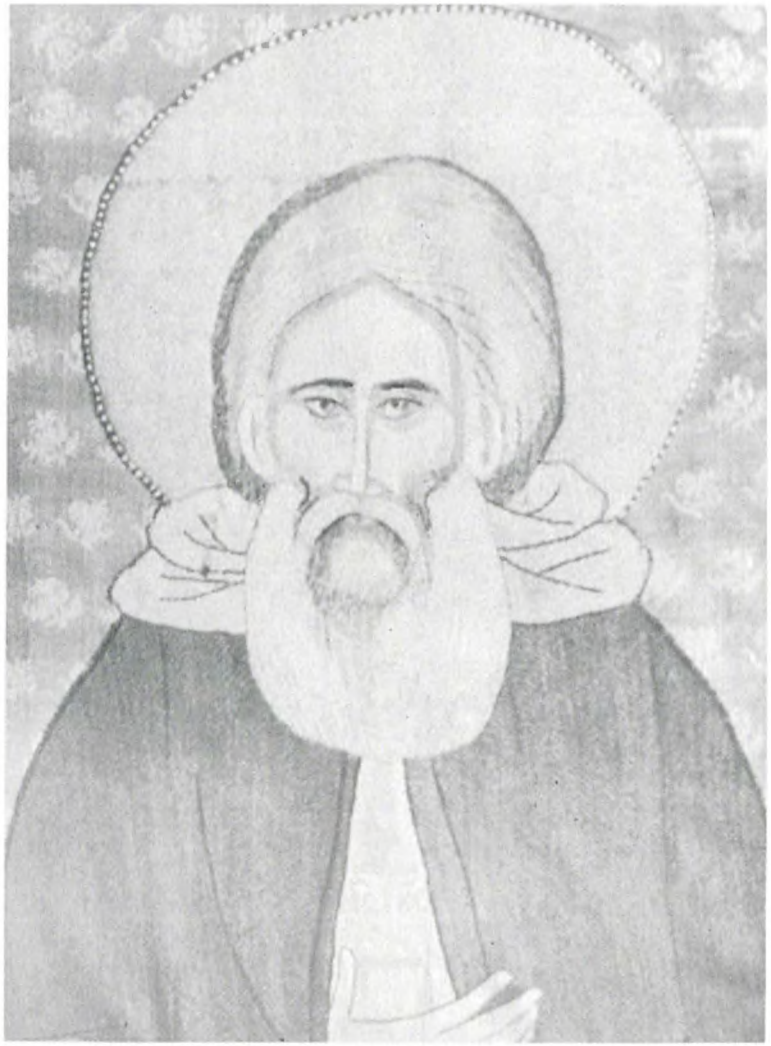
Новодевичий монастырь в Москве —
место заточения Софьи Алексеевны



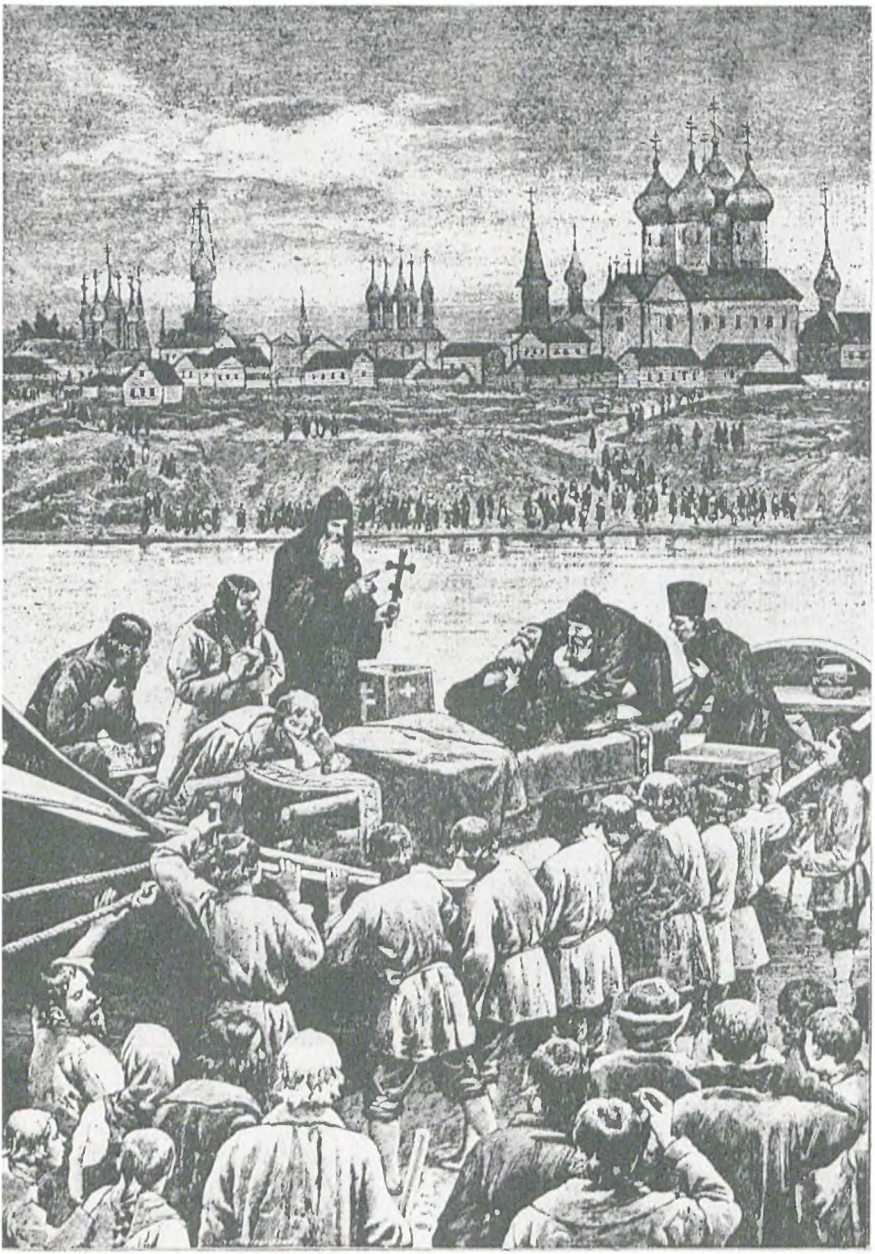
Андроников Спаса Нерукотворного образа мужской монастырь в Москве



Пафнутьев — Боровский монастырь (Калужская обл.)
Основные постройки — XVI—XVII вв.



**Преподобный Сергий Радонежский,
всея России Чудотворец (1319—1392),
почитаемый как новообрядцами, так и старообрядцами**



Кончина Патриарха Никона 17 августа 1681 г.
На реке Которосли в Ярославле

Стены и башни Нового города в Кириллове.
Сооружены в 1653—1682 гг. по указанию Алексея Михайловича

Ангел Господень (XVII в.), охраняющий вход в Кирилло-Белозерский монастырь

Кириллов.
Больничная церковь Евфимия.
1653 г.

Кириллов.
Башня Старого города.
XVI в.

Фрески Рождественского собора работы Дионисия с сыновьями. 1500—1502 гг.

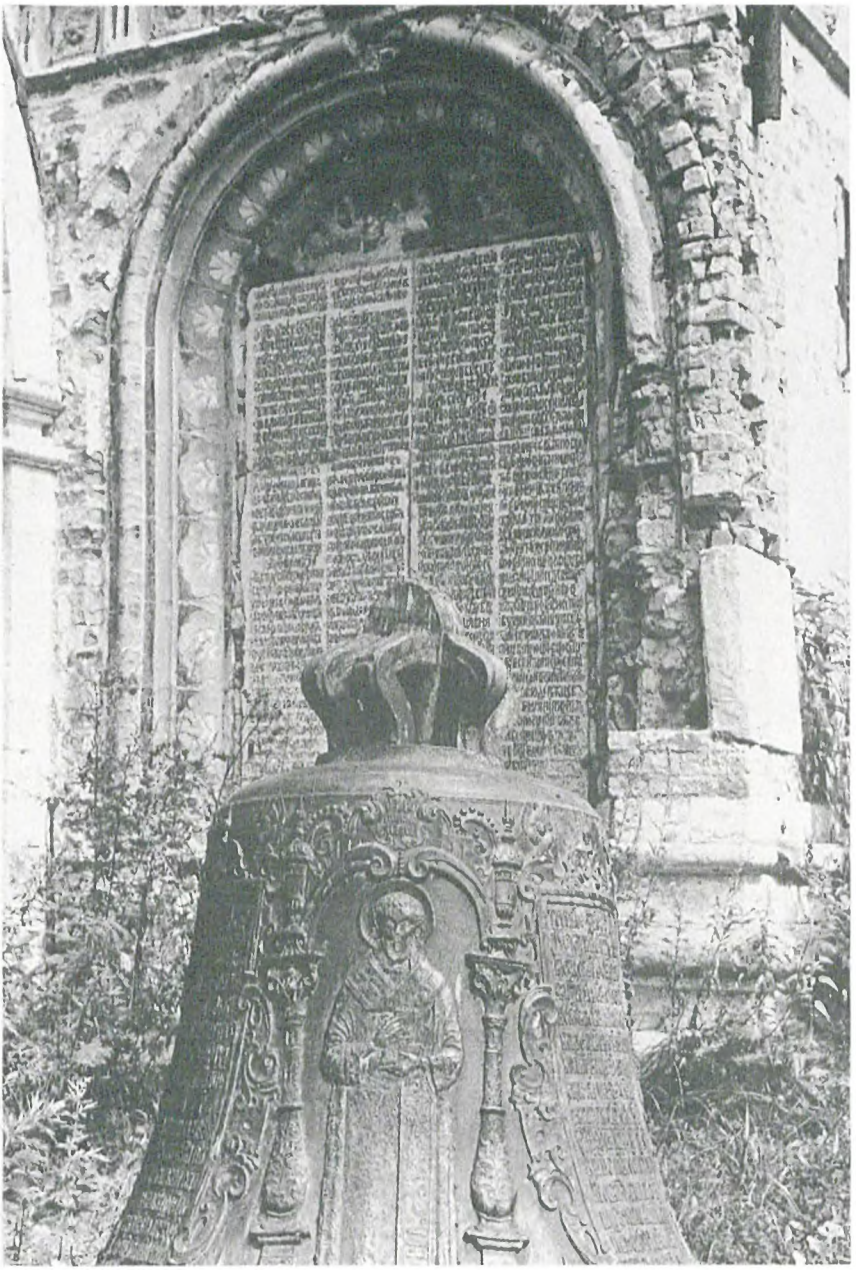
Собор Рождества Богородицы Ферапонтовского монастыря

Ферапонтово. Колокольня Рождественского собора

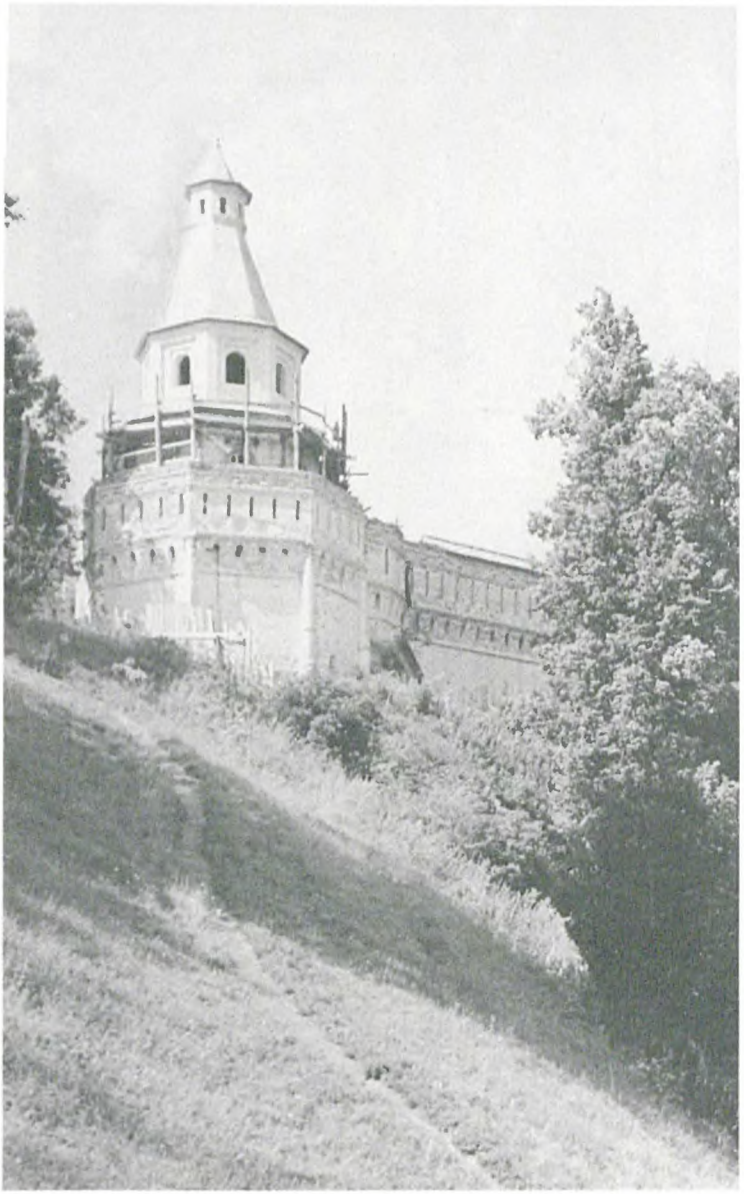
Ферапонтово. Святые ворота

Ростовский митрополит
Иона Сысоевич

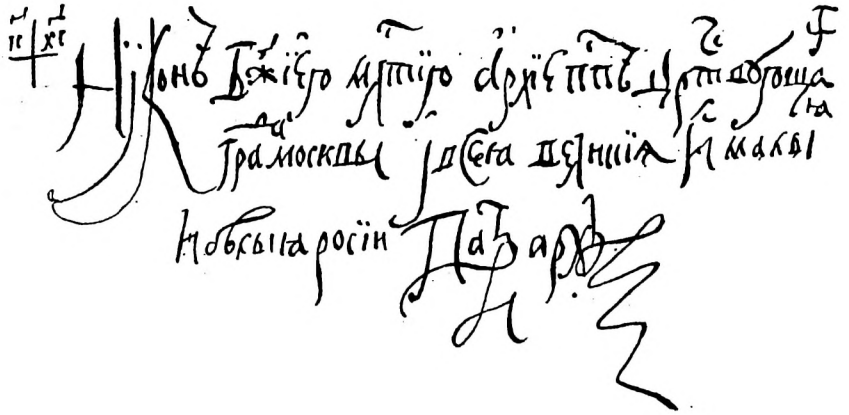
Ростовский кремль. Вид с юга



Колокол с колокольни Новоиерусалимского монастыря

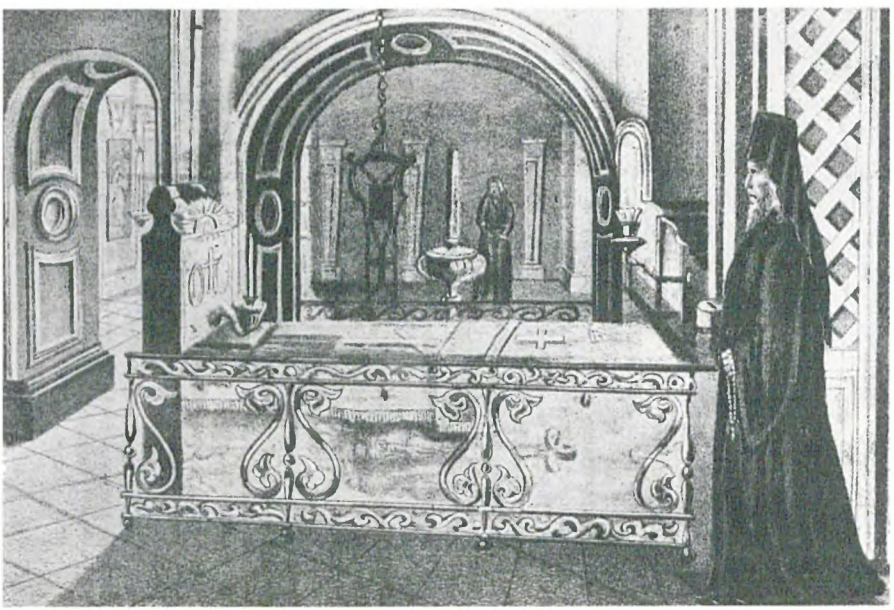


Дамасская башня Новоиерусалимского монастыря.
Конец XVII в.

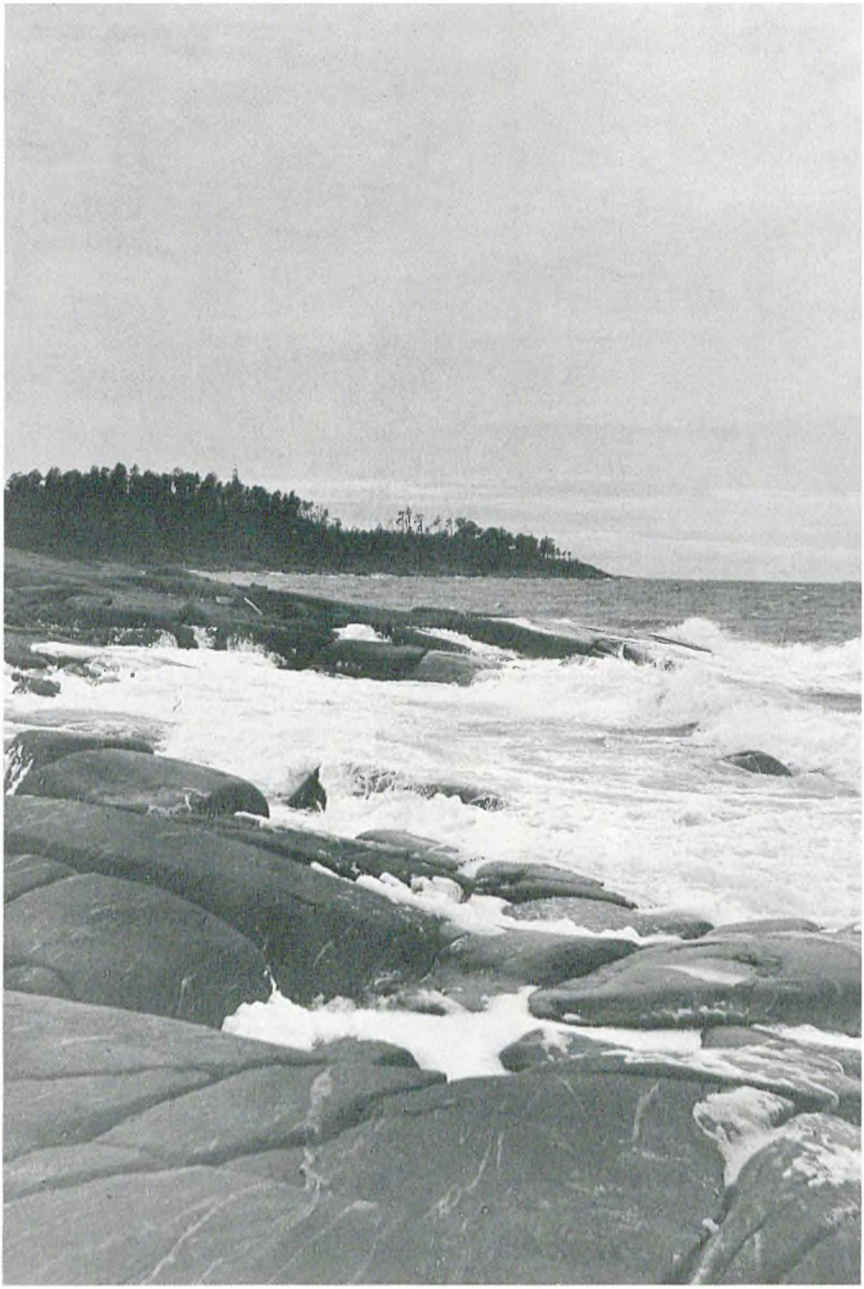


Собственноручная подпись Патриарха Никона

Гробница Патриарха Никона



Кийский обетный крест с предстоящими.
Картина XVII в.



На Кий-острове

Впереди — Кий-остров

Собор Кийского монастыря

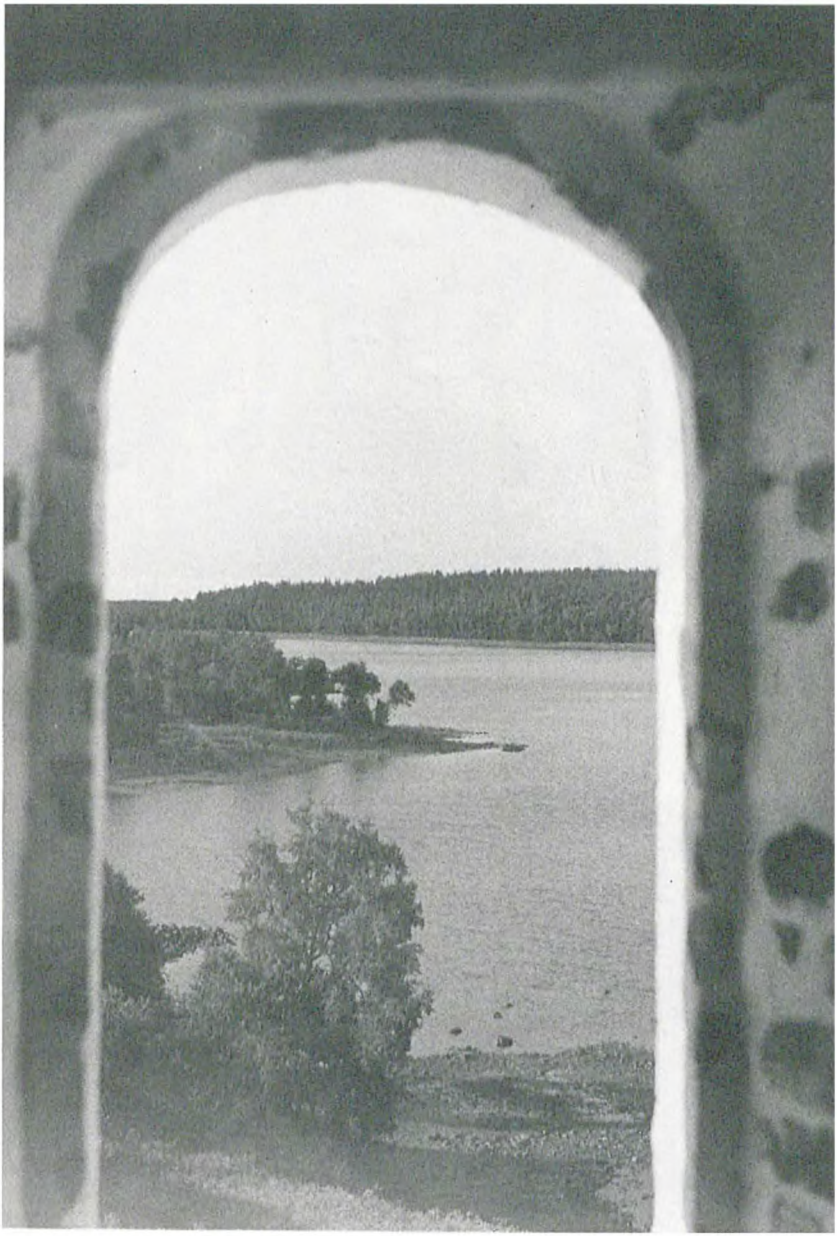
Дворец Алексея Михайловича в Коломенском

Ризположенская церковь
Московского Кремля

Конный портрет
царя Алексея Михайловича

Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович

Софийский собор в Новгороде



Голгофский скит на Анзере

Остров Анзер

Соловки. Белая ночь.
Никольская башня

Двор Соловецкого монастыря

Патриарх Никон (1605—1681)

Петр I (1672—1725)

**Стефан Яворский (1658—1722) —
местоблюститель патриаршего престола
(1700—1721), затем обер-прокурор Святейшего Синода**

Св. Дмитрий, митрополит Ростовский (1651—1709) — составитель новой редакции «Четьей-Миней», автор антираскольничьих сочинений

Симеон Полоцкий (1629—1680) — воспитатель царских детей; полемизировал с деятелями Раскола

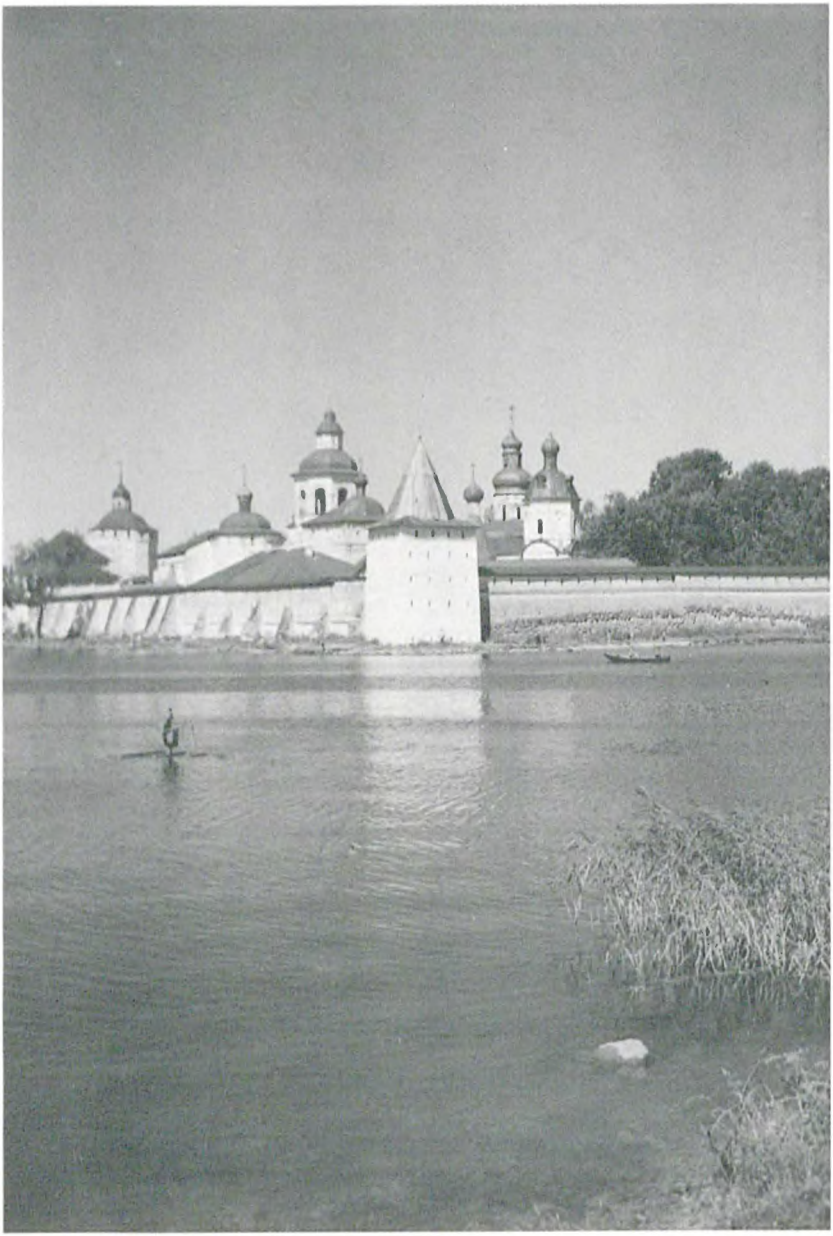
Царевна Софья Алексеевна (1657—1704)

Царь Алексей Михайлович (1629—1676)

Царь Федор Алексеевич (1661—1682)

Протопоп Аввакум (1620—1682). Икона XVIII в.

Белокаменный крест (XVII в.) из Кирилло-Белозерского монастыря



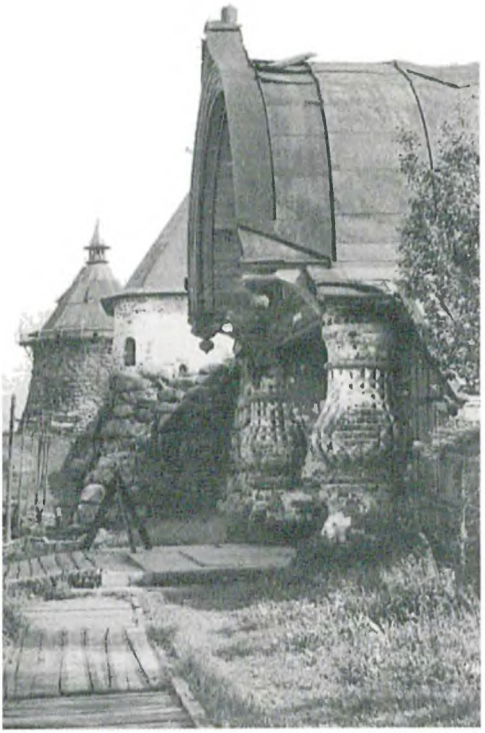
Кирилло-Белозерский монастырь.
Стены и башни Старого города. XVI в.

Ростов Великий. Кремль. Западные ворота.
Конец XVII в.

Скит Патриарха Никона в Новом Иерусалиме

Патриарх Никон с клиром.
Картина XVII в.

Соловки. Святые ворота



Поваренная башня

ББК 84Р7-4
П 20

Патриарх Никон — Протопоп Аввакум:
П 20 Сборник/Сост. Десятников В. А. — М.: Новатор, 1997. 416 с.; ил. — 32 с.
(«Российские судьбы» — «РОСС»).

ISBN 5-7898-0005-X
ISBN 5-7898-0029-7

Книга о строителе Нового Иерусалима — горнего рая на земле — Святейшем Патриархе Никоне и непреклонном его духовном противоборце, блюстителе старой веры протопопе Аввакуме, сожженном заживо и прозванном Огнепальным.

В книге уникальные фотографии, исполненные и подготовленные к печати составителем этой книги — заслуженным деятелем искусств России В. А. Десятниковым.

П 0503020200 Без объявл. ББК 84Р7-4

ISBN 5-7898-0005-X
ISBN 5-7898-0029-7

© Название и состав серии. Новатор, 1997

© В. А. Десятников. Составление тома. Фото-иллюстрации, 1997

© Кауфман В. Я. Разработка оформления серии, 1997